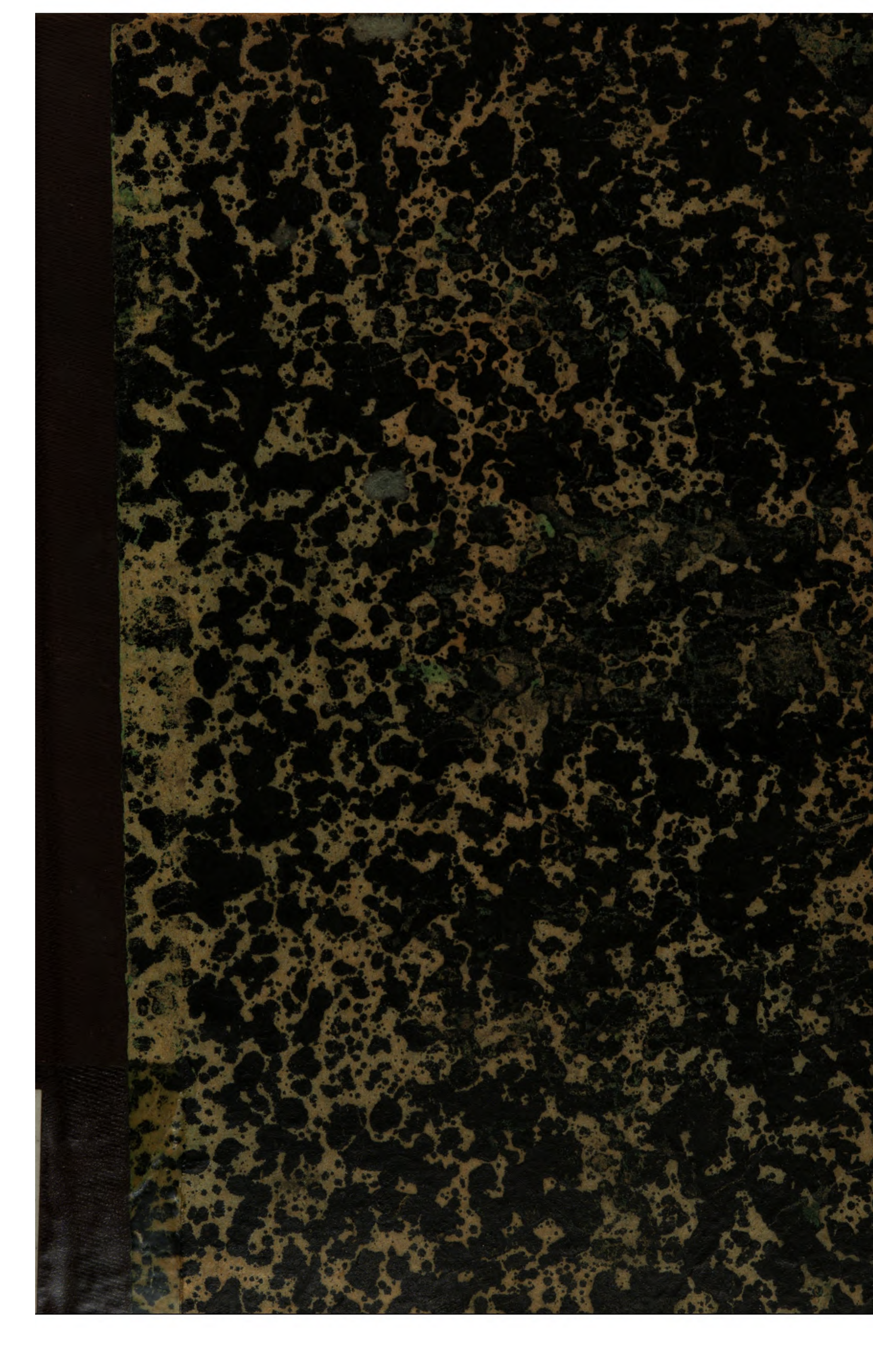
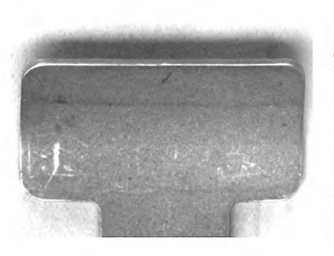
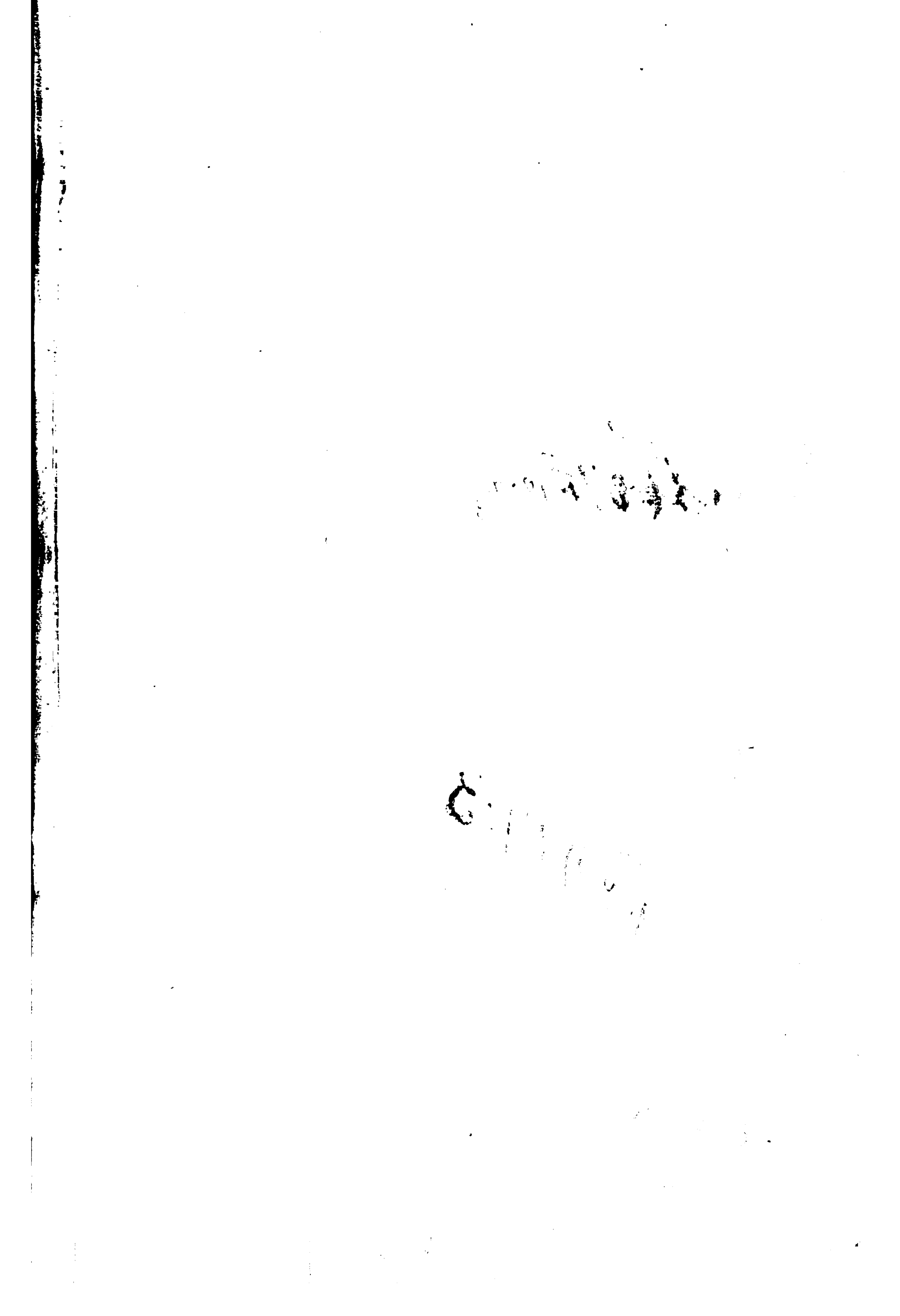






ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VI-й г. изд. **МІРЪ БОЖІЙ.** VI-й г. изд.

Выходитъ 1 числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ 25 листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. Беллетристика. ОРИГИНАЛЬНАЯ: стихотворенія гг. Бальмонта, Ладыженскаго, Минскаго, П. Я., О. Чюминой и др.; «Живая жизнь», общественно-бытовой романъ въ трехъ частяхъ **И. Потапенко**; «Школяры», очеркъ **В. Дмитріевой**; «Изъ захолустной жизни», разсказъ **Л. Хлопова**; «Жертва вогула», очеркъ **П. Инфантьева**; «Намаялся», разсказъ **Н. Быстренина**; разсказы и очерки постоянныхъ сотрудниковъ журнала гг. Ев. Чирикова, Ульянова, Сѣрошевскаго, Савихина, г-жи Ю. Безродной, и др. ПЕРЕВОДНАЯ: «Переломъ», соціальный романъ изъ жизни современной Англіи въ переводѣ **Л. Давыдовой**; «Записки философа», **Роберта Гранта**, бытовые очерки изъ американской жизни; «Злой духъ», психологическій романъ **Іонаса Ли**, перев. съ норвежскаго **В. Фирсова**; «Данаиды», разсказъ **Эрнеста Вильденбруха**; «Узы», разсказъ **Э. Ожешко**; разсказы, очерки и повѣсти Ст. Жеромскаго, Б. Пруса, Киплинга, Ахо, Бурже и др

Отдѣлъ II. Научныя сочиненія и статьи. ОРИГИНАЛЬНЫЯ— ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ: «Дыханіе и жизнь», проф. **Бородина**; «Отправленіе и организація», проф. **Брандта**; «Алхимія и алхимики», прив.-доц. **Володкевича**; «Низкія температуры и ихъ значеніе въ наукѣ и техникѣ», **В. Агафонова**; «Эфиръ и спектръ»; **В. Агафонова**. ПО ЭТНОГРАФІИ: «Бытъ уральскихъ казаковъ», **Гр. Потанина**; «Изъ путешествія по Китаю», горн. инж. **В. Обручева**: «Поѣздка къ чукчамъ», **П. Гедеонова**; «Добрые обычаи и нравы», **Ф. Щербины**. ПО ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ: «Общество, государство, культура въ XVI в. на Западѣ», проф. **Виппера**; «Основныя гарантіи правосудія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II», **Гр. Джаншіева**; «Очерки изъ исторіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ XIX вѣка», проф. **С. Ѳ. Фортунатова**. ПО ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКѢ: «Шекспиръ и Бѣлинскій», монографія проф. **Стороженко**; «Глѣбъ Успенскій», критическій этюдъ **Ив. Иванова**; «Исторія русской критики», **Ив. Иванова**; «Хвощинская (Вс. Крестовскій псевд.)», по неизданнымъ матеріаламъ и личнымъ воспоминаніямъ **М. Цебриковой**; «Эпосъ умирающаго языка», **Вѣры Джонстонъ (Желиховской)**; «Новѣйшіе финскіе писатели», критическій этюдъ **В. Фирсова**. ПО СОЦІОЛОГІИ: «Факторы общественнаго развитія» (къ анализу экономическаго матеріализма), соціологическіе очерки Людвига Кживицкаго; «Прогрессъ и бѣдность», **Б. Эфруси**; «Развитіе представительныхъ учрежденій», по Кауцкому **Л. Давыдовой**; «Рабочія кооперации въ Бельгіи», **Лид. К.** «Союзы труда въ Англіи» по Сидней Веббу **Л. Давыдовой**. ПО ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ: «Къ ученію матеріализма» (отвѣтъ моимъ оппонентамъ), прив.-доц. **Челпанова**; «Свобода воли», прив.-доц. **Челпанова**; «Энергетика (новый взглядъ на ученіе матеріализма), прив.-доц. **Гольдштейна**; «Безсмертіе» (о вѣчности жизни съ

точки зрѣнія современной біологіи), прив.-доц. Гольдштейна; «Объ измѣреніи психическихъ явленій», проф. Оршанскаго. ПУБЛИЦИСТИКА: «Голосъ провинціи въ вопросѣ о распространеніи университетскаго образованія въ Россіи» В. Сторожева; «Новыя женщины въ современной литературѣ», по Л. Гижицкой. Л. Давыдовой; «Изъ скандинавской жизни», М. Лучицкой; «Изъ культурной жизни мелкихъ народностей», очерки Л. Василевскаго; «Образованіе во Франціи», М. Б.; «Образованіе въ Швейцаріи», В. Агафонова; «Новый типъ американскаго университета» (Чикагскій университетъ), Тверскаго; «Отношеніе французскаго общества къ политикѣ», Н. В. Водовозова; «Изъ быта русскихъ студентовъ заграницей», Коврова и проч.

Переводныя и компилятивныя. «Исторія религіозныхъ воззрѣній въ древнемъ мірѣ», составленная по спеціальнымъ работамъ различныхъ иностранныхъ ученыхъ, подъ редакціей В. В. Лесевича; «Исторія естествознанія въ очеркахъ и картинахъ», д-ра Данемана, перев. прив.-доц. М. Гольдштейна; «Табориты», очеркъ изъ соціальной жизни Богеміи XVI в. К. Каудкаго, перев. Л. Давыдовой; «Развитіе профессій», Спенсера, перев. съ англ. Т. Криль; «Введеніе въ Греціи и Римѣ политическаго строя», Моргана, перев. Шоуеръ; «Новалисъ», Карлейля; «Личность и идеи Гюйо объ эстетикѣ и этикѣ», Альфреда Фулье; подъ редакціей Л. Оболенскаго; статьи изъ текущей журналистики по различнымъ отраслямъ наукъ въ переводѣ постоянныхъ сотрудниковъ журнала г-жъ Л. Давыдовой, Э. Пименовой, Т. Криль, гг. Агафонова, Гольдштейна, Никольскаго, Пятницкаго и др.

Отдѣлъ III. Научная хроника. Желая предоставить читателямъ возможность слѣдить за современнымъ развитіемъ науки и техники, редакція нашла необходимымъ завести особый отдѣлъ—«НАУЧНАЯ ХРОНИКА», въ которомъ читатели найдутъ, въ общедоступномъ и легкомъ изложеніи, свѣдѣнія о современныхъ открытіяхъ, изслѣдованіяхъ и путешествіяхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Веденіе отдѣла принялъ на себя прив.-доц. спб. университета М. Ю. Гольдштейнъ.

Отдѣлъ IV. Разныя разности. Этотъ отдѣлъ распадается на два: «Русская жизнь» и «Иностранная жизнь». Въ первомъ помѣщаются свѣдѣнія о наиболѣе интересныхъ выдающихся событіяхъ изъ жизни нашей родины. Дополненіемъ къ нему служитъ сжатое изложеніе статей, заслуживающихъ особаго вниманія, изъ русскихъ журналовъ. Во второмъ помѣщаются такія же свѣдѣнія о жизни западно-европейскихъ и другихъ народовъ. Дополненіемъ къ нему служитъ пересказъ статей, особенно интересныхъ, изъ лучшихъ иностранныхъ журналовъ. Такимъ образомъ, читатели, не имѣющіе возможности слѣдить изо дня въ день за текущей жизнью по газетамъ и журналамъ, могутъ все-таки изъ этого отдѣла «Разныя разности» составить себѣ болѣе или менѣе полное представленіе объ общественной и интеллектуальной жизни нашей родины и за ея предѣлами. Источниками для составленія этого отдѣла служатъ многочисленныя русскія и иностранныя повременныя изданія.

Отдѣлъ V. Критическія замѣтки. Очерки выдающихся произведеній русской и переводной литературы.

Отдѣлъ VI. Библіографія. Въ виду цѣлей самообразованія, на библіографію въ журналѣ «МІРЪ БОЖІЙ» обращено особое вниманіе. Книги располагаются по спеціальностямъ, причемъ обзоръ ихъ составляется спеціалистами по каждой отрасли наукъ. Кромѣ разбора вновь выходящихъ сочиненій, дается, по возможности, указатель для литературы даннаго вопроса. Въ цѣляхъ большей полноты и систематизаціи, съ будущаго года выдѣляются всѣ иностранныя сочиненія въ особый отдѣлъ—«ИЗЪ МІРА СТАРОЙ КУЛЬТУРЫ», критическій подробный разборъ болѣе важныхъ трудовъ иностранныхъ писателей, причемъ предполагается обращать вниманіе, главнымъ образомъ, на сочиненія, имѣющія культурно-общественное значеніе.— НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, входящія въ отдѣлъ библіографіи, какъ самостоятельная часть, составляются по лучшимъ библіографическимъ иностраннымъ изданіямъ, давая сжатые отзывы о важнѣйшихъ, появляющихся заграницей новыхъ книгахъ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой 7 руб.; безъ доставки 6 руб., за границу 10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи, Литовка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ столичныхъ и провинціальныхъ магазинахъ. Черезъ магазины подписка съ разсрочкой не принимается. Магазины могутъ удерживать въ свою пользу 5% съ подписной суммы. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ четыре руб. и остальные три руб. къ 1-му іюля. Полугодовой подписки нѣтъ. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ся исторіей, этнографіей и географіей, а также на сообщеніе разнаго рода свѣдѣній изъ міра научныхъ изобрѣтеній и открытій, которыя будутъ излагаться въ простой формѣ, вполнѣ доступной для дѣтскаго пониманія. Ближайшее участіе въ редакціи принимаетъ извѣстная писательница для дѣтей А. Н. Анненская.

Въ журналѣ «ВСХОДЫ» помѣщается ежемѣсячно: 1) отдѣлъ для маленькихъ дѣтей и 2) для родителей—критическій указатель дѣтской литературы.

Кромѣ того, подписчики получатъ книгу беллетристическаго или научно-популярнаго содержанія, въ видѣ безплатнаго приложенія.

Въ 1896 геду было напечатано:

I. Въ №№ журнала, выходящихъ въ 1-хъ числахъ каждаго мѣсяца: 1) **Беллетристика:** Пожаръ на кораблѣ — *К. Станюковича*, Ужасный случай—*Мамина-Сибиряна*, Фрося и Пестрянка—*В. Михеева*, Смиренные—*А. Коваленской*, Милосердіе—*Л. Черскаго*, Неро—*Алтаева*, Удачный выстрѣлъ—*В. Родича*, Сироты—*А. Смирновой*, Нелло и Патрашъ — *Уйда*, Проклятое золото — *Бернета Филлау*, Бѣглецы — *Клярсси*, Бѣлка—*А. Терье*, Отецъ-Наркисосъ—*Бекеласа*, Отецъ и сынъ—*Беннета*, и др.

II. **Историческіе разсказы, очерки, біографіи.** Очерки изъ жизни средневѣковой Европы—*А. Анненской*: 1) Изгнанникъ, 2) Изъ монастыря въ лагерь, 3) Рыцарь бѣлой розы, 4) Найденышъ. Прежде и теперь—*Д. Коропчевскаго*, очерки домашней жизни въ старое и наше время: 1) жилища, 2) мебель и утварь. Невольники въ Америкѣ (Памяти Гарріетъ Бичеръ Стоу)—*И. Петрова*. Избраніе на царство перваго государя изъ дома Романовыхъ. Сапожникъ-миссіонеръ—біографическій очеркъ *Л. Давыдовой*, Другъ дѣтей Гейнрихъ Песталоцци—*А. Анненской*, Карлъ Линней—*А. Нечаева*, и друг,

III. **Географія и этнографія.** Ѣзда на собакахъ въ Сибири—*В. Сѣрошевскаго*, Въ Пескахъ—*А. Ивашкевичъ*, Очерки изъ жизни и исторіи земли—*А. Нечаева*: 1) Черные бриллiанты подземнаго царства. 2) Соляное царство. 3) Добываніе кристалловъ. 4) Жертвы подземнаго огня. 5) Подземные дворцы.

IV. **Естествознаніе.** Птичьи гнѣзда—д-ра зоологіи *А. Никольскаго*. Разсказы изъ жизни животныхъ—*Поля Бера*. Составлено по запискамъ путешественниковъ. Зоологическій садъ зимой: Орелъ-Чеглока. Первая охота на оленя. Устройство садика—*Е. Симоновой*.

V. **На родинѣ и по чужимъ краямъ.** Полярная экспедиція Нансена.—Экспедиція Андрэ.—Восхожденіе на Эльбрусъ.—Ураганъ въ С.-Луи.—Священное дерево.—Замѣчательная обезьяна.—Ручная бабочка.—Несгораемое дерево.—Движущаяся гора.—Переполохъ въ Мадридѣ.—Оживленныя картины.—Поѣздъ желѣзной дороги, остановленный улитками.

Въ книжкахъ, выходящихъ 15-го числа каждаго мѣсяца и содержащихъ одно законченное произведеніе, было напечатано слѣдующее: Голодовка у сѣвернаго полюса, эпизодъ изъ одной научной экспедиціи. По Фонвізелю—*Э. Пименовой*. Въ странѣ Чудесъ, путешествіе по Индіи—*П. Маеля*. Среди австралійскихъ дикарей, путешествіе Лумгольца—излож. *Э. Пименовой*. На южномъ берегу Крыма—*М. Юрьевой*. За правое дѣло—Повѣсть изъ средневѣковой жизни. Коломба. Воспоминанія одного американскаго школьника—*Т. Белей-Ольдрича*. Исторія одного мальчика—*Альфонса Доде*, передѣлано авторомъ для дѣтей, въ 2 томахъ. Клегъ Келли. Романъ *С. Крокеттъ*, въ передѣлкѣ для дѣтей *А. Анненской* въ 2 т.

Въ отдѣлѣ для младшихъ братьевъ и сестеръ было напечатано между прочимъ: Моя первая елка—*А. Анненской*. Аленушкина сказка.—*Д. Мамина-Сибиряка*, Финиковый садъ въ пустынѣ—*Вагнера*. Рыбьи гнѣзда—*Л. Давыдовой*. Вовка—*Алтаева*. Мишукъ—*Р-ва*. Изъ жизни въ лѣсу. Бѣлка. Ежи въ нашемъ саду. Разсказы *Быковой* и пр.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ и по той же программѣ, какъ въ 1896 году.

Цѣна 5 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи, за границу **8** рублей. **Разсрочка допускается слѣдующая: 3** рубля при подпискѣ и **2** рубля къ 1-му мая.

Безплатное приложеніе получаютъ только тѣ подписчики, **которые уплатили подписную плату полностью.**

Адресъ: **С.-Петербургъ, Лиговка, 25, кв. 5, въ редакціи журнала «МІРЪ БОЖІЙ».**

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать 20 к. съ каждаго экземпляра. Разсрочка черезъ книжные магазины не допускается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ П. Голяховскій.

Годъ VI-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою 25-го февраля 1897 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

*(Продолженіе *).*

VII.

Они ѣхали по пустынной дорогѣ; все болѣе и болѣе удаляясь отъ воды, въ этихъ мѣстахъ разлитой щедро, почти расточительно, они, по мѣрѣ того, какъ солнце подымалось выше, начинали чувствовать себя такъ, какъ будто вступали въ какую-то огневую область.

— Неужели и подъ экваторомъ также жарко? спрашивалъ Лозовскій, стараясь вышучивать непріятности путешествія.

По обѣ стороны дороги все желто. Большая часть хлѣба сгорѣла уже теперь, не успѣвъ выпустить колосъ.

Крестьяне съ лошадьми и волами попадались изрѣдка. Они возились съ серпомъ или съ косой и имѣли видъ какихъ-то приговоренныхъ.

— Что за неблагодарная борьба!—восклицалъ Лозовскій, глядя по сторонамъ.—И стоитъ ли изъ за такихъ пустяковъ тянуть эту лямку? Много ли они соберутъ?

Съ дороги подымалась пыль, которая залѣзала въ глаза и уши и трещала на зубахъ. Пробовали спрятаться, поднявъ верхъ экипажа, но оказалось, что тамъ такъ душно, что нечѣмъ было дышать. Надъ ними висѣло свѣтло-голубое небо съ зеленоватымъ оттѣнкомъ; воздухъ былъ раскаленъ, нигдѣ по пути не попадалось ни рѣченки, ни озера, ни деревни. Во всѣ стороны—ровная степь и небо.

На полдорогѣ они остановились въ большомъ селѣ, тоже безводномъ. Имъ пришлось утолить жажду колодезной водой съ солоноватымъ вкусомъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

— Вѣдь это—страданіе!—замѣтилъ по этому поводу Лозовскій.—Жить такой жизнью, въ чемъ тутъ наслажденіе, не пойму. А между тѣмъ люди цѣнятъ и это. Попробуйте лишить ихъ этого сомнительнаго блага, и они почувствуютъ себя несчастными.

Потомъ опять потянулась безконечная дорога. Изрѣдка на встрѣчу попадались возы. Мужики съ апатичнымъ видомъ помахивали кнутами и лѣниво приподымали шапку.

— А долго еще?—спросили они у кучера.

— Нѣтъ, самое пустое осталось!—меланхолически отвѣтилъ кучеръ. Но онъ говорилъ это съ утра; ему все казалось, что осталось самое пустое.

Наконецъ, показалось большое село. Прежде всего вынырнула церковь, потомъ длинное каменное зданіе торговыхъ рядовъ. Затѣмъ разныя точки стали обозначаться длинными столбами, съ столь же длинными, лежащими наискось, на порядочной высотѣ, перекладинами, которыя качались сверху внизъ и снизу вверхъ, это—журавли; посредствомъ ихъ достаютъ изъ колодца воду. А затѣмъ появилось на ровномъ возвышенномъ мѣстѣ и все село. Глѣбу странно было видѣть такое населенное мѣсто, какъ бы брошенное среди поля, окруженное степью и ничѣмъ не орошенное. Эти изсиня бѣлыя хаты съ желтовато-сѣрыми камышевыми крышами, разбросанныя на порядочномъ пространствѣ, походили на то, какъ будто кто раскинулъ по землѣ сѣмена и изъ нихъ среди поля выросли дома. На гумнахъ желтѣли стоги золотистой ржи и блестѣло зеленоватымъ отливомъ свѣжее сѣно.

Изъ ряда хатъ выдавался каменный одноэтажный домъ съ большимъ дворомъ, съ множествомъ хозяйственныхъ построекъ и съ обширнымъ садомъ при немъ. Онъ весело смотрѣлъ своими нарядными желтыми ставнями, своей черепичной крышей. Даже аисты, которые всюду помѣстили свои громоздкія гнѣзда на крышахъ домовъ, не посмѣли осквернить черепичную крышу и устроили свои гнѣзда на сараѣ.

— А вонъ и батюшкинъ домъ!—сказалъ кучеръ, ткнувъ кнутомъ, повидимому, по направленію къ этому веселому дому.

— Ты раньше не былъ здѣсь?—спросилъ Глѣбъ у Лозовскаго.

— Случалось, въ зеленомъ младенчествѣ. Кажется, мнѣ было тогда восемь лѣтъ!—отвѣтилъ Лозовскій,—но ничего не помню. Знаю, что тогда у отца Серафима была матушка, и сохранилась въ памяти маленькая трехлѣтняя дѣвочка, смѣш-

ная и капризная, ее уже и тогда культивировали. Божество зарождалось въ ней.

Глѣбу было непріятно, когда Лозовскій такимъ образомъ говорилъ о Варѣ, тѣмъ болѣе, что у него не было на это никакихъ основаній. Но онъ не рѣшался высказать ему это. Вообще онъ какъ-то стыдился своей симпатіи къ этой дѣвушкѣ.

— Скажи, пожалуйста, развѣ ты часто ее видѣлъ?—спросилъ онъ.—Ты такъ опредѣленно говоришь о ней.

— Представь себѣ, что я ее видѣлъ только одинъ разъ и то мелькомъ, не болѣе пяти минутъ. Но на меня отъ нея такъ и пахнуло величіемъ.

— Величіемъ?

— Ну, да, величіемъ, настоящимъ величіемъ маленькой души.

Глѣбъ почувствовалъ, что кровь прилила къ его лицу. Онъ ощутилъ какое-то враждебное чувство къ товарищу. Онъ позволялъ ему и охотно выслушивалъ, какъ тотъ высказывалъ презрѣніе ко всему человѣческому роду, но не могъ позволить выражаться такимъ образомъ о Варварѣ Серафимовнѣ. И это было понятно. Встрѣча съ ней дала ему столь рѣдкія отрадныя ощущенія.

— Но мнѣ ничего подобнаго не показалось!—возразилъ онъ.

— Тебѣ? Но ты вѣдь младенецъ въ дѣлѣ распознаванія людей. Ты въ людяхъ ничего не понимаешь.

— А откуда *ты* ихъ знаешь?

— Видишь ли, я ихъ тоже не знаю. Но у меня есть основной взглядъ на нихъ. Въ началѣ онъ былъ произволенъ. По всей вѣроятности, онъ явился простымъ продуктомъ моего характера, моей нервной системы. Но по мѣрѣ того, какъ я встрѣчалъ людей, я провѣрялъ свое основное положеніе, и представь себѣ: не было ни одного случая, который опровергъ бы его; напротивъ, всѣ блестящимъ образомъ подтверждали.

— Какое же это основное положеніе? Не можешь ли ты его формулировать?

— Изволь. Все, что ни дѣлаютъ люди, вытекаетъ изъ самыхъ грубыхъ, узкихъ, эгоистическихъ побужденій... Добро существуетъ только въ теоріи, а зло на практикѣ...

— Ты произволенъ, ты до послѣдней степени произволенъ!—воскликнулъ Глѣбъ,—сперва меня пугали и даже безпокоили твои взгляды. Они какъ-то тревожили меня; мнѣ

всякій разъ, какъ ты ихъ высказывалъ, казалось, ужъ не правъ ли онъ? А что, если онъ правъ? Но когда я убѣдился, что ты произволенъ, я пересталъ тревожиться.

— Это прекрасное утѣшеніе! Желаю тебѣ остаться съ нимъ всю жизнь! Это великій шансъ прожить ее счастливо!— иронически замѣтилъ Лозовскій.

Они минули нѣсколько одинокихъ хатъ и остановились около веселаго дома отца Серафима. Собаки узнали своихъ лошадей, экипажъ и кучера и встрѣтили ихъ ласковыми привѣтствіями, но, приблизившись, почуяли, что въ экипажѣ сидятъ чужіе и начали рычать и скалить зубы.

— Ну, ну, нечего, нечего, это гости, не видите, что ли?— пояснилъ имъ кучеръ, и они, какъ бы понявъ, въ чемъ дѣло и сознавъ долгъ гостепріимства, успокоились и отошли.

Кучеръ сошелъ на землю, отворилъ ворота, опять сѣлъ на козлы и они въѣхали во дворъ и подкатили къ крыльцу. Уже былъ близокъ вечеръ. Солнце закатилось за высокій сарай и по всему двору легла тѣнь.

Въ то время, какъ экипажъ остановился, Варя въ свѣтломъ ситцевомъ платьѣ, въ легкомъ платочкѣ на головѣ, ходила съ кухаркой по двору. Кухарка несла передъ собой въ передникѣ кормъ и разсыпала его по двору, а домашняя птица, махая крыльями и крича, торопилась и ѣла.

Увидѣвъ ихъ, Варя остановилась и съ недоумѣніемъ смотрѣла на то, что, вмѣсто одного, пріѣхали двое. Въ это время, наскоро застегивая около шеи свѣтленькій кафтанъ, изъ дома вышелъ отецъ Серафимъ и радостно протянулъ руки, но, увидѣвъ другого, тотчасъ на секунду опѣшилъ, но только на секунду, а затѣмъ лицо его прояснилось, онъ узналъ Лозовскаго.

— Боже мой! Родственникъ! Вотъ это прекрасно, это прекрасно съ вашей стороны. Очень хорошо, Григорій Евтихіевичъ, что вы сами догадались пріѣхать.

— Я не самъ,—отвѣтилъ Лозовскій, здороваясь съ нимъ.— Это меня Щедротовъ надоумилъ.

— Ну, такъ это дурно, дурно съ вашей стороны, надо было самому догадаться. Варенька, не узнала?—спросилъ онъ послѣ того, какъ Глѣбъ уже поздоровался съ Варей, а Лозовскій остановился передъ нею и приподнялъ шляпу. Варя не узнавала и нерѣшительно протянула ему руку.

— Родственникъ нашъ,—продолжалъ отецъ Серафимъ,— Григорій Евтихіевичъ Лозовскій, Гриша Лозовскій. Мальчи-

комъ гостилъ у насъ. Впрочемъ, ты тогда еще ходить не умѣла.

— Но отлично умѣли капризничать и повелѣвать,—сказалъ нѣсколько натянуто Лозовскій.

— Повелѣвать? — просто спросила Варя, — въ такомъ случаѣ, я позабыла это искусство; теперь не умѣю; но, право, я васъ не помню.

— А у отца Софокла въ прошломъ году на именинахъ встрѣчались,—сказалъ отецъ Серафимъ.

— Тамъ было такъ много народу,—промолвилъ Лозовскій,—что легко было не запомнить.

Отецъ Серафимъ всячески старался выразить удовольствіе по поводу пріѣзда молодыхъ людей, и Лозовскій тотчасъ подчеркнулъ это.

— Знаешь, отчего это,—сказалъ онъ Глѣбу,—онъ радъ, что мы будемъ развлекать его божество!

— Эхъ, Лозовскій, — раздражительно отвѣтилъ ему Глѣбъ,—ты, право, безъ всякой причины злобствуешь... Ты тратишь свой ядъ безъ цѣли, тогда какъ онъ можетъ пригодиться тебѣ на дѣло...

Онъ не выдержалъ и былъ нѣсколько рѣзокъ.

— Овца!—довольно беззлобно сказалъ по этому поводу Лозовскій и прибавилъ:—впрочемъ, я приложу всѣ старанія, чтобы развлечь скучающую дѣвицу. Я даромъ хлѣбъ ѣсть не люблю.

Глѣбъ рѣшительно ненавидѣлъ его въ эту минуту, хотя Лозовскій, въ сущности, былъ вѣренъ самому себѣ и говорилъ про Варю то, что сказалъ бы про всякую другую.

Кажется, и на Варю онъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе. Она смотрѣла на него холодно и, когда обращалась къ нему, то этотъ холодъ чувствовался въ ея тонѣ.

— Въ садъ, въ садъ, первымъ дѣломъ въ садъ! — съ стариковской живостью говорилъ между тѣмъ отецъ Серафимъ,—надо показать имъ лучшее, что у насъ есть, чтобы плѣнить ихъ и потомъ держать въ рукахъ. Ну, да я самъ пойду съ вами, а ты, Марья, поставь самоваръ, да на свѣжемъ воздухѣ, да закусочки приготовь, они съ дороги проголодались.

— Мы отлично закусили!—сказалъ Лозовскій.

— Гдѣ же это?

— Въ дорогѣ пылью. Всю дорогу глотали ее.

Это замѣчаніе и Варю заставило улыбнуться.

Когда пошли въ садъ, она замѣшкалась и осталась во дворѣ. Почему это? Этотъ вопросъ старался рѣшить Глѣбъ. Ему не приходило въ голову, что она будетъ распоряжаться закуской и чаемъ. А казалось ему, что причиной этого былъ Лозовскій. Онъ ей непріятенъ. Это какъ-то чувствовалось и ему было досадно. Его воображеніе было встревожено и ему ужъ было жаль, что онъ убѣдилъ товарища пріѣхать; у него было такое ощущеніе, что онъ отравилъ ея благодушный покой, и онъ чувствовалъ себя виноватымъ.

Отецъ Серафимъ съ юношескимъ увлеченіемъ показывалъ имъ садъ, разсказывалъ исторію каждаго деревца. Все это онъ самъ насадилъ собственноручно.

— А вотъ эти сливы,—съ чувствомъ промолвилъ онъ остановившись передъ рядомъ деревьевъ,—это еще покойница жена моя посадила... Поспѣваютъ уже, иныя и теперь съѣдобны...

Потомъ онъ показывалъ имъ цвѣтникъ, который оказался роскошнымъ; были даже парники, гдѣ поспѣвали огурцы. Все это стоило отцу Серафиму большихъ хлопотъ и значительныхъ затратъ. Въ сухой безводной мѣстности не легко было возрастить и поддерживать такой садъ. Все требовало поливки и ее производили изъ колодцевъ.

Живость отца Серафима просто изумляла Глѣба; у нихъ онъ держался строго и тяжеловато. Здѣсь онъ былъ совсѣмъ другой. Онъ чувствовалъ себя дома, хозяиномъ и, кромѣ того, считалъ своимъ долгомъ доставить удовольствіе гостямъ. И старикъ разсыпался передъ ними, стараясь угодить.

— А куда же это моя Варвара дѣвалась?—вдругъ спохватился онъ, только теперь замѣтивъ, что Варя не съ ними,—вотъ чудеса! Неужто хозяйствомъ занимается? Не въ ея это нравахъ! Чудеса, чудеса! Вотъ видите, какая она у меня. Молодые люди пріѣхали. Другая сейчасъ такъ бы и прилипла, а она—нѣтъ, не охотница. Она у меня строгая.

Говорилъ онъ это и глаза у него были влюбленные.

Между тѣмъ зашло солнце и западъ окрасился ярко розовымъ цвѣтомъ. Повѣяло прохладой, запахло сѣномъ и полевыми цвѣтами.

Прибѣжала горничная и объявила, что чай и закуска готовы. Они вернулись во дворъ и нашли тамъ столъ, сервированный на славу. Тутъ были разныя закуски и вина, и цѣлая индюшка, и рыба.

Варя все еще оставалась посреди двора съ кухаркой, окруженная птицами.

— А вы съ нами не пошли?—сказалъ ей Глѣбъ, подойдя къ ней близко, въ то время, какъ другіе пошли прямо къ столу.

— Я люблю кормить птицъ!—отвѣтила Варя,—я это дѣлаю каждый вечеръ.

И въ тонѣ ея, и во взглядѣ не было той холодности и оффиціальности, съ какими отвѣчала она Лозовскому. Глѣбъ это чувствовалъ и на душѣ у него стало спокойнѣе.

— Пойдемте чай пить!—пригласила она его.

— Но вы не кончили кормить птицъ!—возразилъ Глѣбъ.

— Ничего, я хочу хозяйничать и угощать васъ!

Они двинулись къ столу, гдѣ уже сидѣли отецъ Серафимъ и Лозовскій, который что-то съ оживленіемъ разсказывалъ старику.

— Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали!—сказала Варя Щедротову.

— А вы ничего противъ меня не имѣете? — спросилъ Глѣбъ.

— Кое-что!—полушутя, отвѣтила она.

— Да?

— Нѣтъ, я шучу. Что же я могу имѣть противъ васъ? Право, ничего, Пойдемте.

И они подошли къ столу.

VIII.

Въ Кочедоровкѣ было не такъ плохо, какъ изображала Варя. Садъ оказался дѣйствительно прекраснымъ. Отецъ Серафимъ велъ очень широкое хозяйство. Домъ, въ которомъ онъ жилъ, принадлежалъ ему. При домѣ было такое множество хозяйственныхъ пристроекъ, что человѣкъ не освѣдомленный съ перваго взгляда принималъ его за помѣщичью экономію. Было даже отдѣльное помѣщеніе для рабочихъ, въ которомъ постоянно жили больше десяти душъ работниковъ.

Но самъ отецъ Серафимъ лично хозяйствомъ не занимался. Въ былое время онъ увлекался этимъ дѣломъ, но затѣмъ, по старости, отсталъ. Въ домѣ жила его старая родственница, очень еще здоровая и крѣпкая женщина, отчасти она занималась хозяйствомъ. Но заправляло всѣми

дѣлами другое лицо, также близкое отцу Серафиму. Онъ занималъ положеніе, вродѣ управляющаго. Звали его Леонидомъ Ивановичемъ и происходилъ онъ изъ духовнаго званія. Это былъ старикъ чрезвычайно мрачнаго вида, молчаливый, суровый и безконечно преданный отцу Серафиму. Онъ былъ школьнымъ товарищемъ отца Серафима, но не кончилъ курса.

По выходѣ изъ школы онъ долгое время оставался безъ мѣста, такъ какъ причиной его увольненія былъ его вспыльчивый, суровый нравъ. Наконецъ, онъ женился и добился дьяконскаго мѣста, но очень скоро жена его умерла, а прошло еще лѣтъ пять—ему тогда было уже подъ сорокъ—произошла романическая встрѣча. Онъ встрѣтилъ женщину, которая завладѣла его сердцемъ до того, что онъ поставилъ на карту все, и свое дьяконское званіе, котораго такъ добивался, промѣнялъ на новое счастье. Онъ женился вторично, за что, разумѣется, по закону, былъ лишенъ сана. Тогда-то, оставшись безъ всякихъ средствъ, съ молодой женой, онъ отыскалъ отца Серафима и просилъ у него помощи. Отецъ Серафимъ въ это время сильно увлекался сельскимъ хозяйствомъ и ему нуженъ былъ вѣрный помощникъ, а Леонидъ Ивановичъ въ школѣ былъ хорошимъ товарищемъ и вотъ отецъ Серафимъ довѣрилъ ему все дѣло. Впослѣдствіи онъ и совсѣмъ пересталъ вмѣшиваться въ хозяйство, а все дѣло велъ Леонидъ Ивановичъ. Онъ жилъ здѣсь съ своей женой и дочерью отъ второго брака—отъ перваго у него дѣтей не было. Эта уже совсѣмъ взрослая дѣвица, не получившая никакого образованія, помогала отцу и тоже вся была погружена въ хозяйство отца Серафима.

Верстахъ въ десяти отъ Кочедаровки протекалъ Днѣпръ и тамъ, на берегу, среди камышей, на длинной песчаной косѣ, былъ устроенъ рыбный заводъ. Лозовскій, узнавъ, что такъ близко отъ села Днѣпръ, никакъ не могъ понять, почему село устроено не на берегу рѣки.

— И кому могла придти фантазія селиться среди степи, когда въ нѣсколькихъ шагахъ такое богатство?—и при этомъ шутя обращался къ отцу Серафиму:—Вамъ бы провести каналъ и устроить здѣсь большое озеро. Будь это англичане, они давно уже провели бы.

Явилась мысль о поѣздкѣ на заводъ. Мысль эта принадлежала отцу Серафиму. По близости никакихъ другихъ развлеченій не было и потому жители Кочедаровки, когда имъ

было особенно скучно, ѣздили на заводъ смотрѣть, какъ тянутъ рыбу. Глѣбъ предложилъ Лозовскому ѣхать съ нимъ.

— Да что же тамъ интереснаго?—спросилъ Лозовскій.— Я понимаю—ѣсть рыбу, если она вкусна, но смотрѣть, какъ ее ловятъ, это почти варварство. Нѣтъ, я предпочитаю порыться въ библіотекѣ отца Серафима...

Эта библіотека, помѣщавшаяся въ кабинетѣ отца Серафима, давно манила его къ себѣ. Сквозь стеклянную дверцу онъ видѣлъ множество кожаныхъ корешковъ, которые однимъ своимъ видомъ много обѣщали ему. И вотъ онъ обратился къ отцу Серафиму съ просьбой открыть ему свои сокровища.

— Съ великимъ удовольствіемъ, съ величайшимъ!—отвѣтилъ отецъ Серафимъ, который въ самомъ дѣлѣ былъ въ восторгѣ отъ такого желанія. Библіотека эта досталась ему отъ дѣда, который въ свое время былъ инспекторомъ семинаріи и ученымъ человѣкомъ. Отецъ Серафимъ гордился и дѣдомъ, и библіотекой, хотя самъ очень мало соприкасался съ нею. Онъ досталъ ключъ, принесъ его Лозовскому и сказалъ:

— Вотъ вамъ, поучайтесь, молодой человѣкъ!

На заводъ поѣхали Глѣбъ и Варвара Серафимовна. Они выѣхали часа въ четыре дня. Еще было жарко и по пути они встрѣчали крестьянъ, которые возились на своихъ надѣлахъ. Ѣзды было не больше часу. Когда они подъѣхали къ берегу, то имъ пришлось встать и сходить внизъ пѣшкомъ; спускъ былъ чрезвычайно крутой и опасный. Внизу разстилались камыши, на сколько могъ хватить глазъ. На ровномъ песчаномъ мѣстѣ, продолженіе котораго уходило далеко въ воду, наискось внизъ по теченію рѣки, стояли двѣ обыкновенныхъ мужицкихъ хаты. Въ одной изъ нихъ жили рыбалки, другая служила для сушки, вяленія и соленія рыбы. Какъ разъ въ это время былъ заброшенъ неводъ и близко было уже время, когда должны были вытащить его на берегъ. Почти всѣ рыбалки были жителями Кочедаровки, они узнали Варю и почтительно привѣтствовали ее. Тутъ же оказались три бабы, которыя вели хозяйственную часть на заводѣ. Онѣ тотчасъ же принялись ухаживать за Варей.

— А этотъ кто такой будетъ?—спрашивали онѣ, указывая на Глѣба.—Ужъ не женишокъ ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, не женишокъ,—отвѣчала Варя, смѣясь,— просто такъ, знакомый.

Они смотрѣли, какъ тянутъ неводъ. Глѣбъ никогда не видалъ этого и его это очень занимало.

— Это мы на ваше счастье, барышня, — говорили рыбалки, обращаясь къ Варѣ.

Счастье оказалось значительнымъ, рыбы поймано было много. Кучеръ, часто ѣздившій сюда съ отцомъ Серафимомъ и съ Варей и потому знавшій порядокъ, вынулъ изъ ящика въ экипажѣ четвертной боченокъ съ водкой, и когда кончили ловлю, появилась чарка и боченочекъ былъ весь до дна осушенъ.

На заводъ никто не пріѣзжалъ безъ водки, это было бы нарушеніемъ самаго коренного обычая. Рыбу возили отсюда въ городъ на продажу и на мѣстѣ нельзя было купить одного окуня. Рыбалки говорили, что продавать здѣсь невыгодно, потому что въ городѣ стояла всегда лучшая цѣна. Но стоило только привезти изрядное угощеніе въ видѣ четверти водки, какъ рыбалки становились щедрыми и напихивали повозку отборной рыбой, совершенно забывая о городскихъ цѣнахъ.

Они возвращались домой, когда солнце уже было низко и готово было закатиться. По всему полю легла тѣнь. Въ воздухѣ распространился острый ароматъ полевыхъ цвѣтовъ, отъ рѣки вѣяло свѣжестью, дышалось легко.

— Я не знаю,—сказалъ Глѣбъ,—откуда вы взяли, что здѣсь у васъ такъ плохо. Впрочемъ, я думаю, что природа вездѣ чѣмъ-нибудь да хороша. Счастливъ тотъ, кто можетъ всегда съ нею жить. Не правда ли, странно, что изучаютъ природу въ тѣсныхъ кабинетахъ, вдали отъ ея самой, точно въ ней мало мѣста. Не лучше ли было бы изучать ее въ непосредственномъ общеніи съ нею?

— Скажите, Глѣбъ Назаровичъ,—спросила Варя,—что думаетъ дѣлать съ собою Лозовскій.

— А онъ васъ интересуетъ?

— Да, въ немъ есть что-то такое, чего нѣтъ въ другихъ.

— Но, кажется, онъ не особенно вамъ нравится?—спросилъ Глѣбъ.

— Не то... онъ меня интересуетъ, но то, что въ немъ интересно, меня нѣсколько отталкиваетъ.

— Что же это?

— Онъ отрицаетъ все обыкновенное. Онъ во всемъ ищетъ такой стороны, какой еще никто не видалъ.

— Но вѣдь это хорошо. Это ведетъ къ открытіямъ въ наукѣ.

— Можетъ быть. Но я чувствую себя слишкомъ обыкновенымъ человѣкомъ съ обыкновенными вкусами и понятіями. Должно быть, оттого онъ меня и отталкиваетъ отъ себя.

— Это неправда,—возразилъ Глѣбъ.—Вы вовсе не такъ обыкновенны.

— Что же во мнѣ необыкновеннаго?

— Это трудно опредѣлить, Варвара Серафимовна.

— Нѣтъ, пожалуйста, опредѣлите.

— Въ васъ есть что-то... что-то свѣтлое, что-то просвѣтляющее.

— Какъ это?

— Когда говоришь съ вами, даже когда смотришь на васъ, то становится ясно на душѣ, и если есть горе, то оно смягчается...

— Э, Глѣбъ Назаровичъ,—смѣясь, промолвила она,—это опасно... Вы еще влюбитесь въ меня, смотрите. Говорятъ, что съ этого начинается.

— Почему же вы думаете, что это опасно?

— Потому что у васъ есть важные планы. Вы хотите серьезно учиться, а ужъ эти вещи несовмѣстимы...

— Да, пожалуй. Но... но если бы я въ кого-нибудь влюбился, такъ только въ васъ... А скажите,—продолжалъ онъ просто, не придавая особеннаго значенія предыдущему разговору,—неужели вамъ не хочется чего-нибудь высшаго, чего-нибудь такого, что не походило бы на то, что васъ окружаетъ? Мнѣ почему-то кажется, что вы такая же, какъ я. У васъ должно быть стремленіе учиться...

— О, да. Я люблю учиться,—отвѣтила Варя:—я охотно читаю книги... У папы много книгъ по исторіи. Я, напримѣръ, хорошо знаю исторію церкви... У него все больше такія, такъ отъ этого...

— Такъ почему же вы не учитесь или не собираетесь?

— Куда? Гдѣ я могу учиться? Вотъ у насъ есть педагогическій классъ, я его прошла. Больше ничего нѣтъ.

— Какъ ничего? Женщины учатся...

— Гдѣ?—съ замѣтнымъ любопытствомъ спросила Варвара Серафимовна.

— Есть такіе особые курсы...

— Какіе же это курсы? Я слышала объ этомъ; потомъ спросила нашу начальницу въ епархіальномъ училищѣ, такъ она сказала: пустое, все это сказки. Для дѣвицы не можетъ и не должно быть никакихъ курсовъ. Дѣвица должна думать о томъ, чтобы выйти замужъ и быть хорошей женой, матерью и хозяйкой.

— Нѣтъ, я навѣрно знаю, что есть курсы. И тамъ учатся

всѣмъ наукамъ, какъ и въ университетѣ. Мнѣ кажется, что вы обладаете всѣми средствами для того, чтобъ поѣхать.

— Куда?

— Это въ Петербургѣ. Не знаю, есть ли въ другихъ городахъ.

— Что это вы? Мнѣ поѣхать въ Петербургъ?.. Да я тамъ растерялась бы, я не знала бы, какъ ступить.

— Вы? А мнѣ показалось, что вы такъ смѣлы и у васъ такъ много самообладанія.

— Я не робка, это правда, вообще я не теряюсь, но въ Петербургѣ, это—совсѣмъ другое дѣло. Это что-то огромное, вѣчно движущееся, шумное, это что-то необыкновенное. Такъ мнѣ онъ представляется. Мнѣ кажется, что тамъ и ходятъ, и говорятъ, и вообще живутъ совсѣмъ не такъ, какъ у насъ. Да, наконецъ, меня и папа не пустилъ бы такъ далеко. Подумайте, вѣдь туда надо четыре дня ѣхать.

Она говорила это такъ просто и искренно, что показалась ему совершеннымъ ребенкомъ, и онъ, считавшій ее до сихъ поръ смѣлой и самостоятельной, началъ измѣнять свое мнѣніе о ней.

— Но это значитъ, что у васъ нѣтъ настоящаго желанія,—сказалъ онъ.—Вотъ я, если бы мнѣ сказали, что надо ѣхать за милліонъ верстъ и что только тамъ можно учиться, я не задумался бы ни на минуту и поѣхалъ. Вы видите, съ какими трудностями мнѣ приходится бороться. Мнѣ надо добыть средства, это разъ, мнѣ надо выдержать страшный экзаменъ. Всѣ говорятъ, что онъ страшный...

— Да, я удивляюсь вашей настойчивости и твердости.

— Главное,—продолжалъ Глѣбъ,—мнѣ приходится закрывать глаза на грустное положеніе матери и сестры. Это, конечно, не Богъ знаетъ какъ похвально, но я даже и этимъ жертвую. И вотъ кстати, скажите мнѣ, Варвара Серафимовна — я очень дорожу вашимъ мнѣніемъ — скажите мнѣ, какъ вы на это смотрите? Мать и сестра, конечно, будутъ бѣдствовать. Онѣ будутъ жить у дяди. Онъ, хотя и добрый, но все же онѣ не дома и пользуются его великодушіемъ. А это ни той, ни другой сторонѣ не можетъ доставить удовольствіе. И вотъ я прохожу мимо всего этого. Мнѣ стоило бы только согласиться на ихъ просьбы и поступить, какъ всѣ, то-есть, взять приходъ и онѣ были бы счастливы. Вѣдь, правда, это жестоко съ моей стороны?

Она съ минуту подумала. Потомъ сказала:

— Не знаю... но мнѣ было бы больно, если бы вы бросили ваши планы и зарылись гдѣ-нибудь на приходѣ. Мнѣ было бы больно, не знаю почему.

— Значитъ, вы... поощряете?..

— Можетъ быть, это тоже жестоко... но я... да, я готова поощрить это, если бы отъ меня это зависѣло.

— Если бъ вы знали, какъ это важно!—воскликнулъ Глѣбъ.

— Почему?

— А, вы не знаете. Вы уже сыграли въ моей жизни важную роль. Вы были первымъ человѣкомъ, который сразу, съ двухъ словъ, отнесся одобрительно къ моимъ планамъ. Помните тогда? На берегу озера, при лунѣ? Знаете, какъ древніе цари отличали наградами и почестями того, кто первый приносилъ имъ радостную вѣсть о побѣдѣ... Такъ я отличаю васъ и ужъ для васъ въ моей душѣ всегда будетъ особое мѣсто.

— Какъ это пріятно слышать!—съ выраженіемъ простой искренней радости воскликнула Варя.

Когда они пріѣхали домой, Лозовскій сидѣлъ въ кабинетѣ, погруженный въ „Творенія Григорія Нисскаго". Они вошли въ кабинетъ и помѣшали ему.

— Развѣ это интересно?—спросила Варя.

— Это меня совсѣмъ поглощаетъ!—отвѣтилъ Лозовскій.

Варвара Серафимовна удивилась, какъ онъ можетъ углубляться въ такія сухія вещи.

— У него такой умъ!—отвѣтилъ Глѣбъ:—совсѣмъ особаго качества.

Глѣбъ не прикасался къ библіотѣ отца Серафима; онъ искренно весь отдавался отдыху; послѣднее время ему приходилось такъ много заниматься. Онъ держалъ экзамены и одновременно съ этимъ, чтобъ не забыть, повторялъ то, что прошелъ раньше для экзамена зрѣлости. И для него теперь было настоящей потребностью, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время ничего не дѣлать, не держать книжки въ рукахъ, не видѣть передъ собой печатныхъ буквъ. Онъ все время проводилъ съ Варей, большею частью въ саду. Отецъ Серафимъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на ихъ сближеніе. Помимо всѣхъ практическихъ соображеній, ему очень нравился Глѣбъ и онъ считалъ его вполнѣ подходящей партіей для Вари.

Отецъ Серафимъ очень любилъ свою дочь, но въ духовномъ званіи не принято, чтобы дѣвушка долго засиживалась дома. Считается, что чѣмъ скорѣе она выйдетъ замужъ, тѣмъ

счастливѣе будетъ. Неровенъ часъ, еще засидится въ дѣвкахъ. У отца Серафима, впрочемъ, были всѣ данныя для того, чтобы во всякое время найти жениха дочери. У него было хорошее состояніе, при томъ же Варя была молода и хороша собой, и онъ за нее не боялся. Но онъ какъ-то безсознательно подчинялся общему предразсудку и желалъ этого брака. И ему казалось, что сближеніе молодыхъ людей идетъ очень быстро. Если бы здѣсь какимъ-нибудь образомъ случилась Ирина Власьевна, онъ съ увѣренностью сказалъ бы ей, что ручается за желательный исходъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ могъ онъ объяснить, что они съ утра, какъ только встанутъ, уже вмѣстѣ, и проводятъ цѣлые дни въ непрестанныхъ оживленныхъ разговорахъ. Онъ былъ увѣренъ, что они непремѣнно говорятъ между собой о чувствахъ и что они уже не разъ объяснились. Но они были далеки отъ этого.

Они начали свое сближеніе съ прошлаго. Глѣбъ разсказывалъ Варѣ свои воспоминанія дѣтства и семинарской жизни. Это были живые разсказы, полные наблюдательности и подчасъ юмора. Глѣбъ умѣлъ разсказывать смѣшныя вещи съ серьезнымъ видомъ, это очень веселило Варю. Она тоже разсказала ему все, что помнила изъ своей школьной жизни. Послѣ такихъ взаимныхъ воспоминаній люди удивительно быстро сближаются. Эти воспоминанія до нѣкоторой степени замѣняютъ прожитые вмѣстѣ годы. Когда мы подробно узнаемъ чье-нибудь прошлое, то чувствуемъ себя такъ, какъ будто переживаемъ это прошлое вмѣстѣ. И они именно такъ чувствовали, какъ будто давнымъ-давно были знакомы, и будто у нихъ были общія впечатлѣнія. И правда, они у нихъ уже были.

Лозовскій очень рѣдко гулялъ съ ними. И въ такихъ случаяхъ его отрывистыя замѣчанія вносили диссонансъ въ ихъ мирный отдыхъ. Они отличались рѣзкостью и неожиданностью. И оба молодые люди, не высказывая это другъ другу, были довольны, когда онъ уходилъ. При немъ имъ было какъ-то неловко. Имъ все казалось, что онъ иронически относится къ ихъ недавней дружбѣ. Какъ-то разъ у нихъ зашла рѣчь о дружбѣ, и Лозовскій высказалъ цѣлую тираду противъ нея. Онъ говорилъ:

— Дружба, это—проявленіе слабости духа. Слабый чувствуетъ себя сильнѣе, когда опирается хотя бы и на такого же слабаго, какъ и онъ самъ. Дружба—достояніе обыкновенныхъ, среднихъ людей. Идеалъ возвышенной души—одиночество.

Нѣтъ ничего выше одиночества; только въ немъ духъ отрѣшается отъ пошлости и становится близкимъ къ божеству. Онъ самъ становится божествомъ.

Они часто видѣли Лозовскаго вдвоемъ съ отцомъ Серафимомъ въ продолжительной оживленной бесѣдѣ. Старикъ нашелъ въ родственникѣ неожиданную для себя вещь. Онъ открылъ въ немъ глубину сужденій. Онъ никогда съ нимъ не соглашался, но не могъ отказать ему въ силѣ и оригинальности ума.

— Онъ разсуждаетъ, какъ мудрецъ,—говорилъ отецъ Серафимъ,—какъ человѣкъ, умудренный опытомъ. Его умъ, не имѣвшій личнаго опыта, однако же видитъ и понимаетъ вещи такъ, какъ бы имѣлъ его. Это удивительный юноша!

Ему было пріятно думать, что этотъ юноша, проявляющій такія способности, принадлежитъ къ его родственникамъ. Онъ напоминалъ ему дѣда, который славился своей ученостью и глубокомысліемъ.

— Но какъ это досадно, что ты не попалъ въ академію!— съ искреннимъ сочувствіемъ обращаемся къ нему отецъ Серафимъ; онъ уже теперь по родственному сталъ говорить ему ты.—Тебѣ прямой путь туда. Ты достоинъ академіи. Ты тамъ завоюешь первое мѣсто. И тебѣ предстоитъ большая карьера.

— Ничего, дядюшка, ничего,—съ глубокой увѣренностью говорилъ Лозовскій,—я свое возьму. Вѣдь я, было, впалъ въ отчаяніе, да вотъ Глѣбъ надоумилъ меня. Вы знаете, онъ совсѣмъ повернулъ мои мысли.

И онъ разсказалъ о томъ, какъ Глѣбъ послѣ экзамена по догматическому богословію, благотворно повліялъ на него.

— Какіе вы интересные молодые люди!—съ умиленіемъ сказалъ отецъ Серафимъ.—Вы оба интересны, каждый въ своемъ родѣ.

Однажды за обѣдомъ, когда всѣ были за столомъ, отецъ Серафимъ обратился къ Лозовскому съ слѣдующею рѣчью:

— Вотъ... у меня въ головѣ кое-что задумано... Для тебя... Не попалъ ты въ академію на казенный счетъ, а между тѣмъ у тебя такая голова, что, я думаю, и въ академіи будетъ скучно безъ тебя. Такъ поѣзжай, я дамъ тебѣ средства, чтобъ ты могъ туда отправиться и прожить первое время. Я знаю, что тебя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ примутъ на казенный счетъ. Еще просить будутъ, пожалуйста, молъ, согласись. Но только поѣзжай теперь, не трать время.

Къ удивленію Глѣба, лицо Лозовскаго не выразило ни малѣйшей радости. Напротивъ, оно чуть-чуть поблѣднѣло и было чрезвычайно серьезно.

— Благодарю васъ, дядя,—отвѣтилъ Лозовскій,—но я не возьму.

— Но почему же?—нѣсколько опѣшивъ, спросилъ отецъ Серафимъ.

— Такъ, не возьму. Можетъ быть, это вамъ и непріятно, но я не могу... Я хочу быть обязаннымъ только самому себѣ...

Отецъ Серафимъ покачалъ головой.

— Это гордость! Да, признаюсь, мнѣ это непріятно. Я предложилъ тебѣ отъ чистаго сердца и я ни о какихъ твоихъ обязанностяхъ не думалъ; а ты вотъ какъ повернулъ. Да, это мнѣ непріятно.

— Что дѣлать, дядя! Я такой и мнѣ себя не передѣлать.

Это было за день до ихъ отъѣзда. Отецъ Серафимъ послѣ этого разговора видимо охладѣлъ къ Лозовскому и какъ бы избѣгалъ прежнихъ бесѣдъ съ нимъ. Онъ оставался по прежнему любезенъ и обходителенъ съ родственникомъ, но, какъ казалось, уже не увлекался имъ.

Варя сказала Глѣбу:

— Значитъ, онъ и самъ не способенъ помочь кому-нибудь безъ задней мысли. Оттого онъ такъ это и объяснилъ. Знаете, онъ производитъ на меня какое-то болѣзненное впечатлѣніе!

— Что жъ,—возразилъ Глѣбъ,—онъ по своему правъ: лучше не быть обязаннымъ никому, кромѣ себя.

— А вы поступили бы такъ?—спросила Варвара Серафимовна.

— Можетъ быть, и нѣтъ, но это отъ слабости характера.

— Я предпочитаю эту слабость. Онъ обидѣлъ отца, который думалъ, что дѣлаетъ ему пріятное. А главное, онъ заподозрилъ его въ дурныхъ намѣреніяхъ. Этого нельзя дѣлать безъ основаній.

Вечеромъ Глѣбъ заговорилъ объ этомъ эпизодѣ съ Лозовскимъ. Лозовскій объяснилъ:

— Да вѣдь это собственно для чего онъ дѣлаетъ? Онъ увѣренъ, что изъ меня выйдетъ что-то необыкновенное. Ну и вотъ, если бы и въ самомъ дѣлѣ вышло, онъ говорилъ бы, что этимъ я только ему одному обязанъ.

— Никогда онъ этого не сказалъ бы!—возразилъ Глѣбъ.

— Ну, не сказалъ бы изъ приличія, такъ подумалъ бы.

Нѣтъ, ужъ если изъ меня дѣйствительно что-нибудь выйдетъ, такъ никто не будетъ имѣть право сказать, что я ему обязанъ; я только себѣ буду обязанъ.

— Но вѣдь ты хотѣлъ ѣхать въ академію на казенный счетъ?!

— О, это совсѣмъ другое дѣло. То право я заслужилъ бы отмѣткой, значитъ все-таки своимъ трудомъ или способностями. Тамъ я никому не былъ бы обязанъ, то право общее. Всякій можетъ его добиться. А здѣсь, напротивъ, великодушное сердце. И здѣсь надо быть родственникомъ, чтобы получить право на это великодушіе. Нѣтъ, я, кажется, и отъ услугъ ректора откажусь.

— А что же ты будешь дѣлать?

— То же, что и ты. Попрошу мѣсто учителя и буду цѣлый годъ питаться сухарями и чаемъ и такимъ образомъ соберу деньги.

— Просись въ нашъ городъ!—посовѣтовалъ Глѣбъ,—будемъ вмѣстѣ.

На другой день они собрались уѣзжать. Варя была не въ духѣ.

— Мнѣ надо непремѣнно еще съ вами встрѣтиться!—говорила она.—У меня явилось столько новыхъ мыслей. Ахъ, да, узнайте хорошенько про эти курсы. И нѣтъ ли поближе гдѣ-нибудь? Въ Петербургъ—это ужасно, меня туда не пустятъ.

— Пріѣзжайте въ городъ. Я, должно быть, буду у дяди. Вы тоже можете тамъ остановиться, васъ примутъ съ распростертыми объятіями.

— Почему это? Я такъ мало съ ними знакома.

— Да ужъ я знаю, что примутъ.

— Но объясните, почему. Вы такъ странно говорите... Загадочно. Вы почему-то улыбаетесь.

— Да развѣ вы не видите общихъ усилій непремѣнно насъ женить?

— А въ самомъ дѣлѣ!—сказала Варя,—мнѣ это показалось.

— Ну, вотъ. Они все думаютъ, что чѣмъ чаще мы будемъ видѣться, тѣмъ скорѣе это удастся.

— Какіе они смѣшные, не правда ли?

— Такъ дѣлаютъ всѣ, Варвара Серафимовна. Они не виноваты, что привыкли къ этому.

— Ахъ, какъ я рада, что вы не похожи на всѣхъ!

— Представьте, что мнѣ давно хотѣлось вамъ сказать то же.

Лозовскій, прощаясь, счелъ своимъ долгомъ серьезно извиниться передъ отцомъ Серафимомъ за доставленное ему огорченіе:—но что же дѣлать! Я не могу, не могу.

Онъ сказалъ также и Варѣ нѣсколько словъ:

— Я знаю, что не доставилъ вамъ ни одной пріятной минуты и, можетъ быть, много ихъ испортилъ. Я не заблуждаюсь и очень хорошо все вижу,—такъ простите. У меня такой характеръ, не я его сдѣлалъ...

Варя была очень смущена этимъ короткимъ объясненіемъ и не знала, что отвѣтить.

Они уѣхали.

IX.

Глѣбъ остался дня на два дома, а Лозовскій уѣхалъ хлопотать объ учительскомъ мѣстѣ. Оказалось, что дядя два раза пріѣзжалъ въ деревню и всякій разъ привозилъ Иринѣ Власьевнѣ по двадцати пяти рублей.

— Трудно ему будетъ отдать,—говорила Ирина Власьевна,—я знаю, у самого не хватаетъ. И Господи ты Боже мой, куда только у нихъ деньги дѣваются. Эта его матушка когда-нибудь отца Лаврентія подъ законъ подведетъ.

Въ этомъ восклицаніи Глѣбъ увидѣлъ дурное предзнаменованіе будущаго. Если мать съ сестрой будутъ жить у дяди, то вотъ уже и готовъ поводъ для постоянныхъ неладовъ между ними. Мать, можетъ быть, и не скажетъ ни слова, но ея взглядъ будетъ постоянно говорить это. Значитъ, будутъ холодныя отношенія. Вѣдь все это чувствуется.

И онъ опять терзался сомнѣніями. Всякій разъ, когда онъ пріѣзжалъ домой, у него являлось тяжелое настроеніе. Глядя на ихъ жалкій видъ, онъ въ тысячный разъ задавалъ себѣ вопросъ, правъ ли онъ, поступая такимъ образомъ, и его тянуло поскорѣе уѣхать, чтобы убѣжать отъ этихъ мыслей. Это желаніе было у него и теперь. Явились въ головѣ разныя соображенія, что нужно навести справки на мѣстѣ, въ училищѣ, поговорить съ дядей и проч.

Однажды у него вышелъ съ матерью неожиданный разговоръ. Ирина Власьевна сказала ему:

— Помни, Глѣбъ, что такъ не можетъ продолжаться. Вотъ теперь у насъ монахъ, такъ еще оно ничего, но не

можетъ же вѣчно служить монахъ; назначутъ священника и приходъ нашъ пропадетъ. Если ты думаешь перерѣшить...

Тутъ Глѣбъ довольно рѣзко перебилъ ее:

— Нѣтъ, мамаша, я не перерѣшу.

Лицо Ирины Власьевны омрачилось. Видно было, что на нее нашла какая-то рѣшимость и она начала говорить громко, рѣзко, иногда вскрикивая:

— Такъ пускай же все гибнетъ, пускай все прахомъ пойдетъ. Теперь я съ мѣста не сдвинусь! Пускай и хлѣбъ горитъ на полѣ, и птица дохнетъ безъ корма... Ничего больше не скажу, ни слова.

Глаза ея при этомъ горѣли и въ голосѣ было что-то надорванное, истерическое.

Тогда Глѣбъ взялъ ее за руку, какъ бы желая остановить ее и сказалъ очень серьезно, и въ его голосѣ было для нея что-то новое. Да и слова были такія, какихъ она отъ него еще никогда не слышала.

— Вотъ что, мамаша,—молвилъ онъ,—можетъ быть, я только одинъ разъ въ жизни скажу вамъ эти слова. Я долго слушалъ васъ и сердце мое болѣло, а самъ еще не отвѣчалъ вамъ. По вашему выходитъ, что я какой-то жестокій звѣрь. Почему же? Я не дѣлаю того, чего вы хотите. А чего вы хотите? Чтобы жизнь ваша не мѣнялась, чтобы вы остались такъ же обезпечены, какъ были прежде, чтобы у васъ было прежнее хозяйство, свой домъ, хорошая пища и одежда и прочее. Для этого вы хотите, чтобы я поступилъ противъ своихъ желаній и убѣжденій. Ну, хорошо. Я дурной сынъ, потому что не поддаюсь на ваши просьбы и заставляю васъ жить хуже, чѣмъ вы жили. Но я вамъ говорю, что для меня бросить мечты объ ученіи, жениться и взять приходъ—все равно, что смерть, хуже смерти: это смерть заживо. Я говорю вамъ, что если я это сдѣлаю, то вся моя жизнь будетъ испорчена; я опущусь, можетъ быть, сопьюсь, какъ спиваются многіе... Я пропаду, мамаша, пропаду... Я говорю вамъ это по совѣсти: это—то, что я чувствую и думаю... И вотъ вы, зная это, все же всѣми силами добиваетесь, чтобы я женился и взялъ приходъ, чтобы у васъ все осталось по старому: обезпеченіе, хозяйство и прочее; вы хотите, чтобы я изъ-за этого пропалъ. Что же теперь выходитъ? Если я, не соглашаясь доставить вамъ прежнюю обезпеченную жизнь, вамъ, которая свою жизнь уже прожили, если я жестокъ, то какъ назовете вы себя, мать, добивающуюся, чтобъ ея сынъ, ради

ея личнаго матеріальнаго интереса, сынъ—молодой человѣкъ, только еще начинающій жить, пропалъ? Если изъ моихъ поступковъ не видно моей любви, то изъ чего тутъ видна ваша материнская любовь? Вы не хотите пожертвовать для меня личной самостоятельностью и обезпеченной жизнью и требуете, чтобы я пожертвовалъ для васъ всѣми моими мечтами и надеждами, всей моей жизнью... Вотъ все, что я могу вамъ сказать, мамаша, и больше ужъ этого никогда не скажу!..

Ирина Власьевна опустилась на стулъ. Эти рѣчи поразили ее. И можетъ быть, не самыя рѣчи, а его голосъ—твердый, жаркій, дрожащій и его взглядъ—глубокій, вдумчивый, проникающій въ душу. И она, не соглашаясь съ его словами, ощутила гдѣ-то въ глубинѣ сердца, что онъ правъ. Она только сказала, какъ бы въ свое оправданіе:

— Я не о себѣ, а о Грунѣ...

— Груня будетъ жить у дяди,—сказалъ Глѣбъ:—если она хочетъ выдти замужъ,—а она только этого и хочетъ,—дядя сказалъ, что въ городѣ это легче сдѣлать. А если не выйдетъ, то потомъ, когда я кончу свое ученіе, я для нея заработаю. Вѣдь я всегда буду работать. И учась, я буду работать, давать уроки, переписывать и всегда буду помогать вамъ. Я не хочу забывать своихъ обязанностей къ вамъ, но за то и вы, мамаша, должны поддержать меня. А то вотъ всѣ эти дни сердце мое совсѣмъ истерзалось, какъ будто убилъ я кого-нибудь. Никто, никто не хочетъ заглянуть мнѣ въ душу. Только одна вотъ Варвара Серафимовна, хотя она и чужая, захотѣла понять меня и ободрила...

— Что же она?—съ особеннымъ любопытствомъ спросила Ирина Власьевна.

— Она одобрила мои стремленія и всѣми силами совѣтуетъ учиться. Мы съ нею хорошо подружились.

— Она совѣтуетъ?

— Да, да, отъ всей души.

— Какъ странно!

— Почему странно?

— Почему бы ей совѣтовать? Что ей отъ этого?

— Ахъ, мамаша, вы и всѣ другіе—все мѣряете по тому: что мнѣ отъ этого? Ей, конечно, ничего отъ этого, но она мнѣ сочувствуетъ, понимаетъ меня и желаетъ мнѣ добра.

— Гм! добра! Можетъ быть, и добра!—неопредѣленно отвѣтила Ирина Власьевна, но потомъ въ разговорѣ съ Груней она выразилась болѣе опредѣленно, она сказала:

— Варя совѣтуетъ ему учиться. Ну, значитъ, онъ ей не понравился и хочетъ она отвадить его. Ежели бы понравился, не посовѣтовала бы, а скорѣе бы напротивъ...

Но о разговорѣ съ Глѣбомъ она ничего не сказала Грунѣ. Она только сообщила ей:

— Глѣбъ все по своему хочетъ сдѣлать. Ну, что жъ, пускай. Я какъ-нибудь доживу свой вѣкъ.

— А я?—спросила Груня.

— Говоритъ, что, если замужъ не выйдешь у дяди, такъ онъ потомъ, когда ученіе кончитъ, для тебя заработаетъ.

— Хе! Дожидайся того времени! Можно засохнуть, какъ мумія, пока онъ кончитъ свое ученіе.

Глѣбъ уѣхалъ къ дядѣ. Тамъ онъ рѣшительно и твердо заявилъ, чтобъ не ждали отъ него никакихъ перемѣнъ. Онъ сходилъ къ ректору и повторилъ ему свою просьбу о мѣстѣ въ духовномъ училищѣ.

— А вы знаете,—сказалъ ему ректоръ,—вашъ товарищъ, Лозовскій, тоже взялъ тутъ мѣсто. Онъ будетъ преподавать греческій языкъ. Онъ вѣдь знатокъ. Онъ въ подлинникѣ читаетъ творенія святыхъ отцовъ. И за вами мѣсто обезпечено.

Глѣбъ отыскалъ Лозовскаго, что было не легко сдѣлать. Онъ жилъ въ предмѣстьѣ, у знакомаго дьячка, на кладбищѣ, гдѣ готовилъ дьячковскаго сына во второй классъ духовнаго училища. Мальчикъ переросъ и уже не могъ поступить въ первый классъ. Здѣсь Лозовскій получалъ комнату, столъ и три рубля деньгами.

— Я нахожу, что для начала это условіе блестящее!—говорилъ Лозовскій.—У меня есть все, что нужно человѣку. И даже больше, потому что я не знаю, на что бы мнѣ истратить эти три рубля. Вѣдь я табаку не курю, женщинамъ букетовъ не подношу и вообще у меня нѣтъ никакихъ потребностей. Вотъ развѣ книги, такъ вѣдь на три рубля всё равно ни одной порядочной книги не купишь.

Лозовскій не цѣнилъ денегъ, не стремился къ ихъ пріобрѣтенію и презиралъ ихъ. Его требованія отъ жизни были крайне скромны. Если онъ мечталъ о блестящей ученой или монашеской карьерѣ, то единственно изъ самолюбія, гордости и желанія свободы.

Однажды Глѣбъ на улицѣ увидѣлъ Стрѣтенскаго. Тотъ сейчасъ же сталъ зазывать его къ себѣ.

— Знаешь, мой отецъ купилъ подъ городомъ дачу! Одна прелесть! У меня есть верховая лошадь и лодка, да какая

лодка! Просто игрушка! Можно и на парусахъ ѣздить, какъ на яхтѣ.

— Когда же ты готовиться будешь?—спросилъ Глѣбъ.

— О, я и теперь готовлюсь. Всю эту недѣлю сидѣлъ за тригонометріей. Приходи, вмѣстѣ будемъ повторять. Какая досада, что мы въ этомъ году не могли держать экзаменъ! Теперь были бы уже студентами. Черезъ четыре года я былъ бы адвокатомъ. А ты все-таки о своихъ естественныхъ наукахъ мечтаешь?

— Конечно.

— Брось! Вѣдь ни къ чему это! Какая же это карьера? Хоть бы уже филологію выбралъ, по крайней мѣрѣ можно получить мѣсто директора гимназіи... со временемъ, конечно.

— Да я не хочу быть директоромъ гимназіи.

— Чѣмъ же ты хочешь быть?

— Пока ничѣмъ. Пока я только хочу знаній. А когда буду знать, то и дѣло само собой сыщется.

Стрѣтенскій махнулъ рукой.

— Э, съ тобой не сговоришь! Ну, приходи же. Ахъ, да, слышалъ, что ты тутъ съ одной хорошенькой поповной ознакомился.

— А ты откуда это могъ узнать?

— Да такъ, слышалъ. Знаешь, въ нашемъ духовномъ кругу ничто не скроется. Все сейчасъ узнаютъ. Она въ епархіальномъ училищѣ была, Лауданова изъ Кочедаровки. Богачка... Даже поговариваютъ, что ты женишься на ней. Но я разочаровалъ. Нѣтъ, его, говорю, канатами на это не притянешь. Ну, прощай, я тороплюсь, тутъ одному офицеру прислали изъ Кіева велосипедъ,—это первый въ нашемъ городѣ,—я прошлымъ лѣтомъ ѣздилъ въ Одессу и видѣлъ; тамъ ихъ много, а у насъ еще не было. Хочу попробовать и непремѣнно себѣ выпишу и буду ѣздить.

Стрѣтенскій хотѣлъ было уже убѣжать, но Глѣбъ вдругъ вспомнилъ о порученіи, которое дала ему Варя.

— Постой, скажи, пожалуйста, не знаешь ли ты, дѣйствительно ли существуютъ въ Петербургѣ какіе-то женскіе курсы и правда ли, что тамъ, какъ и въ университетѣ, обучаютъ разнымъ наукамъ?

— А ты не знаешь? Конечно! давнымъ-давно открыты. Прежде были медицинскіе, а теперь ихъ нѣтъ, закрыли.

— А въ другихъ городахъ тоже есть?

— Въ другихъ—не знаю. Есть что-то въ Москвѣ и, кажется, въ Кіевѣ, да только не такіе. А тебѣ зачѣмъ это?

— Такъ, интересно.

Стрѣтенскій окончательно заторопился и исчезъ. Въ тотъ же день, придя домой къ дядѣ, Глѣбъ получилъ записку:

„Я здѣсь съ моимъ старикомъ,—писала Варвара Серафимовна:—пріѣхали на два дня. Папа ушелъ по дѣламъ, а я одинока. Никуда не хочется идти. Обязанность друга—занять скучающую дѣвицу". Глѣбъ заволновался, а отецъ Лаврентій, который видѣлъ, что онъ получилъ письмо, спросилъ:

— Отъ кого это?

— Лаудановы пріѣхали!—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Гдѣ же они? Въ гостинницѣ?

— Да.

— Такъ ты скажи, что отецъ Лаврентій убѣдительно проситъ побывать у насъ. Ну, иди же, иди скорѣе. Нельзя заставлять ихъ ждать тебя.

Отецъ Лаврентій понялъ дѣло, конечно, такъ, что записка была отъ отца Серафима. И Глѣбъ былъ очень радъ, что онъ такъ понялъ. Его вовсе не надо было понукать и торопить. Онъ быстро накинулъ пальто и шляпу и побѣжалъ.

Варя ходила по комнатѣ, когда онъ вошелъ. Она остановилась. Онъ тоже на секунду остановился на порогѣ, лицо его сіяло отъ удовольствія.

— Какая вы добрая!—промолвилъ онъ, потомъ направился къ ней и они пожали другъ другу руки.

— Чѣмъ?—спросила она.

— Тѣмъ, что сейчасъ вспомнили обо мнѣ.

— О, я никогда не забывала о васъ. Сядемьте, разскажите о своихъ дѣлахъ. Взяли мѣсто? Не передумали? Не женились?

Она посмотрѣла ему въ глаза и въ ея глазахъ онъ увидѣлъ веселую улыбку. Онъ разсмѣялся.

— Какіе вы веселые вопросы задаете, Варвара Серафимовна! Нѣтъ, нѣтъ, не женился. Во всей природѣ не найдется для меня невѣсты, вотъ какой я необыкновенный женихъ.

— Какъ во всей природѣ?—съ прежней улыбкой спросила она.—А я все мечтала, что вы ко мнѣ посватаетесь.

— Когда-нибудь непремѣнно посватаюсь, Варвара Серафимовна, непремѣнно, непремѣнно, я вамъ обѣщаю это. А теперь вѣдь намъ некогда. Правда?

— Вамъ некогда. Это правда, а мнѣ... мнѣ дѣлать не-

чего. Вотъ папа хочетъ устроить церковно-приходскую школу, такъ я буду въ ней учить.

— Ну, нѣтъ, Варвара Серафимовна, для васъ это слишкомъ дешево. Вамъ рано учить. Вамъ надо учиться.

— О, гдѣ тамъ!

— Да, да. Вы думаете, я забылъ о курсахъ? Помните, вы мнѣ поручили. Нѣтъ, я узналъ кое-что. Правда, источникъ пока легкомысленный. Но все же онъ бываетъ всюду и у него много газетъ и журналовъ. Курсы есть и совсѣмъ такіе, какъ университетъ, съ факультетами. Это въ Петербургѣ. Но многія дѣвушки учатся и въ Кіевѣ, и въ Москвѣ. Тамъ не такъ хорошо устроено, но все же читаютъ лекціи. И многому научаются.

— Да папа объ этомъ и слышать не захочетъ.

— А вы надоѣдайте, убѣждайте, настаивайте. Вѣдь вы у него одна и ваша воля для него законъ.

— Да, законъ. Это правда. Но до тѣхъ поръ, пока она не слишкомъ противорѣчитъ его взглядамъ. Вѣдь когда любишь, то пріятно дѣлать маленькія уступки.

— Мнѣ кажется, что еще пріятнѣе большія, даже жертвы.

— Можетъ быть, и жертвы, но до тѣхъ поръ, пока не приходится отнимать у себя самый предметъ любви. Я тебя люблю и потому отъ тебя отказываюсь—право, въ этомъ нѣтъ смысла. Я читала одинъ такой романъ, но я съ этимъ несогласна. Я никогда добровольно не откажусь отъ того, кого люблю. А отецъ мой любитъ меня беззавѣтно. У него больше некого любить. Отпустить меня куда-нибудь въ Петербургъ, значитъ отказаться отъ меня надолго. Нѣтъ, меня онъ не пуститъ.

Явился отецъ Серафимъ и сталъ угощать Глѣба чаемъ, виномъ, икрой и даже коньякомъ, котораго Глѣбъ никогда еще не пилъ. Онъ любилъ, когда пріѣзжалъ въ городъ, покутить у себя въ номерѣ. Глѣбъ передалъ ему приглашеніе отца Лаврентія.

— Благодарю отца Лаврентія, — сказалъ отецъ Серафимъ: — завтра непремѣнно у него буду. Я бы и самъ догадался, да сегодня у меня было много дѣла, никакъ неуспѣлъ.

Потомъ онъ разспрашивалъ Глѣба о его дѣлахъ. Глѣбъ сообщилъ о томъ, что взялъ мѣсто въ духовномъ училищѣ. Разсказалъ онъ и о Лозовскомъ, о томъ, что онъ будетъ

учительствовать и объ его урокѣ у дьячка. Отецъ Серафимъ промолвилъ:

— Обидѣлъ онъ меня очень, но все же я его уважаю и цѣню. Умъ у него особенный,—крѣпкій, извилистый, острый, глубокій. И характеръ большой. Онъ многаго добьется. Я даже и это цѣню, что онъ хочетъ быть самостоятельнымъ. Хотя и чувствую обиду, но все-таки цѣню и потому цѣню, что такіе люди у насъ рѣдкость, а все больше тряпки и никуда негодные.

Вообще Глѣбъ теперь совсѣмъ перемѣнилъ мнѣніе объ отцѣ Серафимѣ. Въ первый разъ, когда онъ къ нимъ пріѣхалъ въ деревню, въ день похоронъ отца, онъ произвелъ на него впечатлѣніе навязчиваго старичишки, самодовольнаго, увѣреннаго въ своей непогрѣшимости. Потомъ онъ увидѣлъ, что это человѣкъ разсуждающій и справедливый. Справедливость Глѣбъ ставилъ выше всего.

Когда начало смеркаться, Глѣбъ поднялся, чтобы идти, но Варя удержала его.

— Какъ, уже? Но мы не наговорились. Вѣдь теперь Богъ знаетъ когда увидимся.

— А вы уже скучаете другъ по другѣ?—спросилъ отецъ Серафимъ.

— Глѣбъ Назаровичъ этого вовсе не сказалъ! — отозвалась Варя,—а я по немъ скучала, это правда.

— Не было случая сказать, — промолвилъ Глѣбъ, — а теперь я вамъ это заявляю.

— Странные вы, престранные вы молодые люди!—промолвилъ отецъ Серафимъ, глядя на обоихъ съ великимъ любопытствомъ.

Глѣбъ остался и просидѣлъ у нихъ еще часа два.

X.

Лозовскій занималъ миніатюрную комнатку, единственное окно которой и дверь выходили на кладбище. Дьячекъ даже стѣснялся предложить ему эту комнату. Когда Лозовскій освѣдомился, что онъ противъ нея имѣетъ, то онъ отвѣчалъ:

— Какъ-то, знаете, неловко, кладбище... Могилы, знаете... Это какъ-то тоску нагоняетъ.

— Напротивъ, напротивъ,—говорилъ Лозовскій,—я даже радъ такому необыкновенному случаю. Квартира на кладбищѣ,

это не такъ легко найти при жизни! Это, можно сказать, единственный случай.

А дьячекъ жаловался, что на него видъ кладбища наводитъ уныніе.

— Вотъ вы не повѣрите, если я вамъ скажу... Четырнадцать лѣтъ на этомъ мѣстѣ состою, постоянно мертвецовъ дюжинами отпѣваю, а все не могу привыкнуть...

— Да къ чему же тутъ привыкать собственно? Дѣло житейское, со всякимъ можетъ случиться.

— Такъ-то оно такъ, да все же, знаете... непріятно. Я часто думаю, какъ это гробовщикъ можетъ... Я бы на его мѣстѣ никакъ не могъ.

— Гробовщикъ? Да помилуйте, у него есть такое преимущество: его никогда не застанетъ врасплохъ, у него всегда гробъ готовъ.

Дьячекъ качалъ головой и спѣшилъ уйти отъ такихъ разговоровъ.

Лозовскій, говоря такимъ образомъ, нисколько не рисовался. Онъ не только ничего не имѣлъ противъ, но даже находилъ особенное удовольствіе жить на кладбищѣ. Уже то одно, что онъ теперь жилъ не такъ, какъ всѣ живутъ, давало ему извѣстное удовлетвореніе. Онъ любилъ во всемъ поступать не такъ, какъ поступаютъ обыкновенные люди. Онъ говорилъ: мертвецы самый беззлобный народъ. Отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, нечего опасаться подвоха...

Онъ часто уходилъ въ дебри крестовъ и мраморныхъ памятниковъ, садился на камнѣ и углублялся въ какую-нибудь книжку. Среди глубокой тишины кладбища онъ забывалъ обо всемъ мірѣ; онъ переносился и весь уходилъ въ тотъ міръ, о которомъ говорила ему книга, и когда приходилъ въ себя и, поднявъ голову, видѣлъ себя окруженнымъ могилами, то испытывалъ какое-то странное, болѣзненное чувство удовлетворенія. Онъ одинъ здѣсь живетъ. Они, эти люди прошлаго, лежащіе подъ землей, они умерли, а онъ живетъ здѣсь, вѣдь это тоже своего рода преимущество. Случалось, что ночью, когда ему не спалось, а у него часто бывали безпричинныя безсонницы, онъ выходилъ изъ своей комнаты, останавливался у порога и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на этотъ лѣсъ крестовъ. Тогда голова его наполнялась причудливыми мыслями, ему казалось, что эти могилы живутъ, каждая по своему, только жизнь ихъ скрыта отъ нашихъ глазъ. Подчасъ эти мысли превращались въ образы,

которые принимали почти реальный обликъ и ему казалось, что могилы задвигались, памятники надъ ними закачались и поднимался между ними „безмолвный говоръ". Но онъ не пугался, сердце его не замирало, а билось такъ ровно, какъ и всегда. Онъ не бѣжалъ, а оставался на мѣстѣ.

„Какія необыкновенныя ощущенія создаетъ одиночество,— думалъ онъ про себя.—Да, одиночество выше всего. Воображеніе работаетъ свободно, у него нѣтъ никакихъ рамокъ, никакихъ границъ. Что за бѣда, что образы его причудливы и нелѣпы? Уже то у нихъ преимущество, что они не похожи на пошлую жизнь".

Когда приходилъ къ нему Глѣбъ, онъ говорилъ ему, указывая, черезъ окно, на своихъ молчаливыхъ сосѣдей:

— Вотъ, Глѣбъ Назаровичъ, пейзажъ, какого не встрѣтишь ни на какихъ выставкахъ. Если я когда-нибудь буду имѣть власть распоряжаться своей личностью, я непремѣнно поселюсь на кладбищѣ. Я построю домъ какъ разъ въ центрѣ, среди могилъ и памятниковъ, и мнѣ будетъ ужасно весело. И всякій разъ, когда на кладбище принесутъ новаго покойника, я буду праздновать это событіе, я буду задавать пиръ въ честь того, что однимъ мизернымъ существованіемъ стало на землѣ меньше...

— Ты боленъ, Лозовскій,—говорилъ ему Глѣбъ,—ты несомнѣнно боленъ.

— Да, я боленъ и въ этомъ мое преимущество!—отвѣчалъ Лозовскій.—Я дѣйствительно боленъ, Щедротовъ. Я унаслѣдовалъ отъ моей матери отвратительную нервную систему, которая чувствуетъ неправильно. Но въ этомъ есть особая прелесть. Чувствовать оригинально, хотя бы и неправильно, это высокое наслажденіе. Ты, напримѣръ, если увидишь на улицѣ упавшую лошадь, тебѣ жаль ее, а мнѣ... Я вчера видѣлъ это и мнѣ захотѣлось смѣяться...

— Почему это можетъ быть смѣшно?

— А ужъ почему, этого я не знаю, только это такъ. Я не могъ удержаться отъ смѣха. Впрочемъ, это не всегда, разумѣется, но иногда это со мной случается. Но почемъ ты знаешь, что именно ты чувствуешь правильно, а не я? Можетъ быть, тутъ и надо смѣяться, а не сожалѣть? Все это, братъ, еще области неизвѣданныя и темныя.

Лѣто подходило къ концу. И Глѣбъ, и Лозовскій получили оффиціальное назначеніе на мѣста. Наступилъ августъ и

они начали работать. Стали привозить новичковъ, пошли экзамены и переэкзаменовки.

Училище было очень хорошо знакомо Глѣбу, такъ какъ онъ въ немъ учился до поступленія въ семинарію. Лозовскій же учился въ другомъ городѣ, поэтому для него тутъ все было ново. Онъ долженъ былъ представляться смотрителю и его помощнику, которые были его начальниками, а также знакомиться съ товарищами и поддерживать съ ними извѣстныя отношенія. Для него это было тяжело, онъ не любилъ новыхъ знакомствъ. Кромѣ того, и образъ жизни его отличался отъ образа жизни другихъ. Все это были молодые люди, которые тратили на себя все свое жалованье. Они прилично одѣвались, иные даже по модѣ, и занимали удобныя квартиры. Лозовскій же даже не перемѣнилъ той казенной пары, которая была выдана ему изъ семинаріи при окончаніи курса. Онъ не придавалъ никакого значенія внѣшности и, кромѣ того, у него была важная цѣль—онъ копилъ деньги.

Глѣбъ былъ въ нѣсколько иномъ положеніи. Одежда его не отличалась изяществомъ, но все же и не бросалась въ глаза своей поношенностью. Онъ не дѣлалъ почти ничего новаго, но у него осталось много изъ того, что было сдѣлано при жизни отца. Вѣдь въ семинаріи онъ былъ своекоштнымъ.

Глѣбу почти не предстояло дѣлать новыхъ знакомствъ среди его товарищей по училищу, которые все были его прежніе учителя. Они остались съ тѣми же познаніями, съ какими онъ зналъ ихъ шесть лѣтъ тому назадъ. Глѣбъ припоминалъ, какими они тогда казались ему учеными и умными, а теперь онъ находилъ ихъ ограниченными и невѣжественными. Эти люди ни къ чему не стремились, у нихъ не было никакихъ цѣлей, они просто жили себѣ, исполняли свои обязанности и получали за это жалованье. Смотритель, впрочемъ, былъ исключеніемъ. Это былъ старикъ съ исторіей въ прошломъ. Онъ былъ магистръ и когда-то въ одной отдаленной губерніи занималъ значительный постъ въ семинаріи. Но характеръ у него былъ слишкомъ прямой и неуступчивый. Онъ поссорился съ начальствомъ и даже совершилъ какое-то дѣяніе, за которое ему полагалась тяжелая кара, но его пощадили и огранились пониженіемъ въ должности. Карьера его, разумѣется, прекратилась. Теперь онъ засѣлъ на смотрительскомъ мѣстѣ, до обѣда исполнялъ свои обязанности, а послѣ обѣда принимался за ромъ и прихлебывалъ его, не переставая, до самой ночи. Глѣба онъ встрѣтилъ съ распро-

стертыми объятіями. Онъ не любилъ, когда къ нему назначали учителями семинаристовъ, вышедшихъ изъ другихъ училищъ, и очень былъ доволенъ, когда являлись его ученики, и на это у него были особыя соображенія: они знали его слабость и, когда становились учителями, не дѣлали удивленныхъ глазъ, не косились и не осуждали его.

Началось ученіе и пошло своимъ чередомъ.

Ирина Власьевна и Груня переселились въ городъ и поселились у отца Лаврентія. У дяди въ домѣ было двѣ отдѣльныхъ комнаты, которыя ему не были нужны и онѣ заняли ихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ переѣхали сюда, на лицахъ ихъ какъ бы замерла печаль и страданіе. Ирина Власьевна съ того дня, какъ было продано ея имущество въ деревнѣ и домъ занятъ другимъ священникомъ, словно утратила способность улыбаться. А Груня имѣла такой видъ, какъ будто ежечасно оплакивала ее. Онѣ прятались въ своихъ двухъ комнатахъ, избѣгали выходить, дичились людей.

Глѣбъ жилъ отдѣльно. Онъ занималъ маленькую комнатку, но обѣдать приходилъ къ дядѣ. Когда онъ заходилъ къ матери, то всякій разъ испытывалъ такое ощущеніе, словно попадалъ въ могилу. Съ нимъ просто не хотѣли говорить. Если онъ не задавалъ вопроса, на который отвѣчали ему односложно, или если чего-нибудь не разсказывалъ, то онѣ упорно молчали и могли молчать такимъ образомъ цѣлый день. Это была пассивная месть людей, оказавшихся безсильными повернуть дѣло по своему.

Но за то у Глѣба давно уже не являлось прежняго чувства виноватости. Эта непримиримая злобность со стороны матери и сестры дѣйствовала на него охлаждающимъ образомъ. Онъ видѣлъ, что къ нему жестоки, немилосердны, не великодушны, и чувство жалости уступало мѣсто совсѣмъ противоположнымъ чувствамъ.

Онъ тратилъ на себя ничтожную сумму. Только въ первое время пришлось подновить одежду, чтобъ прилично являться на урокъ, и это стоило ему значительныхъ издержекъ. И онъ съ радостью видѣлъ, какъ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивается его сбереженіе. Въ каждомъ прибавившемся рублѣ онъ видѣлъ союзника, который поможетъ ему побороть всѣ препятствія. Въ то же время онъ усердно готовился къ экзамену.

Сперва онъ хотѣлъ было заниматься съ Стрѣтенскимъ, который даже приглашалъ его жить къ себѣ; но потомъ онъ сталъ ему невыносимъ своими слишкомъ опредѣленными

взглядами на жизнь и онъ остался одинъ. Когда онъ сходился съ Лозовскомъ, то прежде всего они хвастались другъ передъ другомъ своими сбереженіями.

— У меня уже двѣсти пятьдесятъ!—говорилъ Лозовскій на Рождествѣ.—Это такая сумма, какой я еще никогда въ жизни вблизи не видалъ. Собственно говоря, я могъ бы уже теперь бросить учительство, потому что съ этой суммой легко достигнуть цѣли, но остаюсь на случай, что въ академіи сразу не примутъ меня на казенный счетъ, тогда больше понадобится денегъ. При томъ же, если будетъ больше денегъ, то смогу махнуть прямо въ Петербургъ, а это очень важно.

У Глѣба сбереженія шли не такъ успѣшно. Ему приходилось отъ времени до времени кое-что предлагать сестрѣ, на покупки разныхъ мелочей ея туалета. Деньги отъ него брали, несмотря на замкнутость и презрительное молчаніе.

На Рождествѣ Глѣбъ, никому не сказавъ ни слова, укатилъ въ Кочедаровку. Онъ около полугода не видался съ Варварой Серафимовной. Правда, они посылали другъ другу короткія записки, когда въ городъ пріѣзжалъ отецъ Серафимъ. Старикъ всегда заходилъ къ Глѣбу и, глядя на его скромную жизнь, всякій разъ приходилъ въ умиленіе отъ его настойчивости и скромности.

— Да,—говорилъ онъ,—сначала я не одобрялъ вашихъ намѣреній, но я думалъ, что это такъ себѣ, блажь, а теперь вижу, что это искренное стремленіе и изъ него непремѣнно будетъ толкъ. Дерзайте, дерзайте, молодой человѣкъ, одобряю. Ну, а вотъ вамъ отъ моей Варвары посланіе.

Глѣбъ не умѣлъ скрывать радости, которую доставляли ему эти посѣщенія. Онъ спѣшилъ распечатать письмо. Варя обыкновенно сообщала, что „у нихъ въ деревнѣ скучно и что ей хочется и поговорить о высокихъ матеріяхъ». Она просила его, чтобы онъ пріѣзжалъ къ нимъ каждый праздникъ, но это было невозможно. Ѣхать приходилось такъ долго, что пришлось бы въ Кочедаровкѣ провести полчаса, а остальное въ дорогѣ.

Однажды отецъ Серафимъ пришелъ къ нему съ какимъ то особеннымъ, ему несвойственнымъ видомъ.

— Что у васъ за разговоръ былъ съ Варенькой на счетъ какихъ-то курсовъ?—съ нѣкоторой робостью спросилъ онъ у Глѣба.

— Да, мы говорили объ этомъ,—отвѣтилъ Глѣбъ,—есть такіе курсы. Варвара Серафимовна выражала желаніе учиться.

Отецъ Серафимъ сурово покачалъ головой:

— Ну, это ужъ нѣтъ, эти разговоры вы лучше оставьте, Глѣбъ Назаровичъ, не смущайте ее, не смущайте. Ни на какіе курсы я ее не отпущу. А только напрасно она заберетъ это себѣ въ голову, и будемъ страдать мы оба.

Глѣбъ на этотъ разъ просто не узнавалъ его. Онъ былъ съ нимъ холоденъ и суровъ. Онъ говорилъ какъ бы про себя: „Забываютъ, что у меня она—одно утѣшеніе, ради котораго живу! Забываютъ это. Вотъ, можетъ, скоро умру, тогда пусть дѣлаетъ, что хочетъ".

— Да вы же сами соглашались отдать ее замужъ!—возразилъ Глѣбъ.

— О, это совсѣмъ другое дѣло! Она была бы гдѣ-нибудь близко, я бы ѣздилъ къ ней, она бы пріѣзжала ко мнѣ; это другое дѣло.

Но, посидѣвъ у Глѣба съ полчаса, отецъ Серафимъ смягчился и заговорилъ въ болѣе сердечномъ тонѣ.

— Вы на меня, Глѣбъ Назаровичъ, не обижайтесь, вы войдите въ мое положеніе. Я, конечно, былъ нѣсколько рѣзокъ, это правда. Какъ я могу сказать вамъ: о томъ, молъ, можно говорить, а о другомъ нельзя? Этого нельзя заказать. Нѣтъ, я просто прошу васъ, понимаете, прошу, не отнимайте вы у меня Вареньки.

— Какъ я могу отнять ее у васъ?

— Ну, да такъ. Ужъ я не знаю, какъ это у васъ тамъ называется, а у нея ваше слово все равно, что заповѣдь. Вотъ я что-нибудь выскажу, по своему разумѣнію, а она мнѣ сейчасъ: нѣтъ, говоритъ, не такъ, а Глѣбъ Назаровичъ вотъ какъ думаетъ...

Для Глѣба это было пріятной новостью; впрочемъ, онъ давно чувствовалъ, что Варя питаетъ къ нему безконечное довѣріе.

Онъ пріѣхалъ неожиданно. Варя и не думала, что онъ помчится тотчасъ же, какъ распустятъ въ школѣ. Она думала, что онъ сочтетъ своимъ долгомъ провести первые дни праздника съ родными.

— Ахъ, знаете,—возразилъ на это Глѣбъ,—въ вашемъ домѣ я чувствую себя роднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

И при этомъ онъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза и не ощущалъ ни неловкости, ни смущенія. За то и она проявляла къ нему всѣ доказательства величайшей дружбы. Она не покидала его весь вечеръ, разспрашивала о дѣлахъ, о

томъ, какъ идутъ его занятія, много ли онъ накопилъ денегъ, объ отношеніяхъ къ матери, къ дядѣ.

Отецъ Серафимъ до полуночи сидѣлъ съ ними и любовался на ихъ оживленныя лица и несмолкаемыя рѣчи. Никогда онъ не видалъ Варю такой довольной и веселой. Но послѣ двѣнадцати онъ утомился и пошелъ спать.

„Странные нынче молодые люди,—думалъ онъ, собираясь творить молитву: —вѣдь какъ рада ему, вся перемѣнилась, глаза горятъ. И онъ точно такъ: примчался въ зимнюю пору, по дурной дорогѣ, въ жиденькомъ пальтишкѣ. По нашему сказали бы, что безъ памяти влюблены другъ въ друга, а по ихнему—у нихъ дружба. Вотъ ты и пойми ихъ. Въ наше время цѣловались бы, а они разговоры ведутъ о наукахъ да о разныхъ планахъ. А славный онъ молодой человѣкъ, хорошій, чистый".

А Варя съ Глѣбомъ просидѣли еще часа три и отцу Серафиму сквозь сонъ долго слышались ихъ живые голоса.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* * *

Ночь безконечная, глухая,
Ночь молчаливая близка...
А я одинъ... Въ душѣ нѣмая,
Невыразимая тоска...
Какъ въ мутный сумракъ ночи черной
Уходитъ жизнь въ глубокомъ снѣ,
Я отдаюсь душой покорной
Ея могильной тишинѣ...
Но есть мечта: она любовью,
Она надеждою живитъ;
Она, склоняясь къ изголовью,
Про міръ иной мнѣ говоритъ.
И тихо я несусь душою
Къ роднымъ полямъ: тамъ, далеко,
Во тьмѣ лѣсовъ, подъ зимней мглою,
Мнѣ и отрадно, и легко!
Въ глуши нѣмой и непривѣтной,
Въ нуждѣ, въ терпѣньи безъ конца
Тамъ бьются жизнью незамѣтной
Родныя, милыя сердца.
И сладко думать, что мерцаетъ
Тамъ огонекъ и за трудомъ
Не слышно вечеръ протекаетъ
И дышитъ миромъ и тепломъ;
Что не всесиленъ тамъ угрюмый
Ни мракъ ночей, ни жизни гнетъ
И молодыя зрѣютъ думы,
И нѣжно молодость цвѣтетъ...
И горько думать, что далеко
Родимый край, что онъ забытъ
И позабытый, одиноко
Все переноситъ и молчитъ!..

Ив. Бунинъ.

Спб. Дек. 1895 г.

СИМВОЛИЗМЪ И СТЕФАНЪ МАЛЛАРМЭ.

Критическій очеркъ Эдмунда Госсе *).

Перев. съ англійскаго З. Журавской.

Имя, стоящее въ заголовкѣ этого очерка, принадлежитъ писателю, который въ настоящее время вызываетъ болѣе толковъ, подвергается болѣе ожесточеннымъ нападкамъ, имѣетъ болѣе страстныхъ поклонниковъ и защитниковъ—и въ то-же время менѣе понятъ, чѣмъ всякій другой изъ интеллигентныхъ людей Европы, стоящихъ на одинаковой съ нимъ умственной высотѣ. Даже свирѣпый мірокъ парижскихъ литераторовъ уважаетъ чистоту его побужденій и умѣнье держаться съ достоинствомъ. Благожелательный къ младшимъ, изысканно вѣжливый и сдержанный въ спорахъ, замѣчательный мастеръ стиля, нѣжнаго и вмѣстѣ умѣреннаго, что такъ рѣдко умѣютъ цѣнить литераторы,—Малларм̀э первый привлекаетъ вниманіе каждаго, кто издали съ любопытствомъ приглядывается къ парижской сумятицѣ,—привлекаетъ прежде всего прелестью и благородствомъ своего образа дѣйствій; это мечтательный сэръ Ланселотъ, пробирающійся сквозь лѣсъ драконовъ, чтобъ освободить скорбную дѣву поэзіи. Въ непрерывной памфлетной войнѣ, которую ведетъ его партія, другіе отстаиваютъ самихъ себя,—Малларм̀э всегда самое дѣло; когда же битва кончена, и бойцы пируютъ вкругъ бивачныхъ огней, онъ тихонько покидаетъ ихъ, чтобы снова вернуться въ «башню слоновой кости»—храмъ размышленія и созерцанія. Прежде чѣмъ мы узнали, право ли его дѣло, прежде чѣмъ прочли хоть строку изъ его стиховъ,—самая личность его, чистая и благородная, уже предрасположила насъ въ его пользу.

Но, несмотря на привлекательность личности Малларм̀э, несмотря на то, что онъ стоитъ во главѣ весьма шумной толпы,

---

*) Изъ сборника «Questions at Issue», «Очередные вопросы». Статья написана въ 1893 г.

у насъ, въ Англіи *), его знаютъ удивительно мало. До сихъ поръ онъ печаталъ свои произведенія такъ рѣдко и облекалъ это такой таинственностью, что ни отъ одной его книги и полудюжины экземпляровъ не достигло Англіи. Теоріи Маллармэ осмѣивали и извращали, стиль его пародировали, его пріемы строго порицали, но что собственно такое эти теоріи, стиль и пріемы—представляли себѣ весьма смутно. Маллармэ затерялся въ складкахъ общей завѣсы тумана, окутывающей наши британскія понятія о символистахъ и импрессіонистахъ.

Въ первый разъ о декадентахъ заговорили въ 1886 г. То было время, когда на минуту яркій фейерверкъ славы озарилъ знаменитый сонетъ Артура Рамбо о цвѣтѣ гласныхъ, когда все и вся повторяли другъ другу:

А—черный цвѣтъ; J—голубой; Е—бѣлый; И—желтый; О,—красный;
Но пурпуровый ищетъ напрасно родственной гласной.

то было царство—теперь ужъ давно минувшее—Ноэля Лумо и Маріуса Тапера, дни, когда невыразимый Адорэ Флупеттъ издалъ свое *Deliquescences*. Гдѣ вчерашніе *деликвесценты*? Гдѣ нѣкогда знаменитая сцена въ «*boudoir oblong aux cycloïdes bigarrures*», оживленная «Чаемъ у Миранды» Жака Мореаса? Всѣ они сдѣлали свое дѣло—посмѣшили народъ и были забыты. Краткая жизнь имъ досталась въ удѣлъ! На смѣну имъ выступили новыя чудачества, новыя рати и школы поэтовъ: эволютиво-инструментисты, катаклизмисты, тромбонисты;—и тѣхъ уже нѣтъ; въ ту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, развѣ они уже не забыты? Но среди этого міра фантасмагорій, этихъ мимолетныхъ видѣній и ничтожныхъ индивидуальностей, промелькнувшихъ въ стеклѣ калейдоскопа, чтобы не появляться болѣе, остается одна фигура—Стефана Маллармэ, истаго *homme des lettres*, единственнаго пока изъ всѣхъ, такъ называемыхъ декадентовъ, доказавшаго свои права на серьезное отношеніе къ себѣ.

Если вѣрить словарямъ, Стефанъ Маллармэ родился въ 1842 г. Жизнь его, повидимому, чрезвычайно бѣдна событіями. Онъ долго занималъ, да, кажется, и теперь занимаетъ мѣсто преподавателя англійскаго языка въ *Lycée Fontanes*, въ Парижѣ. Около двадцати лѣтъ тому назадъ, онъ на короткое время посѣтилъ Лондонъ и, возвращаясь, увезъ съ собой, какъ я хорошо помню, большой портфель—свой переводъ *Ворона* Поэ съ причудливыми иллюстраціями Маке. Онъ велъ жизнь буддиста, спокойную, созерцательную, и почти ничего не печаталъ, ненавидя, какъ онъ выражался, всякую *вы-*

*). И еще меньше въ Россіи.

ставочность, сопряженную съ изданіемъ книги, банальность шрифта, набора, корректуры и проч.

Революціонныя идеи Маллармэ въ области стиля были впервые формулированы въ 1875 г., когда *Parnasse Contemporain*, издаваемый его друзьями и сверстниками, отвергъ его первую большую поэму, *L'Après Midi d'un Faune*, вышедшую, наконецъ, уже въ 1876 г., въ видѣ брошюры in-quarto, съ иллюстраціями Мане. Въ томъ же году онъ далъ первый образчикъ новой прозы—вступительный очеркъ къ великолѣпному изданію Бекфордова *Фатека*, на веленевой бумагѣ, въ обложкѣ изъ чернаго и алаго шелка, и въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Единственное привѣтствіе, котораго удостоились эти два вѣстника декадентства, показалось смѣшнымъ. Быть можетъ, Маллармэ и былъ обезкураженъ такимъ началомъ, но нисколько не смирился.

Долго онъ оставался въ тѣни, но когда школа его разрослась, его убѣдили снова выступить на арену. Въ 1886 г. появился одинъ томикъ его поэмъ, въ крайне необычной формѣ—сфотографированныхъ съ рукописнаго оригинала. Въ 1888 г. послѣдовало изданіе перевода поэмъ Эдгара Поэ. Но до 1893 г. заурядному читателю даже во Франціи не было возможности составить себѣ понятіе о прозѣ или стилѣ Маллармэ. А между тѣмъ, имя его сдѣлалось однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ въ современной литературѣ. Тысячи эксцентричностей, тысячи актовъ возмущенія противъ традиціи прикрываются знаменемъ его нѣмого одобренія. Давно пора попытаться выяснить, въ чемъ же, наконецъ, заключается ученіе Маллармэ и особенности его пріемовъ?

Осмѣивать декадентовъ или подчеркивать ихъ странности такъ легко, что даже недостойно серьезной критики. Любой брюзга-дилеттантъ самымъ простымъ способомъ покажетъ вамъ, что поэмы, какъ учениковъ, такъ и учителя, одинаково чудовищны, непонятны, извращены и до смѣшного нелѣпы. Маллармэ приходилось слышать не мало жесткихъ словъ не только отъ старыхъ классическихъ критиковъ, въ родѣ Брюнетьера, но и отъ тѣхъ, у кого онъ могъ бы надѣяться встрѣтить симпатію. Его старинные друзья, какъ Леконтъ де-Лиль, заявляютъ, что въ былое время они понимали его, но, увы! не понимаютъ его болѣе; или, какъ Франсуа Коппе, избѣгаютъ всякихъ разговоровъ о его стилѣ, упорно ограничиваясь похвалами «его возвышенному» уму, его жизни, такой прекрасной и чистой. Когда такіе люди увѣряютъ, что они не въ состояніи понять писателя, современнаго имъ и говорящаго однимъ съ ними языкомъ,—попытка объяснить его со стороны иностранца можетъ показаться дерзостью. Въ буквальномъ и строгомъ смыслѣ

слова, я и не претендую на точное пониманіе поэмъ Малларма. При самомъ тщательномъ и любовномъ изслѣдованіи, онъ остается писателемъ, въ высшей степени труднымъ для изученія. Но, во всякомъ случаѣ, я полагаю, внимательное и любовное изученіе можетъ помочь критику уловить духъ, оживляющій эту странную и загадочную личность. Именно съ такимъ вниманіемъ и любовью я изучалъ Малларма, и результатами изученія, хотя и не безъ примѣси недовѣрія, хочу теперь подѣлиться съ читателемъ.

Въ переводѣ на обыкновенную рѣчь, главная задача Малларма и его приверженцевъ—оживить притокомъ свѣжихъ струй томно-медлительное теченіе французскаго стиля. Искусство, утверждаютъ они, не есть что-либо устойчивое и опредѣленное; при дальнѣйшемъ развитіи своемъ въ будущемъ, оно можетъ проложить себѣ новые пути, не вполнѣ совпадающіе съ тѣми, какими оно шло въ недавнемъ прошломъ. Наскучивъ оффиціальной французской версификаціей, они мечтаютъ о новыхъ эффектахъ, которые всѣ руководства къ французской просодіи признаютъ невозможными. Они безъ конца умножаютъ опыты, ощупью ищутъ дороги; мнѣ не въ чемъ упрекнуть ихъ, кромѣ развѣ излишней поспѣшности (впрочемъ, Малларма и этимъ не грѣшенъ) въ опубликованіи своихъ «попытокъ». Они преслѣдуютъ тѣ же цѣли, какъ и наши *Ареопагиты* 1580 г., собиравшіеся «общаго застоя ради и молчанія смѣлыхъ стихотворцевъ, включая и лучшихъ изъ нихъ, начать новый и славный походъ во имя замѣны варварскихъ виршей искусными стихами». Пожелаемъ причудливымъ произведеніямъ современныхъ парижскихъ эфо(н)истовъ участи, лучшей той, какая постигла трехстопные ямбы мастера Дранта и мастера Престона. Причина появленія ихъ объясняется просто—упадкомъ, истощеніемъ языка, смѣнившимъ блестящую эпоху дѣятельности Виктора Гюго и его современниковъ. Кромѣ того, строгая и безличная версификація парнассцевъ, естественно, должна была вызвать, какъ реакцію,—стремленіе къ свободѣ. Послѣ того, какъ оффиціальный стихъ, чеканный и полированный, былъ доведенъ до металлическаго совершенства въ сонетахъ де-Эредія, поэтамъ, или мнящимъ себя поэтами слѣдующаго поколѣнія, оставалось только одно—вернуться къ бараньимъ шкурамъ и пастушеской дикости.

Переходя отъ символизма вообще къ Стефану Малларма и его теоріямъ въ частности, мы прежде всего видимъ въ немъ индивидуалиста. Поэты предыдущаго поколѣнія были стаей пѣвчихъ птицъ, получившихъ воспитаніе въ общемъ птичникѣ. Будто на мраморныхъ плитахъ новаго храма Сераписа, они выступали на публичныя состязанія, добиваясь награды за наилучшую шли-

фовку стиха. Въ противоположность этимъ соперничествамъ и союзамъ, Маллармэ всегда одинокъ и свободенъ. По его словамъ, «поэтъ—человѣкъ, который уединяется, чтобы на свободѣ изваять памятникъ для собственной могилы». Онъ отказывается повиноваться традиціямъ іерархіи, столпомъ и первосвященникомъ которой былъ Викторъ Гюго. Онъ находитъ александрійскій стихъ, въ томъ видѣ, какъ онъ принятъ въ неподатливой просодіи современнаго французскаго языка, дѣтски грубымъ и упрямымъ инструментомъ, изъ котораго въ наше время не извлечь уже больше мелодій. Насколько я понимаю, Маллармэ не предлагаетъ, подобно нѣкоторымъ изъ своихъ послѣдователей, совершенно откинуть эту благородную форму стиха и перейти къ чему-то въ родѣ рифмованнаго «вальтъ-витманизма». Ни въ одной изъ его напечатанныхъ поэмъ я не нахожу и слѣда такого намѣренія. Но для него, очевидно, строчка въ двѣнадцать слоговъ представляетъ собою не шесть звуковъ, а двѣнадцать, и онъ желаетъ, чтобы ему позволили комбинировать эти двѣнадцать звуковъ, какъ ему заблагоразсудится. Мелодіи, хотя бы купленной цѣною жертвы старыми іезуитскими законами,—вотъ чего добивается онъ,—гармоніи стиха, достигнутой новыми путями, извлеченіемъ на свѣтъ Божій скрытыхъ силъ и способностей органа, которымъ до сихъ поръ пользовались слишкомъ условно.

Вотъ, вкратцѣ, всѣ его нововведенія въ просодіи. Для языка онъ требуетъ такого же обновленія, замѣны старыхъ избитыхъ терминовъ причудливыми, экзотическими или давно вышедшими изъ употребленія. Онъ буквально понимаетъ и принимаетъ фразу Теофиля Готье, что слова — драгоцѣнные камни, и надо ставить ихъ такъ, чтобъ они сіяли и сверкали со страницъ книги. Болѣе индивидуальная, какъ мнѣ кажется, черта Маллармэ—нѣкоторое пристрастіе къ загадкамъ. Для него языкъ—средство скрыть опредѣленную мысль, отвлечь взоръ отъ предмета описанія. Парнассцы опредѣляли, описывали, анализировали предметъ до тѣхъ поръ, пока онъ не вставалъ передъ нами съ яркостью расцвѣченной красками фотографіи. Маллармэ всѣми силами избѣгаетъ этого. Онъ старается только намекнуть; самую простую мысль онъ облекаетъ таинственностью; его излюбленная область—отвлеченное, символическое. Или я очень ошибаюсь, или главная задача его—посредствомъ гармоническихъ сочетаній словъ вызвать въ читателѣ настроеніе, о которомъ не упоминается въ текстѣ, но которое владѣетъ душой поэта въ моментъ творчества. Сознательнымъ стремленіемъ къ этому особенному эффекту объясняются, по моему, наиболѣе курьезныя характерныя особенности его стиля и

то крайнее изумленіе, въ которое онъ повергаетъ лѣниваго и неподготовленнаго читателя, избалованнаго доступностью реализма.

Самая длинная и прославленная поэма Малармэ—*«Послѣобѣденный отдыхъ фавна»* (*L'aprés midi d'un faune*). Она вошла въ составъ недавно выпущеннаго имъ *florilège* *), и я надняхъ перечелъ ее снова. Сказать, что я понимаю ее всю, слово за словомъ, фразу за фразой, было бы слишкомъ; но если меня спросятъ, доставляетъ ли мнѣ удовольствіе это «чудо непонятности», я чистосердечно отвѣчу: «Да. Мнѣ сдается даже, что я выношу изъ чтенія ея именно то цѣльное и прочное впечатлѣніе, какого добивается авторъ»

Вотъ что я читаю въ ней: Фавнъ, простое, чувственное, страстное существо, просыпается въ лѣсу на разсвѣтѣ и старается вызвать въ памяти впечатлѣнія предыдущаго дня. Дѣйствительно ли онъ былъ счастливцемъ, котораго посѣтили нимфы, бѣлыя съ золотыми кудрями богини, дивно нѣжныя и покорныя? Или воспоминаніе, которое, будто бы, залегло въ немъ, только тѣнь видѣнія, не болѣе реальнаго, чѣмъ «сухой дождь» звуковъ, льющихся изъ его собственной флейты? Онъ не можетъ рѣшить. Но навѣрное было, навѣрное и теперь бѣлѣется что-то живое среди темныхъ камышей озера, сверкающаго вонъ тамъ, вдали. Быть можетъ, то были лебеди, быть можетъ, они и теперь тамъ?—Нѣтъ! Такъ купающіяся наяды?—Возможно!

Все болѣе и болѣе смутнымъ становится восхитительное впечатлѣніе. Фавнъ готовъ отречься отъ своего званія лѣсного божества, лишь бы удержать его. Садъ, полный лилій, съ золотыми головками на бѣлыхъ стебляхъ, за трельяжемъ изъ красныхъ розъ? Ахъ! Задача не подъ силу его бѣдному мозгу! Быть можетъ, если онъ выберетъ одну лилію изъ цѣлаго сада, одну, ласковую и послушную, и прильнетъ къ ея чашечкѣ жаждущими устами, быть можетъ, тогда вѣчно уклончивая память вернетъ, отдастъ забытое? И вотъ, напавъ на пышную кисть винограда, онъ въ мечтательной жадности высасываетъ сочныя ягоды и потрясаетъ въ воздухѣ пустой кожурой. Но нѣтъ,—чудныя минуты расплываются въ памяти; была ли то дѣйствительность, или сонъ, онъ никогда не узнаетъ. Солнце жжетъ, трава манитъ прилечь, и, воздавъ поклоненіе реальному божеству вина, фавнъ свертывается клубочкомъ, чтобы снова предаться смутному экстазу въ болѣе щедрыхъ объятіяхъ сна.

И такъ, вотъ что рисуетъ мнѣ этотъ, яко бы такой темный

*) Равносильно нашему старинному: *Цвѣтникъ*.

и непонятный «Послѣобѣденный отдыхъ фавна». Если прибавить къ этому безукоризненное изящество языка и мелодію ритма,—не знаю, чего еще можно требовать отъ поэмы въ 8 страничекъ. Она даетъ простое, непосредственное впечатлѣніе физической красоты, гармоніи, колорита; стихъ замѣчательно сладкозвученъ; стоитъ только привыкнуть къ нему и понять, что авторъ не держится рабски въ предѣлахъ александрійскаго стиха, но обвиваетъ его варіаціями, какъ музыкантъ-композиторъ. Къ сожалѣнію, въ новомъ сборникѣ *«Стиховъ и прозы»* я не нахожу нѣсколькихъ вещицъ, которыми привыкъ восхищаться,—прежде всего, конечно, *Placet* и прелестной маленькой поэмы, озаглавленной *Le Guignon*; можетъ быть, онѣ показались почитателямъ Маллармэ слишкомъ прозрачными. За то здѣсь помѣщено нѣсколько страшно отвлеченныхъ аллегорій и сонетовъ. Я много разъ читалъ и перечитывалъ одинъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ *«Могила Эдгара Поэ»*. Должно быть, я очень глупъ, но я положительно не могу сказать, что *говорится* въ немъ. Мнѣ кажется, что я угадываю,—правда, смутно и туманно, но все же угадываю,—что *хотѣлъ сказать* авторъ; притомъ же, теперь мнѣ помогаютъ знаки препинанія, которыхъ не было въ первоначальномъ изданіи, но все же, «О, братья-труженики!»—все же трудненько понимать такіе стихи:

Le tombeau d'Edgard Poe.

Tel qu'en Lui-même enfin l'èternité le change,
Le Poëte suscite avec un glaive nu
Son siécle épouvanté de n'avoir pas connu
Que la mort triomphait dans cette voix étrange!
Eux, comme un vil sursaut d'hydre oyant jadis l'ange
Donner un sens plus pur aux mots de la tribu
Proclamèrent très haut le sortilège bu
Dans le flot sans honneur de quelque noir mélange.
Du sol et de la nue hostiles, ô grief!
Si notre idée avec ne sculpte un bas-relief
Dont la tombe de Poe éblouissante s'orne
Calme bloc ici—bas chu d'un désastre obscur
Que ce granit du moins montre à jamais sa borne
Aux noirs vols du Blasphème épars dans le futur.

«Превращенный, наконецъ, въ самого себя вѣчностью, поэтъ съ обнаженнымъ мечомъ повергаетъ въ трепетъ свой вѣкъ, испуганный тѣмъ, что онъ не позналъ торжества смерти въ этомъ странномъ голосѣ! Они, какъ презрѣнный отпрыскъ гидры, слушая нѣкогда ангела, придававшаго болѣе чистый смыслъ народнымъ глаголамъ, громко кричали о колдовствѣ, о чарахъ, выпитыхъ въ безчестномъ потокѣ какой-то гнусной смѣси. Земля и

небо враждебны, о горе! Если изъ этого мысль наша не въ силахъ изваять барельефа, чтобы украсить имъ дивную могилу Поэ, пусть по крайней мѣрѣ, этотъ гранитъ, недвижный обломокъ невѣдомаго крушенія, навѣки указываетъ предѣлъ черному полету Хулы, разсѣянной въ будущемъ!»

Прозы Малларме я коснусь здѣсь лишь вкратцѣ. Онъ немного писалъ въ прозѣ, да и эта проза такъ же размѣрена и отшлифована, какъ и его стихи, такъ же поражаетъ странной перестановкой прилагательныхъ и весьма причудливымъ употребленіемъ рѣдкостныхъ существительныхъ. Проза Малларме даже яснѣе его стиховъ доказываетъ, что онъ прямой преемникъ Боделэра; ему не хватаетъ только Ламартиновской складки, отличающей поэмы этого послѣдняго.

Его «*Странички*» (*Pages*) невольно напрашиваются на сравненіе съ «*Поэмами въ прозѣ*» Боделэра. Многіе изъ набросковъ, напечатанныхъ подъ этимъ заглавіемъ, вошли въ новый сборникъ «Стиховъ и прозы» и выдѣляются тамъ, какъ самыя изящныя и наиболѣе удовлетворяющія читателя. Онѣ трудны, но несравненно болѣе понятны, чѣмъ загадки, которыя Малларме называетъ своими сонетами. *La Pipe*, въ которой видъ старой пѣнковой трубки пробуждаетъ воспоминанія объ уединенной жизни въ Лондонѣ; *Le Nénuphar Blanc*—прелестная женщина, промелькнувшая мучительно недоступнымъ видѣніемъ передъ одинокимъ гребцомъ; *Frisson d'Hiver*—фантастическія и смутныя грезы о старинномъ великолѣпіи, навѣянныя тиканьемъ часовъ изъ дрезденскаго фарфора,—всѣ эти и многія другія изъ очаровательныхъ «Страничекъ» Малларме даютъ именно то впечатлѣніе намека и тайны, которое, по мнѣнію автора, долженъ давать его стиль. Онѣ поистинѣ очаровательны, хотя и написаны непривычнымъ намъ языкомъ, благородны, изящны, талантливы; даже причудливо странный выборъ эпитетовъ вполнѣ гармонируетъ съ ихъ общимъ характеромъ.

Вотъ отрывокъ изъ *La Pénultième*, на которомъ читатель можетъ попытать свое искусство въ уразумѣніи ново-французскаго языка.

«Mais où s'installe l'irrécusable intervention du surnaturel, et le commencement de l'angoisse sous laquelle agonise mon esprit naguère seigneur, c'est quand je vis, levant les yeux, dans la rue des antiquaires instinctivement suivie, que j'étais devant la boutique d'un luthier vendeur de vieux instruments pendus au mur, et, à terre, des palmes jaunes et des ailes enfouies en l'ombre, d'oiseaux anciens. Je m'enfuis, bizarre, personne condamnée à porter probablement le deuil de l'inexplicable Pénultième».

(«Но вотъ гдѣ начинается неотвратимое вмѣшательство сверхъестественнаго и тоска, подъ бременемъ которой изнываетъ мой умъ, нѣкогда властный, съ того момента, какъ я увидалъ, поднявъ глаза, въ улицѣ антикваріевъ, по которой я шелъ инстинктивно, что нахожусь передъ лавкой музыкальнаго мастера, продавца старыхъ инструментовъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, а, на землѣ—желтыхъ пальмъ и старинныхъ птицъ, съ крыльями, скрытыми тѣнью. Я убѣжалъ, странный, какъ нѣкто, осужденный носить трауръ по необъяснимомъ предпослѣднемъ»).

Достоинства Малларма, какъ переводчика, должны быть признаны цѣлымъ свѣтомъ. Его переводы поэмъ Эдгара Поэ почти не имѣютъ себѣ равныхъ. Всѣ поэмы переведены прозой, но такой звучной, сжатой, пѣвучей и мелодичной, что уху англичанина въ ней слышится размѣръ и риѳмы оригинала. Невозможно глубже его проникнуться и нѣжнѣе передать странную прелесть *Сонливца* (The Sleeper), или *Ворона*! Рѣдко, рѣдко какое-нибудь неудачное слово покажетъ, что и такому переводчику не всегда давалось уловить мелодію автора, который, подобно ему самому, былъ символистомъ и ткачемъ загадокъ.

Малларма, такъ прекрасно знающій англійскій языкъ, могъ имѣть въ рукахъ и поэмы Сидни Добелля. Быть можетъ, ему и извѣстно, что лѣтъ 30—40 назадъ жилъ англійскій поэтъ, также поклонявшійся символу, пытавшійся сдѣлать для англійскаго языка то, что Малларма дѣлаетъ для французскаго. Сидни Добелль писалъ миленькія, малопонятныя вещицы, въ которыхъ отъ времени до времени попадаются истинныя поэтическія красоты. Но въ общемъ его система была насиліемъ, а самъ онъ—эксцентрической туманной звѣздой, быстро скользнувшей надъ горизонтомъ нашей поэтической системы и исчезнувшей безъ слѣда. Вся его искренность и страстность не спасли его отъ забвенія.

Невольно боишься того же и для символистовъ. Современное имъ поколѣніе читаетъ ихъ съ великимъ трудомъ, а послѣдующее, можетъ быть, и вовсе не станетъ читать, и все, что въ ихъ художественномъ починѣ было высокаго и естественнаго, будетъ утрачено. Только Малларма оставитъ по себѣ страницы, которыя всегда будутъ перечитывать съ почтеніемъ и, быть можетъ, съ восторгомъ, ибо онъ—истый литераторъ (man of letters).

Общество, государство, культура Запада въ XVI вѣкѣ.

Проф. **Р. Виппера.**

*(Продолженіе *).*

I.

Экономическія условія въ Западной Европѣ къ 1500 г.

Характеръ экономическихъ отношеній въ XIII—XIV вв.—Расширеніе хозяйственнаго обмѣна съ XIV в.—Европейская торговля и индустрія.—Возникновеніе промышленнаго предпріятія и подъемъ новыхъ классовъ въ XV в.—Купцы-предприниматели.—Капиталъ, какъ движущая сила въ администраціи.—Выдѣленіе предпринимателей въ индустріи.—Развитіе крупнаго земельнаго хозяйства.—Развитіе кредита.— Измѣненіе экономическихъ воззрѣній, особенно взгляда на процентъ; церковь приспособляется къ новымъ экономическимъ формамъ.—Упадокъ крестьянства и мелкаго дворянства.—Города, руководившіе экономическимъ развитіемъ въ предшествующую эпоху, не способны овладѣть дальнѣйшимъ движеніемъ.

Съ XV в. на Западѣ наблюдается крупный экономическій переворотъ, который можно было бы назвать хозяйственнымъ расширеніемъ Европы. Исканіе новыхъ внѣевропейскихъ рынковъ, открытіе океаническихъ путей, начало всемірной колонизаціи представляютъ только нѣкоторые симптомы этого расширенія. Въ еще большей мѣрѣ оно выражается въ развитіи международной торговли въ Европѣ, въ подъемѣ индустріи, работающей на вывозъ, въ широкомъ приложеніи капитала къ различнымъ отраслямъ народнаго труда, наконецъ, въ возникновеніи обширной и сложной организаціи государственнаго хозяйства въ отдѣльныхъ странахъ. Поворотъ этотъ наступаетъ, конечно, не сразу, онъ подготавливается общимъ ростомъ населенія и культуры; но въ цѣломъ жизнь предшествовавшихъ 2—3 вѣковъ (XII—XIV) съ ея рамками, интересами и понятіями отдѣляется отъ послѣдующей эпохи весьма рѣзко.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

Два факта особенно характеризируютъ эту «вторую половину среднихъ вѣковъ»: во-первыхъ, развитіе сѣти множества небольшихъ торгово-промышленныхъ центровъ, городовъ, которые составляютъ средоточія ремесла и стягиваютъ къ себѣ экономически некрупныя окрестныя территоріи, служа обмѣну въ ихъ предѣлахъ; во-вторыхъ, развитіе самостоятельнаго крестьянскаго класса, по мѣрѣ нарушенія крупнаго владѣнія сеньеровъ, ушедшихъ отъ земли, и съ установленіемъ опредѣленныхъ повинностей. Оба явленія связаны съ возникновеніемъ денежнаго хозяйства: только на его основѣ возможенъ былъ обмѣнъ въ городахъ; въ то же время переводъ натуральныхъ повинностей съ земли на денежныя, сдѣлавшій помѣщика простымъ получателемъ ренты, именно и подѣйствовалъ главнымъ образомъ открѣпленію, освобожденію крестьянина, обращенію его въ свободнаго арендатора или мелкаго собственника. Но роль новаго средства обмѣна пока весьма ограниченная; города съ тянущими къ нимъ областями представляютъ все еще почти замкнутыя хозяйственныя единицы. Международная торговля существуетъ уже и въ эту эпоху, но она какъ бы кружитъ по окраинамъ, внося извѣстное дополненіе къ мѣстному производству, особенно въ видѣ предметовъ роскоши, но не оказывая вліянія на его условія. Съ другой стороны, сильно давали еще себя знать унаслѣдованныя отъ болѣе ранней поры коммунистическія формы: принадлежность къ извѣстному промыслу или поселку держала человѣка въ нѣкоторой организаціи, которая одновременно обезпечивала ему опредѣленный уровень существованія въ предѣлахъ соотвѣтствующей группы и налагала на него повинности въ интересахъ группы. Крестьянинъ, при бо̀льшей личной и хозяйственной независимости отъ сеньёра, располагалъ еще запаснымъ капиталомъ въ видѣ различныхъ общинныхъ угодій и способовъ общаго пользованія землею. Ремесленникъ въ своей корпораціи былъ связанъ рядомъ условій, которыя уравнивали его съ его собратьями и вели къ равномѣрному распредѣленію выгодъ между всѣми. Въ общемъ строѣ города это направленіе жизни принимало еще болѣе характерное выраженіе: забота городскихъ властей о поддержаніи дешевизны товара, о достаточномъ и своевременномъ снабженіи обывателя продуктами, словомъ, охрана интересовъ обывателя въ его качествѣ потребителя показываетъ, что общимъ идеаломъ было извѣстное экономическое равенство, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ общины. Эти порядки образовали, уже потому, что они долго прожили, крѣпкую традицію въ общественныхъ понятіяхъ, образовали кругъ идей въ извѣстной мѣрѣ освященныхъ церковнымъ ученьемъ, и въ нихъ бралъ свои силы

протестъ, поднявшійся потомъ, въ разгаръ экономическаго переворота среди тѣхъ классовъ, которые были отодвинуты и сбиты со стараго положенія.

Эта до извѣстной степени нормальная для XIII и XIV в. жизнь приходитъ въ XV в. въ колебаніе. Западная Европа какъ бы достигаетъ къ XIV в. своихъ естественныхъ границъ въ экономическомъ отношеніи. Колонизація французская въ Левантѣ—то, что̀ называютъ обыкновенно крестовыми походами—подверглась разрушенію къ этому времени, колонизація нѣмецкая на сѣверовосточной и восточной окраинѣ остановилась. Вслѣдствіе возрастанія населенія масса старыхъ избыточныхъ земель была захвачена и разработана, были сведены огромные первобытные лѣса. Уже къ началу XIV столѣтія населеніе нѣкоторыхъ странъ, напр., Франціи, было чрезвычайно плотно. Въ теченіе того же столѣтія, вслѣдствіе общихъ стихійныхъ бѣдствій—это вѣкъ черной смерти—оно могло уменьшиться, но затѣмъ опять долженъ былъ начаться приростъ. Какъ великъ онъ былъ къ концу XV в., мы не знаемъ, но рядъ косвенныхъ указаній, многочисленныя свидѣтельства итальянскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ наблюдателей конца XV и начала XVI в. позволяютъ заключать о густотѣ населенія въ средней Европѣ, о наступленіи момента, когда населеніе могло естественно выталкиваться за пріобрѣтенные хозяйственные и отчасти территоріальные предѣлы.

Но факты такого рода сознаются обществомъ гораздо позднѣе, чѣмъ начинается ихъ стихійное дѣйствіе. Первымъ симптомомъ хозяйственнаго расширенія Западной Европы служитъ ростъ *торговли*, развитіе международныхъ промышленныхъ оборотовъ, сношеній и путей, промышленное сближеніе различныхъ концовъ материка и въ связи съ этимъ новая организація производства на большіе и отдалённые рынки. Замѣтнымъ моментомъ въ началѣ этого движенія стоитъ проникновеніе около 1300 г. итальянцевъ, уже завоевавшихъ средиземноморскую торговлю, черезъ Гибралтаръ въ океанъ и непосредственное появленіе ихъ кораблей и грузовъ въ нидерландскихъ портахъ, тогда какъ раньше продукты ихъ индустріи и восточные товары направлялись медленно и съ затрудненіями черезъ горы и по дорогамъ средней Европы. Это смѣлое торговое открытіе итальянцевъ оживило всю западную океаническую окраину.

Въ XIV в. Лиссабонскій портъ по временамъ уже вмѣщалъ отъ 400 до 500 судовъ. Съ развитіемъ городской и придворной жизни возрастаетъ спросъ на заморскіе товары, напр., тонкія полотна, шелковыя ткани, парчи, лучшія сукна итальянскаго и во-

сточнаго изготовленія, а затѣмъ на принадлежности хорошаго стола; видное мѣсто между этими товарами занимаютъ пряности. Это возростаніе спроса на предметы комфорта и обстановки ярко иллюстрируется энергичной проповѣдью популярныхъ монаховъ и настойчивымъ законодательствомъ противъ роскоши, идущимъ съ XV вѣка. Что въ данномъ случаѣ передъ нами явленіе главнымъ образомъ городской жизни, это обстоятельство оттѣняетъ очень рѣшительно, напр., въ Германіи безсильный протестъ дворянства противъ пышности, протестъ захудавшаго класса, который не можетъ поспѣть въ украшеніи внѣшней жизни за бюргерами.

Скоро соперниками итальянцевъ и посредниками въ доставкѣ восточныхъ и средиземноморскихъ товаровъ становятся южные французы, каталонцы, португальцы; дальнѣйшее распространеніе на сѣверъ берутъ на себя сѣверонѣмецкіе ганзейцы. Въ то же время предпріимчивость Ганзы идетъ на встрѣчу экономическому развитію сѣверныхъ и восточныхъ странъ Европы, объединяетъ въ одинъ обширный торговый районъ Балтійскій бассейнъ и вводитъ его товары, мѣха, кожи, лѣсъ, пеньку и т. п. въ общеевропейскій обиходъ. Въ общій оборотъ вступаютъ и минеральныя богатства отдѣльныхъ странъ Европы; съ половины XV в. рудники восточныхъ нѣмецкихъ земель, а затѣмъ Богеміи, Венгріи, Англіи, Испаніи привлекаютъ капиталы нѣмецкихъ предпринимателей, и разработка ихъ получаетъ болѣе широкіе размѣры.

Захватывая все большіе предѣлы, торговля вмѣстѣ съ тѣмъ проникаетъ глубже, прорѣзываетъ болѣе дробно территоріи; вліяніе ея становится повсемѣстнымъ, она обращается въ могущественный факторъ, опредѣляющій условія производства, она всюду начинаетъ перестраивать соціальныя отношенія, и въ этомъ заключается характерная черта экономической жизни пятнадцатаго вѣка.

Параллельно съ развитіемъ международной торговли и подъ вліяніемъ ея толчковъ образуется новая организація *индустріи*. Между тѣмъ раньше индустрія работала, главнымъ образомъ, для покрытія мѣстнаго спроса по небольшимъ округамъ, теперь ея усилія объединяются въ предѣлахъ большихъ территорій для широкаго иностраннаго сбыта или для покрытія всего національнаго спроса. Необыкновенно сильно обнаруживается этотъ фактъ въ Англіи. До средины XIV в. Англія отдаетъ материку лишь свое сырье, причемъ доставка находится въ рукахъ иностранныхъ купцовъ, въ концѣ XV в. Англія—центръ разнообразныхъ мануфактуръ, особенно шерстяной, и ея продукты, перевозимые уже частью на своихъ корабляхъ и мѣстными купцами, распростра-

няются по всей Европѣ, доходятъ до крайнихъ предѣловъ Балтики, до Рейкіавика въ Исландіи и до береговъ Чернаго моря. Изъ страны, вывозившей шерсть, она становится страной, вывозящей сукно. Въ концѣ вѣка «купцы-странствователи» (merchant adventurers) продавали ежегодно до 60.000 штукъ сукна.

Яркимъ показателемъ распространенія и усиленія международнаго торговаго обмѣна служитъ развитіе въ XV в. большихъ *ярмарокъ*, или мессъ. Ярмарка представляетъ собою торговыя связи и соединенія, поднимающіяся надъ мѣстными интересами; большіе періодическіе торги указываютъ на образованіе экономическихъ областей, значительно болѣе широкихъ, чѣмъ территоріи вліянія отдѣльныхъ городовъ, на образованіе какъ бы экономической надстройки надъ ними. Ярмарочное право являлось поэтому смягченіемъ обычныхъ ограниченій городского рынка, въ особенности относительно положенія чужихъ купцовъ. Постепенно образуются большія мессы, по которымъ направляется теченіе европейской торговли. Первыя крупныя ярмарки въ пограничной землѣ, въ Шампани, приходятъ въ упадокъ въ XIV в., но самое это разрушеніе и передвиженіе торговыхъ центровъ южнѣе и сѣвернѣе— результатъ болѣе широкаго развитія транзита, особенно морского, черезъ Гибралтаръ. Мѣсто шампанскихъ мессъ заступаютъ въ XV в. ярмарки фландрскихъ городовъ, Женевы, Франкфурта-на-Майнѣ, Лейпцига, Бокэра и Ліона. По линіямъ, соединяющимъ эти пункты, идутъ, главнымъ образомъ, мануфактуры запада и юга на сѣверо-востокъ. Привлекая купцовъ съ разныхъ концовъ Европы (напр., на женевскихъ ярмаркахъ встрѣчались венгерцы, греки, англичане, французы, испанцы, итальянцы, нѣмцы, фламандцы и т. д.), ярмарки содѣйствовали измѣненію въ самыхъ формахъ оборота: обыкновенно онѣ служили сроками уплаты, и въ нихъ естественно концентрировались всѣ коммерческіе разсчеты; мѣсто хлопотной расплаты наличными заступаетъ обмѣнъ векселями, перенесеніе счетовъ по книгамъ банкировъ, которые являются довѣрителями негоціантовъ; это ведетъ къ возникновенію позднѣе особыхъ вексельныхъ мессъ. Наконецъ, ярмарки вызываютъ образованіе большихъ торговыхъ компаній и товариществъ, стремящихся монополизировать въ своихъ рукахъ сбытъ и провозъ товара.

Притягательная сила международнаго рынка подняла новыя промышленныя группы въ массѣ производящаго населенія и выдвинула значеніе движимаго капитала. Возникаетъ та сложная промышленная форма, которую мы называемъ крупнымъ предпріятіемъ. Прежде всего необычайное расширеніе торговли создаетъ новый классъ—*купцовъ-предпринимателей*. Въ раннемъ средневѣковомъ

городѣ купечество обыкновенно не составляло спеціальной профессіи; на ограниченныхъ мѣстныхъ рынкахъ продавцы большею частью появлялись съ товарами собственнаго изготовленія для обмѣна ихъ на товары, опять-таки необходимые въ собственномъ хозяйствѣ, шедшіе въ непосредственное потребленіе. Торговля стояла въ тѣсной связи съ ремесломъ, была одной изъ его функцій и производилась его представителями. Все городское законодательство было направлено къ охранѣ интересовъ потребителя, который въ то же самое время былъ мелкимъ производителемъ: только по удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей, когда предполагалось, что мѣстные жители сдѣлали нужныя покупки, допускались на рынокъ покупатели на вывозъ, т.-е. настоящіе профессіональные купцы; всякое посредничество въ мѣстной торговлѣ, какъ дѣло незаконной прибыли, строго преслѣдовалось, всякое накопленіе продукта свыше личной и домашней потребности было запрещено. На этомъ порядкѣ невозможно было удержаться съ того момента, когда обмѣниваться стали не производители, а рынки. По мѣрѣ того, какъ европейскія страны входятъ между собою въ постоянный обмѣнъ, вырабатывается новый типъ промышленника, объединяющаго результаты разрозненнаго производства. Оптовый торговецъ, отправляющій товаръ на далекій рынокъ, естественно отрывается отъ ремесла; его дѣло требуетъ значительнаго накопленія продукта; оно связано съ рискомъ, на что выразительно указываетъ названіе первыхъ англійскихъ піонеровъ торговаго сбыта на материкъ—merchant adventurers, т.-е. «купцы, идущіе на приключенія». Рискъ ихъ двойной: онъ вытекаетъ, во-первыхъ, изъ неопредѣленныхъ, очень измѣнчивыхъ еще условій рынка, на который отправляется товаръ, а затѣмъ изъ самыхъ условій провоза, гдѣ къ физическимъ невзгодамъ въ усиленной мѣрѣ присоединяется еще крайняя небезопасность водныхъ и сухопутныхъ дорогъ. Естественно, что самое предпріятіе на первыхъ порахъ, когда еще вовсе нѣтъ государственной охраны, носитъ боевой характеръ, иногда приближается къ пиратству. Дѣло крупнаго торговца на отдаленный сбытъ требуетъ, наконецъ, распоряженія значительнымъ персоналомъ служащихъ и обширныхъ связей въ разныхъ пунктахъ, куда товаръ назначенъ и гдѣ онъ долженъ проходить. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, напр., въ Англіи, теперь только впервые появляется настоящій торговый флотъ; если прежде думали, что, по старой французской поговоркѣ, морской флотъ держится лишь богомольцами (point de marine sans pélérinages), то въ концѣ XV в. англійскій публицистъ выбираетъ къ своему трактату выразительный эпиграфъ, указывающій на дви-

женіе моремъ продуктовъ страны: Anglia, propter tuas naves et lanas omnia regna te salutare deberent (Тебя, Англія, всѣ государства должны были бы привѣтствовать за твои корабли и шерсть).

Всѣ указанныя обстоятельства предполагаютъ у купца наличность *денежнаго капитала*. Съ другой стороны, разъ въ его рукахъ имѣются свободныя суммы, онъ будетъ стремиться къ выгодному ихъ помѣщенію. Помимо того, что купецъ бралъ на себя обыкновенно операцію обмѣна денегъ, крайне важно, при разнообразіи монетныхъ системъ, и посредничество въ передачѣ суммъ въ отдаленные пункты, онъ естественно становился первымъ банкиромъ, принимавшимъ вклады и ссужавшимъ деньги, онъ становился той финансовой силой, безъ которой никто не могъ обойтись, къ которой должны были обращаться частныя лица, города и правители. Въ XIII и XIV вв. въ этой роли банкировъ выступаютъ въ разныхъ странахъ Европы, напр., во Франціи и Англіи, почти исключительно итальянцы, ломбардцы и флорентійцы, но въ XV в., когда монополія итальянцевъ въ средиземноморской торговлѣ была сломлена, рядомъ съ ними появляются мѣстные капиталисты, кредитъ которыхъ дѣлается основой финансоваго управленія страны и всѣхъ крупныхъ политическихъ предпріятій. Первые представители этого слоя оставили по себѣ какую-то легендарную память. Таковъ англійскій купецъ Ричардъ Вайтингтонъ (Whittington), который ссудилъ Генриха IV тысячью фунтовъ въ то время, какъ, по замѣчанію современника, богатѣйшіе члены дворянства и духовенства едва могли собрать для этой цѣли до 500 фунтовъ. Таковъ во Франціи при Карлѣ VII знаменитый Жакъ Кёръ (Jacques Coeur). Этотъ буржскій уроженецъ, сынъ мѣховщика, пріобрѣлъ огромное состояніе въ торговлѣ съ Левантомъ. Его галеры ходили по Средиземному морю, въ обмѣнъ за французское сукно, привозили съ востока шелкъ и пряности; главный домъ его находился въ Монпелье съ отдѣленіями въ крупныхъ французскихъ городахъ и конторами въ приморскихъ пунктахъ. Завязавъ сношенія въ Египтѣ и Сиріи, онъ оспаривалъ торговое вліяніе у каталонцевъ и итальянскихъ купцовъ. Въ качествѣ владѣльца серебряныхъ и мѣдныхъ рудниковъ, онъ сталъ монетныхъ дѣлъ мастеромъ и казначеемъ у короля. Богатство дало ему возможность авансировать правительству въ національной борьбѣ съ Англіей значительныя суммы. Король и знать непрерывно занимали у него; въ свою очередь, Кёръ былъ возведенъ въ дворянское званіе и получалъ важныя административныя и дипломатическія порученія.

Вступленіе купцовъ-капиталистовъ въ администрацію было совершенно естественно: система правильныхъ налоговъ не разви-

лась еще, вотчинные доходы, отъ которыхъ государь зависѣлъ, были разсѣяны по многимъ помѣстьямъ и все еще въ значительной мѣрѣ сводились на натуральныя повинности, реализовавшіяся лишь очень медленно, а въ то же время государственныя задачи и съ ними расходы росли и усложнялись; пока существовало такое несоотвѣтствіе между финансовыми средствами и задачами, до тѣхъ поръ администраторъ необходимо долженъ былъ пользоваться авансами и займами у немногихъ денежныхъ людей. Еще проще было передать самому капиталисту управленіе государственными финансами и сливавшійся съ нимъ финансовый контроль: дѣло въ томъ, что для уплаты долговъ королю приходилось предоставлять въ распоряженіе заимодавца тѣ или другія доходныя статьи своего домэна, тѣ или другіе виды сбора съ населенія; такимъ образомъ, фактически администрація ряда отраслей переходила въ умѣлыя руки дѣльца, имѣвшаго довѣренность отъ государя, и онъ смыкалъ свои операціи въ цѣльный хозяйственный кругъ и направлялъ административное дѣло, какъ промышленное предпріятіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ втягивались въ оборотъ, объединялись разрозненные и мелкіе доходы, утилизировались различныя формы народнаго труда. Во Франціи, приблизительно, съ конца 30 г. XV в., наступаетъ настоящая эра финансово-бюрократическихъ династій въ управленіи. Вслѣдъ за Жакомъ Кёромъ, одно время «управлявшимъ» страной, въ роли сходной, но менѣе блестящей, идетъ другой купецъ, родомъ изъ Тура, торговецъ сукномъ, Жанъ де-Бонъ (J. de Beaune), закрѣпляющій королевскія милости и административныя должности за своей родней. Его сынъ, Жакъ де-Бонъ, награжденный титуломъ барона Самблансэ (Semblançay), занимаетъ послѣдовательно при Карлѣ VIII, Людовикѣ XII и Францискѣ I то же двойственное положеніе банкира, ссужавшаго всѣхъ и каждаго, короля, регентовъ, придворныхъ, сановниковъ, и вмѣстѣ члена высшей административной и финансовой коллегіи. Во временномъ всемогуществѣ и трагической судьбѣ Кёра и Самблансэ, осужденныхъ по обвиненію въ незаконныхъ операціяхъ и утайкѣ денегъ, характерно отражается значеніе этой новой силы въ управленіи и рискъ, съ которымъ здѣсь также связаны были первые шаги людей новаго общественно-экономическаго слоя.

Въ извѣстныхъ чертахъ съ этою ролью французскихъ купеческихъ домовъ сходно было положеніе аугсбургскихъ милліонеровъ Фуггеровъ при владѣтельномъ домѣ Габсбурговъ. Максимиліанъ I, при своихъ разнообразныхъ и фантастическихъ предпріятіяхъ, которыя кончаются планомъ стать папою, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, заложилъ Якову Фуггеру одинъ за другимъ богатые

серебряные и мѣдные рудники въ Тиролѣ, которые и перешли въ управленіе аугсбургскаго богача. Торговля этими важными для обращенія металлами и вексельные обороты становятся главною спеціальностью Фуггеровъ. Не разъ они выручаютъ императора, въ поразительно быстрые для того времени сроки переводятъ на него въ Италію большія суммы, но берутъ при этомъ огромный барышъ. Крупнѣйшей ихъ услугой былъ колоссальный подкупъ курфирстовъ въ 1519 г., благодаря которому только и состоялось избраніе Карла испанскаго въ императоры (изъ общей суммы 850.000 флориновъ, Фуггеры взяли на себя 543.000 фл., вторая по значенію фирма Вельзеровъ 143.000 фл. и генуэзцы съ флорентійцами 165.000).

Очень характерно уже теперь соединеніе крупныхъ купцовъ въ компаніи, «круги», для монополизаціи извѣстныхъ видовъ товара или извѣстныхъ путей сбыта и провоза продуктовъ. Мелкаго торговца устраняли отъ прямыхъ сношеній съ отдаленнымъ рынкомъ, и цѣну на товаръ устанавливали немногіе господа положенія. Въ концѣ XV в. группа лондонскихъ оптовыхъ торговцевъ пыталась замкнуть общество Merchant adventurers, державшее всю торговлю съ Нидерландами, въ олигархію богачей: отъ вступающаго въ общество требовали непомѣрно высокаго для того времени залога (20 р.) на страхованіе товаровъ, но общія жалобы купечества и ремесленниковъ вызвали парламентское вмѣшательство: монополія была сломлена и торговля открыта всякому при условіи уплаты умѣреннаго взноса компаніи. Въ Германіи, съ переходомъ центральнаго рынка въ торговлѣ пряностями изъ Венеціи въ Лиссабонъ, мелкіе торговцы были совершенно оттѣснены: рискъ и траты на отдаленный морской путь, замѣнившій альпійскія дороги, былъ имъ не по силамъ. Новизна, такъ сказать, революціонный характеръ этого явленія въ общемъ житейскомъ строѣ обрисовывается на фонѣ горячаго протеста народныхъ проповѣдниковъ и религіозныхъ реформаторовъ противъ господства капиталистовъ въ началѣ XVI в.: Лютеръ сравнивалъ ихъ съ хищными щуками, поглощающими мелкую рыбу, «словно,—возмущается онъ,—они считаютъ себя господами надъ Божьей тварью и свободны отъ закона вѣры и любви». Но крупный купецъ нерѣдко съ достоинствомъ занимаетъ свое положеніе на верху общества: нюренбергскіе и аугсбургскіе патриціи, ліонскіе типографщики—первые меценаты эпохи, чутко отзывающіеся на новые запросы науки и искусства, сторонники просвѣтительной пропаганды.

Глубокое измѣненіе намѣчается и въ организаціи *индустріи*. Ранняя индустрія находилась въ рукахъ мелкихъ мастеровъ, ко-

торыхъ нельзя назвать предпринимателями, потому что они работали на непосредственный заказъ или ограниченный мѣстный спросъ и не вкладывали капитала въ дѣло. Грубая техника, узкій характеръ заказа или сбыта дѣлали возможнымъ и желательнымъ для ремесленниковъ соединеніе въ однѣхъ рукахъ всѣхъ промежуточныхъ формъ, которыя долженъ пройти продуктъ до полученія имъ окончательнаго вида, слѣдовательно, соединеніе различныхъ, хотя и весьма несовершенныхъ спеціальныхъ навыковъ. Союзы и корпораціи имѣли цѣлью не только защищать мелкаго производителя, обезпечить ему работу и сбытъ продукта, поддержать равномѣрность заработка; ихъ принудительныя правила, регулировавшія цѣну продукта и его качество, служили вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлямъ городской, а въ Англіи даже государственной политики и дисциплины, которая стремилась охранить интересы потребителя. Въ составѣ ремесленнаго класса существовали градаціи мастеровъ, подмастерьевъ, учениковъ, но онѣ представляли собой не противоположность капитала и труда, а не болѣе, какъ ступени старшихъ, высшихъ и младшихъ рабочихъ, при возможности для вторыхъ правильно подниматься въ ряды первыхъ.

Съ появленіемъ большихъ рынковъ, привлекавшихъ массовый ввозъ, съ усложненіемъ техники, вызваннымъ крупной поставкой, устои старой индустріальной организаціи расшатываются. Вниманіе производителя устремляется не на требованія ближайшаго потребителя, а на требованія отдаленнаго рынка. На мѣсто заботы о качествѣ продукта выдвигается интересъ къ увеличенію его количества, къ заполненію имъ рынка. Такимъ образомъ становится необходимымъ вложеніе промышленнаго капитала, происходитъ спеціализація отдѣльныхъ отраслей ремесла, выдѣленіе различныхъ ступеней обработки продукта въ особыя категоріи труда. И въ индустрію вносятъ пріемы предпріятія. Предпринимателемъ естественно является прежде всего купецъ, ведущій крупную иностранную торговлю. Затѣмъ, въ средѣ ремесленниковъ выдѣляются болѣе состоятельные, предпріимчивые мастера, которые сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ сбытъ продуктовъ по преимуществу и перестаютъ лично вести ремесло; цѣлыя корпораціи, и именно тѣ, которыя стоятъ ближе къ сбыту продукта, придавая ему окончательную форму, поднимаются надъ другими. Рядъ новыхъ видовъ производства, связанныхъ съ болѣе сложной техникой и большей затратой капитала, какъ, напр., приготовленіе бумаги, книгопечатаніе, книготорговля, сразу организуются въ формѣ крупныхъ предпріятій, съ большимъ подчиненнымъ персоналомъ. Такимъ образомъ, внутри самихъ цеховъ образуется сво-

его рода аристократія. Преуспѣвающій мастеръ, стремясь увеличить число своихъ помощниковъ, рабочихъ, вообще начинаетъ приближаться къ типу работодателя, хозяина предпріятія, а подмастерья, число которыхъ онъ при возможности увеличиваетъ, нисходятъ на степень наемныхъ, зависимыхъ рабочихъ. Напротивъ, мастеръ захудалый самъ переходитъ въ низшіе спеціальные разряды, часто, напр., обращается въ мелкаго разносчика. Наконецъ цѣлыя категоріи мастеровъ спускаются на уровень работниковъ, зависящихъ отъ сбытчика. Во Фландріи, странѣ, очень рано поставленной исключительно на работу для экспорта, уже въ XIII в. слагается система распредѣленія труда и капитала, представляющая ничто иное, какъ организованное, подчиненное кустарничество: производитель, обѣднѣвшій ремесленникъ, продолжая работать на дому, семейнымъ, патріархальнымъ способомъ, ручными инструментами, поступаетъ въ зависимость отъ скупщика, который даетъ ему матеріалъ, сбываетъ въ обширныхъ размѣрахъ заготовленные продукты и сводитъ, такимъ образомъ, заготовителя, въ сущности, на наемную плату. Очень рано и чрезвычайно рѣзко намѣчается здѣсь и полная зависимость матеріальнаго положенія населенія отъ вывоза, отъ условій иностраннаго рынка. Уже въ 1338 г. фламандцы говорятъ своему сюзерену, королю французскому, что они, правда, получаютъ изъ Франціи хлѣбъ, но вѣдь надо же имѣть средства для покупки его; эти средства даетъ имъ Англія, предоставляя свою шерсть и выгодно открывая имъ свой рынокъ. Отсюда вытекаетъ и ихъ постоянный политическій союзъ съ Англіей.

Та же система начинаетъ намѣчаться и въ Англіи XV в., въ наиболѣе развитой области индустріи, въ суконной мануфактурѣ, и въ Германіи, раньше всего въ ганзейскихъ городахъ. Эта «городская домашняя индустрія» съ введеніемъ машинъ (въ XVIII в.) обращается въ фабричную. Но основной фактъ фабричнаго предпріятія уже налицо, и масса производителей уже не работаетъ на потребителя; появился могущественный промежуточный классъ, двигающій промышленность, но живущій барышомъ отъ той и другой стороны; настоящій работникъ, правда, еще не разлученъ съ домомъ, какъ позднѣе, но суть въ томъ, что онъ продаетъ уже не свой продуктъ, а свой трудъ.

Самая малоподвижная форма промышленности, *сельское хозяйство*, начинаетъ также испытывать воздѣйствіе новыхъ условій обмѣна. Положеніе землевладѣльца или арендатора, которому приходилось все больше закупать, все больше пользоваться продуктами городского или иностраннаго рынка, не имѣя въ то же время

достаточнаго сбыта своихъ произведеній, становилось невыгодно, такъ или иначе онъ долженъ былъ принять участіе въ общемъ движеніи. Это имѣло въ сельскомъ хозяйствѣ тѣ же результаты, что и въ индустріи, но они вступали въ силу не вездѣ равномѣрно и вообще несравненно медленнѣе: сюда проникали также цѣли и пріемы предпріятія, работающаго на сбытъ. Первое, что было необходимо для такого веденія дѣла, это—расширеніе предѣловъ хозяйства, соединеніе мелкихъ участковъ въ большія имѣнія съ однородными формами обработки и пользованія. Но такъ какъ пользованіе землею было въ значительной мѣрѣ связано съ старинными общинными формами, то расширеніе хозяйства вмѣстѣ съ тѣмъ равнялось его выдѣленію, его индивидуализаціи. Нигдѣ эти явленія не сказались такъ рано и такъ ярко, какъ въ Англіи XV в. Возростаніе иноземнаго спроса на англійскую шерсть и англійское сукно при паденіи цѣнъ на хлѣбъ, который шелъ лишь въ потребленіе на мѣстѣ, очень опредѣленно толкало землевладѣльца на расширеніе овцеводства. Здѣсь мы наблюдаемъ то любопытное явленіе, что интересъ къ усиленію сбыта можетъ развивать не усовершенствованіе техники, а напротивъ, паденіе ея, переходъ къ низшимъ формамъ. Новый хозяинъ въ Англіи покидалъ обыкновенно трехпольную систему, чтобы вернуться къ хозяйству, еще болѣе элементарному: онъ смѣнялъ посѣвъ на истощенной хлѣбомъ землѣ пастьбой, пріобрѣтая такимъ путемъ перевѣсъ надъ тѣми, кто посылалъ скотъ лишь на общій выгонъ. Но это измѣненіе хозяйства было возможно лишь при условіи полнаго выдѣленія своего земельнаго участка, освобожденія его отъ общихъ повинностей и отъ формъ общаго пользованія; отсюда въ Англіи начало системы огораживанія помѣщиками своихъ участковъ (enclosures) съ тѣмъ, главнымъ образомъ, чтобы не пускать на нихъ по окончаніи лѣтнихъ работъ скотъ всей деревни, какъ это изстари полагалось. Огородивъ свою землю, владѣлецъ не связанъ былъ болѣе хозяйственными формами односельчанъ. Съ другой стороны, наличность на его землѣ мелкихъ пользователей становилась также неудобной или ненужной. Ихъ трудно было подвести подъ общую хозяйственную систему; они были стѣснительны и безполезны при расширеніи скотоводства, требующаго самаго ограниченнаго числа работниковъ. Вслѣдствіе этого система мелкихъ арендъ, развившаяся съ распаденіемъ крупнаго владѣнія, замѣняется отдачей земли въ аренду крупную. Множество малыхъ участковъ складываются въ немногіе большіе, дворы мелкихъ держателей сносятся и на мѣстѣ ихъ либо происходитъ расширеніе господскаго двора, непосредственнаго, господскаго хо-

зяйства, либо водворяется крупный фермеръ. Въ томъ и другомъ случаѣ является крупное хозяйство съ вложеніемъ въ него извѣстнаго капитала. Мелкій владѣлецъ не могъ, разумѣется, поспѣть за этимъ развитіемъ и его хозяйство разрушалось.

Нѣчто аналогичное происходитъ и въ Германіи. Переходъ къ новымъ формамъ хозяйства совпадаетъ здѣсь съ возвращеніемъ дворянина, занятаго въ XII—XIV вв. службой, въ деревню. Процессъ устраненія мелкихъ хозяевъ и пользователей или сведенія ихъ на положеніе зависимыхъ сельскихъ пролетаріевъ происходитъ здѣсь въ болѣе болѣзненной формѣ, потому что въ Германіи, въ виду замыканія городовъ, большею частью не было исхода для сбитаго съ мѣста крестьянина, тогда какъ въ Англіи онъ могъ найти занятіе въ развивающейся городской индустріи. Но движущій факторъ тамъ и здѣсь одинаковый, и онъ можетъ быть характеризованъ въ томъ смыслѣ, что сельскій хозяинъ становится предпринимателемъ.

Разъ устанавливалась такая зависимость различныхъ видовъ промышленности отъ общихъ условій обмѣна, необходимо должна была возрасти потребность въ средствахъ обмѣна, въ приданіи имъ возможной подвижности: всюду ощущается нужда въ *кредитѣ*, въ возможно быстрой реализаціи тѣхъ тяжелыхъ на подъемъ доходныхъ статей, которыми располагаетъ большинство. Чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи напр., веденіе войны XV и XVI вв. Реальная и личная военная повинность, связанная съ феодальной службой, большею частью рушилась къ этому времени, какъ форма громоздкая, медлительная и технически неудобная. Роль постоянныхъ мѣстныхъ войскъ, не смотря на ихъ формальное учрежденіе во Франціи въ 30 гг. XV в., была, въ сущности, малозначительна въ теченіе слѣдующихъ 2 вѣковъ. Мѣсто ополченій заступили дисциплинированные, правильно вознаграждаемые наемные отряды, организованные по типу настоящаго крупнаго капиталистическаго предпріятія: капитанъ, начальникъ отряда, за извѣстную сумму бралъ на себя порученіе собрать и содержать во время похода солдатъ, доставить имъ вооруженіе и вообще средства для веденія войны, особенно возросшія съ появленіемъ артиллеріи. Эту сумму, большею частью, нужно было выплатить впередъ, иначе предпріятіе останавливалось, иногда въ самую критическую минуту, въ родѣ пресловутыхъ, почти вошедшихъ въ поговорку походовъ Максимиліана I. Такимъ образомъ, естественно слагался принципъ, формулированный въ XV в.: pecunia nervus belli (деньги—нервъ войны). Но воюющія стороны, государи, города, территоріальные владѣльцы, именно и не рас-

полагали этимъ «нервомъ», а должны были заключать займы, отдавая въ залогъ денежнымъ людямъ земли, будущіе налоги и т. д. Обыкновенно денежныя средства одного капиталиста оказывались недостаточными для этого; составлялись компаніи, какъ бы соединенія акціонеровъ, которые ссужали воюющаго и затѣмъ распредѣляли въ своей средѣ процентъ займа или прибыль. Впервые такія скопленія вкладовъ для ссуды (montes, ихъ отдѣльныя акціи—loca montis), первообразы нашихъ кредитныхъ обществъ и общественныхъ банковъ, появляются въ итальянскихъ городахъ; они дѣйствуютъ въ началѣ лишь на время нужды, но постепенно обращаются въ постоянныя учрежденія, принимающія на себя, помимо оказанія кредита мѣстному правительству, различныя операціи денежнаго перевода, обмѣна, вексельнаго учета и т. п. въ сношеніяхъ между частными лицами. Все больше необходимость пользоваться кредитомъ проникала во всѣ слои населенія, и сама городская администрація бралась помочь нуждѣ и организовать кредитъ для всѣхъ. Приблизительно, около 1400 г. послѣ страшныхъ европейскихъ погромовъ было окончательно сломлено господство еврейскихъ банкировъ, и мѣсто ихъ въ качествѣ кредиторовъ стали заступать города и церковь со своими montes pietatis. Такъ, напр., во французскомъ городѣ Salins въ 1350 г. былъ образованъ капиталъ для выдачи мелкихъ займовъ подъ закладъ. Подобное же учрежденіе устроилъ въ Лондонѣ епископъ въ 1361 г. Во Франкфуртѣ городской совѣтъ организовалъ въ 1402 г. банкъ для мѣны и вексельной уплаты, перевода денегъ, займовъ подъ залогъ и позднѣе для депозитовъ. Скоро изъ него выдѣлились уже 4 аналогичныхъ учрежденія, одинъ собственно городской банкъ и три сдаваемыхъ на концессію. Съ конца XV в. подобныя учрежденія возникаютъ всюду.

При такомъ развитіи кредита *экономическія воззрѣнія* должны были существенно измѣниться. Эпохѣ натуральнаго хозяйства свойственно было отрицать ростъ при ссудѣ. Заемъ у чужого, какъ и обмѣнъ съ нимъ, игралъ роль дополненія, подмоги въ собственномъ хозяйствѣ, и служилъ цѣлямъ непосредственнаго потребленія. Пока въ хозяйствѣ не вкладывался капиталъ, производительный кредитъ не имѣлъ мѣста, и процентъ могъ казаться лишь извѣстной формой грабежа, насилія надъ человѣкомъ, экономически стѣсненнымъ; для него было только одно имя—лихвы, и размѣры его, при рѣдкости капитала, при рискованности запрещенныхъ сдѣлокъ, какъ бы подтверждали этотъ взглядъ. Церковь закрѣпила естественное житейское понятіе своимъ ученіемъ, тѣмъ болѣе, что въ ея собственномъ внутреннемъ обиходѣ господствовали комму-

нистическія формы, устранявшія или ослаблявшія понятія о личной собственности, вознагражденіи, платѣ и т. д. Такъ сложился принципъ—pecunia pecuniam parere non potest («деньги не могутъ рождать денегъ»). Только евреямъ, народу, стоящему внѣ божескаго закона, предоставлялись денежныя операціи, связанныя съ взиманіемъ роста. Городскія постановленія всюду строго формулировали воспрещеніе роста. Съ распространеніемъ денежнаго хозяйства, съ появленіемъ промышленнаго предпріятія, съ разрывомъ традиціонныхъ группъ, опекавшихъ экономически отдѣльную личность, заемъ съ производительной цѣлью, или заемъ нуждающагося подъ залогъ становились настолько общимъ, ежедневнымъ явленіемъ, что унаслѣдованный взглядъ не могъ болѣе удержаться. Но развитіе шло такимъ образомъ, что сначала допускались формы, по внѣшности, какъ будто, не противорѣчившія старому запрещенію, а по существу представлявшія уступку новымъ условіямъ экономической жизни: такъ, напр., займу придавался видъ покупки кредиторомъ, на срокъ ссуды, дохода съ извѣстной земли, дома или другой статьи, принадлежащей должнику. Интереснѣе всего наблюдать, какъ церковь, хранительница консервативныхъ началъ, поддавалась необходимости уступокъ. Можно сослаться на то, что уже въ XIII в. папскіе коллекторы, т. е. итальянскіе купцы, которые брали на себя сборъ въ разныхъ странахъ и доставку куріи церковныхъ податей, вели свободно разнообразныя банкирскія операціи; въ то время, какъ папа титуловалъ ихъ «Romanae ecclesiae filii speciales», они сами называли себя открыто во Франціи и Англіи «mercatores et escambiatores Papae» (негоціанты и банкиры папы). Въ 1420 г. папа формально призналъ только что упомянутый видъ кредитныхъ сдѣлокъ. Нищенствующіе ордена, хотя и выдвинули еще разъ съ силою аскетическое и коммунистическое начало жизни, въ то же время представляли собой уже по своей организаціи нѣкоторое приспособленіе къ новымъ экономическимъ условіямъ. Не обладая, большею частью, землею, не образуя монастырей, закрѣпленные и разсѣянные въ городахъ, монахи францисканцы и доминиканцы располагали, въ сущности, только движимымъ имуществомъ; часто ихъ доходы представляли, напр., какъ разъ процентъ съ капитала, положеннаго благочестивымъ вкладчикомъ въ какой-нибудь городской домъ. Монахи выступали нерѣдко, напр., въ итальянскихъ городахъ XV в., въ качествѣ выразителей протеста простого народа противъ могущественныхъ банкировъ и капиталистовъ, выработавшихъ весьма свободный взглядъ на процентъ, но практическія мѣры, которыя они проводили или предлагали, ради облегченія мелкаго люда, отражали уже

въ себѣ признаніе экономической необходимости въ широкомъ развитіи кредита. Благодаря настойчивой пропагандѣ францисканцевъ и подъ ихъ руководствомъ, всюду возникаютъ montes pietatis, кассы съ капиталомъ, составленнымъ изъ приношеній благотворителей для выдачи ссудъ подъ закладъ вещей; по тому же типу организуетъ во Флоренціи учрежденія для мелкаго кредита радикальная партія въ короткое время своего торжества. Процентъ здѣсь берется non pro mutrio, sed pro expensis necessariis, т. е. лишь въ качествѣ возмѣщенія убытковъ и тратъ по организаціи, но не за пользованіе ссуженнымъ капиталомъ. Позднѣе францисканскія montes начинаютъ служить цѣлямъ сбереженія, принимая вклады и выдавая за нихъ процентъ. Такимъ образомъ, въ этихъ полублаготворительныхъ, полупромышленныхъ учрежденіяхъ церковное ученіе, запрещавшее ростъ, смягчалось и примирялось съ настоятельной практической потребностью. Постепенно къ ней приспособлялось и городское законодательство, узаконяя процентъ и устанавливая для него норму. Въ совершавшемся промышленномъ движеніи, которое сосредоточивало и направляло въ отдаленные концы, вводило въ усиленный и ускоренный оборотъ различные виды человѣческаго труда, равномѣрный подъемъ всѣхъ общественныхъ классовъ былъ невозможенъ. Насколько поднимались классы и группы, стоявшіе ближе къ торговому сбыту, располагавшіе болѣе значительнымъ капиталомъ и кредитомъ, настолько ухудшалась участь другихъ, которые не могли поспѣть за общимъ развитіемъ хозяйственнаго предпріятія: они либо разорялись, опускаясь и въ своемъ соціальномъ положеніи, либо подчинялись выше поднявшимся группамъ. Общественные слои и классы, до тѣхъ поръ однородные и компактные, какъ, напр., классъ ремесленниковъ, разлагались и выдѣляли группы руководящія, капиталистическія, и рабочія, зависимыя. Въ цѣломъ отстали вообще классы сельскіе и выиграли городскіе, торговые и индустріальные. Сельскохозяйственные продукты вступали въ широкій оборотъ лишь тамъ, гдѣ для нихъ были особенно выгодныя условія сбыта, какъ, напр., въ Англіи съ ея судоходными рѣками и морскимъ положеніемъ или въ прибалтійскихъ областяхъ Германіи (Померанія, напр., потребляла на мѣстѣ лишь $^1/_{20}$ производимаго хлѣба, отправляя остальное въ Шотландію, Голландію, Швецію и Норвегію). Въ другихъ областяхъ при тогдашнемъ состояніи путей хлѣбъ, мясо и т. д. могли направляться лишь въ ближайшіе городскіе пункты: широкаго сбыта они не имѣли, такъ какъ большіе города лежали на разстояніи, недостижимомъ для большей части сельскихъ производителей. Они легко приходили въ

зависимость отъ городскихъ скупщиковъ, отъ торговыхъ компаній: на послѣднее обстоятельство особенно жалуются популярные проповѣдники конца XV в. въ Германіи. Затѣмъ въ городѣ и деревнѣ появляется пролетарій, человѣкъ не имѣющій своего хозяйства и продающій свой трудъ; но въ деревнѣ это явленіе рѣзче вслѣдствіе бо́льшаго однообразія условій, большей стѣсненности рабочаго въ выборѣ занятія и потому можетъ переходить даже въ извѣстнаго рода принудительную зависимость, вести къ возстановленію крѣпостныхъ отношеній.

Въ городахъ, съ выдѣленіемъ въ цехѣ мастеровъ въ качествѣ промышленной аристократіи, для подмастерьевъ и учениковъ исчезаетъ возможность перехода на слѣдующую хозяйственную и соціальную ступень; мастерство, связанное съ капиталомъ, переходитъ къ прямому наслѣднику, помощники остаются въ своемъ положеніи на всю жизнь и обращаются въ своего рода затвердѣвающій классъ *ремесленныхъ рабочихъ*. Такъ какъ цехъ имъ ничего не даетъ, они создаютъ свои корпораціи и союзы, до извѣстной степени по готовому образцу. Ихъ соединенія—братства, конфреріи, «компаніи»; сначала они имѣютъ только религіозный характеръ, ихъ сочлены собираются для крестныхъ ходовъ, чтобы доставить умершимъ товарищамъ достойное погребеніе; постепенно въ эти союзы вносится начало общей матеріальной поддержки, и организація получаетъ значеніе въ борьбѣ за улучшеніе условій работы. Рабочій въ поискахъ за лучшими условіями, не связанный разсчетомъ на мастерство въ данномъ пунктѣ, начинаетъ переходить изъ города въ городъ, и, благодаря этому, компаніи развѣтвляются по цѣлой странѣ; въ составъ каждой входятъ всѣ рабочіе однородной профессіи; въ новомъ мѣстѣ переселившійся «компаньонъ» можетъ разсчитывать на дружественный пріемъ и помощь въ началѣ; вступленіе въ сообщество обставляется таинственными символами, страшными клятвами, принимаетъ характеръ постояннаго заговора противъ хозяевъ. Въ случаѣ рѣзкихъ столкновеній союзъ налагаетъ запретъ работать у такихъ-то мастеровъ или распространяетъ его на цѣлый городъ. Стачки рабочихъ «компаньоновъ» обыкновенно направлены къ тому, чтобы прорвать цеховые порядки, чтобы уничтожить таксы рабочей платы, добиться свободнаго договора, права свободнаго ухода отъ мастера. Къ братствамъ и заключающемуся въ нихъ промышленному классу съ его шумными демонстраціями уже примыкаетъ низшій слой городского населенія, который, въ свою очередь, растетъ, составляясь изъ массы поденщиковъ въ нагрузкѣ, перевозѣ товаровъ и другой черной работѣ, изъ полусельскаго насе-

ленія, работающаго на городъ и живущаго, большею частью, въ предмѣстьяхъ, наконецъ, изъ разныхъ категорій людей, сбитыхъ со своего соціальнаго положенія и ведущихъ случайное существованіе. Въ эпоху крестьянскаго возстанія въ Германіи этотъ городской пролетаріатъ приходитъ въ сильное возбужденіе, соединяется мѣстами съ сельскими инсургентами; у него уже задолго до того выработалась своя программа съ сильно выраженнымъ демократическимъ характеромъ: въ его кругахъ (ср. памфлетъ подъ названіемъ «Реформація императора Сигизмунда», написанный въ 1438 г.) требуютъ уничтоженія монополій и предпринимательскихъ соглашеній, радикальной реформы или уничтоженія цеховъ, сверженія олигархіи, заправляющей городами, и уничтоженія замкнутости городовъ и т. д. Всего опредѣленнѣе и, можно сказать, всего трагичнѣе развернулись эти явленія въ Германіи,—странѣ, необычайно богатой, плотно населенной и подвижной къ концу среднихъ вѣковъ, но въ цѣломъ неорганизованной, какъ бы предоставленной свободной игрѣ экономическихъ силъ.

Особенно тяжело стало здѣсь положеніе *крестьянина.* Укажемъ только на нѣкоторыя типичныя черты. Пріостановка колонизаціи на восточной окраинѣ и замыканіе городовъ сдавливаетъ деревенское населеніе; задержанное на мѣстѣ, оно бросается на дѣлежъ всего, что только можно раздѣлить, и въ этомъ захватѣ исчезаютъ часто остатки общинныхъ земель, лѣса, пастбища и т. д. Крестьянское владѣніе съ размноженіемъ семей и закрытіемъ эмиграціи въ города и колоніи начинаетъ дробиться до крайности; владѣльцы слишкомъ мелкихъ участковъ теряютъ всякую экономическую силу и самостоятельность. Съ этимъ неизбѣжно связано развитіе неравенства; между тѣмъ какъ одни нисходятъ на степень сельскихъ пролетаріевъ, другіе, успѣвающіе соединить въ своихъ рукахъ нѣсколько участковъ людей захудавшихъ, образуютъ сельскую аристократію. Въ концѣ XV в. замѣчается уже извѣстная задолженность сельскаго населенія. Между тѣмъ для крестьянина открывались лишь самыя невыгодныя формы кредита. Городской капиталистъ, ссужая его подъ условіемъ уплаты земельнаго ценза (Rentenkauf) въ произвольно высокомъ размѣрѣ или подъ залогъ хлѣба на корню и предстоящаго сбора шерсти, могъ въ самый короткій срокъ разрушить крестьянское хозяйство и получить въ свое владѣніе гипотечный участокъ. По словамъ Лютера, всякій, кто владѣетъ сотней гульденовъ, можетъ ежегодно «сожрать одного мужика, безъ всякаго риска для себя и своего имущества, сидя за печкой съ яблочнымъ пирогомъ». Для крупнаго хозяина появленіе людей малоземельныхъ или безземельныхъ—

фактъ крайне выгодный, и онъ старается закрѣпить этотъ фактъ и эксплуатировать его. Въ качествѣ сельскаго предпринимателя дворянинъ, вернувшійся въ деревню, или горожанинъ-капиталистъ, пріобрѣвшій помѣстье, начинаютъ зорко всматриваться въ деревенскія условія: выбитаго изъ колеи самостоятельнаго хозяйства стараются обратить въ постояннаго и дешеваго рабочаго, такъ или иначе пріобрѣсти и связать, задержать его. Крестьянина, особенно на сѣверо-востокѣ, опять хлопочутъ свести на различные виды барщины, но съ тою разницей противъ прежняго, что помѣщикъ распоряжается теперь земледѣльческимъ капиталомъ, а у барщинника, большею частью, нѣтъ скота, нѣтъ инвентаря. Благодаря этому, барщина, по старому обычаю сохраненная въ размѣрѣ нѣсколькихъ дней въ году, удлиняется и обращается въ нѣсколько еженедѣльныхъ дней. Помѣщикъ вспоминаетъ и привлекаетъ самые различные права и титулы, связанные съ владѣніемъ. При сильномъ раздробленіи территоріальной власти, особенно на югѣ, онъ часто могъ сослаться на свои верховныя права, на свое должностное положеніе, и ему выгодно было истолковать эти права въ примѣненіи къ своимъ хозяйственнымъ притязаніямъ: то онъ подводилъ новыя повинности подъ понятіе вознагражденія за судебную охрану, которую онъ оказываетъ населенію, то новые оброки утверждались подъ видомъ налога на военныя цѣли. Здѣсь оказывалось крайне важнымъ то обстоятельство, что матеріальныя выгоды, которыми пользовался земледѣлецъ съ переходомъ на денежный цензъ, фактическая его независимость отъ владѣльца земли обыкновенно не были закрѣплены правовой формой. Поэтому, при перестановкѣ экономическихъ отношеній можно было воспользоваться старыми обычными формами и, растягивая ихъ смыслъ, влагать въ нихъ требованія новыхъ повинностей. Въ этихъ толкованіяхъ важную и невыгодную для крестьянина роль съиграло римское право, входившее въ Германіи въ судебную практику. Оно точно еще заостряло сущность новыхъ порядковъ, утверждало перевѣсъ новыхъ экономическихъ силъ. Внося всюду понятіе личной полной собственности, римское право не имѣло подходящихъ опредѣленій для положенія крестьянина и стародавнихъ опоръ его хозяйства и, напротивъ, вездѣ почти закрѣпляло положеніе вотчинника, сеньёра: общинныя угодья, этотъ запасный капиталъ крестьянскаго хозяйства, новая теорія, не допускавшая коллективныхъ формъ владѣнія, толковала какъ собственость господина территоріи, предоставляла въ его распоряженіе и пользованіе или подводила подъ понятіе сервитута и тогда выводила изъ него право господина на трудъ пользователя. Крестьянина,

отбывавшаго съ давнихъ поръ только чиншъ и фактически владѣвшаго своимъ земельнымъ участкомъ, оно вдругъ заносило въ разрядъ колоновъ или сервовъ.

Далѣе помѣщикъ, опираясь на административное свое положеніе, вмѣшивался во внутреннюю жизнь крестьянина, опредѣлялъ порядокъ наслѣдованія, заключенія браковъ. Сообразно своимъ интересамъ, онъ старался регулировать распредѣленіе земли среди крестьянъ. Разъ уже создался классъ сельскихъ пролетаріевъ, вслѣдствіе размельченія земли, помѣщикъ мѣшалъ дальнѣйшему дробленію: младшіе сыновья въ крестьянской семьѣ, не получившіе надѣла, идутъ къ нему въ работу, становятся его дворовыми людьми. Изъ всего этого создается какъ бы новое *крѣпостное право*, во второй разъ въ средней Европѣ, въ результатѣ экономическаго паденія крестьянства; оно захватываетъ другія области къ востоку, земли австрійскія, Данію, Польшу, прибалтійскія земли.

Подавленный въ безвыходномъ своемъ положеніи, нѣмецкій крестьянинъ не можетъ принять участія въ общемъ культурномъ движеніи страны: въ то время какъ радикальная литература занята имъ, какъ «бѣднымъ человѣкомъ» по преимуществу, въ глазахъ городскихъ и высшихъ классовъ, на театральной сценѣ онъ увеселяетъ публику въ качествѣ комической фигуры «дурня», «остолопа». Правда, что изъ среды крестьянства выходитъ въ эту самую эпоху масса ландскнехтовъ, которые бьются на всѣхъ европейскихъ поляхъ; но именно эти элементы, физически по крайней мѣрѣ, самые сильные, конечно, уже были потеряны и для своей земли, и для своего класса, такъ какъ, по возвращеніи съ войны, они играли лишь роль праздныхъ или опасныхъ для общественнаго спокойствія людей.

Условія, въ которыхъ совершалось обезземленіе и прикрѣпленіе крестьянина, объясняютъ характеръ его протеста: онъ будетъ искать уничтоженія формъ денежнаго хозяйства, возвращенія себѣ всей земли, возстановленія старой общинной организаціи. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, англійскіе поселяне, оставшіеся свободными, могли выставлять требованія, сходныя съ германскими: въ возстаніи 1549 г. и подобныхъ вспышкахъ, они ломаютъ изгороди и объявляютъ принципъ общаго права на землю. Этотъ классъ въ своихъ революціонныхъ попыткахъ будетъ поднимать реакціонное знамя. Отсюда объясняется и заразительность коммунистическихъ идей, провозглашенныхъ чешскими таборитами и подъ названіемъ «богемскаго яда», бродящихъ въ Германіи въ теченіе столѣтія до крестьянской войны и взрыва анабаптизма.

Въ этихъ ученіяхъ старые общинные порядки, всюду вытѣсняемые, объединяются въ общую идеальную картину и возводятся на высоту религіознаго освященія «Божьяго права». Тѣмъ сильнѣе направляется протестъ противъ оффиціальныхъ наличныхъ представителей Божьяго дѣла на землѣ, противъ церкви, владѣющей землей и людьми.

Впрочемъ, въ деревнѣ не одинъ крестьянинъ становится въ худшее положеніе. За новымъ промышленнымъ развитіемъ далеко не послѣдовалъ весь земледѣльческій дворянскій классъ. Экономическое различіе между магнатомъ и *мелкимъ рыцаремъ* становится теперь еще рѣзче. Мелкій дворянинъ, въ сущности, остается въ проигрышѣ. У него, большею частью, не хватаетъ средствъ для правильной эксплуатаціи крестьянина; срывая съ него часто насиліемъ, онъ еще не обезпечиваетъ себя. Между тѣмъ какъ крупный сеньёръ, помѣщикъ, ведущій сложное хозяйство, основанное на капиталѣ, дѣлается важной экономической силой, столпомъ общества, мелкій рыцарь превращается въ самый безпокойный, мѣстами почти революціонный элементъ общества; онъ съ завистью смотритъ на сосѣднія богатства, на блескъ городской жизни, особенно на церковныя имущества, которыя, по мѣрѣ упадка вліянія церкви, все болѣе утрачиваютъ свое оправданіе въ глазахъ общества, кажутся мертвымъ капиталомъ, даромъ пропадающимъ общественнымъ достояніемъ. Когда возникаетъ вопросъ о ихъ дѣлежѣ, дворянинъ выступитъ первымъ и самымъ ярымъ его сторонникомъ и потребуетъ себѣ львиной доли. Часто, особенно, напримѣръ, въ Германіи, въ XV и XVI вв., это—фигура мало симпатичная, грубая, невѣжественная личность, съ большими притязаніями и неохотой къ труду; это—матеріалъ для всякаго рода междоусобій и волненій. Выше по моральнымъ качествамъ—французскій дворянинъ: въ немъ, какъ и въ испанскомъ гидальго, больше предпріимчивости, выдержки. Но экономическая непрочность, не самостоятельность этой шляхты всюду сказывается: она ищетъ возможности примкнуть къ королевскому двору, къ крупнымъ сеньерамъ, ищетъ всюду службы, вступая даже въ городскія должности. Отсюда многочисленные «ливрейные» люди при магнатахъ, напр., англійскихъ XV в., отсюда большія свиты въ распоряженіи французскихъ сеньоровъ, строившихъ федералистическіе планы въ эпоху религіозныхъ войнъ. Военная пора XVI в., итальянскіе и турецкіе походы, религіозныя усобицы, колоніальныя предпріятія сильно занимаютъ и отвлекаютъ этотъ классъ.

Чѣмъ далѣе развивались намѣченныя до сихъ поръ экономи-

ческія и соціальныя явленія, тѣмъ рѣзче опредѣлялись стремленія общественныхъ группъ, интересы отдѣльныхъ территорій, тѣмъ сильнѣе выражалось въ разныхъ кругахъ требованіе общей промышленной организаціи страны, требованіе опредѣленной промышленной политики. Цѣли и пути внѣшняго расширенія европейскаго міра, къ восточнымъ рынкамъ и богатствамъ, за океанъ, опредѣлялись довольно ясно; но они еще не играли первостепенной роли: въ теченіе всего слѣдующаго вѣка колоніальное движеніе служитъ не эмиграціи, не сбыту европейскихъ продуктовъ, а привозу спеціальныхъ товаровъ и драгоцѣнныхъ металловъ. Гораздо настоятельнѣе были вопросы регулированія промышленныхъ отношеній внутри Европы, между отдѣльными территоріями и центрами. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстные купцы нуждались въ защитѣ на отдаленныхъ рынкахъ, куда они направляли свой товаръ; съ другой стороны, они и мѣстные производители искали поддержки противъ конкурренціи чужихъ у себя дома. Всюду сталкивались интересы, возникали неразрѣшимые споры. Какая сила могла на себя взять посредничество, властно установить компромиссъ, ввести ту или другую экономическую группу въ извѣстныя рамки въ интересахъ общаго блага? Такую роль въ эпоху развитія мѣстнаго обмѣна въ замкнутыхъ небольшихъ территоріяхъ играли города. Въ городахъ впервые появилась планомѣрная финансовая политика. Городъ былъ естественнымъ руководителемъ жизни отграниченной области, обмѣнивавшей въ его стѣнахъ весь кругъ своихъ продуктовъ. Нигдѣ это обстоятельство не сказывается такъ ярко, какъ въ хлѣбной политикѣ городовъ. Такъ какъ городъ, населеніе котораго превышаетъ 1.000 человѣкъ, уже не могъ прокормиться собственнымъ хлѣбомъ, то необходимымъ условіемъ существованія или роста города становился правильный подвозъ хлѣба изъ деревень и поддержаніе недорогихъ цѣнъ на него. Въ виду трудности подвоза, случайностей урожая, соперничества сосѣднихъ крупныхъ населенныхъ пунктовъ, приходилось вырабатывать очень сложную принудительную систему правилъ продажи хлѣба въ городѣ, ограничивать строго промежуточную торговлю, навязывать сельскому производителю опредѣленную цѣну, задерживать опредѣленное количество хлѣба, необходимое для пропитанія, на пути его провоза и т. д. Отсюда возникали неразрѣшимые споры и затрудненія. Совершенно естественно было, что города стремились подчинить себѣ и въ политическомъ отношеніи ту область, которую они держали въ экономической зависимости отъ себя. Лишь мѣстами имъ удавалось это въ средней Европѣ: въ сѣверной и средней Италіи, на южной и

сѣверной окраинѣ Германіи. Но, въ большинствѣ случаевъ, городъ не въ состояніи былъ стать государствомъ и сохранялъ только независимость въ своихъ стѣнахъ, оставался изолированнымъ политически оазисомъ, какъ нѣмецкіе имперскіе города: территоріальныя силы были слишкомъ значительны, чтобы уступить городамъ. Попытки образованія городскихъ союзовъ, за немногими исключеніями, какъ ганзейскій союзъ, рушились въ Германіи и во Франціи еще въ XIV в., вслѣдствіе неминуемаго соперничества городовъ въ торговыхъ интересахъ. Съ другой стороны, съ тѣхъ поръ, какъ городское общество установилось, выдѣлило затвердѣвшій правящій слой, городъ сталъ замыкаться отъ деревни, старался, по возможности, эксплуатировать окружающее сельское населеніе, воспрепятствовать перенесенію въ деревню индустріи. Будучи промышленными центрами съ характеромъ слишкомъ исключительнымъ, города не могли остаться во главѣ экономическаго движенія. Лишь болѣе широкія территоріальныя организаціи, территоріальныя власти, стоявшія надъ интересами болѣе разнообразными, могли взять на себя руководство.

Необходимо, поэтому, дать себѣ отчетъ въ томъ, какія формы и пріемы выработала эта власть къ эпохѣ промышленнаго переворота.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСКУССТВО СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Ж. ГЮЙО.

(Пер. съ французскаго подъ редакц. Л. Е. Оболенскаго).

(*Продолженіе* *).

V.

Отдаленіе событій въ прошедшее и поэзія воспоминаній.

Существуютъ два способа избѣгнутъ *тривіальнаго*,—усилить красоту жизни, не извращая ея, и эти средства въ рукахъ самого реализма составляютъ извѣстнаго рода идеализмъ. Совершаются они, главнымъ образомъ, отдаленіемъ предметовъ и происшествій или во времени, или въ пространствѣ, благодаря чему расширяется сфера нашихъ чувствованій симпатіи и общительности, расширяется какъ бы горизонтъ нашъ.

Относительно результата (или эффекта), производимаго отдаленіемъ во времени, возникаетъ предварительный вопросъ объ эстетическомъ дѣйствіи самаго воспоминанія: воспоминаніе въ концѣ концовъ есть одна изъ формъ симпатіи, а именно, симпатіи самому себѣ, симпатіи своего теперешняго «я» своему же «я» прошедшему. Искусство должно подражать воспоминанію; цѣлью искусства, какъ и воспоминанія, должна быть работа воображенія и дѣятельности чувства. Поэзія искусства, въ основѣ своей, сводится отчасти на то, что обыкновенно называютъ «поэзіей воспоминаній»; художественное воображеніе заставляетъ насъ только работать надъ запасомъ образовъ, дающихся каждому изъ насъ памятью. Такимъ образомъ, въ самомъ воспоминаніи должны быть какіе-то элементы искусства. И дѣйствительно, воспоминаніе представляетъ уже въ самомъ себѣ тѣ признаки, которые, по Спенсеру, отличаютъ эстетическую эмоцію. Что такое воспоминанія, какъ не игра

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

воображенія, и притомъ совершенно безразсчетная, такъ какъ она имѣетъ дѣло съ прошедшимъ, т.-е. съ тѣмъ, чего уже больше не можетъ быть? Кромѣ того, воспоминаніе—самая легкая изъ всѣхъ формъ «представленія»—больше всѣхъ другихъ экономизируетъ силу; великое искусство поэта или романиста состоитъ въ пробужденіи у насъ воспоминаній: мы чувствуемъ красоту только тогда, когда она что-нибудь напоминаетъ намъ; но самая красота произведеній искусства не состоитъ ли отчасти въ большей или меньшей живости такого же напоминанія? Чаще всего время дѣйствуетъ на предметы и событія такъ же, какъ и художникъ, который все дѣлаетъ болѣе красивымъ, оставясь, повидимому, вѣренъ правдѣ, и достигаетъ этого какимъ-то особымъ волшебствомъ.

Эту работу воспоминанія можно объяснить научно слѣдующимъ образомъ. Между всѣми нашими впечатлѣніями происходитъ въ мысли нѣчто въ родѣ борьбы за существованіе; тѣ впечатлѣнія, которыя недостаточно сильно поразили насъ, сглаживаются, такъ что въ концѣ концовъ остаются только сильныя впечатлѣнія. Напр., вспоминая рощу, видѣнную на берегу рѣки, мы забудемъ все, что составляетъ мелкія подробности, все, что мы, хотя и видѣли, но не замѣтили; все, что не представляло отличительныхъ или характеристическихъ особенностей, въ чемъ не было элемента *указующаго* или *внушающаго* (signicatif ou suggestif). Мы забудемъ и усталость, которую испытывали при этомъ, если она была не велика, забудемъ маленькія хлопоты всякаго рода и тысячи бездѣлокъ, которыя развлекали наше вниманіе: все это уйдетъ, изгладится. Останется только то, что было глубоко, что оставило въ насъ живые и живучіе слѣды: свѣжесть воздуха, мягкость травы, оттѣнки листьевъ, извилины рѣки и т. п. Вокругъ этихъ выдающихся чертъ образуется тѣнь, и однѣ онѣ явятся освѣщенными внутреннимъ свѣтомъ. Другими словами, вся сила, разсѣевающаяся обыкновенно на вторичныя и измѣнчивыя впечатлѣнія, окажется накопленной, сконцентрированной и въ результатѣ получится образъ болѣе чистый, къ которому мы въ состояніи будемъ обратиться, такъ сказать, всецѣло, отчего онъ и пріобрѣтаетъ болѣе эстетическій характеръ. Въ общемъ, всякое безразличное воспріятіе, всякая безполезная деталь вредятъ эстетической эмоціи; поэтому, воспоминаніе, подавляя безразличные элементы, позволяетъ эмоціи усиливаться. До извѣстной степени, это значитъ—украшать изолированіемъ. Кромѣ того, воспоминаніе стремится изгладить то, что было тяжело, и сохранить только то, что было или пріятно, или, наоборотъ, вполнѣ печально.

Извѣстно каждому, что время смягчаетъ самыя сильныя страданія; но преимущественно оно заставляетъ исчезать мелкія, смутныя страданія, легкія непріятности, мѣшающія жить, хотя и не останавливающія жизни. Такія страданія напоминаютъ мелкіе кусты на пути. Вы забываете эти мелочи, но они примѣшиваются къ самымъ пріятнымъ вашимъ эмоціямъ; это похоже на ту горькую примѣсь къ вину, которая не остается на днѣ кубка, а наоборотъ, испаряется по мѣрѣ того, какъ вы пьете. Когда мы грустимъ, долго ожидая дорогое существо, и, наконецъ, видимъ его и его улыбку, мы забываемъ сразу долгіе часы, протекшіе въ монотонномъ ожиданіи; кажется, что эти часы образуютъ въ прошломъ одно темное пятно, которое само скоро исчезаетъ; тутъ простой примѣръ того, что безпрестанно проосходитъ въ жизни. Все, что было сѣро, тускло, безцвѣтно (т.-е., въ общей сложности, большая часть жизни), разсѣевается, какъ туманъ, скрывавшій отъ насъ свѣтлую сторону предметовъ, и передъ нашими глазами возникаютъ одни лишь тѣ рѣдкія мгновенія, которыя дѣлаютъ жизнь стоющей труда, возлагаемаго ею на насъ. Эти радости, вмѣстѣ съ тѣми страданіями, которыя онѣ уравновѣшиваютъ, кажутся намъ наполняющими все прошлое, тогда какъ, въ дѣйствительности, нить нашей жизни была скорѣе безразлична, не очень пріатна, не очень печальна, и не имѣла крупной эстетической цѣнности.

У насъ февраль, и поля вездѣ кругомъ покрыты снѣгомъ. Сегодня, вечеромъ, при закатѣ солнца, я вышелъ въ паркъ; медленно бродилъ я по снѣгу. Вездѣ надо мною, справа и слѣва, всѣ кусты, всѣ вѣтви деревьевъ сверкали снѣжными хлопьями, и эта дѣвственная бѣлизна, покрывавшая все, принимала при послѣднихъ лучахъ солнца розоватый оттѣнокъ: тутъ были искры безъ конца, блескъ свѣта—невыразимой чистоты; боярышники казались покрытыми цвѣтомъ, разцвѣли яблони, разцвѣли миндальныя деревья, казалось даже, что цвѣли персики и каждая травка: весна, но только болѣе блѣдная, чѣмъ всегда, и безъ зелени, разлилась на все. Но только какъ все это застыло! Ледянымъ дыханіемъ вѣяло отъ этого безграничнаго поля цвѣтовъ, а эти цвѣтовые вѣнчики замораживали приближавшіеся къ нимъ концы пальцевъ. Глядя на эти цвѣты, такіе свѣжіе и такіе мертвые, я думалъ о тѣхъ нѣжныхъ воспоминаніяхъ, которыя спятъ въ насъ и среди которыхъ мы блуждаемъ иногда, пытаясь воскресить въ нихъ весну и юность. Наше прошедшее, это—снѣгъ, медленно падающій и кристаллизующійся въ насъ, открывающій передъ нашими взорами безконечныя, чудныя перспективы, эффекты свѣта и ми-

ражей, очарованія, представляющія лишь новыя иллюзіи. Наши прошлыя страсти кажутся въ такія мгновенія чѣмъ-то въ родѣ посторонняго зрѣлища: наша жизнь производитъ въ насъ самихъ впечатлѣнія картины, полуживого произведенія. И подъ этимъ снѣгомъ воспоминаній, единственныя эмоціи, которыя еще остаются живыми или способными жить, это тѣ, которыя были глубоки и велики. Такимъ образомъ, воспоминаніе оказывается какъ бы судилищемъ надъ нашими эмоціями: оно позволяетъ лучше опредѣлить ихъ сравнительную силу. Слабѣйшія, забываясь, носятъ приговоръ въ самихъ себѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать заключеніе, что самая прочная почва, на которой работаетъ художникъ, это—воспоминаніе, а именно воспоминаніе о томъ, что онъ перечувствовалъ или видѣлъ прежде, чѣмъ стать художникомъ по профессіи. Ремесло можетъ современемъ измѣнить ощущенія и чувства, но оно не можетъ измѣнить воспоминаній объ эмоціяхъ юности; они сохраняютъ всю свою свѣжесть, и вотъ съ этимъ неразрушимымъ матеріаломъ художникъ строитъ свои лучшія произведенія, полныя жизни и способныя жить. Евгенія Гюэренъ, просматривая бумаги, напоминавшія ей ея брата, пишетъ: «Эти мертвые предметы производятъ на меня, кажется, большее впечатлѣніе, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ живые, и *перечувствовать* что-нибудь приходится сильнѣе, чѣмъ *чувствовать*». Дидро писалъ гдѣ-то: «*Для того, чтобы артистъ заставилъ меня плакать, онъ не долженъ плакать самъ*». На это ему справедливо отвѣчали: онъ *не долженъ* плакать, но *долженъ былъ плакать прежде*: необходимо, чтобы тонъ его голоса сохранилъ эхо пережитыхъ и исчезнувшихъ чувствъ. Тоже относится и къ писателю.

Классической школѣ хорошо извѣстно дѣйствіе отдаленія во времени; но ея пріемъ еще представляетъ только перенесеніе событій въ *абстрактное* прошлое. Греки Расина являются греками почти только по имени той эпохи, въ которую онъ помѣщаетъ ихъ и которая часто остается простымъ ярлычкомъ, простой цифрой, не показывая намъ тогдашнихъ грековъ. *Историческая* школа, наоборотъ, говоритъ намъ о событіяхъ *конкретнаго* прошлаго. Она реалистична, но идеализируетъ при помощи отдаленія и эффекта удаленности. Спенсеръ утверждаетъ, хотя и безъ объясненій, что каждый предметъ, когда-то полезный людямъ, а теперь переставшій быть такимъ, становится прекраснымъ; на это, по нашему мнѣнію, имѣются двѣ причины. Во-первыхъ, все, что служило человѣку, интересуетъ человѣка уже въ силу этого. Вотъ оружіе, утварь, посуда, служившая нашимъ отцамъ; понятно, что они насъ

интересуютъ, но уже *не служатъ* намъ, благодаря этому, они теряютъ характеръ тривіальности, необходимо связанный съ ежедневнымъ употребленіемъ; они уже возбуждаютъ въ насъ только безкорыстную симпатію. Отличительный признакъ исторіи состоитъ въ томъ, что она увеличиваетъ и поэтизируетъ всѣ явленія. Исторіей совершается расчистка, послѣ которой остаются только эстетическія и грандіозныя черты; самые низкіе факты оказываются лишенными того, что тривіально, пошло, вульгарно, грубо и наслоено ежедневнымъ употребленіемъ: отъ предмета, перенесеннаго такимъ образомъ въ прошедшее, въ нашемъ умѣ остается лишь простой образъ, выраженіе того первоначальнаго чувства, которое его создало; но то, что просто и глубоко, уже не имѣетъ въ себѣ ничего низкаго. Копье галльскихъ временъ напоминаетъ намъ только великую идею, создавшую оружіе, т.-е. идею защиты и силы; копье, это—самъ галлъ, защищающій свое жилище и свою галльскую землю. Пищаль времени крестовыхъ походовъ пробуждаетъ въ насъ только фантастическіе образы отдаленныхъ эпохъ, древнихъ битвъ между расами сѣвера и юга. Все, что доходитъ до насъ черезъ область исторіи, является передъ нами въ своей простотѣ. Наоборотъ, полезные предметы теперешняго ежедневнаго обихода, со своимъ привѣскомъ тривіальности, остаются прозаичными, и вотъ почему «полезное», становясь историческимъ, становится прекраснымъ. Произведеніе древности есть извѣстнаго рода дѣйствительность (реальность), очищенная временемъ.

VI.

Геній, сила симпатіи и общительности.

По нашему мнѣнію, художественный и поэтическій геній есть чрезвычайно интенсивная форма симпатіи и общительности (соціабильности), которая можетъ удовлетворяться только въ созданіи новаго міра, и именно міра живыхъ существъ. Геній, это — сила любви, которая, какъ всякая истинная любовь, стремится энергически къ плодотворности и къ созданію жизни. Геній долженъ страстно любить все и всѣхъ, чтобы все понимать. Даже въ наукѣ, если находятъ истину, «думая о ней постоянно», то постоянно думаютъ о ней только потому, что любятъ ее. Дарвинъ говоритъ: «мой успѣхъ, какъ человѣка науки, зависѣлъ до нѣкоторой степени, насколько я могу судить, отъ сложныхъ и различныхъ душевныхъ качествъ и условій. Среди нихъ мнѣ кажутся особенно важными слѣдующія: любовь къ наукѣ, безграничное терпѣніе при

обдумываніи какого-нибудь предмета, находчивость при объединеніи фактовъ и при ихъ наблюденіи, способность изобрѣтательности и здраваго смысла». Къ этимъ качествамъ слѣдуетъ прибавить еще одно, о которомъ не говоритъ самъ Дарвинъ, но упоминаютъ его біографы: это способность къ энтузіазму, который заставлялъ его любить то, что онъ наблюдалъ, любить растеніе, любить насѣкомое, начиная съ формы его лапокъ и кончая крылышками, и такимъ образомъ возвышать мельчайшую деталь или самое ничтожное созданьице своимъ удивленіемъ, всегда готовымъ найти себѣ пищу. «Любовь къ наукѣ», которую онъ указываетъ въ себѣ, сводится, такимъ образомъ, на страстное расположеніе къ самымъ объектамъ науки, къ живымъ существамъ,—сводится на любовь и симпатію ко всему міру.

Часто приходится слышать обычное выраженіе: «поставьте себя на мое мѣсто» или: «войдите въ его положеніе», и каждый, въ самомъ дѣлѣ, можетъ безъ особыхъ усилій перенестись воображеніемъ во внѣшнія условія другого лица. Но особенное свойство поэтическаго или художественнаго генія состоитъ въ томъ, что они могутъ отрѣшаться не только отъ внѣшнихъ условій, облекающихъ насъ, но и отъ внутреннихъ условій, облекающихъ насъ, рожденія и моральной среды, даже—пола и пріобрѣтенныхъ качествъ или недостатковъ. Это — способность воспитанія своей личности (depersonnaliser), т. е. угадывать, подъ всѣми менѣе существенными явленіями, первичную искру жизни и воли. Когда достигнуто такое самоупрощеніе, то жизнь эту, чувствуемую въ себѣ самомъ, художникъ переноситъ не только въ рамки чужого движенія или въ его члены, но, такъ сказать, въ самое сердце другого существа. Отсюда происходитъ извѣстное требованіе, чтобы художникъ или поэтъ *жили* въ выводимыхъ ими личностяхъ и жили не только внѣшнимъ образомъ, но такъ глубоко, какъ будто бы дѣйствительно вошли въ эти личности. Но въ концѣ концовъ нельзя дать *жизни*, не заимствуя ея изъ своей собственной сокровищницы; художникъ, обладающій могучимъ воображеніемъ, долженъ, значитъ, самъ обладать достаточно сильной жизнью, чтобы одушевлять поочередно всѣ созданныя имъ лица, такъ, чтобы ни одно изъ нихъ не было простымъ воспроизведеніемъ или копіей его самого. Задача, которую долженъ разрѣшить каждый творецъ, состоитъ въ томъ, чтобы при посредствѣ одной своей личной жизни, создавать иную и *оригинальную* жизнь.

Опытная наука, въ своемъ цѣломъ, есть анализъ дѣйствительности, замѣчающій послѣдовательность явленій или фактовъ для вывода изъ нея отвлеченныхъ законовъ. Такимъ образомъ, наука

медленно собираетъ мелкіе факты, суммируя ихъ трудомъ скромныхъ работниковъ; она допускаетъ медленное возростаніе своихъ сокровищъ, благодаря времени, количеству тружениковъ и ихъ терпѣнію. Она напоминаетъ мнѣ дѣвочку, которую въ дождливый день я увидѣлъ какъ-то занятой собираніемъ въ свой наперстокъ каждой капли, падавшей съ соломенной крыши: вѣтеръ далеко уносилъ эти капельки, а ребенокъ терпѣливо протягивалъ свой наперсточекъ, который никакъ не могъ наполниться. Искусство совершенно не обладаетъ такимъ терпѣніемъ: оно импровизируетъ, опережаетъ реальность и предупреждаетъ ее; это—*синтезъ*, посредствомъ котораго,—если даны или просто предположены законы реальнаго,—стараются перестроить для ума какую-нибудь реальность, передѣлать часть міра. Задача искусства—произвести синтезъ, создать, и въ этомъ отношеніи создающій геній въ наукахъ самъ пріобщается къ искусству; изобрѣтенія прикладной механики, химической синтезъ, это—искусства. Если иногда ученый можетъ произвести что-нибудь *матеріально*-новое въ мірѣ внѣшнемъ, тогда какъ чисто-художественный геній создаетъ только для собственной или для нашей *мысли*, то разница при этомъ болѣе поверхностна, чѣмъ можно бы было думать: и ученый, и художникъ стремятся къ одной и той же цѣли и сходными пріемами, а именно они стараются одинаково, хотя и въ различныхъ областяхъ, создать реальность, произвести даже жизнь, сотворить. Напримѣръ, при построеніи характеровъ въ искусствѣ, оно комбинируетъ элементы, заимствованные у дѣйствительности, какъ и химикъ при синтезѣ какого-либо тѣла. Этими комбинаціями или сочетаніями оно, конечно, очень часто воспроизводитъ типы самой природы; иногда оно менѣе внимательно къ своему дѣлу и это приводитъ къ созданію уродливыхъ типовъ, не способныхъ къ жизни; но за то въ другихъ случаяхъ оно приходитъ къ созданію типовъ чрезвычайно живучихъ, способныхъ существовать, дѣйствовать, становиться родоначальникомъ новыхъ типовъ, хотя, однако, такіе типы никогда не существовали въ дѣйствительности и, быть можетъ, никогда не будутъ существовать. И вотъ, въ созданіи такихъ живучихъ типовъ заключаются высочайшія надежды и одинъ изъ признаковъ истиннаго генія. Эти типы являются созданіемъ человѣческаго воображенія съ тѣмъ же правомъ, какъ и то тѣло, не существовавшее въ природѣ, которое цѣликомъ сдѣлано современной химіей изъ существующихъ элементовъ, при чемъ наука измѣнила только ихъ соединеніе.

Для генія-создателя, въ тѣсномъ смыслѣ, дѣйствительная жизнь, среди которой онъ живетъ, есть только одинъ изъ частныхъ слу-

чаевъ или одна изъ формъ *возможной жизни*, которую онъ улавливаетъ какъ бы внутреннимъ зрѣніемъ. Подобнымъ же образомъ, для математика нашъ міръ бѣденъ сочетаніями линій и чиселъ, а наши измѣренія пространства представляются ему только частнымъ случаемъ безконечныхъ возможностей *). Точно также для химика эквиваленты, въ которыхъ простыя тѣла соединяются въ природѣ, кажутся только частными случаями безчисленныхъ сочетаній между элементами предметовъ. И для истиннаго поэта, тотъ характеръ, который онъ уловилъ въ жизни, или тотъ индивидуумъ, котораго онъ наблюдалъ, составляютъ не цѣль, а средство,—средство предъугадать неопредѣленныя комбинаціи, къ какимъ можетъ стремиться природа. Геній занимается *возможностями* даже больше, чѣмъ реальностями; въ ограниченныхъ рамкахъ нашего реальнаго міра онъ напоминаетъ существо, которое послѣ жизни въ пространствѣ о четырехъ измѣреніяхъ было бы брошено въ наше пространство съ тремя измѣреніями. Такимъ образомъ, если геній стремится безпрестанно перейти предѣлы дѣйствительности, мы не жалѣемъ объ этомъ; въ этомъ случаѣ идеализмъ не только не зло, но скорѣе— условіе генія; нужно только, чтобы выраженный имъ идеалъ, если онъ и не принадлежитъ дѣйствительности, среди которой мы ежедневно толчемся, не выходилъ изъ ряда *возможностей*, которыя мы предвидимъ: все дѣло въ этомъ. Истинный геній познается по тому, что онъ достаточно широкъ для возможности жить за предѣлами дѣйствительности, и въ то же время, достаточно логиченъ для того, чтобы не заблуждаться относительно *возможностей*.

Да и что именно раздѣляетъ возможное отъ невозможнаго? Въ области искусства этого никто не въ состояніи опредѣлить точно. Никто не знаетъ границъ могущества дѣятельности, свойственнаго природѣ, и никому неизвѣстны предѣлы могущества представленія, свойственнаго художнику. Нельзя никогда предвидѣть, родится ли ребенокъ жизнеспособнымъ, и также точно никто не скажетъ, произведетъ ли мозгъ поэта или романиста живучій типъ, т.-е. *художественное существо*, способное жить само-собою. Можно опредѣлить поэзію такъ: это высочайшая фантазія, но въ границахъ

---

*) Здѣсь Гюйо имѣетъ въ виду, такъ называемую, новую геометрію, которая не довольствуется тремя измѣреніями (длина, ширина и глубина), доступными человѣческому опыту, а обобщаетъ эти измѣренія и ихъ теоремы на гипотетическія, возможныя или воображаемыя измѣренія. Отсюда возникли теоремы или формулы для 4-го измѣренія, для измѣреній *n* степени, съ точки зрѣнія которыхъ наши дѣйствительныя измѣренія являются только частнымъ случаемъ. *Ред.*

не здраваго смысла,—въ пошломъ значеніи этого слова,—а въ границахъ смысла правды и универсальной аналогіи (всеобщаго подобія).

VII.

Симпатія въ критикѣ.

Первымъ качествомъ истинныхъ критиковъ является симпатія и общественность, которыя, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи и при добавленіи къ нимъ творческой способности, образуютъ и самую геніальность. Для того, чтобы правильно понять художественное произведеніе, нужно такъ глубоко проникнуться господствующей въ немъ идеей, чтобы войти въ самую душу его или дать ему эту *единую* душу. Только такимъ способомъ оно пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ настоящую индивидуальность и образуетъ какъ бы другую душу, возникающую рядомъ съ нашей. Это-то и можно назвать *внутренней жизнью* художественнаго произведенія, къ которой не способны многіе поверхностные наблюдатели. Достигается это тѣмъ, что художественное произведеніе поглощаетъ критика, сосредоточиваетъ его на себѣ и устраняетъ временно все другое изъ его сознанія. Удивленіе, какъ и любовь, требуетъ нѣкотораго уединенія съ предметомъ любви, того, что называется tête-à-tête, и не можетъ охватить насъ, какъ и любовь, если мы не отвлекаемъ добровольно нашего вниманія отъ нѣкоторыхъ частныхъ недостатковъ и несовершенствъ; вѣдь, всякое самоотреченіе есть въ нѣкоторомъ родѣ частичное прощеніе. Иногда мы лучше видимъ прекрасную статую или картину или художественную сцену, если закрываемъ глаза и сосредоточиваемся на внутреннемъ образѣ; и по этой способности возбуждать въ насъ такой внутренній образъ, можно лучше всего судить о высочайшихъ произведеніяхъ искусства. Удивленіе или восхищеніе не пассивны, какъ простыя и чистыя ощущенія. Художественное произведеніе возбуждаетъ въ насъ восхищеніе или удивленіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше оно воскрешаетъ въ нашей душѣ личныхъ идей и эмацій, т. е. чѣмъ болѣе оно способно дѣйствовать *внушеніемъ* (suggestive). Великимъ произведеніемъ можно считать то, которому удается сгруппировать вокругъ даннаго имъ намъ представленія наибольшее количество другихъ, дополнительныхъ представленій, или вокругъ основныхъ нотъ наибольшее количество нотъ гармоническихъ. Но не всѣ души одинаково способны вибрировать при соприкосновеніи съ художественнымъ произведеніемъ, не всѣ способны одинаково испытывать

во всей цѣлостности ту совокупность эмоцій, которую оно способно дать; отсюда-то и возникаетъ роль критика: критикъ долженъ усилить всѣ гармоническія ноты, сдѣлать рельефными всѣ дополнительные цвѣта, чтобы они могли быть восприняты всѣми. Идеальный критикъ, это—человѣкъ, въ которомъ художественное произведеніе возбуждаетъ наибольшую сумму идей и эмоцій, и который, благодаря этому, сообщаетъ эти эмоціи другимъ. Онъ-то менѣе всего пассивенъ передъ произведеніями искусства и открываетъ въ нихъ больше всѣхъ—богатое содержаніе. Иными словами, критикомъ преимущественно можетъ быть тотъ, кто лучше другихъ умѣетъ удивляться прекрасному въ художественномъ произведеніи и, въ то же время, умѣетъ лучше другихъ сообщать это удивленіе *).

Въ ознакомленіи съ какимъ-нибудь прекраснымъ сочиненіемъ или высокимъ музыкальнымъ произведеніемъ можно отмѣтить три періода: первый, когда книга еще неизвѣстна, т. е. когда еще ее читаютъ, переводятъ или вообще знакомятся съ нею: это — періодъ энтузіазма: второй, когда ее прочли и даже перечитали до пресыщенія: это—періодъ усталости; третій, когда съ нею ознакомились дѣйствительно всецѣло, и она уже нѣкоторое время переживалась нашимъ сердцемъ и отзывалась въ немъ: это — періодъ дружбы. Только послѣ этого о ней можно судить правильно. Викторъ Гюго говоритъ: всякая *привязанность* есть, въ то же время, и *увѣренность* или *убѣжденіе*, но такое убѣжденіе, предметомъ котораго является живое существо, причемъ это убѣжденіе или увѣренность способны развиться въ насъ легче, чѣмъ всякія другія. И наоборотъ, каждое убѣжденіе есть привязанность, такъ какъ *вѣрить* значитъ—любить.

Во всѣхъ эстетическихъ эмоціяхъ существуетъ какъ *симпатія*, такъ и *антипатія*. Эта послѣдняя заключается въ томъ впечатлѣніи диссонанса и дисгармоніи, которое выносится нѣкоторыми читателями изъ извѣстныхъ произведеній искусства. Благодаря этому, тотъ или иной темпераментъ не способенъ понять того или иного произведенія, хотя бы и мастерскаго. Въ умахъ черезчуръ *критическихъ* часто встрѣчается почва для нѣкоторой необщительности, заставляющая насъ относиться отрицательно или недовѣрчиво къ ихъ сужденіямъ, какъ относятся сами они къ другимъ. Почему сужденіе толпы, иногда весьма грубое относительно художественныхъ произведеній, бываетъ, однако, очень часто бо-

*) Нельзя не замѣтить, что это лишь одна изъ сторонъ совершенной критики; есть много другихъ и, между прочимъ, способность указать и доказать недостатки произведенія искусства, т. е. разрушить ложное удивленіе массы, но у Гюйо на это свой взглядъ, какъ увидимъ ниже. *Ред.*

лѣе справедливымъ, чѣмъ разъясненія профессіональныхъ критиковъ? А потому, что у толпы нѣтъ «личности», которая сопротивлялась бы художнику. Толпа, говорятъ, отдается своему впечатлѣнію наивно, но это не бѣда: именно это-то отсутствіе въ ней чувства отвѣтственности, эта ея безличность и даютъ извѣстную цѣну ея восторгамъ; у нея нѣтъ заднихъ мыслей, нѣтъ скрытой почвы дурного настроенія, умственнаго эгоизма (т. е. сильно выраженнаго умственнаго «я»), нѣтъ разсудочныхъ предубѣжденій, которыя, пожалуй, опаснѣе всякихъ другихъ. Для профессіональнаго критика одно изъ средствъ доказать свое право на существованіе, заключается въ томъ, чтобы противоположить автору себя самого, *свой* взглядъ, т. е. именно «*критиковать*», видѣть прежде всего ошибки. Это — штука весьма не безопасная, нѣчто въ родѣ наклонной плоскости. Одно историческое лицо говорило своему приближенному: «пожалуйста, противорѣчь мнѣ, хоть въ чемъ-нибудь, чтобы казалось, что насъ двое». Критикъ, не желая самъ быть приниженнымъ, желая сохранить свое мѣсто подъ солнцемъ, чувствуетъ нерѣдко необходимость бранить толпу авторовъ и художниковъ; такимъ образомъ, между двумя лагерями скоро устанавливается болѣе или менѣе безсознательная вражда. Унижая другого, возвышаютъ себя; грубый голосъ слышенъ дальше; ударъ линейкой, заставляющій страдать ученика, заставляетъ самого учителя поднимать голову еще выше. Критика, въ такомъ ея пониманіи, является лишь увеличеніемъ эгоизма личности, желающей господствовать надъ другой личностью. «Не пріятно ли, — говоритъ Кандидъ,—все критиковать и чувстврвать недостатки тамъ, гдѣ другіе воображаютъ, что видятъ красоты?» И Вольтеръ отвѣчаетъ на это: «Конечно, т. е., иными словами, большое удовольствіе—не имѣть никакого удовольствія». Всѣ мы, современные критики, знаемъ это мелкое удовольствіе—громко объявить, что такое-то произведеніе насъ «не тронуло», что наша личность осталась неприкосновенной. Иногда даже существованіе недостатка въ художественномъ произведеніи, о которомъ мы даемъ отчетъ, радуетъ насъ, какъ само прекрасное, но только другимъ образомъ: мы радуемся, что этотъ недостатокъ окажетъ намъ услугу, такъ какъ мы первые отмѣтимъ его. Паскаль, окончивъ чтеніе книги одного іезуита, воскликнулъ: «О, сколько тутъ *для насъ* хорошихъ вещей!» Бѣда въ томъ, что желающій отыскать дурное почти всегда найдетъ его, но зато потеряетъ, ради удовольствія такой критики, удовольствіе быть «тронутымъ», которое, по Ла-Брюйеру, гораздо лучше перваго. Какъ счастливы

тѣ критики, которые у своихъ авторовъ не находятъ черезчуръ много «хорошихъ вещей» *для себя*.

Одинъ современный философъ утверждалъ, что высшая задача историка философіи состоитъ не въ томъ, чтобы опровергать различныя системы, а въ томъ, чтобы примирять или соглашать ихъ: критика ошибокъ была самымъ неблагодарнымъ, наименѣе полезнымъ дѣломъ, и ее слѣдуетъ доводить до минимума, требуемаго необходимостью. Относительно всякаго искренняго и послѣдовательнаго мыслителя философъ долженъ чувствовать универсальную симпатію, совершенно противоположную скептическому безразличію или равнодушію; при оцѣнкѣ различныхъ философскихъ системъ, философъ долженъ вносить «двѣ великія моральныя истины: справедливость и братство». Эти качества, необходимыя для философіи, еще нужнѣе для литературнаго критика, такъ какъ въ литературѣ преобладаетъ роль чувства. Если, критикуя философа, не всегда достаточно *одного желанія* имѣть противъ него доводы, съ цѣлью самому казаться основательнымъ, то въ искусствѣ весьма часто вполнѣ достаточно желанія — *не быть тронутымъ*, чтобы не получить никакого впечатлѣнія; мы всегда болѣе или менѣе свободны оттолкнуть это впечатлѣніе, замкнуться въ свое враждебное «я», и даже потеряться въ немъ. Поэтому литераторамъ такъ же, какъ и философамъ, слѣдовало бы особенно примѣнять правило: любите другъ друга. Въ концѣ концовъ, если милосердіе составляетъ обязанность по отношенію къ человѣку, то почему бы не быть ему обязанностью и относительно его произведеній, въ которыхъ онъ вложилъ то, что, по его мнѣнію, чувствовалъ въ себѣ самаго лучшаго? Эти произведенія обозначаютъ высочайшія усилія его личности бороться за существованіе.

Написанная книга, какъ бы она ни была несовершенна, есть въ то же время и высшее выраженіе «вѣчнаго желанія жизни», и въ этомъ отношеніи всегда требуетъ къ себѣ почтенія. Она сохраняетъ для извѣстнаго времени ту неопредѣлимую, хрупкую и глубокую вещь, тотъ своеобразный *тонъ* (акцентъ) личности, который лучше найдетъ путь къ сердцу того, кто умѣетъ любить.

Взгляните въ глаза проходящаго мимо васъ и безразличнаго вамъ человѣка; хотя бы эти глаза были ясны и прозрачны, они немного вамъ скажутъ, а можетъ быть, даже и ничего. Наоборотъ, въ самомъ простомъ взглядѣ любимой личности вы увидите глубину его сердца со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ волнующихся въ немъ чувствъ.

То же самое и въ критикѣ.

Тотъ, кто разсуждаетъ о книгѣ, какъ о прохожемъ, съ перваго взгляда относясь къ ней разсѣянно, недоброжелательно и равнодушно, навѣрное никогда не пойметъ ее; не пойметъ потому, что для пониманія человѣческой мысли, этой самой индивидуальности живого существа, нужно ее полюбить.

Наоборотъ, раскройте любимую книгу, съ которой вы привыкли бесѣдовать, какъ съ живымъ человѣкомъ, и вы въ ней найдете гармоническія соотношенія между всѣми мыслями, вслѣдствіе чего одна мысль является дополненіемъ другой; смыслъ каждой строки получаетъ болѣе широкій объемъ, и все это происходитъ подъ вліяніемъ чувства любви.

Любимая книга, это—какъ бы вѣчно открыто око, котораго не въ состояніи закрыть сама смерть, и гдѣ постоянно видится глубочайшая мысль человѣческаго существа, озаренная лучомъ свѣта.

Отсюда выводъ—не слѣдуетъ слишкомъ презирать hominem unius libri (человѣка одной книги).

Онъ любитъ своего автора, а разъ любитъ, у него много шансовъ на то, что онъ пойметъ этого любимаго автора и усвоитъ себѣ все, что у того есть лучшаго.

Недостатокъ критика зачастую состоитъ въ томъ, что онъ «книжникъ»: вѣдь, какія громадныя сокровища симпатіи нужно ему накопить, чтобы всѣ тѣ мысли, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе, вызывали искренне сочувственное волненіе его души!

Подобная симпатія рискуетъ стать черезчуръ *общей* и, стремясь распространиться на всѣхъ, не коснуться никого. Она похожа на чувство, испытываемое нами по отношенію къ какому-нибудь иноплеменному члену человѣческаго рода—персу или китайцу.

Такого чувства для истинной критики недостаточно, и поэтому-то критикъ такъ часто бываетъ плохимъ судьей. Въ большинствѣ случаевъ, это одинъ изъ тѣхъ «филантроповъ», у которыхъ нѣтъ друзей, одинъ изъ тѣхъ «обожателей человѣчества», у которыхъ нѣтъ родины.

VIII.

Принципъ искусства не лежитъ ни въ вымышленномъ, ни въ забавѣ

I. Искусство не только страсть, но и дѣйствіе, не только игра и виртуозность, но и *реальная потребность*. Поэтому искусство и стремится вызывать въ жизни дѣйствія того же порядка, какъ тѣ, которыя оно изображаетъ.

Эстетическая эмоція наиболѣе живая съ наименьшей примѣсью грусти, встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда она непосредственно воплощается въ дѣйствіяхъ и этимъ сама собою удовлетворяется. Спартанцы сильнѣе чувствовали всѣ красоты стиховъ Тиртея, германцы—Кернера или Уланда, когда эти стихи увлекали ихъ въ битву; точно также, никогда, вѣроятно, волонтеры революціи не бывали такъ возбуждены марсельезой, какъ въ тотъ день, когда она однимъ духомъ подняла ихъ на холмы Жемаппа.

Довольно уже избитый примѣръ Жозефа Верне, велѣвшаго привязать себя къ мачтѣ, чтобъ имѣть возможность любоваться бурей.

Можно ли сказать, что онъ въ меньшей степени чувствовалъ величіе океана потому, что одновременно былъ и зрителемъ, и актеромъ?

Идемъ дальше; если бы онъ былъ въ состояніи самъ вступить въ борьбу съ океаномъ, еслибы онъ взялся за руль и одинъ управлялъ кораблемъ на громадномъ пространствѣ разъяреннаго моря, то его эстетическая эмоція не была бы этимъ ослаблена, онъ лучше понялъ бы антитезу человѣка и природы,—антитезу, на каторой, по мнѣнію Канта, основано чувство возвышеннаго.

Что касается меня, я никогда такъ ясно не чувствовалъ величія неба, какъ тогда, когда мнѣ приходилось съ трудомъ карабкаться на высокую гору, причемъ я, такъ сказать, чувствовалъ, что вхожу въ самое небо, съ трудомъ при каждомъ шагѣ побѣждаю его, и мнѣ казалось, что, по мѣрѣ возрастанія во мнѣ желанія безконечности, оно безпрестанно должно удовлетворяться.

Изъ важности *дѣйствія* въ чувствѣ прекраснаго вытекаетъ одно слѣдствіе, которое необходимо замѣтить, а именно, что вымыселъ не является вовсе необходимымъ условіемъ прекраснаго.

Шиллеръ и его послѣдователи сводили искусство къ вымыслу и, тѣмъ самымъ, одну изъ погрѣшностей человѣческаго искусства принимали за главное его достоинство; эта погрѣшность заключалась въ томъ, что искусство этого рода не въ силахъ было дать жизнь и настоящую дѣятельность.

Возьмемъ какіе-нибудь примѣры изъ отдаленныхъ временъ: вообразите, что великія сцены Эврипида и Корнеля не представляются на сценѣ, а живутъ передъ вами въ дѣйствительности; представьте себѣ, что вы присутствуете при милосердіи Августа, при героическомъ возвращеніи Никомеда или величественномъ восклицаніи Поликсены; потеряютъ ли всѣ эти дѣйствія и слова свою красоту только потому, что совершать и произносить ихъ будутъ живыя, трепещущія у васъ на глазахъ существа? Послѣ этого

можно сказать, что такая-то рѣчь Мирабо или Дантона, импровизированная въ трагическую минуту, производила меньшее эстетическое впечатлѣніе на слушателей, чѣмъ то, которое она производитъ на насъ теперь!

Окажется, пожалуй, что мы испытываемъ больше удовольствія, переводя Демосѳена, чѣмъ испытывали аѳиняне слушая его! Окажется также, что и Венера Милосская хороша только потому, что неподвижна и сдѣлана изъ мрамора, а если бы ея пустые глаза наполнились внутреннимъ свѣтомъ и мы увидѣли бы, что она къ намъ приближается—мы перестали бы ею восхищаться!

Выходитъ, что если бы Mona Lisa Леонарда или святая Варвара Пальма ле-Вьё могли ожить, то отъ этого онѣ стали бы хуже! Какъ будто высшее стремленіе художника, его неосуществимый идеалъ заключается не въ томъ, чтобы вдохнуть жизнь въ свое произведеніе, создавать, творить, а въ томъ только, чтобы украшать и отдѣлывать.

Если художникъ прибѣгаетъ къ вымыслу, то дѣлается это поневолѣ, какъ механикъ поневолѣ создаетъ машины, а не живыхъ существъ.

Вымыселъ не только не составляетъ условія прекраснаго въ искусствѣ, онъ, наоборотъ, ограничиваетъ его. Истинная цѣль искусства—жизнь и дѣйствительность, и если до этого еще не достигли, то здѣсь мы имѣемъ нѣкоторое сходство съ недоношеннымъ выкидышемъ.

Тиціанъ и Микель Анджело—это неудавшіеся боги: вѣдь «Ночь» Микель Анджело создана для жизни. Какой-то поэтъ подписалъ внизу: «она спитъ», и самъ не подозрѣвая, какой глубокій смыслъ въ этихъ словахъ. Искусство, это какъ бы сонъ человѣческаго идеала, закрѣпленный въ твердомъ камнѣ или на полотнѣ и лишенный возможности когда-нибудь встать и уйти оттуда. Въ подражаніи вообще есть стремленіе сдѣлаться творчествомъ, а вымыселъ стремится исчезнуть мало-по-малу изъ жизни.

И такъ, въ конечномъ выводѣ цѣль искусства—жизнь; художникъ даже къ вымыслу прибѣгаетъ только затѣмъ, чтобы заставить насъ повѣрить, что онъ ничего не выдумываетъ и не «сочиняетъ».

II. Прекрасное можетъ проявляться въ движеніяхъ, въ ощущеніяхъ и въ чувствахъ.

Первой характерной чертой прекраснаго въ движеніяхъ является сила: мы испытываемъ эстетическое удовольствіе отъ ощущенія своей собственной бодрости, отъ упражненія на чемъ-либо своей энергіи, или при видѣ того, какъ это дѣлаютъ другіе.

Вторая характерная черта *красоты движенія*, это—гармонія, ритмичность, порядокъ, т. е. приспособленіе движенія къ своей средѣ и цѣли.

Если эстетическія свойства движенія таковы, то, пожалуй, съ перваго взгляда можетъ показаться, что эстетическія свойства эти могутъ воплощаться только въ *движеніяхъ игры*, а никакъ не въ тѣхъ движеніяхъ, которыя связаны съ трудомъ или работой. По моему мнѣнію, это только кажется, и работа уживается такъ же прекрасно съ эстетическими движеніями, какъ и игра. Взгляните на группы рабочихъ стоящихъ вдоль лѣстницы и передающихъ другъ другу камень: этотъ тяжелый камень мало-по-малу поднимается выше и выше, то поддерживаемый, то оставляемый ихъ руками.

Развѣ нѣтъ въ этой картинѣ истинной красоты, нераздѣльной съ преслѣдуемой цѣлью, а, стало-быть, и съ выполняемымъ трудомъ? Точно также и люди, тянущіе канатъ, на которомъ поднимается тяжелая дубовая доска, гребцы, пильщики, кузнецы, не смотря на то напряженіе, съ которымъ они работаютъ, не смотря на покрывающій ихъ потъ, прекрасны во время исполненія работы. Искусный косарь можетъ быть въ своемъ родѣ такъ же элегантенъ, какъ и танцоръ, такъ что художникъ, пожалуй, съ большей охотой изобразитъ перваго, чѣмъ второго. Дровосѣкъ, которому нужно срубить дубъ, вонзающій въ него топоръ, размахомъ своихъ желѣзныхъ мышцъ, способенъ возбудить въ насъ положительно чувство величественнаго.

Во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ нѣтъ и помину объ игрѣ,—всѣ эти люди въ работѣ своей преслѣдуютъ опредѣленную цѣль. Ритмъ, господствующій въ ихъ движеніяхъ и смягчающій ихъ, объясняется самъ собою тѣмъ, что они добиваются цѣли и напрягаютъ всѣ силы свои для достиженія именно этой одной цѣли. Эстетическій характеръ не только не умаляется отъ этого, но, наоборотъ, возвышается. И такъ, относительно движеній мы приходимъ къ выводу, значительно отличающемуся отъ взгляда на этотъ вопросъ Спенсера, а именно: если игра (упражненіе органа, не направленное къ достиженію полезной цѣли) сама по себѣ эстетична, то трудъ (упражненіе органа, направленное къ достиженію осмысленной цѣли) точно также эстетиченъ и даже больше, чѣмъ игра. Если въ трудѣ зачастую меньше граціи, зато въ немъ можетъ быть больше красоты и величественности. Въ концѣ концовъ, вѣдь трудъ создаетъ преимущество человѣка надъ животнымъ и культурнаго человѣка надъ дикаремъ.

Мараѳонскій вѣстникъ, воспроизведенный греческими скульп

торами, былъ, конечно, покрытъ пылью и потомъ, а черты его выражали полное изнеможеніе и начинавшуюся агонію; но, чтобы онъ могъ преобразиться и стать величественнымъ, въ его рукахъ была лавровая вѣтвь, которой онъ махалъ надъ головой; этотъ измученный, но торжествующій человѣкъ есть какъ бы символъ человѣческаго труда, той высшей красоты, которая состоитъ не въ скупости, а въ щедрости, не въ легкости, а въ усиліи; движеніе въ этой красотѣ является не простымъ только выраженіемъ и мѣрой потраченной силы, но проявленіемъ воли и способомъ оцѣнки его внутренней энергіи.

IX.

Элементарная красота въ ощущеніяхъ; воспоминаніе о Пиринеяхъ; пріятное и прекрасное.

I. Вопреки общепринятой доктринѣ, защитниками которой являются Кантъ, Мэнъ, Бріэнъ, Кузенъ и Жуффруа, мы полагаемъ, что всѣ наши органы чувствъ способны доставлять намъ эстетическія эмоціи. Разсмотримъ столь чуждыя, повидимому, красотѣ, ощущенія тепла и холода. Небольшая доза терпѣнія и, уже съ нихъ, мы сможемъ обнаружить эстетическій характеръ. Очень хорошо извѣстна та роль, которую играетъ «свѣжесть» или «теплота» воздуха въ описаніяхъ пейзажа. Прекрасенъ не только свѣтъ солнца, но и его животворная теплота, которая, въ сущности говоря, есть тотъ же свѣтъ, только ощущаемый всѣмъ организмомъ. Одинъ слѣпой, желая выразить наслажденіе, которое доставила ему теплота невидимаго для него солнца, говорилъ, что ему представляется, будто онъ «слышитъ солнце», какъ гармонію. Мнѣ постоянно приходитъ на память необыкновенно пріятное ощущеніе, испытанное мною однажды въ жару жестокой лихорадки отъ прикосновенія льда къ моему лбу. Чтобы дать хотя слабое представленіе объ этомъ впечатлѣніи, я могу сравнить его только съ удовольствіемъ, которое получаетъ ухо отъ стройнаго аккорда, идущаго вслѣдъ за длиннымъ рядомъ диссонансовъ.

Повторяю, сравненіе приведенное мною чрезвычайно слабо передаетъ сущность испытаннаго, такъ какъ простое ощущеніе свѣжести отъ льда было гораздо глубже, пріятнѣе и, въ результатѣ, болѣе эстетично, нежели то, которое доставляется мимолетнымъ, ласкающимъ ухо, аккордомъ изъ нѣсколькихъ нотъ.

Ощущеніе это заставило меня перечувствовать постепенное возрожденіе всей внутренней гармоніи; я чувствовалъ что-то вродѣ

безконечнаго пріятнаго успокоенія физическаго и моральнаго. Хотя очень можетъ быть, что чувствительность нервной системы при болѣзненномъ состояніи организма чрезвычайно обостряется, и самыя ничтожныя впечатлѣнія, затрогивая насъ глубоко, пріобрѣтаютъ тотъ эстетическій оттѣнокъ, котораго не имѣютъ въ обыкновенное время.

Чувство осязанія,—что бы о немъ ни говорили,—есть постоянный источникъ эстетическихъ эмоцій. Въ этомъ отношеніи оно, въ большинствѣ случаевъ, можетъ дополнять зрѣніе. Если до крайности развивать теорію нѣкоторыхъ эстетиковъ, то въ концѣ концовъ придешь къ заключенію, что ослѣпшій скульпторъ не получалъ впечатлѣнія прекраснаго, ощупывая руками статую. Если осязаніе не даетъ намъ ощущенія цвѣта, то оно вознаграждаетъ насъ за то такими понятіями, которыхъ не можетъ дать одно зрѣніе, а между тѣмъ, они имѣютъ весьма существенное эстетическое значеніе, я говорю о томъ, что мы знаемъ подъ именемъ «нѣжнаго», «шелковистаго», «гладкаго». Красоту бархата характеризуетъ не одинъ видимый блескъ его, но и мягкость, которую мы испытываемъ при прикосновеніи. Сами цвѣта заимствуютъ иногда свою привлекательность отъ ассоціацій идей, извлеченныхъ изъ осязательныхъ ощущеній. При видѣ зеленой травы въ насъ возникаетъ представленіе мягкости подъ ногами: то удовольствіе, которое мы испытывали, когда лежали, раскинувшись на травѣ, увеличиваетъ зрительное наслажденіе, получаемое при видѣ этой травы.

Даже синева неба, хотя это едва уловимо, иногда пріобрѣтаетъ бархатистый оттѣнокъ, что увеличиваетъ ея очарованіе придавая ей неизъяснимую нѣжность.

При нѣкоторомъ напряженіи вниманія, каждый изъ насъ, вѣроятно, отыщетъ въ памяти нѣсколько примѣровъ тому, что вкусовыя наслажденія бывали для него иногда безусловно эстетичны. Какъ-то лѣтомъ, послѣ длинной прогулки въ Пиренеяхъ, совершенно изнемогая отъ усталости, я набрелъ на пастуха и попросилъ у него молока. Пастухъ пошелъ за нимъ въ свою хижинку, подъ которой пробѣгалъ ручеекъ. Въ воду этого ручейка былъ погруженъ сосудъ съ молокомъ, благодаря чему температура его оставалась почти ледяной. Когда я пилъ это свѣжее молоко, въ которое вся гора вложила свои благоуханія, и чувствовалъ, что съ каждымъ глоткомъ возрождаются мои силы, я испытывалъ рядъ ощущеній, для выраженія которыхъ недостаточно одного слова «пріятно». Это было что-то вродѣ пасторальной симфоніи, воспринимаемой не слухомъ, а вкусомъ.

Въ томъ же родѣ, помнится, были и впечатлѣнія, произведен-

ныя на меня нѣсколькими глотками испанскаго вина, которымъ меня угостили, при такихъ же условіяхъ, контрабандисты, и нѣчто подобное почувствовалъ я даже отъ того, что нашелъ простой источникъ на склонѣ пустынной горы.

«Говорили ли когда-нибудь: *красивый запахъ?*» спрашиваетъ В. Кузенъ; если и не говорили, по крайней мѣрѣ по французски, то слѣдовало бы такъ говорить.

Запахъ розы и лиліи, вѣдь это цѣлая поэма, даже независимо отъ тѣхъ идей, которыя мы обыкновенно ассоціируемъ съ ними.

Я вспоминаю ту глубокую эмоцію, которую испыталъ еще въ дѣтствѣ, вдыхая въ себя впервые благоуханіе лиліи.

Прелесть весеннихъ дней и лѣтнихъ ночей въ значительной степени зависитъ отъ благоуханій; сидя весной подъ цвѣтущей сиренью, ощущаешь что-то вродѣ сладостнаго опьяненія.

Кромѣ того, наше обоняніе, несмотря на его относительныя несовершенства, играетъ очень значительную роль во всѣхъ картинахъ природы, какъ непосредственно нами воспринятыхъ, такъ и описанныхъ. Италію нельзя себѣ представить безъ благоуханія апельсинныхъ деревьевъ, разносимаго легкимъ теплымъ вѣтеркомъ; береговъ Бретани и Гасконьи безъ «рѣзкаго (терпкаго) запаха моря», не разъ воспѣтаго Викторомъ Гюго; нѣкоторыя мѣстности нельзя вообразить безъ возбуждающаго аромата хвойнаго лѣса, напр., ланды... То же и зрительныя ощущенія,—они вовсе не такъ поверхностны, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, въ чемъ многихъ увѣрили англійскіе эстетики. Глазомъ мы воспринимаемъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ для живыхъ существъ не менѣе необходимъ, чѣмъ теплота. Припомнимъ, напр., что свѣтъ содѣйствуетъ значительному усиленію роста растеній. Удовольствія, доставляемыя намъ смѣной мрака и свѣта, блескомъ голубого неба и даже просто яркостью цвѣта, не указываютъ-ли на благосостояніе всего организма, одновременное съ наслажденіемъ глаза? Хотя растенія не обладаютъ зрительнымъ органомъ, но они могутъ, однако, испытывать нѣчто сходное съ вышеописаннымъ состояніемъ, при переходѣ изъ тѣни къ солнцу; въ тѣни они блекнутъ, и постоянно поворачиваются или тянутся къ солнцу, какъ будто видятъ его.

И такъ, не слѣдуетъ, безъ достаточной провѣрки, выводить эстетическое наслажденіе изъ *пріятнаго упражненія какого-нибудь отдѣльнаго органа*. Поэзія свѣтовыхъ ощущеній имѣетъ своимъ источникомъ самую необходимость свѣта для жизни и тотъ животворный подъемъ, который онъ производитъ во всемъ организмѣ.

Удовольствіе, испытываемое нами при созерцаніи восхода

солнца, не просто только зрительное; *всѣмъ нашимъ существомъ* мы привѣтствуемъ первые лучи восходящаго свѣтила.

Даже какой-нибудь одинъ цвѣтокъ обладаетъ выразительностью. Пояснимъ примѣрами. Не безъ основанія рапсоды, распѣвавшіе Иліаду, одѣвались въ красныя одежды, напоминавшія своимъ цвѣтомъ кровавыя битвы, описанныя поэтомъ. Наоборотъ, декламировавшіе Одиссею, облачались въ синія туники, — цвѣта болѣе мирнаго, представляющаго символъ моря, гдѣ такъ долго блуждалъ Улиссъ. Кто бы могъ себѣ представить, замѣчаетъ М. Фехнеръ, обитателя вѣчнаго огня, Мефистофеля, одѣтаго въ небесно-голубой цвѣтъ, а какого-нибудь идиллическаго пастуха, задрапированнаго въ пурпуровый плащъ? Между зрительными воспріятіями и мыслью существуетъ тайная гармонія, которую всегда уважали и поэты, и живописцы.

Слуховыя ощущенія, лежащія въ зародышѣ самыхъ возвышенныхъ искусствъ (поэзіи, музыки, краснорѣчія), обязаны своими наиболѣе высокими эстетическими свойствами тому, что звукъ, какъ наилучшее средство общенія живыхъ существъ, пріобрѣтаетъ, благодаря этому, нѣкотораго рода общественную цѣнность. Въ основѣ всѣхъ эстетическихъ слуховыхъ наслажденій лежатъ инстинкты симпатіи и общественности. Въ звукѣ, главнымъ образомъ, очаровываетъ живыхъ существъ то, что онъ замѣчательно выразителенъ,—онъ заставляетъ людей раздѣлять радости и особенно страданія себѣ подобныхъ живыхъ существъ. Поэтому наибольшее эстетическое впечатлѣніе для слуха дается въ звукѣ его интонаціей, этимъ непосредственнымъ и трепетнымъ выраженіемъ чувства. Все могущество оратора — въ тонѣ и его измѣненіяхъ; этотъ же элементъ существенно необходимъ и въ драматическомъ искусствѣ: печаль, выраженная звуками голоса, трогаетъ нашу душу гораздо сильнѣе, чѣмъ передача ея жестами или выраженіемъ лица.

Основа поэтической техники, собственно говоря, состоитъ въ томъ, чтобы совокупностью подобранныхъ словъ волновать слухъ, при чемъ эти слова должны, такъ сказать, въ самихъ себѣ заключать свою особенную интонацію. Что касается пѣнія, то, какъ прекрасно показалъ Спенсеръ, оно развилось изъ эмоціональной стороны человѣческой рѣчи, т. е. изъ ея интонацій. Пѣніе, это— человѣческій голосъ, модулирующій отъ прикосновенія страсти. Уже Цицеронъ сказалъ: Accentus cantus obscurior (выраженіе темнѣе пѣнія). Въ свою очередь, и инструментальная музыка есть развитіе человѣческаго голоса. Въ основѣ всякаго музыкальнаго звука, если онъ намъ нравится, находится несомнѣнно нѣчто,

напоминающее человѣка: звуки рѣзкіе, сиплыя, возбуждаютъ представленіе о звукахъ голоса сердящагося человѣка; звуки нѣжные пробуждаютъ идеи о симпатіи и любви.

II. Различныя жизненныя отправленія также способны получать эстетическій характеръ. Весьма немного эмоцій, которыя по глубинѣ и нѣжности равнялись бы тому состоянію, которое мы переживаемъ, переходя отъ испорченнаго воздуха къ безукоризненно чистому, напримѣръ, на высокихъ горахъ. Глубоко вдыхать его полной грудью, чувствовать, какъ очищается кровь отъ прикосновенія съ нимъ, какъ каждая жилка вновь пріобрѣтаетъ активность и силу, это такое упоительное наслажденіе, которому трудно отказать въ эстетической цѣнности.

Не даромъ поется въ одной шотландской балладѣ: «воздухъ, воздухъ, бьющій въ лицо и заставляющій кровь бѣжать по жиламъ». Функція питанія, тѣсно связанная съ предыдущей, точно также не исключаетъ эстетической эмоціи. Ощущеніе жизни, возстановляющейся, обновленной, бьющей повсюду изъ самой глубины живого существа, ощущеніе въ членахъ болѣе горячей крови, пробужденіе жизни, непосредственно улавливаемой сознаніемъ—все это создаетъ настоящую глубокую гармонію, въ которой есть своя собственная особая красота. Чтобы яснѣе понять эти ощущенія, достаточно припомнить моменты выздоровленія отъ такой болѣзни, при которой упадокъ сылы былъ настолько великъ, что теперь за незначительнымъ пріемомъ пищи слѣдуетъ нѣчто въ родѣ физическаго и душевнаго возрожденія,—возобновленіе власти надъ самимъ собой. Въ здоровомъ состояніи, когда вслушиваешься въ самого себя, слышишь изъ глубины организма что-то похожее на нѣжное, чуть слышное пѣніе. Не въ этомъ ли *самочувствіи жизни* коренится всякое искусство, всякое удовольствіе? Совершенно такъ же отрадно и эстетически пріятно обнаруживать *во внѣ* свою *внутреннюю* жизнь.

Задолго до появленія танцевъ и ритмическихъ движеній, простой процессъ движенія могъ доставлять человѣку наслажденіе возвышеннаго порядка.

Свободное пространство само по себѣ имѣетъ эстетическій характеръ, и заключенный въ тюрьмѣ отлично знаетъ это. По этому поводу, приходятъ на память стихи Виктора Гюго:

«О, дайте мнѣ убѣжать на берегъ моря,
Дайте вдохнуть въ себяароматъ дикой волны!
Свободная страна, Джерси, улыбается на лонѣ сумрачныхъ водъ».

Эти строки, независимо отъ политической и моральной идеи, которую мы здѣсь опускаемъ, рисуютъ физическое разцвѣтаніе

жизни, упоеніе свободы—и въ самомъ возвышенномъ, и въ самомъ матеріальномъ ея смыслѣ,—упоеніе бѣгствомъ, движеніемъ на полномъ просторѣ, возвратомъ къ полудикой жизни среди полей и песчаныхъ побережій.

III. Если всякое ощущеніе способно обладать эстетическимъ характеромъ, то когда же и какъ пріобрѣтаетъ оно этотъ характеръ? Все дѣло тутъ исключительно *въ степени*, какъ мы имѣли уже случай замѣтить. Не слѣдуетъ требовать слишкомъ узкихъ опредѣленій прекраснаго, ибо они будутъ противорѣчить закону непрерывности, господствующему надъ всей природой. Почитателямъ красоты можно посовѣтовать то, что Дидро совѣтовалъ нетерпимымъ религіямъ: «Расширьте вашего Бога». Мы убѣждены, что нельзя отыскать ни одного очень *сложнаго* и очень *сознательнаго* ощущенія (т. е. объединяющаго въ себѣ разнообразные элементы), которое не было бы болѣе или менѣе эстетично. Единичное ощущеніе или *простое* чувство почти никогда не могутъ дать эстетическаго наслажденія. А между тѣмъ мы найдемъ очень мало ощущеній и чувствъ, которыя, слившись гармонически съ другими въ нашемъ сознаніи, не получали бы эстетическаго смысла, какъ бы ни было мелко ихъ происхожденіе; и это вѣрно даже въ томъ случаѣ, когда тѣ же самыя чувства и ощущенія, взятыя порознь, чужды области искусства.

Гуляя по улицѣ, вы замѣчаете на одномъ изъ оконъ пустой цвѣточный горшокъ. Въ немъ нѣтъ ничего прекраснаго. Но, проходя мимо, вы чувствуете запахъ резеды, получаете пріятное ощущеніе, и только. Пройдите еще разъ поближе къ окну и загляните въ него: вы увидите теперь, что въ цвѣточномъ горшкѣ растетъ резеда, то скромное растеньице, ароматъ котораго донесся до васъ. Резеда живетъ, и въ ея благоуханіи какъ бы выражается ея жизнь и кажется, что въ этой жизни участвуетъ даже самый горшокъ, похорошѣвшій отъ благоуханія.

Уже эстетично жить полной и сильной жизнью, а жить жизнью умственной и душевной,—это красота, доведенная до maximum'а и въ то же время самое высокое наслажденіе. Пріятное—это свѣтоносное ядро, вокругъ котораго красота образуетъ блестящій ореолъ лучей. Но всякій источникъ свѣта старается распространять свои лучи и всякое удовольствіе стремится стать эстетичнымъ. Удовольствіе, остающееся только пріятнымъ, это, если можно такъ выразиться, что-то вродѣ недоноска; тогда какъ красота, напротивъ того—одинъ изъ видовъ внутренней плодовитости.

Искусство стремится дать наибольшій размахъ всякому впечатлѣнію и всякому чувству, способному трогать насъ, — но и сама

жизнь, кажется, работаетъ въ томъ же направленіи и ставитъ себѣ подобную же цѣль.

Такъ какъ, по моему мнѣнію, пріятное отличается отъ прекраснаго только различіемъ въ степени и объемѣ, то въ человѣческой эволюціи есть и должно быть стремленіе ко все большему осуществленію слѣдующихъ результатовъ: наслажденіе даже чисто физическое, дѣлаясь все болѣе и болѣе утонченнымъ и сливаясь съ моральными идеями, должно становиться все болѣе и болѣе эстетическимъ. Можно представить себѣ, какъ идеальный предѣлъ прогресса, такой моментъ, когда всякое удовольствіе будетъ прекрасно, всякое пріятное дѣйствіе художественно. Мы сдѣлались бы тогда подобными инструментамъ, обладающимъ такою обширной звукоспособностью, что достаточно было бы незначительнаго прикосновенія къ нимъ, чтобы вызвать звукъ, имѣющій музыкальную прелесть. Малѣйшій толчекъ будетъ тогда вызывать сочувственный отзвукъ въ сокровенныхъ глубинахъ нашей моральной жизни.

При самомъ зарожденіи эстетической эволюціи у низшихъ существъ, пріятныя ощущенія грубы и вполнѣ чувственны; они не встрѣчаютъ у нихъ той моральной и интеллектуальной среды, въ которой бы могли распространиться, расшириться, развиться. У животныхъ прекрасное не отдѣлимо отъ пріятнаго.

Если затѣмъ человѣкъ вводитъ различіе между двумя этими понятіями, и притомъ различіе, болѣе или менѣе искусственное, то это просто потому, что въ человѣкѣ еще сохранились животныя эмоціи рядомъ съ человѣческими,—черезчуръ простыя, неспособныя къ тому безконечному разнообразію, которое мы обыкновенно приписываемъ красотѣ.

Съ другой стороны, интеллектуальныя удовольствія, взятыя сами по себѣ, часто кажутся намъ не заслуживающими названія эстетическихъ по той простой причинѣ, что они не всегда проникаютъ до глубины души, не достигаютъ до сферы инстинктовъ симпатіи и общественности, т. е. производимое ими наслажденіе черезчуръ поверхностно и узко.

Однако, мы можемъ, руководясь доктриной эволюціи, предвидѣть третій періодъ прогресса, когда всякое удовольствіе будетъ заключать въ себѣ, помимо чувственныхъ элементовъ, элементы интеллектуальный и моральный.

Удовольствіе будетъ тогда не простымъ удовлетвореніемъ того или иного опредѣленнаго органа, а всего моральнаго существа въ его цѣломъ; даже больше, оно будетъ удовольствіемъ вида, воспроизведеннымъ въ данномъ индивидуумѣ. Тогда осуществится

вновь примитивное единство пріятнаго и прекраснаго, но это пріятное сольется съ прекраснымъ и исчезнетъ въ немъ. Искусство будетъ имѣть тогда дѣло только съ дѣйствительностью; мы, благодаря увеличенію сознанія, способны будемъ улавливать гармонію жизни, и каждое наше наслажденіе будетъ имѣть священный характеръ красоты.

X.

Грація, моральная эмоція, высшій объектъ искусства.

I. Грація—совсѣмъ не то, что «простая экономія силъ», какъ опредѣляетъ ее Спенсеръ; она является существеннымъ выраженіемъ состоянія воли.

Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на то, что почти у всѣхъ живыхъ существъ граціозныя движенія всегда болѣе или менѣе связаны съ двумя чувствованіями, родственными другъ другу, а именно съ радостью и доброжелательствомъ.

Радостное настроеніе является результатомъ сознанія полноты жизни и ея гармоніи со своей средой, но когда есть такая гармонія, есть, благодаря ей, и наклонность къ симпатіи.

Грація есть наглядное внѣшнее выраженіе двухъ субъективныхъ состояній: 1) удовлетворенной воли и 2) воли, принесшей удовлетвореніе другому. Въ самомъ дѣлѣ, грація предполагаетъ нѣкоторое смягченіе мышцъ, бывающее у животныхъ почти только въ состояніи покоя, взаимной привязанности и мира.

Стоитъ появиться на сцену страданію или борьбѣ, достаточно вспыхнуть враждебному чувству или гнѣву, и мускулы тотчасъ же приходятъ въ состояніе напряженія.

Попробуйте произвести легкій шумъ въ кустарникѣ, около котораго разыгралась собака, и вы увидите внезапное преобразованіе всей фигуры: шея вытянется, уши, хвостъ, все тѣло будутъ выражать то напряженное состояніе, которое обыкновенно называютъ «стойкой».

Наоборотъ, ласковость выражается обыкновенно волнообразными, легкими движеніями безъ малѣйшей рѣзкости, угловатости, насильственности.

Всѣ подобныя движенія, служа знакомъ симпатичнаго расположенія, стремятся всегда вызвать и въ насъ взаимную симпатію.

Слегка согбенное положеніе фигуры, и особенно шеи, безсильно упавшія руки и т. п. выражаютъ по большей части меланхолію,

печальное настроеніе, какъ бы призывая другихъ къ состраданію. Такая поза вызываетъ въ насъ, слѣдовательно, чувство, близкое къ жалости, и это сказывается даже въ нашемъ пристрастіи къ плакучей ивѣ. Наконецъ, въ граціи всегда есть оттѣнокъ непринужденности; но мы держимъ себя вполнѣ непринужденно только тогда, когда любимъ.

Слѣдовательно, мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Шеллингомъ, что грація есть прежде всего выраженіе любви, и поэтому-то она сама возбуждаетъ это чувство; грацію любятъ потому, что она кажется любящей. Въ этой экспансивности, заключающейся въ граціи, можно указать еще одно чувствованіе, очень часто сливающееся съ другими, которое, кажется, почти никогда достаточно не выдѣляли. Для его опредѣленія вообразимъ себѣ, какое чувство можетъ переживать птица, скользящая по воздуху съ распростертыми крыльями, или вспомнимъ свои собственныя ощущенія, когда, напр., мы мчались въ даль верхомъ на лошади или разсѣкали ладьей гребни волнъ, или кружились въ вихрѣ вальса. Всѣ эти движенія вызываютъ въ насъ идею чего-то безконечнаго, какого-то безмѣрнаго желанія, избытка безсознательной радостной жизни, какое-то забвеніе личности, потребность движенія безъ удержу, стремленіе потеряться въ цѣломъ... Вотъ эти то смутныя идеи входятъ существеннымъ элементомъ въ ощущенія, возбуждаемыя въ насъ многими движеніями.

Микельанджеловскій Адамъ, пробуждающійся къ жизни, смотритъ передъ собою, необычайно вытянувъ впередъ руку, и уже одинъ этотъ жестъ передаетъ намъ въ наглядной формѣ чувство всей той безконечности, которая впервые предстала его глазамъ.

Въ «*Успеніи*» Тиціана одного поворота головы и расширенныхъ глазъ вполнѣ достаточно для выраженія чувства притягательной силы разверстыхъ небесъ. Въ этихъ случаяхъ грація сливается съ чувствомъ возвышеннаго. Вообще, мы видимъ не мало движеній, которыя, выражая жизнь уравновѣшенную и удобную физіологически, становятся, благодаря ассоціаціи чувствованій, выраженіемъ самой возвышенной и полной моральной жизни, а слѣдовательно, становятся высшей красотой.

II. Наиболѣе эстетическая изъ всѣхъ эмоцій, какія могутъ быть возбуждены въ насъ, это—моральное восхищеніе или удивленіе; такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Корнелль.

Въ романахъ и драмѣ насъ обыкновенно болѣе всего заинтересовываютъ тѣ дѣйствующія лица, которыми мы больше восхищаемся. И, наоборотъ, нравственное безобразіе немедлено вызываетъ въ насъ эстетическое отвращеніе, если при этомъ не будетъ

вызвано, какъ необходимая реакція, чувство негодованія, которое, по существу, есть чувство моральное. Искусство въ общемъ итогѣ живетъ тѣми же чувствованіями, какъ и общество, т.-е, чувствованіями симпатіи и самоотверженности.

Если же въ насъ существуютъ еще чувства эгоистическія и полуварварскія, дремлющія въ глубинѣ нашего существа и пробуждающіяся на мгновеніе безъ достаточной силы, которая была бы способна вызвать насъ къ дѣятельности, то они должны будутъ постепенно ослабляться и замирать.

Эстетическая эволюція постоянно нѣсколько запаздываетъ сравнительно съ эволюціей морали, но все же идетъ за нею слѣдомъ. Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что произведенія искусствъ, возбуждающія черезчуръ исключительно чувства эгоизма и насилія, стоятъ сравнительно ниже и не имѣютъ будущности. Придетъ время, когда отъ самой Иліады не останется ничего, кромѣ молитвъ старика, да прощальной улыбки, посылаемой мужу женой,— иными словами, художественнаго изображенія двухъ высшихъ чувствованій.

Для завоеванія себѣ безсмертія очень невыгодно становиться на почву не моральную. Искусство, возбуждающее въ насъ слишкомъ грубыя и примитивныя чувствованія, можно сказать, понижаетъ насъ на ступеняхъ эволюціи живыхъ существъ, заставляя жить одной жизнью съ такими типами и симпатизировать такимъ типамъ, которымъ суждено исчезнуть и которые представляютъ остатокъ первобытныхъ вѣковъ. Наоборотъ, чувство моральнаго восхищенія возвышаетъ насъ, доставляетъ намъ эстетическое наслажденіе, которое тѣмъ полнѣе, чѣмъ оно искреннѣе и дальше отъ забавы или игры.

Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя въ себѣ ничего вымышленнаго, удивленіе или восхищеніе не способны быть забавой.

Возбуждаются ли эти чувства легендой, или историческими повѣствованіями, дѣйствительными или воображаемыми образами, дѣло не въ этомъ—удивленіе или восхищеніе всегда соотвѣтствуютъ какому-нибудь моральному сужденію, чему-нибудь серьезному по преимуществу. Мало того, чувство удивленія производитъ въ насъ что-то въ родѣ нравственнаго улучшенія: мы дѣйствительно становимся лучше въ тѣ моменты, когда насъ охватываетъ моральное удивленіе, мы чувствуемъ себя выше своего обычнаго уровня и бываемъ способны на такія дѣйствія, передъ которыми отступили бы въ обыденное время. Душа возносится на высоту того, чѣмъ она восхищается. Въ этомъ пунктѣ искусство соприкасается съ дѣйствительностью и само является дѣйствительностью. Въ

чувствѣ нравственнаго восхищенія совершенно совпадаютъ истинное и вымышленное, то, что есть, и то, что кажется; мнѣ хочется сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ я любуюсь, и—до извѣстной степени—я достигаю этого. Здѣсь осуществляется вѣра платониковъ въ то, что видѣть красоту—значитъ въ то же время и совершенствоваться, улучшаться внутренне.

И такъ, мы приходимъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ выводамъ англійской школы, а именно, вмѣсто того, чтобы отдѣлять, какъ она, въ области чувствъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, красоту и благо, прекрасное и серьезное, мы увѣрены, что они сливаются. Нравственная красота даже противорѣчитъ поверхностному и безцѣльному дѣйствію. Съ научной точки зрѣнія, прекрасное чувствованіе, прекрасное побужденіе или рѣшеніе прекрасны настолько, насколько они полезны для развитія жизни индивидуума и вида.

XI.

Чувство природы.

Изъ всѣхъ эстетическихъ чувствъ, чувство природы имѣетъ то преимущество, что, доведенное даже до крайности, оно не разстраиваетъ равновѣсія душевныхъ способностей и физическаго здоровья. Только одно оно совершенно согласно съ гигіеной. Прививъ кому-нибудь преувеличенную любовь къ театру, музыкѣ и т. п., можно этимъ убить его, но любовью къ природѣ можно только укрѣпить и уравновѣсить организмъ. Воздуха, свѣта! Не знаю, не были ли правы греки, философствуя на открытомъ воздухѣ, въ садахъ и подъ деревьями. Иногда одинъ лучъ солнца заставляетъ лучше понять міръ, чѣмъ безконечныя размышленія въ пыльномъ кабинетѣ передъ открытыми книгами.

Сравните эстетическія эмоціи, вызываемыя природой, съ эмоціями отъ человѣческаго искусства, и вы тотчасъ почувствуете превосходство первыхъ. Искусство, само великое искусство, даже то, которое кажется наиболѣе близкимъ къ правдѣ, можетъ быть лишь очень невѣрнымъ воспроизведеніемъ реальнаго міра, потому что оно вынуждено дѣлать выборку среди его явленій, скользить по всему, что составляетъ однообразную основу жизни, выдвигая рельефно только крайности, только то, что можетъ возбудить или слезы, или смѣхъ. Жизнь сама-по-себѣ, въ своемъ среднемъ выраженіи, не представляется ни смѣшной, ни трагической, тогда, какъ жизнь, въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ художе-

ственномъ произведеніи, по большей части,—или то, или другое. Это зависитъ отъ того, что произведеніе искусства обладаетъ цѣлью, которой оно подчиняетъ даже самую «правду»: эта цѣль—интересъ. Между тѣмъ жизнь имѣетъ цѣль въ самой себѣ. Отсюда—пессимистическій характеръ искусства, особенно современнаго, какъ уже замѣчалось не однажды: чѣмъ способнѣе художникъ, чѣмъ лучше онъ знакомъ съ пріемами своего искусства, тѣмъ больше онъ склоненъ искать печальныхъ или смѣшныхъ сторонъ жизни. А такъ какъ онъ желаетъ возбудить или сострадание, или взрывъ смѣха, то жизнь представляется ему или драмой, или комедіей. Значитъ, если бы кто-нибудь жилъ исключительно въ мірѣ искусства, онъ жилъ бы въ неестественной средѣ, подобно человѣку, который проводилъ бы свою жизнь въ театрѣ. Самая лучшая поэма, самое прекрасное произведеніе искусства имѣютъ всегда и *закулисную* сторону, съ которой нужно считаться. Игра воображенія чаще всего соединяется съ употребленіемъ нѣкотораго обмана зрителя. Такимъ образомъ, въ человѣческомъ искусствѣ есть что-то нездоровое, расшатывающее тѣхъ, кто питается имъ исключительно. Величайшей эстетикой можно признать эстетику природы, всегда искренней, показывающей себя такою, какова она на самомъ дѣлѣ, безъ той лжи, которая называется «прикрасами». Вотъ почему мы думаемъ, что высочайшая эстетическая культура приведетъ къ вѣчно живому чувству природы, и въ особенности къ содержанію *космоса*, въ которомъ могутъ совпасть совершенно и чувство эстетическое, и очищенное религіозное чувство. Эмоціи, вызываемыя пейзажемъ, закатомъ солнца, видомъ голубого моря, совершенно отвѣсной бѣлой вершиной горы или даже просто клочкомъ неба, сіяющаго надъ каждымъ уголкомъ земли,—вотъ что абсолютно-чисто, здорово, ничего не бередитъ, не даетъ ни сильной печали, ни черезчуръ неумѣренной веселости. Передъ природой эстетическая эмоція освѣжается, возбуждаетъ интересъ, вмѣсто утомленія; улыбка природы никогда не похожа на гримасу; она проникаетъ до глубины души, какъ свѣтъ проникаетъ въ глубину глаза, и если у природы есть свои печали, они всегда смѣшаны съ чѣмъ-нибудь безконечнымъ, что дѣлаетъ шире наше сердце. Для того, кто чувствуетъ съ достаточной глубиной ту неизмѣримость, которую всегда представляетъ природа и которая облекаетъ все, какъ небо, для того невозможно не почерпнуть изъ этого чувства нѣкотораго рода стоическаго спокойствія.

XII.

Пейзажъ. Сочувственное одухотвореніе природы.

I. Предметы, называемые нами неодушевленными, заключаютъ въ себѣ больше жизни, чѣмъ отвлеченія (абстракціи), сдѣланныя изъ нихъ наукой, и вотъ почему они насъ интересуютъ, волнуютъ, заставляютъ насъ сочувствовать себѣ, а тѣмъ самымъ возбуждаютъ въ насъ и эстетическія эмоціи. Простой лучъ солнца или луны трогаетъ насъ, если въ нашей мысли возникаетъ образъ этихъ свѣтилъ, друзей человѣка.

Возьмемъ для примѣра пейзажъ: онъ представляется намъ союзомъ человѣка съ другими существами природы.

Во-1-хъ, чтобы наслаждаться пейзажемъ, нужно настроиться гармонически съ нимъ. Чтобы понять лучъ солнца, нужно вибрировать съ нимъ; нельзя наслаждаться луннымъ свѣтомъ, не трепеща вмѣстѣ съ нимъ въ вечерней мглѣ; нужно мерцать съ голубыми или золотыми звѣздами, чтобы чувствовать ихъ прелесть; нужно *понять* ночь, *почувствовать*, какъ проходитъ надъ нами трепетъ темныхъ пространствъ неопредѣлимой и невѣдомой безконечности. Чтобы чувствовать весну, необходимо, чтобы въ сердцѣ было хотя немного той легкости, какая есть въ крыльяхъ бабочекъ, тончайшую пыльцу которыхъ, разсѣянную въ весеннемъ воздухѣ, мы вдыхаемъ въ себя.

2. Чтобы понять пейзажъ, мы должны и его привести *въ гармонію съ нами*, т. е. очеловѣчить. Нужно *любить* природу, а безъ этого она ничего не скажетъ намъ. Нашъ взоръ имѣетъ свой собственный свѣтъ и видитъ только то, что самъ освѣщаетъ своею собственной яркостью.

3. Уже поэтому мы должны внести въ пейзажъ нѣкоторую *объективную гармонію*, прослѣдить въ немъ болѣе значительныя линіи, связавъ ихъ съ центральными пунктами и систематизировавъ все это. Картины природы (пейзажъ) находятся настолько же внутри насъ, какъ и внѣ насъ: мы вырабатываемъ ихъ; мы такъ сказать, рисуемъ ихъ во второй разъ, продумываемъ яснѣе смутную мысль природы. Поэтическое чувство зарождается не изъ природы; сама природа выходитъ изъ него преображенной до извѣстной степени. Живое и чувствующее существо даетъ природѣ свое чувство и свою жизнь. Чтобы любить природу, необходимо уже быть поэтомъ въ себѣ самомъ: слезы природы, lacrymae rerum, это наши собственныя слезы. Говорятъ, что «пейзажъ есть и состояніе

души»; этого мало: слѣдуетъ сказать во множественномъ числѣ, чтобы выразить это сочувственное общеніе, это подобіе ассоціаціи между нами и душой вещей: «пейзажъ есть *состояніе душъ*».

II. Для того, чтобы представленіе природы насъ интересовало и возбуждало наше сочувствіе, оно должно одушевлять природу,—слѣдовательно, должно распространять общество живыхъ существъ на цѣлую природу. Необходимо, чтобы наша жизнь сливалась съ жизнью вещей, а жизнь вещей съ нашей жизнью. Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Напримѣръ, лично я почти не вспоминаю такого пейзажа, съ которымъ не связаны тѣсно мои мысли и эмоціи, который не вызвалъ во мнѣ чувства, не внушилъ мнѣ какого-нибудь углубленія въ самого себя или въ міръ. Сегодня я видѣлъ съ высоты море: огромное сѣрое пространство; затѣмъ, около берега, линія бѣлой пѣны, которая приближалась, выростала, расплывалась и умирала; съ того холма, на которомъ я стоялъ, поверхность моря казалась почти гладкой, такъ что я не могъ опредѣлить подъема волны; но я чувствовалъ ея движеніе, и для меня этого было довольно, чтобы взоръ мой, прикованный къ ней, слѣдилъ съ любовью за ея судьбой: эта маленькая волна дѣлала все море живымъ для моего глаза; мнѣ казалось, что въ немъ я нахожу самаго себя. «Смыслъ въ томъ,—думалъ я,—чтобы дѣйствовать, двигаться, быть вздымающейся и чистой каплей воды, а не огромнымъ угрюмымъ пространствомъ, безчувственнымъ въ своей вѣчной неподвижности». Пронеслась чайка: она такая маленькая, легкая, быстрая, какъ взглядъ! Вотъ она скользнула по водамъ и исчезла. Гдѣ же она? Она нырнула, ея глазъ привыкъ къ ослабленному свѣту морской глубины. О, погрузиться, какъ она, подъ волны внѣшнихъ явленій, видѣть тѣнь, которую бросаютъ существующіе предметы на вѣчное дно реальности, видѣть, какъ запутанно скользятъ волны жизни!

«Ничто въ природѣ не безразлично для меня,—говорилъ Мишле.—Я и ненавижу, и обожаю ее, какъ ненавидѣлъ бы или обожалъ женщину!» Таковъ долженъ быть поэтъ. Для него пейзажъ—не просто группа ощущеній; онъ даетъ ему моральный тонъ, такъ что изъ него какъ бы исходитъ общее чувство. И часто это чувство не только морально, но и философично. Справедливо замѣчено, что каждый пейзажъ Лоти вызываетъ, хотя и не ясно, образъ цѣлой земли. Точно также во всѣхъ выдающихся произведеніяхъ Шатобріана, Виктора Гюго, Флобера, Золя, представляется всецѣло судьба человѣческая.

Одухотворить природу — значитъ быть вѣрнымъ истинѣ, потому что жизнь—во всемъ,—жизнь и усиліе. Воля жить, встрѣ-

чающая то благопріятныя, то противныя условія, вноситъ съ собою повсюду зародыши удовольствія и страданія, и вотъ почему даже цвѣтокъ можетъ возбуждать наше состраданіе. Изъ моего окна я замѣчаю большой розовый кустъ: одинъ маленькій бутонъ бѣлой розы оторванъ на половину отъ стебля и держится еще только тремя волокнами коры. Но вотъ упало нѣсколько капель дождя, и бѣдный бутонъ развернулся! Цвѣтокъ, лишенный надежды! У тебя не можетъ быть плода, а ты все же благоухаешь и радуешься! Печальное дитя, улыбнувшееся передъ смертью!

Ошибка—въ нашемъ абстрактномъ понятіи о мірѣ, въ томъ образѣ неподвижныхъ поверхностей, въ той вѣрѣ въ инерцію вещей, которыхъ держится вульгарная мысль. Поэтъ, одушевляя даже такія существа, которыя кажутся намъ наиболѣе чуждыми жизни, только заставляетъ насъ обратиться къ болѣе философскимъ идеямъ о вселенной.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВСТРѢЧИ.

(Изъ „сказокъ дѣйствительности“).

I.

Вызвѣздило. Цѣлый день ползли грузныя, скучныя, сплошныя тучи. Такъ и казалось — еще минута и онѣ опустятся вровень съ землею, заволокутъ дали и изъ глазъ пропадетъ ровная, прямая, какъ стрѣлка, дорога съ однообразными верстовыми столбами и безжизненныя ржавыя поля по сторонамъ. И на поля даже. Когда-то были такими—по нѣсколько лѣтъ подъ рядъ — сколько въ нихъ ни бросали зерна — не рожали ничего. Не стало вовсе творческихъ силъ. Если и подымался колосъ, такъ низкій, шелудивый, рѣдкій... Даже и пустая трава росла больная, слабая—и на нее не хватало соковъ у загубленной земли. И какъ на больномъ тѣлѣ пролежни, такъ и на ней мутныя, тусклыя мокрины. По утрамъ надъ ними паръ. „Нѣтъ моей мочи!—говорило все кругомъ.—Терзай меня сколько хочешь плугомъ, хоть до самаго сердца рѣжь, все равно—смерть приходитъ“. Изнеможенныя, обездоленныя во всѣ стороны ложилися дали, и если на чемъ-нибудь тамъ останавливался глазъ —мало ему было радости въ этомъ... Деревушки тоже худосочныя, пришибленныя, сквозныя какія-то. Ни непогодѣ, ни вѣтру нигдѣ препоны. Дуй и мочи во всю, не эти разшатавшіяся стѣны помогутъ. Кровли точно ребра палаго и изглоданнаго волками скота—балясинами наружу торчатъ. Заборы, гдѣ и остались, будто нищенскія лохмотья, такъ и зіяютъ прорѣхами. И все это насквозь прогнило, почернѣло. Тронь—разсыплется... По пути мужикъ встрѣтится. Точно онъ изъ этихъ мокринъ выросъ и никогда его солнцемъ не обогрѣло. Лицо въ подтекахъ, выцвѣло. Бороденка желтыми лохмами треплется, въ глазахъ—забота. Одежда въ

дырьяхъ и тоже ржавая. Трясется этотъ нынѣшній Микула Селяниновичъ на телегѣ и такъ и кажется, вотъ-вотъ сначала онъ, а потомъ и она прахомъ разсыплются на пути... Лошаденка—развѣ во снѣ увидѣть такую. Призракъ! Ничего въ ней дѣйствительнаго. Что ни шагъ, то споткнется. На изнанку выворачивается вся. Головой мотаетъ—точно это поможетъ ей на вѣчной страдѣ. Шкура — въ ссадинахъ, даже гноемъ сочится, вотъ-вотъ расползется по всѣмъ швамъ и кости наружу вылѣзутъ... Тормошится, бѣдная,—скокъ-скокъ, а все пространства одолѣть не можетъ. Дивное дѣло, какъ она не рухнетъ на землю—дѣлайте-де со мной что хотите! И брюхо у нея отвислое, громадное. Видимое дѣло, кромѣ соломы съ крышъ, иного корму не знаетъ... Двѣ-три рощи попались по дорогѣ. Но какія? Должно быть, и на срубъ ихъ никто не взялъ. Чудомъ стоятъ истлѣвшія деревья на гниломъ мѣстѣ. Ни листа на нихъ! Насквозь видно. Только оставленныя гнѣзда шапками чернѣютъ. Но едва ли птица залетаетъ сюда. Она, вѣдь, умнѣе человѣка, да и крылья донесутъ, куда ей захочется, гдѣ солнца и зелени больше и живется легче... Сначала я еще смотрѣлъ на эту жуть, но потомъ меня охватила такая оторопь, безнадежность, будто все окрестъ изъ глазъ пропало. А тутъ еще дождь просыпался. Мелкій, мелкій, будто сквозь сито... Я поднялъ верхъ тарантаса, съ головою завернулся въ пледъ и, самъ себя обманывая, притворился спящимъ. Это было тѣмъ удобнѣе, что и ямщики попадались молчаливые, хмурые. Торчитъ палкой на облучкѣ. Спросишь—хрипнетъ что-то. „Не до тебя-де, уйди, отстань". И брови у нихъ надъ глазами нависли — и видимое дѣло на душѣ такая муть, что не до твоихъ дурацкихъ разговоровъ. И безъ того человѣка на смерть тянетъ, а его еще разспрашиваютъ: „скверно ли живется и отчего скверно". Кабы онъ зналъ „отчего", вѣрно нашелъ бы выходъ самъ! А то еще жалѣть начнетъ его сѣдокъ. Точно этою жалостью накормишь семью да натопишь избу... Одинъ такъ и отвѣтилъ мнѣ. „Не трожь, баринъ, и безъ тебя скушно!" Пѣсни—я за эту недѣлю не слышалъ. Кому пѣть на этомъ, забытомъ Богомъ и людьми, просторѣ... Спросилъ я какъ-то у одного: какая это деревня въ сторонѣ...—Да развѣ у насъ, какъ у прочихъ—деревни.—А что же?—Такъ, паршь завелась—вотъ те и жилье... Сказываютъ есть мѣста, только намъ туда не дойтить! — Почему? — Силы нѣтъ подняться... Обмякли мы наскрозь, очумѣли... Пропадать надо... Только шевельни насъ — подохнемъ... — Подъ вечеръ волчій вой въ сто-

ронѣ. Отчаянный. Это единственный голосъ, который подала мнѣ болотина. Только въ немъ и сказалась еще таившаяся въ ней жизнь. — Кого и драть-то? Обернулся къ нему ямщикъ. Коровенка если въ селѣ осталась—слава Богу. Не сладко тебѣ, бродягѣ, ну да и намъ не рай!—Да такъ и замеръ до слѣдующей станціи... Вечеръ отгорѣлъ—я его и не замѣтилъ. Ни одной радужной просвѣти въ облакахъ и тучахъ. Было сыро—стало темно, вотъ и все... Мы сдѣлали еще одну станцію, и вдругъ невѣсть откуда налетѣлъ холодный вѣтеръ, остуживая и безъ того не знающую тепла землю... Налетѣлъ, засвисталъ по глади, заныль въ сторонѣ, кидаясь вправо и влѣво, точно отыскивая чего-то. Вернулся—заплакалъ вверху. Собралъ всѣ свои силы — и тронулъ застоявшіяся тучи. И онѣ шевельнулись. Въ темнотѣ я не видѣлъ откуда, только угадывалъ, что надо мною бѣжали еще дальше на постылый сѣверъ тяжелыя, мокрыя лохмы ихъ, разрывались и опять сплывались, очищая небо, отъ котораго онѣ заслоняли землю. И хотя бы днемъ:—солнце приласкало бы забытую болотину, заронило въ ея ржавчину золотые лучи—и они воскресли бы потомъ благоуханными цвѣтами... Нѣтъ, вѣтру точно было недосугъ тогда. Или спалось ему, какъ всей этой окрайнѣ. Только ночью потянулся и согналъ муть сверху... И вдругъ надо мною блеснули звѣзды таинственными сочетаніями, изъ мрака родившіяся и во мракѣ живущія... Робко блеснули и печально. И имъ было страшно видѣть подъ собою эту умирающую землю... Да еще и различаютъ ли ихъ очи жизнь въ этой обширной могилѣ. Можетъ быть, для нихъ она давно мертва и оттого-то они и жмурятся, чтобы не видѣть ея.

II.

На станцію мы пріѣхали часамъ къ десяти вечера... По осеннему была уже ночь. Я помню, что въ темнотѣ едва различалъ жалкіе домишки по сторонамъ. Ни въ одномъ окнѣ не было огня. Чуть намѣтилась бѣлая церковь и ея колокольня. Въ селѣ тихо до странности. Ни собака не залаяла, ни одна душа не отозвалась на окликъ ямщика... „Чего добраго, еще задавишь! — объяснялъ онъ мнѣ.—Путаются по середь дороги—бываетъ. Поневолѣ орешь“. Но, очевидно, опасенія его были напрасны. Точно здѣсь никого живого не осталось. Только надъ подъѣздомъ станціи тускло мигалъ огонекъ фонаря, бросая причудливые отблески въ тяжелый и мертвый

мракъ. Вѣтеръ раскачивалъ этотъ фонарь, заставляя жалобно скрипѣть, словно ему было нивѣсть какъ и холодно, и больно. Когда я поднялся на ступени, съ такимъ же скрипомъ отворилась дверь и на меня пахнуло затхолью, будто я входилъ въ давно не освѣжавшійся погребъ... Комната какъ на всѣхъ станціяхъ—голая, не пріютная. Въ углахъ соръ, на столѣ видимо никогда не высыхающія пятна, на стѣнѣ оффиціальныя объявленія, гласившія, сколько верстъ до сосѣднихъ станцій, и неизбѣжная надпись карандашомъ соскучившагося пассажира:

«Я дуракъ и ты дуракъ,
Дураки мы оба!..»

Къ кому относилась эта обоюдная любезность—оставалось неизвѣстнымъ, подписи не было... Дальше ѣхать ночью нечего и думать. Мнѣ и ямщикъ объяснилъ—„до разсвѣту—не повезутъ"—Почему?—„Потому: развѣ тутъ дорога будетъ: трясина да колдобина. Ну и народъ то же!.."—Какой народъ?—Онъ помолчалъ-помолчалъ... Видимо ему не хотѣлось говорить... „Голодный, вотъ какой... Оттого у него и мысли въ головѣ... голодныя!.." Смотритель, бочкомъ продвинувшійся въ комнату, тоже объявилъ: „Лошади ежели желаете —есть. А только—не порато ѣхать..."—Шалятъ у васъ?..—„Всякое бываетъ. Недавно купца зарѣзали..." Этотъ отвлеченный „зарѣзанный купецъ" преслѣдуетъ васъ на всѣхъ глухихъ русскихъ дорогахъ. Можетъ быть, и не всегда его рѣжутъ—вѣдь этакъ и купцовъ бы не хватило пожалуй, а что пугаютъ имъ постоянно—это такъ.

— Гдѣ жъ мнѣ ночевать... Неужели здѣсь?..

Смотритель безнадежно оглянулся.

— Точно, что... Ежели вы по своей нѣжности клопа не одобряете...

— А ихъ много?

— Лабазъ открыть можно—вотъ сколько. Вы извольте заглянуть—вотъ щель... Она вѣдь отъ него махровая. Видятъ и ждутъ, подлецы, кого имъ Богъ на пропитаніе пошлетъ.

— Отчего же вы не уничтожаете?

— Ихъ-то? Да развѣ это можно? Были такіе, пробовали. Эту бы станцію надо съ четырехъ концовъ керосиномъ обливши, поджечь... Ну тогда точно... Вѣдь это не дерево, а губка. Тутъ онъ и внутри сидитъ. Его не одолѣть, сила?

— Да какъ же вы живете сами?

— Не живемъ, а чешемся... Куда дѣваться! на улицу не

уйдешь. Еще лѣтомъ—на сѣнѣ. Но и тамъ свой дивертисментъ. Комарь. Онъ у насъ тоже особый. Надъ мокринами—тучей стоитъ. Издали идешь — слышишь музыку эту самую. Одинъ тутъ изъ города—хорошій господинъ—жениться ѣхалъ да и заночевалъ у насъ на легкомъ воздухѣ. Подумайте, такъ его отдѣлали комары: утромъ онъ пришелъ—смотритъ въ зеркало и пятится. Кто это? спрашиваетъ. Не лицо и не образъ и подобіе, а, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ фантазія. До того, что невѣста ему отказать хотѣла. Едва его въ нашатырѣ отмочили... У насъ комаръ — патріотъ. Страсть онъ къ чужому человѣку строгъ.

— Ну ужъ лучше пускай меня, какъ купца, зарѣжутъ, а здѣсь я не останусь.

— Развѣ вотъ что... Какъ, вы человѣкъ образованный!.. Можетъ быть, батюшка васъ пуститъ.

— Какой?

— Отецъ Петръ... Наше село „Пустынное“ называется, такъ онъ себя изъ средней исторіи Петромъ Пустынникомъ величаетъ.

Очевидно, и смотритель не чуждъ былъ нѣкоторому просвѣщенію.

— Если желаете, я къ нему пошлю?..

— А не будетъ это неловко?

— Ну вотъ. Онъ, что вы думаете—изъ духовной академіи...

— Изъ духовной академіи—и здѣсь.

— За строптивость... Онъ вѣдь у насъ писатель. Статью отпечаталъ—не понравилась. Ему бы повиниться, а онъ на дыбы и вторительно... къ тисненію прибѣгъ и еще даже того высокоумнѣе. Такую завинтилъ, что его за безпокойство сюда. Ненадолго вѣрно—смилуются. Онъ даже любитъ проѣзжихъ. Только, говоритъ, и свѣту въ окнѣ, какъ навернется господинъ попутно да нашихъ мужичковъ блуждающихъ испугается и застрянетъ на ночь, ну душу отведешь. А то хоть совлекай съ себя священный санъ и бѣги вонъ... Такъ я пошлю...

Смотритель распорядился и черезъ нѣсколько минутъ оповѣстилъ меня: батюшка васъ покорнѣйше проситъ.

III.

Петръ-пустынникъ встрѣтилъ меня на порогѣ своего „дома“.

— Простите, ради Бога. Я васъ потревожилъ. Вы ужъ спали вѣрно.

— Ну нѣтъ. Мы съ женою ложимся поздно. Какъ и въ Москвѣ, держимся тѣхъ же распорядковъ. Иначе тутъ совсѣмъ опустишься. Сидимъ, случается, и за полночь. Особенно какъ наѣдетъ кто-нибудь. Я радъ вамъ—ничего особеннаго предложить не могу, но чаю и яичницу сейчасъ подадутъ. И спать вамъ будетъ хорошо. Домъ новый—ничего завестись не успѣло. А то здѣсь это, повѣтріе... Вотъ позвольте васъ познакомить, Софія Самойловна.

Жена его молоденькая и хорошенькая женщина, ласково улыбалась; въ комнатахъ было чисто. Взглядъ отдыхалъ на книгахъ и журналахъ. Отовсюду вѣяло спокойствіемъ и даже довольствомъ. Потомъ ужъ оказалось, отцу Петру помогалъ его дѣдъ, важный петербургскій священникъ. Самъ хозяинъ одѣтъ былъ въ длинное пальто свѣтскаго покроя. „Я его дома ношу иногда. За границу ѣздилъ—сдѣлалъ себѣ, не выбрасывать же! Іерею оно, быть можетъ, и неприлично —ну да авось не осудятъ. Вѣдь платье еще попа не дѣлаетъ. Если и грѣхъ — такъ малый!"... Послѣ я узналъ, что о. Петръ былъ очень строгъ къ себѣ. Человѣкъ убѣжденный, онъ спокойно выносилъ постигшую его несправедливость и свято исполнялъ обязанности, говоря, что для священника нѣтъ „мелкой среды" и „ничтожнаго дѣла". Вездѣ Богъ и всякое велико, если положить въ него душу. Въ первое время онъ еще мучился здѣсь. Его тянуло назадъ, но какъ увидѣлъ и узналъ, какое кругомъ глубокое и безбрежное море нищеты, горя и страданій, какъ прочно осѣло здѣсь невѣжество и суевѣріе, какую силу надъ этою хлябью и темью захватили міроѣды, — его задачи выросли передъ нимъ до необъятной высоты и онъ невольно весь отдался ихъ выполненію. Скудная нива, жалкая, гнилая... Да авось и тутъ Господь поможетъ сдѣлать кое-что. На тучную всякій пойдетъ. Тамъ работается весело... А тутъ впроголодь эту да стужу надобна настоящая сила. Сначала онъ хлопоталъ, чтобы его сняли отсюда, а потомъ написалъ дѣду—„не проси за меня, хочу душу испробовать: хватитъ ли ея". И такъ вотъ третій годъ сидитъ здѣсь неотступно. Кое-что уже удалось ему. И крестьяне, сторонившіеся сначала, теперь со всякимъ дѣломъ довѣрчиво и смѣло идутъ къ нему. „Точно бы ты и не начальство". — А какое жъ попъ начальство?..—Попъ? задумывались тѣ... Ну это ты, братъ, отецъ Петръ, того. Какъ не начальство... По менѣй становаго точно, а все по важнѣй писаря будетъ. Насъ изъ-за попа, бывало, какъ дули. Всего случалось!

— Вотъ вамъ здѣсь постелютъ.

Маленькая комната тоже съ книгами на столѣ и подоконникахъ. Чисто. Сильно пахнетъ геранью, отъ которой такъ сладко, крѣпко и спокойно спится.

— Вѣдь эта постель занята была кѣмъ-нибудь?

— Не безпокойтесь, учительница у насъ здѣсь. Она на эту ночь къ Софьѣ Самойловнѣ перейдетъ.

— А вы.

— А я на диванѣ... Да вы не совѣститесь. Я часто и такъ на диванѣ сплю. Заработаюсь, ну, чтобы не будить, и прикурну. И Анна Герасимовна тоже не въ претензіи. Она съ женою—друзья. Имъ будетъ отлично.

— Это ея книги?

Даже странно было въ такой глуши видѣть французскія, нѣмецкія и итальянскія изданія.

— Ея. А что, васъ удивляетъ.

— Да, откуда хоть вотъ эта могла бы попасть сюда, въ Пустынное.

Я указалъ ему на „Piccolo mondo antico", Антоніо Фогаццаро.

— Анна Герасимовна, какъ и мы здѣсь—человѣкъ случайный. Она долго жила за границей. Пожалуй, и воспиталась тамъ. Она особенная, не какъ всѣ прочія. Вотъ увидите сами. На маломъ не мирится. Изъ тѣхъ, знаете, что всю себя отдаютъ дѣлу. Безъ остатку. Умрутъ—а не отойдутъ прочь. Во время войны были такія „сестры милосердныя", ну вотъ и эта имъ подобна. Наше Пустынное похуже Шибки. Тамъ вѣдь на міру, а здѣсь въ одиночку, въ темнотѣ, въ безвѣстности. Тамъ хотя и грязь госпитальная, а все красиво. Пули летятъ, пушки стрѣляютъ, герои разные. Все какъ бы театральная декорація, ну и подруги есть. Одна ослабнетъ—другія поддержутъ. А какъ одинъ въ полѣ воиномъ останешься, много характеру надо... При ея воспитаніи-то! Изъ богатой семьи — пожалуйте-ка въ народную глубь. А вѣдь эта глубь—просто омутъ. Склизкій, страшный. Это издали ничего. Темень, задохнешься въ ней... Да вотъ и сама Анна Герасимовна...

И вдругъ отецъ Петръ осѣкся.

Мы съ Анной Герасимовной быстро подошли другъ къ другу.

— M-lle Свѣшникова... Вотъ не думалъ?

— Да и я... Встрѣтить васъ здѣсь послѣ Венеціи.

— Я-то что... Я ѣзжу вездѣ. Волка ноги кормятъ. Надо видѣть все... А вы... вы... Гдѣ всѣ ваши?

— Все тамъ же. По заграничнымъ курортамъ слоняются. Вотъ видите, книжки посылаютъ. Я такъ рада васъ видѣть. Не ожидала. Точно тепломъ пахнуло изъ итальянской дали...

IV.

Было поздно—у меня глаза слипались отъ утомительнаго дня. Тянуло въ постель. Я скоро распрощался съ хозяевами и заснулъ какъ убитый, безъ грезъ, безъ пробужденія до самаго разсвѣта. Вѣроятно, и тогда бы не поднялся, если бы не пѣтухъ. Вмѣсто забора, онъ взлетѣлъ на мой подоконникъ и оттуда всей вселенной громко сообщалъ о своихъ побѣдахъ надъ подвластными ему курами. При этомъ хлопалъ крыльями, точно стучался ко мнѣ въ стекла, глупо и смѣшно вытягивалъ шею, надувалъ гребень и вообще являлся такимъ героемъ женскихъ романовъ, что я невольно расхохотался. Спать послѣ этого не могъ. Я всталъ — посмотрѣлъ на улицу. Церковь была по другую сторону. За небольшимъ дворомъ священника едва-едва въ скупомъ сумрачномъ разсвѣтѣ выступалъ рядъ черныхъ избъ. Покосившіяся, продырявленныя, точно проѣденныя кавернами. Краше въ гробъ кладутъ! Изъ двухъ или трехъ клубился уже дымъ и сѣрые тоны его сливались съ такими же небесами. Вѣтеръ за ночь утихъ, тѣ же согнанныя имъ тучи поползли назадъ и все заполонили кругомъ. Даже не вѣрилось, что гдѣнибудь есть яркій свѣтъ, розовыя краски зари, бездонная лазурь надъ цвѣтущею заласканною землею... Насколько мнѣ была видна отсюда сельская улица—ее всю прососала какая-то промзглая слякоть. Вонъ посереди брошенная телѣга. На одинъ бокъ легла—должно быть, колесо сломалось... Пѣтухъ еще разъ подлетѣлъ было къ подоконнику, но, замѣтивъ меня, какъ-то подавился на первой гаммѣ и тяжело шлепнулся назадъ... Гдѣ-то клохтала снесшая яйцо курица. Рядомъ въ комнатѣ заговорили—должно быть, тамъ проснулись. Я разслушалъ, что Софья Самойловна убѣждала Анну Герасимовну спать еще, потому что самоваръ и безъ нея поставятъ, но учительница все-таки встала...

— Не спится...

— Такъ разговаривать будемъ.

— О чемъ...

— Мало ли.

— Нѣтъ, Соня, у меня отъ нашихъ разговоровъ сердце щемить будетъ. Ну ихъ.

Я прилегъ опять и въ явь передо мною воскресли и въ дивныхъ краскахъ выступили изъ сѣрыхъ и скучныхъ потемокъ встрѣчи съ Анною Герасимовной. Вотъ ужъ кого я не ждалъ увидѣть здѣсь! И что ее могло загнать въ эту глушь—хорошо обезпеченную, тонко образованную и избалованную родными женщину? Я зажмурился, и вся въ голубой дали такъ и раскинулась передо мною piazza Santa-Maria gloriosa! Мало кто изъ посѣщающихъ Венецію знаетъ ее. Она въ сторонѣ отъ св. Марка. Табуны англичанъ и косолапые нѣмцы сюда ходить не любятъ. Здѣсь вѣдь ни кафе, ни дворцовъ нѣтъ. Все кругомъ говоритъ о далекомъ прошломъ. Сегодняшнему нечего дѣлать на пустынныхъ камняхъ этой площади. Еще въ окружающихъ ее узкихъ и тѣсныхъ улицахъ кипитъ жизнь, но она прячется въ ихъ тѣнь отъ строгаго и безпощаднаго солнца... Посреди величавый и молчаливый соборъ... Эту церковь нельзя назвать иначе. Темная пирамида, которую только кое-гдѣ тронули мраморнымъ кружевомъ и рѣзьбою. Цѣлыми вѣками строилась она—да такъ и осталась незаконченною. Вѣрно, никто уже не дочитаетъ послѣднихъ строкъ этой величавой средневѣковой поэмы. Нынѣшнее время, щедрое на казармы и форты, изукрасившее ими даже развѣнчанную царицу Адріатики, равнодушно проходитъ мимо старыхъ храмовъ. Подъ величавыми сводами, у царственныхъ колоннъ, въ недосягаемой высотѣ развѣтвляющихся надъ полною благоговѣнія бездной камня и бронзы — даже не молятся. Стоитъ вѣчная тишина, гдѣ-то вдали звенитъ колокольчикъ, мерещится священникъ въ бѣлой кружевной сутанѣ, едва-едва клубится фиміамъ и въ синей дымкѣ точно возносится мраморная Мадонна. Сквозь громадныя окна солнце заливаетъ мягкимъ свѣтомъ плиты внизу. Изъ нихъ каждая—точно щитъ, прикрывшій рыцаря—носитъ его гербъ и девизъ. Это—кладбище. Всѣ онѣ — могилы. Вы по нимъ ступаете, на нихъ преклоняете колѣна, отдыхаете въ прохладѣ отъ зноя большой, разумѣется, по венеціанскому, площади... Я люблю эту церковь. Здѣсь похоронены и Тиціанъ, и Канова. Великіе мертвецы живые между живыми до скончанія вѣка. Это еще гиганты. Но вы присмотритесь: какія имена кругомъ! О чемъ вамъ говорятъ эти камни. Дожи, народные вожди, блистательные патриціи, суровые кондотьери, славные художники—всѣ они нашли здѣсь покой и тишину, какихъ не знали при жизни. Ихъ придавили глыбами порфира и сіенита,

яшмы и мрамора, обвили каменнымъ кружевомъ, поставили надъ ними ихъ собственныя изображенія, ихъ коней, ихъ рабовъ, изваяли изъ серпентина и вычеканили изъ бронзы ихъ побѣды да такъ и оставили на удивленіе ничтожному потомку. Смотри-де и сравнивай съ собою. Что сдѣлали они и на что живешь ты—великій ловецъ передъ Господомъ—старыхъ англійскихъ ключницъ, разворовавшихся на службѣ у полоротаго лорда.

V.

Въ этой церкви Маріи Преславной у меня два любимыхъ мѣстечка. Одно—памятникъ Кановы. Свѣтлый геній великаго ваятеля почтенъ здѣсь свѣтлыми, созданными изъ каррарскаго мрамора, образами. Знатоки искусства почему-то не особенно высоко ставятъ ихъ, но, при всемъ моемъ уваженіи къ этимъ знатокамъ, я придаю имъ такое же значеніе, какъ и академикамъ въ дѣлѣ хотя бы литературы. Вѣдь и академики ползутъ всегда въ хвостѣ за нами, профанами. Они послѣдними признали у насъ Пушкина и Гоголя, во Франціи—Гюго, а Шекспира и до сихъ поръ отрицаютъ иначе, какъ въ слащавыхъ передѣлкахъ Делавиня. У мундирныхъ судей вмѣсто вкуса — кодексъ. Соотвѣтствуетъ извѣстному параграфу его — хорошо, а не соотвѣтствуетъ — плохо. Они примѣряютъ на признанныя мѣрки, тогда какъ геніи создаютъ свои. Особенно чуть коснется новшества — тутъ академикъ скалитъ зубы и издали рычитъ такъ, что вчужѣ за панталоны страшно—въ клочья изорветъ. Попадись литература—академикъ и ее приметъ за то же. Бѣда, когда малые сіи не только вообразятъ себя рѣшителями судебъ, но и въ дѣйствительности будутъ облечены уже соотвѣтствующею властью. Я думаю, что памятникъ Кановы только выигрываетъ отъ академическаго отрицанія. Это истинная поэма печали—ясной и нѣжной, какъ все созданное тѣмъ, надъ прахомъ кого она воздвигнута. Стройная, законченная, художественная, полная высокаго примиряющаго чувства. Пирамида съ полуотворенньмъ таинственнымъ ходомъ въ царство скорѣе покоя и тишины, чѣмъ смерти. Только тишины священной, молитвенной. Оттуда вѣетъ благоговѣйнымъ ожиданіемъ, точно во мракѣ и недвижности присутствуетъ божество, чудится его невидимый алтарь. Около дверей въ загадочную область нашего общаго будущаго, рас-

простерся левъ и опустилъ факелъ, опирающійся на его могучую спину геній жизни. Посмотрите на это сліяніе красоты и силы; его поэзія краснорѣчивѣе рифмованныхъ строкъ говоритъ вамъ. Здѣсь въ каждомъ изгибѣ больше правды, чѣмъ во всѣхъ кувалдахъ, которыя якобы „съ натуры“ высѣкаютъ наши скульпторы, употребляя для этого почему-то вмѣсто стоеросоваго дерева — благородный мраморъ. Съ другой стороны, къ священному входу въ могилу угасшаго генія идутъ съ мvромъ въ амфорахъ его поклонники, представляющіе собою всѣ возрасты человѣка. Смотришь на великолѣпныя фигуры и не вѣришь, что видишь камень. Эти груди дышутъ. Ноги и руки замерли только на мгновеніе; пройдетъ оно и вы поразитесь чуднымъ разцвѣтомъ и несравненной гармоніей жизни. Боги древности несомнѣнно вдохнули бы въ нихъ душу. Имъ было бы жаль оставить въ вѣчной неподвижности небесную красоту идеальныхъ формъ. Канова самъ начерталъ этотъ памятникъ, желая почтить имъ равнаго себѣ генія, Тиціана. Но надъ Тиціаномъ такой же коронованный академикъ-императоръ Фердинандъ I воздвигъ тутъ чисто аракчеевскую будку—скучную, правильную, мертвую, въ которой только и хорошо рабское воспроизведеніе въ мраморѣ „вознесеніе Богородицы“ великаго художника. Поэтому ученики Кановы — Мартини, Феррари и Фабрисъ, воспользовавшись готовымъ рисункомъ ваятеля, создали надъ нимъ самимъ, вѣющую свѣтлымъ геніемъ Греціи, элегію смерти. Другая жемчужина этой церкви—Мадонна Беллини. Передъ нею поневолѣ застаиваешься — отъ ея кроткаго лица вѣетъ на васъ нѣжный и чарующій свѣтъ. Въ одинъ изъ тусклыхъ дней я сидѣлъ передъ нею. За стѣнами собора—дуло сирокко. Лазурь венеціанскаго неба и ясные тоны лагунъ были подернуты обезцвѣчивающимъ и знойнымъ дыханіемъ далекой Африки. Оно гнало передъ собою заряженныя электричествомъ тучи. Поминутно онѣ разражались дождемъ, но горячія плиты города тотчасъ же сохли, окуриваясь теплымъ паромъ. Гремѣло, молнія падала въ присмирѣвшее море. Оно только злилось и шипѣло, точно чья-то грозная и громадная пята грозила придавить его. За то въ этомъ маленькомъ боковомъ алтарѣ было тихо, мирно и спокойно.

— Вотъ картина великаго Тиціана!—раздался за мною грубый, какъ скрипѣніе ржавыхъ петель, голосъ гида.—Эту мадонну увезъ отсюда Наполеонъ, но нашъ Гарибальди отнялъ ее у французовъ.

Что за белиберда! Я оглянулся, наивное личико дѣвушки поразило меня. Полное такой же святой тишины, какъ и чудный образъ Богоматери передъ нею. Съ нею старушка и какая-то дама.

Я не хотѣлъ вмѣшиваться. Мало ли врутъ гиды. Вѣдь и этимъ ѣсть хочется. Не читать же имъ Мунтца! Да и белліевская Мадонна, что она потеряетъ, если ее припишутъ Тиціану. Имѣютъ эти дамы понятіе о живописи, и сами не повѣрятъ. Что же до Наполеона, то на его памяти столько великихъ преступленій! Она не омрачится, если наивный гидъ припишетъ ему еще одно сравнительно мелкое. Но вдругъ посѣтительницы заговорили между собою по русски. Это уже мѣняло положеніе дѣла. Нельзя же было допускать, чтобы такъ надували соотечественницъ.

— Вы вѣрно знаете, — обратился я къ гиду,—что эта картина Тиціана?

— Еще бы! Онъ вѣдь изъ нашего рода!

Я всталъ и почтительно поклонился потомку великаго художника. Дамы расхохотались. Такимъ образомъ между нами завязалось знакомство.

VI.

Въ Венеціи я жилъ на Лидо. Кто не знаетъ этой нѣкогда скромной и милой идилліи лагунъ, золотистаго острова съ чуднымъ песчанымъ берегомъ, подернутымъ великолѣпною изумрудною зеленью. Теперь онъ испорченъ въ конецъ. Спекуляція ради привлеченія праздной международной безтолковщины настроила тутъ балагановъ, гдѣ цѣлые дни неистово гремятъ дурацкія шарманки, вертятся карусели съ пьяными ослами. Для удовольствія англичанъ, не отличающихся, какъ извѣстно, тонкими и изящными вкусами, выведены музеи съ изображеніями орангутановъ, похищающихъ дѣвицъ, средне вѣковыхъ пытокъ, несчастныхъ матерей, рождающихъ на глазахъ у публики восковыхъ близнецовъ. Явился даже baraccone съ русскою красавицей Moina. Эта Моина показывалась детально: руки стоили десять сантимовъ, ноги — пятьдесятъ. „Остальное по соглашенію“. Въ мое время ничего подобнаго не было. На солнечныхъ отмеляхъ у зеленоватыхъ водъ Адріатики копошились ребятишки, въ волнахъ купались венеціанки, а на цѣломъ островѣ—по которому среди рощъ и виноградниковъ можно дойти до Маламокко — царила тишина. Ото-

всюду вѣяло здѣсь такимъ благополучіемъ жизни, простотою и скромностью, что самые раздерганные нервы поневолѣ успокоивались. Этотъ гармоничный миръ природы — глубокихъ водъ и золотыхъ плажей, лазурныхъ небесъ съ очаровательнымъ очеркомъ Венеціи плывущей среди лагунъ съ сотнями куполовъ и колоколенъ, дворцовъ и башенъ заколдовывалъ васъ. Бывало, пріѣдешь съ ненавистью ко всему живому и къ себѣ самому прежде всего, и не пройдетъ двухъ-трехъ дней, какъ вдругъ тебя охватываетъ такая нѣжная любовь къ милому, ласкающему уголку, что отъ недавнихъ мрачныхъ мыслей не остается даже изгари.

Въ тотъ же день, когда въ Санта-Маріа Глоріоза я встрѣтилъ соотечественницъ съ гидомъ, потомкомъ Тиціана, вечеромъ я сидѣлъ въ Лидо у моря. Терраса выдвигалась въ самое царство его тихихъ водъ — былъ приливъ и онѣ безшумно катились подъ тонкимъ деревяннымъ поломъ, обдавая запахомъ водорослей, брызгами соли, бодрящимъ вѣяніемъ здороваго простора. Казалось, прямо въ наши лица дышутъ загадочныя глубины исчезающаго въ полутонахъ моря. Оно въ этотъ вечеръ было очаровательно. Позади солнце садилось за Венеціей, опускаясь къ мягко очерченнымъ вершинамъ Евганейскихъ горъ. Здѣсь еще сіяли краски дня. Ничего рѣзкаго, преувеличеннаго, рѣжущаго глазъ. Все въ отливахъ, тонкихъ, трудно уловимыхъ переходахъ. Все чуть тронуто кистью великаго художника природы, предоставляющаго вамъ угадывать больше, чѣмъ видѣть. Море слалось въ безконечную даль жидкимъ серебромъ, едва отражающимъ блѣдную лазурь неба и только густо синѣющимъ въ сгибахъ и складкахъ. На плажъ оно набѣгало, свертываясь волною, и, заполонивъ его, вдругъ на золотѣ песка, раскидывало причудливѣйшее кружево пѣны. Далеко-далеко, пользуясь чуть подымающеюся трамонтаной, выходили въ открытое море суда рыболововъ. Мы не видѣли заходившаго солнца, но различали его прощальный отсвѣтъ на ихъ желтыхъ и красныхъ парусахъ. Они мерещились совсѣмъ рубиновыми надъ этими прохладными безднами. Рубиновыми, топазовыми... И все въ этой влагѣ пріобрѣтало эмалевую нѣжность. Не блескъ! Блескъ былъ бы слишкомъ ярокъ и нелѣпъ среди этого изящества, мягкости и безъискусственности. Все даже купающіеся были озарены особеннымъ свѣтомъ. Ихъ пестрые костюмы на бѣлесовато-голубомъ серебрѣ влаги казались фантастическими. Не было черточки, атома, который бы весь такъ и не трепеталъ тепломъ, радостью...

— А мы сегодня устали. Послышалось около.

Я оглянулся—мои утреннія знакомыя.

— Вотъ по вашему совѣту на Лидо пріѣхали.

— Отличный часъ выбрали. Утромъ и теперь лучшія краски здѣсь.

— Да! Не наглядѣться на всю эту прелесть!

Дѣвушка, замѣченная мною въ dei Frari, не говорила ни слова, но теплый свѣтъ заката, казалось, не ложился на ея лицо снаружи, а весь такъ и струился отъ нея самой. На что она ни обращала глазъ—они ласкали и море, и берега и паруса далекихъ лодокъ и медлительно колыхавшіяся воды. Она нехотя производила впечатлѣніе. Вѣдь, кажется, молчитъ, но вы чувствуете, что имѣете дѣло съ натурой глубокой, съ дѣвушкою умной, требующей отъ жизни многаго. Такія рѣдко удовлетворяются окружающей ихъ дѣйствительностью. Счастливы не бываютъ никогда. Въ нихъ вѣчно живетъ порывъ къ чему-то высшему, можетъ быть, именно потому обстановка, внѣшнія условія для нихъ не имѣютъ никакого значенія. Даже не замѣчаются. Все равно, въ лучшемъ и худшемъ случаѣ эти условія ничто рядомъ съ стремленіями души, съ ея томительной жаждой подвига, самоотверженія, самопожертвованія. Пролетавшіе ангелы дѣйствительно роняли въ ихъ колыбели райскіе цвѣты. Восточная сказка хорошо передаетъ эту неистребимую, неутолимую, страстную жажду того, что трудно отыскать на землѣ. Цвѣтокъ всю жизнь остается въ сердцѣ—и оно мирится скорѣе съ страданіями, чѣмъ съ будничнымъ счастіемъ, съ лишеніями, съ непомѣрнымъ трудомъ и непосильнымъ подвигомъ, но никакъ не съ мѣщанскимъ довольствомъ, покоемъ, гдѣ все впередъ извѣстно, заключено въ опредѣленныя рамки, размѣрено и взвѣшено до отвращенія...

VII.

Я потомъ имѣлъ случай ближе познакомиться съ нею.

Удивительно сосредоточенный человѣкъ. Бывало, всѣхъ слушаетъ, но каждый изъ близкихъ знаетъ, что она поступитъ непремѣнно по своему. Переработаетъ въ себѣ все, что ей совѣтовали, разберется и, разумѣется, найдетъ лучшій исходъ. Не смотря на молодость, Анна Герасимовна умѣла такъ отличать людей, что ни разу еще не попадала въ просакъ. Должно быть, вмѣстѣ съ нравственною чистотою у нея было

много тонкаго, безсознательнаго чутья. Часто она сама себѣ не давала отчета, почему именно она судитъ такъ, а не иначе. Случалось, сошлется на, повидимому, незначительное обстоятельство, которое потомъ вдругъ оказывается крупнымъ и рѣшающимъ. Всѣ русскія дамы того времени въ Венеціи съ ума сходили отъ графа Гальби, одна Анна Герасимовна сторонилась, и если и подавала ему руку, то съ видимымъ отвращеніемъ. „Не знаю... Говоритъ онъ хорошо и красиво. Все, что хотите. Ничего дурного я о немъ не слышала... Но вы присмотритесь, когда онъ думаетъ, что никто имъ не занимается—какое у него отвратительное выраженіе лица... И не приписывайте значенія его словамъ, а вслушайтесь въ тонъ". И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, влюбленныя всероссійскія Матрёны оказались въ дурахъ, а ихъ Адонисъ вышелъ отчаяннымъ мерзавцемъ. Какая-то увлекшаяся дѣвчонка лѣтъ шестнадцати даже застрѣлилась изъ-за него...

Часто Анна Герасимовна казалась скучающею.

— Что съ вами?—добивались у нея.

— Не къ чему рукъ приложить...

— Посмотрите, какъ хорошо кругомъ. Вся площадь залита золотымъ свѣтомъ, мозаики св. Марка такъ и горятъ. А какъ на синемъ небѣ рисуются купола и колонны собора съ ихъ статуями и рѣзьбою.

— Да, но это все для себя и только.

— Какъ?—не понимали ее.

— Отъ всего этого себѣ хорошо. Мнѣ кажется...—Она краснѣла, видимо стѣсняясь выразиться опредѣленно.—Мнѣ кажется, надо и для другихъ. Такъ скучно—для себя. Да и совѣстно...

— О чемъ ты?—останавливала ее тетка.—Ты дѣвушка обезпеченная...

— Ахъ, это не то.

— Найдешь человѣка по душѣ, выйдешь замужъ.

— Никогда!

Барыни засмѣялись. Анна Герасимовна видимо близко приняла это къ сердцу—и вспыхнула.

— Я ужъ не такъ все это... глупо... Можетъ быть, я не умѣла выразиться. И вѣрно не умѣла потому, что вы смѣетесь... Я думаю, что и безъ замужества много дѣла и потомъ я не хочу разочарованій.

— Какихъ?

— Найдите мнѣ хоть одинъ бракъ, гдѣ бы ихъ не было. Мечта всегда выше дѣйствительности. Пусть даже вполнѣ осуществится и все-таки выйдетъ тускло и блѣдно. Я видѣла и жениховъ, и мужей. Вѣдь это противоположности! Сплошная, хоть и искренняя ложь. Я не желаю ни сама лгать, ни другихъ заставлять дѣлать это. Богъ съ ними! Мнѣ одной отлично. И потомъ мнѣ кажется, кто хочетъ прожить не даромъ, тотъ долженъ быть свободенъ. Замужество связываетъ.

— По твоему воспитать дѣтей — это значитъ прожить даромъ.

— Во-первыхъ, будутъ ли еще они... а во-вторыхъ, если хватитъ на большее, зачѣмъ удовлетворяться меньшимъ.

— Не всѣмъ же города брать!—обижалась тетка.

— Я не о томъ бо́льшемъ говорю. Есть такія великія дѣла, которыя внизу кроются и никому не замѣтны. На нихъ рѣдкая идетъ, потому тамъ мученичество, трудъ и никакого показу нѣтъ... Правда, голодъ часто гонитъ на это, но голодъ не призваніе... Ахъ, я не умѣю выразить. Тутъ, дотрагивалась она до сердца, такъ много, и я ясно понимаю, а словъ нѣтъ.

— Просто чудачествуешь. Наткнешься на своего рыцаря и, какъ всѣ мы, замужъ выйдешь.

Она не отвѣчала ничего, но по упорно нахмуреннымъ бровямъ и особому огоньку въ глазахъ видно было, что на такую наживку ее не поймаютъ. И дѣйствительно, встрѣтилъ я ее въ Швейцаріи черезъ годъ—та же самая. Тетка на нее жалуется: представьте, наша невѣста не невѣстная въ старыхъ дѣвкахъ хочетъ засидѣться. Зимою у нея такія партіи были въ Петербургѣ. Ея знакомыя дѣвицы чуть съ ума не сошли отъ зависти, а она всѣмъ отказъ. Чего ты ждешь, Аня!

— Жду, чтобы мнѣ было двадцать одинъ годъ.

— Зачѣмъ.

— Я тогда—совершеннолѣтняя и поступлю такъ, какъ сама хочу, не соображая, понравится ли это другимъ или нѣтъ...

VIII.

Вопросъ о ея будущемъ подымался нѣсколько разъ.

— А если ты ошибешься?

— Ошибусь, поправлюсь. Это еще не большая бѣда...

Лучше самой споткнуться и самой на ноги встать, чѣмъ все ожидать, не протянется ли рука со стороны.

Она себя показала съ тѣмъ же графомъ Гальби... И даже столь театрально, что всѣ диву дались, откуда это у нея. Она оправдывалась: надо было произвести впечатлѣніе.

Весною пріѣхала въ Венецію и опять на той же площади встрѣтила легкомысленнаго красавца, но уже занятаго другою русскою дѣвушкою, очень богатою москвичкой. Анна Герасимовна широко раскрыла глаза. Неужели онъ забылъ бѣдную Сашу?.. Ей это казалось невозможнымъ. Она еще не была вполнѣ знакома съ людскою подлостью. А Гальби даже и не особенный негодяй былъ. Такъ — обыкновенный итальянскій giovinotto, усвоившій мнѣніе, что молодость и красота — капиталъ, который необходимо помѣстить на возможно выгоднѣйшихъ условіяхъ. Даромъ здѣсь не женятся. Оставаться при гербахъ и заложенномъ дворцѣ на большомъ каналѣ но безъ денегъ — перспектива не особенно для венеціанскихъ нобилей привлекательная. Саша была давно забыта. Да съ тѣхъ поръ еще не одна такая же Саша сломала на немъ голову. Это здѣсь просто „divertimento" и ничего болѣе. Поигралъ и бросилъ. А что она застрѣлилась, это ея дѣло, ни до кого не касающееся. Анна Герасимовна познакомилась съ москвичкой и въ первый же день разобрала игру графа. Поѣхала къ его матери — старой венеціанкѣ въ парикѣ, выкрашенной и затянутой всевозможными пружинами, и съ негодованіемъ передала ей все, что знала о ея сынѣ. Та даже не нашла нужнымъ притворятся удивленной.

— Вы вѣрно сами его любите?

— Кого, графа?

— Да. Онъ вѣдь такъ хорошъ. Это — совсѣмъ мой портретъ. Что же, если у васъ тоже есть милліоны...

Анна Герасимовна оборвала ее съ негодованіемъ.

— Я васъ не понимаю. Возразила старуха. Развѣ мало русскихъ дѣвушекъ пріѣзжаютъ сюда выходить замужъ?.. А я, напротивъ, хвалю сына за то, что онъ серьезно думаетъ о нашей будущности. Это доказываетъ, что у него золотое сердце, тѣмъ болѣе, что въ благополучіи онъ навѣрное не забудетъ la povera mamma!

И у нея даже выступили на глазахъ слезы благодарности.

Анна Герасимовна очень внимательно смотрѣла на громадную волосатую бородавку, вздрагивавшую надъ верхней губой этой povera mamma и вдругъ, не говоря ни слова, встала...

— А что касается до этой дѣвушки, которая покончила съ собой, то она была безбожница и pazza (сумасшедшая). За нее даже церковь не молится!

Съ тѣмъ Анна Герасимовна и уѣхала.

Впрочемъ, для нея этотъ визитъ не остался безъ послѣдствій. Черезъ день вся Венеція сплетничала (а сплетничаютъ здѣсь какъ въ русскомъ уѣздномъ городѣ), что signorina Анна помѣшалась отъ любви къ красавцу Гальби. Она, видите ли, ѣздила къ его матери и, упавъ передъ нею на колѣни, вся въ слезахъ умоляла ее поговорить за нее своему сыну и т. д. Когда объ этомъ передали Аннѣ Герасимовнѣ, та расхохоталась. Ее это даже не задѣло. Я рѣдко слышалъ у нея такой веселый смѣхъ. Она вообще не была на него щедра. Она и улыбалась не часто.

— Это кто же разсказываетъ? La povera mamma?

— Всѣ...

— Ну и на здоровье...

Съ графомъ она встрѣтилась въ тотъ же вечеръ въ плохенькомъ театрѣ Малибрана. Феличе почти постоянно закрытъ и потому въ Венеціи работаютъ второстепенные— Гольдони, Россини и Малибранъ. Давали „Manon“ Массне. Въ антрактѣ, проходя мимо ложи, гдѣ сидѣла Анна Герасимовна, Гальби встопорщился было настоящимъ побѣдителемъ. Пѣтухъ—пѣтухомъ. Точно для моментальной фотографіи! Анна Герасимовна—отъ этой скромной и даже робкой дѣвушки никто и не ожидалъ—вдругъ наклонилась и громко позвала:

— Послушайте, графъ!

Тотъ немедленно придалъ себѣ соболѣзнующее выраженіе лица и покорно остановился.

Всѣ такіе же giovinotti изъ перваго ряда насторожились. Одинъ изъ нихъ потомъ признавался: мы ожидали, что signorina Анна будетъ при всѣхъ молить его о любви.

— Вы слышали, о чемъ кричитъ вся Венеція?

Тотъ притворился непонимающимъ.

— Будто я влюблена въ васъ...—Анна Герасимовна весело засмѣялась.—Навѣрное вы думаете иначе. Я, можетъ быть, и полюблю когда-нибудь, только ужъ навѣрное не человѣка, который смотритъ на бракъ, какъ на выгодную спекуляцію. И потомъ у насъ дома, въ Россіи, слишкомъ много нужды. Я своимъ деньгамъ найду гораздо лучшее употребленіе, чѣмъ возобновлять ваши дворцы и платить ваши счеты портному.

Притомъ мнѣ вѣдь еще не пятьдесятъ лѣтъ, чтобы мечтать объ итальянскихъ молодыхъ графахъ.

IX.

— За что она меня обидѣла?—добивался потомъ у всѣхъ графъ Гальби.

Итальянская молодежь за то притворялась ее не узнающею.

— Сплетнѣ всегда надо идти на встрѣчу, а не бѣжать отъ нея!—оправдывалась Анна Герасимовна.

Тутъ-то она вѣрно и задумала ту самую „комбинацію", какъ назвалъ потомъ этотъ случай одинъ венеціанскій репортеръ.

Надо отдать ей справедливость, разыграна была эта комбинація артистически! За минуту никто не зналъ, что Анна Герасимовна хочетъ сдѣлать. Даже отъ своей кузины, съ которою очень дружна была, съумѣла сохранить тайну. Насъ всѣхъ удивило только: чего она такъ тормошится и хлопочетъ устроить какое-то partie de plaisir. Формально, впрочемъ, не она была вдохновительницей и хозяйкою этого знаменательнаго дня, а ея тетка, которая потомъ жаловалась: „ты бы насъ предупредила, что хочешь разыграть комедію. А то на-ко, заставляешь пожилыхъ дамъ изображать собою какихъ-то фантошей". Мнѣ Анна Герасимовна сказала только одно, „на васъ я надѣюсь. Вы меня поддержите".—Въ чемъ?..

— Узнаете въ свое время.

И больше ни слова!

Повидимому, она задумала невинную прогулку на пароходѣ въ Мурано, Бурано и Торчелло.

Пароходикъ взятъ былъ маленькій, всего-то за него пятьдесятъ лиръ потребовали. Московская невѣста заготовила конфекты, пирожное и фрукты. Анна Герасимовна холодную закуску и ростбифъ, мы — вина. Все это въ рамкахъ очень скромныхъ, да иначе въ Италіи и нельзя. Тамъ и понятія не имѣютъ о дорого стоющихъ, а по веселости дешевыхъ поѣздкахъ. День удался удивительный. Когда съ Fondamenta Nuova мы садились на „Elegante", уже пыхтѣвшій клубами чернаго дыма, вся даль передъ нами тонула въ голубой прозрачности чистыхъ лагунъ. Густою синью намѣчался на сѣверѣ горный Фріуль, кое-гдѣ подернутый снѣгами, точно по темному плюшу сверху разбросаны были серебряные узоры. Когда мы отплыли, лагуна изчезла подъ нами. Пароходъ несся надъ

лазурною бездной внизу, подъ такою же лазурною бездною вверху. Я еще ни разу не видѣлъ даже здѣсь подобнаго освѣщенія! Въ этой безконечности плыли куда-то каменные города на своихъ островахъ, точно корабли, вмѣсто мачтъ, поднявшіе тонкія колокольни средневѣковыхъ соборовъ.

— Мы въ Мурано прежде всего?

— Нѣтъ.—И Анна Герасимовна загадочно улыбнулась.

— Куда же?

— Что это?—указала она вмѣсто отвѣта.

Надъ бездною торжественно и медленно двигалась процессія черныхъ гондолъ.

Въ передней открытый гробъ. Впереди и позади его священники и члены похороннаго братства въ красныхъ домино съ опущенными на лицо такими же капюшонами. Въ рукахъ у нихъ толстыя восковыя свѣчи. Такъ тихо плыла гондола и такъ неподвиженъ былъ голубой воздухъ, что желтое пламя свѣчей только слегка откидывалось назадъ. Въ слѣдовавшихъ за этою гондолахъ родные и знакомые. Я взялъ бинокль. Въ гробу, видимо, весьма почтенный венецейскій патрицій. Кругомъ разставлены гербы, а позади скоро заиграла и муниципальная музыка. Все какъ слѣдуетъ при столь величественныхъ похоронахъ, включая и важность въ лицѣ мертвеца, какъ будто сознававшаго, какую роль онъ играетъ во всемъ этомъ.

— Вы видѣли когда-нибудь венеціанскія похороны?—обратилась Анна Герасимовна къ московской невѣстѣ.

— Нѣтъ... Это „ужасно" красиво.

— Хотите—посмотрѣть на кладбище.

Она указала на залитый солнцемъ и потому кажущійся золотымъ храмъ посреди водныхъ безднъ. Онъ подымался изъ лагунъ. Это собственно было cimettero, но издали оно, обнесенное высокою стѣною, кажется величавымъ и цѣльнымъ, какъ настоящая базилика. Пароходъ, тяжело пыхтя, въ хвостѣ похоронной процессіи, направился туда же. Мнѣ почудилось, что даже на лицѣ покойника отразилосѣ нѣчто самодовольное и радостное. Подумайте завтра „Gazzetta di Venezia," и „Adriatico", и „la Difeza" сообщатъ читателямъ: „сотни" форестьеровъ почтили своимъ присутствіемъ погребеніе „великаго гражданина". Надо, впрочемъ, сказать, что у насъ ничего не напоминало о смерти. Было жарко и потому прислуга раскупоривала „MoscatoGancia". Графъ Гальби въ сѣромъ рединготѣ съ перетянутой таліей картинно наклонясь

надъ московскимъ капиталомъ, предназначеннымъ судьбою возстановить изъ руинъ его историческіе дворцы, нашептывалъ что-то. Капиталъ сладко улыбался. Надо отдать ему справедливость, очень былъ глупъ, какъ и всякій капиталъ, если вѣрить Марксу Нордау.

— Вы видѣли когда-нибудь графа Гальби во время купанья?—обратился ко мнѣ сосѣдъ.

— Нѣтъ.

— Стôитъ. Вверху на террасѣ сидитъ она,—и венецейскій сплетникъ кивалъ на московскій капиталъ—а внизу, чуть пятки въ водѣ, принимаетъ живописныя позы и показываетъ атуры графъ въ „банномъ“ костюмѣ,—нѣчто еще болѣе откровенное, чѣмъ трико. Очень хорошо. По крайней мѣрѣ безъ обману. Товаръ лицомъ. Видите, что покупаете!

Я вспомнилъ, что не одинъ графъ Бальби таковъ. Вся венецейская молодежь продѣлываетъ то же самое. Выстроются подъ террасой въ купальныхъ фуфайкахъ. Море и до колѣнъ не доходитъ. Обопрутся о столбы и веревки и играютъ всевозможными изгибами. А дамы вверху, лорнируя, выбираютъ, кого изъ нихъ привлечь къ законной отвѣтственности.

X.

Мы высадились на кладбищѣ.

— Что это все случайно?—спросилъ я у Анны Герасимовны.

— Разумѣется, нѣтъ.

— Не могли же вы заказать „великому гражданину“ умереть два дня назадъ, чтобы его хоронили сегодня.

— Я все равно устроила бы такъ, чтобы пароходъ присталъ сюда.

— Ничего не понимаю!

На кладбищѣ общество невольно слѣдовало за погребальною процессіей. Когда останки великолѣпнаго нобиля были преданы землѣ и какой-то взъерошенный малый отбарабанилъ надъ свѣжею могилой нѣчто невѣроятное по напыщенности и приподнятому тону, мы направились назадъ на пароходъ.

— Господа... Попрошу у васъ минуту вниманія.

Анна Герасимовна какъ-то нервно выкрикнула это, вся блѣдная отъ волненія.

Мы остановились. Она продолжала по-русски.

— Пойдемте почтить одну, никому неизвѣстную могилу.

Тѣмъ болѣе, что сегодня ровно годъ, какъ наша соотечественница скончалась и схоронена въ ней...

Итальянцы слѣдовали за нами, ничего не понимая. Да и мы въ этомъ отношеніи знали не больше ихъ. Миновавъ католическую часть кладбища, вышли въ „иновѣрческую“ и крайне удивились, встрѣтивъ здѣсь греческихъ священниковъ, приглашенныхъ изъ церкви св. Георгія въ Венеціи.

— Это вы все устроили?—спросилъ я.

— Да... Вчера еще... Для панихиды. Вѣра Ѳедоровна,—обратилась она къ московскому капиталу.—Вы не отходите отъ меня. Именно вы будете нужны мнѣ.

Та сдѣлала большіе глаза, отчего ея лицо нисколько не стало умнѣе. Шевельнула завитою чолкой и остановилась.

Началась служба. Итальянцы, кажется, думали, что все это входитъ въ программу „gita di piacere“ и ожидали пріятнаго сюрприза—угощенія, что ли. Графъ Гальби придвинулся впередъ къ самой могилѣ.

— Кто похороненъ здѣсь?—спросилъ онъ меня.

— Не знаю...

Черный мраморный крестъ и больше ничего. Ни надписи на немъ, ни плиты съ именемъ.

Солнце щедро обливало насъ лучами. Ярко загорались они кругомъ на могильныхъ камняхъ, вспыхивали красными и голубыми огоньками въ цвѣтахъ и золотыми зигзагами бѣжали по стѣнамъ, придавая радостное движеніе жизни безмолвному царству смерти. Служба шла по-гречески, мы даже не поняли, кого поминали. Когда все окончилось и священники ушли, Анна Герасимовна еще болѣе взволнованная, круто обернулась къ стоявшему около меня графу Гальби.

— Я слышала, какъ вы спрашивали, кто похороненъ здѣсь?

— Да. Не я одинъ и другіе... Никто не знаетъ.

— Другимъ простительно... Я думала, что вы именно часто бываете здѣсь, молитесь и просите у нея прощенія.

— Здѣсь... у нея?.. У кого...

— У бѣдной синьорины Alessandra. Такъ вы ее, кажется, называли...

Гальби отшатнулся и поблѣднѣлъ.

— Господа, сегодня ровно годъ, какъ сюда опустили трупъ несчастной Александры Васильевны... Вы помните—она застрѣлилась въ Albergo S. Marca. Это надѣлало большого шума, но вѣдь она никому не была дорога, кромѣ

графа... Потому вѣрно ее и позабыли такъ быстро. Я не имѣла права сдѣлать—тоже. Въ ея бумагахъ нашли письмо ко мнѣ... Оно написано за полчаса до ея смерти.

Гальби было отшатнулся и хотѣлъ уйти. Она это замѣтила.

— Графъ. У васъ не хватаетъ мужества остаться тутъ... Я васъ прошу именемъ покойной подождать.

— У меня нервы... Голова болитъ. Мнѣ здѣсь тяжело...

— Ей было тяжелѣе васъ.

Какъ ни настроили меня противъ графа, но и я жалѣлъ его въ эту минуту. Его лицо синими пятнами пошло. Онъ дрожалъ передъ чернымъ крестомъ, какъ передъ судьей. Я перевелъ глаза на Анну Герасимовну. О, тутъ онъ едва ли могъ ожидать пощады! Въ ея чертахъ было что-то, вовсе ей несвойственное: неумолимое, жестокое, злобное. Даже губы побѣлѣли и стянулись въ ниточку.

— Вѣра Ѳедоровна... Это и васъ касается.

XI.

— Я не долго васъ всѣхъ задержу... Я сейчасъ... Должна же я въ самомъ дѣлѣ исполнить послѣднюю волю покойной! Я дала ей слово прочесть это письмо здѣсь передъ всѣми. То-есть, не ей, а ея тѣни, ея душѣ. Я убѣждена, что она сама этого хочетъ. И если страдальческій призракъ здѣсь, онъ вѣрно ждетъ теперь... Впрочемъ я не то... Я не умѣю говорить... Мнѣ хочется выразить такъ много, такъ много. Главное, чтобы вы, графъ, почувствовали, если можете, и исправились бы, пока у васъ еще не совсѣмъ зачерствѣла душа. Простите за дурной переводъ. Я вѣдь недостаточно хорошо знаю итальянскій языкъ. Но все равно, вы поймете. Я обращаюсь и къ вамъ, Вѣра Ѳедоровна. Въ другой обстановкѣ и въ другихъ условіяхъ вы бы не повѣрили мнѣ и не послушались. Увлеченіе слѣпо, а потомъ за него приходится жестоко расплачиваться!.. Впрочемъ, вотъ письмо, я сейчасъ, сейчасъ.

Она вынула изъ кармана пожелтѣвшій листокъ бумаги.

Анна Герасимовна была немного близорука. Она поднесла его чуть не къ самымъ глазамъ и начала медленно передавать содержаніе его на чуждомъ ей языкѣ.

„Вамъ странно будетъ получить эти строки отъ меня...

Но мнѣ некогда разсуждать. Я только теперь, когда уже поздно, вспомнила все, что слышала отъ васъ, и если есть человѣкъ на свѣтѣ, чья ласка и печаль тронули бы меня теперь, такъ это вы. Черезъ полчаса меня не будетъ на свѣтѣ. А я еще такъ молода. Подумайте, мнѣ нѣтъ и восемнадцати лѣтъ. Мнѣ такъ не хочется, такъ страшно умереть. Этотъ мракъ, это молчаніе пугаютъ душу, но нельзя, нельзя. Я не могу, не смѣю, не должна жить. Опозоренная, жалкая—кому я нужна? Мать написала мнѣ, чтобы я не смѣла ей показываться на глаза. Отецъ—но мнѣ о немъ больно и подумать. Я лишняя, совсѣмъ лишняя. Мнѣ здѣсь нечего дѣлать и я ухожу. Вы всѣ знаете, что я до безумія увлеклась человѣкомъ, который, какъ теперь я поняла, не только не стоилъ такого чувства, но игралъ мною, обманывалъ меня, смѣялся надо мною. Я это о графѣ Гальби. Его спеціальность — иностранки. Онъ самъ написалъ мнѣ, что пользоваться ихъ глупостью—право каждаго благороднаго венеціанца. Глупостью онъ называлъ довѣрчивость. Вы не знали того, что онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Его мать была у меня, умоляя составить счастье ея сына. Я сообщила объ этомъ роднымъ, они согласились. Судьба дала мнѣ нѣсколько дней счастья и только. Тяжко приходится за нихъ расплачиваться! Что и кто могъ удержать меня. Мой женихъ притворялся такимъ влюбленнымъ, такимъ страстнымъ. А тутъ венеціанскія ночи, музыка, гондола, закрытая ото всего міра. Мудрено ли, что и я, зажмурясь, отдалась этому чувству! И не прошло недѣли, какъ онъ явился ко мнѣ, блѣдный, негодующій, чуть не сжимая кулакъ.

„— Вы... вы,—едва могъ проговорить онъ.—Не изъ тѣхъ Нашумовыхъ... которые...

„Я не поняла, въ чемъ дѣло. Изъ какихъ Нашумовыхъ?

„— Ну, не изъ тѣхъ, у которыхъ въ Москвѣ фабрики.

„— Нѣтъ, у меня ничего нѣтъ.

„— Значитъ, вы обманывали меня, завлекали, заставляли даромъ терять время.

„Мнѣ стыдно писать это, но я передаю его упреки слово въ слово. Не успѣлъ еще онъ достаточно объясниться, какъ явилась его мать. Эта просто ругала меня, какъ публичную женщину, опутавшую ея сына.

„— Развѣ вы не понимали, что молодому человѣку, носящему *такую* фамилію—дорого время. Онъ не долженъ бросать его такъ глупо. Его обязанность заранѣе устроить свою судьбу...

„Я не могу передать вамъ, всего что я услышала въ этотъ страшный, мучительный день!..“

Не стану пересказывать всего письма, написаннаго странно, если хотите, даже литературно. Несчастная дѣвушка резонировала въ немъ. Между прочимъ, она говорила: „Я гдѣ-то читала, что самоубійцы длинныхъ писемъ не оставляютъ— я, значитъ, исключеніе, а можетъ быть, мнѣ только не хочется умирать и я длю послѣдокъ оставшейся мнѣ жизни“. Въ заключеніе она говорила: „я не могу и не хочу прощать мерзавцу, погубившему меня“. Это „мерзавцу“ Анна Герасимовна не поколебалась перевести весьма точно по итальянски и подчеркнуть его даже интонаціей. „Въ ужасный часъ прощанія съ міромъ я беру съ васъ слово, что вы скажете ему при всѣхъ, кто онъ и что онъ. Пусть онъ переживетъ хоть часть тѣхъ мукъ, которыя привели меня къ этому концу Молитесь за меня иногда... Я знаю, что за такихъ, какъ я, грѣшно просить Бога... Но согрѣшите, можетъ быть, этотъ грѣхъ зачтется вамъ за другую добродѣтель...“

Когда письмо было прочитано, случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное.

Съ нами былъ Палотти, дядя графа. Одинъ изъ „тысячи“, *дѣлавшій* когда-то Италію. Онъ отдалъ все свое состояніе освобожденію родины и остался бѣднякомъ. Старикъ такъ былъ не похожъ на нынѣшнихъ ничтожныхъ потомковъ великихъ предковъ! У него и наружность поражала величіемъ души, отраженной благороднымъ лицомъ. Масса сѣдыхъ волосъ, горящіе юношескимъ огнемъ глаза и полная подкупающей нѣжности улыбка. Его любили всѣ, кто его зналъ. Простонародье звало его zio—дядя—и ломало передъ нимъ шапки при встрѣчѣ. Во время одного изъ бунтовъ, когда раздраженные савойскими поборами на вооруженіе, крестьяне Стра, Доло и Марано выгнали чиновниковъ и поднялись, какъ одинъ человѣкъ, довольно было одного слова zio, чтобы они успокоились. У него на тѣлѣ до сихъ поръ шрамы отъ австрійскихъ сабель, а въ памяти долгіе годы заключенія въ швабскихъ крѣпостяхъ. Его четыре раза приговаривали къ смерти. При знаменитомъ фельдмаршалѣ Радецкомъ даже подсылали наемныхъ убійцъ покончить съ опаснымъ патріотомъ. И вотъ этотъ-то благородный старецъ твердо подошелъ къ племяннику, взглянулъ ему въ глаза такъ бѣшено, что тотъ отшатнулся.

— Такъ вотъ для кого мы умирали, страдали и дрались!..

Вотъ во что выродилась Италія—единственная вѣра всей моей жизни!.. Вотъ кто идетъ на смѣну намъ въ свободномъ отечествѣ... Нѣтъ, вѣрно намъ было некогда быть мужьями своихъ женъ. Мы слишкомъ занимались несчастіемъ родины!.. А вы... Вы отъ лакеевъ и гондольеровъ...

И вдругъ всѣ вздрогнули отъ звука, съ страшною силою раздавшагося въ тишинѣ.

Старикъ размахнулся и далъ племяннику пощечину.

Потомъ снялъ шляпу, низко поклонился Аннѣ Герасимовнѣ.

— Прошу васъ сдѣлать мнѣ честь и позволить проводить васъ.

Онъ подалъ ей руку и, не накрываясь, довелъ дѣвушку до парохода...

— Если бы у насъ были такія жены, какъ вы—Италія гордилась бы своими дѣтьми.

Этими словами онъ простился съ нею. Разумѣется, gita di piacere не удалась и мы всѣ вернулись въ Венецію.

Этотъ эпизодъ былъ бы не конченъ безъ поясненія, что случилось потомъ съ дѣйствовавшими въ немъ лицами.

Вѣра Ѳедоровна уѣхала въ Москву. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего случившагося она, разумѣется, прогнала матушку графа Гальби, когда povera mamma явилась къ ней съ объясненіями, желая поправить дѣла сына. Потомъ я Вѣру Ѳедоровну встрѣчалъ дома—она каялась, что поторопилась.

— Мало вамъ здѣсь графовъ и князей...—утѣшалъ я ее.

— Ну нѣтъ, это все не то. Эти точно не настоящіе.

— Какъ такъ?

— У итальянскихъ — дворцы!.. У нихъ такіе дворцы, что Бедекеръ и то упоминаетъ ихъ у себя да еще съ двумя звѣздочками. Я бы корону могла носить. У нихъ это полагается. Потомъ замки... Въ сколькихъ романахъ про предковъ того же Гальби разсказываютъ. Какъ хотите, это понять надо. Со всего свѣта пріѣзжаютъ туда и смотрятъ. Куда же нашимъ! Какъ миткалю до бархата...

— Онъ бы обобралъ васъ.

— Ну, нѣтъ. Я бы ему денегъ въ руки ни за что. Такъ, на иголки отпускала бы чего не жаль. За усердіе. Заслужилъ—и получи на чай... А то бы такъ въ кулакъ сжала, что сквозь пальцы бы сокъ брызнулъ.

Пожалуй, не кстати отомстила за бѣдную Сашу Анна

Герасимовна. Чего добраго, графу Бальби съ такой женой была бы не жизнь, а каторга.

Какъ ни опустились современные венеціанцы, но графъ Гальби все-таки не выдержалъ скандала. Онъ поступилъ въ берсальеры, уѣхалъ въ Африку и участвовалъ въ... бѣгствѣ изъ подъ Ады-Гарима. По крайней мѣрѣ, еще надняхъ мнѣ разсказывали, что въ одномъ изъ здѣшнихъ кафе, чуть ли не у Флоріани, видѣли его по возвращеніи въ Венецію изъ славнаго похода. Кто-то поднялъ рѣчь о сравнительныхъ достоинствахъ разныхъ родовъ войска въ Италіи. Графъ Гальби горячо защищалъ берсальеровъ. Въ пылу спора, онъ даже, какъ самый побѣдоносный агрументъ, привелъ: „Что вы мнѣ толкуете. Изъ подъ Ады-Гарима первымъ кто прибѣжалъ въ Массову, назадъ. Ну кто?.. Все тѣ же берсальеры!..“

XII.

Вотъ что эта была за дѣвушка. Я иногда вспоминалъ о ней, но представить себѣ ее подъ отечественными разверзнувшимися хлябями никакъ не могъ. Я думалъ, что она затерялась среди сотенъ другихъ такихъ же, какъ и она,—лѣтомъ по курортамъ, зимою въ Петербургѣ и Ниццѣ. Пустое и глупое существованіе, въ которомъ погибло не мало нашихъ, въ лучшемъ случаѣ вышедшихъ замужъ и наплодившихъ дѣтей, въ худшемъ—высохшихъ въ ожиданіи своего предѣла. Безрадостные потемки, душные и затхлые, гдѣ хирѣютъ люди! Просвѣты въ родѣ спектакля съ Фигнеромъ или корсета отъ Массонъ и потомъ опять бездѣльныя, тусклыя будни. Тѣ, кто борется, мучится, терпитъ не знаетъ этой скуки... Разумѣется, Анна Герасимовна была изъ другого матеріала—да вѣдь у насъ какіе матеріалы не портятся! Въ этомъ особенность русской жизни. Въ молодости человѣкъ города беретъ, весь міръ готовъ обнять и претерпѣть за него. Мечтами онъ въ небесахъ. Все впереди кажется ярко, розово. Жизнь съ ея страданіями и муками полна неизъяснимаго обаянія... А получитъ Станислава въ петличку и безъ всякихъ переходовъ обращается въ великолѣпнаго помощника столоначальника. Или если это дѣвушка—выйдетъ замужъ и какъ улитка заберется въ раковину. Это уже такъ положено. Своего рода эволюція! Жизнь была бы несравненно прекраснѣе и люди неизмѣримо лучше, если бы они могли до самой смерти оставаться моло-

дыми!.. Когда я вышелъ въ другія комнаты (ихъ всего было три), отецъ Петръ меня встрѣтилъ, улыбаясь.

— А мы на вашъ счетъ здѣсь...

— Что такое?

— Да такъ... Придется вамъ застрять у насъ, пожалуй, до завтра. Мы этому рады.

— Почему застрять. Я лошадей къ девяти часамъ велѣлъ привести.

— Дорогу размыло версты на двѣ... Сами знаете—прокисла земля тутъ. Ничего на ней не держится. Пока обходъ сдѣлаютъ—ждите. Я ужъ и обѣдъ заказалъ для васъ скоромный. Пѣтуха казнилъ за дурное поведеніе. Да и Анна Герасимовна рада будетъ. Наговоритесь. За границей вы часто видѣлись.

— Если бы мнѣ сказали, что она здѣсь, я бы не повѣрилъ.

— Дѣйствительно трудно! Мы, впрочемъ, всѣ случайные въ этомъ Пустынномъ.

— Не понимаю, какъ вы выдерживаете.

— Знаете—взялся за гужъ... А потомъ, гдѣ же и трудиться, какъ не тутъ. Всѣ отсюда бѣжали, рѣшительно всѣ. Точно изъ проклятаго края. Послѣднимъ оставался здѣсь помѣщикъ одинъ—Столозовъ. Въ хорошую погоду его усадьба видна. Вонъ тамъ,—показалъ онъ въ окнѣ на какую-то склизкую марь, лежавшую на поляхъ,—да и онъ не выстоялъ. Хотѣлъ продать землю. Ну кому здѣсь покупать? Что она стоитъ? Бросилъ все и къ вамъ, въ Петербургъ... Въ околоточные надзиратели.

— Вотъ тебѣ и на!

— Пишетъ оттуда, хотя и тяжелая служба, а свѣтъ увидѣлъ наконецъ. Тутъ, повѣрите ли, онъ на каждый крюкъ съ аппетитомъ смотрѣлъ. Бывало, сидитъ за чаемъ... И вдругъ у него: хорошо бы!.. Спрашиваемъ, что хорошо?—а вотъ на этотъ гвоздь закинуть веревку да и повѣситься... Смѣшно читать даже газеты ваши.

— Почему „мои“.

— Да вѣдь и вы въ нѣкоторомъ родѣ повинны. То же плоть отъ плоти и кость отъ костей. Вчера это мы съ Анной Герасимовной статью одну отмѣтили. Теперь ихъ, впрочемъ, какъ дождевыхъ пузырей на болотѣ и всѣ по одной программѣ. Должно быть, господа чиновники по наряду пишутъ: и ростъ отечественнаго благосостоянія, и невиданное развитіе промышленности, и подъемъ народнаго богатства. Это имъ все изъ петербургскихъ канцелярій такъ кажется. А попробовали бы

они сюда вотъ, я бы имъ показалъ это богатство! Въ прошломъ мѣсяцѣ у насъ по избамъ народъ пухъ отъ голоду. Если бы не Анна Герасимовна—не знаю, что бы тутъ было.

— Ваша мѣстность—исключеніе.

— Да? Ну нѣтъ. Я и другія знаю. Тоже поѣздилъ. Шубу съ земли сняли, лѣса вырубили. Рѣки обмелѣли, поля зачахли... Разумѣется, вашимъ столоначальникамъ—все равно. Имъ каждое двадцатое число—урожай... А то и невдомекъ, что ради этого двадцатаго числа у насъ съ неплательщиковъ въ избахъ крыши дерутъ. Чтò вою бываетъ! Вы бы послушали этотъ концертъ. Жаль, своего Вагнера нѣтъ. Онъ бы такую отечественную оперу написалъ!.. А вотъ и Анна Герасимовна.

Она пришла съ улицы вся мокрая... Я всмотрѣлся въ нее: въ чемъ только душа держится.

— Сейчасъ... Сапоги перемѣню—въ грязи совсѣмъ... Соня, у тебя чай готовъ.

— Да.

— Я съ собой Стешу привела, напой ее ради Бога. Захолодѣла она вся. Да не найдется ли пріодѣть ее. Опять у нихъ отецъ все пропилъ... Не пропадать же дѣтямъ!—точно оправдываясь, пояснила она.

Василій Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ШЕКСПИРЪ и БѢЛИНСКІЙ.

(Посвящается біографу Бѣлинскаго А. Н. Пыпину).

Давно уже было замѣчено, что взгляды Бѣлинскаго на искусство и его сужденія о различныхъ писателяхъ находились въ прямой зависимости отъ его философскаго міросозерцанія, которое нерѣдко затемняло его въ высшей степени тонкое эстетическое чутье. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности, находясь подъ вліяніемъ лекцій и статей Надеждина и пропагандируемыхъ кружкомъ Станкевича идей Шеллинга, Бѣлинскій доказывалъ, что искусство есть воплощеніе въ краскахъ, звукахъ и словѣ, идеи всеобщей жизни природы, что въ основѣ каждаго художественнаго произведенія лежитъ идея, изъ которой, какъ изъ зерна, выростаетъ оно, что художественность состоитъ въ гармоніи этой идеи съ формой и т. д. На почвѣ этихъ взглядовъ выросло восхищеніе Шиллеромъ, какъ поэтомъ, наиболѣе ярко отразившемъ въ своихъ произведеніяхъ вѣчный духъ, міровую идею и нравственные идеалы, а результатомъ этого восхищенія явилось отрицательное отношеніе къ дѣйствительности, во имя идеаловъ, дошедшее у Бѣлинскаго, по его собственному выраженію, до дикой вражды съ общественнымъ порядкомъ во имя абстрактнаго идеала общества. Нѣсколько позднѣе, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда Бѣлинскій подпалъ подъ могущественное вляніе гегелевской философіи, провозгласившей разумность всего существующаго, онъ сдѣлался страстнымъ сторонникомъ теоріи объективнаго творчества и не менѣе страстнымъ противникомъ всякой тенденціозности въ искусствѣ. Къ этому времени относятся его рѣзкія выходки противъ Шиллера, въ которыхъ впослѣдствіи онъ такъ горько раскаивался. Въ письмѣ къ Станкевичу Бѣлинскій съ свойственной ему искренностью разсказываетъ, какъ его увлеченіе философіей Гегеля и вытекающей изъ нея теоріей чистаго искусства

повлекло за собой его отпаденіе отъ Шиллера *). Посредникомъ между гегеліанствомъ и Бѣлинскимъ былъ завзятый гегеліанецъ Бакунинъ, которому удалось убѣдить Бѣлинскаго, что истина только въ объективности, которая есть результатъ примиренія съ дѣйствительностью, и что въ поэзіи субъективизмъ есть отрицаніе поэзіи, что безконечное въ искусствѣ открывается черезъ форму, а не черезъ содержаніе, потому что само содержаніе высказывается черезъ форму, а гдѣ наоборотъ—тамъ нѣтъ искусства. «Я опьянѣлъ отъ этихъ идей,—говорилъ Бѣлинскій,—и неистовыя проклятія посылались на благороднаго адвоката человѣчества — Шиллера» **). Впрочемъ, увлеченіе гегелевской философіей продолжалось не долго, во всякомъ случаѣ, не болѣе трехъ лѣтъ. Отрезвленію Бѣлинскаго способствовалъ разрывъ его съ Бакунинымъ и сближеніе съ кружкомъ Герцена, ставившимъ для литературной дѣятельности живыя общественныя задачи. Но болѣе всего способствовала радикальному измѣненію взглядовъ Бѣлинскаго на дѣйствительность совершившееся, осенью 1839 г., переселеніе Бѣлинскаго въ Петербургъ. Представшая передъ нимъ дѣйствительность была такъ мало похожа на оправдываемую разумомъ философскую дѣйствительность Гегеля, что лицезрѣніе ея способно было внести въ душу самое горькое разочарованіе. «Меня убило,—писалъ Бѣлинскій Боткину въ 1840 г.,—зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роль подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи» ***). Подъ воздѣйствіемъ этой неприглядной дѣйствительности быстро разсѣялся туманъ нѣмецкаго идеализма, исчезло преклоненіе передъ фактомъ и сильно пошатнулась усвоенная Бѣлинскимъ теорія объективнаго творчества. Его снова начинаютъ привлекать къ себѣ тѣ писатели, къ которымъ онъ такъ недавно относился чуть не съ ненавистью, и прежде всего Шиллеръ. «Да здравствуетъ великій Шиллеръ! — восклицаетъ въ одномъ письмѣ Бѣлинскій,—да здравствуетъ благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Боже мой! Страшно подумать, что со мной было—горячка или помѣшательство, я словно выздоравливающій». Разорвавъ путы философ-

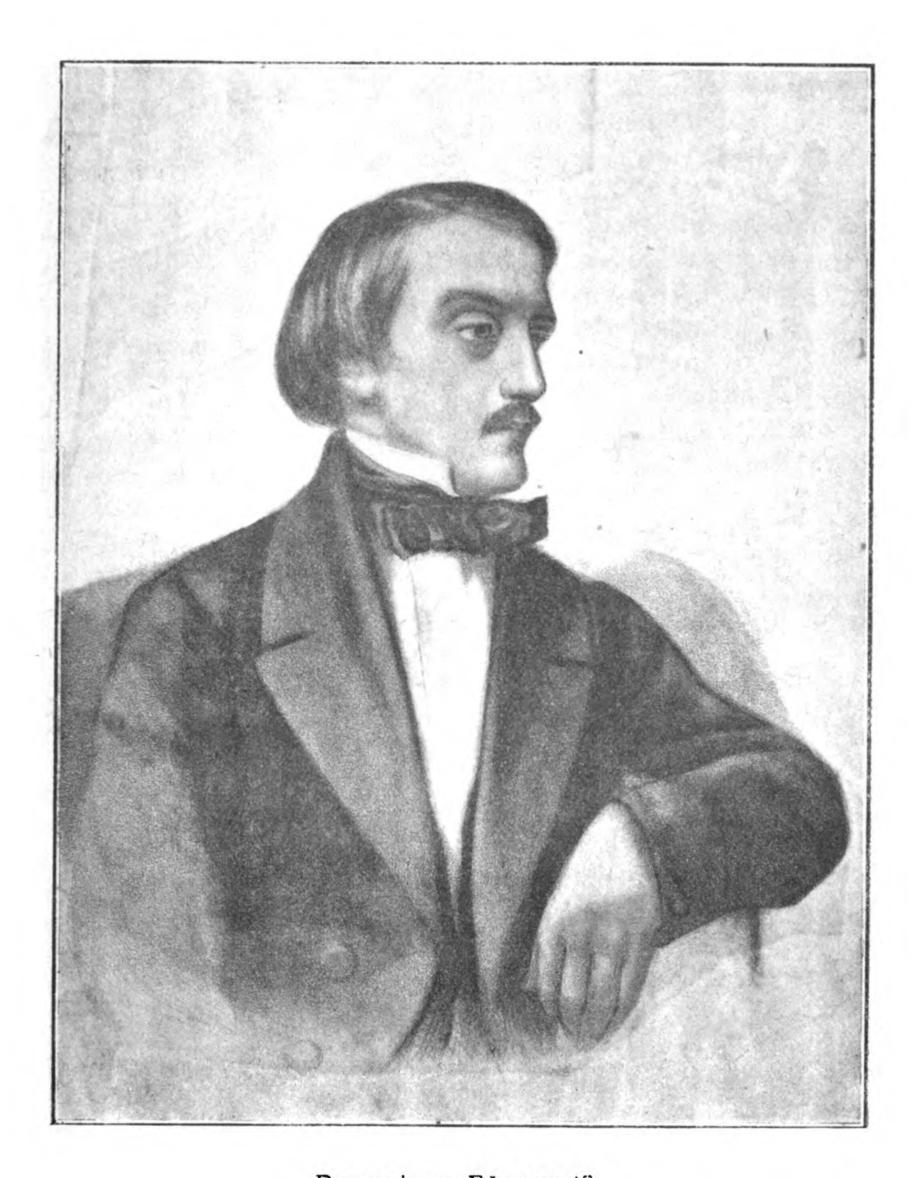
*) *Пыпинъ*, «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». Т. I, стр. 108—9 и 296—298. Да и могло ли быть иначе, если по собственному выраженію Бѣлинскаго—слово дѣйствительность сдѣлалось для него равнозначительно слову Богъ.

**) Ibid., стр. 298.

***) См. характеристику описываемаго Бѣлинскимъ времени въ *Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ* Тургенева.

скаго идеализма, Бѣлинскій убѣждаетъ Боткина бросить на время все нѣмецкое, читать Купера, Вальтеръ-Скотта и Шекспира и войти въ интересы міра положительнаго и практическаго. Въ виду того, что дѣйствительность оказалась въ одинаковой степени несостоятельной и передъ разумомъ, и передъ сердцемъ, борьба съ ней становится для Бѣлинскаго нравственнымъ долгомъ. «Съ пошлой дѣйствительностью, — говоритъ онъ, — я все болѣе и болѣе расхожусь и въ душѣ чувствую больше жару и энергіи, больше готовности умереть и пострадать за свои убѣжденія». (Письмо къ Боткину въ концѣ 1840 г.). Сообразно измѣнившимся взглядамъ на задачи жизни, измѣнился взглядъ Бѣлинскаго и на задачи искусства. Съ этихъ поръ онъ горячо стоитъ за личную субъективную критику искусства и за присутствіе въ художественномъ произведеніи живой общественной мысли. Онъ восхищается Ж. Сандомъ, Мицкевичемъ, Гюго и сознаетъ свое кровное духовное родство съ Шиллеромъ. Происшедшій съ нимъ душевный переломъ и вліяніе его на измѣненіе критическихъ взглядовъ самъ Бѣлинскій характеризуетъ въ письмѣ къ Боткину: «Ты знаешь мою натуру, она вѣчно въ крайностяхъ: я съ трудомъ и болью разстаюсь съ старой идеей, а въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита. Итакъ, я теперь въ новой крайности. Соціальная идея стала для меня идеей идей». Этой идеѣ, озарившей его жизнь новымъ свѣтомъ, Бѣлинскій остается вѣренъ до самаго конца своего такъ рано прерваннаго поприща. Прежде онъ обращалъ главное вниманіе на художественную красоту, на гармонію идеи и формы; теперь — на содержаніе, на общій смыслъ разбираемаго произведенія; служеніе общественнымъ интересамъ въ писателѣ онъ цѣнитъ теперь выше служеній красотѣ и чистому искусству и, отзываясь на потребности общества, самъ мало-по-малу превращается изъ художественнаго критика въ критика-публициста. Это измѣненіе міросозерцанія не замедлило отразиться на оцѣнкѣ различныхъ писателей. Но не смотря на то, что Бѣлинскому приходилось не разъ мѣнять свои кумиры, сжигать то, чему онъ поклонялся, и наоборотъ—къ одному писателю отношенія его остались неизмѣнными; къ нему одному онъ не прилагалъ общаго масштаба. Писатель этотъ былъ Шекспиръ.

Съ произведеніями Шекспира Бѣлинскій познакомился еще въ бытность свою въ пензенской гимназіи. Учитель естественной исторіи въ этой гимназіи Поповъ былъ страстный любитель литературы; подъ вліяніемъ вопросовъ Бѣлинскаго онъ нерѣдко дѣлалъ экскурсіи въ эту область и, между прочимъ, ему приходилось касаться и Шекспира. Классныя бесѣды съ Поповымъ заронили въ душу Бѣлин-



Виссаріонъ Бѣлинскій.

скаго первыя искры любви и благоговѣнія къ Шекспиру. Въ послѣднемъ классѣ гимназіи Бѣлинскій, ставшій завзятымъ любителемъ театра, любилъ участвовать въ домашнихъ спектакляхъ и однажды сыгралъ даже роль Яго. Перейдя въ московскій университетъ, Бѣлинскій подъ живымъ впечатлѣніемъ «Разбойниковъ» Шиллера и «Отелло», часто шедшихъ на московской сценѣ, самъ сдѣлалъ довольно неудачную попытку въ драматическомъ родѣ и написалъ трагедію. Въ московскомъ университетѣ Бѣлинскій подпалъ подъ вліяніе Надеждина, высоко цѣнившаго Шекспира и утверждавшаго, что Шекспиръ не былъ геніемъ неучемъ, что онъ зналъ природу и сердце человѣческое не по одному только инстинкту *). Въ 1834 г. Бѣлинскій выступаетъ на литературное поприще и въ своей первой статьѣ *Литературныя Мечтанія* высказываетъ свой общій взглядъ на Шекспира, замѣчательный столько же по своему восторженному тону, сколько и по вѣрности сужденій. Сравнивая между собой Байрона, Шиллера и Шекспира, Бѣлинскій замѣчаетъ, что «Байронъ, выразившій въ своихъ произведеніяхъ муки сердца, адъ души, постигнулъ только одну сторону бытія вселенной; Шиллеръ поступилъ совершенно обратно: онъ передалъ намъ тайны неба, показалъ одно прекрасное жизни, ибо зло жизни у него или невѣрно, или искажено преувеличеніями, и только Шекспиръ, божественный, великій, недостижимый, постигъ и адъ, и землю, и небо. Царь природы, онъ взялъ равную долю и съ добра, и съ зла, и подсмотрѣлъ въ своемъ вдохновенномъ ясновидѣніи біеніе пульса вселенной! Каждая его драма есть міръ въ миніатюрѣ; у него нѣтъ, какъ у Шиллера, любимыхъ идей, любимыхъ героевъ». На этой художественной объективности построена, по мнѣнію Бѣлинскаго, другая великая черта шекспировскаго творчества — его реализмъ. Разъясненію этой черты посвящено одно замѣчательное мѣсто въ статьѣ Бѣлинскаго о повѣстяхъ Гоголя, помѣщенной въ 1835 г. въ «Телескопѣ», и нужно удивляться проницательности, съ которой юный критикъ съумѣлъ связать реализмъ Шекспира съ великимъ реалистическимъ движеніемъ эпохи Возрожденія, на почвѣ котораго возникли и романъ Рабле, и Донъ-Кихотъ, и фламандская реально-бытовая живопись. По словамъ Бѣлинскаго, «въ XVI в. совершилась окончательная реформа въ искусствѣ: Сервантесъ убилъ своимъ несравненнымъ Донъ-Кихотомъ ложно-идеальное направленіе поэзіи, а Шекспиръ навсегда помирилъ и сочеталъ ее съ дѣйствительной жизнью. Своимъ безграничнымъ и міробъемлю-

*) «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы». Изданіе второе, стр. 207.

щимъ взоромъ проникъ онъ въ недоступное святилище природы человѣческой и истины жизни, подсмотрѣлъ и уловилъ таинственныя біенія ихъ сокровеннаго пульса. Безсознательный поэтъ-мыслитель, онъ воспроизводилъ въ своихъ гигантскихъ созданіяхъ нравственную природу сообразно съ ея вѣчными, незыблемыми законами, сообразно съ ея первоначальнымъ планомъ, какъ будто бы онъ самъ участвовалъ въ составленіи этихъ законовъ, въ начертаніи этого плана. Новый Протей, онъ умѣлъ вдыхать душу живу въ мертвую дѣйствительность; глубокій аналитикъ, онъ умѣлъ въ самыхъ, повидимому, ничтожныхъ обстоятельствахъ жизни и дѣйствіяхъ воли человѣка находить ключъ къ разрѣшенію высочайшихъ психологическихъ явленій его нравственной природы. Онъ никогда не прибѣгаетъ ни къ какимъ пружинамъ или подставкамъ въ ходѣ своихъ драмъ; ихъ содержаніе развивается у него свободно, естественно, изъ самой своей сущности, по непреложнымъ законамъ необходимости. Истина, высочайшая истина—вотъ отличительный характеръ его созданій. У него нѣтъ идеаловъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова; его люди—настоящіе люди, какъ они есть, какъ должны быть» *). Вопроса объ объективности и реализмѣ Шекспира Бѣлинскій касается не разъ и прекрасно доказываетъ, что, благодаря этимъ качествамъ, Шекспиръ сдѣлался если не величайшимъ поэтомъ, то величайшимъ изъ драматурговъ. «Слишкомъ было бы смѣло и странно,—говоритъ онъ въ своей статьѣ о Гамлетѣ,—отдать Шекспиру рѣшительное преимущество предъ всѣми поэтами человѣчества, но какъ драматургъ, онъ и теперь остается безъ соперника. Обладая даромъ творчества въ высшей степени и одаренный мірообъемлющимъ умомъ, онъ въ то же время обладаетъ и той объективностью генія, которая его сдѣлала драматургомъ по преимуществу и которая состоитъ въ способности понимать предметы такъ, какъ они есть, отдѣльно отъ своей личности, переселяться въ нихъ и жить ихъ жизнью» **). Но, восхищаясь объективностью Шекспира, Бѣлинскій былъ далекъ отъ мысли считать ее альфой и омегой художественнаго творчества, а тѣмъ болѣе смѣшивать ее съ индиферентизмомъ и безстрастіемъ. «Объективность,—говоритъ онъ,—не можетъ быть единственнымъ достоинствомъ художественнаго произведенія: тутъ нужна еще и глубокая мысль» (Соч., т. 2-й, стр. 510). «Можетъ ли поэтъ,—спрашиваетъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ,—не отразиться въ своемъ произведеніи, какъ человѣкъ, какъ характеръ, какъ натура—словомъ, какъ

*) Сочин. Бѣлинскаго, т. I, стр. 183—184.
**) Сочин. Бѣлинскаго, т. II, стр. 481.

личность? Разумѣется, нѣтъ. Личность Шекспира просвѣчиваетъ сквозь его творенія, хотя и кажется, что онъ также равнодушенъ къ изображаемому имъ міру, какъ и судьба, спасающая или губящая его героевъ». Этой внутренней субъективной сторонѣ шекспировскаго творчества Бѣлинскій сталъ придавать больше и больше значенія по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался въ односторонности эстетической критики, разсматривавшей художественныя произведенія отвлеченно, не обращая вниманія ни на эпоху, ни на обстоятельства личной жизни поэта. Уже въ своей статьѣ о Гамлетѣ, писанной въ 1838 г., когда онъ былъ еще страстнымъ поклонникомъ шекспировской объективности, Бѣлинскій съумѣлъ подмѣтить грустный, иногда болѣзненный взглядъ на жизнь, доказывающій, что Шекспиръ купилъ дорогой цѣной истину своихъ изображеній (ibid., стр. 482). Приводя монологъ Гамлета послѣ встрѣчи съ Фортинбрасомъ, Бѣлинскій замѣчаетъ, что изъ этого монолога видна практическая философія Шекспира, видно, какіе вопросы и думы занимали этотъ геніальный умъ. Въ послѣднее время своей дѣятельности, когда нашъ критикъ вообще ставилъ содержаніе въ художественномъ произведеніи выше формы, онъ и на Шекспира сталъ смотрѣть гораздо шире и видѣлъ въ немъ не только художника, но психолога и мыслителя. «Обыкновенно,—говоритъ онъ,—ссылаются на Шекспира и особенно на Гёте, какъ на представителей свободнаго, чистаго искусства, но это одно изъ самыхъ неудачныхъ указаній. Что Шекспиръ—величайшій творческій геній, поэтъ по преимуществу, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но тѣ плохо понимаютъ его, кто изъ-за его поэзіи не видитъ богатаго содержанія, неистощимаго рудника уроковъ и фактовъ для психолога, философа, историка, государственнаго человѣка и т. д. Шекспиръ все передаетъ черезъ поэзію, но передаваемое имъ далеко отъ того, чтобъ принадлежать одной поэзіи». (Соч. т. II-й, стр. 361). Предвосхищая основное положеніе исторической критики, Бѣлинскій пытается объяснить личность Шекспира изъ духа его эпохи, но недостатокъ свѣдѣній не позволяетъ ему осуществить эту попытку и онъ ограничивается замѣчаніемъ, что Шекспиръ былъ поэтъ старой веселой Англіи, которая въ продолженіе немногихъ лѣтъ вдругъ сдѣлалась суровою, строгою, фанатическою, и что это торжество враговъ театра имѣло сильное вліяніе на его послѣднія произведенія, наложивъ на нихъ отпечатокъ мрачной грусти (ibid., стр. 355).

Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ Бѣлинскаго на Шекспира. Извлекая его изъ различныхъ статей знаменитаго критика, мы имѣли въ виду не только передать его сущность, но и выяснить

*

его эволюцію. Безспорно, что основныя свойства генія Шекспира— способность создавать живыя лица и переселяться во всякое положеніе, тонкость психологическаго анализа страстей, богатство внутренняго содержанія и умѣнье затрагивать струны, на которыя всегда готово отозваться человѣческое сердце—все это по достоинству и совершенно самостоятельно оцѣнено Бѣлинскимъ. Эта же критическая самостоятельность проявляется весьма ярко въ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ нѣмецкой эстетико-философской критикѣ, которая имѣла усердныхъ адептовъ среди друзей Бѣлинскаго (Катковъ, Боткинъ и др.) и которой вначалѣ онъ самъ увлекался *). Разъ убѣдившись въ ея односторонности, Бѣлинскій постарался поскорѣе стряхнуть съ себя ея иго, что не представляло большихъ трудностей, ибо около этого времени онъ успѣлъ уже окончательно разочароваться въ гегелевскихъ абсолютахъ. Жертвой этого отрезвленія сдѣлался прежде всего знаменитый критическій авторитетъ того времени Ретшеръ, статья котораго *О философской критикѣ художественнаго произведенія* была переведена Катковымъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» за 1837 г. Бѣлинскій самъ восхищался этой статьей, находилъ въ ней энергію могучей мысли и прелесть выраженія (Т. 2, стр. 319). Теперь онъ думаетъ иначе. «Тебя больше всего,—пишетъ онъ Боткину,—сбиваетъ съ толку Ретшеръ. Ну, чортъ возьми, выскажу же, наконецъ, что давно кипитъ въ душѣ моей. Въ этомъ человѣкѣ много *духа* — не спорю; но въ немъ тоже много и филистерства». Къ Ретшеру Бѣлинскій возвращается въ скоромъ времени по поводу статьи его о Генрихѣ VI Шекспира: «И не стыдно ли твоему любезному Ретшеру написать такую гадость о Шекспирѣ (если это точно шекспировская драма) и объективное изображеніе принять за субъективный взглядъ? Это значитъ изъ великаго Шекспира сдѣлать маленькаго Ретшера. Пигмеи всѣ эти гегелята!» Когда въ 1843 г. Боткинъ въ своей статьѣ о нѣмецкой литературѣ коснулся, между прочимъ, нѣкогда знаменитыхъ *Abhandlungen zur Philosophie der Kunst*, Бѣлинскій писалъ ему: «Это, братъ, пѣшка; его умъ пріобрѣтенъ изъ книгъ. Вагнеровская натуришка такъ и пробивается сквозь его натянутую ученость».

Отъ общихъ взглядовъ Бѣлинскаго на Шекспира переходимъ теперь къ его взглядамъ на отдѣльныя пьесы. Собственно говоря,

*) Достаточно припомнить, что въ статьѣ о Гамлетѣ Бѣлинскій доказывалъ, что герой драмъ Шекспира есть жизнь или, лучше сказать, вѣчный духъ, проявляющійся въ жизни людей и открывающійся въ немъ самому себѣ, что этому герою Шекспиръ обязанъ своей славой, ибо въ немъ заключается его абсолютность.

только объ одномъ Гамлетѣ Бѣлинскій написалъ нѣчто цѣльное— мы разумѣемъ статью *Гамлетъ и Мочаловъ въ роли Гамлета* (Сочиненія, т. 2); остальныхъ драмъ Шекспира онъ касается мимоходомъ, да и то далеко не всѣхъ. Точкой отправленія при разборѣ Гамлета является у Бѣлинскаго взглядъ на художественное произведеніе, какъ на цѣльный, самодовлѣющій, проникнутый одной идеей, организмъ. «Каждая драма Шекспира представляетъ собою цѣлый отдѣльный міръ, имѣющій свой центръ, свое солнце, около котораго обращаются планеты съ ихъ спутниками». Въ опредѣленіи идеи пьесы Бѣлинскій не былъ оригиналенъ; онъ держался извѣстнаго взгляда Гёте, но за то въ выясненіи характера Гамлета на всемъ протяженіи пьесы онъ проявилъ замѣчательное художественное чутье и высказалъ много глубокихъ психологическихъ замѣчаній, могущихъ служить драгоцѣннѣйшимъ указаніемъ для актера. По словамъ Бѣлинскаго, натура Гамлета чисто-внутренняя, созерцательная, субъективная, рожденная для чувства и мысли, а обстоятельства требуютъ отъ него не чувства и мысли, а дѣла, изъ идеальнаго міра вызываютъ его въ міръ практическій, въ міръ дѣйствія. Естественно, что изъ этого положенія возникаетъ внутри Гамлета страшная борьба, внутренняя коллизія, которая и составляетъ сущность всей драмы. Но считая Гамлета неспособнымъ къ энергическому дѣйствію, Бѣлинскій не выводитъ этой неспособности изъ природной слабости или дряблости натуры Гамлета; въ противоположность Гёте, онъ глубоко убѣжденъ, что Гамлетъ отъ природы натура сильная; «его желчная иронія, его мгновенныя вспышки, его страстныя выходки въ разговорѣ съ матерью, гордое презрѣніе и нескрываемая ненависть къ дядѣ — все это свидѣтельствуетъ объ энергіи и великости его души»; нерѣшительность же его есть результатъ душевнаго разлада и преобладанія созерцательности и рефлексіи, а съ такими свойствами нельзя идти далѣе порыва, тѣмъ болѣе, что роль палача вовсе не въ натурѣ Гамлета.

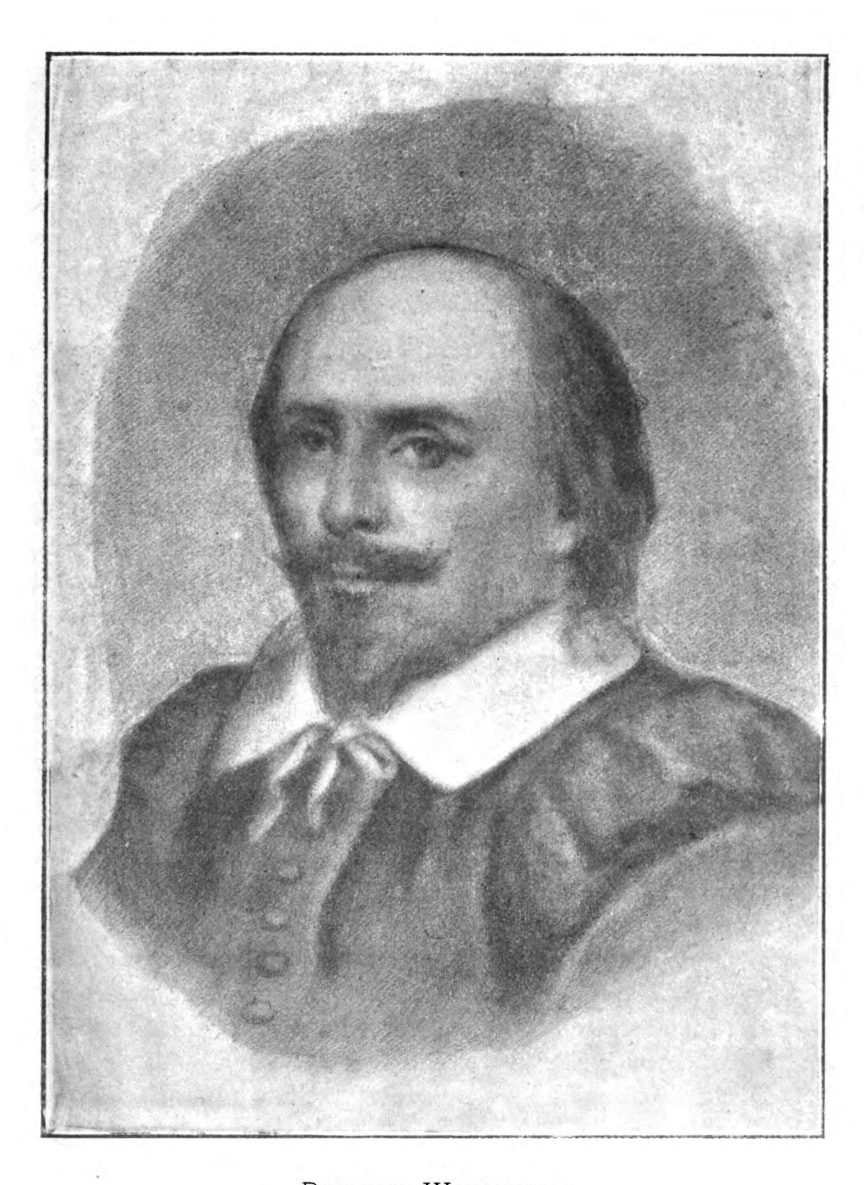
Около шестидесяти лѣтъ прошло со времени появленія статьи Бѣлинскаго въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Съ тѣхъ поръ шекспировская критика обогатилась не однимъ десяткомъ работъ, посвященныхъ всестороннему разъясненію характера Гамлета; мотивы его нерѣшительности стали все сложнѣе и сложнѣе. Вердеръ пытался доказать, что источникъ ея скорѣе объективный, чѣмъ субъективный, что обстоятельства дѣла и характеръ возложеннаго на Гамлета долга такого свойства, что запрещаютъ ему дѣйствовать опрометчиво; другіе (Лавелэ, Паульсенъ, Куно Фишеръ) объясняютъ нерѣшительность Гамлета изъ овладѣвшаго имъ

пессимистическаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго отчаяніе овладѣваетъ Гамлетомъ и у него пропадаетъ всякая охота дѣйствовать; наконецъ, третьи, къ которымъ принадлежитъ и нашъ новый толкователь Гамлета, г. Рѣшетниковъ, забывая тѣ прибавки, которыя внесены во второе in-4-to 1604 г., по всей вѣроятности, по требованію самого Шекспира, утверждаютъ, что никакой слабости воли у Гамлета не замѣчается, что нерѣшительность его происходила отъ неувѣренности въ винѣ короля, а разъ эта вина выяснилась на устроенномъ Гамлетомъ театральномъ представленіи, онъ навѣрное покончилъ бы съ Клавдіемъ, если бы послѣдній не догадался отправить его въ Англію. Словомъ, мы получимъ нѣсколько болѣе или менѣе остроумныхъ теорій, но вѣчная проблемма такъ и осталась неразрѣшенной, и усвоенный Бѣлинскимъ взглядъ Гёте все-таки и теперь кажется наиболѣе близкимъ къ истинѣ. Этотъ-то взглядъ Бѣлинскій кладетъ въ основу своего разбора Гамлета, причемъ критикъ тщательно слѣдитъ за душевнымъ состояніемъ, переживаемымъ Гамлетомъ, разоблачаетъ на каждомъ шагу слабость его воли, показываетъ, какъ онъ хитритъ съ самимъ собою и попутно дѣлаетъ мастерскія характеристики какъ самого Гамлета, такъ и другихъ дѣйствующихъ лицъ. Особенно удалась нашему критику характеристика Офелія, которую онъ превосходно разъяснилъ, сопоставивъ ее съ Дездемоной. Считаемъ не лишнимъ привести въ сокращеніи эту характеристику въ виду того, что въ послѣднее время личность Офелія подверглась сильнымъ нареканіямъ: «Представьте себѣ,—говоритъ Бѣлинскій,—существо кроткое, гармоническое, любящее, въ прекрасномъ образѣ женщины, существо, которое совершенно чуждо всякой сильной потрясающей страсти, но которое создано для чувства тихаго, спокойнаго, но глубокаго, которое неспособно вынести бурю бѣдствій, которое умретъ отъ любви отверженной, но умретъ не съ отчаяніемъ въ душѣ, а угаснетъ тихо съ улыбкой и благословеніемъ на устахъ, съ молитвой за того, кто погубилъ его, угаснетъ какъ угасаетъ заря на небѣ въ благоухающій майскій вечеръ: вотъ вамъ Офелія! Это не юная, прекрасная и обольстительная Дездемона, которая умѣла отдаться своей любви вполнѣ, навсегда, безъ раздѣла и въ старомъ и безобразномъ маврѣ умѣла полюбить великаго Отелло, не Дездемона, для которой любовь сдѣлалась чувствомъ, высшимъ поглотившимъ всѣ другія чувства и привязанности; не Дездемона, которая на слова своего престарѣлаго и нѣжно любимаго ею отца: «выбирай между имъ и мною!» при цѣломъ сенатѣ Венеціи сказала твердо, что она любитъ отца, но что мужъ для нея дороже, которая, наконецъ, умирая, сама себя

обвиняетъ въ своей смерти и проситъ оправдать ее передъ супругомъ. Нѣтъ, не такова Офелія: она любитъ Гамлета, но въ то же время любитъ отца и брата, и для ея счастья недостаточно жизни въ одномъ Гамлетѣ, ей еще нужна жизнь и въ отцѣ, и въ братѣ. Простодушная и чистая, она не подозрѣваетъ въ мірѣ зла; ей нѣтъ нужды до Полонія и Лаэрта, какъ до людей; она ихъ знаеть и любитъ одного—какъ отца, другого—какъ брата. Въ сарказмахъ Гамлета, обращенныхъ къ ней, она не подозрѣваетъ ни измѣны, ни охлажденія, а видитъ сумасшествіе, болѣзнь—и горюетъ молча. Но когда она увидала окровавленный трупъ своего отца и узнала, что его смерть есть дѣло человѣка, такъ нѣжно ею любимаго, она не могла снести тяжести этого двойного несчастія и ея страданіе разрѣшилось сумасшествіемъ».

Въ продолженіе своей четырнадцатилѣтней дѣятельности Бѣлинскому приходилось по различнымъ поводамъ касаться многихъ пьесъ Шекспира. Трактуя объ общихъ вопросахъ искусства, Бѣлинскій охотно иллюстрировалъ свою мысль примѣрами, заимствованными изъ произведеній своего любимаго писателя. Иногда высказанныя вскользь замѣчанія бросаютъ столько свѣта на художественный замыселъ Шекспира, что ихъ можно смѣло отнести къ перламъ шекспировской критики. Такъ, напримѣръ, говоря объ идеѣ художественнаго произведенія и о томъ, какъ она способна просвѣтить и облагородить собою самыя возмущающія душу явленія дѣйствительности, Бѣлинскій ссылается на драму «Генрихъ IV», «въ которой Шекспиръ вывелъ на сцену распутство въ лицѣ Фальстафа и цѣлой ватаги сопровождавшихъ его негодяевъ, вывелъ совсѣмъ не для того, чтобы усладить ими вкусъ черни, а для того, что ему нужно было представить, какъ въ великой натурѣ человѣка величіе проглядываетъ сквозь самый развратъ, какъ умѣетъ онъ отрѣшаться отъ грязи порока и выходить изъ нея чистымъ, когда придетъ часъ его, между тѣмъ какъ натуры слабыя и мелкія навсегда остаются въ этой грязи, если разъ попали въ нее. Тутъ есть идея и идея великая; тутъ заключается важный урокъ для сухихъ моралистовъ, которые судятъ по внѣшности о нравственности человѣка и часто негодяя, ведущаго себя благопристойно, принимаютъ за нравственнаго человѣка, а человѣка съ искрой божіею въ душѣ, но который, будучи увлекаемъ кипящей юностью и страстями, на время поскользнется въ грязи жизни, клеймятъ названіемъ безнравственнаго». Въ 1846 г. въ изданномъ Некрасовымъ *Петербургскомъ Сборникѣ* появился переводъ «Макбета», сдѣланный Кронебергомъ. По поводу этого перевода Бѣлинскій мимоходомъ передаетъ общее впечатлѣніе, производимое

трагедіей Шекспира, которую онъ сравниваетъ съ колоссальнымъ готическимъ соборомъ. «Что то сурово-величавое и грандіозно-трагическое лежитъ на этихъ лицахъ и ихъ судьбѣ; кажется, имѣешь дѣло не съ людьми, а съ титанами, и какая глубина мысли, сколько обнаженныхъ тайнъ человѣческой души, сколько рѣшенныхъ великихъ вопросовъ, какой страшный и поучительный урокъ!» Въ противоположность представителямъ нѣмецкой философской критики, видѣвшимъ въ вѣдьмахъ аллегорическое олицетвореніе честолюбивыхъ помысловъ Макбета, Бѣлинскій видѣлъ въ нихъ не болѣе, какъ простыхъ вѣдьмъ. По словамъ Бѣлинскаго, «Макбетъ одно изъ самыхъ колоссальныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ чудовищныхъ созданій Шекспира, гдѣ съ одной стороны, отразилась вся исполинская сила его творческаго генія, а съ другой—все варварство вѣка, въ которомъ ему довелось жить. Шекспиръ, можетъ быть, величайшій изъ всѣхъ геніевъ въ сферѣ поэзіи, былъ въ то же время сыномъ своего вѣка, того варварскаго вѣка, когда разумъ человѣческій едва началъ пробуждаться отъ своего тысячелѣтняго сна, когда въ Европѣ тысячами жгли колдуновъ и когда никто не сомнѣвался въ возможности прямыхъ сношеній человѣка съ нечистой силою. Шекспиръ не былъ чуждъ слѣпоты своего времени и, вводя вѣдьмъ въ свою великую трагедію, онъ нисколько не думалъ дѣлать изъ нихъ философическія олицетворенія и поэтическія аллегоріи. Это доказывается, между прочимъ, и важной ролью, какую играетъ въ «Гамлетѣ» тѣнь отца героя этой великой трагедіи» (Сочин. т. X. стр. 367—368). Въ своей статьѣ *Раздѣленіе поэзіи на роды и виды* (Сочин. т. XII, стр. 296—297) критикъ снова возвращается къ «Макбету» и даетъ такую характеристику героя трагедіи: «Торжествующій полководецъ, знаменитый полководецъ и родственникъ благороднаго старца короля, Макбетъ слышитъ въ себѣ ревущій голосъ глубоко-затаеннаго, но сильнаго и страстнаго честолюбія. Эта страсть, столь ужасная и гибельная въ душахъ мощныхъ, является ему въ страшномъ апоѳеозѣ трехъ вѣдьмъ. Ихъ загадочныя предсказанія, сейчасъ же сбывающіяся, не надолго смущаютъ его, ибо скоро онъ узнаетъ въ нихъ осуществившійся глубокій и мрачный замыселъ собственной души. Его честолюбіе является ему въ новой и еще болѣе чудовищной апоѳеозѣ—въ лицѣ его жены. Она заглушаетъ въ немъ послѣдній ропотъ совѣсти, примѣромъ собственной сатанинской рѣшимости на злодѣйство возбуждаетъ въ немъ ложный стыдъ и окончательно подвигаетъ его на проклятое дѣло. Здѣсь событіе почти не играетъ никакой роли: оно приготовляется волей самого Макбета, а роковое стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ только помогаетъ



Вильямъ Шекспиръ.

совершенію злодѣйства, но не порождаетъ его. Мы видимъ Макбета въ борьбѣ съ самимъ собою, въ трагической коллизіи: онъ могъ побѣдить въ себѣ грѣховное побужденіе и могъ послѣдовать ему. И это вина его воли, что онъ послѣдовалъ влеченію злого начала; его воля родила событіе, а не событіе дало направленіе его волѣ. Остальная часть этой драмы представляетъ уже слѣдствіе свободнаго выхода Макбета изъ роковой борьбы: уже не въ его волѣ измѣнить послѣдовавшія за цареубійствомъ событія; преступленіе отдало его во власть фуріямъ, которыя взяли его за руки и, какъ слѣпца, повели отъ злодѣйства къ новому злодѣйству. Отъ его воли зависѣло только пасть съ честью — и онъ палъ, сраженный, но не побѣжденный, какъ довлѣетъ виновному, но великому въ самой винѣ своей мужу». Къ лучшимъ страницамъ, написаннымъ Бѣлинскимъ о Шекспирѣ, принадлежитъ его характеристика фантастическаго элемента въ «Бурѣ». Считаемъ далеко не лишнимъ привести эту страницу, ибо въ ней совмѣщены всѣ лучшія качества художественной критики Бѣлинскаго. «Буря» и «Сонъ въ лѣтнюю ночь», говоритъ онъ, представляютъ собой совершенно другой міръ творчества Шекспира—міръ фантастическій. Словно, какія-то тѣни въ прозрачномъ сумракѣ, ночи, изъ-за розоваго занавѣса зари, на разноцвѣтныхъ облакахъ сотканныхъ изъ ароматовъ цвѣтовъ, носятся передъ вами лица «Бури», начиная отъ безобразнаго чудовища Калибана до свѣтлаго духа Аріэля, отъ суроваго волшебника Просперо до плѣнительной Миранды. Словомъ, «Буря» Шекспира — очаровательная опера, въ которой только нѣтъ музыки, но фантастическая форма которой производитъ на васъ самое музыкальное впечатлѣніе. Однако, фантастическое у Шекспира совсѣмъ не то, что фантастическое у Гофмана; при всей своей волшебной обаятельности, оно не улетучивается въ какую-то форму безъ содержанія или въ какое-то содержаніе безъ формы, а является въ рѣзко очерченныхъ, въ строго-опредѣленныхъ формахъ и образахъ. Къ особенностямъ «Бури» принадлежитъ этотъ полусумрачный, таинственный колоритъ, который происходитъ отъ элемента фантастическаго. Прочтете— и словно проснетесь отъ какого-то тревожнаго, но волшебно-сладкаго сна. И какъ дивно обаятельно, какъ безконечно прекрасно фантастическое у Шекспира! Послушайте пѣсню духа Аріэля: какая роскошная фантазія! Она раскрываетъ таинственное убѣжище замкнутыхъ въ явленія духовъ жизни, даетъ имъ причудливо обольстительные образы и населяетъ ими и небо и землю, и воды и лѣса... Вотъ истинный міръ фантастическаго!.. Но въ «Бурѣ» много и другихъ элементовъ: тутъ и высокая драма, и смѣшная комедія, и волшебная сказка. И все это такъ слито, такъ проникнуто одно

другимъ и составляетъ такое чудное цѣлое! Одна Миранда представляетъ собою цѣлый міръ поэтической красоты. Дѣвушка, съ младенчества не видавшая никого, кромѣ своего отца и чудовища Калибана, не имѣющая никакого представленія о мужчинѣ, встрѣчается съ прекраснымъ юношей—и только кисть Шекспира могла нарисовать такую дивно вѣрную картину развивающагося чувства любви въ дѣвственномъ сердцѣ юнаго, прекраснаго, младенчески-простодушнаго существа». Оставляя въ сторонѣ отзывы Бѣлинскаго о другихъ драмахъ Шекспира, заключающіе при всей своей краткости много глубокихъ и озаряющихъ идей, мы остановимся на его сужденіи о Ромео и Юліи, интересномъ по оригинальному пониманію русскимъ критикомъ идеи трагедіи. Нѣмецкая философская критика видитъ общій смыслъ трагедіи въ столкновеніи правъ и обязанностей какъ со стороны дѣтей, такъ и со стороны родителей. Чувство, охватившее Ромео и Юлію, такъ сильно, что они думаютъ только о своемъ правѣ принадлежать другъ другу и ничего не хотятъ знать, кромѣ требованій своего сердца, и только смерть освобождаетъ ихъ чувство отъ исключительности и односторонности, приведшей ихъ къ гибельному столкновенію съ дѣйствительностью. Отсюда мораль пьесы—не нужно слишкомъ отдаваться своему чувству, а любить умѣреннѣе, ибо чрезмѣрная любовь сама себя разрушаетъ *). Бѣлинскій взглянулъ на вопросъ иначе. Ему кажется, что дѣло не въ силѣ чувства и его исключительности, а въ его характерѣ, что такая идеальная, поэтическая любовь не имѣла будущности въ этомъ мірѣ и что Шекспиръ хорошо поступилъ, прервавъ ее, такъ сказать, на первомъ поцѣлуѣ. Вотъ слова Бѣлинскаго: «Паѳосъ шекспировой драмы составляетъ идея любви, и потому пламенными волнами, сверкающими яркимъ свѣтомъ звѣздъ, льются изъ устъ любовниковъ восторженныя патетическія рѣчи... Это паѳосъ любви, потому что въ лирическихъ монологахъ Ромео и Юліи видно не одно только любованіе другъ другомъ, но и торжественное, гордое, исполненное упоенія, признаніе любви, какъ божественнаго чувства» (Соч. т. 8, стр. 359) «Я теперь понимаю,—говорилъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину, основную мысль «Ромео и Юліи», т. е. необходимость трагической коллизіи и катастрофы. Ихъ любовь была не для земли, не для брака, а для неба, для любви, для полнаго и дивнаго мгновенія... Я понимаю возможность, что

*) Взгляды нѣмецкой критики на Ромео и Юлію подробно изложены въ нашей статьѣ *Шекспировская Критика въ Германіи* («Вѣстникъ Европы» 1869. Октябрь и Ноябрь).

они со временемъ опротивили бы другъ другу» (Пыпинъ, т, II, стр. 112).

Перечитывая тѣ немногія страницы, которыя посвящены Бѣлинскимъ Шекспиру, остается сожалѣть, что занятый спѣшной журнальной работой, составлявшей единственный источникъ его существованія, онъ не имѣлъ времени подвергнуть драмы своего любимаго писателя болѣе обстоятельному разбору. Что онъ страстно желалъ высказаться въ этомъ отношеніи, доказываютъ его постоянныя экскурсіи въ область шекспировской критики, которыя онъ совершалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Приходится ли ему говорить о Киршѣ Даниловѣ или объ «Уголино» Полеваго, онъ искусно сворачиваетъ разговоръ на Шекспира. Если справедливо, что поэта нужно переводить языкомъ поэтовъ, то еще болѣе справедливо, что для правильной оцѣнки поэта критикъ долженъ быть до нѣкоторой степени и самъ поэтомъ, т.-е. обладать, кромѣ эстетическаго, и поэтическимъ чувствомъ. Всѣ ошибки нѣмецкой шекспировской критики происходятъ отъ того, что ея представители, при всей своей учености и глубокомысліи, не обладаютъ въ достаточной степени поэтическимъ чувствомъ. Этимъ чувствомъ обладалъ въ высокой степени нашъ великій критикъ. Кромѣ того, едва-ли кто-либо изъ присяжныхъ критиковъ Шекспира былъ одаренъ въ такой степени роскошной фантазіей и чисто-художественной способностью переноситься во всякое созданное поэтомъ положеніе и переживать его въ душѣ, какъ свое собственное. Вотъ почему поэзія шекспировскихъ созданій оживаетъ въ его пламенныхъ строкахъ, отражающихъ его огненную и глубоко взволнованную душу *). Благодаря этимъ свойствамъ Бѣлинскаго, какъ критика,

---

*) Никто лучше Гончарова, лично знавшаго Бѣлинскаго, не охарактеризовалъ такъ мѣтко эту особенность критики Бѣлинскаго, которая составляла его главную силу. «Ни до Бѣлинскаго, ни послѣ него,—говорилъ онъ,—не было у нашихъ критиковъ въ такой степени чуткой особенности сознавать въ самомъ себѣ впечатлѣніе отъ того или другого произведенія, сближать и сличать его съ впечатлѣніемъ другихъ, обобщать ихъ и на этомъ основывать свой судъ. Ему помогало еще то, что недоставало другимъ критикамъ: это страстное сочувствіе къ художественнымъ произведеніямъ. Чѣмъ ярче и сильнѣе талантъ, тѣмъ страстнѣе было и впечатлѣніе. Оно будило его нервную систему, затрогивало фантазію и порождало тѣ горячія критическія изліянія, которыя бросали столько свѣту и огня на все, что производила литература замѣчательнаго». *(Замѣтки о личности Бѣлинскаго).* Какъ образчикъ этихъ изліяній, приведемъ слова Бѣлинскаго объ Офеліи (въ письмѣ къ Боткину), которую онъ оплакивалъ, какъ близкое и дорогое существо: «О Офелія, о блѣдная красота Сѣвера, голубка, погибшая въ вихрѣ грозы! Мочи нѣтъ, слезы рвутся изъ глазъ. Стыдно—у меня теперь сидитъ чиновникъ, мой родственникъ, человѣкъ преданія и субстанціонныхъ стихій общества» (Пыпинъ, т. II, стр. 110).

его характеристики почти столь же поэтичны, какъ и самыя драмы. Подобно великому актеру, онъ, употребляя выраженіе Гёте, обладалъ способностью перенести читателя въ тотъ огонь, которымъ была согрѣта душа поэта въ минуту творчества. Дивную поэзію весенней любви Ромео и Юліи, кроткую и безропотную прелесть Офеліи, колебанія Гамлета, душевное просвѣтленіе Ричарда II и жгучія муки Отелло—все это онъ выносилъ и пережилъ въ душѣ своей и выразилъ словами, которыя навсегда остаются въ памяти. Чтобы достигнуть этой цѣли мало ума, мало учености, мало даже критическаго таланта — нужно имѣть чуткую поэтическую душу, одаренную, сверхъ того, ясновидѣніемъ прекраснаго.

Н. Стороженко.

КЪ ПОРТРЕТУ ШЕКСПИРА.

Въ первомъ англійскомъ изданіи сочиненій Шекспира 1623 года помѣщенъ его портретъ, гравированный на мѣди Дрейшоутомъ. Объ этомъ портретѣ-гравюрѣ вотъ что говоритъ (въ этомъ же изданіи) одинъ изъ ближайшихъ друзей Шекспира, Бенъ Джонсонъ:

«Приложенное здѣсь, какъ ты видишь (читатель), изображеніе передаетъ черты благороднаго Шекспира; рѣзецъ художника пытался здѣсь достичь такого сходства, которое хочетъ превзойти самую природу. О, если бы съ такимъ же умѣньемъ, съ какимъ онъ передалъ черты лица, онъ могъ изобразить и самый духъ поэта, онъ создалъ бы тогда такую картину, какую никто еще не осмѣливался вырѣзать на металлѣ», и т. д.

Этотъ замѣчательный портретъ совсѣмъ не извѣстенъ публикѣ, такъ какъ съ него нѣтъ копій.

Самый распространенный и почти единственный портретъ Шекспира, который знаетъ публика, это — такъ-называемый «чандосскій» въ различныхъ варіаціяхъ.

Есть еще портретъ Шекспира, который тоже считается подлиннымъ, это «соммерсетскій», но онъ мало извѣстенъ.

Возникаетъ интересный вопросъ: который же изъ этихъ трехъ портретовъ болѣе похожъ на дѣйствительнаго Шекспира? На этотъ вопросъ намъ могутъ отвѣтить, разумѣется, только современники Шекспира, и этотъ отвѣтъ мы находимъ у Бенъ Джонсона въ его вышеупомянутомъ отзывѣ,—о гравюрѣ Дрейшоута.

Друзья Шекспира, въ томъ числѣ и Бенъ Джонсонъ, конечно, знали и тѣ два портрета (если только они существовали тогда), чандосскій, который, по преданію, принадлежалъ въ то время актеру Тайлору, и соммерсетскій, и если они остановились на портретѣ, съ котораго сдѣлана гравюра при изданіи,—значитъ онъ самый похожій.

Но, помимо такого важнаго историческаго свидѣтельства, въ пользу названной гравюры долженъ высказаться и нашъ художественно-психологическій анализъ.

Если мы сравнимъ *три* названныхъ портрета, то увидимъ между ними значительную разницу, точно они рисованы съ разныхъ лицъ, хотя и имѣютъ родственное сходство. Теперь разсмотримъ каждый изъ нихъ отдѣльно; начнемъ съ чандосскаго: что онъ представляетъ собою? Незначительное, довольно банальное лицо, лишенное индивидуальнаго характера, но съ нѣкоторой претензіей на «поэтичность».

2-й соммерсетскій хотя и не имѣетъ этой претензіи, но за то и ничего не имѣетъ; онъ лишенъ всякаго характера.

Оба эти портрета исполнены въ техническомъ отношеніи довольно прилично, и хотя сильно попорчены дурной реставраціей, все же говорятъ за извѣстную опытность въ живописи своихъ авторовъ.

Совсѣмъ иное находимъ мы въ 3-мъ портретѣ-гравюрѣ, о которой говоритъ Бенъ Джонсонъ. При первомъ взглядѣ на него, непріятно поражаетъ крайнее безобразіе исполненія, и въ то же время невольно останавливаетъ содержаніе лица. Вы видите значительное, характерное лицо, полное индивидуальности. Но гдѣ же проявляется это безобразіе и въ чемъ выражена значительность и индивидуальность лица?

Безобразіе проявляется въ искаженіи контура головы и въ уродливыхъ, грубыхъ тѣняхъ. Характерная индивидуальность выражается въ глазахъ, губахъ и носѣ.

Очевидно, рисунокъ, съ котораго была сдѣлана гравюра, былъ нарисованъ дилеттантомъ-самоучкой, однако, болѣе способнымъ подмѣтить характерныя черты лица, чѣмъ авторы чандосскаго и соммерсотскаго портретовъ, не смотря на ихъ умѣлую технику, но всѣ подобные «артисты» отличаются одной, общей всѣмъ имъ особенностью: они довольно вѣрно передаютъ въ человѣческомъ лицѣ отдѣльныя части, глаза, носъ, губы, но ихъ «ахиллесова пята» — это контуръ и тѣни черепа и лица, а также передача волосъ; здѣсь они являются наивными, какъ дѣти.

Всѣ эти отличительныя качества дилеттантской работы особенно четко выражены въ портретѣ Шекспира на гравюрѣ. Глаза, губы, носъ нарисованы характерно и внушаютъ довѣріе относительно сходства съ тѣмъ лицомъ, съ котораго рисованы, но взгляните на контуръ черепа и лица,—вмѣсто черепа, вы видите какой-то пузырь, округленный тѣнями, какъ геометрическій шаръ. Въ очертаніи лица нижней челюсти къ сторонѣ уха совсѣмъ нѣтъ въ вискахъ уродливая вдавленность, округленность щекъ тѣнями опять геометрическая, и въ общемъ получилось скорѣе подобіе

огурца, чѣмъ человѣческой головы. Точками намѣчены усы и эспаньолка; тонкія полоски у самыхъ вѣкъ означаютъ брови; по бокамъ черепа, вмѣсто волосъ, спущена какая-то проволока. Прибавьте ко всему этому уродливый театральный костюмъ на деревянныхъ плечахъ, и все это награвировано грубыми, рѣзкими чертами.

Вѣроятно, эти послѣднія отрицательныя качества, вмѣстѣ взятыя, сдѣлали портретъ невозможнымъ къ его распространенію. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить себѣ его непопулярность.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ, сравнительно позднѣйшихъ, англійскихъ изданіяхъ Шекспира былъ помѣщенъ его портретъ съ этой гравюры, съ точнымъ сохраненіемъ всѣхъ неправильностей рисунка, только изящно награвированный, но дѣло отъ этого нисколько не выиграло, а скорѣе пострадало, уродливыя неправильности контура и тѣней выступили еще рельефнѣе.

У меня явилась мысль,—сознаюсь, довольно смѣлая,—попытаться нарисовать новый портретъ Шекспира, пользуясь гравюрой Дрейшоута, какъ матеріаломъ.

Рисуя портретъ, я тщательно старался, насколько возможно не въ ущербъ истинѣ, сохранить тѣ формы и характеръ, какіе въ гравюрѣ имѣютъ глаза, носъ и губы. Наружный контуръ головы я исправлялъ, имѣя передъ собою фотографію съ маски Шекспира, отчасти его стратфордскій бюстъ и также портреты: чандосскій и соммерсетскій (которые должны же имѣть въ себѣ хотя что-нибудь похожее на Шекспира, если они признаны современными ему).

Въ главныхъ чертахъ я мало отступилъ отъ Дрейшоутской гравюды, только расширилъ нижнюю челюсть и уничтожилъ вдавленность въ вискахъ, вотъ и все. Усы и эспаньолка какъ на маскѣ и стратфордскомъ бюстѣ, въ характерѣ Стюартовъ того времени.

Вмѣсто уродливаго театральнаго костюма, я нарисовалъ его въ обыкновенномъ, домашнемъ платьѣ, какъ на чандосскомъ портретѣ.

Портретъ нарисованъ чернымъ карандашомъ немного менѣе натуральной величины.

Подробное изложеніе, какое я сдѣлалъ, говоря о гравюрѣ Дрейшоута и нарисованномъ мною портретѣ, я считаю необходимымъ, такъ какъ при такой серьезней задачѣ каждая черта имѣетъ значеніе.

Насколько удалось мнѣ освѣтить черты портрета внутреннимъ содержаніемъ рисуемаго лица, т. е. придать жизнь портрету, и,

вообще, насколько я съумѣлъ справиться со своей задачей,—не мнѣ судить.

Я желалъ нарисовать просто *портретъ*, безъ всякой претензіи придавать ему какое-либо исключительное, «идейное» выраженіе; это задача не портрета, а картины. Я знаю, очень многіе не признаютъ подобнаго воспроизведенія портрета и предпочитаютъ самый плохой, даже каррикатурный набросокъ съ живого лица, хорошему портрету, сдѣланному по оставшимся матеріаламъ. Такое предпочтеніе совершенно разумно, если приходится выбирать между плохимъ наброскомъ съ живого лица и *сочиненнымъ* портретомъ, когда художникъ придаетъ ему выраженіе, а часто и форму, по своему личному усмотрѣнію; такой портретъ, какъ бы онъ ни былъ хорошо исполненъ въ художественномъ отношеніи, будетъ не портретъ, а *картина*.

Но есть другой методъ воспроизведенія портрета, который не имѣетъ ничего общаго съ названнымъ пріемомъ. Именно, художникъ, желая нарисовать человѣка, котораго онъ никогда не видалъ и послѣ котораго не осталось хорошаго портрета, начинаетъ тщательно собирать все, что только можетъ послужить матеріаломъ для его работы, употребляетъ всѣ имѣющіяся средства, чтобы представить себѣ живой, одухотворенный образъ человѣка съ его индивидуальными особенностями, и тогда только приступаетъ къ своей работѣ.

Портретъ, сдѣланный такимъ образомъ, можетъ быть даже болѣе *портретомъ*, чѣмъ иной, списанный прямо съ *натуры*, потому что художникъ можетъ выразить здѣсь самый существенный характеръ изображаемаго лица, что не всегда удается при рисованіи съ натуры, такъ какъ очень многое зависитъ отъ случайнаго настроенія позирующаго, и художнику часто приходится передать только это случайное выраженіе.

П. Астафьевъ.

ИНСУЛИНДА.

(Изъ жизни дальняго юго-востока).

Маленькая Голландія, бывшая нѣкогда очень сильной морской державой, въ XVI—XVII столѣтіяхъ успѣла захватить подъ свои колоніи обширныя области въ Индіи, Индо-Китаѣ и на островахъ Малайскаго архипелага. Съ тѣхъ поръ значительная часть этихъ земель голландцами утрачена: на азіатскомъ материкѣ у нихъ не осталось ни клочка,—все отняли англичане; но на островахъ Малайскаго архипелага,—на Явѣ, Мадурѣ, Борнео, Суматрѣ и др.,— голландцы усѣлись прочно и едва ли кто-нибудь выбьетъ ихъ изъ этой крѣпкой позиціи.

Колоніи архипелага, обыкновенно называемыя у голландцевъ общимъ именемъ «Инсулинды» (отъ insula—островъ), составляютъ, можно сказать, фундаментъ политическаго значенія Голландіи, ея обширной торговли и дѣятельной промышленности. Отнимите «Инсулинду»—и отъ Голландіи останется только клочекъ земли, съ неимовѣрнымъ трудомъ отвоеванный у непривѣтливаго Нѣмецкаго моря, да земли южно-африканскихъ буровъ, почти совершенно утратившія всякую связь съ метрополіей. Понятна, поэтому, та заботливость, съ какою относятся европейскіе голландцы къ своимъ владѣніямъ на дальнемъ азіатскомъ юго-востокѣ, стараясь все болѣе и болѣе расширять эти владѣнія и укрѣплять свой престижъ среди тузмецевъ.

Но «Инсулинда» представляетъ интересъ не столько съ голландской, сколько съ общеевропейской точки зрѣнія. Этотъ огромный по пространству и очень слабо населенный европейцами архипелагъ, раскинутый среди богатой тропической природы, все больше и больше становится цѣлью европейской эмиграціи и уже начинаетъ отвлекать искателей «новой жизни» отъ Америки, давно переставшей казаться обѣтованною страною. Слишкомъ бурная политическая жизнь, слишкомъ обострявшаяся борьба за суще-

ствованіе, требующая напраженія всѣхъ силъ, лишаютъ Америку прежней привлекательности для европейскаго эмигранта: здѣсь ему сразу приходится сталкиваться съ конкурренціей своихъ же земляковъ-европейцевъ, между тѣмъ какъ въ дальней Азіи онъ становится въ привиллегированное положеніе и сознаетъ себя господиномъ надъ окружащею его пестрою малайско-китайскою толпою. При томъ быстромъ развитіи, какимъ отличается современная колоніальная политика европейскихъ государствъ, едва ли можно сомнѣваться, что этому далекому углу Стараго Свѣта предназначена въ будущемъ выдающаяся роль.

Но и въ настоящее время острова Малайскаго архипелага представляютъ своеобразный интересъ. Чрезвычайно пестрый племенной составъ туземнаго и пришлаго населенія, оригинальныя условія жизни и особенности голландской колонизаціонной системы дѣлаютъ «Инсулинду» любопытнымъ предметомъ для наблюденія, тѣмъ болѣе, что вѣсти изъ этой дальней стороны доходятъ къ намъ не часто. Вотъ почему намъ казалось нелишнимъ познакомить читателей, на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній мѣстнаго происхожденія, съ нѣкоторыми сторонами жизни этой азіатской окраины.

Въ общественномъ и политическомъ быту, въ торговлѣ и промышленности «Нидерландской Индіи» (оффиціальное названіе голландскихъ колоній Малайскаго архипелага) самую выдающуюся роль, кромѣ, конечно, европейцевъ, играютъ пришлыя племена: китайцы и арабы; за ними слѣдуютъ постоянно возрастающіе въ своей численности креолы и half-casts (полукровные), происходящіе отъ браковъ европейцевъ съ туземцами, и, наконецъ, сами туземцы, которые, не смотря на свое подавляющее количество, составляютъ въ политическомъ строѣ колоній незначительную величину.

Китайцы, поселившіеся на Явѣ и прочихъ островахъ Малайскаго архипелага, благодаря своимъ отличительнымъ племеннымъ особенностямъ, солидарности, сплоченности, нерѣдко въ значительныхъ массахъ, а также вслѣдствіе конкурренціи, какую они дѣлаютъ даже европейской мѣстной индустріи и предпріимчивости, составляютъ во владѣніяхъ голландской «Инсулинды» элементъ особенно видный и выдающійся по своему положенію и значенію. Колоніальному управленію, европейскимъ колонистамъ и туземному населенію съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приходится считаться не столько съ цифровою массою китайцевъ, населяющихъ колоніи, сколько съ духомъ предпріимчивости каждаго отдѣльнаго индивида, принадлежащаго къ этому, всюду прони-

кающему племени. Довольствуясь немногимъ, и совершая за минимумъ платы максимумъ работы, китайцы понемногу захватываютъ въ свои цѣпкія руки всѣ отрасли колоніальной торговли, промышленности, культуры, и начинаютъ даже выдѣлять изъ своей среды цѣлое сословіе фермеровъ и землевладѣльцевъ. Эти помѣщики желтой расы обогащаются на счетъ производительныхъ силъ туземнаго населенія, которое они нещадно, и притомъ нераціонально и хищнически эксплуатируютъ исключительно въ свою пользу, вовсе не заботясь о томъ, приноситъ или нѣтъ выгоду краю, въ которомъ они поселились, такое хозяйничанье на фермахъ и плантаціяхъ.

Китайцевъ можно встрѣтить всюду на Явѣ, Суматрѣ, Борнео и другихъ островахъ архипелага. Нѣтъ такого селенія, даже глубоко внутри страны, гдѣ они не вели бы мелочной торговли или не содержали бы ссудныхъ кассъ, игорныхъ домовъ или домовъ для куренія опіума (учрежденія этого рода отданы колоніальнымъ правительствомъ на откупъ исключительно китайцамъ). Среди китайцевъ есть очень богатые собственники, капиталы которыхъ считаются милліонами гульденовъ; въ большей части банкирскихъ конторъ, и даже въ правительственныхъ кассахъ различныхъ департаментовъ, кассиры, бухгалтеры и клерки большею частью китайцы.

Безъ преувеличенія можно сказать, что почти половина крупной торговли въ Инсулиндѣ находится въ рукахъ китайцевъ. По своему обыкновенію, они часто объявляютъ себя банкротами, и злостныя банкротства случаются сплошь и рядомъ, ибо контроль правительства совершенно недостаченъ надъ всѣми этими коммерсантами, которые по закону и въ теоріи принуждены вести свои коммерческія книги по европейскому образцу и на голландскомъ языкѣ, на самомъ же дѣлѣ ведутъ на китайскій манеръ и китайскими письменами, доступными лишь немногимъ казеннымъ экспертамъ.

Частныя лица изъ европейцевъ и само колоніальное управленіе въ Инсулиндѣ уже давно обратили вниманіе на роль и дѣятельность поселившихся въ колоніяхъ китайцевъ и на ежегодно возобновляющійся приливъ изъ Китая этого элемента, приращеніе котораго въ принципѣ признается нежелательнымъ и вреднымъ. Нежелательнымъ оно является потому, что китайцы составляютъ отдѣльную обособленную группу и играютъ роль неизбѣжныхъ факторовъ, которые въ своихъ пріемахъ и сношеніяхъ съ европейцами туземцами отличаются недобросовѣстностью и беззастѣнчивостью. Конкурренція съ ними становится весьма трудною, а часто даже и непосильною. Кромѣ того, китайцы, хотя и по-

селенныя въ большихъ центрахъ въ отдѣльныхъ кварталахъ, подъ надзоромъ особыхъ правительственныхъ инспекторовъ (изъ ихъ же среды), носящихъ титулы «майоровъ», «капитановъ» и «поручиковъ надъ китайцами» и отвѣтственныхъ за порядокъ и тишину, все же составляютъ элементъ очень безпокойный. Не говоря уже о тайныхъ обществахъ, безъ которыхъ китайцы даже на чужбинѣ существовать не могутъ,—они почти вовсе не ассимилируются съ туземцами. Они нерѣдко женятся на малайскихъ женщинахъ и часто находятъ въ Инсулиндѣ вторую родину, но, тѣмъ не менѣе, даже въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи всетаки сохраняютъ свой типъ, костюмъ и всѣ особенности своей расы. Они не сливаются съ туземнымъ населеніемъ, а также никогда не становятся европейцами въ душѣ, хотя лучшіе и болѣе богатые изъ нихъ и перенимаютъ европейскій образъ жизни и костюмъ. Большая часть, если не всѣ поголовно китайцы всячески стараются обходить существующіе законы и ради обогащенія не останавливаются ни передъ какими средствами или соображеніями нравственнаго порядка. Такъ, напр., всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Сурабайѣ удалось, наконецъ, открыть и захватить цѣлую шайку фальшивыхъ монетчиковъ, которые въ продолженіе двухъ лѣтъ очень успѣшно вели свое дѣло: они подделывали билеты Яванскаго банка, векселя, чеки, акцепты разныхъ банковъ и пр. и фабриковали фальшивую серебряную монету. Фальшивыхъ денегъ, бумажками и серебромъ, развелось, наконецъ, такое множество, что правительство вынуждено было произвести серьезное дознаніе въ разныхъ центрахъ Явы, и въ Сурабайѣ захвачена была вся шайка, съ инструментами и поличнымъ; во главѣ ея, къ общему изумленію, оказался не кто иной, какъ «майоръ надъ китайцами», слывущій чуть ли не первымъ богачемъ во всей Инсулиндѣ. Пользуясь своимъ кредитомъ и положеніемъ, этотъ китаецъ, котораго, разумѣется, никто и никогда не подозрѣвалъ, слишкомъ два года безнаказанно обиралъ общественныя учрежденія и публику...

Этотъ инцидентъ снова и въ усиленной степени вызвалъ замолкшій было вопросъ о цѣлесообразности принятія немедленныхъ мѣръ къ ограниченію дальнѣйшей китайской иммиграціи въ Нидерландскую Индію; но мѣръ въ такомъ смыслѣ и направленіи принято пока не было. Власти ограничились строгимъ наказаніемъ фальшивыхъ монетчиковъ, усиленіемъ полицейскаго надзора за китайцами вообще и въ рѣдкихъ случаяхъ — высылкою обратно иммигрантовъ, не имѣющихъ никакихъ средствъ къ существованію. Надо полагать, что дальше этого и не пойдутъ, такъ какъ

мнѣнія насчетъ абсолютнаго вреда пребыванія китайцевъ въ Индіи довольно различны. Многіе чиновники и плантаторы полагаютъ, что безъ услугъ китайцевъ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности невозможно обойтись, тѣмъ болѣе, что туземное населеніе лѣниво, не предпріимчиво и всѣ торговыя операціи, даже мелочную торговлю, предоставляетъ трудолюбивымъ и вездѣ поспѣвающимъ китайцамъ или арабамъ. Среди высшихъ чиновъ колоніальнаго управленія встрѣчались даже такіе убѣжденные синофилы, каковъ, напр., бывшій вице-президентъ совѣта Индіи Грунсфельдъ, извѣстный своими синологическими трудами и глубокій знатокъ китайскаго языка, нравовъ и учрежденій. Онъ вполнѣ серьезно предлагалъ всѣхъ поселенныхъ въ Инсулиндѣ китайцевъ сравнять въ правахъ съ иностранными колонистами-европейцами, упразднить подчиненіе ихъ голландской власти и допустить въ Батавію китайскаго генеральнаго консула. Предложеніе это было, конечно, отклонено; но оно можетъ возобновиться въ будущемъ, когда нынѣшняго губернатора Ванъ-деръ-Венка замѣнитъ, можетъ быть, тотъ же Грунсфельдъ.

Достовѣрныхъ свѣдѣній о средней ежегодной цифрѣ китайцевъ, переселяющихся въ Инсулинду, не имѣется; можно только утверждать, что число китайскихъ переселенцевъ постоянно возрастаетъ, хотя и не такъ быстро и не въ такой ужасающей прогрессіи, какъ можно было бы заключить по вычисленіямъ нѣкоторыхъ, особенно враждебныхъ китайцамъ, органовъ печати, которые ошибочно или тенденціозно утверждаютъ, что китайская волна въ близкомъ будущемъ затопитъ всю Инсулинду, разоритъ ея коренныхъ и бѣлыхъ жителей и превратитъ Нидерландскую Индію въ филіальное отдѣленіе Небесной Имперіи. Въ дѣйствительности опасность эта кажется пока лишь воображаемою; во всякомъ случаѣ, на полное «затопленіе» Инсулинды китайскимъ элементомъ потребуется не одинъ или два, а очень многіе десятки лѣтъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что туземнаго населенія на одной Явѣ съ Мадурою считается, по меньшей мѣрѣ, 24 милліона, среди которыхъ китайцы, будь они еще многочисленнѣе, совершенно исчезаютъ. Опасность, такимъ образомъ, заключается не въ численности китайцевъ: она выражается ихъ племенными особенностями, годностью ихъ на всякое дѣло—при апатіи и неприспособленности къ труду туземнаго элемента и при малочисленности европейскихъ колонизаторовъ этого уголка Стараго Свѣта.

Рядомъ съ китайцами, но въ значительно меньшемъ количествѣ, въ Инсулиндѣ почти повсемѣстно встрѣчается другой этно-

графическій элементъ,—*арабы*, которые съ китайцами имѣютъ то общее, что также составляютъ обособленное сословіе, не сливающееся съ массами туземнаго населенія, и такъ же несимпатичны и европейцамъ, и туземцамъ по своимъ хищническимъ и эксплуататорскимъ инстинктамъ и пріемамъ. Впрочемъ, по религіи своей они ближе къ туземному населенію, нежели китайцы. Въ противоположность индифферентнымъ китайцамъ, они отличаются религіознымъ фанатизмомъ, который поддерживается пропагандою многочисленныхъ муллъ и хаджи, періодически путешествующихъ въ Мекку; будучи de facto голландскими подданными, они въ душѣ не признаютъ себя подвластными европейцамъ и считаютъ «калифа» въ Константинополѣ своимъ законнымъ повелителемъ и естественнымъ покровителемъ. Они постоянно и внимательно прислушиваются къ отголоскамъ и наущеніямъ, доходящимъ до нихъ изъ полу-независимыхъ на Явѣ имперіи Суракарты и султанства Джокджокарты; въ особенности же уваженіемъ и авторитетомъ среди нихъ пользуются мусульмане въ Ачинѣ (Суматра), извѣстные своею нетерпимостью и воинственностью.

Почти всѣ живущіе въ Инсулиндѣ арабы—родомъ изъ Гадрамата (Южн. Аравія), откуда скудость почвы и бѣдность побудили и еще побуждаютъ ихъ къ выселенію. Переселяются сюда исключительно мужчины, которые здѣсь женятся на малайскихъ женщинахъ, такъ что второе поколѣніе часто уже не знаетъ по арабски или говоритъ на этомъ языкѣ плохо. Оттого болѣе состоятельные арабы обыкновенно посылаютъ своихъ сыновей, по достиженіи ими совершеннолѣтія, въ Гадраматъ, для усовершенствованія въ родномъ языкѣ и для утвержденія въ вѣрѣ.

Арабы легче китайцевъ смѣшиваются съ туземнымъ элементомъ, послѣ того, какъ провели на новой своей родинѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Занимаются они торговлею, но, по недостатку капиталовъ, конкуррировать съ китайцами не въ состояніи. Особенно распространено между ними ростовщичество, и притомъ въ самыхъ чудовищныхъ размѣрахъ и безпощадныхъ формахъ; въ этомъ отношеніи арабы перещеголяли даже самихъ китайцевъ. Земледѣльцевъ и ремесленниковъ среди арабовъ почти не существуетъ; очень немногіе изъ нихъ состоятъ на казенной службѣ. Среди яванцевъ и прочихъ мусульманъ Инсулинды арабы вообще пользуются авторитетомъ, и туземцы считаютъ за честь для себя вступать въ родство съ этими привиллегированными въ ихъ глазахъ потомками и представителями Магомета. Они помнятъ, что нѣкоторыя, нынѣ медіатизированныя, яванскія династіи были

арабскаго происхожденія, и что нѣкоторыя владѣнія на о. Борнео и теперь управляются арабскими князьями.

Китайцы—по своей численности и своему значенію, и арабы—по тому престижу, которымъ они несомнѣнно пользуются среди мѣстныхъ мусульманъ, составляютъ двѣ главныя этнографическія группы внѣ-европейскаго населенія Инсулинды и образуютъ нѣчто среднее между европейцами, креолами и «полукровными» людьми голландско-туземнаго происхожденія. Но какъ тѣ, такъ и другіе совершенно исчезаютъ и, такъ сказать, поглощаются въ массѣ безчисленныхъ и разнообразныхъ туземныхъ племенъ и народностей Инсулинды.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что на одной Явѣ съ прилежащимъ къ ней островомъ Мадурою считается, по меньшей мѣрѣ, 24 милліона жителей. Населеніе это распадается на Явѣ на двѣ главныя группы: сунданцевъ и яванцевъ. Жители Мадуры, по типу и языку, составляютъ особую группу.

При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что собственно *малайцы*, какъ племя, существуютъ спеціально на о. Суматрѣ, по ея окраинамъ и въ Ачинѣ. Тамъ и языкъ малайскій сохраняется въ чистотѣ. То же, что принято на Явѣ называть малайцами, составляетъ сбродное населеніе приморскихъ городовъ и большихъ центровъ, съ языкомъ, смѣшаннымъ изъ словъ малайскихъ, сунданскихъ, яванскихъ, китайскихъ, португальскихъ и голландскихъ.

Вся западная часть Явы населена сунданцами, средняя—собственно яванцами, а меньшая восточная—яванцами и мадурцами. По густотѣ населенія различныя мѣстности Явы распредѣляются весьма неравномѣрно: отъ 3.000 чел. на 1 кв. милю до почти невѣроятной цифры въ 22.000.

Наконецъ, что касается смѣшанной расы, креоловъ, родившихся въ Индіи отъ европейскихъ родителей, и такъ называемыхъ half-casts, происходящихъ отъ браковъ европейцевъ и креоловъ съ туземными женщинами, то какъ тѣ, такъ и другіе занимаютъ въ Нидерландской Индіи одинаково выдающееся положеніе.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что между чистокровными голландцами и креолами установлена полнѣйшая равноправность. Бракъ голландцевъ съ туземными женщинами признается дѣйствительнымъ, а дѣти—законными. Правительство ни мало не стѣсняетъ заключенія подобныхъ браковъ. При этомъ не принимается въ разсчетъ происхожденіе женщины. Жены голландскихъ чиновниковъ и офицеровъ, большею частью, женщины изъ низшихъ слоевъ туземнаго общества, поступившія сперва въ служанки къ холостому человѣку. Это обыкновенно такъ называемыя «бабу»,

т. е. кухарки, няньки и горничныя, безъ всякаго образованія и съ полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо манеръ. Такими «бабу» онѣ и остаются всю жизнь. Но это нисколько не мѣшаетъ ихъ мужьямъ достигать самыхъ высшихъ степеней гражданскихъ и военныхъ на государственной службѣ, а дѣтямъ ихъ, уже креоламъ, точно также открыты всѣ отрасли службы и общественной дѣятельности. Жены этихъ чиновниковъ пользуются связаннымъ съ положеніемъ мужа почетомъ, и между ними и европейками не дѣлаютъ въ индо-голландскомъ обществѣ никакого различія. Такъ, напр., креольскаго происхожденія нынѣшній главнокомандующій всѣми сухопутными силами, генералъ-лейтенантъ Веттеръ, женатъ на малайкѣ, и генералъ-маіоръ Сеговъ. Женаты на малайкахъ также два члена высшаго здѣсь учрежденія—Совѣта Индіи, бывшій вице-президентъ этого Совѣта—Грунсфельдъ, и много чиновниковъ и офицеровъ.

Такое отношеніе голландцевъ къ мѣстному цвѣтному элементу и равноправность послѣдняго съ людьми бѣлой расы несказанно шокируетъ англичанъ, которые у себя въ колоніяхъ никакихъ смѣшеній бѣлыхъ съ туземцами не допускаютъ и безпощадно, безъ исключеній, выдѣляютъ изъ своей среды, какъ запятнавшихъ себя, тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые вздумали бы законнымъ бракомъ санкціонировать свое сожительство съ цвѣтной женщиной. Вслѣдствіе этого англійская раса во всѣхъ британскихъ колоніяхъ сохраняется чистою отъ всякой примѣси. Эта англійская высокомѣрная обособленность, несомнѣнно, даетъ англичанамъ болѣе престижа. Они поставили и держатъ себя въ отношеніи туземцевъ какъ высшая раса, призванная повелѣвать, попасть въ которую для цвѣтного человѣка немыслимо.

Совершенно иное явленіе замѣчается въ голландскихъ колоніяхъ, въ дѣйствіяхъ голландцевъ и ихъ манерѣ держать себя относительно туземцевъ: открывая малайскимъ женщинамъ настежь двери своего голландскаго home (домъ), признавая женъ, дочерей и сыновей малайскаго происхожденія равноправными членами индо-голландской семьи наравнѣ съ чистокровными европейцами, голландцы все же памятуютъ, что они, какъ европейцы, представляютъ высшую расу и вслѣдствіе этого заботятся о своемъ бѣломъ престижѣ. Но забота эта выражается наивнымъ и нѣсколько ребяческимъ образомъ: все ограничивается тѣмъ, что голландцы приняли за правило говорить съ туземцами не иначе, какъ на малайскомъ языкѣ, исходя изъ того принципа, что туземцы, какъ раса низшая, недостойны учиться и говорить со своими повелителями на ихъ собственномъ, высшемъ языкѣ,—голландскомъ.

Исключенія допускаются лишь для бывшихъ «бабу», сдѣлавшихся женами чиновниковъ, генеральшами или даже вице-президентшами Совѣта Индіи. Эти «дамы» научаются говорить по голландски и даже нарочно стараются говорить исключительно на голландскомъ языкѣ, причемъ присвоиваютъ себѣ и спеціальное титулованіе голландскихъ дамъ «Mevrouw», вмѣсто прежняго малайскаго njonja (госпожа). Именовать такую даму njonja считается оскорбленіемъ. Точно такъ же оскорбительнымъ для себя считаютъ креолы, когда ихъ называютъ словомъ «синьо» (искаженное португальское senhor), такъ какъ этимъ намекается на происхожденіе первыхъ въ краѣ креоловъ отъ португальцевъ.

Мы не станемъ говорить о преимуществахъ или недостаткахъ англійской системы передъ усвоеннымъ голландцами отношеніемъ къ туземцамъ: придти въ такомъ трудномъ вопросѣ къ выводу вполнѣ убѣдительному едва ли возможно. Потому ограничимся лишь указаніемъ на самый фактъ равноправности малайскаго элемента съ бѣлой расой въ Инсулиндѣ. Голландцы утверждаютъ, что эта равноправность дала результаты благопріятные, и въ подтвержденіе указываютъ на многихъ общественныхъ дѣятелей, гражданскихъ и военныхъ, креольскаго происхожденія, которые занимаютъ въ Нидерландской Индіи видное положеніе и, по своимъ талантамъ и способностямъ, играли и играютъ выдающуюся роль.

Какъ бы то ни было, та чрезвычайная легкость, съ какою здѣсь смѣшиваются люди бѣлой расы съ туземнымъ цвѣтнымъ элементомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ европейскою культурою и понятіями, несомнѣнно, хотя, быть можетъ, и въ отдаленномъ будущемъ, должна значительно видоизмѣнить самую этнографическую физіономію Инсулинды.

Современемъ народится новая раса, которая сохранитъ одно лишь имя голландскаго племени, а въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, вслѣдствіе постоянныхъ смѣшиваній, утратитъ даже и внѣшніе признаки когда-то бѣлаго своего происхожденія. Чистыми голландцами останутся въ Инсулиндѣ,—да и то только до поры, до времени,—исключительно прибывающіе изъ Голландіи лица служебнаго персонала колоній.

Будущее покажетъ, какими свойствами и качествами будетъ обладать эта новая раса и каковы будутъ ея роль и вліяніе. Однако, уже и теперь есть нѣкоторыя основанія предполагать, что дѣятельность этихъ новыхъ людей едва ли будетъ особенно полезна. Креолы и люди смѣшанной крови какъ будто желаютъ считать себя европейцами par excellence, хотя въ душѣ и по всему складу своего ума и привычекъ они несравненно ближе къ малайскому, чѣмъ къ

бѣлому типу. Они не усвоили ни европейской культуры, ни европейскихъ качествъ, и сохранили всѣ недостатки азіатской расы: они лѣнивы и безпечны до крайности, лживы, мстительны, суевѣрны и жестоки. Съ туземцами и съ малайской прислугой они обращаются несравненно хуже, чѣмъ голландцы.

Не смотря на то, что имъ широко открытъ доступъ и на службу, и въ общество, креолы, все-таки, считаютъ себя обиженными судьбою, чувствуя свою принадлежность къ низшей расѣ въ присутствіи чистокровныхъ бѣлыхъ, которыхъ они не любятъ.

Современемъ, когда креолы, по численности своей, займутъ въ Инсулиндѣ видное мѣсто,—съ ними и съ ихъ хищническими инстинктами придется серьезно считаться европейскому элементу, который они, по всей вѣроятности, будутъ стараться отовсюду вытѣснять. Замѣна же нынѣшняго разумнаго и мягкаго голландскаго режима управленіемъ, во главѣ котораго станутъ креолы, съ аппетитами еще не насытившихся вымогателей, съ сомнительными способностями администраторовъ и съ презрительно-высокомѣрнымъ отношеніемъ къ туземцамъ, можетъ лишь самымъ пагубнымъ образомъ отразиться на общемъ экономическомъ бытѣ, а пожалуй, и на политическомъ строѣ Нидерландской Индіи.

Не смотря на почти трехсотлѣтнее господство голландцевъ въ Инсулиндѣ, эта громадная по своему протяженію колоніальная имперія въ большей своей части и до сихъ поръ остается невѣдомой землей, за исключеніемъ болѣе доступныхъ, сравнительно мелкихъ островов и береговыхъ окраинъ болѣе крупныхъ владѣній. Такъ, напримѣръ, о. Суматра далеко еще не обслѣдованъ внутри и не вездѣ доступенъ даже самимъ голландцамъ, утвердившимся только вдоль береговъ и въ Ачинѣ; то же можно сказать объ огромномъ о. Борнео, о Целебесѣ и Новой Гвинеѣ. Число жителей въ голландскихъ владѣніяхъ внѣ Явы нельзя опредѣлить даже и приблизительно. Правда, для изслѣдованія этихъ невѣдомыхъ странъ постоянно снаряжаются голландскія и иностранныя научныя экспедиціи; но пройдутъ еще многіе десятки лѣтъ, прежде чѣмъ эти номинальныя голландскія владѣнія будутъ введены, подобно Явѣ, въ активную и производительную культурную дѣятельность. Можно положительно и безошибочно утверждать, что до сего дня, да и на долгое еще время впредь, въ серьезный разсчетъ входятъ и будутъ входить только Ява, береговыя окраины Суматры, два-три пункта на Борнео и Целебесѣ, да еще Молукскіе острова. Ява, конечно, занимаетъ первое мѣсто: она изслѣдована, населена всюду культурными элементами, приноситъ доходъ; ею существуетъ все остальное. Ява—средоточіе всего, источникъ всѣхъ благъ и raison

d'être голландскаго утвержденія въ этой части свѣта. Все остальное пока лишь поглощаетъ денежные, военные и иные рессурсы колоніальнаго управленія: доходность всѣхъ голландскихъ владѣній къ доходности одной только Явы относится какъ 1 : 20, или, пожалуй, въ пропорціи еще болѣе крупной. Это и понятно: маленькая Голландія, по нѣсколько десятковъ разъ свободно укладывающаяся въ огромныя рамки такихъ острововъ, каковы Ява, Суматра и пр., взяла на себя задачу, съ которою, съ грѣхомъ пополамъ, она могла, пожалуй, совладать только во времена минувшія, когда торговля, промышленность и самая колонизація европейцами отдаленныхъ странъ находились еще въ первобытномъ фазисѣ своего развитія. Теперь условія измѣнились, на поприщѣ колонизаціи выступили новые конкурренты, самая колонизація расширила свою программу и усовершенствовала свои пріемы, торговля открыла и создала новые рынки, возникли новыя предпріятія, новые производительные центры, явился большій спросъ и большее разнообразіе самыхъ продуктовъ, наконецъ—расширились и улучшились средства сообщенія, съ болѣе быстрою доставкою товаровъ и пассажировъ по пониженнымъ перевозочнымъ тарифамъ. Словомъ, съ теченіемъ времени все усовершенствовалось, и теперь приливъ европейской культурной дѣятельности и капиталовъ сказывается и ощущается въ самыхъ донынѣ недоступныхъ и неизвѣданныхъ уголкахъ Стараго, Новаго и новѣйшаго Свѣта... Одна Голландія, по сравненію съ прочими своими конкуррентами въ колонизаціонномъ дѣлѣ, подвинулась впередъ не пропорціонально съ тѣми культурными усиліями и завоеваніями, какія сдѣланы были, не безъ ущерба для нея, прочими европейскими государствами. Къ этому надо еще прибавить, что въ лицѣ Японіи, интеллигентно и разумно развивающей свою торгово-промышленную дѣятельность и открывающей все новые и новые рынки для сбыта своихъ произведеній, Нидерландская Индія пріобрѣла конкуррента серьезнаго, съ которымъ приходится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе считаться.

Въ сравненіи съ рессурсами бывшей Остъ-индской компаніи или съ торгово-культурною дѣятельностью Голландіи начала XIX вѣка, Инсулинда, безспорно, сдѣлала нѣкоторые успѣхи: рессурсы и производительность колоніи возросли и усилились. Но все это недостаточно отвѣчаетъ усилившимся современнымъ требованіямъ спроса и сбыта, такъ какъ и теперь еще торгово-культурныя операціи голландцевъ въ этой части свѣта ограничиваются и исчерпываются почти одной только Явой. Лишь въ недавнее время на берегахъ Суматры возникли двѣ новыхъ индустріи: табакъ и керосинъ. Но это дѣло еще, можно сказать, только въ зародышѣ, и

весь остальной островъ пока ничего не производитъ и ничего не даетъ. Въ остальныхъ голландскихъ владѣніяхъ, по-прежнему, больше всего ощущается недостатокъ европейскаго культурнаго элемента, предпріимчивости, капиталовъ, рабочихъ силъ и путей сообщенія.

По исчисленію Regeerings-Almanak'a («Правительств. Альманаха») за 1894 г. *во всей* Инсулиндѣ считалось къ концу 1892 года 58.806 европейцевъ, включая въ это число и чиновниковъ гражданскаго вѣдомства; притомъ, на одну Яву съ Мадурою изъ этой цифры приходилось 47.140 чел. Остальные 11.666 были распредѣлены по всему необъятному пространству отдаленныхъ острововъ и группъ, составляющихъ Инсулинду. Понятно, что, вслѣдствіе такой недостаточности культурныхъ средствъ, до сего дня остаются отчасти вовсе недоступными, отчасти недостаточно разработанными минеральныя и растительныя богатства такихъ роскошно продуктивныхъ мѣстностей, каковы Суматра, Борнео, Целебесъ и др. Кромѣ того, Голландія и Нидерландская Индія уже 23 года непроизводительно и безуспѣшно расходуютъ сотни милліоновъ на безплодную войну въ Ачинѣ, которой теперь еще и конца не видно. Не меньшихъ денегъ стоятъ постоянно возникающія въ различныхъ частяхъ обширныхъ голландскихъ владѣній военныя экспедиціи для усмиренія непокорныхъ туземныхъ раджей или различныхъ возстаній, такъ что даже Ява перестаетъ быть золотымъ дномъ для метрополіи и, въ виду дефицитовъ яванскаго бюджета, не остается свободныхъ средствъ на болѣе широкія и болѣе активныя колонизаціонныя предпріятія въ остальныхъ частяхъ Инсулинды.

По всѣмъ этимъ причинамъ, кажется, можно утверждать, что о правильной, разумной и успѣшной культурной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ всей Инсулинды, въ ея совокупности, въ настоящее время еще не можетъ быть и рѣчи, и что эта задача не по силамъ нынѣшней Голландіи. Какъ и многія другія европейскія завоеванія въ Азіи и въ Африкѣ, Инсулинда—страна будущаго, и нѣтъ сомнѣнія, что придетъ время, когда сюда широкою волною хлынетъ потокъ европейской эмиграціи, уже и теперь начинающій понемногу отливать отъ Новаго Свѣта.

П. М.

ПЕРЕЛОМЪ.

Романъ Эммы Брукъ.

Перев. съ англійскаго **Л. Давыдовой**.

(*Продолженіе* *).

Глава IX.

— Какая красивая дѣвушка была сегодня на лекціи съ Люциллой Денисонъ,—сказалъ Шериданъ своему спутнику, когда омнибусъ проѣхалъ мимо нихъ.

— Это моя старая знакомая,—отвѣтилъ Литтльтонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Отчего же вы не подошли къ ней?

— Я не былъ увѣренъ въ томъ, какъ меня встрѣтятъ.

— А, вотъ что!—въ голосѣ Шеридана послышалась насмѣшливая нотка.

— О, нѣтъ, не то, совсѣмъ не то, что вы думаете,—поспѣшно возразилъ Литтльтонъ. — Но это удивительная исторія. Зайдемте ко мнѣ, я вамъ разскажу ее.

Они свернули съ главной улицы и по темнымъ переулкамъ дошли до небольшого сквера съ пыльными деревьями и зелеными лужайками, который казался маленькимъ кусочкомъ деревни, заключеннымъ въ желѣзную клѣтку и перенесеннымъ въ городъ. Ближайшія къ оградѣ вѣтви деревьевъ блестѣли при свѣтѣ газовыхъ фонарей.

Миновавъ скверъ, они очутились въ болѣе людной улицѣ, дома которой были сплошь заняты меблированными комнатами. Шериданъ и его товарищъ вошли въ одинъ изъ нихъ и поднялись на четвертый этажъ, гдѣ Литтльтонъ занималъ большую, комфортабельно меблированную комнату, въ которой теперь, несмотря на раннюю осень, топился каминъ. Они сѣли у огня и Литтльтонъ

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

разсказалъ своему гостю исторію ректора и его дочери. Онъ разсказалъ ее хорошо, съ большимъ увлеченіемъ и сочувствіемъ.

— Что же онъ дѣлаетъ съ десятиной?—спросилъ Шериданъ, какъ только онъ кончилъ.—Вѣдь не отдаетъ же онъ ее обратно землевладѣльцамъ, надѣюсь?

— Нѣтъ. Онъ убѣжденный сторонникъ церкви и считаетъ церковное имущество священнымъ, въ особенности же десятину.

— Такъ что же онъ съ нею дѣлаетъ?

— Онъ собираетъ ее, какъ и раньше, но цѣликомъ употребляетъ ее на церковныя нужды и дѣла благотворительности, а на себя не тратитъ ни одного пенса.

— Такъ-то лучше. Интересно, какъ отнесся къ этому его епископъ?

— Епископъ отнесся довольно снисходительно. Дѣло въ томъ, что м-ръ Кэмбаль пользуется величайшимъ уваженіемъ своего начальства.

— Однако, если бы его примѣръ оказался заразительнымъ, то это, вѣроятно, не очень бы понравилось нѣкоторымъ изъ нашихъ церковныхъ магнатовъ. Но, послушайте, Литтльтонъ, не можемъ ли мы какъ-нибудь воспользоваться вашимъ удивительнымъ ректоромъ?

Литтльтонъ съ улыбкою взглянулъ на говорившаго.

— М-ръ Кэмбаль выработалъ себѣ свои взгляды совершенно независимо,—сказалъ онъ.

— Я знаю. Но для насъ было бы очень выгодно указать, что къ одинаковымъ взглядамъ можно придти самыми различными путями.

— Это просто возмутительно, Шериданъ. Вы ни о чемъ не думаете, какъ только о томъ, чтобы пользоваться всякимъ случаемъ!

— Чѣмъ же намъ еще пользоваться?—спокойно спросилъ Шериданъ.

Литтльтонъ засмѣялся и, ничего не отвѣчая, посмотрѣлъ на пріятеля. Тотъ, не замѣчая его взгляда, задумчиво мѣшалъ угли въ каминѣ. Пламя освѣщало его выразительное лицо. Литтльтонъ очень любилъ и цѣнилъ этого человѣка. По натурѣ они были совершенно разными людьми, но ихъ сближала общность основныхъ взглядовъ и симпатія, которая часто связываетъ людей съ несходными характерами.

Судьба Поля Шеридана сложилась такъ, что, будь онъ заурряднымъ человѣкомъ, ему было бы очень трудно выбиться и занять положеніе въ жизни. Онъ родился въ Лондонѣ, въ небогатой семьѣ, принадлежащей къ мелкой буржуазіи. Съ самаго начала жизнь

обернулась къ нему самой прозаической стороной. Онъ выросъ здоровымъ, крѣпкимъ человѣкомъ, надѣленнымъ выдающимися способностями. Вѣроятно, немногіе изъ знавшихъ его подозрѣвали, что у него было сильно развитое воображеніе, которое и составляло характерную особенность всей его личности.

Хотя Поль лишенъ былъ образовательной подготовки, доступной для юношей изъ высшихъ классовъ, онъ воспользовался всѣми представлявшимися ему возможностями учиться и пріобрѣтать познанія. Очень рано, лѣтъ съ 13-ти, онъ пристрастился къ собиранію различныхъ свѣдѣній, которыя заносилъ въ тетради подъ разными рубриками. Изучать факты было для него наслажденіемъ. Ему нравилось изслѣдовать какое-нибудь явленіе, узнавать его составные элементы, слѣдить за процессомъ его развитія. Всѣ жизненныя явленія привлекали его: маневры арміи его чрезвычайно интересовали и онъ устраивалъ пробныя сраженія съ оловянными солдатиками и шахматами, продѣлывая съ ними научную часть задачи. Наука тоже занимала его; она объясняла ему окружающій міръ; но по мѣрѣ того, какъ онъ становился старше, у него развилось особенное пристрастіе къ историческимъ и экономическимъ наукамъ. Онъ прошелъ всѣ курсы, выдержалъ всѣ экзамены и получилъ всѣ награды въ общественныхъ школахъ, открытыхъ для непривиллегированныхъ классовъ, и, кончивъ учиться, скопилъ себѣ небольшую сумму денегъ и отправился на нѣкоторое время въ Германію продолжать свои занятія. Въ то же время ему нужно было думать о заработкѣ, и онъ вкладывалъ во взятыя на себя служебныя обязанности столько же энергіи и труда, какъ и въ свои личныя, любимыя занятія. Когда кто-нибудь удивлялся его рвенію къ служебнымъ мелочамъ, онъ отвѣчалъ съ удивленіемъ:

— Почему же я могу знать, можетъ быть, эти мелочи когда-нибудь сдѣлаются очень важными?

Неудивительно, что съ его умѣньемъ трудиться и добросовѣстнымъ отношеніемъ ко всякой работѣ, Шериданъ уже въ 22 года нашелъ себѣ прекрасное мѣсто—онъ поступилъ на хорошее жалованье на службу къ одной крупной торговой фирмѣ и въ будущемъ могъ разсчитывать стать однимъ изъ компаньоновъ этого предпріятія.

Но тутъ съ нимъ случилось несчастіе. Очень возможно, что если бы не это несчастье, Шериданъ пошелъ бы по проторенной дорожкѣ, составилъ бы себѣ положеніе въ коммерческомъ мірѣ, и лучшія способности его такъ и остались бы безъ примѣненія. Но обстоятельства сложились такъ, что на него легло тяжелое подозрѣніе въ нечестности.

Шериданъ не имѣлъ никакой возможности доказать свою невиновность или внести ту сумму, въ исчезновеніи которой его обвиняли. Настоящій виновникъ былъ ловкимъ мошенникомъ, устроившимъ дѣло такъ, что не было прямыхъ уликъ ни за, ни противъ Шеридана. Онъ подвергся унизительному допросу со стороны начальства, и не могъ выйти изъ него торжествующимъ.

Во вниманіе къ его прежней полезной дѣятельности и выдающимся услугамъ, его не разсчитали и постарались затушить дѣло; но отношеніе къ нему измѣнилось.

Этотъ ударъ поразилъ Шеридана до глубины души. Онъ увидѣлъ себя заподозрѣннымъ и осужденнымъ съ той стороны, которую онъ самъ больше всего цѣнилъ въ людяхъ. Шериданъ былъ очень гордымъ человѣкомъ—у него была та сильная, молчаливая гордость, которая умѣетъ съ честью переносить униженія. Болѣе мелочный человѣкъ сейчасъ же отказался бы отъ должности, чтобы заявить свой протестъ противъ несправедливаго подозрѣнія. Шериданъ этого не сдѣлалъ. Онъ убѣдилъ себя, что такой поступокъ былъ бы слабостью и ошибкой: то, что случилось, произошло не по его винѣ, а по глупости его начальства, не понимающаго, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло, и рѣшившагося заподозрить его. Онъ самымъ человѣческимъ образомъ ненавидѣлъ сослуживца, подставившаго ему ловушку, и отъ всего сердца презиралъ начальство, поддавшееся на эту ловушку.

— Но меня все это не касается,—рѣшилъ онъ.—Если они всѣ дураки, то изъ этого не слѣдуетъ, что и я долженъ быть дуракомъ. Если бы ничего не случилось, я бы продолжалъ служить, и теперь ради ихъ глупости не намѣренъ отказываться отъ намѣченнаго пути.

И онъ продолжалъ служить изо дня въ день, какъ будто ничего не случилось.

Но въ душѣ онъ переживалъ мучительнѣйшія страданія. И эти страданія подняли его, и вызвали къ дѣятельности лучшія стороны его натуры. Это было для него временемъ самой интенсивной умственной работы: онъ учился, писалъ, присматривался къ жизни и подъ вліяніемъ своихъ личныхъ страданій, ясно и наглядно представилъ себѣ страданія другихъ; путь его дальнѣйшей дѣятельности былъ намѣченъ. Онъ рѣшилъ сдѣлаться общественнымъ дѣятелемъ и никогда не отказываться отъ какого бы то ни было общественнаго дѣла, встрѣчающагося ему на пути, и весь отдался своей новой жизни.

Въ то же время онъ продолжалъ служить и мало-по-малу добился того, что къ нему опять всѣ стали относиться съ прежнимъ

уваженіемъ; а въ концѣ концовъ внезапно обнаруженъ былъ истинный виновникъ, и Шериданъ получилъ полное удовлетвореніе.

Но вслѣдъ за этимъ онъ скоро бросилъ свою службу, сталъ жить литературнымъ трудомъ, и быстро занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ журналистикѣ. Такъ жилъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до своего знакомства съ Литтльтономъ. Къ этому времени онъ уже былъ извѣстнымъ писателемъ и сотрудничалъ не только въ газетахъ, но и въ большихъ журналахъ. Его взгляды на политическіе и общественные вопросы заставляли издателей наперерывъ искать его сотрудничества, а его оригинальный, блестящій слогъ выгодно отличалъ его статьи изъ ряда безцвѣтныхъ, текущихъ статей по тѣмъ же вопросамъ.

Вскорѣ послѣ знакомства съ Литтльтономъ, Шериданъ случайно заключилъ еще одно, очень пріятное знакомство.

Послѣ одной изъ его публичныхъ лекцій къ нему подошла въ залѣ молодая дѣвушка и застѣнчиво протянула ему руку. Она сказала ему, что вполнѣ раздѣляетъ высказываемые имъ взгляды, что каждое слово, которое онъ говоритъ, справедливо и что она желаетъ быть въ числѣ его друзей.

Шериданъ былъ одновременно тронутъ, обрадованъ и смущенъ этимъ инцидентомъ. Онъ мало имѣлъ дѣла съ женщинами и совершенно не зналъ, какъ съ ними обращаться.

Дѣвушка эта была Люцилла Денисонъ, которая оказалась очень полезнымъ работникомъ. Она была умна и Шериданъ очень цѣнилъ это; всякая посредственность выводила его изъ терпѣнія. Остальные смотрѣли на нее, какъ на ученицу Шеридана, и онъ всегда считалъ себя до извѣстной степени отвѣтственнымъ за нее. Между ними вскорѣ установились простыя, товарищескія отношенія. Всѣ работали надъ одной задачей—распространеніемъ въ массѣ знаній. Но по мѣрѣ роста движенія, расширялись и его цѣли, и съ каждымъ днемъ открывались новыя поприща для дѣятельности.

Но въ характерѣ Люциллы была одна сторона, остававшаяся недоступной вліянію Шеридана. Онъ чувствовалъ, что въ ней есть скрытая сила, которая не поддается его власти, и часто удивлялся упорству и твердости этой маленькой восторженной дѣвушки.

Дружба съ Литтльтономъ была для него большимъ пріобрѣтеніемъ. Онъ былъ очень полезенъ, какъ человѣкъ, прошедшій строгую университетскую школу, которой именно не хватало Шеридану. Литтльтонъ служилъ гражданскимъ чиновникомъ, и благодаря этому, также какъ и благодаря своему застѣнчивому,

сдержанному характеру, оставался нѣсколько въ тѣни, предоставляя Шеридану все болѣе и болѣе выдвигаться на общественной аренѣ. Но оба они были близкими друзьями. Оба мечтали постепенно проводить свои идеи въ жизнь, отвоевывая для представителей своей партіи выборныя должности въ графскихъ и муниципальныхъ совѣтахъ, и по возможности оказывая вліяніе на законодательство.

Литтльтонъ, все еще улыбаясь надъ новымъ проявленіемъ обычной изобрѣтательности своего друга, протянулъ руку за папиросками и спичками, лежавшими на каминѣ. Онъ предложилъ Шеридану папиросокъ, но тотъ отказался движеніемъ головы.

— Люцилла представила меня миссъ Кэмбаль послѣ лекціи,— сказалъ онъ,—и я сразу увидѣлъ, что та на меня сердится, хотя по какой причинѣ—не имѣю ни малѣйшаго понятія.

— Она сказала вамъ что-нибудь, изъ чего вы могли заключить объ ея отношеніи?

— Нѣтъ, но у нея былъ крайне негодующій видъ,—Шериданъ засмѣялся.—Во всякомъ случаѣ, я ей, должно быть, очень не понравился. Впрочемъ, я не имѣю претензіи нравиться дамамъ. Я совершенно не знаю, что для этого нужно дѣлать. Конечно, было бы очень пріятно умѣть очаровывать женщинъ, но такое умѣнье не всякому дается.

— Миссъ Кэмбаль умѣетъ иногда очень выразительно молчать,—сказалъ Литтльтонъ, припоминая недавнее прошлое.

— О да, это я замѣтилъ.

— А, между прочимъ, замѣтили вы, какъ блѣдна была сегодня Люцилла?

— Да. Я не знаю, что съ ней дѣлается,—отвѣтилъ Шериданъ, хмуря брови и поглаживая свои усы.

— Если вы не знаете, то, значитъ, никто не знаетъ.

— Увѣряю васъ, я ничего не знаю, т. е., я не имѣю прямыхъ указаній. Иногда мнѣ кажется, что она начинаетъ разочаровываться въ нашемъ дѣлѣ, можетъ быть—во мнѣ лично. Конечно, многія вещи по справедливости могутъ ей не нравиться. Общественная дѣятельность цѣликомъ поглощаетъ всѣ силы человѣка и не оставляетъ ему времени на самосовершенствованіе.

— Но она должна же понимать это.

— Не знаю, вполнѣ ли она съ этимъ примирилась. Она такая экзальтированная и предъявляетъ къ людямъ невыполнимыя требованія. Вѣдь работа надъ личнымъ самосовершенствованіемъ требуетъ слишкомъ много и силъ, и времени. По правдѣ сказать,

у меня нѣтъ ни времени, ни желанія возиться съ этимъ самосовершенствованіемъ. А Люциллѣ такая точка зрѣнія не нравится. Впрочемъ, если она раньше хорошо ко мнѣ относилась, то она и теперь должна была бы относиться по прежнему.

— Я даже не допускаю мысли, чтобы она стала хуже относиться къ вамъ.

— Такъ тогда, въ чемъ же дѣло?—Шериданъ продолжалъ медленно поглаживать усы.—А впрочемъ, можетъ быть, вотъ что... Правда ли, что она познакомилась съ Ахилломъ д'Овернэ?

— Не знаю. Надѣюсь, что нѣтъ, во всякомъ случаѣ. Надо вамъ сказать, что лично я ненавижу этого д'Овернэ.

— Гм... Не думаю, чтобы я вообще ненавидѣлъ кого бы то ни было. Но я не согласенъ съ д'Овернэ ни въ чемъ. Этотъ человѣкъ—воплощенная ослѣпленность. Какія у него могутъ быть дѣла съ Люциллой?

— Вы съ нимъ стоите на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія.

— Конечно, и между нами не можетъ быть никакого соглашенія. Я не понимаю, чѣмъ онъ можетъ интересовать Люциллу?

— Д'Овернэ—сторонникъ насильственныхъ переворотовъ, а мы—ихъ противники. Первое—гораздо красивѣе и героичнѣе.

— Нѣтъ, Люцилла не изъ такихъ. Она же знаетъ, что я противъ насилія, потому что оно ни къ чему не приводитъ.

— Конечно. Вашъ геній, Шериданъ, заключается въ умѣньи угадывать, въ какую сторону направляется ходъ событій.

— Однако, уже поздно,—сказалъ Шериданъ, поднимаясь съ мѣста.—Я сегодня собирался пораньше вернуться домой и еще поработать надъ статейкой о правахъ земельныхъ арендаторовъ. Вопросъ скоро будетъ разсматриваться въ парламентѣ, и нужно непремѣнно высказаться по этому поводу.

— Бросьте! Все равно, ваши статьи ни къ чему не приведутъ.

— Напротивъ, это прекрасный случай, который не слѣдуетъ упускать. Статья завтра должна появиться въ газетѣ.

— Ну, такъ идите себѣ. Я сегодня отчего-то въ унылом настроеніи.

— Я вижу. Покойной ночи, другъ.

Шериданъ ушелъ, но черезъ минуту дверь снова открылась, онъ вернулся и подсѣлъ къ столу.

— Литтльтанъ,—началъ онъ безъ всякихъ предисловій,—отчего вы не попробуете ввести ее въ нашъ кружокъ? Очевидно, вы можете разсчитывать на поддержку и вліяніе миссъ Денисонъ.

*

Литтльтонъ стоялъ спиною къ камину, засунувъ обѣ руки въ карманы, и сосредоточенно смотрѣлъ себѣ подъ ноги.

— Очень многое будетъ зависѣть отъ того, какъ вы сами теперь будете держать себя,—прибавилъ Шериданъ, улыбаясь своей привѣтливой, открытой улыбкой.

Потомъ онъ всталъ, простился съ нимъ кивкомъ головы и быстро вышелъ.

Глава X.

Разузнавши предварительно у Люциллы, когда Онора бываетъ дома и свободна, Лесли рѣшился, наконецъ, сдѣлать ей визитъ. Ему указали комнаты Оноры и, пріотворивъ дверь, онъ увидѣлъ ее, сидящую за письменнымъ столомъ надъ книгами. Ему сразу бросилась въ глаза уютная обстановка комнаты, цвѣтущія растенія, стоящія у оконъ, и нѣсколько растрепанная голова хозяйки. Онора обернулась, и когда служанка объявила ей о приходѣ м-ра Литтльтона, быстро вскочила и милымъ, безсознательнымъ движеніемъ подняла руки, чтобы поправить прическу.

Лесли вошелъ со смущенною улыбкой.

— Какъ поживаете, м-ръ Литтльтонъ?—сказала Онора, успѣвшая уже овладѣть собою.—Пожалуйста, садитесь.

Глаза ея сіяли и щеки разгорѣлись. Лесли сѣлъ, и она помѣстилась на креслѣ противъ него. Послѣ своихъ разнообразныхъ испытаній въ Лондонѣ, она меньше обращала вниманія на его простой пиджакъ и неизящные сапоги, и радовалась, что видитъ передъ собою дружеское лицо.

— Давно мы съ вами не видѣлись,—сказалъ Лесли.

— Развѣ это было такъ давно?—спросила Онора, съ лукавой улыбкой.

— Я не считаю, конечно, послѣдняго вечера—поспѣшно отвѣтилъ Лесли.—Вы были на лекціи.

— И вы были тамъ,—отвѣтила Онора, покраснѣвъ.—Я пришла, не зная ничего, съ одной подругой.

Лесли понялъ, что разговоръ вступаетъ на опасную почву, гдѣ сразу обнаружится антагонизмъ между ними. Но онъ отчасти былъ даже доволенъ этимъ: ему хотѣлось какъ можно скорѣе выяснить ей свои взгляды, исповѣдаться передъ ней. Въ то же время онъ боялся, что будетъ слишкомъ волноваться. Онора казалась ему опять удивительно-красивой, и эта яркая, цвѣтущая красота нѣсколько смущала его.

— Я долженъ вамъ признаться,—началъ онъ медленно и осторожно,—что постоянно бываю на подобныхъ лекціяхъ.

— Меня это очень удивляетъ, — отвѣчала Онора съ такою серьезностью, какъ будто онъ признался ей въ какомъ-нибудь нехорошемъ поступкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Почему же это васъ такъ удивляетъ?

— Потому что лекція показалась мнѣ отвратительной, а пренія— шумными и безсмысленными. Хотя нѣкоторые, конечно, говорили довольно умно.

— Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что согласенъ съ общими взглядами, высказываемыми во всѣхъ этихъ рѣчахъ, которыя показались вамъ такими безсмысленными,—заявилъ Лесли сумрачно.

— Неужели вы говорите серьезно?

— Совершенно серьезно.

Онора отвернула голову и начала поправлять цвѣты въ вазѣ, стоявшей рядомъ на столикѣ. Она хотѣла показать, что личные взгляды м-ра Литтльтона ее весьма мало интересуютъ; но молчаніе ея все-таки свидѣтельствовало о томъ, что она относится къ нимъ съ неодобреніемъ.

— Позвольте мнѣ разсказать вамъ, какъ я пришелъ къ своимъ теперешнимъ убѣжденіямъ,—сказалъ онъ.

— Пожайлуста,—спокойно отвѣчала Онора.

Лесли дорого бы далъ за ласковый, ободряющій взглядъ съ ея стороны. Но она не взглянула на него. Онъ началъ свою исповѣдь съ мучительнымъ сознаніемъ раздѣляющей ихъ розни и все время видѣлъ передъ собою ея слегка раскраснѣвшіяся щеки, темные волосы, свѣсившіеся на лобъ, и ея пальцы, бѣлѣвшіе между цвѣтами.

Онъ разсказалъ ей о тѣхъ полусознательныхъ перемѣнахъ, которыя произошли въ немъ еще во время прибыванія его въ университетѣ. По окончаніи университета онъ поселился въ Лондонѣ и сталъ искать независимаго заработка. Въ столицѣ онъ постарался поближе сойтись со школой экономистовъ, которые только еще начали пріобрѣтать нѣкоторое вліяніе и значеніе. Эта новая школа поразила его, какъ стественный продуктъ лондонской жизни, съ ея смѣшаннымъ населеніемъ и рѣзкими контрастами утонченной цивилизаціи и глубочайшаго невѣжества и нищеты.

— Меня не удивило,—говорилъ онъ,—что столько молодыхъ и сильныхъ умовъ посвятили себя разработкѣ именно этихъ вопросовъ. Здѣсь, въ Лондонѣ, вся окружающая жизнь наталкивала ихъ на это. Однажды,—продолжалъ онъ,—я случайно попалъ на одну изъ лекцій Поля Шеридана, того самаго, котораго вы недавно слышали. Я увидѣлъ въ немъ настоящаго сына Лондона. Его

слова и весь его нравственный обликъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе и завоевали мое сердце. Я постарался познакомиться съ нимъ и вскорѣ мы сблизились. Но окончательно созрѣли и укрѣпились мои убѣжденія тогда, когда вы, Онора, разсказали мнѣ исторію вашего отца.

При этихъ словахъ завѣса спала съ глазъ Оноры. Она въ одинъ моментъ представила себѣ всю сцену въ саду и поняла, какъ жестоко она ошиблась въ своемъ другѣ, и какъ неумѣстно было ея обращеніе къ нему. Острое чувство жалости къ себѣ поднялось въ ея душѣ. Она вспыхнула и тотчасъ же поблѣднѣла.

— Вы не великодушно поступили со мной,—проговорила она.

— Я, дѣйствительно, былъ съ вами недостаточно откровененъ,—отвѣчалъ Лесли.—Теперь я стараюсь загладить свою вину.

— Благодарю васъ,—сказала Онора, холодно. Она нарочно не желала продолжать интересный разговоръ о своихъ чувствахъ, чтобы немного наказать его.—Теперь скажите мнѣ,—продолжала она,—неужели это въ васъ вполнѣ серьезно и неизмѣнно?

— Да,—отвѣчалъ онъ.—Неизмѣнно.

Онора отставила отъ себя цвѣты, повернулась къ своему собесѣднику и посмотрѣла ему прямо въ глаза испытующимъ взглядомъ. Вотъ уже второй человѣкъ въ теченіе этого года открываетъ ей свою душу и разсказываетъ ей то, что онъ пережилъ. Что такое случилось со всѣми, что они точно потеряли голову? Её смущала та горячность и непоколебимая твердость, съ которой Лесли говорилъ о своихъ убѣжденіяхъ. Теперь, онъ отвѣтилъ на ея испытующій взглядъ открытой улыбкой.

— Я получилъ прощеніе?—спросилъ онъ.

— О, да,—отвѣтила она.—Но знаете, все, что вы мнѣ только что говорили, кажется мнѣ довольно неяснымъ, и вообще такой оборотъ дѣла былъ для меня совершенной неожиданностью.

— Вы, значитъ, были удивлены, увидя меня на лекціи?

— Чрезвычайно удивлена. И не только удивлена, а, можно даже сказать, потрясена. Все это собраніе показалось мнѣ такимъ шумнымъ и нелѣпымъ. И вдругъ, вы предсѣдательствуете тамъ—*вы!* Сидите на эстрадѣ и звоните въ маленькій колокольчикъ!

Тонъ ея внезапно измѣнился и сдѣлался дружески-насмѣшливымъ.

— Что жъ дѣлать! Мнѣ довольно часто приходится сидѣть тамъ и звонить въ маленькій колокольчикъ,—когда это оказывается нужнымъ. Но какое впечатлѣніе произвела на васъ сама лекція?

— Мнѣ кажется, очень легко наговорить разныхъ красивыхъ фразъ по такому широкому вопросу,—сказала она.—Что же ка-

сается лектора, то онъ мнѣ ужасно не понравился. Онъ просто взбѣсилъ меня своей самоувѣренностью и развязностью.

Лесли гладилъ свои усы, и глаза его смѣялись.

— А какъ обстоитъ дѣло съ греческими миѳами?—спросилъ онъ, чтобы перемѣнить предметъ разговора.

— Они давно уже преданы забвенію, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ глупостей,—отвѣтила Онора, весело.—Это была мечта, неосуществимая въ нашемъ прозаическомъ мірѣ.

— Вы довольны вашимъ теперешнимъ положеніемъ?—спросилъ Лесли.

— Чрезвычайно довольна. Прежде всего оно даетъ мнѣ полную независимость.

Она выпрямилась на креслѣ и увѣренно посмотрѣла на него. Ей хотѣлось дать ему понять, что она прекрасно устроилась безъ него, и уже никогда больше не обратится къ нему за помощью. *Нѣтъ!* Ужъ этого онъ никогда больше не дождется!

— Не будемъ говорить обо мнѣ,—сказала она спокойнымъ тономъ человѣка, не нуждающагося ни въ чьемъ сочувствіи.— Разскажите мнѣ еще о себѣ, объ этихъ вашихъ новыхъ взглядахъ.

Лесли не безъ волненія вернулся къ этому вопросу. Независимая, трудящаяся женщина, сидящая передъ нимъ, была такъ непохожа на ту тщеславную дѣвушку, которую онъ зналъ раньше. Теперь она казалась ему гораздо проще, привлекательнѣе и значительнѣе.

— Что же мнѣ еще сказать вамъ, Онора?—началъ онъ.— Право, теперь я уже открылъ передъ вами всю свою душу.

— Но мнѣ хотѣлось бы знать побольше о томъ, что вы собственно дѣлаете. Я убѣждена, что побужденія у васъ самыя благородныя. Но къ чему все это приведетъ? Я человѣкъ практическій и меня больше всего интересуютъ результаты.

— Ну, ужъ относительно результатовъ не знаю. Вѣдь я не пророкъ.

— Такъ скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, вотъ что. Это послѣднее собраніе было типичнымъ для вашихъ собраній вообще, или нѣтъ?

— Я думаю, что да. Хотя, конечно, бываютъ и болѣе бурныя собранія.

— О, Боже мой, еще болѣе бурныя! Могу себѣ представить, что это за столпотвореніе!

Она откинулась на спинку кресла и смотрѣла на него изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ.

— Вы очень измѣнились за послѣднее время,—проговорила она.

— Вы находите? Впрочемъ, я, кажется, въ самомъ дѣлѣ измѣнился. Мнѣ кажется, что и вы тоже измѣнились, Онора.

— Знаете,—продолжала она.—Я всегда думала, что вамъ предстоитъ такая блестящая будущность.

— Какая тамъ будущность!—отвѣчалъ Лесли, отрицательно покачавъ головою.

— Хотя, конечно, можетъ быть вы достигнете чего-нибудь, если, напр., ваши единомышленники сдѣлаются крупной политической партіей?

Лесли засмѣялся.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю васъ. Какой смыслъ имѣютъ разныя отвлеченныя идеи, которыя не могутъ быть осуществлены на практикѣ?

— Въ данное время—не могутъ, но будущія поколѣнія осуществятъ ихъ.

— Но мнѣ совсѣмъ не улыбается перспектива работать для будущихъ поколѣній.

— Вы предпочитаете достигнуть успѣха въ настоящемъ?—спросилъ Лесли, съ улыбкой.

— Конечно, предпочитаю. А вы?

— Я? Увѣряю васъ, Онора, что никогда не думалъ объ этомъ.

— Ну, такъ бросьте всю эту затѣю. По правдѣ сказать, ваши доводы показались мнѣ вовсе неубѣдительными, Лесли.

Лесли молчалъ и разсѣянно улыбался. Онъ былъ радъ, что она, наконецъ, назвала его по имени; но звукъ ея голоса говорилъ скорѣе о товарищескомъ равенствѣ, чѣмъ о женской ласкѣ.

— Я надѣюсь, что со временемъ немного больше узнаю Лондонъ,—продолжала она.—Это такой удивительный городъ. Всѣ люди въ немъ точно изломанные. Что касается меня, то я, говоря откровенно, совсѣмъ поглощена своей работой. Но все-таки я заставлю Люциллу поводить меня по собраніямъ и показать мнѣ разныя вещи. Люцилла—такой же продуктъ Лондона, какъ гамэны—продуктъ Парижа. Я подозрѣваю, что она тоже изломанная. Но я очень люблю Люциллу.

Она тряхнула головой и засмѣялась пріятнымъ, музыкальнымъ смѣхомъ. Она была очень хорошенькая въ эту минуту, но Лесслі было все-таки немного обидно, что его исповѣдь была принята съ такимъ веселымъ равнодушіемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ доволенъ, что, по крайней мѣрѣ, они теперь помирились.

— Значитъ, ваша работа вамъ нравится? Вы довольны?—спросилъ онъ, вставая и нервно теребя въ рукахъ шляпу.

— Работа моя мнѣ очень нравится, и вообще я довольна.

Боже, до чего я тогда была зла на васъ! Но, въ сущности, вы были правы. Это и есть самое ужасное—сознавать, что другой человѣкъ правъ, въ то время, какъ самъ не правъ. Я васъ тогда страшно ненавидѣла. Но теперь все это прошло. Я нашла подходящее для себя мѣсто, и работа меня вполнѣ удовлетворяетъ.

Голосъ ея звучалъ весело и рѣшительно и глаза все еще смѣялись. Лесли, улыбаясь, пожалъ ея руку и пробормоталъ, что надѣется скоро увидѣться съ нею. Но, очутившись на улицѣ, онъ опять сталъ серьезенъ и думалъ о томъ, какъ-то сложатся въ будущемъ его отношенія съ Онорой.

Когда онъ ушелъ, Онора выпрямилась и закинула руки за голову. Она казалась теперь олицетвореніемъ цвѣтущей молодости и дѣвической красоты. Довольная улыбка освѣщала ея лицо. Въ общемъ, она была очень довольна собою и этимъ визитомъ. Послѣ столькихъ униженій, ей пріятно было, наконецъ, почувствовать себя торжествующей. Къ тому же, все поведеніе Лесли сегодня доказывало, какъ много она выиграла въ его глазахъ, благодаря своей независимой трудовой жизни.

— Да, теперь времена перемѣнились,—думала она.—Я не нуждаюсь больше ни въ немъ, ни въ отцѣ, и ни въ комъ на свѣтѣ. Я—такой же свободный, независимый человѣкъ, какъ и онъ и съумѣю сама постоять за себя.

Глава XI.

Онора все болѣе и болѣе сближалась съ Люциллой. Ея дружба къ ней была нѣжнѣе и глубже, чѣмъ всѣ другія чувства, какія она когда-либо испытывала. Подчиняясь умственному вліянію своего друга, она въ то же время относилась къ ней съ заботливымъ покровительствомъ, какъ болѣе сильный, здоровый и физически, и нравственно, человѣкъ. Она постоянно наблюдала за Люциллой и по мѣрѣ того, какъ приближалась зима, замѣчала, что та блѣднѣетъ и глаза ея дѣлаются грустнѣе и задумчивѣе. Онора при этомъ думала о портретѣ, который красовался на почетномъ мѣстѣ въ комнаткѣ ея друга, и чувствовала злобу противъ м-ра Шеридана. Но въ дѣйствительности она не совсѣмъ вѣрно схватывала суть дѣла: въ наше время старинная тема отношеній между мужчинами и женщинами разыгрывается съ большими варіаціями.

Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ лекціи, Люцилла сидѣла у себя въ комнатѣ, ожидая посѣщенія Шеридана. Шериданъ сказалъ правду, говоря Литтльтону, что не знаетъ причины блѣд-

ности и грустнаго вида Люциллы. Но это обстоятельство все-таки заботило его, и онъ выискалъ свободный вечеръ среди своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ занятій, чтобы повидаться съ молодой дѣвушкой и разспросить ее, отчего она разстроена. Теперь Люцилла ждала его. Она думала о его посѣщеніи весь день и вечеромъ поджидала его, напряженно вслушиваясь въ тишину.

Люцилла обладала одной рѣдкой способностью — способностью чувствовать поэтическую сторону самыхъ обыденныхъ вещей. Она смотрѣла на жизнь совсѣмъ иначе, чѣмъ Шериданъ, который имѣлъ своего рода геній для схватыванія практическаго смысла событій; она воспринимала жизнь съ другой, менѣе наглядной и ощутимой стороны. Для нея все было исполненно чудесъ. Въ каждомъ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ она угадывала сокровенныя тайны его души и его связь съ великой міровой жизнью. Обладая этой рѣдкой способностью, Люцилла почти никогда не чувствовала себя одинокой и грустной, хотя ей часто приходилось страдать отъ того, что она надѣляла близкихъ ей людей такими свойствами, которыя существовали только въ ея воображеніи, и огорчалась, когда дѣйствительность разбивала эти мечты. Теперь она думала о практическомъ, дѣловомъ человѣкѣ, который долженъ былъ сейчасъ придти къ ней, и мысли эти были непріятнаго свойства. Когда онъ постучался въ дверь, она встала ему на встрѣчу съ сильно бьющимся сердцемъ и взволнованнымъ лицомъ.

Шериданъ пришелъ къ ней послѣ шумнаго трудового дня и не замѣтилъ сразу ея страннаго, напряженнаго взгляда. Но вскорѣ онъ почувствовалъ въ ея обращеніи какую-то сдержанность и самъ тоже замкнулся.

— Я принесъ вамъ корректурные листы моей послѣдней брошюры,—сказалъ онъ послѣ обычнаго обмѣна привѣтствій.—Я думалъ, что вы, можетъ быть, поинтересуетесь прочесть ихъ?

— Благодарю васъ,—сказала она упавшимъ голосомъ.

— Надъ этимъ много пришлось поработать,—замѣтилъ онъ, передавая ей корректурные листы.

— О да, я представляю себѣ, сколько вы вложили сюда труда! А между тѣмъ, будутъ говорить, что все это однѣ фантазіи.

— Фантазія или нѣтъ, а черезъ шесть мѣсяцевъ она будетъ включена въ программу практической политики.

Люцилла съ легкой усмѣшкой перелистовала брошюрку.

— Вотъ какимъ путемъ мы идемъ впередъ!—проговорила она.

— Конечно. Самый вѣрный путь—это постоянное повтореніе. Вы повторяете и повторяете какую-нибудь мысль по сту разъ,

пока, наконецъ, она не сдѣлается общимъ мѣстомъ, и тогда люди вообразятъ, что они сами ее придумали.

— И забываютъ объ источникѣ идеи,—сказала Люцилла съ сожалѣніемъ.

— О, это ничего не значитъ, — отвѣтилъ онъ, дружески улыбаясь.

Люцилла просматривала брошюру, и Шериданъ замѣтилъ по ея лицу, что она какъ будто недовольна ею.

— Боюсь, что она покажется вамъ скучной,—сказалъ онъ, точно извиняясь.

— Поль,—застѣнчиво начала Люцилла, слегка краснѣя,—я бы очень хотѣла, чтобы вы прочли что-нибудь мое...

— Ваше, Люцилла!—воскликнулъ Шериданъ, наклоняясь къ ней съ ласковой улыбкой.—Развѣ *вы* написали что-нибудь?

— О, нѣтъ, я не то хотѣла сказать. У меня нѣтъ времени даже и на то, чтобы читать, а. не то, чтобы самой писать,—отвѣтила она поспѣшно.

— Такъ о чемъ же вы говорите?

— Вотъ о чемъ.—Она протянула ему брошюрку, направленную противъ Шеридана и его друзей, которые обвинялись въ опортюнизмѣ и подслуживаніи къ буржуазіи.

Шериданъ взялъ ее и тотчасъ же положилъ обратно. На обложкѣ стояло имя автора: «Ахиллъ д'Овернэ». Онъ опустилъ голову и началъ пальцами барабанить по столу.

— Не думаю, чтобы такія вещи могли имѣть какое-нибудь значеніе,—сказалъ онъ мягко, но очень рѣшительно.

— Вы не хотите прочесть эту брошюрку?

— Нѣтъ.

— Почему же?

— Потому что это было бы пустой тратой времени.

— Поль...

— Что скажете?

— Дайте, я прочту вамъ немного...

— Если вы желаете, то я готовъ слушать.

Люцилла дрожащими руками взяла брошюрку. Въ горлѣ ея пересохло и она съ трудомъ начала читать вслухъ. Но, прочтя нѣсколько фразъ, она вдругъ остановилась. Шериданъ сидѣлъ неподвижно, и когда она кончила, вопросительно взглянулъ на нее.

— Я не могу больше читать. Что-то сжимаетъ мнѣ горло и не даетъ выговорить ни слова. Я думаю, это вы виноваты.

— Я очень сожалѣю объ этомъ. Я все время внимательно слушалъ. Что же мнѣ еще было дѣлать?

— Но я чувствую, что вамъ не нравится то, что я читаю.

— Такъ зачѣмъ же, Люцилла, вы читаете мнѣ все это?

— Потому что *мнѣ* оно нравится. Вы не можете представить себѣ,—продолжала она тихимъ, прерывающимся голосомъ,—какъ мнѣ больно... какъ ужасно больно расходиться во взглядахъ съ вами.

Шериданъ быстро обернулся къ ней; лицо его дышало самымъ дружескимъ участіемъ и лаской.

— Мнѣ, право, очень жаль, что вамъ можетъ нравиться такая галиматья,—сказалъ онъ.

— Это вовсе не галиматья. Вы предубѣждены противъ monsieur д'Овернэ.

— Ни капельки. И по правдѣ сказать, меня даже не столько огорчаетъ то, что вамъ нравятся такія вещи, сколько то, что вы придаете имъ какое бы то ни было значеніе. Для меня все это звучитъ, какъ наборъ совершенно безсмысленныхъ фразъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Конечно. Я не могу уловить здѣсь никакого практическаго смысла.

— Мнѣ кажется, д'Овернэ хочетъ выработать общіе, руководящіе принципы...

— Въ такомъ случаѣ я сильно сомнѣваюсь въ его искренности. Человѣкъ, который толкуетъ о томъ, что всѣ люди одинаковы, что никакихъ различій не существуетъ, и что все основывается на лжи, говоритъ вздоръ, и, по всей вѣроятности, самъ это знаетъ.

— Но остальное?

— Все это одна пустая болтовня. Если бы королева Викторія завтра послала за д'Овернэ и поручила бы ему составить билль о національзаціи земли, неужели же онъ бы отказался отъ такого порученія на томъ основаніи, что не желаетъ сѣсть на шею своимъ собратьямъ? Неужели же вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что онъ бы отказался?

— Я въ этомъ твердо убѣждена,—воскликнула Люцилла, и глаза ея засверкали.

— Тогда онъ не исполнилъ бы своей обязанности.

Люцилла противъ воли улыбнулась. Шериданъ ласково посмотрѣлъ на нее.

— Вы говорите, что вамъ тяжело расходиться со мною?

— О, да.

— Такъ, значитъ, въ сущности никакого разногласія между нами нѣтъ. Если бы вы дѣйствительно придерживались другихъ взглядовъ, то чувствовали бы себя очень легко.

Люцилла вмѣсто отвѣта вздохнула.

— Вы только представьте себѣ, — продолжалъ Шериданъ, — до чего безсмысленны всѣ эти тирады о «всеобщемъ разрушеніи». Пусть бы д'Овернэ попробовалъ управлять какимъ-нибудь самымъ ничтожнымъ предпріятіемъ, тогда бы онъ увидѣлъ, сколько тутъ сплетается самыхъ разнообразнѣйшихъ и сложныхъ интересовъ, и какъ легко здѣсь произвести «полнѣйшую чистку», которую онъ проповѣдуетъ.

Люцилла отбросила въ сторону брошюру д'Овернэ.

— Поль,—сказала она, вдругъ поднимаясь съ мѣста.—Я начала составлять статейку для мѣстныхъ газетъ о предстоящихъ лекціяхъ, но у меня ничего не выходитъ. Голова страшно болитъ отъ исправленія ученическихъ тетрадей, и я чувствую себя не въ силахъ связать двухъ словъ.

— Дайте ее мнѣ, —сказалъ Шериданъ, ласково.—Можетъ, я могу помочь вамъ? У меня сейчасъ есть время.

Онъ взглянулъ на часы.

— Какой вы добрый! Вотъ вамъ бумага и мое начало.

Онъ усѣлся къ столу, а она стояла за его спиною и черезъ плечо отмѣчала ему разныя газетныя вырѣзки своимъ тонкимъ, маленькимъ пальчикомъ.

— Видите, я хотѣла бы указать на то, и то,—говорила она,— но я не знаю, какъ все это выразить.

— Отлично,—сказалъ онъ.—Я понялъ. Сейчасъ будетъ сдѣлано.

Люцилла отошла отъ него, сѣла на скамеечку передъ каминомъ, опустивши голову на руки, и смотрѣла на Шеридана. Свѣтъ лампы освѣщалъ его лобъ и верхнюю часть лица. Несмотря на то, что работа была сама по себѣ пустяшная, онъ отнесся къ ней съ полной серьезностью и вскорѣ былъ совершенно поглощенъ ею: быстро исписывая страницу за страницею, время отъ времени онъ останавливался, зачеркивалъ какое-нибудь выраженіе, и въ раздумьи теребилъ усы, точно это помогало ему выразить свою мысль, потомъ тотчасъ же писалъ дальше. Люцилла все время наблюдала его за работой и думала совсѣмъ о другомъ.

— Готово,—сказалъ, наконецъ, Шериданъ, дописывая послѣдній листокъ.—Вотъ вамъ блистательнѣйшее предисловіе, какое вы только можете желать.

— Знаете,—сказала она, не отвѣчая на его слова,—что лицо ваше мнѣ напоминаетъ одну вещь.

— Какую же именно?—спросилъ онъ.

— Одну вещь въ природѣ. Вы, кажется, совершенно равно-

душны къ природѣ—навѣрное даже не замѣчаете ее. Такъ вотъ ваше лицо напоминаетъ мнѣ одну гору, которую я когда-то видѣла. Она находилась среди цѣлаго ряда холмовъ, какъ разъ противъ оконъ дома, гдѣ я жила. Солнце закатывалось за этими холмами. И вотъ одна гора между ними была совсѣмъ не такая, какъ всѣ остальныя. Она имѣла форму человѣческой головы, обращенной лицомъ къ небу, и это лицо мѣнялось совсѣмъ, какъ лицо человѣка. Должно быть, это зависѣло просто отъ облаковъ, проходившихъ мимо, или отъ солнечнаго освѣщенія. Но мнѣ казалось, что оно живетъ своей собственной жизнью.

— Люцилла,—мягко прервалъ ее Шериданъ,—я боюсь, что не пойму всей этой поэзіи. Единственная, доступная для меня поэзія, это та, которую вкладываешь въ повседневную работу и жизнь.

— Но дайте же мнѣ досказать вамъ...

— Пожалуйста, продолжайте. Я слушаю.

— Съ этимъ холмомъ у меня всегда соединялись двѣ идеи, черты лица были удивительно похожи на ваши...

— На мои?!.

— И въ то же время, когда я смотрѣла на нихъ, я всегда почему-то вспоминала о демократіи.

— Вотъ какъ! Это, мнѣ кажется, я могу понять.

— Но я хотѣла сказать, что въ томъ лицѣ, на горѣ, было еще что-то, чего не хватаетъ въ вашемъ лицѣ...

— Что же именно?

— Вамъ не хватаетъ одного качества. И меня это ужасно огорчаетъ.

Шериданъ пожалъ плечами и въ недоумѣніи сталъ теребить свои усы.

— Послушайте, Люцилла,—началъ онъ съ улыбкой.—Если вы будете преслѣдовать меня за то, что моя физіономія не походитъ до мельчайшихъ подробностей на какую-то гору, то я ужъ, право, не знаю, что мнѣ и дѣлать.

— Но это различіе очень типичное, Поль.

Несмотря на шутливый тонъ, въ голосѣ молодой дѣвушки звучали серьезныя ноты.

— Ну, такъ скажите же, чего во мнѣ не хватаетъ.

Ему самому интересно было знать, что она въ немъ подмѣтила. Шериданъ былъ почти лишенъ мелочного самолюбія и всегда относился къ себѣ очень критически.

— Неужели у васъ нѣтъ *вѣры* въ свое дѣло?—спросила она.

— Думаю, что есть,—отвѣтилъ Шериданъ просто.

— Такъ отчего же, вы постоянно считаетесь съ обстоятельствами? Отчего вы сами не прокладываете новаго пути?

— Мнѣ кажется, что въ этомъ и заключается главная особенность моей вѣры. Я говорю, что моя мысль осуществима при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и стараюсь воспользоваться ими.

— Но, благодаря этому, вамъ не хватаетъ того качества, которое создаетъ великихъ вождей,—проговорила она.

Шериданъ невольно улыбнулся, подумавъ о томъ, какъ она создала себѣ преувеличенное и несоотвѣтствующее дѣйствительности представленіе о немъ.

— Я начинаю подозрѣвать, что мнѣ, по вашему мнѣнію, не хватаетъ возвышенности, величія духа, — сказалъ онъ. — Что жъ дѣлать? Но почему жъ вы думаете, что я долженъ быть великимъ вождемъ?

Люцилла съ упрекомъ взглянула на него.

— Вообще, кто это рѣшилъ, что я долженъ быть чѣмъ-то великимъ? Я просто дѣловой человѣкъ, обладающій извѣстной практичностью и изобрѣтательностью. Вотъ и все.

— Вы могли бы сдѣлать все, чего бы вы ни захотѣли,—отвѣтила она тихимъ голосомъ.—Такой человѣкъ, какъ вы!..

— Нѣтъ, я не могу сдѣлать всего, что захочу,—возразилъ онъ серьезно, и лицо его сдѣлалось озабоченнымъ.

— Оттого, что у васъ нѣтъ вѣры,—сказала она.

Шериданъ почувствовалъ себя совсѣмъ неловко.

— Я вижу, вы сильно заблуждаетесь на мой счетъ,—началъ онъ.—Но самъ я имѣю о себѣ совершенно ясное представленіе. Я отлично знаю, какая мнѣ цѣна и на что я гожусь.

Люцилла продолжала молчать. Онъ замѣтилъ напряженное, полное ожиданія выраженіе ея глазъ и улыбнулся.

— Я подозрѣваю, что вы мечтаете о героической смерти на Трафальгарскомъ скверѣ,—сказалъ онъ, высказывая внезапно осѣнившую его мысль.—Въ этомъ и заключается разница между нами. Я же мечтаю только о томъ, чтобы выработать во всѣхъ подробностяхъ нашъ проектъ реформы городскихъ водопроводовъ.

Онъ говорилъ въ шутку и очень удивился, увидя, какъ она внезапно поблѣднѣла.

— Ну, что жъ,—сказала она сухо.—Я увѣрена, что вы добьетесь успѣха.

— Вы думаете?—спросилъ онъ спокойно.—Конечно, я былъ бы очень радъ этому.

Но такая низменная вещь, какъ успѣхъ въ дѣлѣ дарового водоснабженія, совершенно не соотвѣтствовала идеалу Люциллы,

и Поль спустился со своего пьедестала, объявивъ, что онъ былъ бы радъ ему.

— Конечно, вы составите себѣ видное положеніе,—сказала она.

— Не отрицаю, что я желалъ бы добиться и такого успѣха, но только, если онъ будетъ частью другого, общаго успѣха. Мнѣ, кажется, между нами какое-то недоразумѣніе, Люцилла. Я не совсѣмъ понимаю васъ сегодня.

— Право, и понимать-то особенно нечего, — сказала она устало.

— Вы прочтете мою брошюрку, не правда ли?—проговорилъ онъ мягко.—Если вамъ нужно поправлять еще ваши ученическія тетради, то я могъ бы оставить ее вамъ на день дольше. Мнѣ бы хотѣлось знать ваше мнѣніе.

Говоря это, онъ указывалъ рукою на кипу школьныхъ тетрадей, лежавшихъ на столѣ. Его мягкость совершенно обезоруживала Люциллу. Ей хотѣлось сказать ему:

«Не будьте такъ добры со мной. Скажите что-нибудь, что бы подняло меня, призовите меня къ какому-нибудь дѣлу».

Но Шериданъ никуда не звалъ ее. Его немного раздражали эти странныя перемѣны въ ея настроеніи, но она была его другомъ и товарищемъ и онъ относился къ ней съ бóльшимъ терпѣніемъ, чѣмъ къ остальнымъ. Теперь онъ съ сочувствіемъ смотрѣлъ на ея поблѣднѣвшее личико. Онъ дорого бы далъ, чтобы успокоить ее, но все-таки не могъ понять, что собственно ее тревожитъ.

— Я обѣщалъ еще сегодня зайти къ Литтльтону,—сказалъ онъ, дѣлая послѣднюю попытку развлечь ее.—Онъ теперь очень занятъ проектомъ новаго фабричнаго закона.

— Я ненавижу фабричные законы,—равнодушно проговорила Люцилла.

— Въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ это очень жаль, потому что я придаю имъ большое значеніе. Ну-съ, до свиданія. Мнѣ пора отправляться. Между прочимъ, въ это воскресенье я буду говорить на митингѣ въ Гайдъ-Паркѣ, съ платформы № 5.

— Я непремѣнно приду,—сказала она, внезапно оживившись.— Я ужасно люблю эти большіе митинги, и чувствую себя, какъ рыба въ водѣ, въ народной толпѣ.

— Вотъ и отлично, приходите,—заключилъ онъ, протягивая ей руку.—Прощайте, голубушка. Мнѣ очень жаль, что не удалось разсѣять вашего унынія. Можетъ быть, я говорилъ совсѣмъ не то, что нужно. Не сердитесь на меня. Значитъ, увидимся въ паркѣ.

Люцилла опять посмотрѣла на него такимъ страннымъ, грустнымъ взглядомъ, и онъ ушелъ съ тяжелымъ недоумѣніемъ на сердцѣ.

Глава XII.

Шериданъ спускался съ лѣстницы медленнѣе, чѣмъ онъ это дѣлалъ обыкновенно. Онъ былъ смущенъ и огорченъ, чувствуя, что потерпѣлъ неудачу, и не понимая, какъ слѣдуетъ причины ея.

А Люцилла въ это время стояла у себя въ комнатѣ около письменнаго стола. Она думала о томъ, что Поль унижаетъ великую идею, которой они оба служатъ, этими постоянными компромиссами, этой борьбой изъ за мелочей. Ей хотѣлось сохранить идеалъ неприкосновеннымъ, а онъ постоянно низводилъ его до уровня простыхъ практическихъ мѣръ. Въ дѣйствительности онъ не меньше ея былъ преданъ идеѣ, но не позволялъ себѣ сходить со строго практической почвы. Люцилла же не могла понять такой «умѣренности и аккуратности». Она больше всего цѣнила въ людяхъ горячность и способность къ самопожертвованію, и методъ дѣятельности, выработанный Полемъ и оказавшійся такимъ удачнымъ на практикѣ, все менѣе и менѣе удовлетворялъ ее. Она томилась и искала въ другомъ мѣстѣ болѣе полнаго соотвѣтствія между идеаломъ и стремленіемъ къ нему.

Теперь она обдумывала важный вопросъ—идти или не идти туда, куда ее звалъ д'Овернэ. Наконецъ, она рѣшилась, быстро отправилась въ свою спальню и вышла оттуда со шляпою и накидкою въ рукахъ. Она одѣвалась съ большой поспѣшностью, точно боялась, что рѣшимости ея хватитъ ненадолго и она все-таки останется. Подойдя къ двери, она уже взялась за ручку и тутъ остановилась въ замѣшательствѣ. Она была очень блѣдна; горящими глазами осматривала она свою маленькую комнату и остановилась взглядомъ на карточкѣ Шеридана. Ей казалось, что эта карточка смотритъ на нее съ нѣмымъ упрекомъ и какъ будто предостерегаетъ ее. Она отошла отъ двери и уже подняла руки, чтобы снять шляпу, но потомъ опомнилась, и быстро вышла. Черезъ минуту дверь за ней уже закрылась, и Люцилла торопливо сбѣгала по лѣстницѣ.

Люцилла пошла въ обратную сторону, чѣмъ недавно покинувшій ее Шериданъ, и сѣла въ омнибусъ, направлявшійся къ Вестминстеру. Черезъ четверть часа она уже проходила мимо аббатства къ мосту. Она шла очень быстро, не останавливаясь и не обращая вниманія на окружающее, и все-таки чувствовала на себѣ вліяніе ночи и старинныхъ зданій, возвышавшихся кругомъ. Дойдя

до моста, она остановилась—сколько разъ потомъ пришлось ей останавливаться тутъ же!—и, облокотившись на перила, посмотрѣла на востокъ. Въ глазахъ ея появилось выраженіе экстаза; она почти не видѣла безчисленныхъ огоньковъ на набережной, отражавшихся въ темной водѣ, ни фантастическихъ очертаній прибрежныхъ домовъ, которымъ ночь придавала видъ какихъ-то тѣней; она видѣла только свою мечту.

Остановилась она ненадолго и затѣмъ такимъ же быстрымъ шагомъ продолжала свой путь. Въ одной изъ узкихъ улицъ по ту сторону моста она нашла тотъ домъ, который искала. Но, подойдя къ двери и уже собираясь постучать, она опять остановилась: ей вдругъ стало страшно своего одиночества и захотѣлось увидѣть около себя знакомыя и милыя лица друзей. На минуту въ ней снова проснулось тяжелое предчувствіе, но она поборола его и постучала въ дверь.

Дверь тотчасъ же отворилась и въ нее выглянула мужская голова съ рѣзко-выраженнымъ иностраннымъ типомъ. Въ глазахъ его мелькнуло удивленіе, когда онъ увидѣлъ тоненькую фигурку дѣвушки, стоявшей передъ нимъ.

Его видимое изумленіе нѣсколько обезкуражило Люциллу, и она молча простояла нѣсколько секундъ, пока незнакомецъ внимательно и съ любопытствомъ разглядывалъ ее. Ей вдругъ стало страшно и она почувствовала желаніе безъ оглядки бѣжать отсюда. Но, къ несчастью для себя, она выдержала характеръ.

— М-г д'Овернэ здѣсь?—пробормотала она.

— А, вы одна изъ нашихъ!

И, не дожидаясь отвѣта, онъ пошелъ наверхъ и кликнулъ д'Овернэ. Тотъ сейчасъ же сбѣжалъ внизъ и радостно привѣтствовалъ молодую дѣвушку.

— Вотъ я и пришла,—сказала она, смотря на него широко раскрытыми глазами.—Но я хочу только посмотрѣть... Что жъ мнѣ дѣлать... *то* меня не удовлетворяетъ!..

Между тѣмъ, Шериданъ находился у Литтльтона. Оба друга сидѣли передъ столомъ, заваленнымъ бумагами, синими книгами, *) томами законовъ и всевозможными справочными книгами. Они были заняты выработкой проекта фабричной инспекціи для парламента. Идея принадлежала Шеридану, но многія подробности и обработка со стороны формы были дѣломъ Литтльтона. Такой совмѣстный трудъ вошелъ уже въ привычку у обоихъ друзей и давалъ отличные результаты. Въ настоящемъ случаѣ ни тотъ, ни

*) «Синія книги»—изданія парламентскихъ коммиссій.

другой не разсчитывали на то, что работа будетъ связана съ ихъ именами.

Шериданъ отыскалъ сочувствующаго члена парламента, который согласился внести отъ своего имени предлагаемый билль и выбрать для этого наиболѣе подходящій моментъ. Членъ парламента—м-ръ Инчбальдъ изъ Вельшира—имѣлъ и свои взгляды на данный предметъ и, вѣроятно, долженъ былъ нѣсколько видоизмѣнить его, но для него было очень важно, чтобы его избавили отъ необходимой подготовительной работы и согласовали билль съ дѣйствующимъ законодательствомъ. Въ общемъ же онъ былъ вполнѣ солидаренъ со своими добровольными сотрудниками. Шериданъ отыскалъ также нѣсколькихъ другихъ членовъ парламента, которые, въ принципѣ, не были враждебны къ такого рода биллю, но или относились къ нему равнодушно, или сомнѣвались въ его практичности. Много и долго бесѣдовалъ онъ съ этими колеблющимися душами, и въ концѣ концовъ ему удалось склонить многихъ изъ нихъ на свою сторону. Но самая трудная часть работа—составленіе билля и приданіе ему законнаго вида—еще оставалась незаконченной и надъ ней-то друзья теперь и работали.

Никто изъ нихъ не надѣялся, что билль будетъ цѣликомъ принятъ парламентомъ, во главѣ котораго теперь стояло консервативное министерство, и, тѣмъ не менѣе, увѣренность въ пораженіи нисколько не ослабляла ихъ энергіи. Они надѣялись только, что нѣкоторые изъ параграфовъ ихъ билля будутъ приняты, какъ дополненія къ дѣйствующему правительственному биллю.

— Теперь уже подобралось нѣсколько членовъ, болѣе или менѣе искусныхъ ораторовъ, которые заинтересованы въ биллѣ,—говорилъ Шериданъ, занимаясь наклейкой различныхъ вырѣзокъ,—а это уже большой шагъ впередъ. Нѣкоторые изъ нихъ выскажутъ важные аргументы въ нашу пользу. По крайней мѣрѣ, я изо всѣхъ силъ старался раскачать ихъ въ эту сторону. Главное, надо заронить въ парламентѣ мысль о такого рода реформахъ и заставить говорить о нихъ.

— Между прочимъ, я получилъ недавно письмо отъ Инчбальда, который находитъ, что мы недостаточно выяснили, въ чемъ будетъ заключаться дѣятельность фабричныхъ и санитарныхъ инспекторовъ,—вставилъ Литтльтонъ.

— Значитъ, надо еще вернуться къ этому вопросу. Мнѣ бы хотѣлось подчеркнуть необходимость расширенія сферы дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ, и я думалъ, что это вышло достаточно ясно. Передайте-ка мнѣ законъ и нашъ первоначальный набросокъ.

*

Работая надъ этимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ, Шериданъ оставался совершенно такимъ же, какимъ онъ былъ только-что у Люциллы, составляя ей объявленіе о лекціяхъ. Онъ писалъ съ такой же быстротой и полной сосредоточенностью, время отъ времени обращаясь къ помощи ножницъ и клея; когда онъ не могъ подыскать какого-нибудь выраженія, онъ обращался къ Литтльтону и часто съ радостью подхватывалъ подсказываемыя имъ слова и быстро писалъ дальше; иногда же отвергалъ его совѣты и самъ придумывалъ что-нибудь. Часто онъ безжалостно зачеркивалъ цѣлыя фразы, принадлежащія ему или Литтльтону, которыя, при вторичномъ чтеніи, казались ему неудовлетворительными.

Было почти 12 часовъ, когда онъ вдругъ выпустилъ изъ рукъ перо и посмотрѣлъ на часы.

— Литтльтонъ,—сказалъ онъ неожиданно,—я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ одномъ—намъ нужно бороться съ анархистами.

— Почему вы именно теперь объ этомъ вспомнили?—съ удивленіемъ спросилъ Лесли.

— Потому что это самая опасная для общества форма реакціи. Я вамъ говорю, самые вредные люди теперь—это анархисты.

Лесли отодвинулъ отъ себя бумаги, вынулъ папироску и закурилъ ее.

— Мнѣ кажется, они никогда не пріобрѣтутъ никакого вліянія въ Англіи,—сказалъ онъ спокойно. — Почему они васъ такъ тревожатъ? Такого рода явленія сильны только тамъ, гдѣ ихъ преслѣдуютъ. А у насъ ихъ оставляютъ въ покоѣ.

Шериданъ молча смотрѣлъ передъ собою, и слова Лесли не разсѣяли его тревоги.

Приблизительно около этого же времени, дверь дома, въ которомъ находилась Люцилла, отворилась, и она вышла оттуда въ сопровожденіи нѣсколькихъ мужчинъ и женщинъ. Она быстро и даже не простившись ни съ кѣмъ, повернула по направленію къ мосту. Д'Овернэ послѣдовалъ за нею, но она его и не замѣтила.

Бесѣда съ товарищами Д'Овернэ показалась ей интересной и увлекательной. Она взволновала ея и вызвала давно не испытанный подъемъ духа. Щеки ея разгорѣлись и глаза блестѣли, какъ тѣ отблески на волнахъ, на которыя она теперь смотрѣла, стоя на мосту и облокотившись на его каменныя перила. Да, вотъ такое отношеніе къ дѣлу можетъ дать нравственное удовлетвореніе! Какая разница между ними и Полемъ, который постоянно заключаетъ сдѣлки съ противниками, живетъ въ ихъ средѣ, и пользуется ихъ же оружіемъ, чтобы вынудить у нихъ какія-нибудь ничтожныя уступки! У Люциллы духъ захватывало отъ счастья, что она, наконецъ, на-

шла то, чего такъ долго искала. Но почему-то именно въ этотъ моментъ ей вдругъ припомнились слова Поля, сказанныя имъ еще въ началѣ ихъ знакомства:

— Мы слишкомъ многое ставимъ на карту, Люцилла, и поэтому *не имѣемъ права* торопиться. Мы обязаны сначала основательно изучать и изслѣдовать. Иначе мы не исполнимъ своего *гражданскаго* долга.

Она какъ будто слышала его серьезный голосъ и видѣла его глаза, съ дружеской лаской обращенные къ ней. Воспоминаніе о Шериданѣ успокаивающе подѣйствовало на нее: съ нимъ было связано что-то такое хорошее, твердое и надежное. Въ это время часы на сосѣдней колокольнѣ пробили четверть двѣнадцатаго. Люцилла вздрогнула и какъ будто очнулась. Д'Овернэ, замѣтивъ ея движеніе, подошелъ къ ней.

— Я ждалъ, пока вы спуститесь на землю, mademoiselle,— сказалъ онъ.

Люцилла обернулась. Его свѣтски-любезный тонъ поразилъ ее своей неумѣстностью. Она взглянула на него, и это красивое лицо съ большими блестящими глазами и недоброй улыбкой показалось ей страннымъ и чуждымъ. Она безсознательно выпрямилась, плотнѣе запахнула свою мантилью и, отвернувшись отъ него, стала смотрѣть на рѣку, усѣянную огоньками, неясно мелькавшими въ темнотѣ.

— Monsieur Д'Овернэ,—сказала она мягкимъ, негромкимъ голосомъ,—вы не должны придавать слишкомъ большаго значенія моему сегодняшнему приходу. На меня ваше собраніе произвело очень освѣжающее впечатлѣніе... оно подняло меня. Но я еще ничего себѣ, какъ слѣдуетъ, не выяснила.

Глаза Д'Овернэ были устремлены на ея тонкій красивый профиль, смутно бѣлѣвшій въ темнотѣ.

— О, mademoiselle,—сказалъ онъ мягко,—конечно, вы сами должны сперва все продумать и увѣровать въ нашу правду. Но все-таки, это уже большой успѣхъ,—прибавилъ онъ.

— Въ чемъ успѣхъ?

— Въ томъ, что вы стоите теперь здѣсь, на этомъ мосту, подъ сѣнью этихъ страшныхъ, вредоносныхъ зданій,—онъ указалъ рукою на зданія парламента,—и раздумываете о томъ, оставаться ли вамъ съ ними, съ прислужниками буржуазіи, или перейти къ намъ, къ страдающему и угнетенному народу.

Онъ очень красиво и выразительно произнесъ эти слова и казался даже совершенно искрененъ въ эту минуту; но на Люциллу его краснорѣчіе произвело совершенно обратное дѣйствіе, чѣмъ онъ ожидалъ. Она гордо и съ негодованіемъ посмотрѣла на него.

— Вы ошибаетесь,—сказала она.—Я думала совсѣмъ о другомъ. *Мы* не имѣемъ никакого отношенія къ торжествующей буржуазіи, засѣдаетъ ли она въ парламентѣ, или нѣтъ. И я пока еще не разсталась со своими старыми друзьями.

Она пошла впередъ. Д'Овернэ тотчасъ же очутился рядомъ съ нею.

— Позвольте мнѣ проводить васъ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—быстро и рѣшительно отвѣтила она.—Мнѣ хочется остаться одной. Я привыкла всюду бывать одна.

Его присутствіе вдругъ сдѣлалось ей противнымъ. Она быстро шла, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ него. Глаза ея были полны слезъ, вызванныхъ не возвышеннымъ подъемомъ духа, а чувствомъ одиночества и безпомощности. Вся ея радость и возбужденіе исчезли, и ей захотѣлось увидѣть лица друзей, очутиться въ ихъ кругу, слышать ихъ привычныя рѣчи, стряхнуть съ себя впечатлѣніе этого новаго, страннаго міра, куда она сегодня попала.

Глава XIII.

Онора долго не могла примириться съ Шериданомъ, благодаря его, непріятной для нея, манерѣ говорить. Литтльтонъ привелъ къ ней своего друга, несмотря на всѣ протесты этого послѣдняго. Затѣмъ, онъ устроилъ у себя нѣсколько вечеровъ, имѣвшихъ цѣлью познакомить Онору съ ихъ кружкомъ.

Къ своему удивленію, Онора убѣдилась, что этотъ кружокъ выгодно отличается отъ остальныхъ, съ которыми ей приходилось сталкиваться, своей простотой и оживленностью, и что въ немъ принимали участіе многіе изъ самыхъ выдающихся людей Лондона. Тутъ были писатели, члены парламента, ученые, общественные дѣятели на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ и всевозможныхъ оттѣнковъ. Они даже затмили въ ея памяти прежнія, блестящія времена Кэмбриджа, которыя, думала она, никогда уже не могутъ повториться. Далѣе она сдѣлала открытіе, что всѣ ея успѣхи въ Кэмбриджѣ не имѣютъ большой цѣны въ глазахъ членовъ кружка, и что ей придется много поработать, чтобы подняться до одного уровня съ ними.

— Знаете, Люцилла,—говорила она мѣсяца черезъ три послѣ перваго визита Литтльтона,—я чувствую себя теперь такъ, какъ-будто меня заставляютъ продѣлывать курсъ умственной гимнастики. Мой идеалъ разговора всегда былъ совсѣмъ другой: я представляла себѣ tête-à-tête съ умнымъ мужчиной, который дол-

женъ блистать остроуміемъ и время отъ времени уснащать свою рѣчь изысканными комплиментами. Я не люблю, когда на меня не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія.

Люцилла улыбнулась.

— М-ръ Литтльтонъ, вѣроятно, не соотвѣтствуетъ этому идеалу?—спросила она.

— За послѣднее время нѣтъ. Раньше его разговоръ былъ чѣмъ-то въ этомъ родѣ. А что касается м-ра Шеридана...

— Ну, что вы про него скажете?

— Разговоръ съ нимъ напоминаетъ игру въ кегли. Я, конечно, изображаю собою кегли, а онъ — шаръ, и онъ постоянно сбиваетъ меня съ позиціи.

Люцилла улыбалась, въ душѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Оноры. Дѣйствительно, Шериданъ имѣлъ оригинальную манеру разговаривать: онъ всегда сводилъ абстрактныя разсужденія на конкретную почву, и забрасывалъ своего собесѣдника обиліемъ фактовъ и цифръ, противъ которыхъ трудно было возражать. Самыя обыденныя явленія жизни были для него исполнены поэзіи, и эта поэзія включала въ себя и стукъ молотовъ, и шумъ колесъ, и безостановочное топаніе ногъ, словомъ—всю атмосферу современной трудовой промышленной жизни. Воображеніе его неустанно работало въ этомъ направленіи, и подобно тому, какъ историкъ, на основаніи обломковъ утвари и остатковъ одежды, возстановляетъ картину давно угасшей жизни, такъ и Шериданъ, на основаніи голыхъ фактовъ и цифровыхъ данныхъ, создавалъ цѣлыя картины трагической, темной стороны современной жизни.

— Истинная поэзія заключается въ статистикѣ, — часто говорилъ онъ, и приводилъ Онору въ негодованіе тѣмъ, что, въ отвѣтъ на какія-нибудь цитаты изъ поэтовъ, приводилъ сложныя статистическія вычисленія.

Литтльтонъ устроилъ первый вечеръ для Оноры вскорѣ послѣ прогулки Люциллы на ту сторону Темзы. Люцилла, конечно, была въ числѣ гостей и, къ большому удовольствію Шеридана, была по старому весела и оживленна. Когда Люцилла не была чѣмъ-нибудь особенно озабочена, она бывала иногда весела и безпечна, какъ ребенокъ; теперь она точно освободилась отъ какого-то гнета, тяготѣвшаго надъ нею послѣднее время, и была такой же простой и милой, какъ раньше.

Онора была нѣсколько смущена новой обстановкой и старалась не уронить своего достоинства. Она не могла сразу опредѣлить, что за люди ее окружаютъ. Но Люцилла заставила ее поза-

быть свою свѣтскую натянутость: послѣ ужина, когда всѣ собрались вокругъ огня, она попросила Литтльтона дать ей папироску.

— Люцилла! А наша школа!—невольно воскликнула возмущенная Онора.

Въ ея красивыхъ глазахъ появилось такое перепуганное выраженіе, что всѣ разсмѣялись. Шериданъ весело посмотрѣлъ на нее.

— Мы всѣ дадимъ обѣтъ молчанія,—сказалъ онъ.

— Надѣюсь, вы не принесете слишкомъ много жертвъ на алтарь приличія,—замѣтилъ Литтльтонъ.

Онъ стоялъ рядомъ съ нею въ своей обычной позѣ, заложивъ обѣ руки въ карманы. Онъ былъ преисполненъ радостнаго оживленія отъ того, что Онора была здѣсь, у него, лицомъ къ лицу съ его близкими друзьями. Онъ точно сбросилъ съ себя свою обычную флегматичность и застѣнчивость, быстрѣе двигался, громче смѣялся и оживленнѣе говорилъ.

— Къ сожалѣнію, приходится, — отвѣчала Люцилла, рѣшительно затягиваясь и выпуская изо рта струйки дыма.—Мы должны соблюдать необыкновенную строгость нравовъ. Намъ приходится охранять не только свою репутацію, или репутацію дѣтей, но главнымъ образомъ считаться со взглядами родителей.

— Но я и сама противъ куренія,—твердо заявила Онора.— Люцилла, вы просто скандализируете меня. Я удивляюсь, какъ вы это допускаете, Лесли.

— Отдайте мнѣ папироску, Люцилла,—сказалъ Лесли, протягивая руку.

— Ни въ какомъ случаѣ,—отвѣчала Люцилла, отводя въ сторону его руки.

— Мы съ Онорой вовсе не брали обязательства заботиться о репутаціи другъ друга. Надо вамъ сказать,—прибавила она, обращаясь къ своей пріятельницѣ,—что мои любимые пороки, это— курить папироски и рано вставать.

— Второй изъ этихъ пороковъ меня очень огорчаетъ,—сказалъ Поль.—Онъ указываетъ на то, что вы мало пользуетесь столичными развлеченіями.

— О, я не особенно часто грѣшу и въ томъ, и въ другомъ отношеніи,—весело сказала Люцилла.—Я слишкомъ устаю, чтобы рано вставать, и слишкомъ бѣдна, чтобы позволить себѣ много курить.

— Раннее вставаніе, обыкновенно, служитъ только предлогомъ къ ничегонедѣланію въ теченіе дня,—сказалъ Литтльтонъ.—Я думаю, слѣдовало бы внести въ уставъ новаго общественнаго строя, что всѣ должны воздерживаться отъ ранняго вставанія.

— Напротивъ, оно должно быть возведено въ правило,—возразила Люцилла.—Нужно установить законный часъ для утренняго чая—положимъ, въ 8 ч. утра.

— Прислуга всегда встаетъ раньше,—сказалъ Шериданъ.

— И никто не ставитъ ей этого въ заслугу,—вставила Люцилла.—А хорошо было бы, если бы мы могли въ серьезъ поиграть «въ почту» мѣсяцъ или два, и помѣняться положеніями съ кѣмъ-нибудь другимъ. До какой степени безпомощны оказались бы многія изъ насъ!

— Это была бы прекрасная вещь, — сказалъ Шериданъ серьезно,—только я бы еще продлилъ періодъ этой игры. Особенно полезно это было бы въ одномъ отношеніи. Я недавно занимался изученіемъ нашихъ общественныхъ школъ, и убѣдился, что эти учрежденія приспособлены къ тому, чтобы отрывать заурядныхъ мальчишекъ отъ ручного труда, для котораго они созданы, между тѣмъ, какъ выдающіеся, талантливые среди нихъ не имѣютъ никакихъ шансовъ идти впередъ и продолжать свое образованіе.

— Я всегда думала,—сказала Онора,—что при нашей системѣ всеобщаго и безплатнаго обученія всѣ имѣютъ, приблизительно, равные шансы, и поэтому нельзя говорить о талантахъ, гибнущихъ вслѣдствіе невозможности проявить себя.

Шериданъ быстро обернулся къ ней.

— Я очень удивленъ, что слышу это отъ васъ,—сказалъ онъ, тотчасъ же призывая къ себѣ на помощь статистику.—Возьмемъ, напримѣръ, Лондонъ. Только одинъ изъ сорока лондонскихъ мальчиковъ продолжаетъ учиться послѣ 12 лѣтъ; 50.000 мальчиковъ ежегодно кончаютъ начальную школу, и только около 1.000 изъ нихъ поступаютъ въ среднія учебныя заведенія. Неужели вы называете это «равными шансами»? При нашей неорганизованной системѣ образованія большинство юнаго поколѣнія приносится въ жертву, между тѣмъ какъ небольшое меньшинство учится (или, вѣрнѣе, пренебрегаетъ ученіемъ) на ихъ счетъ. Такое положеніе вещей не должно было бы быть допустимо въ государствѣ, въ основѣ котораго лежитъ всеобщее равенство, какъ у насъ въ Англіи.

— Вы хотите сказать,—вставила Онора,—что нужно лишить возможности получать образованіе тѣхъ, которые по праву пользуются ею, и отдать ее другимъ?

— Ничего подобнаго я не хочу сказать. Я не признаю, чтобы меньшинство могло имѣть больше «правъ», чѣмъ большинство. Я хочу только, чтобы всѣ имѣли одинаковую возможность получать образованіе.

Здѣсь Литтльтонъ, который умѣлъ читать на лицѣ Оноры, вмѣшался въ разговоръ, грозившій принять непріятный оборотъ.

По странной ироніи судьбы, Онора, которая всегда относилась съ нѣкоторымъ презрѣніемъ—правда, очень мягкимъ и сдержаннымъ—ко взглядамъ своего отца, считая себя крайне передовой по сравненію съ нимъ, открывала постоянно точки соприкосновенія между нимъ и Шериданомъ. А Шеридана она не могла не признавать вполнѣ передовымъ человѣкомъ, хотя и не соглашалась съ его «дикими» взлядами. Ей было досадно, что въ ихъ спорахъ послѣднее слово постоянно оставалось за нимъ.

Со времени этого вечера у Литтльтона, Люцилла какъ-то повеселѣла и вернулась къ своему прежнему настроенію духа. Въ теченіе вечера она была очень мила съ Полемъ, и сквозь ея веселость чувствовалось желаніе загладить какую-то свою вину.

Шериданъ былъ въ восторгѣ оттого, что она, наконецъ, сбросила съ себя свою таинственную мрачность. Въ теченіе слѣдующаго полугода она была совершенно спокойна и, казалось, находила полное удовлетвореніе въ своей работѣ и повседневной жизненной рутинѣ. Она много занималась въ школѣ, и въ свободное время опять возобновила сношенія съ Шериданомъ и его друзьями, принимая участіе и въ ихъ дѣятельности.

Онора за это время тоже сблизилась съ ихъ кружкомъ, и все болѣе и болѣе увлекалась своей школой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

*(Продолженіе *).*

XIX.

Пушкинъ окончательно установилъ пути художественной литературы. Гоголю, въ принципахъ, ничего не оставалось прибавить къ наслѣдству своего учителя. Пушкинъ до конца остался для него единственнымъ руководящимъ критикомъ, внушителемъ художественныхъ задачъ и рѣшающимъ цѣнителемъ ихъ выполненія. Гоголь, по его словамъ, всегда имѣлъ предъ глазами тотъ или другой приговоръ поэта, старался мысленно отгадать его судъ надъ каждой написанной строкой и его одобреніе предпочиталъ какому угодно успѣху.

Гоголь, слѣдовательно, неразрывными нитями привязалъ всю свою дѣятельность къ пушкинскому генію. Это будетъ началомъ отнынѣ неумирающихъ традицій.

Авторъ *Мертвыхъ душъ*, въ свою очередь, станетъ образцомъ для другихъ художниковъ и, подобно Пушкину, увлечетъ за собой и критику. Роли писателей, по смыслу и результатамъ, окажутся поразительно сходными.

Пушкинъ своей «романтической» драмой и фламандскимъ искусствомъ нанесъ смертельный ударъ всѣмъ школамъ россійско-европейской словесности, на мѣсто хитростей литературнаго ремесла, утвердилъ права личнаго таланта, и заставилъ критику считаться не съ *правильностью* художественныхъ произведеній, а съ ихъ *правдой*.

То же самое назначеніе выполнилъ реализмъ Гоголя.

Соперникомъ поэта въ критикѣ на этотъ разъ явилась сила несравненно болѣе зрѣлая и авторитетная, чѣмъ піитики классиковъ и прочихъ школяровъ. Искреннія философскія увлеченія русской молодежи пытались создать новый кодексъ литературнаго уло-

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль

женія. Они всецѣло захватили первенствующаго современнаго критика, налегли тяжелымъ деспотическимъ гнетомъ на его умъ даровитѣйшаго публициста и душу прирожденаго художника.

Снова узы теорій грозили опутать и таланты, и жизнь, и безпощадно увѣчить вдохновеніе и свободу. Съ какими идеально-возвышенными намѣреніями присуждались къ смерти лучшія достоянія творчества, если не цѣликомъ, то въ своихъ нерѣдко наиболѣе блестящихъ частностяхъ! Съ какой стремительностью обрушивались громы философскаго доктринерства не только на факты литературы, но и дѣйствительной жизни, если они не вкладывались въ непогрѣшимыя отвлеченныя формулы!

Мы увидимъ дальше результаты этого новаго школьничества, отнюдь не послѣдняго въ исторіи нашего идейнаго развитія, и оцѣнимъ услуги, вновь оказанныя критической мысли творческимъ геніемъ. Мы прослѣдимъ постепенныя столкновенія философскаго идеализма тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ съ литературнымъ направленіемъ Гоголя и опредѣлимъ смыслъ борьбы.

Въ общемъ онъ останется тотъ же, какимъ былъ при Грибоѣдовѣ и Пушкинѣ: школа съ своимъ духомъ систематизаціи и властительскими притязаніями на искусство снова отступитъ предъ искусствомъ — по существу свободнымъ и сильнымъ только своей внутренней правдой и громаднымъ общественнымъ значеніемъ. Бѣлинскій въ повѣстяхъ Гоголя почерпнетъ неизмѣримо болѣе цѣлесообразныя и прочныя свѣдѣнія, чѣмъ въ гегельянствѣ, и именно съ этими повѣстями въ рукахъ самъ же возстанетъ на абстрактный фанатизмъ своей молодости.

Въ слѣдующую эпоху повторится та же исторія, хотя и не въ столь рѣзкой опредѣленной формѣ.

Опять подъ вліяніемъ европейскихъ внушеній, не всегда точно понятыхъ и еще рѣже по достоинству оцѣненныхъ, начнется разрушеніе эстетики. Въ самое короткое время воинственный азартъ достигнетъ наивысшей температуры, эстетика будетъ отожествлена не только съ «чистымъ» поэтическимъ вдохновеніемъ, а вообще съ художественными явленіями, съ творческой даровитостью.

Запальчивость нападокъ не уступитъ смѣлости обобщенія, и самыя отчаянныя вылазки новыхъ теорій устремятся—и совершенно естественно—на сильнѣйшаго родоначальника русскаго искусства—на Пушкина.

И это произойдетъ во имя самыхъ, повидимому, жизненныхъ и реалистическихъ задачъ литературы!

Въ дѣйствительности, и здѣсь нападающими будетъ управлять *школа*, извѣстное апріорное воззрѣніе, почерпнутое въ «послѣд-

нихъ словахъ» мнимо-положительной исторической науки. Это она подскажетъ идею объ исключительномъ значеніи для человѣческой культуры опытныхъ знаній и о безплодности, даже чужеядности искусства. Она вооружитъ юныхъ рыцарей біологіи и химіи и придастъ внушительную научную окраску ихъ на самомъ дѣлѣ совершенно ненаучному и исторически неосмысленному предпріятію.

Опять противъ доктринерства станетъ неистощимо-жизненное творчество. Оно и безъ открытой полемики изобличитъ всю призрачность и безцѣльность «разрушенія», изобличитъ исконной своей способностью художественными образами и фактами будить общественное сознаніе и воспитывать въ смутной средѣ современниковъ идеалы гражданственности съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ этого могли бы достигнуть всѣ естественныя науки вмѣстѣ.

Первое мѣсто среди этихъ изобличителей займетъ, какъ и слѣдовало ожидать, преданнѣйшій ученикъ Пушкина. Тургеневу придется не разъ вступить въ открытое сраженіе съ «дѣтьми», и, помимо многихъ второстепенныхъ и временныхъ счетовъ, судьба сраженія всякій разъ будетъ рѣшеніемъ того или иного будущаго литературы и критики.

Тургеневъ снова повторитъ ученіе Пушкина о процессѣ и смыслѣ художественнаго творчества, придастъ этому ученію еще болѣе ясную и полную внѣшнюю форму, оправдывая его въ то же время собственными краснорѣчивѣйшими произведеніями.

Впослѣдствіи мы познакомимся съ подробностями этого когда-то столь шумнаго и до сихъ поръ еще не замолкшаго вопроса о тенденціи и о чистомъ художествѣ. Мы увидимъ, — въ сущности отвѣтъ не подлежалъ сомнѣнію съ самаго начала. Борьба вызвана вовсе не заблужденіями художниковъ, а новымъ наплывомъ европейскихъ формулъ въ русскую критику. Тургеневъ и писатели равной съ нимъ силы по существу не могли быть эстетическими празднословами и неосмысленными служителями чистой красоты. Авторъ *Отцовъ и дѣтей* не нуждался въ напоминаніяхъ на счетъ значительнаго содержанія литературныхъ произведеній, гражданскаго долга писателей и вообще просвѣтительнаго и цивилизующаго назначенія искусства.

Всѣ эти вопросы рѣшались личнымъ геніемъ художника. Критикѣ здѣсь нечего было дѣлать, и своими антиэстетическими строеніями она могла только затормазить благотворное движеніе въ полномъ смыслѣ идейной, хотя и художественной литературы, вызвать недоразумѣнія между писателемъ и малосознательными читателями.

Это дѣйствительно отчасти и произошло, но только отчасти, на время.

Художникъ опять остался побѣдителемъ. Волна самаго, повидимому, солиднаго европейскаго повѣтрія схлынула даже скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Она едва пережила своихъ творцовъ и до слѣдующихъ поколѣній долетѣлъ только невнятный гулъ еще недавно столь шумной битвы.

Въ наше время снова воскресаетъ старый спектакль. Но уже и пьеса и дѣйствующія лица не представляютъ ни малѣйшей опасности. Русскій символизмъ до сихъ поръ не встрѣтилъ врага въ лицѣ первостепенной художественной силы, какъ это было при раннихъ европейскихъ нашествіяхъ на русскую литературу. Но, повидимому, новѣйшая школа, ея формула до такой степени тщедушна и даже противолитературна, такъ явно противорѣчитъ нагляднѣйшему историческому развитію искусства и особенно его современнымъ естественнымъ задачамъ, что доктрина умретъ сама собой, отъ внутренняго недуга. И, можетъ быть, этотъ исходъ будетъ началомъ излѣченія русской критической мысли отъ болѣзненной стремительности къ паролямъ и лозунгамъ западно-европейскаго происхожденія.

А между тѣмъ, цѣли и содержаніе русской критики вполнѣ опредѣлены ея кратковременной, но необычайно богатой и краснорѣчивѣйшей исторіей.

Никакихъ школъ, никакихъ отвлеченно-формулированныхъ направленій, никакихъ ни чисто-эстетическихъ, ни научно-общественныхъ системъ: совершенная свобода личнаго творчества и искреннее, любовно-вдумчивое отношеніе къ родной дѣйствительности.

Для таланта нѣтъ другихъ ограниченій, кромѣ свойствъ самого этого таланта и голоса кругомъ развивающейся жизни.

Послѣднее въ высшей степени существенное условіе. Личную свободу художника можно понять въ самомъ превратномъ смыслѣ, и декаденты эту свободу кладутъ во главу угла своего формально обязательнаго «безумія».

Но абсолютной свободы нѣтъ ни для художника, ни вообще для смертнаго. Не проходитъ мгновенія, когда бы мы не чувствовали своей ничѣмъ неустранимой связи съ внѣшнимъ міромъ. Нельзя представить ни единой мысли, ни единаго мимолетнаго настроенія свободныхъ отъ всепроникающаго «духа земли». Самые фантастическіе образы подсказаны дѣйствительностью — грубой и непосредственной. Самыя идеальныя построенія отвлеченнаго ума созданы изъ того же матеріала, только иначе размѣщеннаго и связаннаго.

И недаромъ легенды объ отшельникахъ и подвижникахъ съ

такимъ постоянствомъ разсказываютъ объ «искушеніяхъ»... Нѣтъ, очевидно, спасенія отъ міра даже тамъ, гдѣ, повидимому, ближе всего небо!

Въ этомъ законѣ весь смыслъ мірового процесса.

Если бы наша нравственная жизнь могла питаться исключительно своимъ содержаніемъ, немедленно исчезъ бы всякій интересъ существованія. Оно всецѣло основывается на способности *воспріятія* и возможности *воздѣйствія*. Насъ инстинктивно влечетъ жизнь, потому что мы также инстинктивно увѣрены въ своей, хотя бы и очень относительной, власти надъ ней. А всякая разумная и успѣшная власть мыслима только при тщательномъ изученіи предмета, подлежащаго ей. Въ результатѣ, мы воспринимаемъ впечатлѣнія и часто страданія отъ внѣшняго міра съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, его заставить воспринять наши идеи, его явленія, насколько возможно, подчинить нашей личности.

Отсюда логическій выводъ: чѣмъ совершеннѣе и глубже воспріимчивость, чѣмъ, слѣдовательно, обширнѣе область воспринимаемаго міра, тѣмъ достижимѣе возможность идейныхъ вліяній на дѣйствительность.

Само собой разумѣется, вліянія могутъ осуществляться только при участіи опредѣленно-направленной воли, но именно эта опредѣленность и обусловливается количествомъ и качествомъ изученныхъ явленій жизни.

Примѣните эти соображенія къ художественному таланту, и вы совершенно послѣдовательно получите точную мѣрку его идеальной и практической цѣнности.

Она прямо и непосредственно зависитъ не отъ какихъ бы то ни было нарочитыхъ усилій автора сказать публикѣ непремѣнно что-нибудь значительное и поучительное, не отъ благороднѣйшихъ въ мірѣ тенденцій, а отъ прирожденной воспріимчивости и чуткости творческаго духа.

Тургеневъ выразилъ эту истину по поводу частнаго случая, защищая свое собственное произведеніе. Онъ не формулировалъ никакой теоріи творчества—ни психологической, ни художественной, но простая искренняя исповѣдь художника важнѣе всякихъ обобщеній и системъ.

Во время полемики, вызванной *Отцами и дѣтьми*, Тургеневу пришлось, между прочимъ, выслушать жестокія укоризны за *тенденцію* и *рефлексію*, т. е. за недостатокъ свободнаго творчества и чисто-поэтическаго вдохновенія.

Авторъ, въ общемъ, крайне добродушно и сдержанно отвѣчалъ своимъ критикамъ, но малѣйшій намекъ на тенденцію, очевидно, особенно болѣзненно отзывался на его писательской совѣсти.

Онъ готовъ признать какіе угодно недостатки въ своемъ романѣ, готовъ согласиться, что ему «мастерства не хватило», но *тенденція*!.. Ничего не можетъ быть несообразнѣе съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла!.. Онъ просто *не знаетъ*, какъ и почему извѣстнымъ образомъ сгруппировались у него лица и вышли именно такими, столь неугодными критикамъ.

«Я всѣ эти лица рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить. А освобождаться отъ собственыхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденціи, было бы странно и смѣшно».

Слѣдовательно,—впечатлѣнія, замѣтьте — *только отраженія* внѣшняго міра въ чувствѣ и сознаніи наблюдателя могутъ походить уже на тенденціи... Таковъ вѣдь выводъ изъ словъ Тургенева, и онъ подтверждается ежедневнымъ опытомъ—не писателей и художниковъ, а самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Но когда же впечатлѣнія граничатъ съ тенденціей, т. е. *сами по себѣ*, независимо отъ преднамѣренной окраски и искусственнаго подбора, преисполнены нравственнаго и общественнаго смысла?

Очевидно, когда они производятся предметами и явленіями, занимающими первое или, по крайней мѣрѣ, безусловно значительное мѣсто въ современной жизни. Въ иныхъ случаяхъ достаточно только назвать эти предметы, или описать самыми элементарными и даже небрежными чертами, чтобы рѣчь для весьма многихъ слушателей получила тенденціозный смыслъ и вызвала безпокойныя и мучительныя чувства.

Именно въ такомъ положеніи очутился Пушкинъ, когда вздумалъ отъ байронизма и романтическихъ эффектовъ перейти къ заурядным «неинтереснымъ» героямъ «свѣта», потомъ къ «просто гражданину столичному» и, наконецъ, къ мужику.

Это тоже выходило *тенденціей*. «Коллежскій регистраторъ», допущенный въ область художественной литературы, производилъ на современныхъ изящныхъ читателей и оффиціальныхъ блюстителей словесности не менѣе дикое впечатлѣніе, чѣмъ нигилистъ Базаровъ на Фета.

И какъ было Пушкину отражать это впечатлѣніе?

Защищать права «фламандскаго сора», доказывать человѣческое достоинство и извѣстное общественное значеніе «обыкновенныхъ малыхъ»—не дѣло художника. Эта задача предстояла критикѣ. Пушкинъ просто заявлялъ, что онъ чувствуетъ себя въ своемъ правѣ писать о томъ, къ чему его влечетъ личный творческій талантъ.

О тенденціи здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи, но впе-

чатлѣнія дѣйствительно могли сойти за тенденціи въ глазахъ извѣстной публики.

Въ дѣйствительности тенденція оставалась именно на сторонѣ этой публики. Она требовала, чтобы художникъ направлялъ свое вниманіе на предметы, не вызывающіе безпокойства въ мысляхъ и чувствахъ просвѣщеннаго читателя, тщательно сортировалъ свои впечатлѣнія и отказывался отъ нѣкоторыхъ совершенно.

Во имя чего?

Отвѣты могутъ быть очень разнообразные, но общій ихъ смыслъ *насиліе* надъ талантомъ писателя, властный контроль надъ его нравственнымъ міромъ и чисто инквизиціонное вмѣшательство даже въ его ощущенія и настроенія.

Ученые критики могли поставить предъ лицомъ поэта авторитетъ науки объ изящномъ, т. е. піитику, школу, свѣтскіе франты—сослаться на хорошій тонъ и утонченный вкусъ, чистымъ поэтамъ естественно напасть на умъ и рефлексію.

Всѣ эти идолы и выдвигались неоднократно, выдвигаются и теперь противъ художественнаго творчества, неизмѣримо менѣе тенденціознаго, чѣмъ наука, этикетъ и культъ красоты.

Тотъ же Тургеневъ очень остроумно направилъ обвиненіе въ тенденціи противъ чистѣйшаго изъ эстетиковъ Фета. И вполнѣ справедливо, и фактически-основательно.

Фетъ съ необыкновеннымъ азартомъ нападалъ на умъ и разсудокъ, не хотѣлъ видѣть и слѣда ихъ въ произведеніяхъ искусства, т.-е. насильственно калѣчилъ и личность художника, и процессъ его творчества... Что можетъ быть тенденціознѣе? И съ Фетомъ могутъ успѣшно соперничать, именно по разсчитанной преднамѣренности писательства, современные мечтатели о сверхземномъ художествѣ. Имъ также приходится зорко слѣдить за своимъ умомъ, если онъ у нихъ имѣется, и не допускать его разстраивать гармонію звуковъ.

Очевидно, Пушкинъ—родоначальникъ «впечатлѣній, похожихъ на тенденціи», и въ то же время разрушитель тенденцій въ искусствѣ, какъ разъ съ момента вступленія на путь «тенденціозныхъ» впечатлѣній. Всякая литературная школа, вооруженная теоріями и формулами, и есть самое грубое воплощеніе тенденцій. Протестъ противъ школы, ея хитростей и ремесленническихъ уставовъ—самый подлинный разрывъ съ тенденціей, начало свободы и правды творчества.

Это начало, мы видѣли, положено тремя великими поэтами, и одновременно навсегда опредѣлились пути новой критики, соотвѣтствующіе полному преобразованію искусства.

На развалинахъ европейскихъ школъ должна была вырости національная критическая мысль, столь же независимая и жизненно-содержательная, какъ и ставшее во главѣ ея художественное творчество.

XX.

Творчество стало во главѣ критики — это оригинальнѣйшая черта русской литературы; вдохновеніе поэтовъ предшествовало идеямъ эстетиковъ, впечатлѣнія явились первоисточниками тенденцій.

Подобное явленіе знала античная Грепія. Тамъ піитика Аристотеля возникла послѣ блестящаго развитія искусства и составилась изъ обобщеній уже готовыхъ фактовъ. Творчество эллинскихъ трагиковъ выросло на свободѣ и естественныхъ національныхъ силахъ. Никакой теоретикъ не вмѣшивался въ этотъ ростъ и, впослѣдствіи, вся заслуга Аристотеля состояла въ точномъ *осмысливаніи дѣйствительности*, а не въ стремленіи передѣлать ее путемъ отвлеченныхъ эстетическихъ предписаній. Скромная, но добросовѣстно выполненная задача и сохранила до сихъ поръ за критикой Аристотеля право на существованіе.

Трактаты позднѣйшихъ классиковъ, много толковавшіе объ Аристотелѣ, на самомъ дѣлѣ не имѣли съ нимъ ничего общаго,— прежде всего по своимъ цѣлямъ.

Они разсчитывали создать искусство и неограниченно управлять имъ. Они и достигли своего идеала, но столь же мертворожденнаго и скоропреходящаго. Ложноклассическая критика погибла даже раньше своего дѣтища, и погибла въ силу своего противоестественнаго положенія. Критика—спутникъ и сотрудникъ искусства, а не господинъ и самодовлѣющій указчикъ.

Этотъ принципъ достигъ осуществленія въ русской литературѣ съ паденіемъ школъ предъ національнымъ творчествомъ.

У критики немедленно исчезли мотивы и вопросы, до сихъ поръ переполнявшіе статьи журналистовъ и лекціи профессоровъ. Если она хотѣла сохранить старыя сокровища, ей оставалось пребывать въ области литературы, явно приговоренной къ смерти. О «правилахъ» и «хорошемъ вкусѣ» можно было толковать только по поводу трагедій Сумарокова, окончательно заслоненныхъ новой комедіей, сентиментализмъ и романтическое направленіе приходилось пояснять повѣстями Карамзина и балладами Жуковскаго, совершенно разбитыхъ, въ общественномъ мнѣніи, произведеніями Лермонтова и Пушкина. Въ полномъ смыслѣ мертвецамъ прихо-

дилось возиться съ трупами и староверамъ бороться съ непреодолимой властью талантовъ и ихъ славы.

Конечно, охотники даже до такихъ подвиговъ не могли перевестись въ нѣсколько лѣтъ. Но самый естественный врагъ всего осужденнаго жизнью—ничѣмъ неотвратимый процессъ вырожденія и вымиранія—шелъ своимъ чередомъ, и новая критика не замедлила стать рядомъ съ новымъ искусствомъ.

Какая же судьба ей предстояла?

Вопросъ отнюдь не рѣшался съ перваго же шага. Мы увидимъ сколько заблужденій, колебаній, сдѣлокъ съ мертвой стариной отмѣтили раннія движенія критики. Но основныя задачи ея опредѣлились очень скоро, въ силу фактической необходимости.

Если искусство разорвало съ отвлеченной эстетикой и обратилось къ свободѣ и дѣйствительности, критикѣ оставалось идти тѣмъ же путемъ, изъять изъ своего обихода вопросъ о правилахъ творчества и заняться оцѣнкой его смысла и содержанія.

А мы знаемъ, въ чемъ заключалось это содержаніе: воспроизведеніе русской будничной жизни, вплоть до народнаго быта. Художественная литература брала на себя обязанность изучать только землю, и навсегда покинуть эфирныя высоты мечтательной красоты и идеальнаго величія. Поэтъ рѣшался рыться въ житейскомъ «сорѣ» и обыкновенными, часто даже совершенно невзрачными и отнюдь не героическими «малыми» замѣнить эффектнѣйшихъ витязей. А для этой цѣли ему приходилось возможно ближе подойти къ самой неприглядной дѣйствительности, гдѣ и помину нѣтъ о небесной красотѣ, сказочномъ счастьѣ, гдѣ немощи и лишенія до послѣдней степени обездоливаютъ человѣка и уродуютъ его «божественный образъ».

Перенесите изъ этого міра самыя спокойныя, непосредственныя впечатлѣнія, только искренне и честно перенесите въ свой разсказъ или на свою картину, и вы тотчасъ же у публики затронете чувства, у критика вызовете идеи,—совершенно невѣдомыя ни классическимъ, ни романтическимъ читателямъ и эстетикамъ.

О чемъ будетъ говорить критикъ по поводу вашего произведенія?

Раньше онъ могъ наполнить всю свою статью разсужденіями о стилѣ, о законахъ искусства, потому что самъ авторъ полагалъ всѣ свои силы именно на эти основы своихъ писательскихъ правъ. Теперь вы тоже можете многое сказать о моемъ слогѣ, о чисто-художественныхъ достоинствахъ и недостаткахъ моего произведенія, но помимо всего этого останется нѣчто, самое существенное—*смыслъ* моей работы.

*

И какой смыслъ!

Чтобы выяснить его, вы не можете ограничиться критикуемой книгой, вы должны *знать* многое помимо ея, отнюдь не менѣе автора, знать не книги также, а тотъ самый «фламандскій соръ», откуда авторъ взялъ героевъ и факты для своего произведенія.

Вы, слѣдовательно, отъ книги неизбѣжно обращаетесь къ жизни и совершенно логически становитесь одновременно и критикомъ литературнаго явленія, и судьей надъ извѣстной дѣйствительностью. А это значитъ—изъ цѣнителя искусства вы превращаетесь въ публициста, т. е. моралиста, политика, соціолога.

И превращеніе произошло съ вами вовсе не потому, что вы взялись за критику нарочито съ публицистическими намѣреніями. Все равно, какъ художникъ не разсчитывалъ на тенденціозныя общественныя воздѣйствія, воспроизводя свои *впечатлѣнія*, такъ и его критикъ можетъ быть неповиненъ въ результатѣ своихъ *идей*.

Впечатлѣнія художника походили на *тенденціи* въ силу самого своего источника, и идеи критика, безъ вмѣшательства его воли, могутъ приблизиться къ *проповѣди* опредѣленнаго смысла въ силу своего предмета. Здѣсь переходъ часто незамѣтенъ для самого писателя, все равно какъ *впечатлѣнія* привели Пушкина и Гоголя къ самымъ краснорѣчивымъ поучительнымъ результатамъ, безусловно независимо отъ какихъ бы то ни было публицистическихъ инстинктовъ того и другого поэта.

Давно извѣстна истина, жизнь—самый могущественный *учитель*, и она неуклонно выполняетъ это назначеніе и въ практическихъ опытахъ незамѣтныхъ людей, и въ произведеніяхъ геніальныхъ художниковъ и мыслителей. Въ этомъ фактѣ великое значеніе литературнаго реализма. Онъ, *въ силу своей сущности*, чреватъ всевозможными *нравственными* результатами. Въ искусствѣ онъ то же, что солнце въ природѣ.

Оно одинаково щедро изливаетъ свои лучи и на каменистую пустыню, и на благословеннѣйшій въ мірѣ край. Оно совершаетъ свое дѣло стихійно, по безстрастному закону природы, но всюду, гдѣ только есть малѣйшая возможность развиться живому организму, подъ его лучами возникаетъ процессъ зарожденія и разцвѣта.

Таково дѣйствіе и художественнаго произведенія, изображающаго правдивую подлинную жизнь.

Эту простую логику и *неразрывное сцѣпленіе* причинъ съ послѣдствіями трудно понять эстетикамъ и читателямъ старой искусственной, отъ начала до конца фантастической литературы. Чистые вымыслы воображенія — пустоцвѣты творчества, можетъ быть, очень красивые и ароматные, но безплодные и тунеядные.

До какой степени несоизмѣрима разница между идеальнымъ искусствомъ и реализмомъ, разница *органическая*, *фатальная*, понималъ даже писатель классической эпохи. Стоило ему подойти къ дѣйствительности и сравнить ее съ современной трагической школой, чтобы немедленно опредѣлилась могучая внутренняя сила жизненнаго вдохновенія.

«Я думаю,—писалъ Мольеръ,—гораздо легче витать въ области высшихъ чувствъ, бросать въ стихахъ вызовъ счастью, осыпать обвиненіями судьбу, поносить боговъ, чѣмъ проникать въ смѣшныя стороны человѣческой природы и заинтересовывать публику несообразностями повседневной жизни. Когда вы изображаете героевъ, вы дѣлаете это, какъ вамъ вздумается. Это совершенно произвольные образы, въ нихъ нечего искать какого-либо сходства съ какой бы то ни было дѣйствительностью. Вы слѣдуете только порывамъ вашего личнаго воображенія, которое часто естественность и правду приноситъ въ жертву чудесному. Но когда вы беретесь изображать дѣйствительныхъ людей, вы должны ихъ брать, какими они являются въ жизни. Неоходимо, чтобы ваши созданія походили на дѣйствительность, и ваша работа утратитъ всякое значеніе, если въ ней не узнаютъ типовъ современниковъ».

Очевидно, при такомъ процессѣ творчества неизбѣжно участіе *ума* и *разсудка*. Изображать восходъ солнца, цвѣты, трели соловья можно безъ этихъ благороднѣйшихъ силъ человѣческой природы. Но когда художественному воспроизведенію подлежитъ человѣкъ и общество, художникъ обязанъ *понимать*, слѣдовательно, мыслить. А критику предстоитъ при первомъ же взглядѣ на трудъ художника прибѣгнуть къ *сравненію*, опредѣлить соотвѣтствіе литературныхъ образовъ дѣйствительнымъ явленіямъ. Опять—на сценѣ *личный* умъ и *личный* общественный и культурный кругозоръ.

Такимъ путемъ реализмъ искусства совершенно преобразовываетъ критику.

Это преобразованіе совершалось и совершается всегда и вездѣ, но въ русской литературѣ оно приняло своеобразное направленіе, отличное отъ западно-европейскаго.

И мы знаемъ, почему.

На Западѣ реализмъ и даже натурализмъ сохранилъ существенныя преданія старой словесности, т. е. употребилъ всѣ усилія сложиться въ школу, въ эстетическую формулу. Русскій реализмъ, національно не связанный ни съ какими школьными преданіями, явился именно противошкольнымъ и внѣсистемнымъ художественнымъ фактомъ. Результаты въ критикѣ очевидны.

Ей оставалось только судить о правдивости и реальности литературныхъ произведеній, т. е. сопоставлять жизнь и искусство. Даже въ простѣйшей формѣ эта задача непосредственно приводила критика къ *разбору* жизненныхъ явленій и *оцѣнкѣ* уровня пониманія и анализа у художника. Только въ этихъ предѣлахъ и должна была вращаться критическая мысль русскаго эстетика.

Его французскій собратъ, взявшій въ руки, положимъ, драму или романъ изъ школы Гюго, имѣетъ предъ собой рѣшительное заявленіе основателя школы воспроизводить дѣйствительность съ фактической вѣрностью—самымъ уродливымъ явленіямъ. Но это не все. Критикъ, помимо этихъ *реальныхъ* принциповъ, слышитъ изъ тѣхъ же устъ еще цѣлый *эстетическій* уставъ. Очевидно, его критика, разъ она хочетъ быть полной и соотвѣтствовать художественному факту, должна разбиться, по крайней мѣрѣ, на двѣ струи: нравственно-общественную и школьно - теоретическую.

Ничего подобнаго у русскаго критика.

Его авторъ не признаетъ никакихъ *хитростей,* и было бы совершенно безцѣльно судить человѣка по законамъ ему невѣдомымъ. Но тотъ же авторъ заявляетъ притязанія на вѣрное изображеніе жизни, и этимъ самымъ указываетъ цѣль критическаго анализа.

Естественно, анализъ выйдетъ не трактатомъ по эстетикѣ, а публицистической статьей.

Мы не должны понимать слово *публицистика* непремѣнно въ смыслѣ какой-нибудь партійной, намѣренно-односторонней проповѣди. Публицистика можетъ быть и не быть такою проповѣдью, все равно, какъ и художникъ можетъ совершенно произвольно скомбинировать свои впечатлѣнія, внести своего рода школу въ свои наблюденія и свое творчество. Все это отнюдь не требуется, чтобы впечатлѣнія непремѣнно были поучительны и дѣйствительны въ практическомъ смыслѣ; для этого достаточно самого предмета, вызывающаго впечатлѣнія.

Точно также и критику нѣтъ необходимости слѣпо исповѣдывать какой-либо нравственный и общественный символъ, чтобы его анализъ вышелъ значительнымъ по содержанію и просвѣтительнымъ по смыслу.

Опять предметъ анализа неминуемо превратитъ критика въ философа и учителя. Цѣнность философіи и высота учительства будутъ обусловлены способностью *понимать* предметъ, т. е. искренностью и культурностью личной мысли критика. Но вѣдь и достоинство реальнаго художественнаго произведенія зависятъ отъ глубины и той же искренности поэтическихъ впечатлѣній. Идеалъ

и безусловная истина ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ недостижимы, все равно, какъ они—вѣчно искомые предѣлы даже въ опытныхъ наукахъ. Высшая цѣль нравственныхъ усилій человѣчества—вѣрный путь къ истинѣ, и, несомнѣнно, на такой путь одновременно вступили и русское искусство, свободное и реальное, и русская критика, идейная и публицистическая.

XXI.

Принято думать, будто произведенія русскихъ критиковъ переполнены всевозможными вопросами, только не художественными, потому что литературная критика, по разнымъ условіямъ, явилась для русскихъ писателей единственнымъ доступнымъ орудіемъ общественной мысли.

Это справедливо только отчасти и касается только внѣшней исторіи вопроса. Публицистическая сущность нашей критики создана историческимъ развитіемъ художественнаго творчества. Оно—первый и самый могущественный источникъ постепеннаго наплыва публицистики въ эстетику и, наконецъ, окончательнаго исчезновенія эстетики.

Оригинальное явленіе обнаружилось на первыхъ же порахъ, въ самый ранній періодъ критики. Въ сущности, вся ея исторія сводится, во-первыхъ, къ борьбѣ публицистическихъ мотивовъ съ эстетическими теоріями, а потомъ къ преобразованію публицистическихъ темъ.

Непосредственно послѣ петровской реформы, съ возникновеніемъ свѣтской литературы, должна возникнуть критика. Работа ей во всѣхъ отношеніяхъ предстояла громадная.

Первый основной вопросъ, поглотившій мысли и таланты новыхъ писателей, заключался въ точномъ опредѣленіи *языка*, какимъ слѣдовало пользоваться новой литературѣ. Вопросъ усложнялся до крайней степени именно условіями реформы.

Съ одной стороны трудно было разграничить *два языка* такъ же просто, какъ установлены *два алфавита*, точнѣе, даже *не установлены*, а намѣчены и далеко не сразу разграничены. Установленіе гражданской азбуки совершалось въ теченіе довольно продолжительнаго времени и Тредьяковскому пришлось перенести жестокія нравственныя муки и въ высшей степени запальчивую полемику изъ-за нѣкоторыхъ *буквъ*. Славянскій языкъ не могъ безъ самой упорной борьбы свѣтскую литературу предоставить исключительной власти русскаго.

Съ другой стороны та же реформа наводнила книжную литературу множествомъ иностранныхъ словъ.

Не имѣя ни времени, ни силъ создавать русскія выраженія для европейскихъ понятій, реформа завѣщала ближайшимъ поколѣніямъ настоящій словесный хаосъ.

Онъ представлялъ не только смѣсь различныхъ языковъ *въ отдѣльныхъ словахъ*, но подчинялъ иноземнымъ вліяніямъ самый *характеръ родного* языка, его слогъ и грамматическій строй.

У нарождающейся литературы, слѣдовательно, оказалось два врага—внутренній и внѣшній. Борьба съ ними наполняетъ первый періодъ русской критики.

Его можно назвать *стилистическимъ*.

Но какъ бы ни былъ настоятеленъ вопросъ о самомъ языкѣ, самая ранняя критика не могла уклониться и отъ другихъ задачъ, господствовавшихъ одновременно въ европейской литературѣ. Широко прорубленное «окно» одинаково давало доступъ и чужому искусству, и чужимъ идеямъ объ искусствѣ.

Иноземнымъ военнымъ инструкторамъ, обучавшимъ русскую армію, соотвѣтствовали такіе же инструкторы молодой словесности. Очевидно, вопросъ о теоріи и школѣ неизбѣжно долженъ чередоваться съ поисками за литературнымъ языкомъ и слогомъ, и въ критикѣ рядомъ съ *стилистикой*, развивалась *схоластика*.

Таково содержаніе перваго періода русской критики—*стилистическо-схоластическое*.

Но оно не единственное. Литературными и эстетическими темами не ограничились первые критики — Ломоносовъ, Тредьяковскій, Сумароковъ—и не могли ограничиться. Даже больше. Они представили образцы публицистики во всѣхъ ея формахъ, идейно-культурной и личной, прогрессивной, общественно-просвѣтительной и публицистики — партіи, памфлетовъ, даже «юридическихъ бумагъ». Не всѣ три писателя одинаково повинны во всѣхъ этихъ грѣхахъ, но вопросъ не въ отдѣльныхъ именахъ, а въ общемъ направленіи критической литературы.

Высшая публицистика широкихъ общихъ идей вызывалась неизбѣжно той же самой причиной, какая стояла во главѣ новой словесности -- подражательностью. Предъ русскими писателями единственный источникъ просвѣщенія—европейская наука и цивилизація. Этого факта они не могли отвергать, разъ желали продолжать дѣло великаго преобразователя. Но изъ того же источника возстали силы, грозившія поглотить все національно-русское, начиная съ платья и кончая языкомъ и мыслями. Многимъ и здѣсь можно было пожертвовать, но ни одному сколько-нибудь сознательному литературному дѣятелю не могло и на умъ придти соз-

дать изъ своей личности и дѣятельности безусловно подвластные удѣлы европейскихъ вліяній.

Отсюда одновременно съ усвоеніемъ европейскихъ знаній и обычаевъ—стремленіе отстоять національную стихію, прежде всего языкъ, исторію, нѣкоторые обычаи, а потомъ вообще національную индивидуальность, нравственную и умственную независимость.

Ясно, патріотическія чувства должны проникнуть во всѣ разсужденія критиковъ, даже если вопросъ шелъ объ языкѣ, истинѣ. И Ломоносову принадлежитъ идея о блестящемъ будущемъ русскаго языка сравнительно даже съ самыми сильными и богатыми языками. «Бодростью и героическимъ звономъ» русскій не уступаетъ, по мнѣнію Ломоносова, ни греческому, ни латинскому, ни нѣмецкому. И если нѣтъ на немъ превосходныхъ литературныхъ образцовъ, виноватъ не языкъ, а неумѣлость и неопытность писателей.

«Ежели чего точно изобразить не можемъ, не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасти далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море».

Легко представить, какъ съ подобными чувствами къ родному языку Ломоносовъ могъ встрѣчать рѣчь съ такими рѣченіями: *дисперація*, *трактаментъ*, *штиль-штандъ*, *адгерентъ*, *пленипотенціаръ*, *преферативы*.

Отдѣльнымъ словамъ соотвѣтствовали и цѣлыя произведенія, причемъ часто въ нѣсколькихъ строкахъ осуществлялось истинное столпотвореніе вавилонское изъ языковъ простонароднаго русскаго, польскаго, малоросійскаго и нѣсколькихъ иностранныхъ. Никакая самая важная тема не могла уберечь автора отъ подобнаго смѣшенія.

За пять лѣтъ до ломоносовской характеристики русскаго языка сравнительно съ античными вышла поэма необычайно торжественнаго содержанія. Называлась она *Умозрительство душевное описанное стихами о переселеніи въ вѣчную жизнь превосходительной баронессы Маріи Яковлевны Строгоновой*.

Здѣсь находятся такія, напримѣръ, строфы:

Трость, копье и гвозди, страстей инструменты;
Отъ чего трепетали свѣта элементы.

Или:

Первые жъ Господь взыде съ матерью своею
Пріять Маріи душу со свитою всею.

Или, наконецъ, такія сочетанія: «на небесномъ театрѣ тріумфъ отправляти».

Послѣ этого понятны усилія Ломоносова опредѣлить *слогъ* литературной рѣчи,—вопросъ въ высшей степени важный по времени.

Ломоносовъ ясно сознавалъ самостоятельность русскаго *слога*, т. е. языка рядомъ съ церковно-славянскимъ. Но въ самомъ словѣ *слогъ* заключалось существенное ограниченіе самой роли русскаго языка. Ломоносовъ положилъ основаніе многолѣтнему спору о совмѣстномъ существованіи въ свѣтской литературѣ двухъ языковъ, пріурочивъ ихъ къ *содержанію* произведеній.

Употребленіе русскаго языка ставилось въ зависимость отъ намѣреній писателя или свойствъ его таланта. Онъ могъ пользоваться этимъ языкомъ—для пѣсни, комедіи, дружескаго письма, для «описанія обыкновенныхъ дѣлъ». Если же его мысль поднималась надъ будничной дѣйствительностью, ему рекомендовался «высокій слогъ», т.-е. смѣсь русскаго языка съ церковно-славянскимъ. Такая идея естественна въ началѣ борьбы двухъ языковъ.

Не только Ломоносовъ, представитель академической критики, не могъ изречь окончательнаго приговора славянскому языку,—но долго спустя послѣ него писатели съ большими толантами и, несомнѣнно, жизненными задачами не могли отрѣшиться отъ той же идеи и слѣдовали наставленіямъ Ломоносова.

Фонвизинъ пишетъ русскимъ *слогомъ* всѣ сцены, гдѣ дѣло идетъ объ «обыкновенныхъ дѣлахъ». Но лишь только Стародумъ принимается объяснять основы высшей нравственности, его рѣчь становится «высокимъ слогомъ», т. е. смѣшеніемъ языковъ.

Ломоносовъ былъ слишкомъ талантливъ, чтобы практически ронять свою теорію дикимъ разноязычіемъ, въ родѣ стиля только-что упомянутой поэмы. Мы будемъ имѣть случай познакомиться съ изумительнымъ искусствомъ пылкаго патріота владѣть простымъ русскимъ языкомъ, сообщать ему даже легкость и игривость.

Но и теоретически Ломоносовъ указалъ на такіе источники развитія чисто-русскаго слога, что заранѣе опредѣлилъ будущій исходъ борьбы. Языкъ народный, по мнѣнію Ломоносова, долженъ принести новому литературному языку обильные питательные соки. Опредѣляя въ народномъ языкѣ три діалекта — московскій, сѣверный или поморскій, украинскій или малороссійскій — критикъ отдавалъ преимущество «отмѣнной красотѣ» перваго, но не исключалъ изъ литературы и двухъ другихъ.

Нѣтъ нужды повторять, что всѣми этими соображеніями руководило прежде всего страстное національное чувство. Если бы мы и не знали безчисленныхъ сраженій Ломоносова съ нѣмецкими

учеными по исключительно патріотическимъ мотивамъ, мы вполнѣ опредѣленно могли бы прослѣдить господствующую нравственную струю ломоносовской критики — по его теоретическимъ разсужденіямъ. Ученый безпрестанно впадаетъ въ лирическій, будто въ любовный тонъ, говоря о языкѣ, часто о мелкихъ подробностяхъ и свойствахъ родной рѣчи. Онъ первый русскій публицистъ на почвѣ, повидимому, менѣе всего подходящей для публицистики— на почвѣ грамматики и слога.

И именно здѣсь дѣятельность ранней русской критики безусловно плодотворна. Установленіе языка являлось дѣйствительной потребностью первой словесности и, слѣдовательно, знаменовало *прогрессивную* дѣятельность первыхъ критиковъ.

Совершенно иной смыслъ *схоластической* работы.

Мы видили, споры о теоріяхъ и формальныхъ правилахъ— одинъ изъ отрицательныхъ результатовъ европейскаго вліянія на русскую литературу. Они удаляли искусство отъ его истиннаго назначенія быть органомъ родной дѣйствительности, свободнымъ и національнымъ. Здѣсь значительно участіе и Ломоносова, вывезшаго изъ Германіи ложноклассическое ученіе нѣмецкаго теоретика— Готшеда. «Изученіе правилъ и подражаніе знатныхъ авторовъ»— принципъ ломоносовской піитики.

Русскій ученый, самъ усердный поэтъ, унизилъ вдохновенный поэтическій талантъ, какъ вѣрный послѣдователь классиковъ поэзію отожествилъ съ краснорѣчіемъ, Пиндара и Малерба признавалъ одинаково почтенными образцами для оды и вообще не отличалъ античнаго классицизма отъ французскаго.

Личная сильная натура увлекала Ломоносова въ сторону отъ чиннаго этикета авторитетовъ и онъ весьма часто поддавался искушеніямъ вольносатирической и просто эпиграмматической музы, сочинялъ *Гимнъ бородѣ* и всегда былъ готовъ засыпать врага ядовитѣйшими строфами особаго сорта poésie legère—откровенной, грубой, но неподдѣльно-остроумной и національно-юмористической...

Все это дѣйствительно будто невольная фронда прирожденнаго оригинальнаго таланта противъ ученаго педантизма. Въ общемъ она не поколебала разъ усвоенныхъ принциповъ.

О *схоластической* критикѣ Сумарокова мы знаемъ: здѣсь онъ въ полномъ смыслѣ «слабое дитя чужихъ уроковъ», но въ *стилистической* области онъ такой же положительный и самостоятельный дѣятель, какъ и Ломоносовъ. Тредьяковскій, безпримѣрно осмѣянный авторъ *Телемахиды*, имѣетъ также полное право на почетное мѣсто въ публицистикѣ о языкѣ. До такой степени вопросъ былъ жизненнымъ и значительнымъ!

XXII.

Пушкинъ очень презрительно отзывался о Сумароковѣ и старался возстановить литературную честь Тредьяковскаго. Это возстановленіе вполнѣ основательно, но уничтоженіе Сумарокова, несомнѣнно, пристрастно.

На великаго поэта, вѣроятно, оказали сильное вліяніе историческія свѣдѣнія о личностяхъ и судьбѣ двухъ старыхъ піитъ. Исторія Тредьяковскаго съ Волынскимъ, подробно дошедшая до потомства, одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ эпизодовъ общественнаго варварства добраго стараго времени. Она, при какихъ угодно условіяхъ, могла вызвать сочувствіе къ пострадавшему писателю и покрыть собой всѣ нравственные недочеты въ личности Тредьяковскаго.

Сумароковъ, напротивъ, самъ могъ обидѣть кого угодно, открыто—печатно и устно—ставилъ себя и свой талантъ на недосягаемую высоту, не терпѣлъ чужой популярности рядомъ съ своей славой, и Пушкинъ имѣлъ всѣ основанія обозвать его «завистливый гордецъ»... Въ результатѣ онъ долженъ столько же потерять въ глазахъ позднѣйшаго судьи, сколько выигрывалъ у современниковъ своими притязаніями и удачливостью.

Но и у Сумарокова есть свои заслуги, и даже очень опредѣленныя.

Старая критика не знаетъ болѣе горячаго защитника русскаго языка и болѣе безпощаднаго врага русскихъ французовъ. Въ восторгахъ онъ доходитъ до полнаго старовѣрія, очевидно, по своей стремительности, даже плохо отдавая себѣ отчетъ въ своемъ идеалѣ.

Прекрасенъ нашъ языкъ единой стариной,
Но глупостью писцовъ онъ нынѣ сталъ иной,
И ежели отъ ихъ онъ узъ не освободится,
Такъ скоро никуда онъ больше не годится.

Общественная сатира идетъ у Сумарокова рядомъ съ стилистической критикой. Въ *Притчѣ* о *подьяческой дочери* говорится:

По благородному она всю рѣчь варила—
Новоманерными словами говорила...

Личный врагъ автора всякій, кто

Французскимъ языкомъ въ рѣчь русскую плыветъ.

Или:

Кто русско золото французской мѣдью мѣдитъ,
Ругаетъ свой языкъ и по-французски бредитъ.

Сумароковъ не забываетъ бросить камнемъ и въ родителей, не обучающихъ дѣтей родному языку.

Страсть къ чистотѣ русской рѣчи доходитъ у Сумарокова до фанатизма. Онъ готовъ возставать вообще противъ введенія «чужихъ» словъ въ русскій языкъ, напримѣръ, даже такихъ, какъ *дама*, *принцъ*, *томъ*, *супъ*, *фруктъ*. Слова, изобрѣтенныя Тредьяковскимъ и навсегда оставшіяся въ языкѣ въ родѣ *обнародовать*, *преслѣдовать*, *предметъ*, отвергаются Сумароковымъ просто изъ-за новизны.

Подобная прямолинейность, конечно, нецѣлесообразна, но въ высшей степени поучительна мучительнѣйшая забота соревнователя Расина и Вольтера объ отечественномъ языкѣ. Въ зависимости отъ личнаго характера, у Сумарокова эта забота выразилась въ самыхъ публицистическихъ формахъ — сатиры и притчи.

Критика Тредьяковскаго обширнѣе и оригинальнѣе патріотическаго гнѣва Сумарокова. Она даже въ *схоластической* области сказала свое слово, очень неумѣлое и невразумительное по формѣ, но дѣльное и поучительное по смыслу.

У Тредьяковскаго, конечно, не могло быть достаточно ни смѣлости, ни художественнаго чувства, чтобы возстать противъ классической теоріи, но ему удалось высказать нѣсколько весьма любопытныхъ общихъ соображеній по эстетикѣ. Они, вмѣстѣ съ драматической личной исторіей Тредьяковскаго, должны были произвести впечатлѣніе на Пушкина.

Поэтъ счелъ нужнымъ вступиться за память автора *Телемахиды* предъ Лажечниковымъ, не пощадившимъ Тредьяковскаго въ романѣ *Ледяной домъ*. «Въ дѣлѣ Волынскаго,—писалъ Пушкинъ,—играетъ онъ лицо мученика...» «Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей». Естественно, Пушкинъ съ особенной готовностью заявилъ, что Тредьяковскій—«одинъ понимающій свое дѣло».

И у поэта, помимо чувствительныхъ побужденій, были и совершенно положительныя основанія для такого отзыва.

Нельзя, конечно, искать у Тредьяковскаго безусловно ясныхъ представленій о процессѣ творчества и о смыслѣ творческой работы. Классицизмъ и его держалъ въ такомъ же вѣрномъ подданствѣ, какъ и его болѣе даровитыхъ современниковъ. Но иногда сквозь запутанную и крайне неуклюжую рѣчь профессора элоквенціи мелькаютъ искры настоящей эстетической правды.

Напримѣръ, его понятіе о комедіи для своего времени — новость и образецъ критической проницательности. Если бы идею Тредьяковскаго примѣнить на практикѣ, комическому таланту Сумарокова не осталось бы и минуты жизни.

Тредьяковскій пишетъ:

«Осмѣхаемые каждаго вѣка нравы и худая сторона дѣйствій народныхъ есть самое внутреннее и составляющее комедію. Смѣшное есть самое существо комедіи. Впрочемъ, есть смѣшное въ словахъ и есть смѣшное въ вещахъ. Смѣшное искусство, кое желается на театрѣ, долженствуетъ быть копіею съ онаго *смѣшнаго*, которое есть въ натурѣ. И комедія будетъ ни къ чему годная, ежели въ ней не можно узнаться и не видно тѣхъ поступокъ, кои показываютъ люди, живущіе совокупно. Она всегда должна держаться натуры и не отходить отъ нея никогда».

Положимъ, это разсужденіе сильно напоминаетъ извѣстныя намъ мольеровскія идеи о комедіи и могло, слѣдовательно, попасть на страницы Тредьяковскаго изъ пьесы *Критика на школу женщинъ*. Но для русскаго писателя XVIII-го вѣка высшій идеалъ— разумный выборъ чужихъ мыслей и самостоятельное отношеніе къ ученіямъ разныхъ учителей. Сумароковъ, при всей своей запальчивости и притязательности, не переставалъ носиться съ авторитетомъ Вольтера, плохо понятымъ и не провѣреннымъ. У Тредьяковскаго нѣтъ этого безусловнаго рабства, по крайней мѣрѣ, критической мысли предъ однимъ какимъ-либо иноземнымъ вдохновителемъ.

Предъ нами очень рѣдкій примѣръ. Тредьяковскій, разумѣется, не посягаетъ на поэтическіе таланты Буало и откровенно признаетъ себя неискуснымъ подражателемъ французскаго автора. Сравнивая оду Буало съ своей собственной, Тредьяковскій мирится на очень скромномъ успѣхѣ: «довольно съ меня и того, что я нѣсколько возмогъ оной послѣдовать».

Но столь почтительныя и робкія чувства къ учителю и образцу не помѣшали Тредьяковскому повторить идею Платона о «маніи, которая внушается поэтамъ музами» и точно установить разницу между поэтическимъ вдохновеннымъ талантомъ и ремесленническимъ искусствомъ: «иное быть піитомъ, а иное стихи слагать».

«Манія» врядъ ли заслужила бы одобреніе французскаго автора піитики, отожествлявшаго свободное вдохновеніе поэта съ *безуміемъ*—отнюдь не въ поэтическимъ смыслѣ слова.

Но едва ли не самое сильное право Тредьяковскаго на пушкинскую защиту заключается въ *стилистической* критикѣ.

Идея о тоническомъ стихосложеніи не исключительное достояніе Тредьяковскаго. Что же касается осуществленія теоріи, то нечего и разсуждать о правахъ на первенство Ломоносова и Тредьяковскаго. Достаточно одного примѣра. Въ 1734 году Тредьяковскій сочинилъ оду на взятіе Гданска. Здѣсь, между прочимъ, такое обращеніе къ лирѣ:

Воспѣвай же лира пѣснь сладку
Анну то-есть благополучну
Къ вящщему всѣхъ враговъ упадку,
Къ нещастію въ вѣки тѣмъ скучну.

Всего пять лѣтъ спустя появилась первая ода Ломоносова. Она начиналась такими стихами:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишины глубокой...

Всѣмъ даже современникамъ было очевидно, на чьей сторонѣ побѣда. Но теорія Тредьяковскаго отъ его практическихъ неудачъ не теряетъ значенія, и особенно — основанія этой теоріи.

Профессоръ самой ископаемой науки, примѣрнѣйшій кабинетный книгоѣдъ съумѣлъ почувствовать красоту и силу народной поэзіи. Правда, это чувство, повидимому, не проникало слишкомъ глубоко и Тредьяковскій воспользовался только внѣшней стороной народнаго творчества. Но послушайте его отзывъ о ней, и не забудьте, въ какую эпоху восхвалялась поэзія простого народа:

«Сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели иногда греческихъ и латинскихъ, паденіе подало мнѣ непогрѣшительное руководство къ введенію тоническихъ стопъ».

Очевидно, не отъ недостатка добрыхъ намѣреній и правильныхъ идей зависѣла жалкая участь Тредьяковскаго и единственная въ исторіи смѣхотворная роль ученаго и поэта. *По существу*— Тредьяковскій ясно представлялъ значеніе прирожденнаго поэтическаго чувства, цѣнилъ по достоинству свободное художественное творчество, *по формѣ*—призналъ руководствомъ чисто-національную поэзію, т. е. дѣйствительно живой источникъ всего позднѣйшаго литературнаго развитія: всѣ данныя для прочной и успѣшной дѣятельности! Но у столь основательнаго теоретика и помину не было не только о «маніи», т. е. творческомъ геніи, а просто о литературныхъ способностяхъ. И въ силу исконнаго закона человѣческаго самолюбія, у Тредьяковскаго, кажется, даже пропадалъ и здравый смыслъ, когда ему приходилось судить свои собственныя піитическія созданія.

Напримѣръ, теоретически Тредьяковскій не переставалъ возставать противъ малѣйшей порчи русской рѣчи, противъ барбаризмовъ, солецизмовъ, противъ насилія надъ смысломъ во имя риѳмы, требовалъ, «чтобы риѳма звенѣла безъ малѣйшаго поврежденія смыслу». Во имя того же принципа и, что еще замѣчательнѣе, во имя естественности Тредьяковскій высказывалъ въ пол-

номъ смыслѣ революціонное правило для нашего XVIII-го вѣка: «драматическому стихотворенію надлежитъ быть въ теченіи слова всеконечно сходственну съ естествомъ». И на этомъ основаніи въ драмѣ не должно быть риѳмъ: предвосхищеніе пушкинской реформы!...

Но практически всѣ истины превращались въ поэзію, послужившую впослѣдствіи въ рукахъ Екатерины однимъ изъ наказаній для провинившихся придворныхъ. Судьба, дѣйствительно, трагическая: знать и не умѣть сдѣлать, понимáть и не умѣть доказать!..

Мы до сихъ поръ разбирали положительные результаты ранней критики и оставались все время въ области идей и теорій. Но критика всѣмъ этимъ отнюдь не ограничилась. Публицистическій характеръ даже ея общихъ принциповъ, развернулся неудержимо рѣзко въ личной полемикѣ. Она составляетъ неотъемлемую и во многихъ отношеніяхъ замѣчательную часть въ исторіи русской критической мысли. Именно она особенно ярко отразила общественное положеніе литературы и ея идейную силу. Это настоящая война, съ полной откровенностью обнаружившая таланты и характеры полководцевъ.

XXIII.

Изъ всѣхъ литературныхъ произведеній Ломоносова для современныхъ читателей едва ли не самое поучительное одно изъ его писемъ къ Шувалову. Одъ Ломоносова въ настоящее время никто не станетъ читать для эстетическаго удовольствія, въ критическихъ трактатахъ также нельзя искать непосредственной практической пользы.

Совершенно иное значеніе письма. Въ нѣсколькихъ десяткахъ строкъ трудно представить болѣе краснорѣчивую жанровую картину изъ исторіи литературы и вообще нравовъ и просвѣщенія извѣстной эпохи, и при этомъ бросить въ высшей степени яркій свѣтъ на самихъ героевъ.

Мы позволимъ себѣ напомнить этотъ удивительный документъ читателямъ.

Письмо вызвано происшествіемъ, достаточно яснымъ изъ разсказа Ломоносова.

«Никто въ жизни меня больше не изобидилъ,—писалъ онъ Шувалову,—какъ ваше высокопревосходительство. Призвали меня сегодня къ себѣ—я думалъ, можетъ быть, какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: Помирись съ Сумароко-

вымъ! то-есть сдѣлай смѣхъ и позоръ; свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ, и вы сами нерады. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другаго не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ и бѣдное свое риѳмачество выше всего человѣческаго знанія ставитъ; Тауберта и Миллера для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія, и мѣшать не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ и ежели не смотря на мое усердіе будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизни защитникъ, и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ нимъ слезы моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству вспомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ... Буде онъ человѣкъ знающій, искусной, пускай дѣлаетъ пользу отечеству, я по моему малому таланту также готовъ стараться. А съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позорилъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ предлагаю. Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей, дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ выниметъ».

Таковы личныя отношенія между двумя первенствующими писателями эпохи и таково ихъ положеніе предъ знатными господами! Ломоносовъ не могъ не поступиться своимъ достоинствомъ, но и въ немъ, очевидно, заговорила кровь сердца: слишкомъ опредѣленный смыслъ имѣла сцена, устроенная Шуваловымъ!

Сводить литераторовъ для мира или для ссоры—это такое рѣдкостное удовольствіе, не уступающее дракѣ шутовъ! Потѣха не утратитъ привлекательности для благородныхъ меценатовъ и много лѣтъ спустя послѣ Ломоносова и Сумарокова. Еще Державинъ, самъ пѣвецъ Фелицы, будетъ разсказывать, какъ фаворитъ Зубовъ для веселаго зрѣлища старался натравливать на него Елагина и тотъ въ глаза издѣвался надъ его одами, находя ихъ грубыми и безсмысленными.

И эти сцены отнюдь не исключительное изобрѣтеніе русской жизни: онѣ перешли къ намъ изъ Европы одновременно съ искусствомъ Расина.

Верховный законодатель европейской и русской литературы могъ служить образцомъ по части увеселенія земныхъ владѣтелей. Буало, подобно нашему Фонвизину, умѣлъ превосходно изображать въ смѣхотворномъ видѣ своихъ знакомыхъ. Этотъ талантъ создалъ ему популярность въ аристократическихъ салонахъ и однажды Буало удостоился позабавить Людовика XIV. Король потребовалъ, чтобы и Мольеръ, здѣсь же присутствовавшій, былъ изображенъ ловкимъ артистомъ.

Правда, Буало скоро устыдился своего искусства и бросилъ его, но поучителенъ запросъ на подобныя способности и готовность писателей удовлетворять ему.

Очевидно, французская дѣйствительность безпрестанно могла давать Мольеру мотивы для его сценъ съ педантами. Трисотены и Вадіусы—живыя фигуры, онѣ даже и исторически соотвѣтствуютъ подлиннымъ личностямъ. На каждомъ шагу въ преціозномъ салонѣ можно было натолкнуться на оригинальную полемику. Вѣдь вся судьба піиты зависѣла отъ благосклонности знатнаго господина и вопросъ о побѣдѣ надъ соперникомъ становился вопросомъ жизни и смерти!

Знатные господа не пренебрегали вмѣшиваться въ личные счеты литераторовъ и весьма часто разжигали ихъ съ величайшимъ усердіемъ. Извѣстно, напримѣръ, генеральное сраженіе, устроенное салонными дамами между Расиномъ и Прадономъ.

Расинъ имѣлъ несчастье не угодить герцогу Неверу и герцогинѣ Бульонской и они рѣшили натравить на него довольно бездарнаго риѳмоплета, въ литературномъ отношеніи безсильнаго, но за него стоялъ «свѣтъ»! Послѣ перваго представленія расиновской «Федры» Прадону поручили написать трагедію на ту же тему. Приказаніе исполнено, пьеса принята на сцену, требуется обезпечить успѣхъ. Это дѣлается очень просто: скупаются билеты на шесть первыхъ представленій, и прадоновская «Федра» торжествуетъ. Нѣкая знатная дама сочиняетъ даже сонетъ противъ Расина...

На поэта, истиннаго сына меценатской эпохи, приключеніе производитъ потрясающее впечатлѣніе: онъ рѣшается лучше совсѣмъ не писать для театра, чѣмъ вести борьбу съ коалиціей литераторовъ и герцоговъ.

Въ другой разъ роль герцоговъ и герцогинь играетъ самъ Людовикъ XIV. Громадный успѣхъ *Школы женщинъ* вызываетъ зависть сатириковъ и драматурговъ. Одинъ изъ нихъ сочиняетъ памфлетъ, и король поручаетъ Мольеру отвѣчать на нападеніе въ соотвѣтствующемъ тонѣ.

Этотъ порядокъ не прекращается вплоть до конца XVIII вѣка.

Именно этому вѣку приписываютъ искреннія увлеченія «свѣта» философіей и либеральной литературой. Именно эта эпоха славится просвѣщенными салонами и, будто бы, необычайно цивилизованными хозяйками. Слава въ дѣйствительности страдаетъ большими изъянами: и на солнцѣ дамскаго просвѣщенія и аристократическаго либерализма очень много безусловно темныхъ пятенъ.

Писателямъ очень часто говорили комплименты, ихъ портретами и бюстами украшали туалетные столики, брошюрами и книгами наполняли кабинеты и гостиныя, но всѣ эти Дидро, Даламберы, Вольтеры неизмѣнно оставались артистами, а ихъ дѣятельность—интереснымъ спектаклемъ. Такъ именно и называли благородные читатели шумъ, поднимаемый Вольтеромъ и *Энциклопедіей*.

Но вѣдь во всякомъ спектаклѣ главный интересъ въ сценичности, въ комизмѣ, въ живомъ ходѣ дѣйствія. Вольтеръ и его товарищи, конечно, неизмѣримо талантливѣе Буало и Расина, но тѣмъ забавнѣе устроить схватку между философами и другими бойкими литераторами!

И схватка устраивается не одна, а цѣлый рядъ вплоть до самой революціи.

Во главѣ застрѣльщиковъ идутъ все тѣ же знатные господа и даже не совсѣмъ знатные, по происхожденію, по крайней мѣрѣ, но по свой меценатской роли въ современной литературѣ. Г-жа Дюдеффанъ, напримѣръ, по отзывамъ современниковъ, едва ли не самая интересная и оригинальная салонная любительница филофіи, остроумнѣйшая спорщица съ самими энциклопедистами, усерднѣйшая корреспондентка Вольтера...

Все это—культура, но дальше начинается барство. Переписка съ Вольтеромъ не мѣшаетъ дамѣ оказывать вниманіе жесточайшему литературному и личному врагу фернейскаго патріарха—Фрерону, читать его журналъ *Литературный годъ* и даже восхищаться его выходками противъ Вольтера... И въ результатѣ всего этого та же г-жа Дюдеффанъ сообщаетъ Вольтеру о небывалыхъ козняхъ энциклопедистовъ противъ него...

Развѣ это не традиціонная роль праздныхъ меценатовъ въ средѣ литераторовъ,—несомнѣнно интереснѣйшаго класса развлекателей.

Но г-жа Дюдеффанъ сравнительно невинное явленіе.

Тотъ же Даламберъ, сообщающій продѣлки этой дамы, пишетъ Вольтеру: «Версаль кишитъ Палиссо мужскаго и женскаго пола».

Палиссо—одинъ изъ главнѣйшихъ враговъ энциклопедистовъ,

авторъ многочисленныхъ сатиръ на философію и философовъ. И вотъ онъ-то находитъ при дворѣ покровителей и даже сотрудниковъ.

Завѣдомый другъ и покровитель Вольтера, министръ Шуазёль подзадориваетъ сатирическій талантъ Палиссо, проводитъ его пьесы на сцену, организуетъ даже клику и вообще играетъ роль одновременно и подстрекателя, и забавляющагося барина.

Такое же покровительство находитъ у Шуазёля и Фреронъ.

Вольтеру становится трудно считаться съ этими фактами: вѣдь Шуазёль открыто состоитъ съ нимъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ! Чѣмъ объяснить двоедушіе министра?

Любопытно, какая мысль приходитъ на умъ остроумнѣйшему и находчивѣйшему писателю. Шуазёль слишкомъ большой баринъ—*trop grand seigneur*, а большіе господа на дѣла частныхъ лицъ смотрятъ, какъ на «грызню собакъ».

Чувствовалъ ли Вольтеръ весь горькій смыслъ своего объясненія или ему ничего не оставалось, какъ рѣзко охарактеризовать вѣковой фактъ, скрѣпя сердце опредѣлить культурную сущность барскихъ литературныхъ интересовъ?

Но многимъ знатнымъ господамъ мало казалось подстрекательства, они не гнушались принимать непосредственное участіе въ самой «грызнѣ». Одинъ изъ плодовъ салонной сатирической фантазіи увѣковѣченъ исторіей: сцена въ комедіи Палиссо—*Философы*.

Сцена любопытна не только для французской литературы, но и вообще для всякой—извѣстнаго періода, и особенно для русской. Сцена показываетъ, къ какимъ пріемамъ прибѣгали знатные критики и на какой, слѣдовательно, путь толкали литературную полемику.

Происходитъ бесѣда между философомъ и его слугой. Философъ проповѣдуетъ полное презрѣніе къ законамъ. Слуга спрашиваетъ:

— Слѣдовательно, все дозволено?

— За исключеніемъ дѣйствій, вредныхъ вамъ и вашимъ друзьямъ... Все дѣло въ томъ, чтобы быть счастливымъ, а какимъ путемъ—это все равно.

Слуга, наслушавшись подобныхъ правилъ, собирается обобрать своего господина. На гнѣвный окрикъ философа онъ отвѣчаетъ:

— Личный интересъ—это скрытый принципъ, вдохновляющій насъ и управляющій всѣми существами.

— Какъ, измѣнникъ, обокрасть меня!—восклицаетъ господинъ.

— Нѣтъ,—оправдывается его ученикъ.—Я пользуюсь своимъ правомъ. Всякая собственность—общее достояніе.

Вся эта беседа, имѣвшая въ виду уличить энциклопедистскую партію въ самыхъ низменныхъ покушеніяхъ на личную и общественную нравственность, была внушена автору одной изъ литературныхъ дамъ, принцессой Робеккъ.

Тлетворнѣйшимъ фактомъ во всѣхъ этихъ исторіяхъ оказалось поощреніе со стороны сильныхъ особъ—сатиры на личности. Вообще цензура въ теченіе всего XVIII вѣка крайне строга, большею частью безпощадна ко всѣмъ критическимъ поползновеніямъ литературы. Но она немедленно становится на сторону критики, если она превращается въ пасквиль на кого-либо изъ новыхъ писателей.

Нравственное вліяніе такой политики на публику и писателей вполнѣ очевидно. Она гораздо больше унижала и часто опошливала литературу, чѣмъ какіе угодно рабскіе инстинкты каждаго литератора отдѣльно.

XXIII.

Въ то время, когда русской критикѣ приходилось переживать самый трудный младенческій періодъ, когда она болѣе всего нуждалась въ добрыхъ внушеніяхъ и руководствахъ, во французской литературѣ совершались самыя непоучительныя зрѣлища.

Возьмемъ нѣсколько сообщеній современниковъ. Всѣ они относятся къ началу шестидесятыхъ годовъ, т. е. ко времени, когда западные отголоски становились у насъ особенно громкими и обильными.

«Въ настоящее время,—пишетъ одинъ очевидецъ, — Парижъ занятъ исключительно литературными распрями. Достаточно обладать заслугами въ наукѣ и искусствахъ, чтобы стать добычей самой ядовитой сатиры. Личности, наиболѣе уважаемыя по талантамъ и безупречной жизни, оказываются первыми жертвами этой ненависти» *).

Съ этого времени, прибавляетъ другой свидѣтель, сатиры на личности входятъ въ моду съ поразительной быстротой **).

Фактъ вызываетъ глубокое сожалѣніе у всѣхъ, кому дорога честь французской литературы.

Они обращаются съ упреками къ писателямъ, истощающимъ силы въ междоусобной войнѣ, между тѣмъ какъ даже въ Китаѣ люди науки единодушно служатъ родинѣ. Слышатся жалобы на

---

*) Favart. *Mémoires.* I, 37.

**) Grimm. *Correspondance littéraire.* IV, 276.

цензуру и правительство, допускающихъ позорить гражданъ на сценѣ Корнелей *).

Но соображенія о Корнеляхъ, очевидно, направлялись не по адресу. Пьесы Палиссо приходилось давать въ театрѣ при усиленной стражѣ полиціи, публика часто производила настоящіе скандалы, подвергалась арестамъ, и литература такимъ путемъ все больше извращалась и унижалась совершенно нелитературными героями и подвигами. Такъ продолжалось въ теченіе всего философскаго вѣка.

Мы должны помнить, кто былъ ближайшей публикой писателей этой эпохи и на сколько писатель и его трудъ зависѣли отъ публики. Мы не должны также упускать изъ виду громадной силы правительственныхъ и цензурныхъ воздѣйствій на литературные нравы—именно въ то время, когда умственная дѣятельность менѣе всего могла похвалиться нравственной независимостью и достоинствомъ общественнаго положенія. Мы поймемъ тогда смыслъ изложенныхъ явленій и съумѣемъ безпристрастно оцѣнить презрѣнныя, часто позорныя страницы литературной исторіи во Франціи и у насъ.

Писателю требовалось великое напряженіе самосознанія, чтобы спокойно и достойно оцѣнить свое писательское дѣло. Эта оцѣнка дается только при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, когда личное самолюбіе и человѣческая личность не подвергаются униженіямъ ежечасно, при малѣйшемъ проявленіи чисто-авторскихъ притязаній.

Извѣстенъ психологическій законъ: чѣмъ больше человѣка несправедливо, насильственно оскорбляютъ, тѣмъ онъ мучительнѣе усиливается при всякомъ случаѣ приподнять себя, набавить цѣны именно тому, что менѣе всего цѣнится.

Великая истина заключена въ гоголевскихъ *Запискахъ сумасшедшаго*: именно одинъ изъ ничтожнѣйшихъ пасынковъ общества долженъ заболѣть *маніей величія*. Обиды, переполнившія его душу болью и горечью, разрѣшаются страшнымъ взрывомъ—въ противоположную сторону. Это—безуміе, но въ жизни безпрестанно совершается тотъ же актъ только не въ такихъ рѣзкихъ формахъ. Забитые и истерзанные люди такъ часто отводятъ душу въ иллюзіяхъ, для нихъ неизмѣримо болѣе цѣнныхъ, чѣмъ дѣйствительность,—въ вѣчномъ повтореніи ролей горе-богатыря и рыцаря на часъ!

На подобное положеніе осуждены и писатели варварскаго меценатскаго вѣка.

---

*) Coyer. *Oeuvres*. Londres 1765, I, 90—1. Grimm. Ib. IV, 240.

Психологія ихъ прекрасно выясняется изъ одного эпизода съ самымъ жалкимъ героемъ жестокихъ временъ, съ Тредьяковскимъ. Эпизодъ разсказанъ имъ самимъ, и здѣсь поучительна всякая подробность.

Академикъ Миллеръ, издатель журнала *Ежемѣсячныя сочиненія*, отказался напечатать нѣкоторыя произведенія Тредьяковскаго въ академическомъ изданіи. Обида — вопіющая! Вѣдь Тредьяковскій такой же членъ академіи, какъ и Миллеръ.

Обиженный обратился за объясненіями.

«По какой бы онъ власти», говоритъ Тредьяковскій, «и по чьему повелѣнію лишаетъ меня моего законнаго права тѣмъ, что моихъ пьесъ не принимаетъ отъ меня въ книшки, и аппробованныхъ не печатаетъ? Но онъ мнѣ на то съ презрѣніемъ, какъ будто должнымъ уже и заслуженнымъ, отвѣтствовалъ при всемъ же собраніи, что не долженъ мнѣ ничего сказать, сколько бъ я его ни спрашивалъ. Гдѣ жъ то узаконено, чтобъ члену секретарь не долженъ былъ ничего сказывать? Трудно бъ терпѣть и великодушному человѣку, бывшему на моемъ мѣстѣ. Однако я извнѣ замолчалъ, а внутри раздирался на части» *).

Всего нѣсколько наивныхъ строкъ, и весь авторъ XVIII-го вѣка цѣликомъ! Необходимость молчать, личная приниженность и безъисходныя муки самолюбія... Легко представить, съ какой стремительностью воспользуется этотъ человѣкъ случаемъ, когда, наконецъ, можно не только «внутри» раздираться на части! А такіе случаи возможны съ такими же оффиціально-безправными людьми, какъ самъ оскорбленный, т. е. съ братьями-писателями. Здѣсь уже не будетъ ни удержу, ни пощады, тѣмъ болѣе, что и на другой сторонѣ окажется столько же накопленный желчи и мучительно-сдавленнаго самолюбія.

Отсюда, прежде всего, чисто болѣзненное, будто гипнотически-внушенное самохвальство. Тредьяковскій и Сумароковъ отнюдь люди не глупые, а между тѣмъ стóитъ имъ начать говорить о своихъ заслугахъ и талантахъ, и невольно припоминается Поприщинъ.

Извѣстна гордость Тредьяковскаго *Телемахидой*, но еще оригинальнѣе его общая оцѣнка своихъ поэтическихъ способностей. Онъ «безъ вертопрашнаго тщеславія» заявлялъ, что «въ пріискиваніи риѳмъ пріобрѣлъ навыкъ, не грызя ногтей и безъ пораженія ладонью чела».

---

*) П. Пекарскій. *Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ*. Приложеніе къ XII-му тому «Записокъ Имп. академіи наукъ. Спб. 1867».

И это говорилось о такихъ, напримѣръ, граціозныхъ стансахъ:

Плюнь на скуку
Морску суку
Держись черней и знай штуку!

Или о такомъ лиризмѣ:

О лѣто, ты лѣто горяче
Мухами обильно паче:
Только тѣмъ ты, лѣто, не любовно,
Что не грыбовно...

Но вѣдь это тотъ самый авторъ, который нещадно и публично былъ избитъ и рукопашно, и палками и молилъ власть о своемъ «безчестьи и увѣчьи!..» Надо же было дать исходъ наболѣвшей человѣческой душѣ!

Сумароковъ не только не отставалъ отъ Тредьяковскаго, а явилъ даже, пожалуй, единственный въ своемъ родѣ примѣръ маніи величія при полномъ, повидимому, здравомъ разсудкѣ и твердой памяти.

Мы уже слышали отъ Ломоносова, чего стоило послушать Сумарокова на счетъ его «риѳмачества». Печатныя изліянія писателя переполнены тѣмъ же нестерпимымъ ѳиміамомъ собственному генію, и, разумѣется, пламя на этомъ алтарѣ разгоралось тѣмъ ярче, чѣмъ энергичнѣе внѣшнія посягательства на талантъ и славу драматурга.

«Мнѣ хвалу сплететъ Европа и потомки», безъ всякаго смущенія возглашалъ творецъ *Дмитрія Самозванца* въ отвѣтъ на неблагодарность публики и оскорбленія властей. Если Россія не желала оказывать почета своему геніальному гражданину, онъ во всеуслышаніе заявитъ: «*я* Россіи сдѣлалъ честь своими сочиненіями». Если правительство допускаетъ великаго писателя терпѣть нужду, онъ именно по этому поводу поставитъ свое перо превыше всѣхъ матеріальныхъ наградъ.

Теперь представьте хотя бы даже легкую стычку между подобными самолюбіями, сведите на аренѣ Тредьяковскихъ, Сумароковыхъ и даже Ломоносовыхъ, какое зрѣлище представится вамъ?

Ломоносовъ прямо просилъ «у Господа», чтобы ему «не знаться съ Сумароковымъ», и все изъ-за пререканій, что выше и значительнѣе: «знанья» или «риѳмачество», т. е. дѣятельность драматурга или перваго русскаго ученаго! И какого! Ломоносовъ могъ разсказать о себѣ совершенно легендарную исторію, представить всѣмъ завистникамъ и врагамъ подлинное свое подвижничество ради науки и мысли!

Онъ не могъ не гордиться своими *дѣйствительными* заслугами и совершенно послѣдовательно не цѣнить въ себѣ русской исключительно даровитой натуры.

Естественно, всякое посягательство со стороны соотечественника на «знанія», а иностранца на русское имя поднимали всю кровь въ сердцѣ Ломоносова, и тогда горе и Сумарокову, и нѣмцамъ-академикамъ!..

И предъ нами развертывается рядъ изумительныхъ сценъ. На первый взглядъ онѣ могутъ произвести впечатлѣніе крайне жалкое и унизительное для памяти нашихъ первыхъ критиковъ. И впечатлѣніе будетъ законно. Но только мы должны помнить, что отнюдь не болѣе достойныя сцены разыгрывались и среди нашихъ учителей въ неизмѣримо болѣе культурномъ обществѣ, чѣмъ Волынскіе и Зубовы.

Мольеръ откровенно вывелъ аббата Котэна въ *Ученыхъ женщинахъ* и достигъ чрезвычайнаго эффекта на публику и свою жертву. Тотъ же Мольеръ въ *Версальскомъ экспромптѣ* назвалъ по имени своего литературнаго врага, Бурсо—«автора безъ репутаціи», т. е. полное ничтожество.

А Буало?

Прежде всего, онъ не выполнилъ своего публичнаго обѣщанія, безусловно обязательнаго для всякаго писателя и безъ торжественныхъ заявленій,—не привлекать своихъ критиковъ къ иному суду, кромѣ «трибунала музъ». Относительно того же Бурсо онъ не вытерпѣлъ: ходатайствовалъ предъ королемъ запретить представленіе сатирической комедіи своего врага на сценѣ.

Наконецъ, Вольтеръ.

Здѣсь грѣховъ сколько угодно. Возьмемъ самый эффектный, стяжавшій въ свое время европейскую извѣстность.

«Патріархъ», выведенный изъ терпѣнія нападками Фрерона, написалъ комедію *Шотландка*. Одному изъ героевъ предназначена самая позорная роль: это—продажный критикъ, политическій доносчикъ, круглая бездарность, вообще, по отзыву героини пьесы: «самый безстыдный и самый подлый плутъ во всѣхъ трехъ королевствахъ. Наши собаки кусаютъ по инстинкту отваги, а онъ по инстинкту низости» *).

И этотъ герой носилъ имя *Frélon—Осà*, вмѣсто подлиннаго *Fréron*!

Цензуру смутила такая откровенность и она потребовала измѣнить имя. Вольтеръ поставилъ *Wasp*—англійское слово, означающее также *оса*: слѣдовательно, замѣны въ сущности не произошло.

---

*) «L'Ecossaise», Acte II, 1.

И комедія появилась на сценѣ!..

Легко представить впечатлѣнія парижанъ. Очевидецъ пишетъ:

«Ни одно произведеніе Вольтера не было принято съ такимъ восторгомъ. Каждому слову аплодировали и ногами, и руками, въ особенности всему, что̀ относилось къ Фрерону... Г-жа Фреронъ, занявшая мѣсто въ первомъ ряду амфитеатра, чтобы своей красивой фигурой поощрять сторонниковъ мужа, едва не упала въ обморокъ. Одинъ мой знакомый, сидѣвшій рядомъ съ ней, сказалъ: «Не безпокойтесь, сударыня, личность Вэспа нисколько не похожа на вашего мужа. М-г Фреронъ не клеветникъ, и не доносчикъ». «Ахъ,—воскликнула она наивно,—что̀ ни говорите, а его всегда признàютъ»...

Самъ Вольтеръ былъ пораженъ успѣхомъ пьесы, и жалѣлъ, что онъ не поработалъ надъ ней еще тщательнѣе.

Въ какомъ направленіи произошла бы эта работа, показываетъ *Avertissement—Предувѣдомленіе*, написанное авторомъ къ изданію своего произведенія.

Здѣсь разсказывалось объ успѣхѣ комедіи. Фреронъ назывался прямо по имени *F.*—вмѣстѣ съ своимъ журналомъ «*L'Année littéraire*» и приводилось письмо какого-то лорда, убѣждавшее автора подвергнуть общественному суду всѣхъ «подлыхъ гонителей литературы» и «клеветниковъ добродѣтели», тайно интригующихъ противъ философовъ.

Вольтеръ не пощадилъ даже супруги Фрерона. Она, будто бы, послѣ перваго представленія *Шотландки* поцѣловала автора (онъ былъ запачканъ—barbouillé—двумя поцѣлуями) и поблагодарила за сатиру на ея мужа.

Раздраженіе Вольтера не ослабѣвало до глубокой старости. Во время болѣзни онъ писалъ, что согласенъ идти въ чистилище, если только Фрерона пошлютъ въ адъ.

Такова одна изъ многихъ траги-комедій литературной французской исторіи XVIII-го вѣка!

Среди истинныхъ почитателей Вольтера нашлось, конечно, не мало противниковъ подобной полемики. Они сожалѣли, что Вольтеръ унизился до пасквиля на недостойнаго врага *). Но патріархъ, очевидно, держался другого взгляда и, несомнѣнно, своимъ авторитетомъ и успѣхомъ помогалъ рости полемикѣ, оскорбительной для литературы.

Насъ послѣ этого не изумятъ отечественныя чернильныя битвы. Несомнѣнно, по формѣ онѣ должны быть нерѣдко грубѣе фран-

---

*) Grimm. IV, 276.

цузскихъ образцовъ, но сущность одна и та же. И тамъ, и здѣсь писатели, въ силу извѣстныхъ культурныхъ условій, независимо отъ личныхъ самолюбій и воинственнаго азарта, окунаются въ бездну мелочей, путаются въ личныхъ счетахъ и по временамъ дѣйствительно изображаютъ битву шутовъ и педантовъ.

XXIV.

Мы видѣли, какъ споры о языкѣ и грамматикѣ могли приводить нашихъ раннихъ критиковъ къ вопросамъ о національности и даже народности. Это—высшая публицистика, *templa serena*—*ясныя небеса* нашей ранней критики.

Но тѣ же самые споры неминуемо должны коснуться и другихъ мотивовъ, не столь широкихъ и возвышенныхъ. На новой нивѣ слишкомъ много дѣла, и каждый дѣлатель могъ претендовать на первенство и благодѣтельность именно своей обработки. При особенной психологіи критиковъ здѣсь почти не существовало разницы между крупнымъ и мелкимъ фактомъ, между филологической идеей и даже знакомъ препинанія. Все одинаково могло вызвать самый страстный бой.

И такой бой шелъ непрерывно между Сумароковымъ и Тредьяковскимъ.

Мы приведемъ нѣсколько образчиковъ во всей ихъ неприкосновенности: они безъ нашихъ поясненій введутъ читателя въ сущность дѣла.

Прежде всего о знакахъ препинанія,—пишетъ Сумароковъ. Сначала онъ разгромилъ ударенія—*силы*, потомъ продолжаетъ:

«Мало сего педантства еще; такъ выдумали они то есть невѣжи, почитающіе невѣжество свое полезнымъ умствованіемъ, ставити новомодныя или паче новоскаредныя палочки: наприм. *во-ртъ*, *на-воду* и проч. Такая мерзость, таковыя палочки отлично были угодны г. Тредьяковскому»!

При такой страстности по поводу *черточекъ*, естественно не менѣе сильный гнѣвъ загорался изъ за буквъ,—напримѣръ изъ за буквы з; ее Тредьяковскій извергалъ и вводилъ с, а Сумароковъ защищалъ, изъ-за окончаній множественнаго числа, изъ-за *ой* и *ій*... Противники не пренебрегали описками и опечатками, напримѣръ, Тредьяковскій напалъ на Сумарокова за безграмотность изъ-за «двухъ типографическихъ небрежностей», написалъ полстраницы критики на невѣрно набранный стихъ—*хотя* вмѣсто *хоть*, и Сумароковъ принужденъ былъ даже «показывать многимъ трагедію вчернѣ» для доказательства, что «въ черномъ по-

правлено или скребено» не было. Въ другой разъ тотъ же Тредьяковскій «въ прежестокую вступилъ ярость, дѣлаетъ протчія восклицанія и протчія неистовства»—все потому, что не вѣрно поставлена запятая.

Но, кажется, самую жаркую распрю вызвала буква *и*.

Тредьяковскій упорно отстаивалъ *и* во множественномъ числѣ всюду въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ.

Сумароковъ не удовольствовался прозаическимъ опроверженіемъ нелѣпой, по его мнѣнію, идеи и написалъ стихотворную сатиру съ такимъ заключеніемъ:

На что же Трессотинъ намъ тянешь *и* некстати?
. . . .
Россійска языка небесна красота
Не будетъ никогда попрана отъ скота!
И бредъ твой выплюнувъ, повѣрь—тебя заставитъ:
Скончать твой скверный визгъ, стонаніе совы...

Трессотинъ, замѣняющій Тредьяковскаго, пріобрѣлъ необыкновенную популярность въ современной литературной полемикѣ послѣ того, какъ Сумароковъ осмѣялъ Тредьяковскаго въ комедіи *Трессотиніусъ*. Герой споритъ о начертаніи буквы *твердо*, писать ли ее «объ одной ногѣ», или «о трехъ ногахъ». При всей каррикатурности комизма, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Тредьяковскій постоянно прибѣгалъ къ самымъ неожиданнымъ филологическимъ соображеніямъ и сравненіямъ: напримѣръ, *з* и *э* изгонялись изъ азбуки за то, что «не статны собою».

Тредьяковскій ни за что̀ не соглашался уступить *и* и отвѣчалъ въ соотвѣтствующемъ тонѣ.

Его отповѣдь въ началѣ именуетъ противника «дуракомъ» и «вертопрахомъ негоднымъ», его разсужденія—«ямщичей вздоръ или мужицкой бредъ», и выставляется на видъ существенный фактъ: «святыхъ онъ книгъ отнюдь, какъ видно, не читаетъ»... Но постепенно отвѣтъ переходитъ въ крайне раздраженный тонъ, и авторъ совершенно забываетъ всякія филологическія и свѣтскія тонкости:

Ты жъ ядовитый змій, или какъ любишь—змѣй,
Когда меня язвить престанешь ты злодѣй!
Престань, прошу, престань,—къ тебѣ я не касаюсь;
Злонравіемъ твоимъ, какъ демонскимъ, гнушаюсь.
Тебѣ ль, Парнасска грязь, морали не-творецъ,
Учить людей писать? ты истинно глупецъ.
Повѣрь мнѣ, крокодилъ, повѣрь, клянусь я Богомъ!—
Что знаніе твое все въ родѣ есть убогомъ.

Не штука стихъ слагать, да и того ты пустъ;
Безплоденъ ты во всемъ, хоть и шумишь какъ кустъ... *).

Дальше врагу напоминалось о смерти, о Богѣ и о правдѣ, не давалось пощады и внѣшности Сумарокова. Въ другой эпиграммѣ Тредьяковскій съумѣлъ въ двухъ строкахъ изобразить внѣшнія и нравственныя черты своего критика:

Кто рыжъ, плѣшивъ, мигунъ, заика и картавъ
Не можетъ быти въ томъ никакъ хорошій нравъ!

Это изображеніе совпадаетъ съ портретомъ Сумарокова у Ломоносова:

Картавилъ и сопѣлъ, качался и мигалъ.

Любопытно, Тредьяковскій оказывался несравненно болѣе искуснымъ стихотворцемъ въ личной брани, чѣмъ въ торжественныхъ жанрахъ—въ поэмѣ и одѣ. Надо думать, въ первомъ случаѣ тема гораздо глубже захватывала піиту, и онъ здѣсь былъ безусловно искрененъ и въ полномъ смыслѣ одержимъ *маніей*, т. е. вдохновеніемъ.

Искренность и сила полемическихъ волненій у Тредьяковскаго подтверждается удивительнѣйшимъ документомъ, какой только возможенъ въ литературѣ. Если даже предположить извѣстную преднамѣренность, разсчитанную приподнятость рѣчи, и тогда останутся единственные въ своемъ родѣ факты писательской психологіи прошлаго вѣка.

Продолжая свои жалобы на отказъ Миллера печатать его произведенія въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ*, Тредьяковскій пишетъ:

«Послѣ сего, ненавидимый въ лицо, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, охуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатіріческими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще во нравахъ (что сего безсовѣстнѣе?) оглашаемый, все жъ то или позлобѣ, или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы, или наконецъ по собственной потребности, чтобъ употребляющаго меня праведно, и съ твердымъ основаніемъ *и* въ окончаніи прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ цѣлыхъ, всемѣрно низвергнутъ въ пропасть безславія, всеконечно уже изнемогъ я въ силахъ къ бодрствованію» **).

Но въ такое положеніе приходилось попадать каждому изъ трехъ соперниковъ. Мы знаемъ «литеральныя войны» при самыхъ

---

*) *Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія. Библіографическія записки* 1859, № 17.

**) Пекарскій. *О. cit.*

разнообразныхъ комбинаціяхъ воюющихъ силъ: Сумароковъ и Тредьяковскій противъ Ломоносова, Ломоносовъ и Тредьяковскій противъ Сумарокова, и самый грозный союзъ Сумарокова и Ломоносова на Тредьяковскаго. Намъ неизвѣстно, по какимъ поводамъ заключались эти союзы, и неожиданнѣе всего единеніе Сумарокова съ Тредьяковскимъ послѣ драматической сатиры и такого, напримѣръ, повидимому, окончательнаго приговора творцу «Телемахиды»:

«Что до склада сего автора касается, такъ это и критики недостойно; ибо всѣхъ читателей слуху онъ противенъ толико, что подобнаго писателя, никогда ни въ какомъ народѣ отъ начала мира не бывало: а онъ еще и профессоръ краснорѣчія! Всѣ его и стихотворныя сочиненія, и прозаическія, и переводы таковы; такъ оставимъ ево; ибо нѣтъ моего терпѣнія смотрѣть въ его сочиненія».

Эти сочиненія всегда были одинаковыми, но они не мѣшали воинственному драматургу подавать руку «Трессотиніусу» и «Штивеліусу» для общей атаки на искуснѣйшаго одописца. Даже самого Ломоносова изумлялъ этотъ союзъ, и онъ написалъ сатиру *Злобное примиреніе*, называя враговъ Аколастомъ и Сотиномъ, а себя Пробинымъ:

Съ Сотиномъ что за вздоръ? Аколастъ примирился;
Конечно третій членъ къ нимъ лѣшій прилѣпился,
Дабы три фуріи втѣснившись на Парнасъ,
Закрыли крикомъ музъ Россійскихъ чистый гласъ...

Дальше излагались прежнія взаимныя отношенія союзниковъ, и сатира заканчивалась въ чисто-ломоносовскомъ стилѣ гнѣва и страсти:

Кто быть желаетъ нѣмъ, и слышать наглыхъ вракъ,
Межъ самохвалами съ умомъ прослыть дуракъ,
Сдружись съ сей парочкой *).

Но самую типичную полемику, несомнѣнно, пришлось выдержать Сумарокову отъ союза Ломоносова съ Тредьяковскимъ.

И поводъ полемики прямо заслуживаетъ безсмертія: до такой степени онъ краснорѣчиво характеризуетъ литературные нравы и самихъ писателей XVIII вѣка!

Вся исторія загорѣлась изъ-за нѣсколькихъ хвалебныхъ стиховъ второстепеннаго литератора Елагина по адресу Сумарокова. Въ сатирѣ *На петиметра и кокетокъ* Сумароковъ

*) *Любопытные документы изъ портфелей Миллера. Москвитянинъ*, январь 1854, стр. 2—3.

чествовался, какъ «наперсникъ Боаловъ», «россійскій нашъ Расинъ», и даже «защитникъ истины» и «благій учитель»... Это значило забыть о славѣ и талантахъ всѣхъ знаменитыхъ современниковъ, и они должны были немедленно напомнить о себѣ.

Ломоносовъ безпощадно высмѣялъ и въ стихахъ, и въ прозѣ автора сатиры и его «благого учителя», а Тредьяковскій прямо выбранилъ Сумарокова:

Въ комъ глупость безъ конца, въ комъ самый мракъ живетъ...

Такъ легко литература переходила въ личныя оскорбленія, критика въ пасквиль и откровеннѣйшее поношеніе!

Недаромъ на современномъ языкѣ самыя понятія—*критикъ* и *критика* означаютъ все, что угодно, только не «трибуналъ музъ».

Въ *Покоющемся Трудолюбцѣ* — журналѣ Новикова—авторъ статьи *Путешествіе на Парнассъ* такъ изображаетъ *критиковъ*: «Видъ ихъ былъ угрюмый и свирѣпый; глаза сверкали, какъ молнія, а языкомъ они никого не щадили».

Въ журналѣ *Смѣсь* еще вразумительнѣе опредѣляется *критика*: разсказывается о пріятелѣ, который «покритиковалъ другого доброю великороссійскою пощечиною» и «сія критика весь балъ кончила». Издатель, съ своей стороны, объяснялъ читателямъ: «присылаемыя ко мнѣ критическія письма часто соединяли въ себѣ и злословіе, и осмѣяніе».

Наши авторы отнюдь не скрывали истины, хотя сами болѣе всѣхъ были повинны въ грѣхахъ критики.

Ломоносовъ, съ особенной надменностью бичевавшій своихъ соперниковъ, говорилъ: «опасно быть въ тѣ времена писателемъ, когда больше критиковъ, чѣмъ сочинителей, больше ругательствъ, чѣмъ доказательствъ».

Даже Тредьяковскій, не знавшій удержу своей ругательной маніи, жаловался: «критика наша по большей части безъ узды туда скачетъ, куда ее влечетъ устремленіе».

И тѣмъ краснорѣчивѣе безпрестанное личное повиновеніе автора «устремленію»!

Писатель XVIII вѣка могъ основательно въ теоріи понимать и литературный вкусъ, и литературныя приличія, но у него самого не хватало нравственной уравновѣшенности, истиннаго достоинства писателя и ничто извнѣ не могло внушить ему этихъ добродѣтелей. Выходило такое же противорѣчіе въ критикѣ, какое было въ искусствѣ. Поэтъ могъ отлично оцѣнивать тлетворность подражательности, издѣваться надъ «новоманерными словами» и всякой другой галломаніей, но у него не хватало творческой

силы и мужества возстать вообще противъ «чужихъ уроковъ», національное чувство изъ области словаря и грамматики распространить на искусство и художественныя идеи.

Въ результатѣ—Сумароковъ могъ сочинять сколько угодно притчей на Иванушекъ и подъяческихъ дочерей, онъ все-таки изнывалъ отъ честолюбія «явить россамъ театръ расиновъ. Въ критикѣ онъ иронически отзывался о «новомодномъ критическомъ духѣ», т.-е. гдѣ «много бумаги да брани», и здѣсь же усиливался превзойти своего противника непремѣнно бранью.

Тредьяковскій впадалъ въ еще горшія противорѣчія. Онъ глубоко негодовалъ, когда его оглашали въ нравахъ, но именно онъ и представилъ самый ранній и яркій образецъ подобныхъ оглашателей. Даже гораздо хуже. Тредьяковскому по преимуществу наша юная критика обязана юридическимъ элементомъ.

Мы не можемъ миновать и этого предмета въ нашей исторіи это, несомнѣнно, самая *историческая* черта старой «униженной и оскорбленной» литературы.

И здѣсь русскіе критики не могли похвалиться оригинальностью: какъ въ личныхъ педантскихъ счетахъ, такъ и въ юридическихъ документахъ они могли взять не мало поучительныхъ уроковъ все у той же французской словесности, отчасти даже у своихъ почетнѣйшихъ авторитетовъ.

XXV.

Мы видѣли, съ какимъ усердіемъ французская власть стараго порядка поощряла враговъ новыхъ идей. Естественно, изъ этого поощренія вытекалъ и вполнѣ опредѣленный способъ войны съ энциклопедистами. Его на первыхъ же порахъ въ совершенномъ блескѣ осуществилъ привилегированнѣйшій застрѣльщикъ оффиціозной критики—Палиссо.

Палиссо, конечно, ничего не стоило составить списокъ преступленій философовъ—безъ различія направленій, талантовъ, литературной дѣятельности. На первомъ мѣстѣ значились: безбожіе, матеріализмъ, проповѣдь свободы.

Отнюдь не всѣ философы и даже не большинство повинны въ этихъ смертныхъ грѣхахъ: достаточно вспомнить, какъ горячо возставалъ Вольтеръ противъ матеріализма, какъ вмѣстѣ съ Даламберомъ онъ отозвался объ «ужасной книгѣ» Гольбаха; о Руссо нечего и говорить: для него безбожіе звучало прямо личнымъ оскорбленіемъ.

Но Палиссо требовалось заклеймить страшное слово—*философы*, и оно покрыло собой всѣ оттѣнки и даже контрасты.

Можно представить, сколько понадобилось лжи, передержекъ, фальшивыхъ цитатъ и явнаго шарлатанства! И Палиссо на все это идетъ.

Уничтожая *Энциклопедію*, какъ источникъ повальной нравственной заразы, пасквилянтъ цитируетъ слова изъ статьи Даламбера, какихъ тамъ нѣтъ, выписываетъ статью *Gouvernement*—*Правительство* и вставляетъ фразу собственнаго измышленія: «неравенство состояній—варварское право», ссылается на книги автора, совершенно посторонняго *Энциклопедіи*, и его идеи объявляетъ достояніемъ энциклопедистовъ.

Современникъ, наблюдавшій за этой полемикой, замѣчаетъ:

«Палиссо недостаетъ только храбрости на большія преступленія, чтобы сдѣлаться знаменитостью въ лѣтописяхъ Гревской площади. Когда вы видите, какъ человѣкъ извлекаетъ цитаты изъ сочиненій другого съ цѣлью возбудить ненависть къ нему, говорите смѣло: «это—мошенникъ»—вы не ошибетесь» *).

Такъ судитъ о продѣлкахъ Палиссо самый скромный и сдержанный сторонникъ энциклопедистовъ. Но какъ поступать съ подобнымъ противникомъ его жертвамъ? Доказать, что онъ мошенничаетъ—не трудно, но вѣдь это важно только для публики, для общественнаго мнѣнія. Оно и безъ доказательствъ стояло на сторонѣ философовъ. Несравненно важнѣе оградить *Энциклопедію* отъ другой силы—правительственной. Она всемогуща, а между тѣмъ Палиссо могъ толкнуть ее на совершенно незаслуженную кару по адресу оболганныхъ писателей.

Вольтеръ, не въ примѣръ прочимъ философамъ, оболганный Палиссо, первый указалъ практическій результатъ его предпріятій:

«Ваше сообщеніе,—писалъ «патріархъ»,—можетъ попасть въ руки принца, министра, чиновника, занятаго важными дѣлами, въ руки самой королевы, еще болѣе занятой судьбою бѣдныхъ и, по своему положенію, имѣющей мало досуга. Прочтутъ одно ваше предисловіе размѣромъ въ какой-нибудь листъ, не найдутъ времени справиться и сравнить ваши выдержки съ громадными произведеніями, которымъ вы навязываете эти отвратительныя теоріи, не сообразятъ, что авторъ теорій Ламеттри, повѣрятъ, что предметъ вашихъ нападокъ энциклопедистъ, и невинные могутъ пострадать вмѣсто преступника, теперь уже и не существующаго».

Въ заключеніе Вольтеръ совѣтовалъ Палиссо опровергнуть свои навѣты, заявить публикѣ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе...

*) Grimm. IV, 275.

Легко совѣтовать, но если Палиссо не согласенъ послѣдовать совѣту, что именно и оказалось и должно было оказаться въ дѣйствительности—какъ же тогда поступить?

Единственный путь—просвѣтить принцевъ и чиновниковъ на счетъ истиннаго смысла памфлета, т. е. обратиться прямо по адресу самихъ читателей. Иного выхода нѣтъ.

Разъ отъ принцевъ и чиновниковъ зависѣло съ необычайной легкостью и простотой пріемовъ наказать преступниковъ, даже и мнимыхъ, писатель попадалъ въ отчаянное положеніе—или ждать кары съ святою покорностью праведника, или прибѣгнуть къ оффиціальному документу, къ просьбѣ и разъясненію.

Одинъ изъ защитниковъ энциклопедистовъ оправдывалъ рѣзкость своихъ нападокъ ссылкой на злобу и козни «разнузданнѣйшихъ нахаловъ», явно поощряемыхъ людьми власти и силы. Если у Палиссо терпима клевета и доносъ, «рѣзкія краски» не должны изумлять публику у его жертвъ и противниковъ.

То же самое соображеніе примѣнимо и къ нашему вопросу.

Разъ власть вмѣшалась въ литературныя дрязги и поставила себя судьей писательскихъ распрей, энциклопедистамъ неминуемо придется искать защиты тамъ, гдѣ ихъ клеветники находятъ покровительство.

Это до такой степени ясно, что буквально эти соображенія невольно вырвались у одного, совсѣмъ теперь забытаго писателя маркиза Хименеса дѣйствительно ничѣмъ не замѣчательнаго, но на ряду съ Вольтеромъ попавшаго въ журналъ Фрерона.

Писатель жаловался на журналиста—не публикѣ, какъ подобало бы писателю, а начальнику полиціи и откровенно указывалъ, что шагъ этотъ у него вынужденъ высокооффиціознымъ положеніемъ Фрерона.

Къ такому же оружію прибѣгали и энциклопедисты, Вольтеръ и Даламберъ. Правда, Дидро является исключеніемъ и, конечно, для славы первыхъ двухъ философовъ имъ было бы выгоднѣе также остаться исключеніями. Но если мы, при всѣхъ смягчающихъ обстоятельствахъ, имѣемъ основаніе осудить *личную* запальчивость Вольтера, его часто открыто-памфлетическую публицистику, — его литературныя сношенія съ властями заслуживаютъ большей снисходительности.

Намъ, собственно, и незачѣмъ взвѣшивать вины на вѣсахъ Ѳемиды, мы только должны опредѣлить внутреннюю связь историческихъ явленій, до сихъ поръ вызывающихъ нареканія на память идейныхъ воителей прошлаго.

И эти нареканія въ иныхъ случаяхъ неизбѣжны, если отдѣльные факты вырывать изъ общаго культурнаго теченія.

Разъ писателямъ вообще приходилось предъ властью искать защиты противъ литературныхъ враговъ, естественно не всегда, въ жару полемики, въ припадкѣ оскорбленнаго самолюбія, удавалось соблюсти мѣру и не переходить предѣловъ необходимаго и законнаго.

Если, положимъ, Вольтеръ успѣлъ оборонить себя или своихъ друзей отъ «подлаго доноса» Палиссо, какъ онъ выражается,—въ другомъ случаѣ онъ, при своей горячности и щекотливости по части авторскаго достоинства, можетъ обратиться къ цензурѣ или къ министру съ жалобой уже не на доносъ, а просто на личную обиду.

А чувствительность къ ней у Вольтера должна быть развита больше, чѣмъ у другихъ писателей эпохи; именно онъ въ самыхъ жестокихъ формахъ вытерпѣлъ жестокіе нравы своего вѣка. До тридцати-двухъ-лѣтняго возраста Вольтеръ успѣваетъ два раза посидѣть въ Бастиліи, два раза быть изгнаннымъ, два раза побитымъ палками...

И все это для вящшаго униженія его, какъ писателя!.. Очевидно, въ теченіе всей жизни вопросъ о писательскомъ достоинствѣ, о правахъ — таланта и умственной дѣятельности для него останется своего рода нервнымъ недугомъ, и онъ не взвидитъ свѣта всякій разъ, когда продажный писака дерзнетъ покуситься на его—трудомъ и геніемъ—пріобрѣтенную славу.

Въ сходномъ положеніи и Даламберъ, незаконный сынъ, подкидышъ, бѣднякъ, на взглядъ «хорошаго общества» — *canaille misérable*. Всѣ его общественныя права, все его человѣческое достоинство въ его талантахъ и его литературномъ имени. Это—единственная его собственность, и, разумѣется, онъ будетъ стоять за нее, какъ истый *собственникъ*.

Въ результатѣ, Вольтеръ не довольствуется страшными литературными экзекуціями надъ Дефонтеномъ—соратникомъ Фрерона; онъ примется взывать на него къ властямъ, потребуетъ суда надъ нимъ за его пасквиль... Большаго успѣха «патріархъ» не будетъ имѣть, жалобы направлялись не по адресу, но достаточно факта: Вольтеръ, съ извѣстной точки зрѣнія, хотя бы съ фрероновской—доносчикъ.

То же самое съ Даламберомъ.

Фреронъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ статью противъ *Энциклопедіи* въ духѣ Палиссо, т. е. нафабриковалъ фальшивыхъ цитатъ. Даламберъ требовалъ правосудія... Это, конечно, не доносъ, но все-таки и не литература.

*

Для насъ не менѣе поучительно и поведеніе французской академіи. Оно также найдетъ соревнователей въ нашемъ отечествѣ.

Съ высоты педантическаго величія «безсмертные» взирали на писателей и критиковъ, какъ на нѣкій жалкій, хотя и крайне безпокойный муравейникъ. Ученые въ расшитыхъ кафтанахъ и на казенномъ содержаніи считали долгомъ своего служебнаго достоинства презирать менѣе удачливыхъ литературныхъ тружениковъ и зорко оберегали цеховую честь своихъ сочленовъ.

Устраивая по временамъ демонстраціи противъ новой философіи, академія не пренебрегала и рѣшительными дипломатическими шагами для искорененія своевольнаго духа въ журналахъ. Она въ теченіе всего вѣка съ такимъ успѣхомъ практикуетъ эту дѣятельность, что впослѣдствіи въ генеральные штаты явятся даже депутаты съ инструкціями избирателей—или измѣнить порядокъ выборовъ въ академію, или совсѣмъ уничтожить ее.

Вотъ какая галлерея примѣровъ и образцовъ представлялась нашимъ европейстововавшимъ писателямъ!

Менѣе всего она могла воспитать у русскихъ критиковъ чистолитературные нравы. Напротивъ, ихъ вліяніе, неизбѣжное и неотразимое, могло только выразиться въ столь же грубыхъ и уродливыхъ формахъ, въ какія театръ расиновъ переродился у Сумарокова.

Главный принципъ—прибѣжище писателей, во взаимныхъ несогласіяхъ—у трибунала власти, а не музъ. Это фактъ французской философіи XVIII-го вѣка. Во что же ему суждено превратиться въ средѣ отнюдь не философовъ, въ средѣ, лишенной столь могущественнаго и непрестанно возраставшаго общественнаго мнѣнія, какимъ жили и весьма многое дерзали французскіе просвѣтители.

Вольтера били палками, но въ результатѣ онъ въ своей личности воплотилъ республику ума и таланта и въ граждане этой республики добивались чести попасть первые вѣнценосцы современной Европы.

А Тредьяковскій?

Ему вѣдь тоже нанесли безчестье, но только оно такъ и осталось съ нимъ на всю жизнь. Ему предоставлено сколько угодно внутри раздираться на части, а извнѣ... въ Парижѣ и Фернэ не могли и представить такого положенія.

Сообразно съ нимъ неминуемо преобразовались и литераторскія сношенія съ властью.

XXVI.

Ломоносовъ гнѣвался на Сумарокова за то, что драматургъ бранилъ Тауберта и Миллера изъ-за личной вражды, а «не ради общей пользы». Слѣдовательно, бранить разрѣшалось, только съ выборомъ причинъ, и Ломоносовъ не пропускалъ случая дать волю своему сердцу во имя патріотическихъ чувствъ.

Этотъ, повидимому, совершенно благородный мотивъ проявлялся у великаго ученаго весьма своеобразно, и его защита славы русскаго народа нерѣдко весьма походила на самый настоящій цензорскій судъ съ пристрастіемъ и дѣлала немного чести терпимости русскаго академика.

Ломоносовъ безпрестанно разстраивался отъ *Ежемѣсячныхъ сочиненій* Миллера, недостаточно, по его мнѣнію, патріотическихъ и часто даже оскорбительныхъ для русскаго имени. Критикъ свои соображенія представлялъ на усмотрѣніе президента академіи наукъ, лицу, имѣвшему право воздѣйствовать на труды академиковъ въ какомъ угодно смыслѣ.

Вотъ образецъ ломоносовской полунаучной, полуоффиціальной критики, по адресу Миллера, неутомимо работавшаго надъ источниками русской исторіи:

«Не токмо въ *Ежемѣсячныхъ*, но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ вклеваетъ по обычаю своему занозливыя рѣчи. Напримѣръ, описывая чувашу, не могъ пройти, чтобы изъ чистоты въ домахъ не предпочесть россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примѣчанія, что Миллеръ пишетъ и печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годунова и Разстригины, самую мрачную часть россійской исторіи, изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было?»

Неизвѣстно, этимъ ли путемъ, или инымъ, высшее правительство также обратило вниманіе на *Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи* Миллера, и ученому былъ объявленъ «жестокій выговоръ съ приказаніемъ, чтобъ впредь такія сумнѣнія отъ меня напечатаны не были»,—разсказываетъ самъ Миллеръ *).

Приключеніе страшно перепугало историка, онъ поспѣшилъ оправдаться ссылкой на свое смиреніе и полную готовность под-

*) Пекарскій. *O. cit.*, стр. 52—3.

чиниться указаніямъ власти, весь свой трудъ поручилъ усмотрѣнію конференцъ-секретаря. Письмо заключалось краснорѣчивѣйшимъ заявленіемъ въ устахъ нѣмецкаго ученаго при русской академіи XVIII-го вѣка.

«А впрочемъ вашего высокородія проницательному разсужденію всѣ свои сочиненія охотно я подвергаю и покорнѣйше прошу, чтобъ вы соизволили принять на себя трудъ прочесть мои историческія пьесы прежде напечатанія, тогда я надеженъ буду о всеобщей аппробаціи оныхъ, а я во всемъ буду слѣдовать вашимъ наставленіямъ».

Изъ письма къ другому лицу узнаемъ, что нѣкій человѣкъ, всегда желавшій погибели историка, добился прекращенія его русской исторіи.

Мы отдаемъ полную справедливость несомнѣнно искреннѣйшему и благороднѣйшему національному чувству Ломоносова и даже готовы допустить, что оно подвергалось сильному искушенію среди товарищей-иностранцевъ, на зарѣ русской науки и сколько-нибудь самостоятельной культурной мысли, но никакія оговорки не могутъ безусловно оправдать только что разсказанной исторіи съ Миллеромъ. Ломоносовъ, въ порывѣ патріотизма, не отступалъ предъ запретомъ цѣлыхъ историческихъ эпохъ для ученыхъ изслѣдованій и по самымъ ничтожнымъ поводамъ открывалъ въ книгахъ иностранцевъ «занозливыя рѣчи». Все это отнюдь не могло ободрить трудолюбивѣйшихъ изслѣдователей, въ родѣ того же Миллера, и добросовѣстности и научности ихъ трудовъ грозила несравненно сильнѣйшая опасность отъ разныхъ «аппробацій» и вполнѣ естественнаго страха даже предъ конференцъ-секретарями, чѣмъ отъ того или другого отношенія къ быту чувашей и русскихъ.

Неудивительно, что иной разъ въ жалобахъ Ломоносова трудно разграничить патріотизмъ отъ чисто-личнаго чувства, все равно, какъ у Вольтера, философскій азартъ незамѣтно переходилъ въ писательское самолюбіе.

Напримѣръ, въ журналѣ Сумарокова *Трудолюбивая пчела* появилась статья Тредьяковскаго о мозаикѣ. Предметомъ очень интересовался Ломоносовъ и считалъ его однимъ изъ своихъ кровныхъ дѣтищъ. Тредьяковскій, въ сущности, и не наносилъ оскорбленія этому чувству, но для Ломоносова достаточно просто неодобрительнаго отзыва о мозаичномъ искусствѣ и онъ жаловался Шувалову:

«Въ Трудолюбивой такъ-называемой Пчелѣ напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тр. совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостью, чтобы моему раченію сдѣлать

помѣшательство. Здѣсь видѣть можно цѣлый комплотъ: Тр. сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ *Пчелу*, Т(аубертъ)... далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую»...

Слѣдовательно, даже авторъ *Телемахиды* могъ погрѣшитъ по части любви къ отечеству! Ломоносовъ прямо говорилъ, что его ругательства вредятъ «дѣлу, для отечества славному».

А между тѣмъ, Ломоносовъ за весь восемнадцатый вѣкъ единственный литераторъ и ученый—преисполненный истиннаго сознанія личнаго достоинства, благородно гордый своими заслугами, независимый и мужественный!..

Какіе же примѣры въ жанрѣ конфиденціальной критики могли представить другіе, напримѣръ, тотъ же Тредьяковскій!

Прежде всего самому Ломоносову пришлось испытать горчайшіе плоды нелитературной полемики.

Дѣло возникло по поводу знаменитаго *Гимна бородѣ*, несомнѣнно самаго блестящаго образчика старой легкой поэзіи. Нѣкоторыя строфы гимна и до сихъ поръ неутратили своей остроумной мѣткости и даже литературнаго изящества.

Для Тредьяковскаго шутка оказалась настоящей находкой. Онъ немедленно сталъ на стражѣ благочестія и благонравія. Ломоносовъ смѣялся надъ старовѣрческимъ культомъ бороды, профессоръ элоквенціи повернулъ вопросъ иначе, и за подписью Христофора Зубницкаго выпустилъ нѣсколько документовъ, письма къ неизвѣстному лицу, къ автору *Гимна* и, наконецъ, пародію *Передѣтая борода, или гимнъ пьяной головѣ*.

Въ письмѣ къ неизвѣстному заявлялось:

«Уповаю довольно извѣстно вамъ, какимъ удаленнымъ отъ всякія чести и совѣсти образомъ авторъ непотребнаго *Гимна бородѣ* явилъ безбожное свое намѣреніе и желаніе, чтобъ обругать христіанское ученіе и таинства вѣры нашей къ немалому однихъ соблазну и развращенію, а другихъ сожалѣнію и ревности. Хотя, правда, къ отвращенію таковыхъ продерзостей наилучшее бъ средство быть могло, чтобъ въ примѣръ другихъ удостоить сего ругателя публичнымъ наказаніемъ; однако пока то сдѣлается, нехудо безбожныя его мнѣнія и разглашенія отражать другими способами» *).

Эти способы не противорѣчатъ и первому проекту. Въ письмѣ къ Ломоносову Тредьяковскій пускаетъ въ ходъ богатѣйшій словарь ругательствъ: «безбожный сумасбродъ», «пьяница», «онъ столько подлъ духомъ, столько высокомѣренъ мыслями, столько хвастливъ на рѣчахъ, что нѣтъ такой низкости, которой бы не

*) Библіогр. Записки, № 15.

предпринялъ ради своего малѣйшаго интереса, напримѣръ для чарки вина; однако я ошибся, это его наибольшій интересъ».

На этомъ «интересѣ», дѣйствительно весьма не чуждомъ Ломоносову, построенъ *Гимнъ пьяной головѣ*. И замѣчательно, нѣкоторые стихи этого *Гимна* въ стилистическомъ отношеніи едва ли не самые литературные, написанные нашимъ піитой.

Напримѣръ, такія двѣ самыхъ энергичныхъ строфы:

Съ хмѣлю безобразенъ тѣломъ
И всегда въ умѣ незрѣломъ,
Ты преподло былъ рожденъ,
Хоть чинами и почтенъ;
Но безмѣрное піянство,
Бѣшенство обманъ и чванство
Всѣхъ когда лишатъ чиновъ,
Будешь пьяный рыболовъ.

Голова о прехмѣльная,
Голова ты препустая,
Дурости, безчинства мать,
Нечестивыхъ мнѣній кладъ,
Корень изысканій ложныхъ,
О забрало дѣлъ безбожныхъ,
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслуги заплатить? *)

Ничѣмъ инымъ, договаривался авторъ, какъ сожженіемъ «въ струбахъ».

Такое усердіе, въ свою очередь, не могло остаться безъ награды и даже Сумароковъ откликнулся въ пользу Ломоносова. Самъ авторъ гимна написалъ уничтожающій отвѣтъ *Зубницкому*:

Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль!..

Тредьяковскій отвѣчалъ сатирой обоимъ противникамъ: относительно Ломоносова главную роль играла опять «винная бочка».

Относительно Сумарокова могъ оказаться болѣе дѣйствительнымъ тотъ же путь доноса. Его Тредьяковскій испробовалъ еще раньше войны изъ-за ломоносовской сатиры, года за полтора до гимна. Очевидно, это — цѣлая организованная атака на благонадежность соперниковъ.

На Сумарокова было подано уже прямо оффиціальное «доношеніе» въ синодъ. Смыслъ доношенія ясенъ изъ нѣсколькихъ строкъ, въ своемъ родѣ удивительно типичныхъ.

«Читая октябрьскую книжку *Ежемѣсячныхъ сочиненій* сего 1755 года, нашелъ я, именованный—въ ней оды духовныя, сочиненныя г. полковникомъ Александромъ Петровымъ сыномъ *Сумароковымъ*,

---

*) «Библ. зап.» Ib., стр. 570.

между которыми и оду, надписанную изъ псалма 106: а въ ней увидѣлъ, что она съ осмыя строфы по первую на десять включительно говоритъ отъ себя, а не изъ псаломника о безконечности вселенныя и дѣйствительномъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію. И понеже *Ежемѣсячныя книжки* обращаются многихъ читателей руками, изъ которыхъ иные могутъ и въ соблазнъ притти; того ради по ревности и вѣрѣ моей истинному слову Божію, въ Священномъ Писаніи вѣщающему, о такой помянутыя оды лжи на Псаломника покорнѣйше доносяизвѣщаю» *).

Синодъ не давалъ хода доношенію въ теченіе года, но, наконецъ, все таки запросилъ отъ академической канцеляріи свѣдѣній объ имени автора и переводчика иностраннаго сочиненія *О величествѣ Божіи размышленія.* Оно также было напечатано въ журналѣ Миллера. Синодъ немедленно требовалъ оригиналъ. Въ докладѣ, представленномъ императрицѣ Елизаветѣ, ученіе о безчисленныхъ мірахъ объявлялось крайне опаснымъ: оно «многимъ неутвержденнымъ душамъ причину къ натурализму и безбожію подаетъ». Синодъ просилъ у императрицы запретить во всей Россіи писать и печатать о множествѣ міровъ, конфисковать *Ежемѣсячныя сочиненія* и переводъ князя Кантемира книги Фонтенелля о множествѣ міровъ.

Докладъ остался безъ послѣдствій, и, несомнѣнно, такой результатъ долженъ былъ особенно огорчить профессора и литератора Тредьяковскаго.

Легко представить, каково жить и рости критической мысли при такихъ условіяхъ!

Похвалы и порицанія одинаково волновали страсти и доводили до личной перебранки. Современная литература выработала даже принципіальное оправданіе подобной критики.

Смѣшивая критику съ сатирой, даже отожествляя ихъ, *Трутень* доказывалъ:

«Я утверждаю, что критика, писанная на *лицо*, но такъ, чтобы не всѣмъ была открыта, больше можетъ исправить порочнаго... Всякая критика, писанная на лицо, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, обращается въ критику на общій порокъ».

Это отчасти справедливо относительно сатиры и комедіи: портреты, списанные художникомъ, превращаются въ типы. Но никогда собственно *критика*, т. е. литературная полемика въ духѣ писателей XVIII-го вѣка, не могла утратить своего исключительно личнаго нелитературнаго характера.

---

*) Пекарскій. Ib., стр. 42.

Требовалось безусловное преобразованіе критическихъ пріемовъ, это могло совершиться только при полномъ измѣненіи общественнаго положенія писателей и ихъ дѣятельности.

До тѣхъ поръ безсильны были всѣ старанія самыхъ благонамѣренныхъ писателей ввести культурные обычаи на россійскомъ Парнассѣ.

И даже эти старанія характеризуютъ безпомощность критиковъ и крайнюю наивность ихъ задачи.

XXVII.

Мы видѣли, сколько пришлось вытерпѣть оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ притѣсненій редактору перваго русскаго научно-литературнаго журнала. *Ежемѣсячныя сочиненія* издавались академикомъ, при академіи. Миллеръ былъ одинъ изъ первостепенныхъ ученыхъ своего времени, оказалъ незабвенныя услуги русской исторической наукѣ, до изданія журнала имѣлъ за собой редакторскій опытъ: въ теченіе двухъ лѣтъ онъ завѣдывалъ *С.-Петербургскими Вѣдомостями.*

Вѣдомости при редакторствѣ Миллера пользовались крупнымъ успѣхомъ, и этотъ успѣхъ внушилъ Миллеру и другимъ академикамъ, въ томъ числѣ Ломоносову, мысль завести особое періодическое изданіе при академіи.

Собственно Миллеру принадлежала удачная идея — издавать при «Вѣдомостяхъ» особое прибавленіе подъ заглавіемъ—*Историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія.* Они и создали въ публикѣ успѣхъ академическому органу, и указали путь, какимъ надо вести новое изданіе.

Въ концѣ 1754 года академія обсудила планъ ученаго періодическаго журнала (de ephemeride quadam erudita), и для насъ въ высшей степени любопытно одно постановленіе ученаго собранія: исключить изъ журнала статьи богословскія и вообще всѣ, касающіяся до вѣры, *а равнымъ образомъ статьи критическія или такія, которыми могъ бы кто-нибудь оскорбиться*: exilent, гласилъ параграфъ, quoque omnia scripta critica vel quae aliquo modo famam alicujus laedere aut contra aliquem scripta videri posiant.

Изъ такого сопоставленія критики съ личнымъ оскорбленіемъ очевидны и популярнѣйшія свойства современной критики, и стараніе академиковъ избѣжать во что бы то ни стало недостойныхъ «литеральныхъ войнъ».

И дѣйствительно, въ *Предувѣдомленіи*, т. е. въ программѣ журнала Миллеръ заявлялъ публикѣ:

«Для сохраненія благопристойности и для отвращенія всякихъ противныхъ слѣдствій вноситься не будутъ сюда никакіе явные

споры, или чувствительныя возраженія на сочиненія другихъ, ниже иное что съ обидою написанное противъ кого бы то ни было».

Редактору пришлось многое вытерпѣть, чтобы остаться вѣрнымъ этой программѣ. Съ такими сотрудниками, какъ Сумароковъ и Тредьяковскій, трудно было уберечься отъ «чувствительныхъ возраженій», и Миллеръ находился въ непрестанной войнѣ съ своими коллегами.

Но редакторъ оставался твердъ, и не печаталъ даже вообще критическихъ статей. И отдѣла соотвѣтствующаго не существовало вовсе. За первыя восемь лѣтъ изданія въ журналѣ появилась всего одна критическая статья, переводъ извѣстнаго намъ французскаго отзыва о трагедіи Сумарокова *Синавъ и Труворъ*—безусловно хвалебнаго.

Въ 1763 году *Ежемѣсячныя сочиненія* перемѣнили названіе, прибавлено было «и Извѣстія о ученыхъ дѣлахъ». Это означало особый библіографическій отдѣлъ для иностранныхъ и русскихъ книгъ.

Но и теперь критики все-таки не оказывалось. Авторы рецензій придерживались однообразнаго метода: излагали содержаніе книгъ и рекомендовали ихъ русскимъ читателямъ. Разбора и оцѣнки не допускалось. Конечно, и книги для отзыва брались непремѣнно съ положительными достоинствами—на взглядъ редактора.

Но въ статьяхъ по философіи, очень многочисленныхъ въ журналѣ Миллера, встрѣчались часто общія идеи по эстетикѣ и даже по литературѣ въ практическомъ смыслѣ.

Мнѣнія журнала о существенномъ современномъ вопросѣ—о русскомъ языкѣ—не уступали патріотическимъ восторгамъ Ломоносова. Въ статьѣ московскаго профессора философіи Поповскаго, ученика и друга Ломоносова, обсуждались надежды Россіи на успѣхи въ философіи.

Ее отъ грековъ заимствовали римляне, «не можемъ ли и мы,—спрашиваетъ авторъ,—ожидать подобнаго успѣха въ философіи, какой получили римляне?.. Что касается до изобилія россійскаго языка, въ томъ передъ нами римляне похвалиться не могутъ. Нѣтъ такой мысли, кою бы по-россійски изъяснить было невозможно. Что жъ до особливыхъ надлежащихъ по философіи словъ, называемыхъ терминами, въ тѣхъ намъ нечего сомнѣваться. Римляне, по своей силѣ, слова греческія, у коихъ взяли философію, переводили по-римски, а какихъ не могли, тѣ просто оставляли. По примѣру ихъ такъ и мы учинить можемъ» *).

*) Объ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ*—статьи *Очерки русской журналистики, преимущественно старой. Современникъ* 1851, томы XXV—XXVI. Пекарскій. *Редакторъ, сотрудники и цензура.*

Прекрасно также журналъ понималъ смыслъ поэтическаго творчества. Мысль не оригинальная даже въ эпоху Тредьяковскаго, но здѣсь она выражена ясно и распространена сравнительно съ понятіемъ о *маніи* у автора «Телемахиды».

«Чтобъ быть совершеннымъ стихотворцемъ, надобно обо всѣхъ наукахъ имѣть довольное понятіе и во многихъ совершенное знаніе и искусство... Правила одни стихотворца не дѣлаютъ, но мысль его рождается, какъ отъ глубокой эрудиціи, такъ и отъ присовокупленія къ ней высокаго духа и огня природнаго стихотворчества».

Журналъ даже рѣшается предложить русской публикѣ мысль, совершенно несовмѣстимую съ современнымъ значеніемъ писателя.

«Въ бездѣлицахъ я стихотворца не вижу, въ обществѣ гражданина видѣть его хочу, перстомъ измѣняющаго людскіе пороки».

Мы можемъ, слѣдовательно, судить объ основательности и здравомысліи общихъ литературныхъ идей *Ежемѣсячныхъ сочиненій*. Но все это чисто теоретическія разсужденія. Журналъ не касался *явленій* русской литературы и, слѣдовательно, никакого дѣйствительнаго вліянія на искусство и критику имѣть не могъ. А не касался мы видѣли по какой причинѣ: само слово критика звучало жупеломъ въ ушахъ всѣхъ, кто не рѣшался или былъ не въ состояніи пускать въ ходъ «занозливыя рѣчи».

Помимо такого сорта рѣчей ничего и не оставалось. Самый бойкій полемистъ эпохи—Сумароковъ,—оказывается совершенно безпомощнымъ, лишь только отъ полемики хочетъ перейти къ литературнымъ сужденіямъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ.

Пока можно изводить противника изъ-за *паки* и *опять*, *сей* и *оный*, *ый* и *ой*, Сумароковъ въ извѣстномъ смыслѣ даже интересенъ. Но стоитъ ему начать эстетическій разборъ, и немедленно весь азартъ разрѣшается такими приговорами о стихахъ и цѣлыхъ произведеніяхъ: «преславно», «скаредный», «преизящно», «подло и гнусно». Иногда критикъ съ умилительной наивностью обнаруживаетъ свою немощь. Напримѣръ, объ одномъ явленіи трагедіи Вольтера *Меропа* (III, 4) говорится: «чего оно достойно—я чувствую, но словами изобразити не могу».

И Сумароковъ вовсе не исключительный примѣръ неумѣлости и безсилія. Съ драматургомъ сошелся гораздо болѣе дѣльный и даровитый человѣкъ—знаменитый публицистъ и ревнитель просвѣщенія XVIII вѣка, одинъ изъ крайне немногочисленныхъ разумныхъ воспитанниковъ европейской культуры своей эпохи и въ то же время рѣдкостнѣйшій примѣръ—на русской почвѣ—умственной энергіи, практической талантливости и благороднѣйшихъ стремленій.

Этотъ удивительный и разносторонній дѣятель вздумалъ внести свою лепту и въ исторію русской литературы, составилъ *Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ*... Можно подумать,— статьи здѣсь писалъ не Новиковъ, а Сумароковъ, вдругъ ко всѣмъ чрезвычайно подобрѣвшій, забывшій всѣ ссоры и пререканія и вздумавшій всѣхъ простить и все забыть.

Словарь переполненъ панегириками или снисходительными отзывами о самыхъ мелкихъ дѣятеляхъ и фактахъ русской литературы. Въ предисловіи авторъ обѣщалъ только «великую умѣренность», а на самомъ дѣлѣ почти всѣ статьи превратилъ въ сплошную хвалу писателямъ. Обычныя выраженія о произведеніяхъ: «довольно хороши», «весьма изрядны», «слогъ чистъ, важенъ, плодовитъ и пріятенъ», или «слогъ чистъ и текущъ».

Восторгъ предъ Сумароковымъ уживается съ такимъ отзывомъ о Тредьяковскомъ: «первый открылъ въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ, а паче къ стихотворству».

Эта елейность новиковскаго произведенія претила даже современникамъ, во всякомъ случаѣ болѣе юному поколѣнію читателей. Предъ нами одно изъ интереснѣйшихъ изданій начала XIX вѣка— *Разсужденіе о Дельфинѣ, романѣ г-жи Сталь-Голстейнъ, переводъ съ французскаго.* Книжка издана въ 1803 году, но предисловіе къ ней касается всей критики ранней эпохи. Между прочимъ, отзывъ о Словарѣ Новикова сопровождается чрезвычайно мѣткими замѣчаніями общаго характера: съ ними мы еще встрѣтимся.

Самый словарь уничтожается безусловно: «во всю мою жизнь не читывалъ я смѣшнѣе сей книги», говоритъ авторъ и выписываетъ рядъ дѣйствительно забавныхъ, ничего не говорящихъ отзывовъ Новикова. Авторъ хотѣлъ бы основательнаго разбора достоинства и недостатковъ поэтическихъ произведеній. Онъ видитъ большой вредъ въ «таковомъ снисхожденіи»: оно «послужитъ только къ большей порчѣ множества молодыхъ людей»: не удерживаемые критикой, юноши бросаются въ литературу вмѣсто болѣе полезныхъ занятій!..

Авторъ совершенно правъ относительно частныхъ сужденій Новикова, но въ Словарѣ встрѣчается нѣсколько достойныхъ вниманія общихъ замѣчаній: они знаменуютъ нѣчто новое сравнительно съ классической схоластикой.

Новиковъ по поводу нѣкоторыхъ пьесъ говоритъ о вѣрномъ изображеніи русскихъ нравовъ, выдержанности характеровъ, естественности дѣйствія.

Самое существенное здѣсь—замѣчаніе о нравахъ. Это—отголоски національнаго принципа критики,—отголоски очень смутные

и неустойчивые, но они—непримиримое противорѣчіе прославленію сумароковскаго таланта.

Новиковъ, повидимому, не чувствовалъ диссонанса въ хвалебныхъ гимнахъ своей критики, или не хотѣлъ настаивать на общихъ истинахъ въ ущербъ личностямъ. Онъ такъ старался избѣжать злословія и осмѣянія, этихъ краеугольныхъ камней современныхъ критическихъ упражненій!

Но именно тѣмъ и любопытны и краснорѣчивы будто невольныя обмолвки автора въ пользу принциповъ, губительнѣйшихъ для всего зданія европейско-россійской словесности! Очевидно, были настоятельныя внѣшнія побужденія не нанести обиды и другой силѣ, не имѣвшей ничего общаго съ литературой Сумарокова и Тредьяковскаго.

Въ дѣйствительности эти побужденія являлись такими настоятельными и особенно для ревностнѣйшаго поборника русскаго народнаго просвѣщенія, что трудно и оцѣнить по достоинству «великую умѣренность» Новикова въ литературной критикѣ.

Въ то самое время, когда возникалъ его Словарь, въ русской печати шла ожесточенная война. Участіе въ ней принималъ Новиковъ и вообще вся современная журналистика.

Для насъ теперь и стычки, и генеральныя сраженія этой борьбы просто литературныя преданія, имена героевъ звучатъ какими-то школьными, ископаемыми звуками. А между тѣмъ, на сценѣ русской критики впервые разыгрывалась настоящая драма великаго идейнаго и психологическаго интереса. Противъ толпы старовѣровъ и просто враговъ стоялъ одинъ человѣкъ. Въ шестидесятыхъ годахъ русскаго восемнадцатаго вѣка онъ сумѣлъ вокругъ своей личности сосредоточить столько сильныхъ чувствъ собратьевъ-писателей, что намъ невольно вспоминаются другіе русскіе шестидесятые годы.

Конечно, не надо забывать перспективы! Но, вѣроятно, было же что-то исключительное и въ смѣломъ борцѣ, и въ его предпріятіи, если до насъ дошли самыя злобныя изображенія его внѣшней и внутренней природы, если его дѣятельность и личность подсказали журнальнымъ противникамъ особенное, на рѣдкость выразительное слово *Стозмѣй*...

Даромъ такая привилегія не дается, да еще преподнесенная съ такимъ стремительнымъ единодушіемъ!..

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОѢЗДКА ВОКРУГЪ БАЙКАЛА.

Зеленѣлъ Байкалъ сердитый,
Клокоталъ гремучій валъ;
По бокамъ вздымались грозно
Цѣпи горъ и кручи скалъ.
Утопая въ вихряхъ снѣжныхъ,
Тройка мчалась день и ночь,
Вдаль отъ родины желанной
И отъ счастья съ милой прочь!
Пурга злилась, бушевала,
И рыдала, и кляла,—
Заметая слѣдъ дорожный,
Все назадъ меня звала.
Чѣмъ темнѣй и безотраднѣй
На душѣ росла печаль,
Тѣмъ яснѣе и привѣтнѣй
Прошлыхъ дней свѣтлѣла даль.
И свѣтлѣла, и смѣялась
И вернуть сулила вновь
Неудавшуюся юность
И убитую любовь...
Но, съ стихіей буйной споря,
Тройка мчалась день и ночь,
Вдаль отъ молодости свѣтлой
И отъ счастья съ милой прочь!
Грохоталъ Байкалъ сердитый,
Зеленѣлъ гремучій валъ...
Впереди громадой темной
Возвышались груды скалъ.

П. Я.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ.

Ночь на городъ уныло сползаетъ,
Все туманнѣй и все холоднѣй,
И мигаютъ далеко, далеко
Уходящія нити огней.

Я иду и больной, и усталый,
Весь въ сомнѣнья свои погруженъ,
Безконечною, злою тревогой
Мой тоскующій умъ утомленъ.

А вокругъ безпокойные люди,
На мгновенье мелькнувъ предо мной,
Исчезаютъ въ холодномъ туманѣ,
Какъ видѣнія ночи больной.

Allegro.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Литературныя характеристики» г-жи З. Венгеровой. — Новыя теченія въ литературѣ Запада и важнѣйшіе представители. — Общіе выводы г-жи Венгеровой.—Мнѣніе Эдмунда Госсе и вѣроятное будущее символическаго направленія.— «Очерки русской исторіи и русской литературы» князя Сергѣя Волконскаго. — Любопытная исторія возникновенія этой книги и общій ея характеръ. — «Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета».—Статьи г. Ковалевскаго, Корелина и И. Иванова.

Изъ вышедшихъ за послѣднее время сочиненій по изящной словесности, посвященныхъ разбору виднѣйшихъ ея представителей, «Литературныя характеристики» г-жи Венгеровой заслуживаютъ преимущественнаго вниманія. Интересъ этихъ характеристикъ заключается для русскаго читателя въ новизнѣ ихъ, помимо взглядовъ самого автора, съ которыми можно соглашаться или нѣтъ, смотря по личнымъ вкусамъ и настроеніямъ. Г-жа Венгерова задалась цѣлью, очень почтенною и весьма своевременною, познакомить читателей съ новыми теченіями въ западной литературѣ и искусствѣ, прослѣдивъ ихъ въ произведеніяхъ болѣе выдающихся писателей и художниковъ различныхъ народовъ. «Въ Западной Европѣ,— говоритъ она, — выросло и окрѣпло во второй половинѣ вѣка искусство, создавшее положительные идеалы и поднявшее тѣмъ самымъ уровень духовной жизни. Изучая поэтовъ и художниковъ, стоящихъ во главѣ идеалистическаго творчества, мы увидимъ, сколь плодотворнымъ оказалось оно въ художественномъ отношеніи. Кромѣ того, эстетическіе и философскіе идеалы, отразившіеся въ искусствѣ, оказали также значительное вліяніе и на общественную жизнь. Въ Англіи развитіе означеннаго искусства и отвлеченной поэзіи прерафаелитовъ идетъ рука объ руку съ освободительнымъ движеніемъ рабочаго класса, и однимъ изъ самыхъ выдающихся поэтовъ является Виллььямъ Моррисъ, герой народныхъ митинговъ и рабочихъ движеній. Въ Германіи новѣйшимъ представителемъ идеалистическаго творчества, признающаго въ красотѣ основной принципъ жизни, является Гергардъ Гауптманъ, ревностный защитникъ рабочаго пролетаріата. Еще болѣе рѣзкій примѣръ того, что идеалисты-художники являются въ то же время учителями жизни, представляетъ собой творчество Ибсена, который началъ походъ противъ условной нравственности во имя болѣе глубокаго этическаго отношенія къ жизни».

Развитію этой основной мысли посвященъ рядъ очерковъ, начинающихся съ англійскаго поэта-художника Розетти и заканчивающихся характеристиками средневѣковыхъ писателей и живописцевъ, Данте и Боттичелли, съ которыми авторъ устанавливаетъ идейную связь у современныхъ намъ идеалистовъ-художниковъ. Имена Розетти, Морриса, Уайльда, Мередита, Броунинга и В. Блека, ничего не говорятъ, конечно,

уму и сердцу огромнаго большинства читателей, и хотя въ своемъ рвеніи представить ихъ возможно значительнѣе и выше, для чего г-жа Венгерова не жалѣетъ красокъ, — авторъ заходитъ подчасъ слишкомъ далеко,— тѣмъ не менѣе, взятая въ совокупности вся эта галлерея интересныхъ незнакомцевъ производитъ впечатлѣніе довольно внушительное. Несомнѣнная, выдающаяся талантливость каждаго изъ нихъ, на ряду съ чѣмъ-то болѣзненнымъ, какъ въ ихъ жизни, такъ и въ произведеніяхъ, поражаютъ читателя, предъ которымъ какъ бы открывается странный міръ туманныхъ, колеблющихся образовъ, то уродливыхъ и отталкивающихъ, вродѣ Уайльда, то привлекательныхъ и одаренныхъ своеобразной красотой, какъ Розетти или Моррисъ. Всѣ эти писатели и живописцы удаляются отъ жизни, замыкаются въ тѣсномъ кругѣ единомышленниковъ, долго остаются извѣстными только имъ и лишь теперь, по словамъ г-жи Венгеровой, получаютъ вліяніе, распространеніе и извѣстность. Словомъ, съ ними происходитъ исторія если не гонимыхъ пророковъ, открывающихъ новые міры, потому что никто ихъ не гналъ и не преслѣдовалъ, то все же нѣчто въ этомъ родѣ. Самое происхожденіе, возникновеніе этого «новаго теченія», полу-мистическаго, полу-чувственнаго, чего отнюдь не отрицаетъ авторъ, хотя все вмѣстѣ и величаетъ «идеалистическимъ»,— г-жа Венгерова относитъ въ Англію, объясняя отчасти ея климатическими условіями. «Въ осенніе дни на улицахъ Лондона можно иногда наблюдать странное зрѣлище. Прозрачное, свѣтлое утро неожиданно смѣняется около полудня туманомъ, застилающимъ мало-по-малу весь городъ легкой дымкой, окрашенной въ теплый желтый цвѣтъ. Контуры домовъ, очертанія лицъ прохожихъ, перспектива улицъ и парковъ исчезаютъ въ сгущающейся пеленѣ, но въ воздухѣ не чувствуется сырости, тротуары совершенно сухи; вокругъ разлитъ не мракъ зимнихъ туманныхъ дней, а фантастическій желтоватый свѣтъ, придающій всему какой-то сказочный и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественный видъ. Дѣловитый, суетливый городъ утрачиваетъ свой озабоченный, будничный характеръ; монотонные, наводящіе уныніе своимъ казарменнымъ видомъ ряды домовъ не окаймляютъ болѣе безконечно длинныхъ улицъ; ихъ мѣсто заступили волнистыя линіи тумана, озареннаго изнутри солнечнымъ свѣтомъ и за этими смутными очертаніями воображенію рисуются идеально прекрасныя зданія. Окутанная золотистой дымкой даль манитъ своимъ таинственнымъ видомъ, а отсутствіе уличнаго гула, теряющагося въ туманномъ воздухѣ, увеличиваетъ странную торжественность зрѣлища. Изъ прозрачной мглы выдѣляются ежесекундно смутныя очертанія человѣческихъ фигуръ, пошлыхъ и сѣрыхъ при яркомъ свѣтѣ, но совершенно преображенныхъ волшебнымъ освѣщеніемъ сухого и нѣжнаго осенняго тумана».

Эту, очень мило написанную картину туманнаго лондонскаго дня можно цѣликомъ примѣнить, какъ иллюстрацію, къ характеристикѣ символизма, дѣлаемой г-жей Венгеровой. Не смотря на все ея усиліе дать намъ проникнуть въ глубь всѣхъ этихъ Розетти, Уайльдовъ, Блэковъ и Броунинговъ, они представляются читателямъ закутанными въ туманъ своихъ неясныхъ мыслей, смутныхъ образовъ и болѣзненно-чувственныхъ настроеній. Двѣ черты рѣзко выступаютъ въ нихъ сквозь этотъ туманъ, черты, крайне характерныя для всего новаго теченія, которое г-жа Венгерова довольно смѣло величаетъ «вторымъ возрожденіемъ». Черты эти чисто отрицательныя—отсутствіе силы и того, что мы бы назвали вмѣстѣ съ Гюйо общественнымъ элементомъ.

Каждый изъ взятыхъ г-жей Венгеровой представителей «второго возрожденія» носитъ на себѣ печать какой-то дряблости, чего-то старческаго, дряхлаго, что въ соединеніи съ запахомъ мускуса, которымъ отдаетъ ихъ чувственная фантазія, составляетъ нѣчто весьма неидеальное. Вотъ, напр., описаніе «геніальнѣйшаго произведенія нашего вѣка» (по выраженію автора), Астарты, картины Розетти. «Малоазійская Астарта, прародительница Венеры, является богиней любви, созданной изъ безпокойныхъ порывовъ, въ которыхъ элементы божественнаго и чувственнаго не сливаются, а существуютъ одинъ на ряду съ другимъ какъ символы высочайшаго религіознаго экстаза и самаго глубокаго паденія, одинаково возможныхъ для человѣка, одинаково понятныхъ въ немъ... Длинная, изгибающаяся какъ стебель цвѣтка шея, полныя страстныя губы, «отягощенныя любовью», какъ говоритъ Розетти въ сонетѣ, посвященномъ картинѣ, золотистая масса волосъ, окружающая теплымъ блескомъ удлиненный овалъ лица и среди этого лица, воплощающаго жажду жизни, экстазъ страсти, въ которомъ сливаются высшая радость и глубочайшая скорбь, потухшіе безстрастные глаза, глядящіе въ вѣчность».

Розетти былъ настоящій поэтъ, и у него недостатокъ силы окупался блестящей формой, но у другихъ вмѣсто этого является извращенность, въ которой г-жа Венгерова усматриваетъ «протестъ противъ шаблонности въ жизни», какъ она заявляетъ въ характеристикахъ Оскара Уайльда и Гюисманса. Первый доводитъ искусственность, проще говоря вычурность, до апогея, признавая пошлымъ все искреннее и естественное. Въ этомъ мы должны усмотрѣть, согласно мнѣнію нашего автора, «стремленіе уйти отъ всего пошлаго, условнаго, отъ предразсудковъ, уродующихъ жизнь, отъ мнимой красоты и буржуазной морали, и создать искусство, не повторяющее жизнь, а открывающее ей новые идеалы, творящее новый, болѣе прекрасный и своеобразный міръ». Г-жа Венгерова знаетъ, конечно, печальный конецъ этихъ стремленій Оскара Уайльда и ту оцѣнку его «новаго міра», которую сдѣлалъ не эстетическій англійскій судья, приговорившій Уайльда и его «эстетовъ» къ весьма суровому наказанію за рядъ поступковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ искусствомъ, но весьма хорошо извѣстныхъ полиціи... О Гюисмансѣ, котораго нашъ авторъ тоже пытается защитить отъ упрековъ въ грубѣйшей извращенности, видя и тутъ «благородный пессимизмъ», мы не говоримъ. Даже въ передачѣ г-жи Венгеровой, при всей затушеванности и осторожности, съ которой она излагаетъ его «A rebours» и «Là Bas», читатель чувствуетъ, что рѣчь идетъ не о литературѣ, а скорѣе о протоколахъ психіатрическихъ наблюденій въ больницѣ для душевнобольныхъ.

На ряду съ недостаткомъ силы выдѣляется противо-общественная тенденція всѣхъ этихъ печальныхъ героевъ мистики и туманныхъ порываній къ невѣдомому. Каждый изъ нихъ, по мѣткому опредѣленію Малларма, — человѣкъ, въ уединеніи отдѣлывающій свой собственный гробъ. До жизни, до окружающихъ его людей, съ ихъ печалями и радостями, стремленіями, борьбой, побѣдами и пораженіями,— ему нѣтъ никакого дѣла. Г-жа Венгерова, какъ искренняя поклонница «новыхъ теченій» въ искусствѣ, совершаетъ большой грѣхъ, выступая съ утвержденіемъ, что оно «оказало *большое* вліяніе на общественную жизнь». Этимъ наносится *большое* оскорбленіе «новому возрожденію», которое всячески отбивается отъ этой жизни, видитъ въ этомъ одну изъ своихъ задачъ и высшихъ заслугъ. Ссылка на Морриса и Гауптмана ни

мало не убѣдительна. Когда они дѣйствительно оказываютъ вліяніе на общественную жизнь, они нисколько не символисты, не «эстеты», не тромбонисты, а просто выдающіеся поэты. Напр., «Ткачи» Гауптмана—что угодно, только не символическая драма. Точно также дѣятельность Морриса, въ качествѣ защитника 8-ми-часового дня, ничего общаго не имѣла съ его увлеченіями въ декадентскомъ вкусѣ. Тутъ въ немъ проявился опытный англійскій капиталистъ, самъ идущій на встрѣчу требованіямъ жизни, которыми гораздо легче руководить, чѣмъ сопротивляться имъ.

Отчужденіе отъ жизни, увлеченіе средневѣковымъ мистицизмомъ, доходящее до преклоненія предъ младенческимъ искусствомъ, предшествовавшимъ возрожденію, туманность мысли и формы — обнаруживаютъ слабость самого теченія. Странно, поэтому, слышать названіе «новаго возрожденія», въ примѣненіи къ искусству, стремящемуся къ апоѳеозу смерти и извращенію всего, что жизненно и правдиво. То возрожденіе, которое привело къ расцвѣту искусства, науки и общественной жизни, отличалось совершенно противоположными свойствами. Оно выступило на борьбу съ мистикой и въ своемъ увлеченіи жизнью хватало подчасъ черезъ край. «Какъ радостно жить», восклицаетъ одинъ изъ друзей Ульриха фонъ Гуттена, въ восторгѣ отъ общаго движенія въ литературѣ, искусствѣ, въ окружающей жизни, гдѣ зарождалась борьба во имя свободы духа противъ тисковъ мистики и схоластики. Вожди Возрожденія были настоящими борцами на всѣхъ поприщахъ, отъ кисти и пера они переходили къ мечу, внося всюду непреодолимый пылъ молодости, обезпечившій имъ побѣду. Ничего подобнаго мы не видимъ въ средѣ выведенныхъ г-жею Венгеровой представителей «новаго возрожденія». Предъ нами толпа странныхъ тѣней, блѣдныхъ и унылыхъ, то страждущихъ дѣйствительными, неподдѣльными муками, какъ Розетти, то манерничающихъ и притворяющихся, какъ Уайльдъ, угрюмыхъ и нелюдимыхъ, въ той или иной степени душевнобольныхъ, во всякомъ случаѣ неустойчивыхъ психически организаціей. Единственная жизнерадостная фигура, это—Вилльямъ Моррисъ, талантливый поэтъ, художникъ и крупный предприниматель, вносящій въ свое промышленное дѣло талантъ и тѣмъ обновляющій его. Дѣйствительно, его крупная личность, преисполненная энергіи и дѣйственной вѣры въ будущее, напоминаетъ людей Возрожденія, но единственное, что связываетъ его съ унылой вереницей «блѣднолицыхъ» символистовъ и эстетовъ, это — его увлеченіе нѣкоторыми сторонами средневѣковья, сближающее его также съ романтиками. Онъ былъ «человѣкъ будущаго», что и отличаетъ его отъ «людей прошлаго», какими въ своей дѣятельности выступали остальные. Изъ прошлаго онъ бралъ лишь то, что было въ немъ поэтическаго, но одухотворялъ его новымъ духомъ. «Въ своей политической дѣятельности Моррисъ воодушевленъ былъ вѣрой въ то, что наступитъ страстно желанная имъ пора свободнаго труда, когда люди будутъ наслаждаться жизнью и будутъ имѣть время чисто и безкорыстно любить искусство. Художественная фантазія Морриса заставляли его заранѣе жить въ этомъ, будущемъ «земномъ раѣ», и вся его поэзія, чуждая дѣйствительности и ея заботъ, является продуктомъ этого переселенія въ несуществующее будущее... Онъ самъ былъ уже человѣкомъ свѣтлаго будущаго, въ которое онъ вѣрилъ, и вся его поэзія является безкорыстнымъ служеніемъ красотѣ»,—говоритъ г-жа Венгерова, и эта характеристика плохо вяжется съ рядомъ стоящей въ ея книгѣ личностью эстета Уайльда, провозглашав-

щаго такіе, напр., принципы: «Я художникъ въ области абсурдовъ, человѣкъ, осмѣливающійся быть смѣшнымъ, я служитель искусства безразсудности... Я художникъ, потому что я сознательно нелѣпъ... Не принимайте ничего въ серьезъ, за исключеніемъ, если возможно, самихъ себя... Нѣтъ добра и нѣтъ зла. Есть только искусство... Стремитесь къ ненормальному» и т. д. Повидимому, этя принципы усвоили себѣ наши русскіе символисты, въ виду ихъ необычайной простоты и удобоисполнимости. Но отсюда еще до возрожденія «дистанція огромнаго размѣра», что, впрочемъ, г-жа Венгерова многократно подчеркиваетъ, силясь провести между ними и истинными символистами рѣзкую грань.

Къ сожалѣнію, это ей не всегда удается, почему она старается поставить въ ряду символистовъ даже и такихъ авторовъ, которые по существу ничего символическаго въ себѣ не имѣютъ. Такимъ, между прочимъ, намъ кажется Мередитъ, авторъ превосходныхъ романовъ, одинъ изъ которыхъ, «Эгоистъ», едва-ли не лучшій, прекрасно переведенъ г-жею Венгеровой и составляетъ одно изъ украшеній «Дешевой библіотеки» г. Ледерле. Почему Мередитъ попалъ въ символическую коллекцію, въ одну компанію съ Уайльдомъ и Гюисмансомъ, намъ совершенно непонятно. Его область не представляетъ ничего таинственнаго, новаго или туманнаго. Онъ—выдающійся романистъ-психологъ, чрезвычайно тонкій наблюдатель и умный комментаторъ душевныхъ движеній. Общественная жизнь, внѣшняя дѣятельность людей мало его интересуетъ, такъ какъ главное для него—внутренній міръ человѣка; его занимаютъ настроенія, а не вытекающія изъ нихъ послѣдствія, въ видѣ тѣхъ или иныхъ дѣйствій. Но въ его произведеніяхъ, въ противоположность туманности и вычурности прерафаэлитовъ, эстетовъ и символистовъ, все ясно, прозрачно, естественно, можно сказать, въ его романахъ преобладаетъ кристальная чистота. Каждое душевное движеніе обрисовано до мельчайшихъ деталей, пожалуй, съ излишней даже подробностью и чисто англійской добросовѣстностью. Для читательской фантазіи не оставлено ничего, что составляетъ уже недостатокъ. Авторъ слишкомъ заботится о томъ, чтобы его герои были вѣрно поняты, и тщательно отмѣчаетъ каждое измѣненіе въ ихъ настроеніи, каждый сокровеннѣйшій актъ ихъ души, вслѣдствіе чего его романы непріятно поражаютъ своими длиннотами и растянутостью. Но, повторяемъ, изъ всѣхъ англійскихъ писателей онъ самый ясный, трезвый и простой, т. е. полнѣйшая противоположность представителямъ «новыхъ теченій».

Едва ли подходятъ въ ту же категорію Ибсенъ и Гауптманъ, оба великіе таланты, дающіе каждому столько, сколько онъ можетъ взять, и потому понимаемые весьма различно, но имѣющіе врядъ ли что родственное съ болѣзненными настроеніями англійскаго прерафаэлитства и низменной символистики французовъ, въ родѣ Гюисманса или Метерлинка. Въ обоихъ нѣтъ ничего мистическаго въ томъ смыслѣ, какъ у Розетти или Броунинга, темы ихъ всегда реальны, а если они прибѣгаютъ подчасъ къ фантастическому элементу въ обработкѣ ихъ, то внесеніемъ поэтическаго колорита они углубляютъ содержаніе. Ихъ символизмъ это тотъ вѣчный элементъ истиннаго искусства, при посредствѣ котораго оно раздвигаетъ рамки дѣйствительности, творитъ изъ «бреннаго матеріала земли нетлѣнные образы вѣчной красоты», всегда ясной, простой и всѣмъ доступной, не требующей комментаріевъ, какъ, напр., созданія новѣйшей символистики.

То, что есть въ послѣдней новое, насколько можно судить по собран-

нымъ въ интересной книгѣ г-жи Венгеровой даннымъ, еще не даетъ права видѣть въ «новыхъ теченіяхъ» второе возрожденіе. Весьма возможно, что оно знаменуетъ дѣйствительно начало новаго въ искусствѣ, которое его обновитъ и возродитъ къ дальнѣйшему совершенствованію. Но, можетъ быть, вѣрно и мнѣніе Эдмунда Госсе, что если мы, современники, плохо понимаемъ творцовъ символизма, то наши преемники и совсѣмъ его не поймутъ, и оно замретъ, не давъ ничего плодотворнаго.

Во всякомъ случаѣ нельзя не быть благодарнымъ г-жѣ Венгеровой, которая собрала, изучила и познакомила русскихъ читателей съ интересными представителями новыхъ теченій въ англійской литературѣ, и тѣмъ дала возможность заглянуть въ этотъ причудливый мірокъ не столько привлекательныхъ, сколько таинственныхъ личностей. Такое знакомство не безполезно хотя бы ради сравненія нашего доморощеннаго символизма съ его заграничнымъ прототипомъ. Вотъ, напр., стихотвореніе Розетти, по которому можно составить себѣ представленіе, какъ далеки блѣдные русскіе символисты отъ этихъ образцовъ со своими жалкими подражаніями:

Есть много родственныхъ богинь, равно прекрасныхъ:
Нѣмая истина, съ испугомъ на устахъ;
Надежда, что съ небесъ не сводитъ взоровъ ясныхъ;
И слава, что съ вѣковъ забвенья гонитъ прахъ
И взмахомъ крылъ огонь подъ пепломъ раздуваетъ;
И юность, съ золотомъ кудрей, съ румянцемъ щекъ,
Чей нѣжный жаръ слѣды недавнихъ ласкъ скрываетъ;
И жизнь, что рветъ цвѣты, чтобъ смерти сплесть вѣнокъ.
Любовь не среди нихъ. Ея престолъ далеко
Отъ бурь измѣнчивыхъ земныхъ разлукъ и встрѣчъ.
Ея обители ничье не видитъ око,
Хоть истина ее пытается предрѣчь,
Надежда видитъ въ снахъ, и слава охраняетъ,
Хоть юность ей сладка, и жизнь лишь ей плѣняетъ.

При нѣкоторой туманности, этотъ «Престолъ любви», даже не смотря на не совсѣмъ гладкій переводъ, все же безконечно выше вычурныхъ строкъ въ родѣ—«любовь одна, любовь одна», которыми насъ угощаетъ русскій символизмъ. Какъ всякая поддѣлка, преувеличивающая недостатки оригинала, русскія символическія произведенія отражаютъ въ себѣ только отрицательныя стороны новыхъ теченій заграничной литературы, представляютъ символизмъ, такъ сказать, «à rebours», шиворотъ-навыворотъ.

Такіе несомнѣнно крупные таланты, какъ Розетти, Моррисъ, Броунингъ, Маллармэ, Верлэнъ, показываютъ самому безпристрастному цѣнителю, что въ литературѣ Запада совершается дѣйствительно нѣчто, еще не нашедшее для себя настоящей формы. Но наши ничтожные и въ своей претенціозности крайне смѣшные символисты доказываютъ скорѣе обратное, т. е., что для новаго въ томъ смыслѣ, какъ оно выражается на Западѣ, въ нашей литературѣ нѣтъ почвы. И это уже не первый разъ, что западныя вѣянія въ искусствѣ и литературѣ не могутъ привиться у насъ. Изъ статьи нашего уважаемаго сотрудники г. Иванова, «Исторія русской критики», читатели уже знаютъ, какіе по истинѣ жалкіе плоды далъ сентиментализмъ и романтизмъ въ русской литературѣ, какъ не глубоко было ихъ вліяніе и какъ быстро и безслѣдно оно исчезло, стоило только повѣять свѣжему, дѣйствительно народному духу пушкинской поэзіи. Нѣчто подобное переживаетъ наша литература теперь, и результаты едва ли будутъ другіе. Русская литература не знала крайностей натурализма, вызвавшихъ какъ реакцію декадентскіе порывы къ полной безсмыслицѣ. Ей чужда была и мистическая туманность, составляющая національную особенность англичанъ, можетъ

быть, дѣйствительно привитую имъ климатомъ. Отличительной, пожалуй, самой характерной чертой нашей литературы является ея удивительная ясность и сдержанность, если можно такъ выразиться—цѣломудренная чистота, не допускающая ничего экзотическаго, не выносящая никакихъ излишествъ въ ту или иную сторону. Словно духъ Пушкина руководитъ ею, безсознательно для самихъ творцовъ, его преемниковъ и продолжателей, и изъ самыхъ, повидимому, противоположныхъ направленій выбираетъ лишь то, что не противорѣчитъ его основному тону,—правдѣ, красотѣ и жизни. Такъ создается наша, вполнѣ народная, русская литература, оригинальная и самостоятельная, самая юная по возрасту среди всѣхъ литературъ и, тѣмъ не менѣе, не уступающая въ силѣ и своеобразной красотѣ ни одной изъ нихъ, вызывая въ иностранцахъ удивленіе и почтительный интересъ.

———

Что этотъ интересъ дѣйствительно существуетъ, можно видѣть не только изъ того успѣха, какой выпалъ на долю величайшаго нашего писателя послѣдняго времени, Л. Н. Толстого, не только изъ многочисленныхъ переводовъ лучшихъ нашихъ художниковъ, какъ, напр., Вл. Короленко, произведенія котораго переведены почти на всѣ языки и выдерживаютъ больше изданій, чѣмъ у себя на родинѣ. Мы хотимъ остановить вниманіе читателей на одномъ любопытномъ явленіи, доказывающемъ самымъ нагляднымъ образомъ, какъ далеко простирается этотъ интересъ на Западѣ къ нашей литературѣ. Объ этомъ краснорѣчиво свѣдѣтельствуютъ лекціи, читанныя въ Америкѣ княземъ С. Волконскимъ. Въ предисловіи къ изданію этихъ лекцій на русскомъ языкѣ авторъ говоритъ, между прочимъ: «Весною 1895 г. я получилъ приглашеніе отъ лоуэльскаго института въ Бостонѣ прочитать курсъ лекцій по русской исторіи и литературѣ, причемъ число лекцій было ограничено восемью. Приглашеніе было мною принято, и первая лекція назначена на 5-ое февраля 1896 г. По прибытіи въ Америку, вслѣдъ за первой лекціей, мною были получены приглашенія отъ разныхъ учрежденій: университетовъ, другихъ учебныхъ заведеній, литературныхъ обществъ и т. п. Въ промежутокъ времени отъ 5-го февраля до 5-го мая эти лекціи были прочитаны сполна и частично въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ лоуэльскомъ институтѣ въ Бостонѣ, въ гарвардскомъ университетѣ въ Кэмбриджѣ, въ колумбіевскомъ университетѣ въ Нью-Іоркѣ, въ вашингтонскомъ литературномъ обществѣ въ Вашингтонѣ, въ чикагскомъ университетѣ, въ Чикаго же публично по приглашенію университета, тамъ же по приглашенію литературнаго общества, тамъ же по приглашенію унитаріанской церкви, въ С.-Луи публично по приглашенію художественной школы, въ корнуэлльскомъ университетѣ, въ Итакѣ по приглашенію гимназіи, наконецъ въ Нью-Іоркѣ». Одно уже это перечисленіе показываетъ, какую популярность завоевала русская литература на далекомъ Западѣ, и какой интересъ возбудили сами лекціи, о чемъ, впрочемъ, кн. Волконскій скромно умалчиваетъ, замѣчая: «Не мнѣ судить о впечатлѣніи, произведенномъ моими чтеніями; могу лишь, и считаю долгомъ, поблагодарить заочно тѣхъ моихъ далекихъ друзей, которые своимъ вниманіемъ, поддержкой и горячимъ сочувствіемъ доставили мнѣ минуты неизреченнаго удовлетворенія. Знаю, что обязанъ этими минутами не себѣ, а тѣмъ великимъ именамъ нашей исторіи, которыхъ я былъ скромнымъ толкователемъ».

Задача, которая была поставлена лектору—уложить русскую исторію и литературу въ восемь чтеній—крайне

трудна, и надо признать, что въ предѣлахъ ему отведенныхъ лекторъ сдѣлалъ все возможное. Его очерки отдѣльныхъ періодовъ исторіи, характеристики личностей, и въ особенности послѣднія три чтенія, посвященныя исключительно нашей литературѣ XIX вѣка,—полны интереса и для русскаго читателя. Лекторъ съумѣлъ удержаться въ своемъ изложеніи отъ превознесенія, отъ ложнаго патріотическаго жара и излишней скромности въ оцѣнкѣ нашихъ писателей. Тонъ его въ общемъ сдержанъ и благороденъ. Правда, мѣстами можно отмѣтить двѣ-три вылазки въ сторону разныхъ «лжеученій», безъ которыхъ можно было обойтись, отчего лекціи ничего бы не потеряли. Но эти мѣста не имѣютъ особаго значенія и не они во всякомъ случаѣ окрашиваютъ всю книгу.

Какъ и слѣдовало ожидать, лекторъ западникъ, что онъ неоднократно подчеркиваетъ. Дикія черты нашего допетровскаго быта не встрѣчаютъ въ его ученіи ни хвалы, ни осужденія, а лишь справедливую оцѣнку. Особыхъ откровеній, конечно, нечего и искать въ его болѣе чѣмъ сжатыхъ очеркахъ; важно то, что въ нихъ вездѣ замѣчается прекрасное знакомство съ литературой предмета и стремленіе дать возможно ясный отчетъ о немъ. Въ исторической части есть, впрочемъ, одинъ очень крупный недостатокъ. Лекторъ слишкомъ мало удѣляетъ мѣста народу, который цѣликомъ заслоненъ личностями князей и царей. Для мало знакомаго съ русской исторіей читателя, тѣмъ болѣе американца, получится такое впечатлѣніе, какъ будто народъ въ нашей исторіи не игралъ никакой роли. Его жизнь, культура, особенности—все это осталось въ сторонѣ. Князья, особенно «собиратели земли», слишкомъ ужъ отдаютъ учебниками г. Иловайскаго, гдѣ только и читаешь о ихъ прямо геніальныхъ натурахъ. Что ни князь, то одинъ другого краше, выше, препрославнѣе. Все то у нихъ по заранѣе обдуманному плану, чуть ли не съ колыбели выношенному и взлелѣянному. Правда, языкъ лектора скромнѣе, чѣмъ у нашего присяжнаго исторіографа, но сущность выходитъ та же. Американцы получили въ общемъ прекрасную рекомендацію всѣхъ нашихъ Ивановъ, кромѣ Грознаго, характеристику котораго лекторъ, видимо, отдѣлалъ особливо, и она вышла у него очень недурна. Его жестокость, развратъ, болѣзненность получили достойную оцѣнку. Можно сказать, бѣдному Іоанну IV приходится расплачиваться за всѣхъ остальныхъ Ивановъ. Жаль только, что нигдѣ не отмѣчены условія, которыя и дали ему разгуляться, взростили этотъ излюбленный славянофильскій „цвѣтокъ. Лекторъ дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за все, даже за смутное время, въ чемъ, пожалуй, Грозный не такъ ужъ и повиненъ. Характеристика Петра Великаго и его дѣятельности за то сдѣлана очень хорошо. Умѣло показаны всѣ предшествующія ему просвѣтительныя стремленія, и Петръ не оказывается съ неба свалившимся, а выступаетъ какъ вполнѣ естественное, хотя и неизмѣримо грандіозное историческое явленіе. Отстаивая величіе преобразователя, лекторъ остроумно касается современныхъ «патріотическихъ» нападокъ на него. «Что до меня,—замѣчаетъ онъ,—то я предпочитаю эту преувеличенную форму обвиненія: она заключаетъ въ себѣ зародышъ собственной несостоятельности, и, вовсе не уязвляя того, на кого направлена, падаетъ обезсиленная своимъ же собственнымъ безсиліемъ; я предпочитаю быть обвиненнымъ въ антипатріотизмѣ, чѣмъ исповѣдывать чувства, которыя нашъ философъ (Влад. Соловьевъ) окрестилъ характернымъ наименованіемъ «зоологическаго патріотизма». Нельзя не позавидовать смѣлости талантливаго

лектора, такъ безстрашно раздѣлывающагося съ «зоологическимъ патріотизмомъ». Во всякомъ случаѣ, ему не мѣшало бы замѣтить для своихъ «далекихъ друзей», что если «зоологическій патріотизмъ» и безвреденъ по отношенію къ Петру Великому, то вообще онъ далеко не безвреденъ и нерѣдко проявляетъ себя съ чисто зоологическимъ безъудержемъ.

Восемнадцатый вѣкъ, которому посвящено пятое чтеніе, оттѣненъ личностью Екатерины II. Характеристика ея, безспорно, самая блестящая въ книгѣ кн. Волконскаго, обнаруживая въ немъ рѣдкое умѣнье нѣсколькими рѣзкими штрихами обрисовать историческую фигуру, оставаясь въ то же время вполнѣ безпристрастнымъ на строго-научной почвѣ. Опять-таки отмѣтимъ, что чего-либо новаго читатели здѣсь не встрѣтятъ, но найдутъ умѣлое сопоставленіе характерныхъ фактовъ и ясное представленіе о цѣлой эпохѣ. Вотъ на выдержку дватри мѣста изъ пятой лекціи, одной изъ лучшихъ въ книгѣ. Кстати, по нимъ читатель составитъ себѣ представленіе о слогѣ князя Волконскаго, изящномъ по своей простотѣ и легкости, мѣстами почти художественномъ.

«Личность Екатерины Великой представляется двояко: императрица, какою она была, и императрица, какою она желала, чтобы ее видѣли. Ни одинъ государь не заботился о мнѣніи современниковъ такъ усиленно, какъ она. Всѣ блестящія особенности ея ума, ея литературный талантъ, средства, предоставляемыя саномъ и властью, пускались ею въ ходъ для того, чтобы утвердить ту репутацію, какая ей была желательна. Ея переписка съ Вольтеромъ, Дидро, Д'Аламберомъ, мад. Жоффрэнъ и другими знаменитостями тогдашней Франціи, — переписка, въ которой больше игривости и юмору, чѣмъ серьезности и дѣловитости, была ничѣмъ инымъ, какъ погонею за популярностью. Подобно тому, какъ въ наши дни дешевыя хромолитографіи распространяютъ изображенія государя по его владѣніямъ, такъ въ этихъ неугомонныхъ письмахъ она размножала по лицу Европы свое духовное изображеніе. И, понятно, портретъ былъ «пріятнаго сходства». Въ роскошной рамѣ монархическаго блеска, на фонѣ великолѣпныхъ парковъ и дворцовъ въ чистѣйшемъ стилѣ Людовика XV, окруженная славою военныхъ подвиговъ и кадильнымъ дымомъ литературнаго фиміама,—черты привлекательной, блестящей, обворожительной женщины вызвали восторгъ. Онѣ прославлялись за-границей, онѣ превозносились дома, онѣ воспѣвались въ великолѣпныхъ стихахъ, и таковыми онѣ были переданы послѣдующимъ поколѣніямъ. Блескъ этого портрета освѣщаетъ собою все окружающее и сообщаетъ царствованію характеръ рѣдкаго внѣшняго великолѣпія. Императрицѣ удалось запечатлѣть свой образъ въ умахъ именно такимъ, какимъ она хотѣла, чтобы онъ представлялся» (стр. 170).

Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ ярче выступаетъ талантъ лектора, сказывающійся въ умѣніи нѣсколькими яркими штрихами охарактеризовать цѣлое направленіе, очертить образъ писателя, его значеніе, сущность его главныхъ произведеній. Здѣсь авторъ становится интересенъ не только для «далекихъ друзей», но и для русскаго читателя, которому онъ даетъ многое въ немногихъ словахъ. Его характеристика Пушкина такъ хороша, что мы позволимъ себѣ привести небольшую выдержку, чтобы показать на примѣрѣ умѣнье автора проникать въ сущность писателя, не расплываясь въ мелочахъ. «Красота у Пушкина, въ отличіе отъ столькихъ другихъ поэтовъ, есть какъ бы самостоятельная величина; она не есть лишь спутница мысли,

или мнѣнія, или философской системы, она не украшеніе, не придатокъ, она—сама суть поэзіи... Поэзія его представляетъ такую срощенность формы и содержанія, что никакая критическая сила никогда не будетъ въ состояніи разъединить ихъ; ея этическая цѣнность есть непосредственная эманація ея эстетическаго совершенства. Лишь немногія, величайшія произведенія искусства являютъ подобное сліяніе двухъ этихъ началъ; красота и нравственность претворены другъ въ другѣ, и совокупное вліяніе ихъ сливается въ одну равнодѣйствующую, гдѣ мы уже не разбираемъ, въ чемъ цѣль, въ чемъ средство, въ чемъ причина, въ чемъ слѣдствіе. Есть имена, предъ которыми невольно умолкаетъ вѣчный споръ о первенствѣ формы или содержанія; не вдаваясь въ метафизическія изслѣдованія того, чѣмъ обусловлена большая или меньшая цѣнность произведенія искусства, приходится признать, что на извѣстныхъ высотахъ творчество уже самый фактъ воплощенія красоты является дѣломъ нравственнымъ, и художникъ, отдающійся ему, становится сотрудникомъ Провидѣнія въ его промыслѣ объ устроеніи вселенной»... Передавъ затѣмъ превосходно содержаніе «Онѣгина», авторъ сравниваетъ его съ «Донъ-Жуаномъ» Байрона и отдаетъ первенство Пушкину: «Онъ свѣтѣлъ, прозраченъ; поэтическая призма, сквозь которую онъ созерцаетъ дѣйствительность,—изъ чистѣйшаго кристалла, безъ дымки, безъ окраски. И чего только она ни преломляла! Этотъ человѣкъ, который былъ величайшимъ нашимъ романтикомъ, былъ въ то же время и нашимъ первымъ реалистомъ; его поэзія не боится никакихъ подробностей. Но онъ никогда ни въ чемъ не выводитъ предъ нами сырую жизнь, всегда—картины жизни; не то, чтобы прикрашенную, принаряженную жизнь, нѣтъ, — настоящую, но преломленную жизнь, преображенную искусствомъ. Всякій стихъ его реаленъ; но какъ бы ни реальна картина, она остается перломъ искусства. Своимъ стихомъ онъ заставляетъ насъ любить природу, а наслаждаясь красотой природы, мы проникаемся еще большей любовью къ воплотившему ее стиху». Переходя къ лирикѣ Пушкина, кн. Волконскій подчеркиваетъ ея многосторонность и жизненность. «Не думаю, что будетъ преувеличеніемъ съ моей стороны, если скажу, что всякій другой лирическій поэтъ покажется одностороннимъ по сравненію съ Пушкинымъ. Эта многосторонность душевная, при полномъ отсутствіи какого-либо преобладающаго чувства, обусловливаетъ то миротворящее, проясняющее впечатлѣніе, какое въ цѣломъ производитъ пушкинская поэзія. Удивительная гармонія ея происходитъ отъ того, что всѣ ея элементы коренятся въ человѣческой душѣ, — ничего внѣ ея предѣловъ, ничего сверхъестественнаго, надмірнаго, ничего недосягаемаго, нѣтъ безплодныхъ стремленій въ идеальные міры. Въ то время, какъ столько другихъ поэтовъ уклоняютъ наши духовныя силы, направляя ихъ въ міръ грезъ и мечтаній, у Пушкина онѣ сосредоточиваются на дѣйствительной жизни; душа человѣка находитъ свои радости и средства противъ горя въ природѣ своего собственнаго существа, а не въ безцѣльныхъ попыткахъ уйти отъ самой себя».

Пушкину посвящена вся шестая лекція, въ которой авторъ такимъ образомъ устанавливаетъ взглядъ на всю послѣдующую русскую литературу, въ общемъ, взглядъ совершенно правильный, и американцы получили такое введеніе къ русской литературѣ, что лучшаго едва ли остается желать. И мы вполнѣ понимаемъ интересъ, вызванный чтеніями кн.

Волконскаго, такъ какъ въ иностранной литературѣ ничего подобнаго не существуетъ по исторіи русской литературы. Конечно, «зоологическіе патріоты» найдутъ кое-что въ этихъ чтеніяхъ, что можетъ дать пищу ихъ доносительнымъ инстинктамъ. Но просто любящіе русскую литературу не могутъ не быть довольны, что въ лицѣ кн. Волконскаго она нашла такого талантливого истолкователя. Вмѣстѣ съ г. Пыпинымъ, по настоянію котораго кн. Волконскій издалъ свои чтенія и на русскомъ языкѣ, мы находимъ, что они вполнѣ заслуживаютъ вниманія и русскаго читателя.

О благотворительной литературѣ принято всегда говорить въ благопріятномъ для нея смыслѣ, при чемъ частенько приходится кривить душой, въ виду подкупающей цѣли подобныхъ изданій. Тѣмъ пріятнѣе бываетъ, когда не только цѣль, но, главнымъ образомъ, содержаніе говоритъ за такіе сборники, какъ только что появившійся въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета. Умѣлая и опытная редакція съ одной стороны, съ другой— превосходный подборъ статей даютъ сборнику не только временное значеніе, какъ средство собрать нужную сумму.

Беллетристикѣ отведено сравнительно небольшое мѣсто, но за то по выбору переводныхъ вещей, изъ которыхъ каждая представляетъ въ своемъ родѣ выдающееся произведеніе въ прекрасномъ переводѣ, она могла бы сдѣлать честь любому изъ нашихъ журналовъ. Оригинальный разсказъ только одинъ (не по винѣ редакціи) и принадлежитъ г-ну Мамину, «Въ девятомъ часу». Разсказъ не великъ, но въ высокой степени выдержанъ, тщательно отдѣланъ и напоминаетъ лучшіе разсказы почтеннаго художника, давшаго въ немъ яркую и теплую характеристику женской самоотверженной души. Есть и стихи, изъ которыхъ очень хорошъ переводъ начала второй части «Фауста», по близости къ подлиннику и звучности стиха.

Главную, однако, цѣнность сборника составляютъ научно-популярныя и публицистическія статьи, принадлежащія лучшимъ нашимъ именамъ въ области науки и литературы. Сборникъ начинается статьей г. Макс. Ковалевскаго «Соціологія и соціологи», въ которой авторъ даетъ блестящій очеркъ современныхъ взглядовъ въ этой новой отрасли знанія. Статья, видимо, навѣяна послѣднимъ соціологическимъ конгрессомъ, и прекрасно знакомитъ съ общей постановкой вопросовъ въ соціологіи. Ее можно рекомендовать всякому, какъ превосходное введеніе въ соціологію, въ чемъ такъ нуждается публика, стремящаяся къ самообразованію, и которую не можетъ не отпугивать отчасти запутанность и даже противорѣчивость многихъ объемистыхъ трудовъ по соціологіи. Очень оригинальна статья г. Карѣева *Ницше о «чрезмѣрности истоoріи»*. Она любопытна прежде всеги какъ образчикъ парадоксальной мысла этого оригинальнѣйшаго философа конца вѣка. Въ русской литературѣ о Ницше почти ничего нѣтъ, и почтенный профессоръ избралъ для популярнаго сборника вполнѣ своевременную и благодарную тему. При всей парадоксальности, во взглядахъ Ницше не мало оригинальнаго и заслуживающаго вниманія, хотя бы по той смѣлости, съ которой онъ ниспровергаетъ установившіяся, повидимому, незыблемо истины, что заставляетъ дѣлать имъ провѣрку и тѣмъ спасаетъ отъ излишней догматичности и вѣры въ свою непогрѣшимость.

Какъ бы въ противовѣсъ Ницше, слѣдуетъ далѣе статья г. Корелина «Что можно дать для народнаго чте-

нія изъ всемірной исторіи». По важности и серьезности темы, по ея общественному значенію, это безспорно лучшая статья, хотя и написанная нѣсколько тяжеловѣсно. Но въ такомъ серьезномъ вопросѣ форма отступаетъ на заднiй планъ, засло няемая содержательностью самой статьи. Изложивъ общій взглядъ на задачи популяризаціи исторіи, авторъ даетъ нѣчто въ родѣ программы для историческихъ изданій для народа, въ видѣ ряда темъ по различнымъ отдѣламъ всемірной исторіи. По мнѣнію г. Корелина, «ближайшая задача народной литературы по всемірной исторіи должна заключаться въ обработкѣ такихъ темъ, которыя могутъ быть доступны для читателя, лишеннаго какихъ бы то ни было свѣдѣній по этому предмету. Вслѣдствіе этого при выборѣ темъ слѣдуетъ избѣгать сложныхъ абстрактныхъ вопросовъ, а при ихъ обработкѣ не оставлять безъ объясненія ни одной особенности изображаемой жизни, ни одного термина, необходимаго въ историческомъ изложеніи. Кромѣ того, каждая тема должна быть разработана въ двоякомъ направленіи; книжка должна дать фактическія свѣдѣнія, которыя будутъ составлять основаніе для дальнѣйшаго и болѣе полнаго знакомства съ исторіей извѣстнаго народа или данной эпохи, и въ тоже время, взятая въ отдѣльности, она должна представлять собой самостоятельное цѣлое и должна преслѣдовать какую - либо образовательную или воспитательную цѣль».

Въ какомъ видѣ представляетъ почтенный авторъ разработку исторіи для народа, можно судить по прилагаемой имъ образцовой программѣ. Напр., вотъ рядъ темъ по исторіи Греціи:

«1. *Какъ жили древніе греки?* Во вступленіи можно привести изъ «Дѣяній» разсказы объ апостольской проповѣди въ Аѳинахъ. Изложеніе должно быть сосредоточено на внутренней жизни Аѳинъ, причемъ происхожденіе государства изъ родового быта и его постепенный ростъ и паденіе должны быть изображены съ рельефной ясностью, хотя только въ общихъ чертахъ. Весьма желательно также изложеніе законодательства Дракона, Солона и Перикла съ біографіями двухъ послѣднихъ дѣятелей. Для Спарты достаточно описанія ея внутренняго строя съ указаніемъ вліянія на него происхожденія государства.

«2. *Война грековъ съ персами.* Во введеніи слѣдуетъ указать размѣры Персіи, дать географическій очеркъ Греціи, разсказать о ея колоніяхъ и выяснить ихъ значеніе. Въ изложеніи должны быть введены біографіи Мильтіада, Ѳемистокла и Аристида, а главное вниманіе должно быть обращено на выясненіе *причинъ и значенія* побѣды грековъ.

«3. *Какъ вѣровали греки до Христа.* Во вступленіи желателенъ очеркъ развитія языческихъ религій, съ указаніемъ ихъ прогресса, такъ какъ исторія измѣненій античнаго язычества едва ли возможна въ народной книжкѣ. Въ изложеніи слѣдуетъ дать описаніе главнѣйшихъ боговъ съ рельефнымъ указаніемъ ихъ антропоморфизма, а также статуй и храмовъ. Иллюстраціи необходимы».

Затѣмъ остальную исторію Греціи авторъ предлагаетъ вмѣстить въ три вопроса: 4) *о греческомъ мудрецѣ Сократѣ*, 5) *греческій патріотъ Демосѳенъ*, 6) *Александръ Македонскій и его дѣянія.*

Каждый вопросъ тщательно разработанъ въ статьѣ г. Корелина, едва ли что остается добавить, и можно быть увѣреннымъ, что его программа, если не встрѣтитъ препятствій, дастъ прекрасные результаты Его статья должна занять въ литературѣ для народа видное мѣсто, какъ разрѣшающая одинъ изъ серьез-

нѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ. Если можно сказать, что народъ не нуждается ни въ какой особой изящной литературѣ, такъ какъ всѣ наши лучшія произведенія ему вполнѣ доступны, что показалъ опытъ, то съ научной литературой для народа дѣло обстоитъ далеко не такъ. Отсутствіе популярной литературы затрудняетъ людей средняго образованія, желающихъ расширить кругъ своихъ знаній, и тѣмъ болѣе чувствуется этотъ недостатокъ въ народной литературѣ. Починъ г. Корелина заслуживаетъ, поэтому, полнаго вниманія. Конечно, и въ его программѣ найдутся пропуски, недомолвки, можетъ быть, и многое на практикѣ окажется непримѣнимымъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что дана исходная программа, которую остается только пополнять и кое въ чемъ исправить.

По важности своей, одна статья г. Корелина окупаетъ сборникъ, въ которомъ имѣются, кромѣ упомянутыхъ, еще прекрасныя статьи г-на Вахтерова «Изъ дневника», г-на Иванова «Идея прогресса во французской литературѣ XVIII вѣка», г. Джаншіева «Памяти А М. Фіалковскаго», воспоминанія Бѣлоголоваго и др. Вообще, сборникъ г. Гольцева рѣзко выдѣляется въ области благотворительной литературы и рѣдкимъ подборомъ статей производитъ цѣльное, серьезное и внушительное впечатлѣніе.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Дѣятельность вятскихъ земствъ по народному образованію. Вятское земство занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ по своей дѣятельности по народному образованію. «Вятск. Край» даетъ небольшой очеркъ этой стороны дѣятельности земства за послѣдніе два года, и мы въ общихъ чертахъ познакомимъ читателя съ главнѣйшими фактами, приводимыми газетой.

Согласно Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, дѣло собственно начальнаго народнаго образованіо находится въ рукахъ уѣздныхъ земствъ; они открываютъ начальныя школы, содержатъ ихъ и т. д. Губернскія земства прямого отношенія къ начальному образованію не имѣютъ, они могутъ только помогать уѣзднымъ земствамъ въ этомъ дѣлѣ.

Сообразно съ этимъ, дѣло начальнаго народнаго образованія въ Вятской губерніи велось исключительно уѣздными земствами. Роль губернскаго сводилась только къ заботамъ о приготовленіи учителей для народныхъ школъ (учрежденіе техническаго училища, большія ассигновки на содержаніе женской гимназіи).

Съ 1892 года дѣятельность губернскаго земства по народному образованію начинаетъ расширяться. Въ этомъ и слѣдующемъ годахъ состоялись постановленія губернскаго собранія о безплатной раздачѣ народу книгъ, объ устройствѣ при народныхъ школахъ воскресно-повторительныхъ занятій, народныхъ чтеній съ туманными картинамп, объ изданіи приспособленной для народа «Вятской Газеты» и, наконецъ, въ 1894 году, объ устройствѣ маленькихъ библіотечекъ во всѣхъ сельскихъ обществахъ губерніи. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ постановленій, они почти вовсе не касались первоначальнаго школьнаго обученія; это дѣло по прежнему находилось въ вѣдѣніи уѣздныхъ земствъ и, нужно добавить, туго подвигалось впередъ. За 15-ти-лѣтіе съ 1880 г. по 1894 г. число школъ оставалось почти одно и то же (501—502); количество школъ увеличилось только въ трехъ южныхъ уѣздахъ (Малм., Сар., Елаб.), но за то въ другихъ, какъ, напр., въ Вят., Глаз. и Нол. уменьшилось. Дѣятельность земствъ за это время направлена была только на устройство и улучшеніе существующихъ училищъ. Конечно, число учащихся за это время увеличивалось, хотя и не соразмѣрно съ ростомъ населенія; примѣнительно къ этому училища расширялись и дѣлались болѣе многолюдными. Такая система устройства небольшого число многолюдныхъ школъ, независимо отъ ея дороговизны, имѣла крупные недостатки; она не давала почти возможности пользоваться школой жителямъ отдаленныхъ селеній.

Когда же губернское земство обратило, наконецъ, вниманіе на дѣло народнаго образованія въ губерніи, то результаты получились гораздо болѣе успѣшные. Да это и вполнѣ понятно, потому что такое огромное и серьезное дѣло, какъ распространеніе народнаго образованія, можетъ успѣшно развиваться только при дружной совмѣстной работѣ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ; предоставленныя самимъ себѣ и лишенныя помощи губернскаго земства, о которой говорится въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, уѣздныя земства не могутъ многаго достигнуть. Такъ оно было и въ Вятской губ. Въ 1895 году губерскою управою были собраны статистическіе матеріалы о начальныхъ народныхъ училищахъ Вятской губерніи. Собранныя данныя съ очевидностью показали, насколько низко стоитъ еще народное образованіе въ губерніи. Оказалось, что на 23.000 селеній губерніи имѣлось лишь 502 земскихъ и министерскихъ, 426 церковно-приходскихъ и 491 школа самаго низшаго типа (шк. грамоты), т. е. всего 1.419 школъ; что число учащихся (до 75.632) не достигаетъ даже и половины всего числа дѣтей школьнаго возраста (исчисляемаго въ 200 т. слишкомъ челов.), что существующія школы переполнены и, такимъ образомъ, остальные 120 тысячъ дѣтей не имѣютъ возможности даже научиться грамотѣ. Собравъ эти данныя, губернская управа въ маѣ 1895 года предложила на обсужденіе губернской экономической коммиссіи вопросъ о наиболѣе желательныхъ и неотложныхъ мѣропріятіяхъ въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, которыя могло бы взять на себя губернское земство, явившись на помощь въ этомъ дѣлѣ уѣзднымъ земствамъ. Результатомъ совѣщаній этой коммиссіи былъ первый докладъ управы по начальному образованію, внесенный на обсужденіе экстреннаго губернскаго собранія 26—28 іюля 1895 года; въ этомъ докладѣ управа находила необходимымъ «хотя бы удвоить число земскихъ школъ открытіемъ цѣлаго ряда параллельныхъ отдѣленій въ сосѣднихъ съ существующими школами деревняхъ, или же созданіемъ новыхъ школъ съ однимъ отдѣленіемъ», причемъ предлагала въ видѣ пособія уѣзднымъ земствамъ ассигновать ежегодно по 100 руб. на каждую открытую школу. Собраніе не дало опредѣленнаго рѣшенія по этому вопросу, не зная, какъ отнесутся къ этому уѣздныя земства, и передало его на разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ. Затѣмъ собраніе вполнѣ одобрило предложеніе управы объ отчисленіи изъ запаснаго каписала 50 т. р. въ новый фондъ для выдачи пособій изъ процентовъ съ него уѣзднымъ земствамъ на постройку школьныхъ зданій и, кромѣ того, постановило изъ того же запаснаго капитала отчислить въ особый фондъ имени Императора Николая II 200.000 р., проценты съ которыхъ должны идти на учрежденіе новыхъ школъ въ губерніи.

Это первая попытка губернскаго земства помочь уѣзднымъ въ дѣлѣ народнаго образованія имѣла крупныя послѣдствія: ободренныя обѣщанной поддержкой, вятскія уѣздныя земства въ очередную сессію 1895 г. одно за другимъ стали дѣлать постановленія объ открытіи новыхъ школъ; всего въ этомъ году было открыто 151 различныхъ школъ и изъ нихъ 125 нормальныхъ только въ пяти южныхъ уѣздахъ губерніи.

Въ прошлую очередную сессію губернская управа выступила блестящимъ докладомъ по народному образованію, составленнымъ покойнымъ Батуевымъ, въ которомъ проектировалось открытіе въ губерніи 600 новыхъ начальныхъ школъ при пособіи отъ губернскаго земства. Средства для этого управа предлагала слѣдую-

щія: губернскій земскій страховой капиталъ къ этому времени достигъ уже такого размѣра, что страховые платежи безъ всякаго ущерба могли быть понижены почти на половину (на 40%). Поэтому управа предлагала воспользоваться остающимися у населенія сбереженіями (около 180 т. р.) и употребить ихъ на дѣло народнаго образованія, *не прибѣгая, такимъ образомъ, къ новому отягощенію плательщиковъ*. Предложеніе управы о пониженіи страховыхъ платежей было принято, а 11 декабря 1895 г. послѣ двухдневнаго обсужденія принятъ былъ и докладъ управы по народному образованію. По этому докладу собраніемъ было рѣшено ассигновать въ помощь уѣзднымъ земствамъ въ дѣлѣ народнаго образованія на 1896 годъ—40 т. р., а въ 1897 году внести въ смѣту на этотъ предметъ 150 тысячъ руб. и выдавать изъ этой суммы по 250 руб. на каждую вновь открытую школу нормальнаго типа, и кромѣ того было постановлено (такъ какъ губ. управой вычислено, что для осуществленія всеобщаго обученія потребуется 1.147 школъ, изъ которыхъ 600, какъ предполагалось, будутъ открыты уѣздными земствами) ходатайствовать предъ правительствомъ объ открытіи въ Вятской губерніи недостающихъ 547 школъ, на средства казны, а также о разрѣшеніи земству учреждать сообразно съ мѣстными условіями передвижныя школы съ нормальнымъ курсомъ.

По словамъ «Вятскаго Края», это постановленіе составило цѣлую эпоху въ жизни Вятской губ. Въ слѣдующую очередную сессію 1896 г. уѣздными земствами было постановлено открыть всего 308 начальныхъ. Такимъ образомъ, за два послѣдніе года уѣздными земствами было постановлено открыть около 450 школъ, и изъ нихъ открыто уже болѣе 200.

Такимъ образомъ, проектъ Батуева объ открытіи въ Вятской губ. на земскій счетъ 600 начальныхъ училищъ почти уже осуществленъ: болѣе $^3/_4$ намѣченнаго числа школъ назначено къ открытію, а болѣе $^1/_3$ уже открыто. Если земство будетъ продолжать такую же энергичную дѣятельность въ этомъ направленіи, какъ за послѣдніе два года, то пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и Вятская губ. осуществитъ у себя всеобщее ибученіе.

Результаты винной монополіи. Въ провинціальныхъ газетахъ часто попадаются извѣстія о результатахъ, къ которымъ привела въ деревняхъ казенная продажа вина и замѣна прежнихъ кабаковъ казенными винными лавками. Когда винная монополія только вводилась, то многіе интеллигентные люди, и въ частности женщины, устремились на открывающіяся мѣста сидѣльцевъ винныхъ лавокъ, причемъ многіе шли туда съ «идейными цѣлями, разсчитывая принести пользу народу». Но жизнь въ самомъ скоромъ времени разбила эти иллюзіи. Въ газетахъ со всѣхъ концовъ Россіи появляются извѣстія о повальномъ бѣгствѣ интеллигентныхъ сидѣльцевъ. Вотъ, напр., что пишутъ въ «Жизнь и искусство» изъ Заславльскаго уѣзда, Кіевской губ.:

«Акцизное вѣдомство, дѣлая назначенія въ первой половинѣ сего года на должности сидѣльцевъ, выбирало лицъ съ наибольшимъ образовательнымъ цензомъ. Вслѣдствіе этого, сидѣльцами у насъ оказались учителя, урядники, волостные писаря, чиновники разныхъ вѣдомствъ и не малое число женщинъ. Какъ велико число учителей, можно видѣть изъ того, что въ здѣшнемъ учебномъ инспекторскомъ районѣ есть 20 свободныхъ незанятыхъ вакансій на должности народныхъ учителей и ихъ помощниковъ,—вакансій, которыя пока замѣстить некѣмъ. Вслѣдствіе неимѣ-

нія помощниковъ, нѣкоторые учителя народныхъ одноклассныхъ училищъ, будучи не въ силахъ справиться со всѣми группами, съ разрѣшенія г. инспектора, должны были временно распустить 1 группу и прекратить съ нею занятія. Итакъ, при открытіи винной монополіи персоналъ сидѣльцевъ болѣе или менѣе былъ хорошій. Прошло всего три съ половиною мѣсяца, и этотъ хорошій персоналъ, такъ жадно стремившійся занять должности сидѣльцевъ, считавшій, при массѣ кандидатовъ, просто за счатье занять мѣсто, сильно разочарованъ. Отовсюду слышится ропотъ, недовольство и нареканія лучшихъ сидѣльцевъ на свою службу, и замѣчается стремленіе удрать изъ винной монополіи. Если сидѣльцы удираютъ постепенно, исподволь, а не поголовно, то потому, что они, такъ сказать, высматриваютъ себѣ мѣста. Учителя и другія лица, съ болѣе прочнымъ, хотя и плохо вознаграждаемымъ служебнымъ положеніемъ, нынѣ каются и сожалѣютъ о своемъ опрометчивомъ переходѣ въ сидѣльцы. Главная причина такого недовольства и разочарованій сидѣльцевъ: начеты или вычеты изъ жалованья за разбитую посуду, посуду съ пробками внутри и пр. Извѣстны такіе факты: получаетъ сидѣлецъ изъ склада ящикъ съ виномъ; вскрываетъ его, и вдругъ въ немъ не хватаетъ 5, 6 и даже 10 бутылокъ. Бываетъ и такъ: посылаетъ сидѣлецъ въ складъ извѣстное число бутылокъ, а изъ склада получаетъ квитанцію на цифру бутылокъ, гораздо меньшую. Можно предвидѣть, что современемъ въ сидѣльцахъ останутся только полуграмотные крестьяне и солдаты, именно самый нежелательный и даже вредный въ этомъ дѣлѣ элементъ. Особенно увольняются отъ должности сидѣлицъ женщины. Побуждаетъ ихъ къ тому, кромѣ общихъ, какъ у всѣхъ сидѣльцевъ причинъ, сплошь и рядомъ «милое» или, просто говоря, «грубое обращеніе» пьянаго народа, женское безсиліе противъ него и невозможность справиться съ нимъ.

Такія же свѣдѣнія сообщаются въ «Орловскомъ В.» изъ Полтавской губ. По словамъ газеты, главная причина бѣгства сидѣльцевъ изъ казенныхъ винныхъ лавокъ заключается въ трудности самого дѣла: сидѣлецъ долженъ работать круглый годъ, не исключая такихъ праздниковъ, какъ Пасха. Съ ранняго утра до поздняго вечера долженъ онъ торчать въ лавкѣ, не имѣя никогда возможности подышать чистѣмъ воздухомъ или поговорить съ своими знакомыми. Даже болѣть сидѣльцамъ не полагается. Въ случаѣ же своей болѣзни или отсутствія изъ лавки, онъ обязанъ на свой счетъ нанять человѣка, его замѣняющаго. Но кого нанять даже на свой счетъ изъ небольшого жалованья въ незнакомой мѣстности? На обязанности сидѣльца лежитъ разбивка ящиковъ съ водкой и закупорка для отправки въ склады пустыхъ бутылокъ. Это особенно затруднило женщинъ, не обладающихъ достаточной силой для возни съ трехъ-пудовыми ящиками, въ которые задѣлываются водочныя бутылки.

Что касается «идейной» стороны дѣла, то не трудно угадать, что съ этой стороны интеллигентныхъ сидѣльцевъ ожидали еще бóльшія разочарованія.

О результатахъ самой монополіи въ газетахъ часто попадаются отрицательныя свѣдѣнія. Такъ, въ «Недѣлю» пишутъ изъ Екатеринославской губ.: «Воспрещая распивочную продажу въ самой лавкѣ, предполагалось заставить потребителя пить только дома, гдѣ семейная обстановка, отсутствіе соблазнительнаго примѣра и вліянія товарищества должно было бы уменьшить пьянство. Кабакъ былъ клубомъ, куда отправлялись почти во всякое время дня и ночи и гдѣ можно было найти веселыхъ и пріятныхъ

собесѣдниковъ. Уничтожился ли кабакъ съ введеніемъ монополіи?—Нисколько. Обстановка кабака была такъ незатѣйлива, а посѣтители такъ нетребовательны, что ее вполнѣ замѣнила теперь улица: въ городахъ тротуары, скамьи и парадные подъѣзды сосѣднихъ домовъ, въ деревняхъ просто улица и тѣнь забора. Прелести кабака, скрывавшіяся раньше стѣнами, теперь на виду у всѣхъ. Улица съ винной лавкой сдѣлалась открытымъ кабакомъ, по ней нельзя теперь пройти по тротуару, ибо на каждомъ шагу можно услышать брань, увидѣть грязную сцену и даже получить болѣе существенную непріятность. Прежде иной только посмотритъ на кабакъ и пройдетъ мимо, а теперь его еще издали встрѣчаютъ пріятели и полупріятели со шкаликами въ рукахъ; соблазнъ великъ, избѣжать его почти невозможно. Пьетъ и любитель, пьетъ и случайный прохожій, пьютъ безпардонно и много, безъ всякой закуски, обязательно до дна, чтобы сейчасъ же возвратить посуду въ лавку и получить обратно залогъ. Какой характеръ приметъ зимою эта уличная распивочная, когда холодъ и слякоть вступятъ въ свои права, угадать не трудно: къ услугамъ потребителей всегда найдутся помѣщенія, гдѣ за нѣсколько копѣекъ можно будетъ распить бутылку. Такихъ предпріимчивыхъ господъ не занимать. Создалась же цѣлая профессія предложенія гвоздей и штопоровъ для откупориванія бутылокъ. Присосѣдились вблизи лавокъ и пауки, принимающіе въ залогъ и покупающіе всякую рухлядь и вещи сомнительнаго происхожденія. Кабакъ какъ будто расчленился на составныя части: въ одномъ мѣстѣ продаютъ, въ другомъ распиваютъ, въ третьемъ раздѣваютъ и обираютъ. Вліяніе кабака-улицы сказалось. Хроника дѣлается обильнѣе уличными скандалами иногда уголовнаго характера. Екатеринославъ, Маріуполь, Лугаискъ чувствуютъ какъ бы нарожденіе новыхъ нравовъ».

Подобныя же свѣдѣнія приходятъ и изъ Нижегородской губ.: «Волгарь» сообщаетъ, что возлагавшіяся надежды на значительное уменьшеніе народнаго пьянства съ введеніемъ казенной винной монополіи пока еще не оправдываются и крестьяне пьютъ по прежнему, съ той разницей, что пьянствуютъ теперь прямо на улицѣ, и иногда пьющіе до того загромождаютъ дорогу, что въ нѣкоторыхъ селахъ уѣзда трудно бываетъ проѣхать около винной лавки. Большинству крестьянъ казенная водка нравится и они не находятъ ее особенно дорогой для себя, но нѣкоторымъ она кажется не особенно крѣпкой и мало охмеляющей, а потому такіе любители болѣе сильныхъ ощущеній настаиваютъ въ водкѣ листья махорки и пьютъ такой настой съ наслажденіемъ, находя его болѣе крѣпкимъ и быстрѣе охмеляющимъ. Несомнѣнно, что уличное пьянство вноситъ въ деревню страшную деморализацію, особенно печально оно отражается на деревенской дѣтворѣ.

Изъ Пермской губ. пишутъ, что закрытіе кабаковъ породило множество тайныхъ притоновъ, которые пріобрѣтаютъ все бо́льшую и бо́льшую силу. Тамъ, вдобавокъ къ купленной водкѣ, предлагаютъ посѣтителямъ какую-то «хмельную брагу» — суррогатъ водки—и водку «своедѣлку». Угощенный такимъ образомъ посѣтитель выходитъ изъ притона уже совершенно пьянымъ. Производство «своедѣлки» и употребленіе браги поддерживаются дороговизною казенной водки, продаваемой по 8 руб. за ведро, тогда какъ до монополіи торговцы, при всѣхъ своихъ расходахъ и барышѣ, продавали ее по 6 руб. 40 коп. «Своедѣльная» водка совершенствуется, и есть, будто бы, уже такіе мастера, у которыхъ она

выходитъ мало отличающеюся отъ настоящей.

Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей. Только-что организовавшійся въ Петербургѣ «Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей» имѣетъ очень важное общественное значеніе, какъ первая попытка объединенія русскихъ писателей на профессіональной почвѣ. По уставу, членами союза могутъ быть безъ различія направленій всѣ лица, заявившія себя трудами въ области литературы, науки и періодической печати, а также редакторы и сотрудники повременныхъ изданій.

Цѣли союза заключаются въ слѣдующемъ:

а) объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессіональныхъ интересовъ, для установленія постояннаго между ними общенія и храненія добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати; б) посредничество между авторами, сотрудниками періодическихъ изданій и переводчиками, съ одной стороны, издателями и редакторами—съ другой, какъ въ отношеніи спроса и предложенія труда, такъ и для разсмотрѣнія ихъ взаимныхъ недоразумѣній и споровъ, въ случаѣ возникновенія таковыхъ; в) посредничество и разсмотрѣніе личныхъ споровъ и недоразумѣній, возникающихъ въ печати между членами союза, а также между ними и посторонними членами; г) представительство на русскихъ и иностранныхъ съѣздахъ и въ другихъ случаяхъ, когда союзъ признаетъ это нужнымъ, совмѣстно съ русскимъ литературнымъ обществомъ или независимо отъ него; д) ходатайство передъ правительствами и общественными учрежденіями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея отдѣльныхъ представителей; е) ходатайство и посредничество передъ учрежденіями и обществами, вѣдающими помощь писателямъ и ихъ семействамъ, а также содѣйствіе этимъ учрежденіямъ въ видахъ объединенія и развитія ихъ дѣятельности; ж) матеріальную помощь своимъ сочленамъ въ тѣхъ формахъ, которыя будутъ признаны цѣлесообразными. Въ случаѣ прекращенія дѣятельности русскаго литературнаго общества, союзъ можетъ продолжать существовать, какъ самостоятельное общество.

Для достиженія этой цѣли союзу предоставляются:

а) собираться для обсужденія докладовъ и соображеній по предметамъ профессіональнаго интереса, а также для рѣшенія всѣхъ дѣлъ, касающихся союза; б) устраивать бюро справокъ по предмету спроса и предложенія литературнаго труда; в) учреждать кассы пенсіонныя, страхованія и взаимопомощи, санаторіи—пріюты для престарѣлыхъ и хроническихъ больныхъ писателей, потребительныя товарищества и т. п., съ разрѣшенія подлежащей власти; г) выдавать изъ оборотныхъ своихъ средствъ единовременныя пособія и ссуды своимъ членамъ; д) устраивать литературные вечера, концерты и чтенія; е) принимать порученія отъ членовъ общества и органовъ печати по дѣламъ, касающимся ихъ профессіональныхъ интересовъ и ходатайствовать по онымъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ; ж) имѣть судъ чести, дѣйствующій по правиламъ, указаннымъ ниже; з) выпускать въ свѣтъ печатныя изданія и сборники, а также издавать періодическій органъ; и) имѣть свою библіотеку и читальню; і) пріобрѣтать для своихъ надобностей, а также по дареніямъ, завѣщаніямъ, или отчуждать недвижимую собственность для цѣлей общества, к) созывать съ надлежащаго разрѣшенія съѣзды дѣятелей печати; л) принимать мѣры и изыскивать средства къ охраненію могилъ и памят-

никовъ писателей; м) имѣть свою печать.

Эти выписки изъ устава показываютъ, какія широкія задачи ставитъ себѣ возникающій союзъ и какую важную роль онъ можетъ сыграть въ судьбѣ русскихъ писателей, которые теперь образуютъ собою корпорацію съ правильнымъ представительствомъ, подобную тѣмъ, которыя уже давно существуютъ въ Западной Европѣ.

Въ уставѣ говорится далѣе, что для охраненія добрыхъ нравовъ между лицами, занимающимися литературой и журналистикой, устраивается судъ чести.

Его компетенціи подлежатъ дѣла какъ между членами союза, такъ въ случаяхъ, касающихся профессіональной дѣятельности членовъ союза по заявленіямъ частныхъ лицъ, если обѣ стороны обратятся къ нему, или — одна изъ сторонъ откажется отъ третейскаго суда, а другая обратится къ суду чести. Члены суда чести избираются общимъ собраніемъ безъ кандидатскаго списка, обязательнаго для избирателей, но комитетъ можетъ указывать кандидатовъ въ неопредѣленномъ числѣ, для свѣдѣнія общаго собранія. Каждая сторона можетъ отвести не болѣе двухъ членовъ суда чести безъ объясненія причинъ; каждый членъ суда можетъ устранить себя отъ разсмотрѣнія даннаго дѣла. Для дѣйствительности засѣданія достаточно трехъ членовъ. Для каждаго дѣла наличные судьи избираютъ изъ своей среды предсѣдателя присутствія. Судъ чести приглашаетъ для объясненія обѣ стороны. Членъ союза, не явившійся по такому приглашенію безъ достаточныхъ причинъ, считается выбывшимъ изъ союза. Если примиренія сторонъ не состоялось, судъ чести постановляетъ рѣшеніе, которое по желанію одной изъ сторонъ или обѣихъ—можетъ быть опубликовано чрезъ комитетъ, буде этотъ послѣдній не найдетъ къ тому препятствій. Въ случаѣ неприбытія одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, судъ чести, помимо послѣдствій, налагаемыхъ на члена, выслушиваетъ явившуюся сторону, и, разсмотрѣвъ ея доводы и доказательства, высказываетъ свое мнѣніе, которое можетъ быть опубликовано съ соблюденіемъ вышеуказанныхъ условій. Комитетъ можетъ передать на разсмотрѣніе суда чести поступки члена союза, если въ нихъ усматривается противодѣйствіе цѣлямъ союза, плагіатъ, контрафакція, клевета или вообще что-либо противное чести писателя. Если поступокъ члена союза будетъ единогласно признанъ судомъ чести несовмѣстимымъ съ дальнѣйшимъ пребываніемъ члена въ составѣ союза, судъ чести предлагаетъ ему отказаться отъ званія члена, а если такого согласія не послѣдуетъ, доводитъ о томъ до свѣдѣнія комитета, который отмѣчаетъ члена выбывшимъ.

Очень важное значеніе имѣетъ тотъ пунктъ устава, который предоставляетъ союзу право открывать филіальныя отдѣленія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ не менѣе 20 членовъ союза. Этотъ параграфъ указываетъ на возможность привлеченія къ организаціи многочисленныхъ провинціальныхъ работниковъ печати, разбросанныхъ по разнымъ уголкамъ русской земли и нуждающихся въ объединеніи и поддержкѣ не менѣе, чѣмъ ихъ столичные собратія.

Въ настоящее время союзъ уже вполнѣ оргинизовался: состоялись выборы въ комитетъ союза, въ ревизіонную коммиссію и судъ чести.

Тюменская пересыльная тюрьма. Докладъ д-ра Сущинскаго, напечатанный въ «Журналѣ русскаго общества охраненія народнаго здравія» за октябрь 1896 г., рисуетъ намъ ужасное гигіеническое и санитарное со-

стояніе Тюменской тюрьмы, черезъ которую ежегодно проходитъ около 20 тысячъ арестантовъ изъ Россіи.

Само зданіе, говоритъ г. Сущинскій, «находится въ заброшенномъ состояніи; въ теченіе цѣлаго десятилѣтія на него не затрачено и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, чтобы перейти отъ невозможнаго къ терпимому. Тюремный замокъ представляетъ изъ себя большое трехъэтажное каменное зданіе, окруженное каменной стѣной, образующей заднюю сторону камеръ для помѣщенія здоровыхъ арестантовъ. Все же главное зданіе, находящееся въ центрѣ, по преимуществу занято больницей, и только въ верхнемъ этажѣ помѣщается 100—150 подсудимыхъ; вся остальная 1.000 армія гнѣздится въ боковыхъ камерахъ, пристроенныхъ къ стѣнѣ. Такимъ образомъ, тюменская тюрьма представляетъ изъ себя больницу большихъ размѣровъ, занимающую все центральное зданіе; въ видѣ придатка къ этой больницѣ имѣются камеры; въ каждую изъ нихъ вмѣсто 10 чел. помѣщается 100, такъ что ночью люди не могутъ иногда лечь на полъ и должны или стоять вплотную другъ къ другу, или присѣсть, какъ они называютъ, «на прикукорки». Вентиляція при закрытыхъ окнахъ идетъ совершенно слабо черезъ круглое отверстіе въ стѣнѣ, которое никогда не закрывается. Даже лѣтомъ, когда рамы совершенно убираются вонъ, воздухъ до того бываетъ спертъ и удушливъ, что арестанты обливаются потомъ и ждутъ съ нетерпѣніемъ утра, когда ихъ выпустятъ на дворъ для прогулокъ. Хотя по уставу арестантовъ выпускать на цѣлый день запрещено, по закону они должны быть постоянно размѣщены по камерамъ и по роду преступленій, но это не исполняется, потому что если бы при такихъ условіяхъ держать арестантовъ въ камерахъ день и ночь, то никакой сильный организмъ не выдержалъ бы такой пытки. Деревянное зданіе, въ которомъ находится женское отдѣленіе тюрьмы, еще болѣе ветхо и очень близко къ разрушенія. Но самую ужасную картину представляетъ собою тюремный карцеръ: этотъ абсолютно темный карцеръ, сырой, въ подвальномъ этажѣ, находится недалеко отъ выгребной ямы, имѣющей двѣ-три куб. саж. воздуха. Послѣ закрытія тяжелой двери онъ представляетъ изъ себя едва-ли не герметически замкнутый каменный ящикъ. Сюда сажали иногда и по 7 человѣкъ. Смотритель своею властью можетъ посадить арестанта на недѣлю, причемъ дается только черный хлѣбъ и вода и не даютъ даже камышеваго таппа. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ этой камерѣ для вентиляціи сдѣлано было отверстіе, въ которое едва можно просунуть кулакъ. Подобная камера въ теченіе 7 дней можетъ сильно подорвать даже здоровый организмъ. Не мудрено поэтому, что арестанты, сидя въ такомъ карцерѣ, разъярялись до того, что вытаскивали кирпичи изъ стѣнъ и бросали ихъ въ приходящихъ провѣдать. Очень часто приходилось видѣть арестантовъ на колѣняхъ, что у нихъ далеко не въ обычаѣ.

Къ этому присоединяется еще недостатокъ воды въ тюремныхъ колодцахъ, благодаря чему арестантамъ иногда приходится по цѣлымъ днямъ сидѣть безъ воды, не говоря уже о томъ, что стирка бѣлья и мытье въ банѣ всегда сопряжено съ большими затрудненіями.

По мнѣнію д-ра Сущинскаго, одной изъ главныхъ причинъ такого неблагопріятнаго положенія тюрьмы является недостаточность денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе ея. Всего въ годъ на содержаніе тюменской тюрьмы отпускается отъ 50 до 60 тысячъ, изъ нихъ $^1/_3$ ассигнуется на больныхъ. А если къ тому же, какъ оказывается, изъ этой суммы мѣстное попечительное о тюрь-

махъ отдѣленіе еще ухитряется сдѣлать экономію, и въ теченіе десяти лѣтъ эта экономія достигла почтенной цифры 70 т. рублей, то намъ станетъ понятнымъ источникъ этихъ неблагопріятныхъ условій «Кромѣ того,—говоритъ Сущинскій,—экономія нагонялась еще слѣдующимъ образомъ: на каждаго арестанта приходилось ежедневно хлѣба по $2^1/_2$ ф., который цѣлыми ковригами передавался въ руки старостъ отдѣльныхъ камеръ, а послѣдніе уже раздѣляли его арестантамъ, имѣвшимъ право продавать остатки. Покупателемъ въ данномъ случаѣ оказывалось попечительство о тюрьмахъ, платившее за пудъ остаточнаго хлѣба 20 к., съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день отпустить его тѣмъ же арестантамъ снова. Результатомъ подобной операціи явилась сумма въ 19.000 р., накопленная въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такой барышъ не могъ не отразиться на питаніи арестантовъ. Плохое помѣщеніе и питаніе арестантовъ отражаются на заболѣваемости и смертности ихъ. Тюменская тюрьма, служащая однимъ изъ главныхъ этаповъ для ссыльныхъ, принимаетъ въ свои стѣны ежегодно, за 1888—1892 гг., отъ 17 до 30 т. арестантовъ. Скученность ихъ во время усиленнаго передвиженія лѣтомъ «роковымъ» образомъ даетъ себя знать черезъ извѣстный промежутокъ времени увеличеніемъ заболѣваемости.

«Обратившись къ цифровымъ даннымъ,—говоритъ г. Сущинскій,—получимъ слѣдующее. Въ первые три года разсматриваемаго періода (1888—1890) прошло черезъ тюменскую тюрьму всего 57.080 чел., изъ нихъ было на излѣченіи въ больницѣ 3.293. т. е. 5,4%, и умерло 518, т. е. 0,9%; въ послѣдніе же два года, когда прошло всего 37.733 ч., было на излѣченіи въ больницѣ, помимо холерныхъ больныхъ, 3.559, т. е. 10%, и умерло, помимо холерныхъ, 663, т. е. 1,9%, Другими словами, во второй изъ разсматриваемыхъ періодовъ заболѣваемость и смертность увеличились въ два раза».

Отклики переписи. Въ газетахъ появляются интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ производилась перепись въ разныхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи.

Вотъ, напр., какую картинку переписи въ деревнѣ даетъ одинъ изъ счетчиковъ въ «Смол. Вѣстн.»: «Передъ нами покосившаяся хата съ подслѣповатыми и заткнутыми тряпками окнами. Дверь въ сѣни завалена изнутри, и мы съ сельскимъ старостой долго стучались, пока намъ отперла грязная баба съ подоткнутымъ подоломъ. Въ темныхъ сѣняхъ мы ощупываемъ небольшую дверь въ хату и, сильно наклонившись, чтобы не получить ударъ о низкую притолку, входимъ въ помѣщеніе, гдѣ зимой обитаютъ вмѣстѣ люди, куры, и свиньи, и телята, и ягняты, и которое именуется въ переписныхъ бланкахъ «жилое помѣщеніе». Темнота въ хатѣ непроглядная, заткнутыя тряпицами окна мало пропускаютъ свѣту въ жилище, занятое многочисленными и разнообразными обитателями. Я, оглядѣвшись, замѣчаю въ одномъ углу столъ, гдѣ и раскладываю свои канцелярскія принадлежности. При этомъ не могу обойти молчаніемъ одно небольшое обстоятельство, сильно выводившее изъ терпѣнія счетчиковъ. Дѣло въ томъ, что счетчикамъ были розданы казенныя металлическія чернильницы, которыя такъ были плохо сдѣланы, что послѣ перваго же употребленія никуда не годились, пружина ослаблялась, крышка не закрывалась и чернила проливались въ карманъ счетчика. Придешь, напр., въ избу, разложишь бланки и полѣзешь въ карманъ за чернильницей, а тамъ и нѣтъ ничего, только мокро въ карманѣ. Хорошо,

если у кого въ деревнѣ есть чернила, а то сиди и ожидай, пока посланный привезетъ. И вотъ, извѣрившись въ пригодности казенныхъ чернильницъ, я оставилъ чернильницу дома на память и сталъ брать съ собой пузырекъ съ чернилами. Однако, я немного уклонился отъ нити своихъ записокъ. Продолжаю далѣе. Приготовивши все нужное, я приступаю къ опросу, причемъ въ это время съ печи слѣзаетъ всклоченный хозяинъ, обдергиваетъ рубаху, откидываетъ рукой нависшіе надъ лбомъ волоса и начинаетъ отвѣчать на мои вопросы. Нѣсколько бѣлоголовыхъ и черномазыхъ дѣтишекъ въ это время прытко удираютъ на печку въ задній уголъ и оттуда съ удивленіемъ и любопытствомъ выглядываютъ на незнакомыхъ посѣтителей. Должно быть, нашъ приходъ встревожилъ и прочихъ обитателей «жилого помѣщенія», потому что, какъ только я приступилъ къ записи отвѣтовъ хозяина, изъ одного угла съ кудахтаньемъ взлетѣла курица и прямо ко мнѣ на столъ. Однако, хозяйка успѣла схватить ее за хвостъ и отправить подъ печь. Въ это время въ одной закутѣ, поближе къ печи, неистово замычалъ новорожденный теленокъ, а въ другой, поближе къ порогу, захрюкалъ поросенокъ. Хозяйка подошла къ закутѣ, стукнула ногой о доски, и встревоженныя животныя замолкли. Наконецъ, водворилась тишина, и я продолжаю опросъ. — Гдѣ родилась твоя жена? спрашиваю у хозяина. — Она родилась не здѣсь,—отвѣчаетъ тотъ,—а кажись въ селѣ Молодня N—скаго уѣзда. Я выражаю сомнѣніе и говорю, что въ N—скомъ уѣздѣ нѣтъ такого села. Хозяинъ зоветъ жену и они вмѣстѣ начинаютъ припоминать названіе села, наконецъ, послѣ долгихъ усилій, вспомнили; оказалось, село Желодня, откуда хозяйка была выдана замужъ еще при крѣпостномъ правѣ. Я записалъ всю семью, оказалось восемь душъ: хозяинъ съ хозяйкой, сынъ съ женой и четверо внучатъ. Передъ уходомъ, къ столу приближается хозяйка съ печалью на лицѣ и говоритъ: «вотъ, родименькій, надо же было этому времю такому горю случиться, у насъ недавно двое внуковъ померли, если бы были живы, то вотъ и записали бы ихъ, глядишь, и на ихъ долю земельки бы дали».—«Да что ты, бабушка,—говорю я,—это совсѣмъ не для земельки пишутъ, а для того, чтобы вѣрнѣе узнать, сколько всего народу въ нашемъ государствѣ». Баба со вздохомъ отходитъ отъ меня и произноситъ: «вотъ для чего, а мы думали для земельки». Въ нѣкоторыхъ дворахъ спрашивали: «это вѣрно переписываютъ для того, чтобы лишній народъ переселить въ Мамуръ (Амуръ); тамъ, слышно, земли много свободной». Однимъ словомъ, въ каждой почти хатѣ больное мѣсто—«земельки». Особенно поражала безграмотность населенія. Напримѣръ, въ четырехъ деревняхъ съ населеніемъ свыше 500 человѣкъ оказалось грамотныхъ всего только 20 человѣкъ, изъ коихъ могли писать свое имя только десять. Въ нѣкоторыхъ дворахъ встрѣчаются большія неподѣленныя семьи въ 20 и болѣе душъ, гдѣ глава семьи всегда 70-лѣтній старикъ-отецъ. Атмосфера въ хатахъ удушливая, съ испареніемъ отъ находящихся тамъ животныхъ, такъ что къ концу обхода деревни буквально одурѣваешь отъ непривычнаго воздуха».

Корреспондентъ «Недѣли» изъ Новоторжскаго уѣзда сообщаетъ о различныхъ недоразумѣніяхъ, вызванныхъ въ деревнѣ переписью. Для ознакомленія съ переписью во всѣ приходы были разосланы печатные листки, которые были прочитаны лѣтомъ въ церквахъ, и тѣмъ дѣло и кончилось. Мужчины въ это время были по большей части на отхожихъ

промыслахъ, въ деревняхъ остались бабы, которыя поняли только то, что «народъ будутъ переписывать». Крестьяне такъ до послѣдняго дня и не знали, зачѣмъ ихъ будутъ переписывать. По словамъ корреспондента «Недѣли», пессимисты полагали, что «должно податей надбавятъ», а оптимисты мечтали о томъ, что отберутъ землю у помѣщиковъ и подѣлятъ ее между крестьянами. Но въ общемъ крестьяне отнеслись къ переписи спокойно и довѣрчиво, охотно давали всѣ свѣдѣнія, и никакихъ «особыхъ» толковъ она не возбудила. Судя по настроенію массы, ожиданіе отъ переписи перемѣны къ лучшему—преобладаетъ.

Сельскіе счетчики вербовались здѣсь преимущественно изъ духовенства и учителей народныхъ училищъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ сосѣдняго Старицкаго уѣзда занятія, вслѣдствіе отвлеченія учителей переписью, пріостановлены были до 1-го февраля, и ученикамъ на это время розданы работы на домъ. При распредѣленіи участковъ между счетчиками руководствовались, главнымъ образомъ, количествомъ душъ. Но такъ какъ выравнять участки, безъ раздѣленія нѣкоторыхъ деревень на части, не представилось возможности, то они вышли очень разнокалиберными, въ особенности по числу селеній и по занимаемому ими району. Въ иномъ участкѣ 5 селеній съ 3½ тысячами душъ отстоятъ другъ отъ друга не далѣе 1—1½ верстъ; въ другомъ 3 тысячи душъ находятся въ 9 селеніяхъ, занимающихъ большую площадь, а въ иномъ—13 селеній съ 2½ тысячами душъ раскинуты на 45—50 квадратныхъ верстахъ. Вслѣдствіе недостатка въ счетчикахъ и нѣсколько неумѣлаго ихъ распредѣленія, нѣкоторымъ приходилось вести перепись не въ своей, а въ сосѣдней волости и дѣлать въ виду этого верстъ по 20 въ одинъ конецъ. Характерно, что большинство счетчиковъ предпочло работать «за медаль», отказавшись отъ платы. Мѣняла плату на медаль нетолько холостежь изъ счетчиковъ, но и люди совсѣмъ небогатые, обремененные, къ тому же, большими семьями. Вотъ что значитъ медаль въ деревнѣ!

Ознакомленіе счетчиковъ съ предстоящимъ имъ дѣломъ началось здѣсь довольно поздно, и потому, какъ только дѣло коснулось самой переписи, сразу возникли, конечно, и недоразумѣнія. Самая большая путаница происходила при отмѣткахъ мѣстожительства и главнаго занятія переписываемыхъ лицъ. Напримѣръ: крестьянинъ, глава средней семьи, состоящей исключительно изъ женщинъ, изъ года въ годъ проводитъ въ Петербургѣ около 11 мѣсяцевъ, занимаясь тамъ подбойнымъ ремесломъ (нецеховый сапожникъ). Ремесло даетъ ему и его семьѣ главныя средства къ существованію, а хозяйство, ведущееся женщинами, служитъ лишь подспорьемъ и имъ однимъ семья никоимъ образомъ не могла бы просуществовать. Домой нашъ крестьянинъ пріѣзжаетъ лишь на 1—1½ зимнихъ мѣсяца, и всѣ его работы по хозяйству въ это время ограничиваются, самое большее, уборкой скота. Гдѣ же живетъ этотъ крестьянинъ? Въ соотвѣтствующей этому вопросу графѣ переписного листа одни счетчики записываютъ его живущимъ дома, въ деревнѣ, а въ слѣдующей графѣ, гдѣ дѣлаются отмѣтки «объ отсутствіи, отлучкѣ и временномъ здѣсь пребываніи», отмѣчаютъ его временно отлучившимся въ Петербургъ. Другіе же, наоборотъ, пишутъ, что онъ живетъ въ Петербургѣ, что онъ здѣсь отсутствуетъ, а если онъ вернулся, то отмѣчаютъ его какъ временно сюда прибывшаго. Относительно главнаго занятія, несмотря на то, что и въ инструкціи, и въ соотвѣтствующей графѣ переписного листа ясно сказано, что главнымъ занятіемъ считается то, которое даетъ главныя средства къ существованію,—

то же самое. Одни пишутъ, что онъ земледѣлецъ и лишь побочно занимается сапожнымъ ремесломъ, другіе — что онъ сапожникъ, а земледѣліе — лишь вспомогательное его занятіе. Такая путаница въ опредѣленіи главнаго занятія происходила потому, что занятіе это отмѣчалось счетчиками, въ большинствѣ случаевъ, не со словъ самихъ переписываемыхъ, какъ того требуетъ инструкція, а по личному своему усмотрѣнію. Положимъ, отъ иного мужика и трудно добиться положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но все же дѣло это было не невозможное. Что касается мѣстожительства, то тутъ все осталось большею частью такъ, какъ записали счетчики; но относительно опредѣленія занятій крестьянъ, здѣсь обнаружилась тенденція къ выставленію земледѣлія, какъ главнаго средства къ существованію, и тѣ счетчики, которые отмѣтили земледѣліе, какъ вспомогательное занятіе (хотя во многихъ случаяхъ вродѣ выше приведеннаго, они были вполнѣ правы), вынуждены были исправить свои «ошибки». Были и другія отступленія отъ инструкціи. Напр., многіе счетчики при заполненіи листовъ не обходили хозяйства по-дворно, а созывали по нѣсколько хозяевъ, а иногда и всю деревню, въ одну избу. Въ этихъ случаяхъ пропуски работниковъ, квартирантовъ, младенцевъ и призрѣваемыхъ — неизбѣжны. Отступленія эти объяснились слишкомъ снѣжной погодой. Какое значеніе будутъ имѣть такія «мелкія прегрѣшенія», теперь, конечно, нельзя судить, но избѣжать ихъ было трудно.

Результаты переписи выяснятся въ будущемъ; пока же они, приблизительно, извѣстны только относительно Петербурга, о населеніи котораго «Торг.-Пром. Газета» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія.

Какъ оказывается въ 19 переписныхъ участкахъ столицы получилась цифра населенія С.-Петербурга на 92,5 тысячи болѣе цифры переписи 1890 г. Самое значительное увеличеніе населенія зарегистрировано въ Александро-Невской части, гдѣ, какъ извѣстно, населеніе почти исключительно рабочее и фабрично-заводское. Увеличеніе численности населенія всей части достигнетъ цифры 26 тысячъ жителей обоего пола, по сравненію съ цифрами переписи 1890 г. Измѣненіе численности населенія 3-го участка Александро-Невской части въ періодъ съ 1869 по 1897 годъ было таково:

Въ 1869 году	14,0	тыс.
» 1881 »	24,5	»
» 1890 »	30,8	»
» 1897 »	44,0	»

Въ 28 лѣтъ увеличеніе населенія составляетъ 30 тысячъ душъ обоего пола; ежегодное увеличеніе численности достигаетъ около 1,1 т. д. обоего пола.

Памяти Н. А. Милютина. 26 го января исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей «эпохи великихъ реформъ», Николая Алексѣевича Милютина. Сообщимъ нѣкоторыя біографическія данныя о немъ, пользуясь статьей г. Якушкина въ «Русск. Вѣд.». Н. А. Милютинъ родился 6-го іюня 1818 г. Родители его жили въ Москвѣ. Они отдали сына учиться въ благородный пансіонъ при московскомъ университетѣ, гдѣ онъ и оставался до семнадцати лѣтъ, когда судьба неожиданно прервала его ученіе и кинула юношу въ жизнь. Такимъ образомъ, Милютинъ не попалъ въ студенты московскаго университета и не испыталъ на себѣ непосредственнаго воздѣйствія этого научнаго учрежденія, не испыталъ вліянія университетскихъ кружковъ тридцатыхъ годовъ. Мать Милютина была родной сестрой извѣстнаго министра П. Д. Киселева, бывшаго главнымъ представителемъ идеи освобожденія

крестьянъ въ эпоху императора Николая I. Киселевъ имѣлъ большое вліяніе на своего племянника. Вообще, вся семейная обстановка съ раннихъ лѣтъ выработала въ молодомъ Милютинѣ отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву: родители его были люди гуманные и просвѣщенные, и, воспитывая сына старались привить ему такіе же взгляды.

Когда Н. А. Милютину было всего 17 лѣтъ, семья его очутилась въ очень затруднительномъ имущественномъ положеніи; молодому человѣку пришлось бросить ученіе и искать въ службѣ средствъ къ жизни и для себя, и даже для поддержки отца: онъ оставилъ Москву и свой учебный курсъ и поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. При своемъ твердомъ характерѣ, юный Милютинъ выдержалъ неожиданную перемѣну въ судьбѣ и, благодаря своимъ выдающимся способностямъ и строгому отношенію къ обязанностямъ службы, скоро выдвинулся въ министерствѣ. Онъ поступилъ на службу въ 1835 г., а въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ уже обратилъ своими работами на себя вниманіе министра. Въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ управлялъ гр. А. Г. Строгановъ, который потомъ, черезъ двадцать лѣтъ, съ удовольствіемъ напоминалъ Николаю Алексѣевичу, какъ онъ первый открылъ его. Дѣло было такъ: министръ былъ пораженъ основательностью представленнаго ему доклада по продовольственному вопросу. Онъ пожелалъ узнать, кто авторъ доклада. Авторомъ оказался Милютинъ, почти только-что достигшій тогда совершеннолѣтія. Графъ Строгановъ не хотѣлъ почти вѣрить этому, когда ему представили юнаго автора записки, и для того, чтобы испытать дѣйствительныя способности Милютина, онъ поручилъ ему тутъ же въ министерскомъ кабинетѣ составить краткую записку по поводу первыхъ проектовъ желѣзныхъ дорогъ. Милютинъ блистательно выдержалъ это испытаніе, его записка чрезвычайно понравилась министру, который и сталъ поручать своему юному чиновнику отвѣтственныя работы. Служебная репутація Милютина росла. При преемникѣ графа Строганова, министрѣ Перовскомъ, онъ былъ назначенъ завѣдывать городскимъ отдѣленіемъ, которое только что было учреждено въ 1842 г. въ составѣ хозяйственнаго департамента. Здѣсь на Милютина было возложено важное и отвѣтственное дѣло: при его ближайшемъ участіи и подъ его руководствомъ было выработано новое городовое положеніе, обнародованное въ 1846 г. и введенное сначала въ Петербургѣ, затѣмъ въ Москвѣ и въ Одессѣ. При разработкѣ Милютинымъ городоваго положенія важно было и то, что онъ положилъ въ основу своего труда обстоятельное статистическое изслѣдованіе. Вообще Милютинымъ было сдѣлано очень много для развитія у насъ статистики, которую онъ считалъ первою основой для правительственныхъ мѣропріятій. Онъ много работалъ въ новоучрежденномъ географическомъ обществѣ, гдѣ Владиміръ Милютинъ, младшій братъ его, былъ тогда секретаремъ.

Мечта объ освобожденіи крестьянъ не покидала Милютина съ юныхъ лѣтъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ онъ ѣздилъ въ южныя губерніи для ревизіи государственныхъ имуществъ и крестьянъ. Эта поѣздка познакомила Н. А. съ жизнью народа и научила его пріемамъ для ея изученія. Позднѣе, въ редакціонной коммиссіи, онъ ссылался на свои наблюденія во время этой поѣздки. По своей службѣ въ хозяйственномъ департаментѣ онъ, между прочимъ, имѣлъ отношеніе къ дѣламъ по злоупотребленію помѣщичьей властью, причемъ все вліяніе молодаго чиновника было направлено къ тому, чтобы эти дѣла получали

должное направленіе, строго разслѣдовались и заключались соотвѣтствующими мѣрами. Н. А. уже стоялъ близко къ дѣлу, когда на его глазахъ были учреждены въ 1846 и въ 1848 гг. секретные комитеты по крестьянскому дѣлу; работы этихъ комитетовъ не привели ни къ чему, и тогда-то у Милютина зародилась плодотворная мысль о необходимости возможной гласности при разработкѣ такого дѣла, какъ освобожденіе крестьянъ.

Н. А. Милютинъ вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ, вмѣстѣ со всей Россіей тягостно пережилъ тяжелый урокъ крымской войны. Милютинъ писалъ въ мартѣ 1856 г. гр. А. Г. Строганову, тогда новороссійскому генералъ-губернатору: «Сердце истекаетъ кровью, когда читаешь ваши депеши. Могу сказать, что это всеобщее впечатлѣніе, но все, что мы можемъ сдѣлать здѣсь, будетъ мало полезно странѣ, пока она отдана во власть безконтрольнымъ военнымъ порядкамъ во вкусѣ Валленштейна». Но пережитая тяжелая година вывела Россію на тотъ путь преобразованій, на которомъ такъ славно послужилъ ей Милютинъ.

Въ первые годы новаго царствованія Милютинъ быстро выдвинулся передъ своими работами въ коммиссіяхъ по крестьянскому вопросу. По самому существу положенія всѣ мѣры и распоряженія въ этой области шли черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, и въ нихъ принималъ свое участіе и Милютинъ. Между прочимъ, подъ его вліяніемъ министръ Ланской быстро разослалъ циркулярно по всей Россіи первый рескриптъ по крестьянскому дѣлу на имя генералъ-губернатора Назимова. Милютинъ провелъ здѣсь тотъ принципъ гласности, который онъ на основаніи предшествующаго опыта призналъ необходимымъ для правильнаго хода крестьянскаго дѣла и который онъ и потомъ примѣнялъ во время всѣхъ подготовительныхъ работъ по уничтоженію крѣпостнаго права. Между прочимъ, подъ руководствомъ и при участіи Милютина были составлены очень важные для работъ по крестьянскому вопросу статистическіе сборники.

Милютинъ постоянно занимался крестьянскимъ вопросомъ и помимо своихъ служебныхъ обязанностей. Онъ изучалъ его и готовился къ предстоящей работѣ. Между прочимъ, онъ составлялъ записки по этому вопросу для Великой Княгини Елены Павловны, не только теоретически разрабатывая его, но и давая ему практическое обоснованіе: когда Великая Княгиня пожелала составить проектъ освобожденія крестьянъ въ своемъ полтавскомъ имѣніи, Милютинъ указалъ, какъ на первый шагъ для правильной постановки дѣла,— на образованіе особаго комитета изъ мѣстныхъ помѣщиковъ для выработки необходимыхъ данныхъ. Это былъ, можно сказать, прототипъ будущихъ губернскихъ комитетовъ.

Подъ скромнымъ названіемъ редакціонная коммиссія совершила главную работу по подготовкѣ великой реформы, совершила ее въ короткій срокъ, съ большимъ успѣхомъ, при сильномъ противодѣйствіи очень разнообразныхъ и вліятельныхъ элементовъ. Редакціонная коммиссія явилась центральнымъ звеномъ среди учрежденій, подготовлявшихъ проектъ новаго положенія. Съ одной стороны были губернскіе комитеты, съ другой— главный комитетъ по крестьянскому дѣлу съ своей коммиссіей; какъ губернскіе комитеты, по всему направленію своихъ работъ, особенно если брать мнѣнія, выработанныя большинствомъ членовъ, а часто также и мнѣнія меньшинства, были враждебны реформѣ, такъ не меньше враждебно ей было и большинство членовъ главнаго комитета. Если представить себѣ

что главный комитетъ при такомъ своемъ направленіи разработалъ бы въ своей коммиссіи, т.-е. собственно въ своей канцеляріи, проекты губернскихъ комитетовъ, то нельзя сомнѣваться, что составленный такимъ образомъ общій проектъ былъ бы очень неблагопріятенъ для крестьянъ. Если бы такой неблагопріятный проектъ новаго положенія поступилъ въ государственный совѣтъ, гдѣ опять-таки было большинство за помѣщичьи интересы, то вся реформа получила бы крѣпостническое направленіе. Благопріятнымъ направленіемъ реформы Россія и была обязана трудамъ редакціонной коммиссіи, а въ этой послѣдней главнѣйшимъ, опредѣляющимъ дѣятелемъ былъ именно Милютинъ.

Вліяніе и значеніе Милютина въ редакціонной коммиссіи очень хорошо охарактеризовано словами Ростовцева, который въ одномъ засѣданіи, обращаясь къ Николаю Алексѣевичу, сказалъ: «Вы у насъ, какъ нимфа Эгерія»... Дѣйствительно, Милютинъ былъ вдохновителемъ редакціонной коммиссіи, онъ давалъ главное направленіе всѣмъ ея работамъ, онъ бралъ въ ней на себя выясненіе и рѣшительное проведеніе основныхъ положеній будущаго устройства освобождаемыхъ крестьянъ.

Якушкинъ напоминаетъ читателямъ стихотвореніе Некрасова «Кузнецъ», написанное имъ по случаю смерти Милютина и посвященное его памяти:

Ты въ мірѣ не гремѣлъ побѣдными громами,
Но подвиги твои славнѣе всѣхъ побѣдъ.
Великій труженикъ, ты скромно между нами
Прошелъ, но по себѣ оставилъ вѣчный слѣдъ.
И славный этотъ слѣдъ изъ памяти народной
Ни время, ни вражда, ни зависть не сотретъ,
И голосъ согражданъ, правдивый и свободный,
Надъ многими тебя высоко вознесетъ.
Врачуя старыя отечества невзгоды,
Какъ доблестный боецъ за родину свою,
Подъ знаменемъ ея единства и свободы
Ты бился до конца—и палъ въ святомъ бою...

За границей.

Картинки англійской жизни. Въ этомъ году Англія собирается праздновать «брилліантовый политическій юбилей» своей королевы, шестидесятилѣтнюю годовщину ея царствованія. Это еще первый случай столь долгаго царствованія, и англичане собираются отпраздновать его достойнымъ образомъ. Придворный поэтъ лауреатъ Аустинъ уже изготовилъ, какъ сообщаютъ англійскія газеты, длиннѣйшую оду, въ которой онъ дѣлаетъ обзоръ всего царствованія и разсказываетъ выдающіяся событія, преимущественно внутренней жизни государства. Однимъ изъ такихъ выдающихся событій, безспорно, слѣдуетъ считать принятіе палатою общинъ билля о допущеніи женщинъ къ парламентскимъ выборамъ, тѣмъ болѣе, что вотированіе этого билля какъ разъ совпадаетъ съ юбилеемъ королевы.

Надо отдать справедливость англичанамъ, что какъ во многомъ другомъ, такъ и въ отношеніи женскаго вопроса, они опередили не только Европу, но и Америку, и съумѣли отрѣшиться отъ всякихъ сентиментальныхъ воззрѣній на женщину, подъ которыми, въ сущности, скрывается только глубокое къ ней презрѣніе, сразу поставивъ вопросъ на практическую почву. Отвлеченныя разсужденія о правахъ женщинъ отодвигаются ими на задній планъ и вопросъ разсматривается съ точки зрѣнія правъ личности, платящей налоги. Каждый собственникъ, уплачивающій

налоги, имѣетъ право контролировать ихъ употребленіе. Поставленный такимъ образомъ вопросъ заставляетъ признать и за женщиною точно такое же право, если только она удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ правоспособности, которыя законъ предъявляетъ мужчинѣ. Въ этомъ смыслѣ и былъ редактированъ билль о допущеніи женщинъ къ парламентскимъ выборамъ, внесенный депутатомъ Беггомъ. Депутатъ заявилъ при внесеніи своего билля, что онъ желалъ бы, чтобъ палата высказалась въ принципѣ въ пользу распространенія избирательнаго права на женщинъ. «По дѣйствующимъ нынѣ избирательнымъ законамъ, — прибавилъ депутатъ,— мы не допускаемъ къ парламентскимъ выборамъ несовершеннолѣтнихъ, сумасшедшихъ, нищихъ, живущихъ на счетъ общественной благотворительности, преступниковъ и... женщинъ! Подумайте только, къ какой категоріи мы причисляемъ даже всѣхъ интеллигентныхъ женщинъ, въ то время, какъ къ выборамъ допускаются даже совершенно безграмотные мужчины!»

Эти слова депутата были покрыты дружными рукоплесканіями, что прямо уже указывало на то, что большинство палаты общинъ было расположено въ пользу билля. Депутатъ напомнилъ, что въ Новой Зеландіи женщины уже участвуютъ въ выборахъ и что опытъ этотъ оказался вполнѣ удачнымъ. На это палата также отвѣчала рукоплесканіями. Билль прошелъ большинствомъ 228 голосовъ противъ 157, но, тѣмъ не менѣе, онъ возбудилъ очень горячія пренія. На первый взглядъ можетъ показаться нѣсколько страннымъ, что именно прогрессивныя англійскія партіи высказались противъ билля, дарующаго женщинамъ избирательныя права. Дѣло въ томъ, что эти партіи совершенно основательно опасаются усиленія консервативнаго элемента на выборахъ вслѣдствіе допущенія женщинъ. Съ этой точки зрѣнія билль дѣйствительно нельзя разсматривать какъ прогрессивную мѣру и, быть можетъ, онъ непосредственно отразится несовсѣмъ выгоднымъ образомъ на парламентской жизни въ Англіи, т. е. въ парламентѣ усилится консервативная партія и, слѣдовательно, прогрессивныя мѣропріятія: ирландскій билль, отдѣленіе церкви отъ государства и др., не будутъ имѣть шансовъ на успѣхъ. Знаменитая консервативная женская ассоціація «Primrose League», насчитывающая нѣсколько сотъ тысячъ членовъ, конечно, возьметъ верхъ на выборахъ, благодаря своей численности, вліянію и богатству своихъ членовъ. Либеральной ассоціаціи женщинъ (Women's Liberal Association), менѣе многочисленной, трудно будетъ съ нею бороться. Естественно поэтому, что англійскіе либералы и радикалы всполошились въ виду такого угрожающаго имъ усиленія консервативной партіи и всѣ возстали противъ билля, принятіе котораго, по ихъ мнѣнію, поведетъ къ реакціонной политикѣ. Но если не смотрѣть такъ узко на вопросъ, то, надо привѣтствовать этотъ актъ, какъ очень важный въ исторіи женскаго движенія. Англія можетъ служить лучшимъ примѣромъ того, что безпрепятственный и нормальный ходъ прогресса общественной жизни гарантируетъ отъ всякихъ потрясеній и насильственныхъ переворотовъ. Правильно развиваясь, общество идетъ впередъ, и такъ какъ его стремленія къ новому и лучшему получаютъ вполнѣ законное удовлетвореніе, то совершенно естественно, что никому въ Англіи не приходитъ въ голову добиваться насильственнымъ путемъ того, чего можно достигнуть путемъ совершенно законной мирной эволюціи.

Именно такимъ путемъ развивались въ Англіи всѣ либеральныя учрежденія; такимъ путемъ развивалось и женское движеніе, побѣда котораго, вслѣдствіе вышеуказанныхъ

политическихъ условій, является побѣдою консервативнаго элемента. Но такъ какъ женщина очень быстро прогрессируетъ въ Англіи, то весьма возможно, что опасенія либеральной партіи окажутся неосновательными и женщины не задержатъ нормальнаго развитія общественнаго прогресса. Во всякомъ случаѣ, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, для будущаго, вотированіе билля о правахъ женщины является очень важнымъ событіемъ, достойно завершающимъ конецъ девятнадцатаго вѣка.

Аргументы, выставленные противниками билля въ палатѣ общинъ, сводятся къ двумъ пунктамъ: 1) что женщинъ въ Англіи больше, чѣмъ мужчинъ, и, слѣдовательно, билль дастъ имъ перевѣсъ надъ мужчинами, и 2) что большинство женщинъ вовсе не стремится быть избирательницами. Оба аргумента, какъ видите, недостаточно сильны и не могли имѣть серьезнаго значенія. Одинъ изъ депутатовъ справедливо замѣтилъ Гаркуру, лидеру парламентской оппозиціи, — высказавшему опасеніе, что правительство Англіи очутится въ рукахъ женщинъ въ виду ихъ численнаго перевѣса надъ мужчинами, — что подобные же аргументы приводились нѣкогда и противъ предоставленія рабочимъ избирательныхъ правъ. Въ данномъ случаѣ опасенія, что большинство подчинитъ себѣ меньшинство, окажутся столь же неосновательными. Другой депутатъ болѣе откровенно и прямо заявилъ, что вотировать билль не слѣдуетъ, потому что онъ никому не нуженъ, а если бы даже и былъ нуженъ, то все же его не слѣдуетъ проводить, такъ какъ навѣрное большинство депутатовъ, поддерживающихъ билль, дѣлаютъ это скрѣпя сердце, лишь изъ желанія угодить своимъ знакомымъ и родственницамъ.

Гораздо болѣе горячую и рѣзкую рѣчь сказалъ радикальный депутатъ Лабушеръ противъ билля, но и она также вертѣлась около двухъ вышеуказанныхъ пунктовъ. Лабушеръ только прибавилъ, что, получивъ права мужчины, женщина все-таки не будетъ нести многихъ обязанностей, возложенныхъ на мужчину, напр., военной службы, обороны отечества и т. д. Но это единственное справедливое возраженіе Лабушеръ потопилъ въ массѣ насмѣшекъ и каррикатурныхъ изображеній будущаго парламента и министерства, гдѣ будутъ засѣдать женщины, учрежденія новой должности «леди адмиралтейства» рядомъ съ «лордомъ адмиралтейства» и т. д. Палата смѣялась, но... все-таки вотировала въ пользу билля, доказавъ этимъ, что она не боится сдѣлать опытъ, быть можетъ, руководствуясь въ данномъ случаѣ, кромѣ всѣхъ другихъ соображеній, еще и тѣмъ, что, допуская женщину къ политической жизни, она тѣмъ самымъ ставитъ предѣлъ ея *негласной* политической дѣятельности, съ которою бороться, конечно, труднѣе. Между тѣмъ, несомнѣнно, что женщина во многихъ случаяхъ являлась въ высшей степени дѣятельнымъ избирательнымъ агентомъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что леди Рандольфъ Черчилль самолично провела кандидатуру своего мужа, въ то время, когда онъ путешествовалъ по Южной Африкѣ. Англичане, какъ люди практическіе, справедливо разсудили, что лучше законнымъ образомъ и открыто пользоваться политическими талантами женщины, нежели осуждать ее только на подпольныя интриги.

Но какъ бы то ни было, а день 4-го февраля (н. ст.) несомнѣнно составитъ эпоху въ жизни женщины вообще и европейской въ особенности. Любопытно, что голосованіе палаты общинъ совпало какъ разъ съ чествованіемъ памяти г-жи Массингбердъ, піонерши женскаго движенія и основательницы перваго женскаго

клуба въ Англіи. Даже каноникъ Вильберфорсъ, служившій въ церкви св. Іоанна похоронную обѣдню въ память Массингбердъ, указалъ на совпаденіе чествованія ея памяти съ обсужденіемъ билля объ избирательныхъ правахъ женщины въ палатѣ общинъ, назвавъ это счастливымъ совпаденіемъ. Дѣйствительно, г-жа Массингбердъ могла бы порадоваться успѣху своей пропаганды. Въ палату общинъ не разъ вносились петиціи и билли о дарованіи политическихъ правъ женщинамъ, но успѣха они не имѣли и вызывали въ началѣ только насмѣшки. Когда Джонъ-Стюартъ-Милль внесъ первую петицію о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ, въ пользу его идеи высказались лишь 82 депутата; черезъ пять лѣтъ число это уже увеличилось до 151. Съ тѣхъ поръ агитація въ пользу политическаго равноправія женщины сдѣлала большіе успѣхи. Женщина добилась права голоса на выборахъ въ школьные, муниципальные и приходскіе совѣты, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. Что же касается образованія, какъ высшаго, такъ и профессіональнаго, то англійскія женщины имѣютъ полное право гордиться результатами своихъ усилій, такъ какъ имъ удалось заставить Оксфордскій и Кэмбриджскій университеты отступиться отъ своихъ средневѣковыхъ традицій и открыть двери женщинамъ, которыя теперь допускаются къ университетскимъ экзаменамъ.

Всѣ эти факты указываютъ, что англичане вполнѣ сознаютъ необходимость прислушиваться къ запросамъ жизни и не тормазить ея правильнаго развитія, хотя вообще они труднѣе, чѣмъ какой-нибудь другой народъ на свѣтѣ, разстаются со своими вѣковыми традиціями. Поэтому-то въ Англіи, не смотря на высокую культуру, долго остаются въ силѣ учрежденія, отъ которыхъ такъ и вѣетъ сѣдой стариной. На этомъ же основаніи англичанамъ такъ трудно бываетъ согласиться на отмѣну какого-нибудь обычая, хотя и потерявшаго свой raison d'être, но продолжающаго существовать по праву старины. Такъ, недавно въ англійскомъ парламентѣ происходили очень жаркія пренія по вопросу о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ открывать по воскреснымъ днямъ для публики національные музеи, библіотеки и т. д. Смѣшно подумать, но по этому поводу въ палатѣ общинъ происходили настоящія гомерическія битвы. Вопросъ объ открытіи всѣхъ этихъ учрежденій по воскреснымъ днямъ не разъ уже возбуждался въ парламентѣ, но безуспѣшно. Противники этой мѣры заявляли, что они не желаютъ введенія континентальныхъ обычаевъ въ Англіи. За открытіемъ музеевъ въ воскресенье непремѣнно должно будетъ послѣдовать открытіе театровъ и прочихъ увеселительныхъ заведеній. Что же тогда станется съ традиціоннымъ англійскимъ воскреснымъ днемъ? — восклицали въ ужасѣ поклонники обычаевъ старины. Вѣдь искони ведется, что въ воскресенье англичане слушаютъ проповѣдь и затѣмъ сидятъ дома или же совершаютъ загородныя прогулки. Но посѣщеніе музеевъ, выставокъ и особенно театровъ должно считаться профанаціей воскреснаго дня.

Вопросъ такъ серьезно дебатировался въ парламентѣ, что въ самомъ дѣлѣ можно было подумать, будто отъ того или иного его рѣшенія зависятъ судьбы имперіи. Но здравый смыслъ англичанъ и на этотъ разъ восторжествовалъ. Защитники нововведенія выставили аргументомъ необходимость сдѣлать доступными рабочимъ классамъ духовныя развлеченія и отвлечь ихъ такимъ образомъ отъ питейныхъ заведеній, которыя гостепріимно открываютъ свои двери рабочимъ въ воскресные дни. Рабочій идетъ туда часто потому, что ему некуда дѣваться.

Аргументы эти побѣдили, и вотъ однимъ стариннымъ обычаемъ въ Англіи стало меньше. Парламентъ вотировалъ, хотя и незначительнымъ большинствомъ голосовъ, билль о воскресномъ днѣ, и англійское воскресенье теперь уже измѣнило свой традиціонный характеръ.

Заговоривъ о воскресномъ днѣ въ Англіи, мы не можемъ не упомянуть объ одномъ обычаѣ, также связанномъ съ этимъ днемъ. Это такъ-называемый: «citizen sunday» (гражданское воскресенье). Ежегодно въ этотъ день произносится въ церквахъ проповѣдь о гражданскихъ обязанностяхъ. Проповѣдники, не пускаясь ни въ какія отвлеченности и догматическія разсужденія, говорятъ о самыхъ простыхъ мірскихъ дѣлахъ простымъ, всѣмъ доступнымъ языкомъ. Они обсуждаютъ со своими прихожанами разные дѣловые вопросы и наставляютъ ихъ въ исполненіи гражданскихъ обязанностей. Проповѣдники совершенно свободны въ выборѣ темы для своей проповѣди въ этотъ день, и проповѣдь ихъ бываетъ весьма разнообразна, смотря по интересующей ихъ злобѣ дня. Такъ, въ этомъ году одинъ изъ проповѣдниковъ выговаривалъ своимъ прихожанамъ, что они относятся слишкомъ равнодушно къ муниципальнымъ выборамъ и часто не участвуютъ въ голосованіи, и убѣждалъ ихъ выполнять свой долгъ. Свою проповѣдь онъ закончилъ слѣдующими словами: «Идите и вотируйте! Вотируйте въ пользу учрежденія офтальмологическихъ институтовъ, въ которыхъ мы чувствуемъ большой недостатокъ».

Другой проповѣдникъ, достопочтенный патеръ Дикинсонъ, убѣждалъ своихъ прихожанъ въ необходимости усовершенствованія санитарной службы, въ пользѣ проведенія конно-желѣзныхъ дорогъ и открытія народныхъ публичныхъ библіотекъ. Одному изъ своихъ самыхъ богатыхъ прихожанъ онъ, между прочимъ, посовѣтовалъ взять примѣръ съ одного извѣстнаго филантропа Пассмора Эдвардса, который надняхъ отпраздновалъ открытіе *пятидесятой* учрежденной имъ народной библіотеки и который отказался отъ предложеннаго ему за это титула баронета, сказавъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Я предпочитаю основывать библіотеку просто такъ... для собственнаго удовольствія!..»

Въ одной изъ лондонскихъ церквей проповѣдникъ въ этотъ день громилъ водопроводную компанію, безсовѣстно эксплуатирующую гражданъ и заставляющую ихъ платить огромныя деньги «за воду, наполненную микробами». Нечего и говорить, что «citizen sunday» пользуется большимъ успѣхомъ въ Англіи, и талантливый ораторъ умѣющій затронуть злобу дня, всегда можетъ разсчитывать, что въ этотъ день у него будетъ очень большая аудиторія.

Индусскія женщины. Когда рѣчь заходитъ объ Индіи, мы, русскіе, любимъ только бранитъ англичанъ и дѣло ихъ въ этой странѣ оцѣниваемъ какимъ-то абсолютнымъ масштабомъ, внѣ времени и мѣстныхъ условій. Но такая точка зрѣнія безусловно невѣрна. Стоитъ только примѣнить сравнительный методъ, и картина сразу мѣняется. Англичане владѣютъ Индіей сто лѣтъ съ небольшимъ. До ихъ прихода Индія представляла истую клоаку всяческой мерзости запустѣнія, гдѣ народная масса, подчиненная кастѣ браминовъ и воиновъ, стонала подъ бременемъ непосильныхъ налоговъ. Безконечныя войны раджей между собой истребляли ежегодно милліоны жизней. Владычество разныхъ Великихъ и Малыхъ Моголовъ было хуже всякой чумы и холеры. Личность и собственность не были ничѣмъ ограждены, и вездѣ царилъ сплошной безпорядокъ, что и дѣлало эту богатѣйшую страну добычей любого военнаго

проходимца, со времени Александра Македонскаго и до великихъ персидскихъ завоевателей. Самая легкость, съ которою англичане завоевали цѣлую имперію, съ населеніемъ въ то уже время свыше 100 милліоновъ, показываетъ, что народъ охотно подчинился новому владычеству, сразу обезпечившему ему цѣлость жизни и имущества. Прошло 100 лѣтъ. Населеніе Индіи почти утроилось, достигая нынѣ 300 милл. Налоги въ четыре раза меньше, чѣмъ платилъ народъ браминамъ и раджамъ. Торговля и промышленность развита до небывалыхъ размѣровъ, и теперь Индія одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ на международномъ рынкѣ. Вмѣстѣ съ экономическимъ подъемомъ начался и культурный. Уже 50 лѣтъ, какъ въ Индіи исчезъ обычай жечь вдовъ, и индійская женщина, въ защиту которой безуспѣшно выступалъ еще Будда, нынѣ сама начинаетъ отстаивать свою личность. Культура въ Индіи двигается быстрыми шагами впередъ и это особенно отражается на положеніи женщины. Въ Бенгаліи женщины рѣшительно и смѣло возстаютъ противъ старыхъ обычаевъ и предразсудковъ, которые такъ долго держали ихъ въ цѣпяхъ. Магометанское вліяніе заставляло держать женщину взаперти и всего лишь лѣтъ тридцать тому назадъ не болѣе индусской женщинѣ удалось ослабить путы, стѣснявшія ея движенія. Мало-по-малу свѣтъ открывался для нея. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ, проникшихъ во многіе укромныя уголки Индіи, много способствовало распространенію культуры и измѣненію участи индусской женщины. Тридцать лѣтъ тому назадъ, входъ въ вагоны, предназначенные для женщинъ, ограждался ширмами и палатками, когда женщинамъ нужно было войти въ нихъ. Теперь уже этого не дѣлается. Женщины, принадлежащія къ зажиточному классу, не принимаютъ никакихъ предосторожностей и преспокойно расхаживаютъ по платформѣ, въ ожиданіи поѣзда, не заботясь о томъ, находятся ли тутъ мужчины или нѣтъ. Прежде страшно боялись расширить умственные горизонты женщины; женщина должна быть глупа и невѣжественна, иначе основы домашняго очага и всего общества будутъ потрясены. Но мало-по-малу возрѣнія эти стали измѣняться подъ вліяніемъ естественной эволюціи, вызванной распространеніемъ европейской культуры, и теперь уже почти въ каждой индусской деревушкѣ есть школа для дѣвочекъ, а въ Калькуттѣ даже существуетъ университетъ для индусскихъ женщинъ, гдѣ онѣ могутъ получать ученыя степени. И отъ этого нисколько не страдаютъ ни индусское общестао, ни индусская семейная жизнь.

Женская коллегія въ Калькуттѣ (Bethune College) основана англичанкой, мистриссъ Бевериджъ, которая, 23 года тому назадъ, пріѣхала въ Бэнгалію и вмѣстѣ съ лэди Фиръ основала тамъ первую женскую школу. Посѣтительницами этой школы были преимущественно замужнія женщины и вдовы, а вначалѣ дѣло подвигалось такъ туго, что могло привести въ отчаяніе менѣе настойчивыхъ и энергичныхъ людей, чѣмъ были тѣ, кто стоялъ во главѣ этого дѣла. Конечно частнымъ образомъ было бы трудно долго поддерживать дѣло, которому, казалось, не суждено было развиться и принести плоды. Но основательницы его не отчаявались. Очень искуссно онѣ убѣдили бэнгальское правительство взять начатое дѣло подъ свое покровительство и не допустить его погибнуть. Школу посѣщало не болѣе шести ученицъ, но, несмотря на это, былъ выстроенъ домъ для общежитія, разсчитанный на 46 человѣкъ. Долго онъ пустовалъ, но теперь въ немъ не хватаетъ мѣста для желающихъ. Наплывъ женщинъ въ коллегію на-

столько великъ, что это учебное заведеніе не только покрываетъ всѣ свои расходы, но расширяется съ каждымъ годомъ. Также точно процвѣтаютъ и всѣ прочія деревенскія и городскія женскія школы, что указываетъ, разумѣется на стремленіе индусскихъ женщинъ къ просвѣщенію и на значительный переворотъ въ воззрѣніяхъ индусскаго общества на женщину.

Прогрессъ, однако, всего меньше даетъ себя чувствовать въ магометанскомъ индусскомъ обществѣ. Замѣчательно, какъ трудно измѣняются воззрѣнія магометанъ на женщину, и хотя въ Индіи кое-гдѣ и основаны школы для магометанскихъ женщинъ, но ни къ какимъ существеннымъ результатамъ это еще не привело и нисколько не повліяло на судьбы магометанской женщины. Даже тѣ изъ магометанъ, которые, пробывъ долго въ Англіи, превращаются въ полномъ смыслѣ этого слова въ культурныхъ европейцевъ и отрѣшаются отъ многихъ своихъ прежнихъ воззрѣній и предразсудковъ, все-таки ничего не дѣлаютъ для измѣненія положенія своихъ женщинъ. Правда, сами они обыкновенно женятся на европейскихъ женщинахъ, наглядно доказывая этимъ, что магометанскій бракъ и жизнь съ невѣжественными женщинами не можетъ удовлетворить культурнаго человѣка, но никакой перемѣны въ положеніи магометанской женщины это не производитъ. Ее все-таки держатъ взаперти, не допускаютъ развивать свой умъ и оставляютъ жить въ прежней обстановкѣ и въ прежнихъ унизительныхъ условіяхъ.

Другія вѣроисповѣданія въ Индіи не обнаруживаютъ такой косности. Развитіе индусской женщины идетъ быстрыми шагами впередъ. Расширеніе и распространеніе образованности въ индусскомъ обществѣ значительно повліяло на измѣненіе взгляда на женщину и содѣйствуетъ искорененію возмутительнаго обычая браковъ дѣтей. Мало-по-малу этотъ обычай упраздняется и уже это одно указываетъ на огромныя перемѣны, которыя совершились въ воззрѣніяхъ индусскаго общества за послѣдніе годы.

Изъ скандинавскихъ странъ. Завѣщаніе Альберта Нобеля, вызвавшее такой взрывъ энтузіазма, какъ только оно сдѣлалось извѣстно, въ настоящее время приводитъ въ смущеніе многихъ и, главнымъ образомъ, самихъ душеприказчиковъ. Дѣло въ томъ, что оно составлено въ высшей степени неясно и неопредѣленно, такъ что душеприказчикамъ Нобеля придется наталкиваться на каждомъ шагу на разныя техническія затрудненія при выполненіи его воли. Составляя свое завѣщаніе, Альбертъ Нобель упустилъ изъ виду много формальностей и не позаботился точно формулировать свои желанія, высказавъ ихъ лишь въ общихъ чертахъ. Въ виду такихъ неожиданныхъ осложненій и во избѣжаніе въ будущемъ какихъ-либо недоразумѣній, которыя легко могутъ возникнуть вслѣдствіе недостаточной точности завѣщанія, стокгольмскій трибуналъ созвалъ на совѣщаніе близкихъ друзей Нобеля, хорошо знакомыхъ съ его взглядами и желаніями, прося ихъ высказать свое мнѣніе, какъ надо понимать нѣкоторые параграфы завѣщанія. Это были: инженеръ Штремнертъ, Леонардъ Хвашъ и Шарль Вернъ. Двое первыхъ, скрѣпившіе своею подписью завѣщаніе Нобеля, заявили, что Нобель въ первый разъ заговорилъ съ ними о своей послѣдней волѣ въ тотъ день, когда просилъ подписать завѣщаніе. Онъ только сказалъ имъ, что этимъ завѣщаніемъ онъ уничтожалъ прежнее, въ которомъ обезпечивалъ слишкомъ большія преимущества за дѣтьми своего брата. Въ новомъ завѣщаніи онъ отдаетъ бо́льшую долю своего огромнаго

состоянія на научныя цѣли и считаетъ это гораздо правильнѣе.

Спустя годъ послѣ этого, онъ встрѣтился съ Леонардомъ Хвашемъ въ лабораторіи Штремнерта въ Стокгольмѣ и сказалъ въ присутствіи ихъ обоихъ: «Я рѣшительный противникъ идеи наслѣдованія большихъ состояній. Я нахожу, что большія состоянія всегда являются источникомъ несчастья для самихъ наслѣдниковъ и причиняютъ имъ не мало непріятностей. Даже своимъ собственнымъ дѣтямъ надо оставлять лишь столько, сколько нужно для полученія хорошаго образованія. Я очень сожалѣю, что мой покойный братъ (Робертъ Нобель), который, однако, раздѣлялъ мои взгляды, оставилъ такое большое состояніе своимъ дѣтямъ».

Штремнертъ и Хвашъ сообщили, кромѣ того, что Нобель, поручая кому-нибудь научную миссію и жертвуя на это иной разъ крупныя суммы, всегда предоставлялъ этому лицу полную свободу въ выборѣ средствъ и способовъ къ достиженію цѣли и никогда не устанавливалъ самъ никакой рамки и не намѣчалъ пути, вполнѣ полагаясь на человѣка, которому довѣрялъ. На этомъ основаніи онъ такъ неточно составилъ свое завѣщаніе, не вдаваясь въ подробности, такъ какъ, очевидно, хотѣлъ предоставить болѣе свободы тѣмъ, кто будетъ выполнять его волю, не желая заранѣе стѣснять ихъ и предрѣшать ихъ дѣйствія. Главный душеприказчикъ, назначенный Нобелемъ, инженеръ Зальманъ, былъ всегда его самымъ интимнымъ другомъ, хорошо зналъ его образъ мыслей и, разумѣется, постарается выполнить его волю въ томъ именно духѣ, въ какомъ это было бы желательно Нобелю.

Альфредъ Нобель между прочимъ, не разъ говорилъ при жизни, что онъ желалъ бы обезпечить существованіе тому, кто обладаетъ «темпераментомъ изслѣдователя», чтобы онъ могъ спокойно продолжать свои работы. Онъ всегда говорилъ, что предпочитаетъ «мечтателей» активнымъ дѣятелямъ (hommes d'action), выражая опасеніе, что эти послѣдніе, получивъ богатство въ свои руки, скорѣе будутъ склонны бросить научныя занятія для исключительно практической дѣятельности.

Въ то время, какъ въ Стокгольмѣ идутъ толки и споры о завѣщаніи Нобеля, въ Копенгагенѣ много шуму возбуждаетъ дѣйствительно курьезный процессъ, возникшій въ Фленсбургѣ по почину одного нѣмецкаго судьи въ Шлезвигѣ. Дѣло въ томъ, что германизація Шлезвига по прежнему вызываетъ сильную оппозицію въ коренномъ датскомъ обществѣ этой провинціи и въ мѣстной печати, и всякія проявленія германскаго патріотизма всегда встрѣчаютъ отпоръ въ шлезвигскихъ газетахъ. Такъ вышло и теперь. Шлезвигскій судья, обуреваемый патріотическими чувствами, устроилъ какое-то патріотическое нѣмецкое торжество. Это бы еще ничего, но онъ послалъ телеграмму генералу Врангелю, и это заставило одну распространенную фленсбургскую газету язвительно замѣтить, что ему бы слѣдовало при этомъ послать также телеграмму и германскому императору —«for en ordens skyld!» прибавила газета.

Вотъ эти слова: «for en ordens skyld» и дали поводъ къ процессу. Судья увидѣлъ въ нихъ оскорбленіе, такъ какъ онъ перевелъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «чтобы получить орденъ», и привлекъ редактора газеты къ отвѣтственности. Редакторъ протестовалъ, заявивъ, что судья неправильно перевелъ эту фразу, которая означаетъ: «для выполненія долга приказа».

Призваны были два эксперта, которые подтвердили слова редактора, но третій вдругъ объявилъ, что инкри-

минированная фраза дѣйствительно имѣетъ двоякое значеніе. Судъ очутился въ затруднительномъ положеніи и рѣшилъ обратиться къ научному разслѣдованію! Тогда германское посольство въ Копенгагенѣ, по предложенію суда, обратилось за разъясненіями въ копенгагенскій университетъ, который далъ отвѣтъ, подтверждающій слова третьяго эксперта, и бѣдный редакторъ былъ приговоренъ на мѣсяцъ въ тюрьму. Противъ этого возстало королевское датское ученое общество, опровергнувшее заключеніе университета и заявившее, что инкриминированная фраза имѣетъ только одинъ смыслъ, именно тотъ, на который указывалъ редакторъ.

Высшій трибуналъ въ Килѣ, въ виду этихъ пререканій, кассировалъ приговоръ и приказалъ пересмотръ процесса. Но фленсбургскіе судьи настаивали на своемъ. Тогда редакторъ рѣшилъ прибѣгнуть къ плебисциту, и въ результатѣ оказалось, что 2.106 фленсбургцевъ высказались въ его пользу и только 203 стали на сторону суда. Во всякомъ случаѣ, редакторъ оказался въ выигрышѣ, такъ какъ добился освобожденія и большой популярности среди фленсбургцевъ.

Столѣтіе итальянскаго поэта Леопарди. Въ будущемъ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, исполнится столѣтіе дня рожденія Джіакомо Леопарди, но Италія уже теперь готовится къ празднованію памяти своего знаменитаго народнаго поэта, воплощавшаго въ себѣ патріотизмъ итальянскаго народа и его стремленія къ свободѣ и независимости. Альфіери, Фосколо, Парини, всѣ эти предшественники независимости, въ концѣ XVIII вѣка всѣми силами старались пробудить въ итальянской молодежи стремленіе къ свободѣ. Надежды всѣхъ въ Италіи были обращены тогда въ сторону французской революціи, но она обманула возлагаемыя на нее ожиданія, такъ какъ именно миссіонеры французской республики явились въ Италію не со знаменемъ свободы въ рукахъ, а въ качествѣ побѣдителей, подъ командою честолюбца, стремившагося возложить на себя желѣзную корону. Царствованіе Наполеона I, затѣмъ священный союзъ, давили на Италію въ теченіе долгаго времени. Но уроки поэтовъ и мыслителей не пропали даромъ. Хотя заговоры карбонаріевъ и возмущенія 1820 года были потоплены въ крови, идея, вызвавшая ихъ къ жизни, не погибла; напротивъ, она оказалась въ высшей степени живучей и плодовитой. Началось движеніе, которое отразилось во всѣхъ областяхъ итальянской общественной жизни, въ литературѣ, поэзіи и искусствахъ. Леопарди явился олицетвореніемъ этого движенія. Въ шестнадцать лѣтъ онъ уже удивлялъ всѣхъ своими познаніями и былъ однимъ изъ первыхъ элинистовъ Европы и вступалъ даже въ споры съ самыми учеными филологами. Въ двадцать лѣтъ онъ уже занялъ первое мѣсто какъ лирическій поэтъ, равный Петраркѣ, а иногда даже превосходящій его силою своего стиха. Леопарди мечталъ о возвращеніи въ Италіи величія древнихъ временъ; онъ мечталъ о разрушеніи всѣхъ цѣпей, объ интеллектуальномъ и нравственномъ возрожденіи своей родины, но не ограничиваясь одними только мечтаніями, указывалъ путь къ этому и храбро пошелъ во главѣ піонеровъ, протянувъ руки къ горизонту, гдѣ уже занималась заря свободы. Леопарди умеръ рано, 39 лѣтъ, и Италія потеряла въ немъ одного изъ своихъ благороднѣйшихъ сыновъ, но пѣсни его остались и сдѣлались настоящимъ гимномъ свободѣ, который долженъ былъ привести къ побѣдѣ.

Джіакомо Леопарди росъ больной и слабый, и уличные мальчишки въ его родномъ городѣ Реканати прозвали его «il gobbetto» (горбатенькій). Но не-

смотря на это, его отецъ, больше изъ самолюбія, нежели отъ какихъ-либо другихъ побужденій, рано началъ учить его. Графъ Мональдо Леопарди былъ чрезвычайно образованъ и своего сына желалъ сдѣлать такимъ же образованнымъ человѣкомъ. Сынъ превзошелъ его ожиданія въ этомъ отношеніи, но какъ только Джіакомо сталъ мыслить самостоятельно, между нимъ и его отцомъ произошли коренныя разногласія въ политическихъ взглядахъ. Насколько Джіакомо былъ врагомъ всякихъ притѣсненій, настолько отецъ его былъ сторонникомъ стараго режима. Между отцомъ и сыномъ происходили пререканія, но непреклонная воля Джіакомо восторжествовала.

Джіакомо пользовался большимъ уваженіемъ своихъ согражданъ и они доказали ему это, выбравъ его единогласно своимъ представителемъ въ національное собраніе. Но этому собранію не суждено было открыться. Австрійцы овладѣли Болоньей, такъ что Леопарди не пришлось говорить съ трибуны. Впрочемъ, въ письмѣ, написанномъ своему отцу изъ Флоренціи, Леопарди выражаетъ желаніе не вмѣшиваться открыто въ политику. Отецъ его былъ очень доволенъ, что неожиданная помѣха помѣшала его сыну стать въ ряды дѣятелей революціи, такъ какъ онъ считалъ это позоромъ для своего имени, хотя самъ изъ какихъ-то стороннихъ соображеній записался въ число членовъ революціоннаго комитета и вотировалъ вмѣстѣ съ прочими за своего сына.

Какъ только революція была подавлена, графъ Мональдо открыто сталъ на сторону реакціи и въ своемъ реакціонномъ рвеніи опубликовалъ даже анонимный памфлетъ подъ заглавіемъ: «Маленькія бесѣды о событіяхъ года», съ эпиграфомъ: «La verita tutta e niente!» (Всю правду или ничего). Памфлетъ произвелъ огромный шумъ и былъ переведенъ на нѣсколько языковъ. Манцони рекомендовалъ эту брошюру Сентъ-Беву, какъ образецъ великолѣпной итальянской прозы, а Ламеннэ сдѣлалъ ей честь, написавъ длинное и серьезное опроверженіе. Къ послѣднему присоединился Джіакомо Леопарди; возмущенный, что ему приписывали авторство этого ультра-реакціоннаго памфлета, Джіакомо написалъ по этому поводу письмо своему отцу, въ которомъ предупреждалъ его, что онъ не согласенъ слыть за автора памфлета и намѣренъ напечатать опроверженіе во всѣхъ газетахъ.

Не слѣдуетъ забывать, что это было въ такую эпоху, когда въ Болоньи господствовало царство террора, также какъ и въ Моденѣ, гдѣ царствующій герцогъ былъ вторымъ Нерономъ. Судьба Сильвіо Пеллико указываетъ, что ожидало въ эти времена тѣхъ, кто боролся за свободу или защищалъ ее въ своихъ писаніяхъ. Леопарди, возмущенный тѣмъ, что его считаютъ «обращеннымъ» благодаря памфлету, напечаталъ въ газетахъ письмо по этому поводу, которое непремѣнно должно было навлечь на него гнѣвъ побѣдителей. Однако, благодаря тому, что многіе сильные міра продолжали все-таки считать его «обращеннымъ», онъ не подвергся карѣ властей. Но Италія не нанесла ему подобнаго оскорбленія. Она продолжала вѣрить въ своего пѣвца свободы и оставалась на его сторонѣ, черпая новыя силы въ его пѣсняхъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда нужно было возбудить энтузіамзъ молодежи, распѣвались пѣсни Леопарди. Вліяніе его поэзіи не исчезло и съ его смертью, и не удивительно, что враги опасались этого вліянія, и въ Калабріи, напримѣръ, въ 1859 году, нѣкій Піетро Мерлино, былъ приговоренъ къ штрафу въ тысячу дукатовъ за то, что читалъ запрещенную книгу, озаглавленную:

«Canti di Giacomo Leopardi». Но черезъ годъ послѣ этого Викторъ Эммануилъ торжественно призналъ геній и заслуги народнаго поэта въ своей прокламаціи, обнародованной 3-го ноября 1860 года, въ которой объявилъ, что правительство подписываетъ 2.000 лиръ на памятникъ въ честь Леопарди.

Европейская знаменитость Леопарди основывается, однако, не на его патріотическихъ пѣснахъ. Онъ былъ творцомъ пессимизма XIX вѣка, какъ онъ выразился въ философіи Шопенгауэра и Гертмана. Въ личной жизни глубоко несчастный, Леопарди выразилъ свое отрицательное отношеніе къ жизни въ геніальной формѣ. Его пессимистическая поэзія не имѣетъ себѣ равной по силѣ выраженія. Самъ онъ былъ человѣкъ мужественный и гордый, и девизомъ его жизни служила мысль, закованная имъ въ желѣзномъ стихѣ: «Живи безъ жалобъ, умирай безъ страха». Въ столѣтнемъ юбилеѣ его рожденія приметъ, конечно, участіе вся европейская литература, чествуя въ лицѣ Леопарди одного изъ свѣточей человѣческой мысли и духовныхъ вождей вѣка.

Безрукій художникъ Бертрамъ Хайльсъ. Въ Англіи проживаетъ въ настоящее время замѣчательный художникъ декораторъ Бертрамъ Хайльсъ (Hiles), отличающійся не только большимъ талантомъ, но и обращающій на себя вниманіе тѣмъ, что онъ рисуетъ и выполняетъ самыя тонкія декоративныя работы, замѣчательныя по своей художественной красотѣ, не руками или хотя бы ногами, какъ нѣкоторые лишенные рукъ люди, а только ртомъ, губами и зубами, въ которыхъ онъ держитъ свои кисти и карандаши. Рисунки этого замѣчательнаго художника отличаются необыкновенною чистотою линій и изящнымъ подборомъ красокъ, въ чемъ онъ даже можетъ соперничать съ выдающимися современными художниками. Достигъ онъ такого искусства исключительно благодаря силѣ воли, энергіи и настойчивости.

Бертраму Хайльсу было восемь лѣтъ, когда онъ попалъ подъ вагонъ конножелѣзной дороги и ему раздробило обѣ руки. Пришлось ихъ ампутировать; это было тѣмъ болѣе страшнымъ несчасчіемъ, что родители Бертрама были совсѣмъ бѣдные люди и на своего маленькаго сына возлагали большія надежды, такъ какъ онъ уже съ ранняго дѣтства выказывалъ замѣчательныя способности къ рисованію, настолько выдающіяся, что онѣ уже были замѣчены учителемъ въ школѣ и онъ предложилъ даромъ заниматься съ нимъ. Лишившись рукъ, Бертрамъ долженъ былъ проститься со всѣми своими надеждами, но мальчикъ не упалъ духомъ. Ему пришло въ голову попробовать рисовать при посредствѣ губъ и, взявъ въ зубы карандашъ, онъ попытался привести эту идею въ исполненіе. Сначала ему было необыкновенно трудно, но, мало-по-малу, дѣло пошло на ладъ. Съ удивительною энергіей, мужествомъ и настойчивостью мальчикъ продолжалъ самъ свое художественное воспитаніе. Послѣ двухъ лѣтъ упорнаго труда мальчикъ, наконецъ, въ состояніи былъ писать такимъ способомъ, а затѣмъ уже дѣло пошло быстрѣе и онъ сталъ съ большею увѣренностью проводить правильныя линіи и писать буквы. Ему не было еще одиннадцати лѣтъ, когда однажды въ школѣ онъ удивилъ всѣхъ изяществомъ и красотою своего перспективнаго рисунка и законченностью своей академической копіи. Ему была единогласно присуждена награда за рисованіе.

Ободренный этою удачей, Бертрамъ сталъ хлопотать, чтобъ его приняли въ число учениковъ школы рисованія. Въ тринадцать лѣтъ онъ участвовалъ въ конкурсѣ для поступленія въ техническую школу и

на экзаменахъ просто поражалъ всѣхъ своимъ искусствомъ. Сила воли побѣдила судьбу, Бертрамъ сдѣлался первоклассным художникомъ и сталъ добиваться профессуры. Въ шестнадцать лѣтъ онъ имѣлъ уже громкую репутацію и много учениковъ.

Бертрамъ выставилъ свой акварельный этюдъ въ бристольской академіи художествъ и это рѣшило его будущее. Какой-то любитель и знатокъ живописи пришелъ въ восторгъ отъ этой картины и заплатилъ за нее хорошую цѣну, о чемъ не замедлили оповѣстить всѣ мѣстныя газеты. Это возбудило всеобщій интересъ къ художнику, съ такимъ изумительнымъ мужествомъ боровшемуся съ судьбой. Тотчасъ же Бертрамъ получилъ много заказовъ и это обезпечило ему не только средства къ жизни, но и дало возможность выполнить свою мечту—съѣздить въ Парижъ и въ Лондонъ.

По совѣту свѣдущихъ людей, Бертрамъ занялся преимущественно декоративной живописью и на конкурсѣ, устроенномъ по случаю французской выставки, онъ одержалъ верхъ надъ всѣми соперниками, и ему было поручено рисовать панно для одной изъ выставочныхъ залъ. Небольшія картины, присланныя имъ на выставку, также имѣли большой успѣхъ, и многіе посѣтители, не зная, какъ онъ рисуетъ, хвалили его «твердость руки».

Въ настоящее время Бертрамъ пользуется громкою извѣстностью въ Лондонѣ и со всѣхъ сторонъ къ нему обращаются съ заказами. Члены королевской семьи, даже сама королева также часто обращаются къ его таланту. Бертрамъ—не первый художникъ, не имѣющій рукъ. До него были художники и декораторы, лишенные рукъ и рисовавшіе ногами (Дюкорне, Франсуа Мектоленъ, Ноель Массонъ, Эме Ганенъ, миссъ Биффинъ), но всѣ эти люди были безрукими отъ рожденія и имъ никогда не приходилось прибѣгать къ помощи рукъ. Они сразу начали учиться рисовать ногами посредствомъ спеціальныхъ способовъ. Съ этой точки зрѣнія Бертрамъ стоитъ выше ихъ, такъ какъ онъ достигъ возможности быть художникомъ только посредствомъ страшнаго напряженія и усилія воли. Во всякомъ случаѣ, другого подобнаго примѣра пока еще не существуетъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue Scientifique».—«Review of Reviews».—«Revue Blanche».

Чума не прекращается въ Индіи, и невольно возникаетъ вопросъ,—достаточно ли мы вооружены для борьбы съ этою эпидеміей и какихъ успѣховъ достигла наука въ этомъ направленіи? Въ настоящее время при возникновеніи всякой эпидемической болѣзни на первый планъ выдвигается новый методъ лѣченія—*серотерапія*, на который и возлагаются большія надежды. Новѣйшіе опыты доктора Іерсина указываютъ, что въ противочумной сывороткѣ современная медицина имѣетъ весьма дѣйствительное средство для борьбы съ этою страшною болѣзнью. Благодаря этому средству и современнымъ способамъ дезинфекціи, мы можемъ ограничить развитіе эпидеміи и, пожалуй, даже предупредить ея появленіе. Доктора Іерсинъ, Кальметтъ и Борель пришли, на основаніи многочисленныхъ контрольныхъ опытовъ, къ слѣдующимъ выводамъ: если впрыснуть кролику подъ кожу небольшое количество культуры чумныхъ бациллъ, ядовитая сила которой уменьшена посредствомъ нагрѣванія при 58° впродолженіи одного часа, то у

кролика появляются симптомы легкаго чумнаго заболѣванія, между тѣмъ какъ кровь его пріобрѣтаетъ цѣлебныя и предохранительныя свойства, такъ что, напримѣръ, достаточно впрыснуть одну десятую куб. сант. сыворотки крови, взятой отъ такого кролика, бѣлымъ крысамъ, весьма чувствительнымъ къ чумной заразѣ, чтобы онѣ оказались совершенно къ ней невоспріимчивыми. Ободренный такими результатами, докторъ Іерсинъ повторилъ свои опыты надъ людьми въ Амои, въ прошломъ году, во время чумной эпидеміи и къ величайшей своей радости убѣдился въ полной дѣйствительности серотерапіи. Докторъ Герикуръ, посвящающій этому вопросу очень обстоятельную статью въ «Revue Scientifique», приходитъ къ заключенію, что Европа можетъ безъ страха ожидать страшнаго врага и только должна какъ слѣдуетъ приготовиться къ его встрѣчѣ.

Дѣлая историческій обзоръ чумныхъ эпидемій въ Европѣ, докторъ Герикуръ говоритъ, что самые старинные документы, касающіеся чумы, относятся къ 542 г., когда эпидемія, занесенная изъ Египта, распространилась въ Персіи и по берегамъ Средиземнаго моря. Затѣмъ о чумѣ болѣе ничего не слышно, вплоть до XIV вѣка, когда она, подъ именемъ «черной смерти» опустошила Европу и унесла болѣе 25 милліоновъ жертвъ.

Чумныя эпидеміи: въ Базелѣ (1604), Амстердамѣ (1657), Нанси (1637), Лондонѣ (1665—1668), Вѣнѣ (1675), Данцигѣ (1709) и Стокгольмѣ (1710) опустошили на половину эти города. Во время марсельской чумы въ Провансѣ (1720—1722) погибло болѣе 80.000 человѣкъ. Въ 1894 г. въ Кантонѣ умерло отъ чумы 60.000 человѣкъ. Въ 1896 году чума появилась на Формозѣ и теперь свирѣпствуетъ въ Бомбеѣ, угрожая попасть въ Европу многочисленными путями, морскими и сухопутными, черезъ которые поддерживаются сношенія Европы съ Индіей.

Смертность отъ этой болѣзни обыкновенно принимаетъ угрожающіе размѣры. Симптомы болѣзни: сильная лихорадка, разстройство рѣчи и страшная слабость, опухоль железъ (бубоны) и весьма часто кровохарканія; кровавая рвота и подкожныя кровоизліянія, вызывающія появленіе пятенъ (петехій), отчего эта болѣзнь и была названа «черною смертью» въ XVI вѣкѣ.

Первыя наблюденія, сдѣланныя докторомъ Іерсинымъ и сообщенныя имъ парижской академіи, вполнѣ подтвердили всѣ его теоретическія предположенія о дѣйствіи сыворотки. Извѣстный докторъ Ру въ своемъ сообщеніи о бактеріологіи чумы, прочтенномъ въ парижской медицинской академіи, также присоединяется ко взглядамъ доктора Іерсина. Микробъ чумы уже изученъ и его легко наблюдать подъ микроскопомъ, окрашивая анилиномъ каплю гноя изъ чумнаго бубона, растертую на предметной пластинкѣ. Онъ встрѣчается въ огромномъ количествѣ въ гноѣ бубоновъ, въ печени, селезенкѣ и въ крови послѣ смерти больного, а иногда и раньше въ трудныхъ случаяхъ. Изъ животныхъ самыми чувствительными къ заразѣ оказываются крысы и обыкновенно передъ началомъ эпидеміи онѣ погибаютъ въ огромномъ количествѣ. Зараза быстро передается отъ одного животнаго къ другому, такъ что въ лабораторіи можно легко произвести въ маломъ видѣ эпидемію среди крысъ, заключенныхъ въ клѣтки. Во время эпидемій въ почвѣ находили также бациллъ, весьма похожихъ на бациллы чумы, но не столь ядовитыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это та же самая бацилла, только сила ея уменьшилась. Замѣчательно, что Пастеръ давно высказывалъ мнѣніе, что въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ чума появляется обыкновенно черезъ извѣстные про-

межутки времени, микробъ чумы теряетъ на время свою силу, которая опять къ нему возвращается подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій. Этимъ объясняется появленіе чумы въ такихъ странахъ, какъ Китай, гдѣ населеніе очень скучено.

Весьма важно то, что точный діагнозъ чумы можно уже сдѣлать при появленіи самыхъ первыхъ случаевъ. Большое значеніе имѣетъ также та роль, которую играютъ животныя въ дѣлѣ распространенія эпидемій, и, быть можетъ, истребленіе крысъ могло бы предупредить ея появленіе. Во всякомъ случаѣ, благодаря успѣхамъ науки въ этомъ направленіи, Европа можетъ уже не опасаться, что эпидемія чумы, если даже она попадетъ въ Европу, приметъ такіе размѣры, какіе она принимала въ прошлыя времена.

Одинъ извѣстный американскій миссіонеръ, епископъ Тобурнъ, высказалъ однажды слѣдующее мнѣніе: «Половина населенія земного шара обыкновенно голодаетъ. Нельзя сказать, чтобы эти люди чувствовали мученія голода, но, тѣмъ не менѣе, естественная потребность въ пищѣ никогда у нихъ не бываетъ удовлетворена вполнѣ». Потребности людей въ этомъ отношеніи, подъ вліяніемъ привычки и образа жизни, дѣйствительно бываютъ очень разнообразны.

Напримѣръ, низшіе классы въ Индіи и малайскія племена удовлетворяются такими количествами пищи, которыя были бы совершенно недостаточны для поддержанія силъ народовъ кавказскаго племени. Было бы, разумѣется, интересно произвести сравнительное изслѣдованіе по вопросу о томъ, какъ питается человѣчество, такъ какъ это дало бы возможность установить прочныя научныя основы и правила питанія. Германскій профессоръ Атфатеръ, какъ сообщаетъ «Review of Reviews», занялся этимъ вопросомъ и произвелъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи.

Когда физіологія питанія обратила на себя особенное вниманіе ученыхъ,—извѣстный германскій химикъ баронъ Либихъ, профессоръ Фойтъ и Петенкоферъ и мн. другіе занялись сравнительнымъ изслѣдованіемъ питательности различныхъ пищевыхъ веществъ, за ними послѣдовали и другіе европейскіе ученые, знаменитые физіологи Молешоттъ, Клодъ Бернаръ, сэръ Генри Джильбертъ и др Сначала производили только сравнительные анализы различныхъ пищевыхъ веществъ, но затѣмъ вопросъ былъ поставленъ шире—пищевыя вещества стали разсматриваться, какъ топливо, или, другими словами, стали опредѣлять то количество потенціальной энергіи, которая въ нихъ заключается и которая можетъ, посредствомъ ассимиляціи, превратиться въ мускульную энергію; знаменитый французскій химикъ Бертело изобрѣлъ даже для этой цѣли особенный инструментъ—«калориметръ», но неудобство его заключается въ томъ, что онъ стоитъ слишкомъ дорого (5.000 фр.). Профессоръ Атфатеръ придумалъ другой инструментъ, столь же точный, но менѣе дорогой.

Сельскохозяйственный департаментъ въ Соединенныхъ Штатахъ организовалъ цѣлый рядъ опытовъ надъ различными пищевыми веществами по способу, изобрѣтенному профессоромъ Атфатеромъ и подъ его руководствомъ. Опыты уже производятся два года и израсходованныя на это суммы достигли уже 50.000 фр., но возрастутъ еще больше. Изслѣдованія еще далеко не кончены, но уже теперь можно сказать, что результаты его въ высшей степени поучительны. Мы видимъ изъ нихъ, что мы организуемъ свое питаніе совершенно вопреки здравому смыслу и физіологическимъ законамъ. Затрачивая большія деньги

на свое питаніе, мы, тѣмъ не менѣе, доставляемъ организму весьма мало питательныхъ веществъ, особенно такихъ, которыя нужны для образованія мышцъ, крови, костей и мозга.

Затѣмъ эти опыты указываютъ, что зажиточные классы потребляютъ пищу въ чрезмѣрномъ количествѣ, гораздо больше, чѣмъ это нужно для питанія организма. Между тѣмъ, излишекъ пищи, на который обыкновенно никто не обращаетъ вниманія, почти столь же вреденъ для организма, какъ и злоупотребленіе напитками, противъ котораго всѣ возстаютъ. Профессоръ Атфатеръ особенно указываетъ на нераціальность общераспространенныхъ способовъ питанія и совѣтуетъ обратить вниманіе на то, что человѣческій организмъ нуждается какъ въ азотистыхъ соединеніяхъ для образованія своихъ тканей, такъ и въ углеродахъ и жирахъ—для развитія тепла и мускульной силы. Поэтому необходимо заботиться не только о томъ, чтобы питаніе было достаточно, но чтобы оно удовлетворяло одинаково этимъ двумъ потребностямъ, такъ какъ одностороннее питаніе организма непремѣнно вредно отразится на его силѣ и строеніи. Профессоръ Атфатеръ полагаетъ, что будущее человѣчество будетъ питаться гораздо болѣе раціонально, чѣмъ мы питаемся въ настоящее время, такъ какъ будетъ руководствоваться въ этомъ случаѣ точно установленными физіологическими законами, болѣе имѣя въ виду прямыя потребности организма, чѣмъ это дѣлается теперь, когда питаніе человѣчества имѣетъ далеко не научный, а скорѣе случайный характеръ, и одни потребляютъ чрезмѣрное количество пищи, вредное для организма, другіе же, наоборотъ, питаются недостаточно и даже голодаютъ.

«Подверглась ли французская литература вліянію скандинавскихъ литературъ? Въ какомъ смыслѣ выразилось это вліяніе? Слѣдуетъ ли поддерживать его или бороться съ нимъ?»—вотъ вопросы, которые задаетъ новый французскій журналъ «Revue Blanche» разнымъ литературнымъ знаменитостямъ, преимущественно французскимъ, самаго разнообразнаго направленія и образа мыслей. Изъ полученныхъ и напечатанныхъ редакціей отвѣтовъ нѣкоторые не лишены интереса.

Георгъ Брандесъ, къ которому «Revue Blanche» также обратился съ своимъ запросомъ, высказываетъ мнѣніе, что если даже во французской литературѣ и сказывается скандинавское вліяніе, то лишь въ весьма слабой степени, на томъ основаніи, что во Франціи «очень мало знакомы со скандинавской литературой». Вліяніе русскихъ авторовъ, Толстого и Достоевскаго, выражается гораздо сильнѣе.

Золя, съ своей стороны, совершенно справедливо замѣчаетъ, что надо время для того, чтобы опредѣлить, что внесла иностранная литература въ національную. Но при этомъ онъ какъ бы забываетъ самъ только что сказанное и тутъ же заявляетъ, что присоединяется къ воззрѣніямъ Жюля Леметра, выразившаго мнѣніе, что «скандинавскія произведенія, завезенныя во Францію, зародились сами подъ вліяніемъ французскихъ же идей, французскаго романтизма и натурализма». Но Золя отрицаетъ, что нѣкоторыя изъ этихъ идей, подъ вліяніемъ «сѣвернаго генія» пріобрѣли полноту и интензивность.

Густавъ Канъ (Kahn) очень вѣрно указываетъ, что вліяніе посторонней литературы нельзя ни оспаривать, ни поощрять и что надо лишь заботиться о томъ чтобы извлечь изъ него наибольшую пользу. Надо знакомиться основательнѣе съ иностранною литературой, все читать, слушать и переводить и нечего опасаться

появленія на сценѣ иностранныхъ драматическихъ произведеній, лишь бы только отъ этого не пострадало національное искусство. Французскій романистъ Жоржъ Онэ также точно восклицаетъ: «Развѣ можно избирать литературное вліяніе? Какой геній можетъ похвастаться этимъ? Въ литературѣ плывутъ по теченію, но не противъ него!»

Другіе французскіе писатели и, между прочимъ, одинъ изъ представителей французскаго символизма, Стефанъ Малларме, даютъ весьма неопредѣленные отвѣты, пускаясь въ туманныя разсужденія по поводу того, что вліяніе скандинавской литературы отразилось лишь на внѣшнихъ формахъ, но не проникло вглубь и не отразилось на способахъ мышленія и на внутреннемъ содержаніи. Должно исчезнуть и народиться нѣсколько поколѣній, прежде чѣмъ книга отразитъ въ себѣ это вліяніе. Нѣкоторые изъ французскихъ писателей, въ томъ числѣ Люнье-Поэ, и теперь категорически его отрицаютъ. Во всякомъ случаѣ, редакція «Revue Blanche», затѣявъ свою «enquête», очевидно, затронула животрепещущую тему, такъ какъ всѣ французскіе писатели, отозвавшіеся на приглашеніе редакціи высказать свое мнѣніе, съ большою горячностью обсуждаютъ вопросъ объ «ибсенизмѣ» во французской литературѣ, но вопросъ этотъ все-таки остается открытымъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Современныя «алхимическія» стремленія.—Эра крайне высокихъ и крайне низкихъ температуръ. — Новыя географическія изысканія въ Африкѣ. — Некрологъ Карла Вейерштрасса.—Научныя новости и мелочи: Новая ископаемая обезьяна.—Дѣйствіе чая на человѣческій организмъ.—Удивительное растеніе.—Опытъ, показывающій въ малыхъ размѣрахъ явленіе происхожденія дождя.—Новый элементъ люцій.—Полное солнечное затмѣніе въ 1898 г.—Слухъ у рыбъ.—Алмазъ въ стали.—Быстрота полета утокъ.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія, когда Лавуазье, съ вѣсами въ рукахъ, произвелъ первыя точныя изслѣдованія надъ горѣніемъ, когда выяснилась роль кислорода въ процессахъ горѣнія, когда стали создаваться опредѣленныя понятія объ элементахъ,—въ умахъ ученыхъ постепенно укрѣплялась мысль о невозможности превращенія однихъ элементовъ въ другіе. Теорія четырехъ элементовъ Аристотеля (земля, вода, воздухъ и огонь) рухнула, за нею рухнули и теоріи, господствовавшія въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и принимавшія, что всякіе металлы состоятъ изъ сѣры и ртути, и, казалось, зданіе химической науки пріобрѣло прочный, совершенно новый фундаментъ. Науки, возродившіяся еще въ концѣ XVI-го вѣка, быстро двигавшіяся въ теченіе XVII вѣка и пережившія въ это время цѣлый рядъ переворотовъ, вошли въ XVIII-мъ вѣкѣ въ новую колею, навсегда распростились съ средневѣковою схоластикой и готовы были праздновать свое вступленіе на правильную дорогу. Химія, задачи которой въ теченіе 15 столѣтій мѣнялись, и которая не могла опредѣлить своей настоящей истинной цѣли, наконецъ, прочно установилась.

Девятнадцатый вѣкъ встрѣтилъ ее обновленною. Создалось прочное ученіе объ элементахъ, какъ веществахъ не разложимыхъ на свои составныя части, создалось убѣжденіе въ невозможности превращенія однихъ простыхъ тѣлъ въ другія; были осмѣяны стремленія алхимиковъ, направленныя къ искусственному полученію золота изъ другихъ «неблагородныхъ» металловъ и, казалось, все стало ясно, прочно и опредѣленно.

Но не таковъ человѣческій умъ, чтобы успокоиться. Назойливый вопросъ—почему одни элементы не могутъ быть превращаемы въ другіе, не переставалъ безпокоить ученыхъ. И хотя ученіе Платона, обосновавшее принципъ единства матеріи, перестало вліять на химиковъ, потеряло въ ихъ глазахъ ту силу, какую оно имѣло въ средніе вѣка, однако, для человѣка никогда не представлялось доказаннымъ, что матерія существуетъ въ нѣсколькихъ видозмѣненіяхъ, другъ въ друга не превратимыхъ. Мысль о единствѣ вещества не покидала умы ученыхъ и философовъ, и въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія этотъ вѣчный вопросъ снова выступаетъ на арену. Англичанинъ Prout и нѣмецъ Meinecke пытаются доказать, что всѣ

элементы произошли не изъ какихъ-то фиктивныхъ аристотелевыхъ стихій, а изъ одного элемента—водорода. Эту свою мысль оба названныхъ ученыхъ старались подтвердить доводами, заимствованными изъ строго экспериментальныхъ данныхъ. Возникла по этому поводу борьба и въ ней, во главѣ съ бельгійскимъ ученымъ Стасомъ (Stass), приняли участіе многіе изъ наиболѣе выдающихся европейскихъ ученыхъ.

Результатомъ этой борьбы было то, что происхожденіе всѣхъ элементовъ изъ водорода признано невозможнымъ и притомъ не на основаніи какихъ-либо отвлеченныхъ разсужденій, а только на основаніи необычайно точныхъ, произведенныхъ Стассомъ, опытовъ. А разъ нельзя доказать, что всѣ элементы произошли изъ какого-либо одного, то и мысль о возможности превращенія ихъ другъ въ друга становится сомнительною.

Голоса, въ этомъ смыслѣ безпокоившіе химію, замолкли, и съ ними вмѣстѣ замолки и голоса тѣхъ, кто думалъ воскресить мечты алхимиковъ. Немного, однако, прошло времени, какъ съ разныхъ сторонъ снова поднялись разговоры и опять на ту же тему. Въ 70-хъ годахъ, англійскій астрофизикъ Норманъ Локіеръ (Lockyer), наблюдая различныя звѣзды, ссылаясь на наблюденія Гершеля надъ солнечными протуберанцами, пришелъ къ заключенію, что хотя элементы, быть можетъ, и не произошли изъ водорода, но спектры небесныхъ свѣтилъ указываютъ на существованіе нѣкотораго первовещества, изъ котораго, неизвѣстнымъ намъ путемъ, образовались всѣ элементы. Это, по мнѣнію Локіера, слѣдовало, между прочимъ, изъ того, что чѣмъ температура какого-либо свѣтила выше, тѣмъ меньше на немъ элементовъ. Такъ, на землѣ мы знаемъ около 70-ти элементовъ, а на солнцѣ ихъ гораздо меньше; на солнцѣ, напримѣръ, нѣтъ ни сѣры, ни хлора, ни брома, ни іода; на нѣкоторыхъ звѣздахъ, температура которыхъ, по всей вѣроятности, еще выше солнечной, нѣтъ даже и тѣхъ элементовъ, которые есть на солнцѣ. Мнѣніе Локіера раздѣляетъ англійскій химикъ Круксъ (Crookes) и высказываетъ мысль, что всѣ элементы произошли изъ одного элемента, болѣе легкаго, нежели водородъ.

Словомъ съ теченіемъ времени въ наукѣ уже сталъ утверждаться взглядъ, что, можетъ быть, взаимное превращеніе элементовъ и возможно, но что при тѣхъ средствахъ, которыми располагаемъ мы, этого достигнуть нельзя. На томъ, повидимому, всѣ и успокоились. Но только *повидимому*. Нѣтъ-нѣтъ, да и появлялись то тамъ, то сямъ голоса, взывавшіе къ единству матеріи. Почему это стремленіе къ признанію единства матеріи красной нитью проходитъ черезъ исторію наукъ, сказать съ достовѣрностью трудно; но вѣроятнѣе всего—это особенность нашей психики, требующей, чтобы началомъ всего было нѣчто единое. Отсюда невозможность представить себѣ вселенную иначе, какъ явившуюся результатомъ акта творенія Единаго Бога изъ единой массы (хаоса). Отсюда стремленіе найти первичную протоплазму, какъ матеріалъ, изъ котораго, путемъ сложной эволюціи явилось все живое, отсюда же вѣчные поиски за единствомъ силъ, имѣющихъ въ своей основѣ одну какую-либо силу и т. д.

Но экспериментальная наука не принимаетъ никакихъ подобнаго рода соображеній, если они не подкрѣплены опытомъ. Превратите хоть одинъ какой-либо элементъ въ другой, говоритъ она, и тогда, только тогда, можно будетъ говорить о превращаемости элементовъ; до тѣхъ же поръ, пока вы основываетесь на теоретическихъ соображеніяхъ общаго характера, можно васъ слушать, соглашаться съ

вами вообще, но принимать ваши соображенія только какъ возможность,—не больше.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ американскій химикъ Карей Ли (Carrey Lea), производя нѣкоторые опыты надъ солями серебра и выдѣляя изъ этихъ солей металлическое серебро, получилъ его въ весьма странномъ видѣ. Серебро, какъ и всѣ другіе металлы, не растворяется въ чистой водѣ, и если изъ какой-либо растворенной соли серебра, помощью тѣхъ или другихъ химическихъ пріемовъ выдѣлить его, то оно выдѣляется въ видѣ или сѣраго порошка, или же въ видѣ порошка, напоминающаго серебряные мелкіе опилки. Между тѣмъ Карей Ли получилъ серебро, какъ бы, растворенное въ водѣ. Этотъ растворъ обладаетъ нѣкоторыми весьма интересными свойствами, выдѣляетъ металлическое серебро—то въ обыкновенномъ, всѣмъ извѣстномъ видѣ, то въ такомъ видѣ, что его трудно отличить (по цвѣту) отъ золота. Такія странныя перемѣны происходящія въ серебрѣ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ условій, навели нѣкоторыхъ изъ американскихъ химиковъ на мысль о томъ, не возможно ли, идя по этому пути, попытаться превратить серебро въ золото.

И вотъ въ Америкѣ, какъ сообщилъ недавно одинъ изъ самыхъ серьезныхъ горныхъ журналовъ «The Mining Journal», основалось акціонерное общество «The argentaurum Syndicate», въ составъ котораго вошли, съ одной стороны, крупные капиталисты, а съ другой—весьма извѣстные ученые—Карей Ли, Ремсенъ, Эдиссонъ и друг. Это общество задалось опредѣленною цѣлью—превращать серебро въ золото; въ основу этого стремленія были положены, съ одной стороны, факты, добытые Карей Ли, а съ другой, — наблюденія Эдиссона, будто подъ вліяніемъ электрическихъ искръ серебро претерпѣваетъ довольно сильныя измѣненія въ цвѣтѣ, плотности и другихъ физическихъ свойствахъ. Айра Ремсенъ даже приготовилъ цѣлый приборъ, предназначаемый для систематическихъ опытовъ полученія золота изъ серебра, извѣстный физикъ, Тесла, точно также дѣлаетъ подобные опыты, замѣтивъ будто подъ вліяніемъ X—лучей серебро сильно измѣняется. О результатахъ работъ этого новаго оригинальнаго общества еще никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ, хотя, по сообщенію того же горнаго журнала, изслѣдователямъ удалось уже сообщить серебру желтый золотистый цвѣтъ и значительно увеличить его плотность. Разумѣется, отъ этого и до превращенія въ золото—еще цѣлая пропасть, ибо новополученное, золотистаго цвѣта и большой плотности, серебро не имѣетъ ни одного изъ химическихъ свойствъ присущихъ золоту, а сохраняетъ всѣ свойства, характеризующія обыкновенное серебро.

Названные ученые разсуждаютъ совершенно такъ же, какъ разсуждали средневѣковые алхимики. Если, говорятъ они, можно измѣнить цвѣтъ серебра, если можно измѣнить и его плотность, т. е., стало быть, измѣнить характерныя *физическія свойства*, отличающія этотъ металлъ отъ другихъ, то почему же не питать надежду на то, что удастся измѣнить и *химическія* свойства. Разница между современными и средневѣковыми алхимиками лишь та, что въ то время, какъ послѣдніе измѣняли цвѣтъ, напримѣръ, мѣди, сплавляя ее съ мышьякомъ, первые не вводятъ въ серебро никакихъ постороннихъ веществъ. Само по себѣ это очень интересно, но отъ этого и до того, чтобы серебро сдѣлалось золотомъ—громадный скачокъ, едва ли возможный въ настоящее время.— Будущее же покажетъ, стоятъ ли названные ученые на правильной почвѣ.

Затронувъ этотъ вопросъ, пока еще находящійся въ зачаточномъ состояніи, я хотѣлъ бы познакомить читателя съ другимъ вопросомъ, разрабатываемымъ въ теченіе послѣднихъ 20 слишкомъ лѣтъ и давшимъ уже массу въ высшей степени интересныхъ для науки результатовъ—съ вопросомъ о полученіи очень высокихъ и очень низкихъ температуръ и о дѣйствіи этихъ температуръ.

Еще очень недавно въ наукѣ хотя и имѣлись средства получать высокія температуры (до 3.000 слишкомъ градусовъ), однако испытывать дѣйствіе этихъ температуръ на различныя тѣла не удавалось, потому что такія температуры получались только при помощи электрическаго тока въ такъ-называемой Вольтовой дугѣ, а при тѣхъ трудностяхъ, съ которыми въ прежнее время было связано полученіе Вольтовой дуги, нечего было и думать объ изслѣдованіи различныхъ процессовъ при той температурѣ, которую даетъ Вольтова дуга. Только теперь, когда электрическая энергія стала такъ дешева, когда она добывается въ громадныхъ количествахъ и пользованіе ею въ такой степени облегчено, только теперь можно было начать испытывать дѣйствіе столь высокихъ температуръ на тѣла. Французскій химикъ Анри Муассанъ (Henry Moissan) изобрѣлъ такъ-называемый электрическій горнъ, въ которомъ любое вещество можетъ быть подвергаемо дѣйствію высокихъ температуръ, получающихся въ Вольтовой дугѣ. Этимъ путемъ самому Муассану и нѣкоторымъ изъ его учениковъ удалось получить многіе изъ минераловъ въ томъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются въ природѣ. Не говоря ужъ о томъ, что полученіе этихъ минераловъ «огненнымъ» путемъ послужило доказательствомъ въ пользу вулканической теоріи вообще, кромѣ этого явилась возможность подтвердить нѣкоторыя изъ тѣхъ теорій, которыя первоначально высказывались въ видѣ болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ.

Я говорю о теоріи происхожденія нефти,—теоріи, которая уже много лѣтъ интересовала натуралистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взялись тѣ милліарды пудовъ нефти, которые ежегодно извлекаются изъ земли у насъ, около Баку или въ Пенсильваніи, какъ появилась эта странная жидкость столь сложнаго состава, существовавшая, очевидно, уже во времена глубокой древности?

Изъ всѣхъ высказанныхъ по этому поводу предположеній наиболѣе правдоподобнымъ казалась гипотеза, выраженная Менделѣевымъ, гипотеза, въ силу которой нефть произошла вслѣдствіе дѣйствія воды при высокой температурѣ на желѣзо, соединенное съ углемъ. Дѣйствительно, уже давно были извѣстны наблюденія, что при дѣйствіи нѣкоторыхъ кислотъ на чугунъ (который представляетъ «сплавъ» желѣза съ углемъ) получаются вещества, сходныя по своему составу съ нефтью. Это обстоятельство разумѣется давало уже нѣкоторую опору для указанной теоріи образованія нефти.

Но недавно Муассану удалось получить соединеніе угля съ металломъ вольфрамомъ, которое послужило къ окончательному уясненію и упроченію теоріи происхожденія нефти. Дѣло въ томъ, что полученное Муассаномъ соединеніе угля съ вольфрамомъ при обливаніи водою дастъ цѣлый рядъ жидкихъ маслянистыхъ веществъ, которыя по своему составу почти тождественны съ нефтью.

Конечно, едва ли можно думать, что нефть образуется въ нѣдрахъ земли благодаря дѣйствію воды именно на этотъ углеродистый вольфрамъ. Но это и не важно: вѣдь вода дѣйствуетъ на углеродистый вольфрамъ при обыкновенной температурѣ и обыкновенномъ давленіи, между тѣмъ

какъ подъ землею имѣется температура весьма высокая, а давленіе доходитъ иногда до громадныхъ размѣровъ. А извѣстно, что при такихъ условіяхъ возможны и тѣ химическіе процессы, которые при обыкновенныхъ условіяхъ не происходятъ. Важно было доказать только, что нефть можетъ произойти при дѣйствіи воды на углеродистый металлъ; разъ, это доказано, мы можемъ съ весьма большою вѣроятностью утверждать, что теорія образованія нефти, выраженная Менделѣевымъ, получила блестящее экспериментальное подтвержденіе.

Но если высокія температуры дали возможность убѣдиться въ правильности различныхъ гипотезъ относительно образованія минераловъ въ нѣдрахъ земли и, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени приподняли завѣсу, скрывающую отъ насъ тайны подземной лабораторіи, то явившіеся пріемы полученія весьма *низкихъ температуръ* открыли цѣлую область неизвѣстныхъ явленій и придвинули насъ къ одному пункту, столь же таинственному для физика, какъ сѣверный или южный полюсы земного шара таинственны для географа.

Всѣмъ извѣстно, что когда мы говоримъ теперь о теплѣ и холодѣ, то подъ холодомъ разумѣемъ только меньшую степень тепла. Условно принято въ наукѣ считать, что теплотное состояніе тѣлъ, соотвѣтствующее температурѣ таянія льда или замерзанія воды считается границей, отъ которой въ одну сторону считаютъ тепло, въ другую—холодъ.

Но уже давно въ наукѣ установилось убѣжденіе, что есть такая температура, до которой, если бы удалось довести какое-либо тѣло, то въ немъ совершенно не было бы теплоты. Эта температура названа *абсолютнымъ нулемъ*, и лежитъ она на 273° ниже точки 0°, считая по термометру Цельсія (100-градусному). Эта температура найдена вычисленіемъ, основаннымъ на слѣдующихъ данныхъ: такіе газы, какъ, напр., воздухъ, при охлажденіи на 1° Цельсія, уменьшаются на $^1/_{273}$ своего объема; если охладить газъ на 2 градуса, то онъ уменьшится въ своемъ объемѣ на $^2/_{273}$; на 3 градуса на $^3/_{273}$ и т. д. Если, стало быть, охладить газъ на 273°, то предполагая, что въ немъ не произойдетъ никакихъ перемѣнъ, онъ долженъ будетъ уменьшиться въ своемъ объемѣ на $^{273}/_{273}$, т. е. его объемъ долженъ будетъ сдѣлаться нулемъ; иначе говоря, газъ не будетъ занимать никакого объема. Конечно, никто не думалъ, что если бы такая температура была достигнута, то въ самомъ дѣлѣ объемъ газа обратился бы въ ничто—всѣ убѣждены, что раньше этого любой газъ превратится въ жидкость или въ твердое тѣло и тогда, стало быть, перестанетъ сокращаться въ своемъ объемѣ по вышеуказанному закону. Однако, само по себѣ достиженіе такой точки, при которой тѣло хотя и сохранило бы объемъ, но, теоретически говоря, не имѣло бы тепла, представлялось въ высшей степени интереснымъ и поучительнымъ.

Вопросъ о полученіи низкихъ температуръ исторически тѣсно связанъ съ вопросомъ о сгущеніи газовъ въ жидкое состояніе. Какъ только удавалось сгустить какой-нибудь газъ въ жидкость, такъ сейчасъ же, заставляя эту жидкость испаряться, получали сравнительно очень низкія температуры. Уже Фарадею удалось сгустить въ жидкое состояніе углекислоту, которую онъ же получилъ и въ твердомъ видѣ; давая этой углекислотѣ испаряться, Фарадей получилъ температуру —79°. Но были газы, которые ни при какихъ условіяхъ «не желали» превращаться въ жидкость. Какъ ихъ ни сдавливали,

они оставались газообразными. Раздраженные этимъ упрямствомъ газовъ, нѣкоторые физики подвергали ихъ по истинѣ невѣроятнымъ давленіямъ. Такъ, въ 1854 году, вѣнскій физикъ Наттереръ, желая во что бы то ни стало превратить водородъ или азотъ въ жидкое состояніе, подвергъ ихъ давленію приблизительно въ 3.600 атмосферъ.

Трудно себѣ вообразить, что это за давленіе! Если вы представите себѣ, что на данный газъ напираетъ водяной столбъ вышиною въ 35 верстъ, то вы составите себѣ понятіе объ этомъ давленіи; еще яснѣе будетъ, если мы это давленіе переведемъ на пуды; представьте себѣ площадь, имѣющую въ длину около $1^1/_2$ аршинъ и въ ширину столько же; если на эту площадь наложить грузъ въ 10.740.000 пудовъ, то это будетъ приблизительно отвѣчать давленію 3.600 атмосферъ. И не смотря на такое громадное давленіе, и азотъ, и водородъ остались въ газообразномъ состояніи.

Впослѣдствіи это странное обстоятельство уяснилось. Оказалось, что каждому газу свойственна температура, при которой (и выше ея), какъ бы мы газъ этотъ ни сжимали, онъ въ жидкое состояніе обратиться не можетъ. Эта температура называется *критическою*. Принявъ это обстоятельство во вниманіе, ученые новѣйшаго времени поняли, что сгущеніе газовъ въ жидкости удается лишь тогда, когда мы достигнемъ возможности охладить каждый изъ газовъ ниже его критической температуры.

Въ 1877 году, одновременно два ученыхъ — Калльетэ въ Парижѣ и Рауль Пикте въ Женевѣ—добились того, что такіе газы, какъ воздухъ, кислородъ и азотъ, считавшіеся несгущаемыми, обращены были, наконецъ, въ жидкое состояніе.

Принципъ, къ которому прибѣгли названные ученые, могъ быть примѣненъ лишь тогда, когда механическая теорія теплоты явилась вполнѣ выработанною. Принципъ этотъ заключался въ томъ, что данный газъ сжимался и охлаждался одновременно, но этого было недостаточно, такъ какъ охлажденіе все же оставалось, относительно говоря, незначительнымъ. И вотъ, примѣненъ былъ такой способъ: когда сильно сжатый (напр., до 300 атмосферъ) газъ былъ охлажденъ, то затѣмъ открывали кранъ сосуда, гдѣ газъ былъ сжатъ. Газъ стремительно вырывался изъ сосуда и при этомъ, благодаря совершаемой имъ работѣ, охлаждался весьма значительно (градусовъ на 100—150, въ зависимости отъ степени сжатія и свободы выхода наружу). При такихъ условіяхъ, при охлажденіи, значитъ, градусовъ до 200 ниже нуля, воздухъ превратился въ жидкое состояніе.

Съ этого времени наука быстро пошла впередъ по пути полученія низкихъ температуръ. Сгустивъ, напримѣръ, кислородъ или азотъ въ жидкость и заставляя ихъ испаряться въ пустотѣ, получаютъ необыкновенно низкія температуры.

При обыкновенныхъ условіяхъ кислородъ кипитъ при —182,7°; азотъ, по изслѣдованіямъ краковскаго ученаго Ольшевскаго, кипитъ при —198°; но если его заставить кипѣть въ пустотѣ, то температура падаетъ до —225°.

Въ 1892 г. проф. Dewar на публичной лекціи показалъ своимъ слушателямъ цѣлый литръ жидкаго кислорода и затѣмъ, давши ему испаряться въ пустотѣ и охлаждая имъ воздухъ, на глазахъ у цѣлой аудиторіи произвелъ превращеніе воздуха въ жидкость, такъ что пропускаемый въ трубку (охлажденную до —192°) воздухъ изъ другого конца трубки капалъ, какъ вода.

Изъ всѣхъ газовъ упорствовалъ только одинъ водородъ. Въ мартѣ 1895 г. Ольшевскій сообщилъ въ

Лондонъ, проф. Рамсаю (Ramsay), что ему удалось найти температуру, при которой кипитъ водородъ.

Эта температура —243,5°!

Ее несомнѣнно получалъ Ольшевскій, но лишь на одно мгновеніе, именно въ тотъ моментъ, когда водородъ, охлажденный кипящимъ жидкимъ воздухомъ и сжатый, сразу вырывается изъ сосуда.

Наконецъ, Dewar'у удалось получить водородъ въ жидкомъ состояніи въ замѣтномъ количествѣ; этотъ жидкій водородъ кипѣлъ, и помѣщенные въ него воздухъ и кислородъ, сразу переходили въ твердое состояніе, при чемъ кислородъ имѣлъ видъ свѣтло-голубого снѣга.

Такимъ образомъ достигнута уже температура —243,5°, которую удается продержать нѣкоторое время.

Весьма недавно, лѣтомъ истекшаго года, Ольшевскій опубликовалъ свои изслѣдованія надъ сгущеніемъ одного изъ недавно полученныхъ Ramsay'омъ газообразныхъ элементовъ — геллія. Изъ всѣхъ существующихъ газовъ, геллій оказался самымъ упорнымъ. Ни при какихъ условіяхъ геллій не обнаружилъ склонности превратиться въ жидкость, не смотря на то, что Ольшевскій довелъ его температуру (правда, на одно только мгновеніе) почти до —266°, т. е. достигъ температуры, только на 7° отстоящей отъ абсолютнаго нуля!

Теперь, разумѣется, мы ждемъ того момента, когда удастся сгустить геллій, ибо если это будетъ достигнуто, то, такъ какъ онъ кипитъ, должно быть, при —266°, заставляя геллій испаряться въ пустотѣ, можно будетъ получить наконецъ и —273°, т. е. абсолютный 0 температуры.

Вотъ тутъ и можетъ быть поднесенъ наукѣ такой сюрпризъ, который произведетъ величайшій переполохъ. Что, если вдругъ окажется возможною температура ниже —273°, т. е. та температура, которая съ теоретической точки зрѣнія представляется невозможною?

По крайней мѣрѣ, въ невозможности такой температуры, былъ глубоко убѣжденъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ дѣятелей въ области механической теоріи теплоты, Р. Клаузіусъ.

Такъ, еще въ 1881 году Клаузіусъ, между прочимъ, писалъ мнѣ: «Meiner festen Ueberzeugung nach, existirt keine Temperatur unter —273°». (По моему глубокому убѣжденію не существуетъ температуры ниже—273°).

Какъ бы то ни было, но мы уже близки къ той предѣльной низкой температурѣ, какую только допускаетъ современная наука.

Спрашивается, какія же новыя явленія удалось наблюдать при этихъ низкихъ температурахъ?

Первый рядъ интересныхъ явленій заключается въ томъ, что тѣ вещества, которыя при обыкновенной температурѣ весьма энергически другъ на друга дѣйствуютъ, т. е. вступаютъ въ химическія соединенія, при температурахъ, напримѣръ, ниже —70° никакого взаимодѣйствія не обнаруживаютъ. Такъ, если при обыкновенныхъ условіяхъ налить сѣрную кислоту на амміакъ, то соединеніе этихъ двухъ веществъ сопровождается взрывомъ; если же, охладивши оба эти вещества ниже —70°, смѣшать ихъ, то они остаются безъ всякаго дѣйствія другъ на друга. По мѣрѣ разогрѣванія наступаетъ, однако, моментъ, когда ихъ соединеніе сопровождается взрывомъ. То же самое наблюдается со смѣсью хлора и водорода: эта смѣсь при обыкновенныхъ условіяхъ, если ее освѣтить магніевымъ свѣтомъ или прямыми солнечными лучами, даетъ сильный взрывъ; охлажденная же до весьма низкихъ температуръ, она остается при освѣщеніи совершенно безразличною. Точно также низкія температуры, по изслѣдованіямъ Пикте, оказались своеобразно дѣйствующими

на силу магнита. Оказалось, что при охлажденіи искусственныхъ магнитовъ до —105°, ихъ притягательная сила значительно возросла; такъ, магнитъ, удерживавшій до своего охлажденія только 57,31 грам., послѣ охлажденія удерживалъ 76,64 грам.

Но наиболѣе интересныя явленія были получены при изученіи *непроводниковъ* теплоты. Р. Пикте окружалъ охлажденный до —165° сосудъ различными непроводниками теплоты, каковы: хлопчатая бумага, шерсть, песокъ, древесныя опилки, солома, торфъ, шелкъ и т. д , при чемъ оказалось, что пока температура сосуда не дошла до —100°, толщина слоя всѣхъ этихъ непроводниковъ не имѣла никакого вліянія на согрѣваніе охлажденнаго до —165° сосуда; Пикте оставлялъ охлажденный до этой температуры сосудъ безъ всякой защиты, затѣмъ окутывалъ его хлопчатой бумагою толщиною отъ 10 до 50 сантиметровъ (3/4 аршина) и оказывалось, что эти оболочки никакого значенія въ быстротѣ согрѣванія не имѣли. Начиная съ —100° и до —70°, толщина оболочки, окутывающей сосудъ, уже получала нѣкоторое значеніе и нагрѣваніе охлажденнаго сосуда происходитъ нѣсколько медленнѣе, если онъ былъ окруженъ оболочкою, нежели въ томъ случаѣ, если этой оболочки не было. Только между температурами —20° и до +10 оболочки, окутывающія сосудъ вліяютъ почти пропорціонально своей толщинѣ. Словомъ, если примѣнить эти изслѣдованія къ вопросу о зимней одеждѣ, то окажется, что только при температурѣ выше —70° теплая одежда имѣетъ вліяніе, при температурахъ же ниже —70-ти (какъ, напримѣръ, наблюденная однажды у насъ въ Сибири (въ Верхоянскѣ) температура въ —79°) одежда совершенно теряетъ свое предохраняющее отъ холода значеніе. Основываясь на этихъ наблюденіяхъ, Пикте рѣшилъ подвергнуть животныхъ дѣйствію очень низкихъ температуръ и продѣлалъ также опыты надъ собою; послѣдніе особенно интересны: оказалось, что, помѣщаясь нѣсколько разъ въ сосудъ, гдѣ господствовала температура —110°, Пикте не ощущалъ никакого особеннаго холода, несмотря на то, что каждый разъ оставался въ этомъ сосудѣ по нѣскольку минутъ. Такое поразительное на первый взглядъ обстоятельство объяснилось однако весьма просто. Человѣческое тѣло испускаетъ изъ себя тепловые лучи, соотвѣтствующіе всякимъ температурамъ, начиная отъ +37,5° (нормальная температура тѣла) и до —273° (абсолютный нуль); изъ этихъ лучей только лучи, соотвѣтствующіе температурамъ отъ +37,5° до —70° задерживаются теплымъ платьемъ и тѣло, въ силу этого защищало отъ *ощущенія* холода, которое представляется ощущеніемъ преимущественно *кожнымъ*, остальные же лучи свободно проходятъ въ охлажденную среду, не задерживаясь теплымъ платьемъ. Какіе же это лучи уходятъ изъ тѣла въ среду? Лучи отъ —70° и до —273°, между тѣмъ среда даетъ тѣлу только лучи отъ —110° до —273°, такъ какъ ея температура, какъ сказано, равна—110°. Стало быть, лучи, идущіе отъ тѣла въ среду и соотвѣтствующіе температурѣ отъ —70° до —110° не восполняются соотвѣтственными лучами изъ среды. Слѣдовательно, тѣло охлаждается, но ощущенія холода не испытываетъ. Такого рода охлажденіе сильно повышаетъ дѣятельность пищеварительныхъ органовъ, легкихъ и сердца и, какъ свидѣтельствуетъ самъ Пикте, вызываетъ весьма благотворныя послѣдствія. Въ теченіе долгихъ лѣтъ Пикте страдалъ тяжелымъ катарромъ желудка съ потерею аппетита. Продѣлавъ нѣсколько сеансовъ, т. е. подвергнувъ себя въ теченіе 8 разъ дѣйствію температуры въ —110°, Пикте совершенно излѣчился отъ этой тяжелой болѣзни. На этомъ основаніи онъ предложилъ новый методъ лѣченія,

названный имъ *фриготерапіей* (лѣченіе холодомъ). Этотъ методъ теперь только испытывается въ болѣе широкихъ размѣрахъ въ устроенномъ въ Берлинѣ институтѣ для полученія низкихъ температуръ.

Не мѣшаетъ упомянуть еще объ одной перспективѣ открывающейся благодаря возможности получать столь низкія температуры.

Извѣстно, что ростъ, размноженіе и вообще жизнедѣятельность низшихъ организмовъ останавливается подъ вліяніемъ низкихъ температуръ. Но и у высшихъ животныхъ наблюдается подобная же остановка жизненной дѣятельности. Замороженное животное нельзя считать мертвымъ; мы знаемъ, что даже замерзшаго человѣка, обнаружившаго полное прекращеніе жизненной дѣятельности (остановка дыханія и сердцебіенія) можно путемъ осторожнаго отогрѣванія возвратить къ жизни. И до сихъ поръ мы не можемъ сказать, сколько времени можетъ оставаться человѣкъ въ замороженномъ состояніи, чтобы потомъ путемъ отогрѣванія быть приведеннымъ къ жизни. Но вотъ въ высшей степени любопытный фактъ: было заморожено нѣсколько лягушекъ до такой степени, что онѣ представляли собою какъ бы куски льда, ихъ можно было ломать на куски; въ этомъ состояніи лягушки сохранялись очень долго (если не ошибаюсь, цѣлый годъ) и затѣмъ осторожнымъ оттаиваніемъ и отогрѣваніемъ были оживлены почти всѣ. Это можно себѣ объяснить лишь тѣмъ, что въ организмѣ ихъ прекратилась жизнедѣятельность всякихъ бактерій, которыя могли бы вызвать разложеніе тканей и крови лягушекъ и сдѣлать невозможнымъ ихъ возвращеніе къ жизни; а разъ этотъ организмъ остался и по истеченіи года такимъ же, какимъ былъ въ первую минуту, когда лягушка замерзала, то нѣтъ основанія удивляться тому, что лягушка ожила черезъ годъ, какъ не было бы основанія удивляться, если бы она ожила черезъ 10 лѣтъ. Весьма вѣроятно, что то, что примѣнимо въ данномъ случаѣ къ лягушкѣ, можетъ быть примѣнимо и къ человѣку; поэтому, на основаніи опытовъ Пикте, можно утверждать, что если человѣкъ замерзъ при такой температурѣ, при которой всякая жизнедѣятельность низшихъ организмовъ прекращается и, стало быть, прекращаются и процессы разложенія, то такого замерзшаго человѣка можно оживить не только черезъ часъ или два, но, можетъ быть, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Я не стану говорить о другихъ слѣдствіяхъ, которыя можно было бы вывести изъ этихъ фактовъ о новыхъ методахъ лѣченія, построенныхъ на различномъ отношеніи человѣка и низшихъ организмовъ къ низкимъ температурамъ — для этого мы еще не имѣемъ достаточнаго фактическаго матеріала; но мнѣ хотѣлось показать, что полученіе низкихъ температуръ уже дало не мало цѣнныхъ результатовъ, а въ будущемъ дастъ ихъ, навѣрное, еще гораздо больше.

Географія Африки обогатилась столь же интереснымъ, сколько неожиданнымъ открытіемъ. Недавно появилась работа французскаго географа P. Vuillot, въ которой описывается новое озеро, находящееся невдалекѣ отъ Тимбукту. Озеро это впервые было отмѣчено французскимъ морскимъ офицеромъ Bluzet еще въ 1895 г., но тогда никто на него не обратилъ надлежащаго вниманія. Еще болѣе удивительно то, что знаменитый нѣмецкій путешественникъ H. Barth, жившій довольно долго въ Тимбукту, не зналъ объ этомъ озерѣ, не смотря на то, что оно, по своей величинѣ, едва ли меньше половины озера Чадъ и, имѣя въ длину свыше 100 километровъ, а въ ширину около 20-ти, соединено съ Нигеромъ. Карта Vuillot

въ масштабѣ 1 : 100.000 появилась недавно въ Парижѣ у Шалламеля. Озеро, о которомъ идетъ рѣчь, называется Фагуибинъ; оно простирается отъ 5°36′ до 6°28′ (по парижскому меридіану). Сѣверный конецъ его (не считая болотъ, лежащихъ еще далѣе къ сѣверу), приблизительно, доходитъ до 16°55 сѣверной широты, между тѣмъ какъ почти перпендикулярно къ нему примыкающій рукавъ Теле доходитъ до 16°25. Ширина Фагуибина различна—отъ 5 до 20 километровъ на южномъ концѣ, а при Расъ-эль-ма оно дѣлается совсѣмъ узкимъ. Кромѣ своего соединенія съ болотами, лежащими къ сѣверу, Фагуибинъ на югѣ соединяется еще съ другимъ маленькимъ озеромъ Дауна посредствомъ узкаго канала. На самомъ озерѣ разбросано около дюжины островковъ; изъ нихъ наибольшій, Тагуламъ имѣетъ гавань Аубе. Глубина озера въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 40 метровъ и болѣе. Берега, частью крутые, около Теле примыкаютъ прямо къ горному хребту. Описываемое озеро не представляетъ собою результата разлитія Нигера; границы, до которыхъ достигаетъ вода Нигера во время его разлитія, не достигаютъ озера. На озерѣ бываютъ иногда сильныя бури, и Hourst, объѣхавшій его, свидѣтельствуетъ, что во время такой бури волны достигали вышины 3 метровъ. Карта, представленная Vuillot, изобилуетъ подробностями; на ней отмѣчены маленькія рѣчки, долины, горы, границы затопляемыхъ мѣстъ, деревни, города, поселенія различныхъ племенъ. Можно надѣяться, что новыя изслѣдованія французскихъ моряковъ, находящихся теперь около Тимбукту, познакомятъ насъ съ дальнѣйшими интересными подробностями озера, скрывавшагося въ теченіе такого долгаго времени отъ глазъ самыхъ внимательныхъ путешественниковъ.

---

9 (21) февраля въ Берлинѣ скончался одинъ изъ знаменитѣйшихъ европейскихъ математиковъ Карлъ Вейерштрассъ. Покойный родился 31 октября 1815 года въ Остенфельдѣ, въ Вестфаліи. Сначала, по окончаніи средняго образованія, онъ поступилъ въ боннскій университетъ, гдѣ съ 1834 года занимался изученіемъ юридическихъ и камеральныхъ наукъ. Въ 1838 году Вейерштрассъ оставилъ Боннъ и, переѣхавъ въ Мюнстеръ, сталъ изучать математику и физику. По окончаніи курса онъ сдѣлался здѣсь преподавателемъ этихъ наукъ въ мѣстной гимназіи. Въ 1856 году, уже пріобрѣтши имя въ наукѣ, Вейерштрассъ получилъ каѳедру экстраординарнаго профессора математики въ промышленномъ институтѣ (Gewerbinstitut) въ Берлинѣ, а затѣмъ, въ 1864 году, былъ приглашенъ въ берлинскій университетъ на ту же каѳедру.

Вейерштрассъ принадлежалъ къ числу корифеевъ математики и не было того математика, который не зналъ бы имени Вейерштрасса, рядомъ съ именами такихъ ученыхъ, какъ П. Л. Чебышевъ у насъ или Hermite—во Франціи. Вейерштрассъ внесъ весьма много новаго въ математику. Его изслѣдованія Абеллевыхъ интеграловъ, интегрированіе нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ дифференціальныхъ уравненій и, наконецъ, общее изслѣдованіе ученія о функціяхъ, въ особенности же о функціяхъ эллиптическихъ, являются капитальными работами по чистой математикѣ. Изслѣдованія функцій появились въ 1886 году въ Берлинѣ отдѣльнымъ изданіемъ, озаглавленнымъ «Abhandlungen aus der Functionenlehre».

Всѣ знавшіе Вейерштрасса лично питали къ нему необыкновенное уваженіе, не только какъ къ замѣчательному математику, но и какъ къ удивительно задушевному и благородному

человѣку. Не смотря на свой преклонный возрастъ, Вейерштрассъ постоянно принималъ близкое участіе въ судьбѣ своихъ учениковъ, помогалъ имъ во всемъ и со многими изъ нихъ велъ переписку. Только этими прекрасными качествами его, какъ человѣка, и объясняется то вліяніе, какимъ онъ пользовался между своими учениками, и та любовь, которую къ нему питали всѣ приходившіе съ нимъ въ близкое соприкосновеніе. Наша соотечественница, Софія Ковалевская была одною изъ любимыхъ его ученицъ, и тѣмъ, что она получила каѳедру математики въ стокгольмскомъ университетѣ, она, конечно, въ значительной степени была обязана Вейерштрассу, умѣвшему пренебречь предразсудкомъ, будто женщина не способна быть отличнымъ профессоромъ высшаго учебнаго заведенія. Въ лицѣ Гельмгольца. Дю-Буа-Реймона и Вейерштрасса берлинскій университетъ потерялъ крупнѣйшихъ профессоровъ, а все человѣчество — величайшихъ ученыхъ,

---

Научныя новости и мелочи.

Новая ископаемая обезьяна. Докторъ C. J. Forsyth Major, занимающійся, по порученію британскаго музея, зоологическими и палеонтологическими изслѣдованіями на островѣ Мадагаскарѣ открылъ новый видъ ископаемой обезьяны величиною въ человѣческій ростъ. До сихъ поръ на Мадагаскарѣ наблюдались только виды полуобезьянъ, между которыми особенно замѣчателенъ былъ видъ полуобезьяны Megaladapis; нынѣшнія формы, встрѣчающіяся на этомъ островѣ, также, какъ и большинство ископаемыхъ относятся къ лемуридамъ. Найденная названнымъ изслѣдователемъ обезьяна напоминаетъ другой видъ ископаемой человѣко-подобной обезьяны, именно такъ называемой Mesopithecus, почему Forsyth и далъ ей названіе Mesopithecus Roberti.

Дѣйствіе чая на организмъ. Извѣстно, что специфически дѣйствующими составными частями чая считается коффеинъ (теинъ) и эфирныя масла. Недавно появились изслѣдованія двухъ ученыхъ E. Kraepelin'a и A. Hoch'a, которые доказываютъ, что коффеинъ производитъ спеціальное дѣйствіе на мышечную систему, возбуждая въ мышцахъ способность къ болѣе сильной работѣ. Такое дѣйствіе было доказано названными изслѣдователями помощью спеціальнаго прибора, такъ называемаго эргографа. Что касается до эфирныхъ маселъ, то они, наоборотъ, ослабляютъ мышечную энергію, но за то поднимаютъ умственную дѣятельность. Для доказательства этого послѣдняго положенія, названные изслѣдователи предлагали лицамъ, надъ которыми производились опыты, рѣшать простѣйшія ариѳметическія задачи, напримѣръ, производить изустно сложеніе. Оказалось, что послѣ пріема этихъ маселъ у испытуемыхъ субъектовъ являлась способность болѣе быстро производить сложеніе, нежели до пріема. Крепелинъ и Гохъ приходятъ къ заключенію, что чай—вещество, дѣйствующее возбуждающимъ образомъ какъ на мышцы, такъ и на мозгъ. То чувство благосостоянія, которое испытываютъ многія лица послѣ употребленія чая, слѣдуетъ приписать дѣйствію эфирныхъ маселъ, и кто желаетъ вызвать въ себѣ усиленную мозговую дѣятельность, долженъ, по мнѣнію цитируемыхъ авторовъ, употреблять чай, содержа-

щій мало коффеина и много эфирныхъ маселъ.

Удивительное растеніе. На конгрессѣ британскаго общества содѣйствію наукъ (British Association for the Advencement of science) D. Morris сдѣлалъ докладъ о весьма странномъ растеніи, называемомъ жумбай или дикимъ тамариндовымъ деревомъ (Leucaena glauca). Это растеніе произрастаетъ во всемъ тропическомъ поясѣ Америки, въ особенности же въ изобиліи на Вестъ-Индскихъ островахъ, а именно на Ямайкѣ и Багамскихъ островахъ. На этихъ послѣднихъ жумбай считается отличнымъ кормомъ для домашняго скота, но при этомъ названное растеніе обнаруживаетъ одно весьма странное второстепенное дѣйствіе: животныя, съѣдающія жумбай, теряютъ шерсть, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла. У лошадей, напримѣръ, выпадаютъ волосы изъ гривы и хвоста, при чемъ послѣдній утолщается и принимаетъ бурый цвѣтъ, почему такихъ лошадей называютъ на мѣстѣ «сигарные хвосты». Подобное же дѣйствіе обнаруживаетъ названное растеніе и по отношенію къ муламъ и осламъ. Свиньи при тѣхъ же условіяхъ лишаются совершенно своей щетины, при чемъ, однако, ихъ общее состояніе здоровья нисколько не страдаетъ. Если прекратить кормъ животныхъ жумбаемъ, то шерсть снова у нихъ выростаетъ, но при этомъ, однако, новая шерсть обладаетъ и другимъ цвѣтомъ, и другою густотою, нежели та, которая выпала. Въ одномъ случаѣ лошадь, кормившаяся жумбаемъ, лишилась также и копытъ. На рогатый скотъ, овецъ и козъ и вообще на всѣхъ жвачныхъ жумбай дѣйствія не производитъ. Morris объясняетъ это послѣднее обстоятельство тѣмъ, что у всѣхъ жвачныхъ, вслѣдствіе долгаго пребыванія жумбая въ желудкѣ, ядъ, вызывающій выпаденіе шерсти, разрушается дѣйствіемъ желудочнаго сока.

Новый элементъ люцій. Недавно проф. Barrière сдѣлалъ сообщеніе объ открытомъ имъ новомъ элементѣ, названномъ «люціемъ». Провѣряя это сообщеніе и подвергнувъ новый элементъ тщательному изслѣдованію какъ спектроскопическому, такъ и химическому, извѣстный англійскій химикъ Круксъ доказалъ, что предполагаемый элементъ представляетъ ничто иное, какъ нечистый, давно извѣстный элементъ иттрій.

Опытъ полученія дождя въ малыхъ размѣрахъ. Привожу этотъ въ высшей степени поучительный и интересный опытъ, въ надеждѣ, что найдется не мало лицъ, которыя пожелаютъ его повторить. Особенно рекомендую его учителямъ какъ среднихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній, разъ они пожелаютъ иллюстрировать передъ своими ученками теорію происхожденія дождя. Опытъ этотъ описанъ въ журналѣ «Ciel et Terre»; авторъ его Errera. Для того, чтобы произвести этотъ опытъ, нужно взять химическій тонкостѣнный стаканъ, вышиною, приблизительно, въ 20 сентиметровъ, діаметромъ въ 10 сентиметровъ. Такой стаканъ наполняется до половины крѣпкимъ виннымъ спиртомъ (92 градусовъ); сверху стаканъ покрываютъ стеклянною выпарительною чашкою и въ такомъ видѣ помѣщаютъ на водяную баню; пары кипящей воды будутъ нагрѣвать спиртъ и слѣдуетъ подождать до тѣхъ поръ, пока спиртъ, стаканъ и выпарительная, покрывающая его чашка хорошо нагрѣются, при чемъ нужно, чтобы спиртъ не кипѣлъ. Когда это сдѣлано, тогда стаканъ осторожно снимаютъ съ водяной бани и ставятъ на столъ. Нагрѣтый спиртъ продолжаетъ, конечно, испаряться; черезъ

короткое время покрывающая стаканъ выпарительная чашка остываетъ и пары спирта, подходя къ ея нѣсколько охлажденной поверхности, сгущаются и образуютъ явственныя облака, которые затѣмъ превращаются въ весьма мелкія капельки; эти капельки падаютъ въ видѣ очень мелкаго дождя назадъ, на поверхность спирта. Явленіе продолжается настолько долго, что его могутъ наблюдать многіе; въ зависимости отъ различныхъ условій оно можетъ тянуться до получаса. Весьма интересно при этомъ наблюдать слѣдующее: вначалѣ опыта пары спирта поднимаются до самой выпарительной чашки и здѣсь охлаждаются; но по мѣрѣ того, какъ подвигается охлажденіе всего прибора (а оно идетъ сверху внизъ), уровень, на которомъ происходитъ сгущеніе паровъ, все болѣе и болѣе понижается и черезъ нѣкоторое время облака образуются уже не у самой чашечки, а ниже ея, при чемъ между чашкою и образующимися «облаками» остается совершенно чистое пространство. Въ этотъ моментъ явленіе представляется совершенно подобнымъ тому, что наблюдается въ природѣ. Испаряющійся спиртъ представляетъ поверхность океана; то мѣсто, гдѣ образуются облака, соотвѣтствуетъ такому же холодному поясу въ нашей атмосферѣ, надъ этимъ мѣстомъ остается пространство, свободное отъ облаковъ. Авторъ цитируемаго опыта полагаетъ, что, производя тщательныя наблюденія надъ этимъ микроскопическимъ изображеніемъ круговорота воды въ атмосферѣ, удастся, быть можетъ, уяснить нѣкоторыя болѣе или менѣе темныя метеорологическія явленія. Опытъ этотъ можно видоизмѣнять, вводя различныя побочныя условія; такъ, если въ выпарительную чашечку налить немножко холодной воды, то все явленіе происходитъ гораздо энергичнѣе и въ стаканѣ поднимаются вихри. Кромѣ того, пока спиртъ еще не успѣлъ значительно остыть, можно наблюдать слѣдующее: если въ какомъ-либо мѣстѣ, выше поверхности спирта, стаканъ нагрѣтъ сильнѣе, чѣмъ въ другомъ, то пары приходятъ въ правильное вращательное движеніе. Около этого мѣста они поднимаются и нѣсколько дальше начинаютъ опускаться; если нагрѣтое мѣсто охладить, приложивъ къ нему кусочекъ бумаги, смоченный холодной водою, то вращательное движеніе принимаетъ обратное направленіе. Нѣтъ надобности говорить, что посредствомъ тѣхъ или другихъ приспособленій, напримѣръ, заставляя падать лучъ свѣта въ стаканъ, гдѣ происходитъ описанное явленіе, можно получить нѣчто въ родѣ радуги; точно также подвергая сосудъ электризаціи, можно, быть можетъ, вызвать много другихъ интересныхъ явленій, вродѣ тѣхъ, какія происходятъ въ атмосферѣ. Впрочемъ, съ электрическою искрой нужно быть осторожнымъ, такъ какъ пары спирта могутъ вспыхнуть, что, принимая во вниманіе большое количество его и сравнительно высокую температуру, нельзя считать вполнѣ безопаснымъ.

Полное солнечное затмѣніе 10 (22) января 1898 г. 10 (22) января будущаго года астрономы будутъ имѣть возможность наблюдать полное солнечное затмѣніе въ весьма удобныхъ условіяхъ: оно будетъ видимо въ Индіи и Китаѣ. Британская астрономическая ассоціація (British Astronomical Association) уже приняла мѣры къ тому, чтобы желающіе могли воспользоваться случаемъ наблюдать это затмѣніе. Уже два мѣсяца тому назадъ, всѣ члены ассоціаціи получили извѣщеніе что «комитетъ затмѣнія» организуетъ экспедицію, которая выѣдетъ изъ Англіи 30 ноября (12 декабря) 1897 г. и возвратится въ Лондонъ 31 января 1898 г. Стоимость проѣзда изъ Лондона въ Бом-

бей въ оба конца опредѣляется въ 1.750 франковъ, считая всѣ расходы по проѣзду и по пребыванію въ Индіи. По пути изъ Бомбея въ Калькутту идутъ восемь желѣзнодорожныхъ линій, пересѣкающихъ полосу полнаго затмѣнія. Точно также наблюдательныя станціи можно будетъ устроить на берегу Бенгальскаго залива. По пути въ Бомбей, экспедиція остановится въ Каирѣ, сдѣлаетъ экскурсію къ пирамидамъ; на обратномъ пути предполагается посѣщеніе Іерусалима и Виѳлеема. Лица, желающія принять участіе въ экспедиціи, должны посылать свои заявленія по слѣдующему адресу: *T. F. Maunder*, *Assistant Secretary British Astronomical Association*, *26*, *Martin's Lane*, *Cannon Street*, *E. C. London*.

Если къ тому времени въ Индіи прекратится чума, то можно думать, что экспедиція будетъ многолюдною. Весьма вѣроятно, и наши астрономическія общества не будутъ бездѣйствовать; русскіе ученые могли бы воспользоваться однимъ изъ нашихъ пароходовъ добровольнаго флота, заходящихъ въ Бомбей; конечно, было бы гораздо лучше, если бы экспедиціи русскихъ ученыхъ и любителей астрономовъ могли достигнуть Индіи при такихъ же удобныхъ условіяхъ, при какихъ это сдѣлаютъ англичане. Для насъ это еще легче, такъ какъ наши экспедиціи могутъ выѣхать изъ Одессы и, слѣдовательно, имъ предстоитъ путь значительно болѣе короткій, нежели англичанамъ.

Слухъ у рыбъ. Какъ извѣстно, во всѣхъ, даже элементарныхъ, учебникахъ зоологіи сообщается, какъ доказательство существованія слуха у рыбъ, тотъ фактъ, что можно пріучить рыбъ являться на звонъ колокольчика. Въ журналѣ «Archiv für die gesammte Physiologie», B. 63, A. Kreide сообщаетъ рядъ опытовъ, продѣланныхъ имъ надъ различными рыбами съ цѣлью убѣдиться, дѣйствительно ли рыбы способны слышать звуки звонка. Kreide приходитъ къ заключенію, что если рыбы и являются на звонокъ или свистокъ, то это основано на томъ, что, во-первыхъ, онѣ видятъ человѣка, который ихъ кормитъ, затѣмъ чувствуютъ сотрясеніе почвы и воды, когда человѣкъ приближается къ берегу и, наконецъ, будучи голодными, онѣ при малѣйшемъ кожномъ раздраженіи устремляются къ тому мѣсту, откуда привыкли получать кормъ. Кромѣ того, Kreide полагаетъ, что не малую роль въ стремленіи всѣхъ рыбокъ къ мѣсту, гдѣ появляется кормящій ихъ человѣкъ, играетъ и то обстоятельство, что стоитъ, чтобы только одна изъ нихъ замѣтила человѣка и устремилась къ нему, какъ за нею съ быстротою послѣдуютъ и всѣ. Kreide замѣтилъ, что рыбы стремятся къ мѣсту корма и безъ всякаго звонка, разъ только рыбакъ сдѣлаетъ что-либо, чтобы обратить на себя ихъ вниманіе; съ другой стороны, если онъ весьма осторожно и неслышными шагами приблизится къ берегу, то какъ бы онъ ни звонилъ, рыбы не подплывутъ къ тому мѣсту, откуда раздается звонъ, и это, разумѣется, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что самый звонъ не производитъ на нихъ впечатлѣнія.

Алмазъ въ стали. Недавно появилась работа Frank'а, доказывающая, что всякая литая сталь содержитъ болѣе или менѣе значительное количество кристалликовъ алмаза. Ихъ можно отдѣлить отъ стали путемъ довольно продолжительныхъ химическихъ операцій. Сначала сталь растворяютъ въ азотной кислотѣ; полученный нерастворенный остатокъ послѣдовательно обработываютъ кипящими соляною и плавиковою кислотами; затѣмъ сѣрною кислотою; сплавляютъ съ бертолетовой солью, затѣмъ снова обработываютъ кислотами и на-

конецъ бромоформомъ. Полученные послѣ такой обработки алмазы имѣютъ форму весьма маленькихъ кристалловъ (октаэдровъ). Кованная или тянутая сталь содержитъ только обломки этихъ кристалловъ. Весьма интересно то, что наиболѣе крупные искусственные алмазы до настоящаго времени были получаемы въ печахъ, гдѣ производилась плавка стали. Впрочемъ, алмазы, полученные изъ расплавленной стали, замѣчательны своей хрупкостью и иногда сами собою, безъ всякой видимой причины растрескиваются.

Быстрота полета утокъ. На метеорологической обсерваторіи «Blue Hill» наблюдатели-метеорологи, Helm Clayton и Fergusson, слѣдя за быстротою движенія облаковъ, случайно замѣтили стаю дикихъ утокъ, быстроту перемѣщенія которыхъ имъ пришлось опредѣлить. Оказалось, что утки летѣли на высотѣ 292 метровъ со скоростью 76,4 километра въ часъ. Въ это время господствовалъ слабый вѣтеръ (скорость около 3 километровъ въ часъ), отмѣченный самопишущимъ приборомъ обсерваторіи на высотѣ 187 метровъ надъ уровнемъ почвы. Утки направлялись съ юговостока къ сѣверозападу; вѣтеръ дулъ съ сѣвера.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Мартъ 1897 г.

Содержаніе. Русская и переводная литература: Беллетристика.—Критика и исторія литературы. — Біографіи. — Исторія русская и всеобщая.—Медицина и гигіена.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*: Изъ западной культуры. *Ив. Ив.*—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. П. Барыкова. «Стихотворенія и прозаическія произведенія».—*Марко-Вовчокъ.* «Полное собраніе сочиненій».—*С. Я. Елпатьевскій.* «Очерки Сибири».—*Гюи-де-Мопассанъ.* «Чудный другъ».

Стихотворенія и прозаическія произведенія А. П. Барыковой. Изд. «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к. Съ нѣкоторымъ смущеніемъ принимаемся мы за разборъ этой книги. Намъ приходилось слышать и даже встрѣчать въ печати упреки, что въ своихъ отзывахъ о писателяхъ прежняго времени мы не высказываемъ достаточнаго уваженія и, прилагая къ нимъ мѣрку современныхъ требованій, нерѣдко отказываемся признавать за ними значеніе теперь. Послѣднее совершенно вѣрно, но что касается уваженія, этотъ упрекъ несправедливъ. Признавая за ними большія заслуги, мы только считали и считаемъ себя въ правѣ думать и говорить, что «рѣка временъ въ своемъ теченіи» уноситъ не только людей, но и ихъ творенія, и значительное и умѣстное вчера не годится сегодня. Все относительно въ жизни, и кто мнитъ себя достигшимъ абсолюта, вырываетъ у себя почву подъ ногами и отрѣшается отъ «духа жива». Поэтому-то, есть многое въ литературѣ, сыгравшее въ свое время извѣстную роль, чего не слѣдуетъ тревожить теперь. И «прахъ забвенья» иногда бываетъ больше почетенъ, чѣмъ это принято думать...

Къ числу такихъ отжившихъ произведеній принадлежатъ оригинальные стихи и проза Барыковой, когда-то охотно печатавшіеся въ лучшихъ журналахъ и встрѣчавшіе благосклонный пріемъ у читателей и критиковъ. Но пусть теперь самый снисходительный читатель оцѣнитъ слѣдующее стихотвореніе, напечатанное въ изданіи «Посредника» на стр. 55.

Въ альбомъ счастливицѣ.

Съ птичьей головкой на свѣтъ уродилась,
Пѣла, порхала, сыскала самца,
Птичьей любовью въ супруга влюбилась:
Счастлива ты, милый другъ, безъ конца...

Въ гнѣздышкѣ скрывшись отъ бурь и ненастья,
Съ гордостью глупыхъ выводишь птенцовъ.
Въ тепломъ навозѣ семейнаго счастья
Ищешь съ супругомъ любви червячковъ...
Зависть беретъ, какъ живешь ты привольно
Птичій свой вѣкъ,—безъ борьбы, безъ страстей,
Думъ безпокойныхъ, сомнѣній невольныхъ,
Глупыхъ стремленій... и горя людей...

Все. Но и этого довольно.

Просмотрѣвъ небольшую книжку подобныхъ твореній, а такихъ перловъ тамъ не одинъ, мы покраснѣли. Не за Барыкову, конечно, которая слышитъ теперь «райскіе напѣвы», а за редакцію «Посредника», которая думаетъ поучать своего «интеллигентнаго» читателя такими произведеніями. Нужно быть или очень плохого мнѣнія о своемъ читателѣ, чтобы преподносить ему такіе стихи «въ альбомъ», или все еще считать этого читателя младенцемъ, котораго надо кормить кашей съ ложечки. Эту ошибку раздѣляютъ съ «Посредникомъ» и другія редакціи, которыя никакъ не хотятъ примириться съ фактомъ, что современный читатель уже выросъ, и прежняя пища для него не годится.

Говорить о другихъ оригинальныхъ произведеніяхъ Барыковой намъ просто неловко. Это не поэзія, даже не стихотворная проза, а нѣчто, чему нѣтъ имени въ литературѣ. То же самое приходится сказать и о ея разсказахъ, приторно-томныхъ, написанныхъ суконнымъ языкомъ. Правда, и ея «стихи», и ея проза преисполнены благими намѣреніями, но развѣ же это литература? Плохую услугу памяти Барыковой оказалъ «Посредникъ», извлекши весь этотъ затхлый хламъ изъ старыхъ журналовъ,—хламъ, отъ котораго несетъ фальшью, какъ отъ всего дѣланнаго, натянутаго, нехудожественнаго и безжизненнаго.

Главное содержаніе книги, впрочемъ, составляютъ переводы, которые тоже не блещутъ красотой. Стихъ Барыковой тяжелъ, лишенъ граціозности и не поэтиченъ. Это, что называется, «дубовые стихи». Она нарочно употребляетъ самыя грубыя выраженія, въ видахъ большаго реализма, что дѣлаетъ чтеніе ея переводовъ тягостно-непріятнымъ. Подборъ пьесъ назойливо-тенденціозенъ, постоянное подчеркиванье проповѣднической жилки лишаетъ ихъ художественности, и вьобщемъ получается впечатлѣніе грубой поддѣлки, фальшивой и скучно-томительной. Даже въ граціозныя, глубоко поэтичныя вещи Теннисона переводчица ухитрилась внести свою «барыковскую» дубоватость, лишившую ихъ чарующей прелести оригинала. То же самое слѣдуетъ отмѣтить и въ ея переводахъ Коппе и Гёте. Лучше другихъ переводы изъ Ришпена, «Перелетныя птицы» и «Пѣснь торжествующей свиньи», ближе отвѣчающаго общему духу и настроенію «музы» Барыковой.

Мы отвыкли уже отъ такой «поэзіи». Думаемъ, что время ея прошло, и «Посредникъ» поступитъ правильно, если предоставитъ «мертвымъ хоронить мертвыхъ», самъ же займется живыми, требующими иной поэзіи, чѣмъ такія, напримѣръ, прелести изъ Ришпэна:

Вотъ грязный задній дворъ, совсѣмъ обыкновенный;
Конюшня, хлѣвъ свиной, коровникъ и сарай,

А въ глубинѣ овинъ подъ шляпой неизмѣнной
Соломенной своей. Тутъ для животныхъ рай.
Тутъ вѣчно ѣстъ и пьетъ бездушная порода;
На солнышкѣ блеститъ навозъ какъ золотой;
И дремлютъ сонныя канавъ и лужицъ воды,
Омывшія весь дворъ вонючею рѣкой, и т. д., и т. д.

Все это предметы, подлежащіе статистическому изслѣдованію, но причемъ тутъ поэзія?

Марко Вовчокъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I и II. Украинскіе разсказы. Саратовъ. 1866 г. Ц. 1 р., 1 р. 50 к. Мы присутствуемъ при настоящемъ «воскресеніи изъ мертвыхъ» разныхъ забытыхъ и полузабытыхъ писателей. Вслѣдъ за Барыковой, полное собраніе сочиненій Марко Вовчка, который еще въ шестидесятыхъ годахъ уже считался устарѣвшимъ писателемъ. Наивно-сентиментальные разсказы Марко Вовчка, встрѣченные общимъ сочувствіемъ публики и критики въ пятидесятые годы, когда въ нихъ нашло откликъ общественное мнѣніе въ своей борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ,—быстро были забыты послѣ появленія произведеній настоящихъ народниковъ-писателей, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Н. Успенскій, Гл. Успенскій, Слѣпцовъ и др. Можно представить, какъ ничтоженъ ихъ интересъ теперь. Все лучшее изъ нихъ давно уже издано и переиздано въ народныхъ изданіяхъ, и появленіе ихъ теперь въ совокупности трудно объяснимо.

Что касается двухъ вышедшихъ томовъ,—всѣхъ ихъ должно быть восемь,—то въ нихъ вошли «Украинскіе разсказы», сущность которыхъ можно передать двумя словами: «кохание» и «плаканне». «Гарные» парубки и дівчата «кохаются», причемъ всяко бываетъ: счастливо и несчастливо. Въ послѣднемъ случаѣ имѣемъ «плаканне». Герои и героини льютъ токи слезъ, безъ всякаго, впрочемъ, удрученія для читателя, который пребываетъ равнодушенъ и, развѣ съ видомъ Калхаса, замѣтитъ иной разъ: «слишкомъ много слезъ». Не лучше и «сказки» и «были», въ которыхъ не достаетъ главнаго элемента—поэтическаго колорита, замѣняемаго водянистыми описаніями выспреннихъ чувствъ. Можно сказать, что «Украинскіе разсказы» Марко Вовчка—это выцвѣтшія акварели, которыя теперь врядъ ли могутъ привлечь чей-либо пытливый взоръ.

С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Второе изданіе ред. журн. «Русское Богатство». Спб. 1897 г. Ц. 1 р. Въ литературѣ, посвященной жизни Сибири, разсказы г. Елпатьевскагв дополняютъ любопытную сторону сибирскаго быта, именно жизнь уголовныхъ дворянъ. Два лучшихъ очерка въ книгѣ г. Елпатьевскаго—«Уголовные дворяне» и «Маскарадъ въ Тайгинскѣ»—рисуютъ живую картину постепеннаго паденія ссыльныхъ изъ привилегированнаго общества, бывшихъ героевъ сенсаціонныхъ процессовъ, и отношенія къ нимъ мѣстнаго общества. Въ лицѣ Мещеринова авторъ далъ настоящій типъ такого героя, который и въ Сибири стремится продолжить сытую, барскую жизнь, чего бы это ни стоило. «Запоздалый цвѣтокъ русскаго барства, вступившій въ жизнь съ огромными аппетитами и огромными имѣніями, заложенными еще его отцомъ и перезаложенными имъ самимъ,—этотъ блестящій

левъ, умный и наглый, гордый и подлый», выкинутый изъ Россіи, постепенно опускается со ступеньки на ступеньку, не брезгуя ни шантажемъ, ни темными дѣлами по «сухой промывкѣ золота», проще говоря, торговлей краденымъ золотомъ. Драма этой изломанной жизни очерчена авторомъ сжато, сильно и просто, и производитъ тяжелое впечатлѣніе. Становится жаль *человѣка.*

Остальные разсказы не имѣютъ такого значенія. Въ нихъ авторъ хотѣлъ дать широкую и глубокую картину сибирской природы, тайги, вліянія ея на мѣстное населеніе, и это ему не вполнѣ удалось. Тамъ, гдѣ авторъ остается въ роли наблюдателя, его очерки живы и просты, рисуемыя имъ картинки вполнѣ жизненны и правдивы. Таково, напр., описаніе путешествія до Томска на баржѣ, жизнь «жигановъ» Тайгинска, мелкаго, погибшаго люда, отбросовъ большихъ городовъ Россіи. Кругъ наблюденій автора, не особенно великъ, но въ немъ онъ чувствуетъ себя вполнѣ господиномъ, что прежде всего отражается на его слогѣ, ясномъ и чистомъ, безъ всякой натяжки и рисовки.

Второе изданіе «Очерковъ» доказываетъ, что читатели оцѣнили по достоинству всѣ эти хорошія стороны въ разсказахъ г. Елпатьевскаго, а появившіеся недавно на страницахъ «Русск. Бог.» очерки его изъ жизни нижегородской ярмарки и бывшей выставки подтверждаютъ мнѣніе, что, какъ художникъ-наблюдатель, г. Елпатьевскій занимаетъ видное мѣсто въ современной беллетристикѣ.

Гюи-де-Мопассанъ. Чудный другъ и другіе разсказы. Переводъ Л. П. Никифорова. Съ пред. Л. Н. Толстого. Москва, 1896. Взгляды Толстого на задачи искусства представляютъ, конечно, большой интересъ, гдѣ бы они ни появлялись и по какому бы случаю они ни были высказаны. И все-таки нельзя не удивиться, что Толстой предпослалъ свои теоріи о томъ, что искусство должно быть построено исключительно на этической основѣ, произведеніямъ такого полнаго отрицателя этики, какъ Гюи-де-Мопассанъ. Взгляды, излагаемые Толстымъ въ его предисловіи, высоко поучительны и съ многими изъ нихъ можно вполнѣ согласиться. Толстой даетъ крайне характерное опредѣленіе таланта, говоря, что онъ заключается «въ способности усиленнаго, напряженнаго вниманія, смотря по вкусамъ автора, направляемаго на тотъ или другой предметъ, вслѣдствіе котораго человѣкъ, одаренный этой способностью, видитъ въ тѣхъ предметахъ, на которые онъ направляетъ свое вниманіе, нѣчто новое, такое, чего не видятъ другіе». Но кромѣ таланта, онъ считаетъ необходимымъ для служенія искусству еще три условія: во-первыхъ, правильное, т. е. нравственное отношеніе автора къ предмету, во-вторыхъ, ясность изложенія или красоту формы, что одно и то же, и, въ-третьихъ, искренность, т. е. непритворное чувство любви и ненависти къ тому, что изображаетъ художникъ. Художникъ, лишенный нравственнаго критерія въ своемъ изображеніи жизни, кажется ему тѣмъ самымъ не художникомъ. Съ этимъ теоретическимъ опредѣленіемъ можно согласиться постолько, посколько этическое чувство, котораго Толстой требуетъ отъ писателя, сводится къ идейной основѣ художествен-

ныхъ произведеній. Конечно, отсутствіе святыни въ художникѣ отражается и на его произведеніи, и чѣмъ выше то, къ чему стремится его духъ, тѣмъ глубже станетъ его изображеніе дѣйствительности, противопоставленной несбыточнымъ внутреннимъ идеаламъ. Но этотъ внутренній свѣтъ идеи, озаряющій творчество художника, не долженъ непремѣнно сводиться къ практическимъ жизненнымъ поученіямъ, какъ этого, очевидно, требуетъ Толстой. Писатель, оставаясь художникомъ, не долженъ непремѣнно стать проповѣдникомъ, требующимъ отъ людей слѣдованія извѣстнымъ жизненнымъ правиламъ. А между тѣмъ именно этого требуетъ Толстой, отвергая значеніе всякаго другого искусства, живущаго само въ себѣ и не дающаго непосредственныхъ выводовъ для внѣшней жизни.

И тѣмъ болѣе странно, что эти требованія Толстого примѣняются имъ къ Мопассану, у котораго можно отвергать не только практическую этику, но, можетъ быть, и внутреннюю святыню. Все предисловіе Толстого производитъ впечатлѣніе чего-то насильственнаго. Онъ не можетъ не сознавать, насколько понравившійся ему почему-то писатель далекъ отъ его собственнаго духовнаго міра. Но онъ хочетъ его непремѣнно втянуть въ него. Онъ показываетъ съ этой цѣлью, что Мопассанъ, конечно, и безнравственен, и видитъ въ жизни одно лишь мелкое и грязное, но что, съ другой стороны, есть у него моменты раскаянія, когда высшее въ человѣкѣ застилаетъ для него зрѣлище грязи и когда онъ стремится къ добру, отрицательно относясь къ жизненнымъ явленіямъ, гдѣ торжествуетъ неправда и зло. Въ подтвержденіе этого представленія о Мопассанѣ Толстой можетъ привести лишь нѣсколько разсказовъ, потому что большинство того, что писалъ Мопассанъ, слишкомъ явно протестуетъ противъ навязываемыхъ ему этическихъ стремленій. Но даже и это немногое требуетъ нѣкотораго насилія надъ авторомъ, чтобы быть понятымъ въ толстовскомъ смыслѣ. Можно сказать въ общемъ, что толкованіе Толстымъ творчества Мопассана не доказываетъ ничего, кромѣ желанія Толстого превознесть писателя, который понравился ему именно непосредственно своимъ талантомъ, а не своимъ отношеніемъ къ жизни. Чтобы связать свое міросозерцаніе съ парижскимъ художникомъ, нравственно извращеннымъ до послѣднихъ предѣловъ, Толстой, во-первыхъ, навязываетъ ему намѣренія, какихъ нельзя усмотрѣть даже въ тѣхъ разсказахъ, которые приводитъ Толстой, и затѣмъ беретъ подъ свою редакцію переводъ романовъ, изъ которыхъ выбрасываются всѣ характерныя для Мопассана вольности. Въ этомъ исправленномъ и истолкованномъ видѣ совершенно непохожій на себя Мопассанъ предстаетъ передъ русской публикой подъ соусомъ толстовскихъ идей. Ничего болѣе неожиданнаго и болѣе произвольнаго нельзя себѣ представить въ области литературной критики. Очевидно, чтобы понять Мопассана и оцѣнить то, что въ немъ есть хорошаго такъ же, какъ то, что въ немъ есть ложнаго, русскій читатель долженъ будетъ обратиться къ оригиналу, и тогда впечатлѣніе, которое онъ получитъ, едва ли сойдется съ разсужденіями Толстого.

Въ русскомъ переводѣ, покровительствуемомъ Толстымъ, заключается одинъ изъ большихъ романовъ Мопассана, «Bel ami», очень неудачно переведенный заглавіемъ «Чудный другъ». По широтѣ, съ которой захвачена парижская жизнь, по обилію типичныхъ подробностей, рельефныхъ фигуръ и безпощадно-спокойному изображенію газетныхъ кулисъ, романъ этотъ исполненъ мастерски. Но въ немъ нѣтъ и помина судейской роли, которую Толстой приписываетъ автору. Мопассанъ никого не обличаетъ, и его герой, незначительный человѣкъ, дѣлающій непонятно быструю карьеру въ журналистикѣ и покоряющій всѣ женскія сердца, написанъ имъ безъ злобы, безъ осужденія, а чисто эпически, какъ одинъ изъ типовъ парижской культуры. И всѣ лица, которыя его окружаютъ, журналисты, играющіе въ бильбоке въ то время, какъ за стѣнами думаютъ, что здѣсь происходитъ серьезное совѣщаніе, вся система рекламы и нравственнаго растлѣнія, объединяющая въ одно цѣлое редакторовъ, писателей, репортеровъ и дѣльцовъ,— все это живетъ въ романѣ Мопассана такъ же просто, какъ въ дѣйствительности. Этотъ романъ Мопассана менѣе, чѣмъ всѣ другіе, заглядываетъ въ глубь человѣческой души. Мопассанъ занятъ исключительно изображеніемъ того, какъ отражаются нравы культурнаго Парижа на людяхъ ничтожныхъ сами по себѣ, но которые становятся интересными лишь своими отношеніями; всѣ ихъ помыслы направлены на внѣшнюю жизнь. Психологія въ этомъ романѣ Мопассана чисто бытовая и лишена всякихъ философскихъ намѣреній. Поклоненіе мірскимъ идоламъ и стремленіе отвоевать себѣ жизненныя блага на счетъ другого—этимъ ограничивается вся душевная жизнь мопассановскихъ героевъ. Ни одного свѣтлаго образа нѣтъ во всемъ романѣ и даже всѣ женщины, которыя оказываются жертвами безумнаго и тупого красавца, въ свою очередь, презрѣнны по своимъ помысламъ. Послѣдняя же картина—апоѳеозъ торжествующей пошлости, которая завоевываетъ все, что въ условномъ смыслѣ называется счастьемъ, совершенно не написана въ обличительномъ смыслѣ. Въ душѣ автора нѣтъ желанія иного исхода.

То же самое можно сказать и о всѣхъ другихъ большихъ романахъ и маленькихъ повѣстяхъ Мопассана, за немногими исключеніями. Они раскрываютъ грязь и пошлость французской культуры и очень рѣдко изображаютъ истинно человѣческую душу. Даже жертвы нравовъ, которые Мопассанъ описываетъ, большею частью такія же мелкія натуры, порабощенныя условными понятіями. Толстой справедливо говоритъ о романѣ «Une vie», какъ объ исключеніи. Тамъ есть женщина, страдающая отъ уродства жизни, жертва своей извращенной среды. Это изъ немногихъ вещей Мопассана, гдѣ проглядываетъ тоска художника по исчезнувшей изъ французской жизни чистотѣ. Маленькіе же разсказы Мопассана, составляющіе художественные перлы своимъ насмѣшливымъ описаніемъ дѣйствительности и своимъ умѣньемъ схватить основной характеръ явленій, описывая самое маленькое и ничтожное, тоже не свидѣтельствуютъ о твердомъ нравственномъ критеріи автора. Напротивъ того, въ нихъ авторъ часто увлекается

желаніемъ изобразить всякіе извращенные, болѣзненные вкусы современнаго француза и говорить объ явленіяхъ, наименѣе привлекательныхъ съ нравственной точки зрѣнія.

Есть, впрочемъ, у Мопассана цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ изъ реалиста онъ становится художникомъ настроеній. Таковъ въ переведенномъ на русскій яз. сборникѣ разсказъ «Разводъ», такова вся его книжка «Sur l'eau», удивительный маленькій разсказъ «Одиночество» и т. д. Изображая интимную сторону жизни современнаго Парижа, Мопассанъ не любилъ людей и, отходя отъ нихъ, погружался иногда въ собственную больную и одинокую душу. Тамъ онъ находилъ сомнѣнія, печаль и страстное неутолимое желаніе найти нѣчто прекрасное. Оскорбляемый уродствомъ жизни, онъ болѣлъ тоской по красотѣ. Утопая въ грязи, онъ мечталъ о чистотѣ. Въ этомъ вся идейная сторона творчества Мопассана. Въ этомъ—контрастъ настроеній, составляющій непремѣнное условіе художественнаго творчества. Но опять-таки отъ этихъ чисто эстетическихъ стремленій далеко до проповѣди нравственности, которую въ немъ находитъ Толстой.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Брандесъ. «Литературные портреты».—*А. М. Скабичевскій.* «Исторія новѣйшей русской литературы».—«Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ».

Брандесъ. Литературные портреты. Спб., 1896. Большинство очерковъ, входящихъ въ этотъ сборникъ, не ново и принадлежитъ къ тому періоду, когда Брандесъ только-что сталъ себѣ завоевывать общія симпатіи въ европейской литературѣ. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, и Брандесъ уже далеко не пользуется прежнимъ обаяніемъ. Очень многое въ его произведеніяхъ оказалось заимствованнымъ, а еще болѣе поверхностнымъ толкованіемъ литературныхъ явленій. У Брандеса есть несомнѣнно много блеска, особенно въ его прежнихъ статьяхъ, и, кромѣ того, онъ имѣетъ спеціальный интересъ для европейской публики, знакомя ее съ мало извѣстной скандинавской литературой. Но спѣшность и необоснованность выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ, и поверхностное знаніе предметовъ, о которыхъ онъ трактуетъ, замѣтны и въ его капитальномъ произведеніи «Основныя теченія XIX вѣка», и въ отдѣльныхъ очеркахъ, вошедшихъ въ другіе его сборники. Въ небольшомъ сборникѣ «Литературные портреты» эта поверхностность особенно замѣтна по отношенію къ двумъ современнымъ писателямъ, Зудерману и Гауптману, о которыхъ онъ судитъ лишь на основаніи ихъ первыхъ юношескихъ произведеній. Лучшій очеркъ въ книгѣ первый—о Фердинандѣ Лассалѣ, давно уже написанный, но теперь впервые появившійся въ русскомъ переводѣ. Брандесъ пытается нарисовать психологическій обликъ знаменитаго агитатора, и для этого разсматриваетъ его жизнь и его произведенія, какъ нѣчто нераздѣльное. Онъ даже придаетъ

больше значенія самой личности Лассаля, чѣмъ его идеямъ. Не всегда, конечно, такой пріемъ можетъ быть правильнымъ, и, слишкомъ занимаясь жизненнымъ обликомъ писателя, критикъ можетъ увлечься его временнымъ вліяніемъ и недостаточно безпристрастно оцѣнить его безотносительное литературное значеніе. Лассаль дѣло другое. Вся жизнь его проходила открыто, каждое его дѣйствіе составляло общественное событіе, и, показывая, сколько было чисто личныхъ мотивовъ въ поступкахъ Лассаля, Брандесъ вноситъ нѣчто въ психологію общественной дѣятельности, показываетъ, какъ переплетаются общее и частное, изъ какихъ контрастовъ складываются явленія жизни. Лассаль демагогъ, стремившійся къ эмансипаціи германскаго рабочаго, и Лассаль аристократъ, для котораго роскошь и изящество составляли жизненную потребность, Лассаль, отдающій цѣлые годы своей молодой жизни на безкорыстное служеніе чужимъ интересамъ, сидящій въ тюрьмѣ изъ-за графини Гацфельдъ, и тотъ же Лассаль, добивающійся руки любимой дѣвушки съ упрямствомъ человѣка, поглощеннаго личными интересами, готовый убить на дуэли своего соперника и падающій въ поединкѣ, какъ офицеръ, запутавшійся въ любовную интригу,—всѣ эти контрасты, уживающіеся въ одномъ изъ самыхъ страстныхъ пророковъ политической свободы, выступаютъ съ большой выпуклостью въ очеркѣ Брандеса. Онъ разсматриваетъ и теоріи Лассаля, излагаетъ ихъ довольно подробно, говоритъ о немъ, какъ объ ораторѣ, но, главнымъ образомъ, занятъ объясненіемъ его натуры и отыскиваніемъ основныхъ психологическихъ чертъ, примиряющихъ все противорѣчивое въ Лассалѣ, каковымъ онъ рисуется своей жизнью и своими рѣчами.

Въ литературномъ отношеніи интересна статья Брандеса о Гейне и Аристофанѣ. Эти два представителя политической сатиры и общечеловѣческаго юмора сопоставлялись не разъ. И, въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ есть основное сходство: неувядаемость тонкаго, всеразрушительнаго юмора. Сравнивая Аристофана и Гейне, который самъ называлъ себя преемникомъ греческаго юмориста, Брандесъ, главнымъ образомъ, останавливается на политической сатирѣ и показываетъ, что Гейне, подобно Аристофану, поразительно умѣлъ выдерживать фантастическую фабулу своихъ сатиръ, ни на секунду не упуская отношенія ея къ современности. Это особенно видно въ Атта Троль; тамъ подъ видомъ подвиговъ неуклюжаго медвѣдя вышучивалась раздробленная Германія и мелочность политической жизни того времени. Но говоря объ отдѣльныхъ чертахъ сходства между Аристофаномъ и Гейне, Брандесъ не упоминаетъ о самомъ главномъ, о философской общности двухъ писателей столь различныхъ эпохъ. Аристофанъ скептикъ и нигилистъ въ душѣ. Онъ усвоилъ себѣ насмѣшливое отношеніе ко всѣмъ явленіямъ, не отличая того, что подлежитъ насмѣшкѣ, отъ того, что свято. Нѣтъ для него ни святого, ни высокаго, и онъ съ одинаковымъ наслажденіемъ высмѣиваетъ и политиканство своихъ согражданъ, и мудрость Сократа, и патріотическій пылъ, и уродство войны. Это отсутствіе нравственныхъ идеаловъ отталкиваетъ отъ Аристофана читателей нашихъ дней, которые не могутъ уви-

дѣть смѣшного въ положеніи Сократа и ясно видятъ, какъ пустое балагурство и стремленіе проявить свое остроуміе завлекло Аристофана слишкомъ далеко и показало пустоту его собственнаго идейнаго міра. Еще яснѣе мы видимъ пагубность философскаго нигилизма въ близкомъ намъ по времени и духу Гейне. Онъ чаруетъ всякаго читателя, ослѣпляетъ неистощимостью своего ума, своей находчивостью и своей злобой. Все то мелкое и ничтожное, что онъ вышучивалъ, сражено имъ на смерть, и его политическіе памфлеты лучше всякихъ историческихъ документовъ рисуютъ состояніе Германіи въ его время, а безсмертныя шутки надъ властителями, надъ патріотами и надъ самодовольными аристократами доставятъ наслажденіе и тогда, когда исчезнутъ всѣ искусственныя категоріи общественной жизни. Но стоитъ Гейне умилиться передъ чѣмъ-нибудь, заговорить о чемъ-нибудь серьезномъ, и отсутствіе внутреннихъ критеріевъ обнаруживается совершенно ясно. Гейне не вышучивалъ дѣйствительности во имя болѣе высокихъ идеаловъ, жившихъ въ его душѣ, а лишь въ силу природнаго стремленія къ всеотрицанію; и въ этой стихійности его юмора причина его обаянія, но въ ней же и причина того, что Гейне не внесъ ничего положительнаго въ идейную жизнь своего вѣка, что онъ никуда не повелъ своихъ современниковъ, а только уничтожалъ старое, быть можетъ, очищая дорогу истиннымъ созидателямъ, хотя и не обладающимъ такой духовной силой, какъ онъ самъ. Не указывая нравственнаго нигилизма, какъ Аристофана, такъ и Гейне, Брандесъ не можетъ дать цѣльнаго изображенія ихъ творчества. И въ самомъ дѣлѣ, въ его статьѣ, изобилующей отдѣльными сопоставленіями и цитатами, характеризующими тонкое остроуміе древняго и современнаго Аристофана, чувствуется нѣчто незаконченное.

На очеркахъ Брандеса, посвященныхъ Зудерману и Гауптману, не приходится останавливаться. Давать въ настоящее время критическую оцѣнку Гауптмана и останавливаться при этомъ на пьесѣ «Одинокіе люди» совершенно безцѣльно. Послѣ первыхъ пьесъ Гауптмана, включая туда и «Одинокихъ людей», можно было только догадываться о томъ, что выйдетъ изъ молодого драматурга. Но теперь его значеніе уже установилось. Онъ далъ «Ткачей», «Ганнеле», а теперь и новую вещь — «Потонувшій колоколъ», и все, что можно было сказать до появленія этихъ вещей, не имѣетъ въ настоящее время никакой цѣны.

Интересенъ въ книжкѣ Брандеса очеркъ о Берне, скорѣй историко-біографическаго характера. Брандесъ не высказываетъ ничего новаго о Берне, подтверждаетъ общее мнѣніе о несомнѣнной нравственной чистотѣ Берне и его гражданской стойкости, столь противоположной художественному скептицизму Гейне, его современника, одно время друга и позже врага. Но, отмѣчая отсутствіе всякой пошлости и всякой злобы въ Берне, Брандесъ говоритъ и объ отсутствіи художественности въ талантѣ Берне, разсказывая подробно и обстоятельно его недостойную компанію противъ Гёте.

А. М. Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы: 1848—1892 гг. Третье изданіе. Съ 52 портретами въ текстѣ. Ф. Павлен-

*

скій. 1897 г. Ц. 2 р. Въ учебныхъ заведеніяхъ знакомство съ русской литературой заканчивается Пушкинымъ, и огромное большинство учениковъ на этомъ и кончаютъ свое изученіе родной словесности. По слухамъ, мимоходомъ, такъ сказать, между дѣломъ узнаютъ они потомъ о новѣйшихъ писателяхъ, что Тургеневъ—западникъ, Фетъ—поклонникъ чистой поэзіи, Л. Толстой—великій художникъ, но плохой философъ, и т. п. Но общее, хотя бы и бѣглое представленіе о русской литературѣ отъ Пушкина до нашихъ дней, о ея развитіи, идеяхъ и идеалахъ, ею преслѣдуемыхъ и вдохновляющихъ писателей, все это, за рѣдкими исключеніями, такъ и остается закрытой книгой для огромнаго большинства. Въ лучшемъ случаѣ оно довольствуется текущей журналистикой, но почва, на которой выросла послѣдняя, нити, связующія ее съ предшествующимъ временемъ, словомъ, исторія остается смутной и неясной. Ни въ одномъ обществѣ не замѣчается столь малое знакомство съ исторіей своей родины, какъ въ нашемъ. Мы вообще гораздо лучше знаемъ исторію Запада, чѣмъ Россіи, а въ частности исторію западной литературы. Помимо неудовлетворительности учебной системы, въ которой такъ мало отводится мѣста родной словесности, большое значеніе слѣдуетъ приписать недостатку популярныхъ руководствъ въ этой области. Спросъ и желаніе у читателей есть несомнѣнно, что и показываетъ хотя бы третье изданіе почтеннаго труда г. Скабичевскаго. Для серьезнаго, нѣсколько суховатаго сочиненія — три изданія въ короткій (91—97 г.) промежутокъ времени, это показываетъ на существующую потребность въ книгѣ такого рода.

Компактный томъ убористой печати заключаетъ сжатую, но полную характеристику литературы, начиная съ сороковыхъ годовъ и почти до нашихъ дней. Общему обзору литературнаго движенія предпослана исторія развитія русской критики, въ характеристикахъ виднѣйшихъ ея представителей. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми изъ взглядовъ автора, но нельзя отказать ему въ безпристрастіи и полномъ знакомствѣ съ предметомъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ придерживается историческаго метода, послѣдовательно излагая біографіи и разбирая главнѣйшія произведенія сначала виднѣйшихъ представителей русскаго романа и повѣсти, затѣмъ драматурговъ и поэтовъ. Книга г. Скабичевскаго не можетъ служить для справокъ, такъ какъ въ ней кое-что пропущено, нѣтъ, напр., нѣкоторыхъ беллетристовъ 60-хъ годовъ, не всѣ произведенія поименовываются, и т. п. Но какъ введеніе къ самостоятельному изученію и знакомству съ литературой послѣдняго времени, она незамѣнима. Каждому автору предшествуетъ его портретъ, что значительно оживляетъ книгу.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893). Редакція С. А. Венгерова. Изданіе Г. В. Юдина. Томъ I. А — Бабаджановъ. Спб. 1897. in 8-vo. Стр. 6 + VI + 2 + 476. Ц. 3 руб. 50 коп. Книга гг. Венгерова и Юдина, хотя и не предназначается для чтенія, а лишь для справокъ, тѣмъ не менѣе вполнѣ заслуживаетъ быть отмѣченной въ литературномъ и научно-популярномъ журналѣ для самообразованія. Это —

книга, которая постоянно можетъ служить для справокъ и спеціалисту, и простому читателю, заинтересовавшемуся тѣмъ или другимъ вопросомъ, тѣмъ или другимъ писателемъ; она представляетъ цѣнную сводку всего книжнаго матеріала, появившагося у насъ съ 1708 г., и даетъ руководящую нить для ознакомленія съ исторіей русской книги, а слѣдовательно, и культуры, по скольку послѣдняя внѣшнимъ образомъ проявляется въ исторіи книги. Мы не будемъ пересказывать читателю, какъ г. Венгеровъ велъ свою работу по составленію провѣреннаго, точнаго и полнаго общаго перечня русскихъ книгъ, но не можемъ не замѣтить, что составитель совершенно правъ, когда говоритъ, что «никто изъ занимающихся исторіей русской литературы не чувствовалъ необходимости въ каталогѣ всѣхъ русскихъ книгъ въ такой степени живо», какъ онъ—издатель извѣстнаго критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ отъ начала русской образованности до нашихъ дней. «Русскія книги», сохраняя вполнѣ самостоятельное значеніе, представляютъ въ то же время подготовительную работу для этого «Словаря» (пятый томъ его появится въ самомъ скоромъ времени). Эта связь «Русскихъ книгъ» съ «Словаремъ» обезпечила имъ необыкновенную въ нашей библіографической литературѣ тщательность и полноту, уже отмѣченную въ печати, ибо новый трудъ г. Венгерова появлялся нѣсколько раньше отдѣльными выпусками (десять такихъ выпусковъ и составляютъ томъ). Цѣнность изданія гг. Венгерова и Юдина увеличивается еще тѣмъ, что сообщаются сжатыя біографическія свѣдѣнія объ авторахъ и переводчикахъ. Но нельзя не пожалѣть, что г. Венгеровъ отказался отъ помѣщенія въ свою книгу заграничныхъ *русскихъ* изданій, среди которыхъ есть очень много цѣнныхъ и которыя, къ тому же, мало извѣстны обычному русскому читателю. Мы рекомендуемъ книгу г. Венгерова, какъ превосходное справочное пособіе, особенно цѣнное въ провинціи, гдѣ подъ руками не имѣется обыкновенно никакой помощи при изученіи или интересѣ къ различнымъ вопросамъ научнаго, литературнаго, общественнаго и т. д. характера.

БІОГРАФІИ.

Ч. Вѣтринскій. «Т. Н. Грановскій». — *Давидъ Штраусъ.* «Ульрихъ фонъ-Гуттенъ».

Ч. Вѣтринскій. Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. Москва. 1897 г. Ц. 1 р. 60 к. Новый трудъ о Грановскомъ и его времени не можетъ не возбудить живѣйшаго интереса. Личность Грановскаго принадлежитъ къ числу немногихъ, имя которыхъ пробуждаетъ благоговѣйное вниманіе въ друзьяхъ и противникахъ, какъ чистѣйшій символъ чистѣйшей нравственной красоты. И чѣмъ дальше уходимъ мы отъ того времени, когда среди пустыни, какую представляла тогдашняя общественная жизнь, возвышалась одинокая фигура «гражданина-идеалиста», тѣмъ выше,

свѣтлѣе и благороднѣе, можно сказать, величавѣе представляется личность Грановскаго.

Передъ рядами многихъ поколѣній
Прошелъ твой свѣтлый образъ; чистыхъ впечатлѣній
И добрыхъ знаній много сѣялъ ты,
Другъ Истины, Добра и Красоты.

Многое и до сихъ поръ сближаетъ насъ съ Грановскимъ и его временемъ, и та «безпредметная» тоска, которая уложила его въ безвременную могилу, такъ же понятна намъ и такъ же жгуча, какъ и въ его дни, когда одинъ изъ ближайшихъ его друзей писалъ въ смертной истомѣ: «Поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? А между тѣмъ, наши страданія—почка, изъ которой разовьется ихъ счастье. Поймутъ ли они, отчего мы—лѣнтяи, отчего ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и проч.? Отчего руки не поднимаются на большой трудъ? Отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски? О, пусть они остановятся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ, — мы заслужили ихъ грусть!». «Насъ убиваютъ пустота и безпорядокъ въ прошедшемъ, какъ въ настоящемъ—отсутствіе всякихъ общихъ интересовъ»,—эти слова Грановскаго и теперь не потеряли для насъ значенія. До сихъ поръ, какъ и въ его дни, только литература объединяетъ людей, даетъ нѣкій высшій смыслъ ихъ жизни, и для многихъ вопль Бѣлинскаго — «умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «О. З.»—находитъ живой отголосокъ въ сердцахъ...

Вполнѣ, поэтому, своевременна книга г. Чешихина (Вѣтринскаго), и какъ новый трудъ о Грановскомъ заслуживаетъ вниманія и горячаго сочувствія читателей. Есть масса воспоминаній о Грановскомъ, разсѣянныхъ въ произведеніяхъ лучшихъ нашихъ писателей, но спеціально ему посвященныхъ работъ крайне мало. Біографія г. Станкевича была до сихъ поръ единственной. Написанная въ шестидесятыхъ годахъ, она не потеряла и теперь своего значенія, хотя до извѣстной степени устарѣла, такъ какъ явилось за это время много новыхъ данныхъ, необходимыхъ для лучшаго пониманія времени Грановскаго и освѣщенія его личности. Во всякомъ случаѣ, она нуждается въ значительныхъ дополненіяхъ, что и сдѣлано г. Чешихинымъ (Вѣтринскимъ).

Переходя къ оцѣнкѣ его труда, слѣдуетъ отмѣтить живое отношеніе автора къ своей работѣ, что еще усиливаетъ интересъ къ его книгѣ. Есть личности, къ которымъ нельзя относиться съ мертвящимъ безпристрастіемъ, и авторъ правъ, говоря, что ему чуждо «позорное и недостойное историка безпристрастіе, въ которомъ видно только отсутствіе участія къ предмету разсказа». Но г. Чешихинъ далекъ и отъ слащаво-панегиристическаго тона, такъ непріятно поражающаго читателя въ большинствѣ работъ нашихъ присяжныхъ біографовъ. Прекрасно изучивъ всѣ печатные матеріалы, касающіеся Грановскаго и его времени, г. Чешихинъ даетъ живую и умно написанную характеристику Грановскаго и крайне интересный очеркъ московскихъ литературныхъ кружковъ, сгруппи-

ровавшихся около него. Внутренняя жизнь ихъ, идеи, волновавшiя тогдашнее общество, друзья и враги Грановскаго,—все это умѣло сгруппировано и объединено личностью послѣдняго. Автору не достаетъ лишь художественнаго таланта, чтобы оживить красками нарисованную имъ картину, вслѣдстiе чего послѣдняя нѣсколько блѣдна. Слогъ г. Чешихина сухъ и холоденъ, и большая заслуга автора, что, сознавая этотъ недостатокъ, онъ нигдѣ не силится дать болѣе, чѣмъ можетъ. Въ общемъ книга его читается съ неослабнымъ интересомъ, и ее смѣло можно рекомендовать всѣмъ, интересующимся сороковыми годами, какъ полезное и необходимое руководство въ изученiи эпохи, для которой г. Чешихинъ взялъ крайне удачно эпиграфомъ слова Тимона Аѳинскаго Шекспира: «Не бываетъ времени на столько бѣдственнаго, чтобы человѣкъ не могъ быть честенъ».

Давидъ Штраусъ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданiя. Подъ редакцiей Э. Л. Радлова. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1896. Спб. Ц. 3 р. Время возрожденiя начинаетъ все больше и больше интересовать русскую читающую публику. Вслѣдъ за работой г. Корелина, стремившагося охватить всю эпоху и потому не давшаго цѣльной картины, хотя и его трудъ очень полезенъ для перваго ознакомленiя съ временемъ возрожденiя, стали появляться монографiи, посвященныя отдѣльнымъ эпизодамъ. Въ числѣ ихъ переводъ книги Штрауса долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по выбору героя, такъ и по разработкѣ темы *).

Въ личности Ульриха фонъ - Гуттена слились гармонично три характернѣйшiя теченiя эпохи возрожденiя: гуманизмъ, протестантство и нацiонализмъ. Какъ представитель и выразитель свѣтлаго духа гуманизма, Гуттенъ былъ самымъ свободнымъ и гордымъ служителемъ музъ и носителемъ просвѣтительныхъ идей эпохи, не только шедшiй рука объ руку съ передовыми бойцами времени, но и далеко оставлявшiй ихъ за собой въ своихъ смѣлыхъ порывахъ. Талантливый поэтъ, рыцарь по рожденiю и духу, Гуттенъ не унижается ни предъ императорами, ни предъ папами, ни предъ авторитетомъ ученыхъ. Свѣтъ, свобода, правда—таковы его девизы, его идеалы, которые онъ отстаиваетъ перомъ и мечомъ. Когда Лютеръ поднялъ знамя протеста противъ папства за свободу духа и вѣры, Гуттенъ одинъ изъ первыхъ сталъ на его сторону безповоротно. Для него это не было политикой только, а необходимымъ шагомъ, вытекавшимъ изъ настроенiя гуманизма. Свободу духа и вѣры онъ прочувствовалъ и выносилъ въ сердцѣ, былъ проникнутъ ею. Есть двоякое пониманiе свободы — умомъ, какъ нѣчто абстрактное, постигаемое такъ же, какъ, напр., возможность органической жизни на Марсѣ, и чувствомъ, какъ нѣчто неотъемлемое отъ насъ, проникающее насъ, составляющее нашу кровь, лучшую часть нашей личности, безъ чего не мыслима самая жизнь. Пониманiе свободы умомъ мирится съ полнѣйшимъ раб-

---

*) Въ настоящей рецензiи не дана оцѣнка самой работы Штрауса. Ее читатели найдутъ въ статьѣ г. Ив. Иванова «Дилемма», которую редакцiя напечатаетъ въ ближайшей книгѣ.

ствомъ въ дѣйствительности. Даже больше—люди подобнаго настроенія бываютъ подчасъ полнѣйшими рабами въ душѣ. Свобода, какъ абстракція, составляетъ для нихъ лишь пріятный объектъ умозрѣнія, ничуть не мѣшающій падать ницъ предъ авторитетомъ власти, догмата или личности. Совсѣмъ иное постиженіе свободы чувствомъ. Оно проявляется прежде всего въ дѣйствіи, которое простирается на все окружающее и на всю жизнь свободнаго духомъ борца. Представителемъ перваго въ эпоху возрожденія можетъ служить Эразмъ, второго—Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Наконецъ, онъ же выступилъ и борцомъ за національное возрожденіе Германіи, примкнувъ, не колеблясь, къ Францу фонъ-Сикингену, вслѣдъ за которымъ умеръ и онъ въ непосильной борьбѣ, 35 лѣтъ отъ роду.

Каждая плодотворная эпоха выдвигаетъ такихъ людей, воплощающихъ въ себѣ всѣ ея лучшія стремленія, которыя предопредѣлены Богомъ въ руководство грядущимъ поколѣніямъ. Они рано погибаютъ, и не имъ суждено осуществить идею въ жизни, въ чемъ, быть можетъ, ихъ величайшая награда, ибо лишь въ полнотѣ желаній счастье. Эти пророческія души провидятъ время, какъ единое цѣлое, охватывая таинственными путями настоящее и будущее. Въ мощномъ порывѣ генія они стремятся осуществить однимъ ударомъ то, чего бѣдное человѣчество достигаетъ вѣковой борьбою, тягостной и длительной. Натуры дѣйственныя и энергичныя, они сгораютъ отъ неутомимой жажды дѣятельности, и среди современниковъ проносятся, ослѣпительные и яркіе, подобные лучамъ солнца, блеснувшимъ сквозь тучи въ ненастный день.

Таковъ былъ Байронъ на зарѣ XIX вѣка, таковъ былъ и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, рыцарь, поэтъ и ученый, который, по словамъ одного изъ его друзей, «больше всѣхъ смертныхъ былъ ненавистенъ злымъ и милъ хорошимъ», о комъ народъ распѣвалъ въ безъискусственныхъ пѣсняхъ: «Ульрихъ фонъ-Гуттеръ, благородной крови, пишетъ такія прекрасныя книги... Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, будь веселъ; я молю Бога, чтобы онъ защитилъ тебя теперь и во всѣ времена; да сохранитъ Богъ всѣхъ христовыхъ учителей на всѣхъ путяхъ ихъ!»

И Богъ выслушалъ мольбу простыхъ сердецъ, въ лицѣ объединенной Германіи воздвигнувъ царственный памятникъ тому, кто возвѣщалъ истину цѣною ненависти враговъ ея.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

И. П. Филевичъ. «Исторія древней Руси».—*Г. Ф. Герцбергъ.* «Исторія Византіи».—*Гастонъ Додю.* «Исторія монархическихъ учрежденій въ Латино-Іерусалимскомъ королевствѣ.

Проф. И. П. Филевичъ. Исторія древней Руси. Томъ I. Территорія и населеніе. Варшава. 1896. in 8-vo. Стр. X + 2 + 384. Ц. 2 руб. 50 коп. Книга г. Филевича, прежде всего, не «исторія», а если и «исторія», то никакъ не «древней Руси»; ее очень трудно читать, еще труднѣе понимать и едва ли стоитъ подробно разбирать. Отъ нея черезчуръ отдаетъ добрымъ старымъ временемъ,

когда достаточно было въ сердечномъ упоеніи выкликнуть десятокъ теплыхъ словъ о русскихъ и славянахъ, чтобы прослыть ученымъ и снискать славу среди всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ; неясность цѣлей, отсутствіе метода и логической выправки соперничаютъ съ необыкновенной расплывчатостью и туманностью изложенія; свои мнѣнія авторъ излагаетъ горячо и смѣло, но безъ достаточныхъ основаній; противоположныя ему мнѣнія подвергаются не критикѣ, а, скорѣе, анаѳемѣ, и въ ученомъ трудѣ конца XIX вѣка мы встрѣчаемъ лирическія изліянія, «крѣпкія» словечки и семинарскіе эпитеты. Но мы не склонны особенно нападать на г. Филевича: очень ужъ наивна его работа и по постановкѣ темы, и по пріемамъ изслѣдованія. Что сказать о современномъ историкѣ, который, не будучи чистымъ филологомъ, пишетъ почти чисто филологическое изслѣдованіе и этнографическую однородность населенія различныхъ мѣстностей ловитъ по простому житейскому созвучію словъ? И все это для того, чтобы открыть какое-то до-историческое славяно-русское «море», необъятное и непрерывное. Но по поводу этихъ усилій можно сказать только одно: «надѣлала синица шуму, а моря не зажгла». Мы не изъ робкихъ и не боимся за судьбы русской науки, не ищемъ въ древности славянорусскаго «моря» и думаемъ, что до этого «моря» намъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Но невольно досадуемъ, когда современные русскіе люди, выступающіе подъ флагомъ *ученыхъ*, продолжаютъ довольствоваться лирикой, забористыми словами, наивно-дилетантской аргументаціей. Когда же настанетъ этому конецъ? Вѣдь все это простительно провинціальному любителю, который пишетъ исторію родного села Горохова, а никакъ не профессіональному представителю науки, возсѣдающему на университетской каѳедрѣ.

Для характеристики г. Филевича приведемъ нѣсколько черточекъ изъ разбираемой *Исторіи древней Руси*. «Историческое изложеніе жизни русскаго народа,—говоритъ авторъ,—представляетъ одно существенное отличіе отъ историческаго изложенія жизни другихъ европейскихъ народовъ: оно не обнимаетъ содержанія жизни всего русскаго народа. Этотъ недочетъ обнаруживается не только въ изложеніи извѣстнаго періода русской исторіи, а характеризуетъ ее всю отъ начала и до сего дня». Мы въ недоумѣніи отъ этой фразы, которое не пропадаетъ отъ потугъ автора объяснить ее тѣмъ, «что родъ русскій по своей многочисленности уподоблялся звѣздамъ» и что къ концу XIV в. «значительная часть русскаго міра теряетъ самостоятельность и, слѣдовательно, *перестаетъ быть самоопредѣляющеюся частью славяно-русскаго цѣлаго*» (курсивъ автора). Что же это за миѳическій русскій міръ, который г. Филевичъ пытается притянуть за волосы къ русской исторіи? Это—вообще славяне, которые когда-то занимали не малое пространство въ Европѣ, и изъ которыхъ многіе имѣютъ столь же близкое отношеніе къ русскому народу, сколько современные якуты къ древнимъ германцамъ. Когда впервые начинаетъ складываться русскій народъ и зарождаться русская національность въ собственномъ смыслѣ этого слова? Не ранѣе конца XII вѣка въ сѣверовосточномъ углу восточно-европейской равнины. Для г. Филевича,

оказывается, нѣтъ разницы между населеніемъ сѣверо-восточной Руси XIII в. и южной Руси XI в., мало того, онъ и то, и другое отожествляетъ съ населеніемъ Трансильваніи незапамятныхъ временъ. Въ этомъ заключается курьезная *трансильванская теорія* г. Филевича, навѣянная славянофильствующими тенденціями излюбленныхъ имъ авторовъ. Это отсутствіе разграничительной черты между славянствомъ вообще и русской народностью приводитъ автора къ цѣлой ошибочной системѣ взглядовъ на нашу исторію, начальный періодъ которой отодвигается у него въ до-историческую даль, въ неизвѣстный народъ на неизвѣстной территоріи. Терминомъ «русскій» г. Филевичъ злоупотребляетъ такъ, какъ, можно сказать, никто въ современной литературѣ; у него этотъ терминъ не имѣетъ содержанія, и *Русь* остается внѣ какого-либо этнографическаго или топографическаго пріуроченія.

Полагаемъ, что этихъ выдержекъ достаточно. Задавшись цѣлью отыскать Русь вездѣ, гдѣ слышится звукъ «Рус», г. Филевичъ сдѣлаетъ еще, навѣрно, немало открытій, несомнѣнно, любопытныхъ, но столь же научныхъ, какъ и его «Исторія древней Руси».

Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи. Переводъ съ примѣчаніями и приложеніями П. В. Безобразова. Изд. К. П. Солдатенкова. Москва. 1897 г. Ц. 4 р. Книга Герцберга можетъ служить хорошимъ руководствомъ для фактическаго ознакомленія съ исторіей Византіи, представляющей огромный интересъ. Даже въ сухомъ, сжатомъ до крайности изложеніи Герцберга исторія тысячелѣтней агоніи греческаго царства захватываетъ всецѣло читателя, которому съ первыхъ страницъ начинаетъ выясняться неизлѣчимый недугъ великаго государства, постепенно перешедшій въ смертельную болѣзнь. Громадные предѣлы имперіи, со всѣхъ сторонъ атакуемой дикими народами, вызвали необходимость крайней централизаціи, перешедшей въ систему управленія, единственную по строгости и законченности деталей. Этой системѣ нельзя отказать въ величіи и своеобразной красотѣ, но послѣдующая исторія Византіи показала невозможность существованія имперіи, объединенной только во внѣ и лишенной внутри «духа жива». Въ этой системѣ, извѣстной въ исторіи подъ именемъ византизма, идея власти была доведена до высшей абстракціи, до абсолюта, независимо отъ времени, мѣста и личности, при полномъ подавленіи народныхъ силъ. Отъ вершины этого, почти божественнаго, олицетворенія власти нисходятъ лучами исполнители велѣній, въ видѣ удивительно стройной служебной іерархіи, разработанной до мельчайшихъ деталей и своею сѣтью опутавшей всѣ проявленія жизни народа, который, какъ самодѣятельный факторъ, всецѣло отсутствовалъ. На протяженіи всей исторіи онъ—просто объектъ для комбинацій власти, которая всецѣло подчинила, задавила и истощила его тѣло и душу до такой степени, что народъ былъ въ концѣ-концовъ превращенъ въ мертвое орудіе, передаваемое изъ рукъ въ руки сегодня одного басилевса, завтра другого. Въ результатѣ этой удивительнѣйшей системы получился живой мертвецъ, начавшій разлагаться задолго до того момента, когда турки нанесли ему окончательный ударъ. Одинъ за другимъ отпадали омертвѣвшіе члены государственнаго

организма, и исторія Византіи—это картина тысячелѣтней агоніи, картина возмутительная и ужасающая по своимъ подробностямъ.

Умираніе, лучше сказать—омертвѣніе началось на окраинахъ. Отпадаютъ Испанія, Италія, побережья Африки, Александрія, Малая Азія, Балканскій полуостровъ, наконецъ, жизнь сохраняется только въ одномъ городѣ, Константинополѣ, и вся имперія сосредоточивается въ его стѣнахъ, все государство—въ лицѣ «богоравнаго, пресвѣтлѣйшаго, препрославнаго» басилевса. Понятнымъ становится тотъ единственный въ исторіи человѣчества фактъ, что гибель цѣлаго царства не вызвала никакихъ потрясеній, не возмутила ничьего покоя, какъ будто погибло не царство, а тихо почилъ древлій старецъ, къ смерти котораго окружающіе давно подготовились.

Умираніе шло отъ периферіи къ центру, который высасывалъ всѣ живые соки византійскаго царства, налагая на все, къ чему бы онъ ни прикоснулся, печать тлѣнія и смерти. Умираетъ торговля, находившаяся при Юстиніанѣ и его ближайшихъ преемникахъ всецѣло въ рукахъ Византіи. Вы видите, какъ постепенно съ рынковъ Средиземнаго моря вытѣсняютъ грековъ сначала евреи, арабы, потомъ армяне и итальянцы, которые подъ конецъ внѣдряются въ самое сердце византійскаго царства. Задолго до паденія Константинополя всю его торговлю забираютъ въ руки итальянцы, и уже въ XI—XII вѣкѣ—венеціанцы и генуэзцы превращаютъ этотъ всемірный городъ въ отдѣленіе своихъ конторъ. Умираетъ промышленность, которая не могла развиваться въ тискахъ византійскаго управленія, опутавшаго ее тысячами стѣснительныхъ правилъ. Гибнетъ богатѣйшее искусство, унаслѣдованное отъ жизнерадостныхъ эллиновъ. Подъ давленіемъ незыблемыхъ правилъ, твердыхъ и увѣковѣченныхъ, какъ священные догматы, живопись, скульптура и архитектура замираютъ въ неподвижныхъ формахъ, пережившихъ тысячелѣтіе. Наука исчезаетъ безслѣдно, и за все время существованія Византіи, т. е. съ Юстиніана до послѣдняго Константина Палеолога, «византійская умственная дѣятельность не произвела *ни одного* настоящаго классика», говоритъ Герцбергъ, не дала *ни одного* выдающагося мыслителя, и это въ то время, когда вокругъ закипала дѣятельная умственная жизнь, и арабы начинали разрабатывать наслѣдіе классическаго міра.

Среди новой жизни, нарождавшейся вокругъ, гдѣ, какъ въ котлѣ, кипѣли и сталкивались народы, и громъ этихъ столкновеній достигалъ до небесъ,—Византія стояла неподвижная, мертвая, закаменѣвшая, какъ величественный пережитокъ стараго міра. На вершинѣ этого памятника, къ которому съ почтеніемъ и страхомъ вначалѣ приближались народы, стоялъ басилевсъ, царь царей, «владыка востока и запада». Въ сохранившихся изображеніяхъ, приводимыхъ въ книгѣ Герцберга, басилевсъ изображается обыкновенно или рядомъ съ Христомъ, или Христосъ одной рукой опирается на голову царя, другой—его супруги. Это символическое изображеніе означало, что между басилевсомъ и Богомъ нѣтъ посредниковъ. Затѣмъ слѣдуетъ византійская табель о рангахъ, заключавшаяся при Михаилѣ (1071—1078) въ 15 нисходящихъ чинахъ;

въ слѣдующее царствованіе добавлены два новыхъ чина, потомъ было введено еще 4 чина, а всего ихъ было—21, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались нити жизни царства. Эта стройная и безпримѣрная іерархія держала въ рукахъ и самого басилевса, и престолъ сплошь и рядомъ становился игрушкой, соблазнительной и смертоносной, которую перекидывали изъ рукъ въ руки. Нѣтъ другой исторіи, въ которой встрѣчалось бы столько дворцовыхъ заговоровъ, столько гнусныхъ измѣнъ и паденій. Обыкновенная исторія византійскихъ династій, которыхъ за тысячелѣтіе смѣнилось безъ числа *), такова: сильный и знатный царедворецъ, иногда генералъ, любимый солдатами, въ большинствѣ наемниками, убиваетъ «законнаго» басилевса, или, вырвавъ ему ноздри, а то ослѣпивъ, смотря по фантазіи и вкусу, заточаетъ его въ монастырь. Самъ утверждается на престолѣ и «правитъ». Его сынъ уже слабѣе духомъ, развращенный дворцовой жизнью среди гаремовъ и евнуховъ. Внукъ совсѣмъ ничтожество, и вотъ новый царедворецъ или генералъ продѣлываетъ надъ нимъ ту же операцію, которую продѣлалъ его дѣдъ надъ «законнымъ» басилевсомъ. Нерѣдко въ дворцовую революцію вмѣшивались женщины, и тогда на престолѣ начиналась настоящая «кувыркколлегія». Басилевсы мѣнялись, какъ пѣшки, и летѣли съ престола внизъ головой, оставляя кровавый слѣдъ, который, однако, не устрашалъ охотниковъ покрасоваться въ жемчужной повязкѣ. Народъ обыкновенно относился съ глубочайшимъ равнодушіемъ къ этой «игрѣ въ царей», такъ какъ онъ ничего не терялъ и не выигрывалъ отъ замѣны какого-нибудь Никифора Михаиломъ, или послѣдняго Романомъ. Во всей исторіи Византіи народъ отсутствуетъ. Мы видимъ его только въ рѣдкіе моменты, и то лишь въ роли статиста, рукоплещущаго какому-нибудь Юстиніану II, когда тотъ «устроилъ блестящіе бѣга на ипподромѣ; онъ сидѣлъ при этомъ на высокомъ тронѣ, а ноги его покоились на затылкахъ его жертвъ, узурпаторовъ-басилевсовъ, Леонтія и Тиверія, лежавшихъ предъ нимъ на землѣ; безхарактерная чернь громко привѣтствовала царя словами псалмопѣвца: на аспида и василиска наступиши и поперши льва и змія. Затѣмъ обоихъ этихъ несчастныхъ повѣсили» (705 г.). Какія при этихъ дворцовыхъ переворотахъ совершались жестокости, трудно повѣрить теперь. Всѣ родственныя узы порывались, сынъ душилъ отца, ослѣплялъ братьевъ, мать—дѣтей. Такъ, царица Ирина ослѣпила сына своего Константина «необыкновенно жестокимъ образомъ въ той самой порфирной комнатѣ дворца, гдѣ онъ родился» (747 г.). Вотъ, напр., гибель царя Андроника Комнина, свергнутаго Исаакомъ Ангеломъ. «Когда Андроника въ цѣпяхъ привели изъ мѣста заключенія къ новому царю, тотъ допустилъ, чтобы въ его присутствіи невозможнымъ образомъ ругались надъ старымъ царемъ и били его. Затѣмъ Исаакъ приказалъ отрубить ему руку и отвести его въ темницу, а черезъ нѣсколько дней выколоть ему одинъ глазъ. Затѣмъ Андроника посадили на верблюда и повезли по улицамъ, и нѣсколько часовъ толпа самымъ омерзительнымъ образомъ заму-

---

*) За 1000 лѣтъ смѣнилось около 100 царей, законныхъ и незаконныхъ.

чивала на смерть полумертваго человѣка. Наконецъ, на ипподромѣ его повѣсили на двухъ столбахъ внизъ головой, и тутъ онъ испустилъ духъ». Повидимому, эта сцена изъ византійскихъ хроникъ послужила Флоберу образцомъ для его ужасающей картины казни Матоса въ «Саламбо».

Свирѣпость, отъ которой даже въ тѣ жестокія времена дрожали турки и печенѣги, составляетъ, впрочемъ, отличительную черту византійской культуры. Царь Василій II, взявъ въ плѣнъ 15 тысячъ болгаръ, велѣлъ ихъ ослѣпить и отправить въ такомъ видѣ къ болгарскому царю Борису, который умеръ отъ горя при видѣ столькихъ своихъ изувѣченныхъ воиновъ.

Вторую отличительную черту этой культуры составляетъ развратъ. Пикантными подробностями полна исторія Византіи, и эта черта, больше чѣмъ утонченная жестокость, внушала ненависть и отвращеніе окружавшимъ народамъ, для которыхъ Византія играла въ то время ту же роль по части увеселеній, какъ Парижъ въ наши дни. Когда турки овладѣли Константинополемъ, имъ не пришлось заводить тамъ гаремовъ и евнуховъ: и то, и другое они нашли въ изобиліи и совершенствѣ...

Когда наступилъ послѣдній день Византіи, она была уже мертва и конецъ агоніи такъ же печаленъ, какъ и вся ея исторія. Когда благородный царь Константинъ, въ лицѣ котораго эллинскій духъ какъ бы ожилъ въ часъ своей кончины, обратился съ воззваніемъ къ народу, изъ полумилліоннаго населенія Константинополя не нашлось и 6.000 хорошо вооруженныхъ воиновъ, и всю защиту города вели венеціанцы и генуэзцы. Мало того, деньги, выданныя царемъ на ремонтъ стѣнъ, монахъ-инженеръ прикарманилъ себѣ, чѣмъ и объясняется быстрое взятіе города, выдерживавшаго прежде безчисленныя осады. Византизмъ получилъ въ тотъ день достойную награду: обезчещенный, поруганный и обезславленный, онъ сошелъ въ могилу на-вѣки, не возбудивъ ни въ комъ ни сожалѣнія, ни великодушія. Ни того, ни другого онъ не заслужилъ. Пало не только царство, но система, какъ бы нарочно созданная исторіей, въ примѣръ и поученіе грядущимъ поколѣніямъ, дабы они памятовали великій завѣтъ Учителя жизни: «духа не угашайте»...

Гастонъ Додю. Исторія монархическихъ учрежденій въ латиноіерусалимскомъ королевствѣ (1099—1291 г.). Переводъ съ французскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к. Книга Додю носитъ слишкомъ специальный характеръ, чтобы мы могли рекомендовать ее нашимъ читателямъ. Это весьма ученое изслѣдованіе монархическихъ учрежденій въ королевствѣ, основанномъ крестоносцами послѣ завоеванія Іерусалима. Больше половины книги занято многочисленными ссылками на источники, безчисленными выдержками на латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, подтвержающими выводы автора. Лицамъ, занимающимся спеціально исторіей и въ частности вопросами изученія феодальной системы, работа Додю можетъ оказать существенныя услуги, какъ трудъ добросовѣстный и оригинальный, богатый указаніями на литературу вопроса.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

В. В. Рахмановъ. «Общедоступный лѣчебникъ». — «Медицинскій отчетъ по вѣдомству Императрицы Маріи».

Общедоступный лѣчебникъ. Составилъ врачъ В. В. Рахмановъ. Изданіе «Посредника». М. 1897 г. Мы должны откровенно сознаться, что всякій новый домашній или общедоступный лѣчебникъ производитъ на насъ грустное впечатлѣніе. Частое появленіе такихъ книгъ, ихъ успѣхъ въ народѣ свидѣтельствуетъ о крайней недостаточности у насъ медицинской помощи для народа и о необходимости имѣть подъ руками хоть какія-нибудь указанія, которыми можно было бы воспользоваться въ случаѣ болѣзни. Такимъ образомъ, нельзя не смотрѣть на всякаго рода лѣчебники, какъ на неизбѣжное зло, существованіе котораго оправдывается отсутствіемъ раціональной медицинской помощи.

Къ домашнимъ лѣчебникамъ критикѣ необходимо относиться со всей строгостью, принимая во вниманіе развитіе той среды, для которой лѣчебникъ предназначается. Такъ какъ совѣты въ такихъ книгахъ надо давать рѣшительные, безъ колебаній, то требуется самое строгое отношеніе къ своимъ словамъ со стороны автора книги. Въ то время, какъ можно привѣтствовать всякую попытку толково и общедоступно изложить функцію органовъ человѣческаго тѣла, всякаго рода гигіеническія наставленія, нельзя, кажется, никогда особенно сочувственно отнестись къ общедоступному изложенію лѣченія болѣзней. Въ разъясненіяхъ по части физіологіи и гигіены нуждается не только простой народъ, но и такъ называемая образованная публика, и всякому, конечно, не разъ приходилось встрѣчать образованныхъ людей, не знающихъ функціи почекъ, не знающихъ, что протекаетъ по вѣнамъ и т. д. А наставленія лѣчебныя, попадая въ руки невѣжественныя, могутъ на ряду съ незначительной пользой принести и большой вредъ.

Съ этой точки зрѣнія мы ставимъ въ упрекъ автору вышеназваннаго лѣчебника то, что онъ не снабдилъ своей книги предисловіемъ, въ которомъ надо было выяснить все относительное значеніе предлагаемаго лѣчебника*). Предисловіе должно непремѣнно сказать, что во всѣхъ случаяхъ заболѣванія лучше всего обратиться къ врачу, но такъ какъ у насъ врачей мало, то и рекомендуются предлагаемые въ такой-то книжкѣ способы лѣченія, которые, однако, никогда не въ состояніи замѣнить настоящей медицинской помощи. То же самое надо повторять и при изложеніи всякой болѣзни, чтобы въ народъ проникало все больше и больше сознаніе о необходимости врачебной помощи и о невозможности книжкою замѣнить ее. Что касается физіологической и гигіенической части книги г. Рахманова, то надо сказать, что все это составлено толково, написано возможно яснымъ и простымъ языкомъ и можетъ принести читателямъ извѣстную долю пользы.

Переходя къ лѣчебной части книги, мы должны указать на

*) Эта рецензія была уже напечатана, когда въ № 3 «Врача» за 1897 г. мы прочли, что отсутствіе «Предисловія» объясняется «независящими отъ автора» причинами. *Ред.*

нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, погрѣшности. На стр. 28 авторъ, кончая главу о ранахъ, говоритъ о плохомъ теченіи ранъ, въ случаѣ небрежнаго обращенія съ ними, и даетъ совѣты, какъ быть при такихъ обстоятельствахъ. Опять повторяемъ, что лучшій совѣтъ, какой можно было дать, это—возможно скорѣе обратиться къ врачу. Говоря о собачьемъ бѣшенствѣ, авторъ напрасно не сообщаетъ, что въ настоящее время возможно лѣченіе этой болѣзни и что, въ случаѣ укушенія бѣшенымъ животнымъ, необходимо поскорѣе отправить больного на какую-нибудь прививочную станцію. Въ главѣ о крупѣ и дифтеритѣ опять нѣтъ указанія на возможность излѣченія впрыскиваніями, а дается цѣлый рядъ доступныхъ въ домашнемъ обиходѣ наставленій и сообщается, что и трахеотомія, сдѣланная докторомъ, очень часто тоже не спасаетъ. Не можемъ мы также согласиться съ категорическимъ заявленіемъ о незаразительности цынги, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, вопросъ этотъ еще не рѣшенъ окончательно *).

Указавши на нѣкоторыя погрѣшности въ книгѣ г. Рахманова, можемъ сказать въ заключеніе, что среди многихъ другихъ общедоступныхъ лѣчебниковъ сочиненіе г. Рахманова должно занять не послѣднее мѣсто.

Медицинскій отчетъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи за 1891—1892, 1892—1893 и 1893—1894 гг. Два объемистыхъ тома, изъ которыхъ одинъ изданъ въ 1895 г., а другой — въ 1896 г., представляютъ подробный медицинскій отчетъ за указанное выше время. Можно привѣтствовать такое, хотя и запоздалое появленіе интересныхъ отчетовъ и пожелать, чтобы медицинскіе отчеты разныхъ вѣдомствъ сдѣлались явленіемъ не случайнымъ, а появлялись регулярно, безъ большихъ опозданій. Въ краткой библіографической замѣткѣ нельзя передать все содержаніе упомянутыхъ отчетовъ, да для большого круга читателей не все въ нихъ одинаково интересно. Мы укажемъ только на нѣкоторыя данныя, имѣющія отношенія къ женскимъ институтамъ и гимназіямъ, гдѣ воспитываются будущія матери и гдѣ, поэтому, вопросъ о санитарной обстановкѣ, о состояніи здоровья воспитанницъ является особенно важнымъ.

Изъ принятыхъ въ 1892—1893 г. 239 ученицъ въ петербургскіе институты, 146 оказались съ ясными признаками недостаточнаго здоровья, или, другими словами, только 93 воспитанницы (40%) относительно здоровыми. Еще меньшій процентъ относительно здоровыхъ дали московскія учебныя заведенія, а именно изъ 157 поступившихъ только 50, т. е. 30%. За указанное время въ разные губернскіе институты (свѣдѣнія доставлены далеко не о всѣхъ) поступило дѣвицъ относительно здоровыхъ около 40%. Соотвѣтственно указаннымъ цифрамъ получилось, что въ петербургскихъ заведеніяхъ лазаретами пользовалось около 56,9%, въ московскихъ 76%, въ губернскихъ около—68%. Разстройства питанія, съ которыми поступали воспитанницы въ учебныя заведенія, располагаются въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: общее

---

*) Въ послѣднее время Нансенъ подтверждаетъ, что причина цынги—недоброкачественность и гнилостное состояніе пищевыхъ продуктовъ. *Ред.*

малокровіе, золотуха, расположеніе къ наслѣдственному туберкулезу, далѣе слѣдуютъ: слабость зрѣнія, слуха и искривленія позвоночника. Во всѣхъ институтахъ отмѣчается огромный процентъ дѣвицъ съ испорченными зубами, а слѣдовательно, и съ пострадавшими органами пищеваренія и питанія.

Въ отчетѣ за 1893—1894 г. приводятся данныя относительно гимназій, принадлежащихъ къ вѣдомству Императрицы Маріи. Всѣхъ такихъ гимназій—29. Такъ какъ большинство гимназій не имѣетъ интернатовъ и преобладаютъ, вслѣдствіе этого, приходящія ученицы, то свѣдѣнія о болѣзненности и заболѣваемости воспитанницъ не отличаются особенной полнотой. Санитарная обстановка гимназій крайне разнообразна. Гимназіи, помѣщающіяся въ собственныхъ домахъ, устроены, конечно, лучше, помѣщающіяся въ наемныхъ помѣщеніяхъ имѣютъ много недостатковъ. Далѣе, зданіе, годное, по числу воспитанницъ, лѣтъ 30 тому назадъ, оказывается совершенно не подходящимъ при увеличившемся числѣ воспитанницъ. Недостатки, общіе почти всѣмъ гимназіямъ, это—скудость свѣта, недостаточная вентиляція и, поэтому, недостатокъ воздуха и общая тѣснота помѣщеній.

Изъ отчетовъ видно, что вопросъ о физическомъ здоровьѣ воспитанницъ сильно занимаетъ вѣдомство, которое прилагаетъ всѣ усилія для постепеннаго и возможнаго улучшенія быта учащихся. Все болѣе и болѣе разумно распредѣляются часы занятій и отдыха, лѣченіе слабыхъ и отсталыхъ ведется не по шаблону, а со строгой индивидуализаціей каждаго случая, все больше и больше отводится времени и мѣста для врачебной и педагогической гимнастики и т. д. Для поправленія здоровья учащіяся пользуются и санаторіями.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

«Русскій астрономическій календарь».—*К. Фламмаріонъ.* «Живописная астрономія».—*Г. Предтеченскій.* «Кометы и падучія звѣзды».—*А. Мильнъ-Маршаль.* «Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбріологію».

Русскій астрономическій календарь на 1897 г. нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. Подъ редакціей предсѣдателя общества. Съ приложеніемъ подвижной карты звѣзднаго неба и съ рисунками и чертежами въ текстѣ. (Рекомендованъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній). Москва. Изданіе К. И. Тихомирова. 1897. Стр. X+188. Цѣна 75 коп. Это очень полезная, даже необходимая справочная книжка, полная толковыхъ, практическихъ совѣтовъ, для серьезнаго любителя астрономіи. Въ предисловіи редакція излагаетъ цѣль изданія: «дать практическое и справочное руководство къ наблюденіямъ астрономическихъ явленій, возможно доступное для каждаго, интересующагося астрономіей, и пріуроченное къ тѣмъ наблюдательнымъ средствамъ, какими могутъ располагать любители астрономіи». Составители добросовѣстно потрудились надъ такою, новою еще у насъ, задачею. Ихъ календарь

является хорошимъ руководителемъ въ первоначальномъ изученіи и наблюденіи звѣзднаго неба и его явленій, и содержитъ много свѣдѣній теоретическаго и практическаго характера въ сжатомъ, но ясномъ изложеніи. Помимо многихъ таблицъ, обзоровъ ожидаемыхъ въ нынѣшнемъ году явленій, примѣровъ первоначальныхъ вычисленій, указаній на «главнѣйшія пособія—книги, атласы, журналы» (стр. 165) и главныя фирмы оптическихъ инструментовъ, помимо наставленій къ наблюденіямъ, историческихъ справокъ и т. п.,—обращаетъ на себя вниманіе «Справочникъ наблюдателя на 1897 годъ» (стр. 60—70). Онъ раздѣленъ на мѣсяцы, въ каждомъ—три рубрики: «Планеты», «Явленія въ солнечной системѣ», «Наблюдать»; въ первой рубрикѣ указывается на движеніе, видимость, мѣсто на небѣ, видъ планетъ (Меркурія, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна); во второй указаны числа и часы, въ какіе происходитъ соединеніе, квадратура, противостояніе, maximum блеска, maximum элонгаціи планетъ, затменіе, вступленіе солнца въ знакъ зодіака и т. п.; въ третьей перечисляются важнѣйшіе объекты наблюденій. Все это представляетъ большія удобства для любителя наблюдателя, замѣняя ему устное компетентное руководительство. Положенія Меркурія, Урана и Нептуна представлены въ болѣе подробныхъ таблицахъ (стр. 36—45). Для чиселъ года съ промежутками въ десять дней даны кульминаціи Полярной звѣзды (для опредѣленія направленія меридіана)—на стр. 51; приведены также дни minimum'а блеска перемѣнной звѣзды Альголя. Словомъ, въ календарѣ много данныхъ, много матеріала для благородныхъ упражненій любителя науки, обладающаго небольшою астрономическою трубою. Но много ли у насъ найдется такихъ любителей-счастливчиковъ? Десятки! А любителей, не имѣющихъ средствъ на покупку трубы, смѣло можно считать сотнями. Стоимость мало-мальски сносной трубки 80—100 р., а это для небогатаго человѣка—деньги немалыя; контингентъ же искреннихъ любителей науки у насъ въ громадномъ большинствѣ состоитъ именно изъ небогатыхъ людей,—это хорошо извѣстно всякому, кто только занимался немного вопросомъ о положеніи науки въ обществѣ. И жаль, что нижегородскій кружокъ какъ будто и позабылъ о существованіи «малыхъ сихъ», правильнѣе, не то, что позабылъ, а обратилъ на нихъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы вниманія. Вмѣсто того, чтобы распространяться о спектрахъ свѣтилъ (напр., на стр. 154 и 155 не мало праздныхъ для любителя рѣчей), лучше было бы *подробнѣе* разсмотрѣть звѣздное небо. О всѣмъ доступномъ съ помощью театральнаго бинокля наблюденіи перемѣнныхъ звѣздъ—только ссылка на инструкцію проф. С. П. Глазенапа въ «Извѣстіяхъ Русскаго Астрономическаго Общества». Почему не напечатать этой инструкціи съ объясненіями въ календарѣ? Затѣмъ, о наблюденіяхъ падающихъ звѣздъ—ни слова. Эти наблюденія можетъ производить всякій, изучившій въ два-три вечера извѣстную часть неба, безъ помощи какого бы то ни было инструмента при условіи, разумѣется, хорошаго состоянія зрѣнія, а близорукій можетъ обойтись одними очками. Наблюденія надъ падающими звѣздами очень интересны, крайне

занимательны и, выполненныя добросовѣстно, *полезны и наукѣ*; въ бытность академика Ѳ. А. Бредихина директоромъ Пулковской астрономической обсерваторіи, такія наблюденія любителей обрабатывались въ этомъ первоклассномъ ученомъ учрежденіи, снабжавшемъ наблюдателей особыми звѣздными картами, приготовленными по системѣ проф. В. К. Цераскаго.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что для «наблюдателя безъ трубы» календарь нижегородскаго кружка будетъ мало полезенъ. Не говоря уже о теоретическихъ свѣдѣніяхъ, о хорошо разработанномъ вопросѣ о времени, читатель, имѣющій возможность наблюдать небо только невооруженнымъ глазомъ, воспользуется не безъ успѣха многими практическими данными; для него будутъ имѣть важность рубрики восхода, кульминаціи и захода планетъ, положеніе ихъ на небесномъ сводѣ, наставленія о нахожденіи звѣздъ и т. п. Желательна болѣе цѣлесообразная группировка содержанія. Въ предисловіи, между прочимъ, сказано: «Въ календарѣ на ряду съ обширнымъ текстомъ встрѣчается такъ много всякихъ таблицъ, цифръ, замѣчаній, что новичекъ можетъ совершенно растеряться и недоумѣвать, съ чего начинать наблюденія и какъ слѣдуетъ пользоваться этою книжкою» (стр. VI). Это—правда; скажемъ болѣе, новичка и дальше, когда онъ уже и познакомится съ календаремъ, будетъ затруднять это хаотическое расположеніе хотя бы и цѣннаго для него матеріала; сразу же и не новичекъ въ астрономіи станетъ втупикъ передъ такимъ винегретомъ. При наблюденіяхъ (и вычисленіяхъ) важно имѣть всѣ справки подъ рукой, не терять времени на отысканіе нужнаго, не возиться съ закладками—разными бумажками и ленточками. Въ «Русскомъ Астрономическомъ Календарѣ» слѣдуетъ отдѣлить теоретическую часть отъ практической; затѣмъ, въ послѣдней всѣ явленія, начиная съ крупныхъ и кончая мелкими, разгруппировать по мѣсяцамъ, такъ что астрономическій обзоръ каждаго мѣсяца со всѣми таблицами, къ нему относящимися, займетъ нѣсколько страницъ,—вотъ главныя измѣненія плана Календаря, необходимыя, по нашему мнѣнію, въ видахъ удобства пользованія имъ.

Въ нынѣшнемъ календарѣ заслуживаетъ вниманія новая статейка, «Инструкція къ наблюденіямъ солнечныхъ пятенъ» (стр. 124—127). Подобныя наблюденія имѣютъ большое научное значеніе, особенно въ виду констатированной связи между солнечными пятнами и земнымъ магнетизмомъ (одиннадцатилѣтній періодъ состоянія тѣхъ и другихъ). Инструкція толково составлена, къ ней приложена форма записей. Привлеченіе любителей къ посильной работѣ на пользу наукѣ составляетъ симпатичную черту дѣятельности нижегородскаго кружка.

Съ внѣшней стороны книжка издана просто, но чисто. Досадно только за плохую корректуру текста (о корректурѣ цифровой части ничего сказать не можемъ, такъ какъ перевычисленіе данныхъ, разумѣется, не входитъ въ задачу критики). Приложенная карта звѣзднаго неба довольно плоха по исполненію. Конечно, всякое начало не свободно отъ промаховъ и ошибокъ. Изданіе «Русскаго Астрономическаго Календаря»—дѣло доброе, явленіе отрадное въ нашей литературѣ. Привѣтствуя его, нельзя, однако, за-

малчивать его слабыхъ сторонъ въ интересахъ самого же дѣла. Вотъ почему мы распространились такъ объ этой книжкѣ въ надеждѣ, что нашъ голосъ услышатъ тѣ, отъ кого непосредственно зависитъ улучшеніе ея.

Живописная астрономія (Astronomie Populaire). К. Фламмаріона. Общее описаніе вселенной, увѣнчанное монтіоновскою преміею и одобренное франц. мин. просв. для народныхъ библіотекъ. Переводъ Е. Предтеченскаго. Съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашенными рисунками. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1897. Стр. IV+696. Цѣна 3 рубля. Появляющаяся впервые на русскомъ языкѣ «Astronomie populaire» извѣстнаго популяризатора Камилла Фламмаріона заслуживаетъ полнаго вниманія каждаго образованнаго человѣка. Она читается легко, съ удовольствіемъ и съ пользою, безъ всякаго утомленія. Это—книга скорѣе для чтенія, чѣмъ для изученія. Возбуждая въ читателѣ интересъ къ величественной наукѣ о небѣ, произведеніе французскаго ученаго даетъ массу знаній, рисуетъ картину вселенной широкою, талантливою кистью, говоритъ о прошломъ астрономіи и о новѣйшихъ ея успѣхахъ. «Книга написана для тѣхъ, кто привыкъ сознательно относиться ко всему окружающему и радъ бы былъ безъ особенныхъ усилій получить первоначальныя, но основательныя свѣдѣнія обо всемъ, что происходитъ въ мірѣ»—такими словами начинаетъ авторъ свой трудъ, и по прочтеніи книги можно вполнѣ согласиться съ ними. Описавъ землю въ астрономическомъ отношеніи, съ подробнымъ обзоромъ ея движеній, указавъ на ея прошлое и будущее, Фламмаріонъ переходитъ къ лунѣ, затѣмъ описываетъ солнце, солнечныя затменія, разсматриваетъ планетный міръ по обширной программѣ, разбираетъ вопросъ о жителяхъ планетъ, говоритъ о кометахъ и падающихъ звѣздахъ и заканчиваетъ книгу большимъ отдѣломъ о звѣздномъ мірѣ. Содержаніе книги разработано по новѣйшимъ научнымъ даннымъ, пояснено чертежами, картами и массою рисунковъ, значительно облегчающихъ пониманіе излагаемаго; математическая часть выражается только числовыми результатами астрономическихъ наблюденій и вычисленій; формулы и всякія выкладки отсутствуютъ.

Переводъ прекрасно исполненъ дѣйствительнымъ членомъ Русскаго Астрономическаго Общества, извѣстнымъ уже переводчикомъ Фламмаріона, Е. А. Предтеченскиаъ, который въ концѣ книги отъ себя прибавилъ статейку «Лунный календарь и его примѣненія», восполняя тѣмъ пробѣлъ въ подлинникѣ. Съ внѣшней стороны книга, богатая рисунками, издана если и не роскошно, то, во всякомъ случаѣ, прекрасно. Къ ней приложена въ концѣ удачная звѣздная карта, по которой можно изучить почти всѣ созвѣздія и главнѣйшія звѣзды въ нихъ; это — очень хорошее пособіе для начинающаго любителя при наблюденіяхъ.

Кометы и падучія звѣзды. Составилъ Е. Предтеченскій, съ 29 рисунками въ текстѣ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896 г. 126 стр. Ц. 40 к. Имя Е. Предтеченскаго хорошо извѣстно нашей читающей публикѣ, интересующейся популярными сочиненіями по астрономіи. Многочисленныя популярно-научныя бесѣды этого автора

*

не блещутъ той живостью и красотой изложенія, которыя такъ характеризуютъ произведенія французскаго популяризатора по астрономіи К. Фламмаріона, но за то лишены и недостатковъ послѣдняго; въ нихъ нѣтъ того черезчуръ восторженнаго тона и того, можно сказать, фразерства, какіе подчасъ мы встрѣчаемъ у французскаго автора. Сочиненія Е. Предтеченскаго изложены, правда, довольно сухо, но просто, ясно и вполнѣ научно. Тѣми же достоинствами отличается и его книжка «Кометы и падучія звѣзды». Въ шести главахъ ея онъ излагаетъ различныя мнѣнія о кометахъ, Кеплеровы законы, даетъ описаніе главнѣйшихъ періодическихъ кометъ и большихъ кометъ послѣдняго столѣтія, останавливаетъ вниманіе читателя также на гипотезахъ о происхожденіи кометъ, ихъ строеніи и значеніи въ нашемъ мірѣ и, наконецъ, сообщаетъ главнѣйшія свѣдѣнія о падающихъ звѣздахъ, болидахъ и небесныхъ камняхъ и о происхожденіи всѣхъ этихъ явленій. Приложенные въ текстѣ рисунки вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Съ внѣшней стороны изданіе вполнѣ опрятно.

Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбріологію. Составилъ А. Мильнъ-Маршаль (A. Milnes Marchall). Перевелъ съ пятаго посмертнаго изданія 1894 года Николай Зографъ, професэоръ Императорскаго московскаго университета, М. 1896 г. 160 стр. Ц. 1 р. 25 к. Предназначая свое сочиненіе для слушателей Оуэновской коллегіи, авторъ придалъ ему характеръ практическаго руководства для самостоятельныхъ занятій по гистологіи и анатоміи высшихъ животныхъ. Въ данномъ случаѣ лягушка, какъ объектъ наиболѣе удобный, берется за образецъ этихъ животныхъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда она оказывается мало пригодной, М. Маршаль обращается къ отдѣльнымъ органамъ овцы или быка. Введеніе разсматриваемой книжки содержитъ практическія указанія о методахъ изслѣдованій, употребленіи микроскопа, приготовленіи микроскопическихъ препаратовъ, ихъ окрашиваніи и проч. Восемь главъ посвящены гистологіи и анатоміи лягушки, причемъ авторъ всякій разъ, когда это надо, не забываетъ давать совѣты относительно пріемовъ, необходимыхъ при вскрытіи и препарированіи. Въ послѣдней, IX главѣ данъ довольно обстоятельный очеркъ исторіи развитія лягушки, какъ эмбріональнаго, такъ и послѣэмбріональнаго. Къ сожалѣнію, эта глава содержитъ исключительно изложеніе фактическихъ данныхъ по эмбріологіи безъ всякихъ указаній практическаго свойства, между тѣмъ для самостоятельныхъ эмбріологическихъ изслѣдованій въ особенности необходимо знакомство съ методами. Во всемъ остальномъ книжка М. Маршаля вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію служить практическимъ руководствомъ для самостоятельныхъ изслѣдованій строенія тѣла позвоночныхъ животныхъ. Поэтому, мы можемъ привѣтствовать появленіе ея въ русскомъ переводѣ и рекомендовать какъ пособіе для студентовъ медиковъ и натуралистовъ. Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно; 36 рисунковъ въ текстѣ хотя и не могутъ быть названы блестящими по исполненію, но достаточно хорошо поясняютъ текстъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го января по 15-е февраля 1897 года.

Гюи де Мопассанъ. Чудный другъ и другіе разсказы. Съ пред. Л. Толстого. Пер. Никифорова. Изд. «Посредника». М-ва. 1897. Ц. 1 р.

Фэдонъ. Разговоръ Платона. Перев. съ прим. Дм. Лебедева. Изд. «Посредника». М-ва. 1896. Ц. 40 к.

Д-ръ П. С. Алексѣевъ. О пьянствѣ. Съ пред. Л. Толстого. Изд. «Посредника». М-ва. 1896. Ц. 60 к.

Н. Я. Гротъ. Очеркъ философіи Платона. Изд. «Посредника». М-ва. 1897. Ц. 60 к.

А. П. Барыкова. Стихотворенія и прозаическія произведенія. Изд. «Посредника». 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Артуръ Шюке, Ж. Ж. Руссо. Пер. съ франц. Шараповой. Изд. «Посредника». 1897. Ц. 40 к.

Отхожіе промыслы, крестьянъ Яросл. губ. Изд. Яросл. Стат. Губ. Комитета. 1896.

Ч. Диккенсъ. Полное собраніе сочиненій Т. 10-ый. Изд. Павленкова. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Г. фонъ - Герцбергъ. Исторія Византіи. Перев. Безобразова. Изд. Солдатенкова. М-ва. 1897. Ц. 4 р.

Им. Кантъ. Критика практическаго разума. Перев. Н. М. Соколова. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія. Изд. журн. «Вѣстн. Воспитанія».

Н. Телешовъ. За Уралъ. Изъ скитаній по Зап. Сибири. Очерки. Изд. Сытина. М-ва. 1897. Ц. 75 к.

А. Воротынскій. На разсвѣтѣ. Истор. фантазія. Римъ 63 г. по Р. Х. Спб. 1897.

С. Архиповъ. Наставленіе къ искусственному разведенію лѣса преимущ. хвойныхъ породъ. Вятка. 1896.

Е. Дрентельнъ. Не слишкомъ ли много мы лѣчимъ нашихъ дѣтей. Харьк. 1896. Ц. 20 к.

К. Вагнеръ. Мужество, какъ идеалъ дѣятельной жизни. Пер. съ 11 фран. изд. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Н. Павловъ. Методическія замѣтки о рѣшеніи сложныхъ задачъ нач. ариѳметики. Каз. 1896. Ц. 30 к.

Его же. Опытъ системат. сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметики. Ч. I. Ц. 15 к. Ч. II. Ц. 25 к. Каз. 1896.

П. Дмитріевъ. Сборникъ образцовъ русской словесности. Казань. 1897. Ц. 25 к.

А. Соловьевъ. Сборникъ образцовъ русской литературы для выразительнаго чтенія. Каз. 1897. Ц. 15 к.

Его же. Искусство выразительнаго чтенія.

Шестаковъ. Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности. Каз. 1897. Ц. 35 к.

А. Селивановъ. Что есть истина? Философскій очеркъ. Омскъ. 1896.

Гастонъ Додю. Исторія монархическихъ учрежденій. Изд. Пантелѣева. Спб. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Ив. Бунинъ. На край свѣта. Кастрюкъ. Разсказы. Изд. Поповой. Спб. 1897. Ц. 10 к.

Элизе Реклю. Бельгія и Голландія. Изд. Поповой. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Н. Горовая. Гигіеническіе очерки. Пыль и воздухъ жилыхъ помѣщеній. Спб. 1897. Ц. 80 к.

Биндерлингъ. Бесѣды по земледѣлію. Изд. Маркса. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Лазарильо изъ Тормесса. Пер. съ испанскаго. Изд. Пантелѣева. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Фр. Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Полн. пер. со шведскаго М. Вечеслово подъ ред. Березина. Изд. Поповой. Спб. 1897. Вып. I. Ц. 30 коп.

Генрихъ Фре. Экспериментальная психологія и спорные вопросы педагогики. Спб. 1897. Ц. 25 к.

Кн. Индостанскій. Призраки. (Окончаніе повѣсти. М. Ю. Лермонтова). Фантастическій разсказъ. Москва. 1897. Ц. 30 к.

К. Вагнеръ. Молодое поколѣніе. Спб. 1897. Ц. 1 р.

А. Генцъ. Волшебные звуки. Этюдъ въ I дѣйствіи.

Бабиковъ. Жукъ. Разсказъ въ II част. Изд. Ледерле. Спб. 1897. Ц. въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Гр. Ф-та. Какъ узнать характеръ человѣка. Изд. Сойкина «Полезная библіотека». 1897. Ц. 50 к.

Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

В. Классенъ, Ф. Ласcаль. Біографическая библіотека Павленкова. Спб. 1896. Ц. 25 к.

Годлевскій, Э. Ренанъ. Біографическая библіотека Павленкова. 1895. Ц. 25 к.

Дрентельнъ. О необходимости женскаго медицинскаго надзора въ женскихъ учебн. заведеніяхъ. Изд. журн. «Вѣстн. Воспит.» въ пользу слушательницъ Жен. Медиц. Инст. Москва. 1896. Ц. 20 к.

Шершеневичъ. О порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней. Казань. 1897. Ц. 30 к.

Гельмгольцъ. О сохраненіи энергіи. Пер. съ нѣм. Гессенъ. Изд. Юровскаго. Международ. библ. Спб. 1897. Ц. 15 к.

Веніаминъ Киддъ. Соціальное развитіе. Пер. съ англ. М. Чепинской. Изд. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Дневникъ экспедиціи А. Л. Чекановскаго въ 1873—1875 г. Спб. Изд. Импер. Рус. Геор. Общества.

Отчетъ Совѣта Спб. Фребелевскаго Общества 1871—1896 гг. Спб. 1897.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Заразительная книга.

По поводу сочин. Wilhelm'a Appell'я. *Werther und seine Zeit.* Vierte verbesserte und vermehrte Auflage. Oldenburg, 1896.

I.

Предъ нами въ высшей степени любопытная работа нѣмецкаго ученаго. Любопытна она не по особенно богатому содержанію или выдающейся учености, написана отнюдь не блестяще и обыкновенному читателю потребуется не мало доброй воли прочесть ее всю цѣликомъ.

Весь интересъ въ общемъ вопросѣ, возникающемъ по поводу скромнаго сочиненія. Оно представляетъ исторію нравственныхъ и общественныхъ вліяній, вызванныхъ однимъ изъ популярнѣйшихъ художественныхъ произведеній прошлаго вѣка. Предъ нами, такъ сказать, біографія гётевскаго *Вертера*, доведенная до начала нынѣшняго столѣтія.

Біографія, несомнѣнно, не полная и довольно односторонняя. Авторъ гораздо больше занимается книжными, чѣмъ жизненными явленіями. Это удобнѣе: требуется только обладать библіографическими свѣдѣніями. Но неизмѣримо было бы поучительнѣе знать, даже съ мельчайшими подробностямя, вертеровскіе подвиги въ общественной практикѣ. Они были и нѣкоторые извѣстныавтору. Но онъ, въ качествѣ добросовѣстнаго *ученаго*, не придаетъ большого значенія фактамъ толпы, и угощаетъ читателей преимущественно продуктами книжныхъ лавокъ.

Это жаль.

Литературныя и эстетическія вліянія—вопросы второстепенные сравнительно съ нравственными сѣменами извѣстной идеи или художественнаго созданія. Часто самая умная и талантливая книга прочитывается затѣмъ, чтобы наполнить собой нѣсколько вечеровъ праздной болтовни и быть, наконецъ, забытой. Недаромъ въ наше время безпрестанно воскрешаютъ и реставрируютъ разныхъ знаменитостей, безусловно достойныхъ и когда-то жёгшихъ сердца, а потомъ безслѣдно исчезнувшихъ въ потокѣ времени. Вѣрное доказательство, что, при всей талантливости, знаменитости имѣли крайне ограниченное воздѣйствіе на жизнь, пронеслись надъ міромъ будто въ какихъ-то эмпиреяхъ и не подняли ни одного пласта бренной земли.

О *Вертерѣ* нельзя этого сказать.

Когда вы даже теперь перечитываете романъ, у васъ невольно возникаетъ одинъ изъ современнѣйшихъ и самыхъ «проклятыхъ» вопросовъ: что̀ такое книга, вообще творческое и идейное произведеніе, какъ нравственная и общественная сила?

Вопросъ, повидимому, совершенно простой. Книга—сила громадная, страшная, «адская», какъ выражался одинъ изъ ея ожесточеннѣйшихъ ненавистниковъ, приснопамятный Магницкій.

И у него было и есть не мало сочувственниковъ.

Вы помните, напримѣръ, до сихъ поръ вызывающую эффектъ сцену въ салонѣ Фамусова, когда вся московская тьма и тля собралась на вѣче судить «сумасшедшаго» Чацкаго.

Она усиленно ищетъ первоисточника современныхъ бѣдствій, и единодушно приходитъ къ заключенію: вся язва отъ книгъ...

На искомую истину попадаетъ сначала Скалозубъ, но посмотрите, какъ немедленно поднимается вдохновенная волна! Грозный воинъ еще, пожалуй, готовъ допустить книги «для большихъ оказій». Фамусовъ, очевидно, страшно обрадованный открытіемъ настоящаго виновника своихъ скверныхъ настроеній и опытовъ, кричитъ:

Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ! ужъ коли зло пресѣчь
Забрать всѣ книги бы, да сжечь!..

Загорѣцкій—намѣчаетъ первыхъ жертвъ предстоящаго аутода-фе: *басни*: «Охъ, басни смерть!»... Въ нихъ нѣтъ пощады ни львамъ, ни орламъ, т. е. царямъ.

Это безсмертная сцена. Въ ней заключена цѣлая философія мракобѣсія со всѣми оттѣнками мысли и критики.

Загорѣцкій—человѣкъ глупый и вздорный, но какъ разъ будто затѣмъ, чтобы отвести его ударъ, басня прямо въ его духѣ изобразила несказанныя и безконечныя бѣды, причиненныя человѣчеству нѣкіимъ *Сочинителемъ*. Несчастный долженъ идти впереди разбойника, по списку адскихъ мученій, и выслушать вдобавокъ отъ своей мучительницы уничтожающую критику на свои сочиненія.

Оказывается, ядъ его книгъ не только неслабѣетъ съ теченіемъ времени, а все развивается и отравляетъ одно поколѣніе за другимъ. Чего только здѣсь нѣтъ! И дѣти—«стыдъ своихъ семей», и цѣлая страна «полна убійствами и грабежами», да и впредь еще родится бездна золъ—все отъ книгъ *Сочинителя!..*

По истинѣ ужасная демоническая сила—книга! Все на свѣтѣ проходитъ и умираетъ, а она остается съ своей неистощимой способностью губить своихъ читателей.

Любопытно бы услышать отъ баснописца, гдѣ онъ открылъ такого поразительнаго сочинителя и такія сверхъестественныя книги! Исторія что-то не сообщаетъ ничего подобнаго. Но не въ этомъ дѣло: на то и басня, чтобы баснословить.

Для насъ интересенъ взглядъ *мудраго* и солиднѣйшаго поэта на вліяніе книги. Не думайте, будто такой взглядъ только «дѣдушкины сказки». Почти одновременно и по тому же поводу несравненно болѣе просвѣщенный философъ-французъ писалъ въ томъ

же смыслѣ. Всѣ на свѣтѣ перевороты произошли отъ книгъ, начиная съ Евангелія и кончая *Общественнымъ договоромъ* Руссо.

Очевидно, книга дѣйствительнѣе какихъ угодно другихъ стихій человѣческаго общества. Она своего рода настоящее *живое*, гигантски-крѣпкое и живучее существо. По временамъ, одинъ взглядъ на нее можетъ вызывать сильнѣйшія чувства.

Гёте, напримѣръ, разсказываетъ, какъ онъ и его товарищи—всѣ идеально настроенные юноши, не могли безъ ужаса и содроганія смотрѣть на книгу Гольбаха, представлявшую человѣческую жизнь съ точки зрѣнія грубаго, удручающаго матеріализма.

Но вы замѣтили, о чрезвычайномъ значеніи книгъ говорили все люди, враждебные или книгамъ вообще, или какой-нибудь въ частности.

Существуетъ противоположное мнѣніе, и оно-то именно, повидимому, имѣетъ большіе шансы утвердиться въ наши дни.

Выразить его можно кратко и точно извѣстными словами одного изъ новѣйшихъ соціальныхъ дѣятелей. *Der Magen macht Revolutionen,* т. е. желудокъ дѣлаетъ революціи, другими словами: не *слово*, а *хлѣбъ* мѣняетъ общественный строй и создаетъ культурныя эпохи, или, еще точнѣе, не идея, а экономическія отношенія управляютъ человѣчествомъ.

Было бы очень любопытно прослѣдить исторію этого воззрѣнія. Сто лѣтъ тому назадъ, ни друзьямъ, ни врагамъ прогресса даже и на мысль не могло придти ничего подобнаго. До такой степени весь восемнадцатый вѣкъ и революціонная эпоха были убѣждены въ неограниченномъ господствѣ идей и теорій!

И убѣжденіе имѣло очень солидныя историческія основанія.

Если желудокъ и дѣлаетъ, то не революціи, а бунты, не *révolutions*, а *révoltes*, могъ бы скаламбурить придворный Людовика XVI.

Напримѣръ, что могло быть тягостнѣе положенія Франціи въ царствованіе двухъ предпослѣднихъ Людовиковъ! Всюду, подъ разными наименованіями возникали волненія и смуты. И Тэнъ впослѣдствіи съ завистью будетъ вспоминать, какъ всѣ эти смуты быстро и удачно прекращались. Но вотъ въ концѣ вѣка поднялась послѣдняя смута, и ея оказалось невозможнымъ ни укротить, ни даже ограничить.

Почему?

Легкомысленный и зарапортовавшійся историкъ отвѣчаетъ: потому что правительство не достаточно энергично дѣйствовало войсками.

Въ дѣйствительности—истинный отвѣтъ данъ самимъ же авторомъ въ извѣстной сценѣ короля съ придворнымъ. Въ 1789 году поднялся не бунтъ, а революція, т. е. не ропотъ однихъ желудковъ, а цѣлая буря страстей, получившихъ формулировку въ разныхъ политическихъ и соціальныхъ *идеяхъ*.

Въ этомъ вся существенная разница.

«Рубашечники» Людовика XIV неистовствовали въ силу чистыхъ «экономическихъ отношеній», не имѣя идейнаго знамени, объединяющаго принципа, общей *идеальной* цѣли. На противопо-

ложномъ полюсѣ буржуа-милліонеры, сытые всѣми благами до горла, терпѣливо выносили самыя фантастическія воздѣйствія Кольбера на ихъ дѣятельность и личность.

Очевидно, угроза голодной смерти и полнѣйшая обезпеченность одинаково безсильны измѣнить строй жизни. И въ томъ, и въ другомъ положеніи люди могутъ совершенно различно существовать, но тожественно относиться къ общимъ основамъ своего существованія. Ни подлиповецъ, ни Разуваевъ никогда не станутъ реформаторами и даже не помыслятъ о реформѣ.

Необходимо вмѣшательство другой силы, совершенно иного порядка, чѣмъ желудокъ и экономическія условія. Само евангеліе изумительно рѣзко и рѣшительно опредѣлило эту силу, и именно на ней основало свои міровыя завоеванія.

Эта сила—идея, книга.

Мы, конечно, нашими замѣчаніями отнюдь не разсчитываемъ рѣшить въ высшей степени сложный вопросъ, и рѣшеніе его, разумѣется, не въ какомъ-либо одностороннемъ отвѣтѣ. Мы только желаемъ отмѣтить интересующій насъ предметъ. Для нашей цѣли достаточно даже придти хотя бы къ такому выводу: экономическія отношенія—только матеріалъ для творческой работы, своего рода элементы хаоса, творческая сила—идея. Все равно, какъ нашъ стройный міръ могъ возникнуть только изъ предварительно существовавшей неорганизованной матеріи, такъ и идея можетъ создать новый порядокъ вещей только изъ извѣстнаго матеріала. Сама по себѣ идея—отвлеченная и парящая на недосягаемыхъ высотахъ—то же, что звукъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Сами по себѣ матеріальныя условія—безцѣльно и безрезультатно вертящееся облако пыли. На минуту вихрь можетъ вызвать серьезную опасность, но пройдетъ минута напряженія и пыль снова уляжется по землѣ спокойнымъ слоемъ.

Наши сравненія даютъ только приблизительное представленіе объ относительномъ значеніи двухъ стихій исторической жизни человѣчества. Но несомнѣнно одно: вѣра въ безусловную рѣшающую роль матеріальнаго фактора—вѣра антикультурная и въ своей крайней формѣ угрожаетъ даже повести къ одному изъ самыхъ гибельныхъ результатовъ: къ недостаточной оцѣнкѣ просвѣщенія и образованія, какъ настоятельнѣйшихъ нуждъ всякаго народа и первыхъ условій какого бы то ни было прогресса.

Второй путь къ рѣшенію вопроса — тотъ самый, на какой вступилъ авторъ нашей книги. Если бы о каждомъ, несомнѣнно вліятельномъ философскомъ, историческомъ и художественномъ произведеніи была написана подробная исторія его всяческихъ вліяній на современниковъ и потомство, предъ нами развернулись бы поучительнѣйшія перспективы. Мы бы имѣли твердыя основанія судить, что̀ въ извѣстную эпоху принадлежитъ области идей и что̀ вызвано къ жизни другими силами.

Напримѣръ, въ общихъ чертахъ мы знаемъ прямо потрясающія впечатлѣнія, вызванныя въ обществѣ нѣкоторыми книгами. Въ прошломъ вѣкѣ особенными эффектами могъ похвалиться Руссо.

Раскройте одинъ изъ интереснѣйшихъ источниковъ *Секретную*

корреспонденцію и подъ пятымъ ноября 1778 года вы прочтете *Чувства благодарности матери*, *обращенныя къ тѣни Ж. Ж. Руссо*.

Здѣсь, между прочимъ, говорится:

«Если все, что обезображиваетъ благую природу, если все, что подавляетъ чувства милосердія и нѣжности, навсегда уничтожено для будущихъ поколѣній, если въ семьяхъ царствуетъ единеніе, если дѣти любятъ тѣхъ, кому они обязаны больше, чѣмъ существованіемъ, если видъ матери, окруженной своими дѣтьми, внесъ въ брачный союзъ счастье и миръ,—всѣми этими благодѣяніями человѣчество обязано тебѣ».

Эту рѣчь можно съ полнымъ правомъ противоставить суду, какой русскій баснописецъ произнесъ надъ *сочинителемъ*: если книги разрушаютъ, онѣ же, очевидно, могутъ и созидать.

Четверть вѣка спустя, въ той же французской литературѣ Шатобріанъ могъ конкуррировать съ Руссо, хотя и не въ свою пользу.

Романомъ Ренэ онъ возбудилъ столько психопатизма у читателей и читательницъ, у поэтовъ и самыхъ заурядныхъ смертныхъ, что готовъ былъ уничтожить свою книгу. До такой степени его истомили «плаксивые и безсвязные вопли» разочарованныхъ фарсёровъ.

Бывали и въ нашемъ отечествѣ примѣры подобныхъ же эпидемій, вызванныхъ книгами, даже весьма недавно. Напримѣръ, видное мѣсто въ исторіи русскаго общества должны занимать романы: *Отцы и дѣти*, *Въ водоворотѣ*, *Что дѣлать*...

Но все это отрывочно и случайно. Полной біографіи ни для одного изъ названныхъ литературныхъ явленій нѣтъ. *Вертеръ*—единственное исключеніе даже у нѣмцевъ, и посмотрите, какія любопытнѣйшія свѣдѣнія сообщаетъ авторъ, даже и не заботясь особенно объ ихъ интересѣ!

Мы дополнимъ факты и возстановимъ ихъ психологическую связь и цѣльность. Дѣло идетъ о капитальнѣйшемъ эпизодѣ въ исторіи европейской культуры.

II.

Гёте, при всемъ своемъ прославленномъ «олимпійствѣ», былъ весьма неравнодушенъ къ славѣ, отнюдь не менѣе, чѣмъ, напримѣръ, Шопенгауэръ, преисполненный такого неукротимаго презрѣнія къ человѣчеству. Особенно много Гёте распространялся о популярности *Вертера*. Успѣхъ романа, дѣйствительно, былъ очень большимъ и въ полномъ смыслѣ общеевропейскимъ. Но только причины этого успѣха самыя обыкновенныя. Поэтъ увлекъ публику не какими-либо новыми горизонтами, не ослѣпительно яркими и въ то же время прогрессивными идеалами. Нѣтъ, онъ просто попалъ въ моментъ, какъ говорятъ до сихъ поръ о самыхъ негромкихъ писателяхъ, иногда весьма удачно пощупывающихъ пульсъ общественныхъ настроеній.

Вертеръ только одинъ изъ безчисленныхъ симптомовъ современнаго недуга. Именно недуга. Этимъ фактомъ объясняется ис-

ключительно широкая *положительная* слава романа. Потому что, по неизмѣнному закону, чѣмъ выше и единодушнѣе восторги современниковъ, тѣмъ, значитъ, произведеніе ниже по идейному уровню. Смѣлые, дѣйствительно, реформаторскіе идеалы очень рѣдко понимаются, неохотно признаются и чаще всего до такой степени медленно распространяются, что только много лѣтъ спустя послѣ перваго появленія книги ее начинаютъ читать и цѣнить.

Если же книга совершаетъ своего рода цезарскую побѣду надъ большой публикой, будьте увѣрены, въ ея содержаніи есть нѣкій существенный изъянъ по части глубины и оригинальности. Иначе очень ужъ свѣтлое и легкое поприще представляла бы человѣческая исторія и не существовало бы одного изъ самыхъ реальныхъ поэтическихъ образовъ—образа пророка-страстотерпца.

Гёте ни на одну минуту, въ теченіе всей его продолжительной жизни, не выпадалъ этотъ тяжелый, но и безконечно почетный крестъ. Олимпійство пріобрѣтено было крайне дешевой цѣной: полнымъ отсутствіемъ борьбы писателя съ обществомъ, идеалиста съ дѣйствительностью.

И именно *Вертеръ* въ этомъ отношеніи краснорѣчивѣйшее произведеніе: недаромъ онъ увлекъ даже Наполеона, и увлекъ чрезвычайно любопытно. Мы дальше увидимъ, какъ и чѣмъ. Автору менѣе всего приличествовало бы гордиться *такимъ* поклонникомъ и на *такихъ* основаніяхъ...

Недугъ, предшествовавшій *Вертеру*, въ сильнѣйшей степени былъ усиленъ гётевскимъ романомъ и немедленно получилъ даже опредѣленіе *вертеровской лихорадки—Werther-Fieber*. Гёте дѣйствительно поднялъ температуру у публики, но уже раньше недужной: авторъ далъ только лишнюю дозу яда.

Странное вообще это время—вторая половина восемнадцатаго вѣка! Чего только здѣсь нельзя найти! И безгранично скептическій смѣхъ, и психопатическіе припадки мистицизма, откровеннѣйшую проповѣдь и практику жизненныхъ наслажденій и повѣтріе самоубійства, въ теченіе цѣлаго періода опустошающее Парижъ, ясный, самоувѣренный *разумъ*—особенный разумъ Вольтера и Кондорсэ, нѣчто въ родѣ неистощимо-сильнаго, блестяще-даровитаго юноши-завоевателя цѣлыхъ новыхъ міровъ, и несказанная тоска мечтательнаго, романтически-туманнаго чувства, чисто-гамлетовскія муки неудовлетворенной вѣры и разбитой воли.

До сихъ поръ еще никому не удалось нарисовать сколько-нибудь удовлетворительную картину удивительной эпохи. Историку потребовалась бы прямо исключительная отзывчивость на разнообразнѣйшія проявленія человѣческой природы и поистинѣ геніальная психологическая разносторонность и проницательность.

Одинъ фактъ особенно любопытенъ. Именно въ самое разсудочное трезвое время, будто по исконному закону контрастовъ, возникла и быстро росла нравственная болѣзнь. Составъ ея можно опредѣлить одной изъ самыхъ мѣткихъ фразъ Вертера: *фантазія чуткаго сердца*. Это значитъ воображеніе вмѣстѣ съ чувствительностью, и то и другое дошедшее до предѣловъ, гдѣ уже прямо начинается психопатія и умопомѣшательство.

Вы съ большими подробностями можете познакомиться съ проявленіями недуга по историческимъ и художественнымъ произведеніямъ, но это только *historia morbi*, почва его и причины поразительнаго чисто-эпидемическаго развитія остаются неизслѣдованными.

Раскройте многочисленные мемуары, корреспонденціи вертеровской эпохи, предъ вами чуть не на каждой страницѣ запестрятъ такіе, напримѣръ, разсказы и замѣчанія авторовъ.

Вотъ всего нѣсколько выдержекъ: онѣ буквально капля въ морѣ...

У васъ, конечно, имѣется довольно опредѣленное представленіе о Людовикѣ XV, о Маріи-Антуанеттѣ, о придворныхъ короля и друзьяхъ австрійской принцессы. На принцессу впослѣдствіи много наклеветали, но ея менѣе всего царственное легкомысліе, ея склонность къ рискованнымъ авантюрамъ и пикантнымъ удовольствіямъ въ духѣ эпохи—подлинная истина. О Людовикѣ XV самая разнузданная клевета не всегда могла спуститься до правды: король на этотъ счетъ стоялъ внѣ опасности.

И вотъ онъ то проливаетъ слезы на представленіи драмы Дидро, Марія-Антуанетта дѣлаетъ то же самое въ комическихъ операхъ, чѣмъ вызываетъ экспромты на тему: народъ счастливъ только подъ властью государей, умѣющихъ плакать...

Но Марія-Антуанетта—женщина, плачетъ цензура: это нѣсколько удивительнѣе. Въ общемъ цензура отнюдь не отличалась чувствительностью и нѣжностью: напротивъ, современники именуютъ ее прямо инквизиціей. Но одинъ догадливый авторъ, въ свое время большая знаменитость, угрожаемый цензорами, умоляетъ ихъ привести женъ на репетицію пьесы.

Разсчетъ оказался вѣрнымъ: дамы расплакались, цензоры были растроганы и пьеса прошла.

Что же оставалось обыкновенной публикѣ, не обязанной стоять на стражѣ приличій и благонамѣренности? Прямо утопать въ потокѣ слезъ.

И она это дѣлаетъ. Мы безпрестанно читаемъ, какъ въ комической оперѣ, т. е. просто—опереткѣ, «вся зала заливалась слезами», какъ *дѣти* рыдали въ ложахъ, и партеръ вторилъ имъ.

А современныя моды?

Напримѣръ, знаменитый *le pouff aux sentiments*—прическа, изображавшая подробно семейное счастье образцовыхъ и плодовитыхъ супруговъ. На головѣ дамы помѣщается ребенокъ, кормилица, попугай, маленькій негръ, и все это перевивается волосами мужа и любимыхъ родственниковъ!

А цѣлая революція, вызванная разсказомъ о любовномъ умопомѣшательствѣ нѣкоей крестьянской дѣвицы. Эта *Нина*—«сумасшедшая отъ любви» создала своего рода эпоху: очевидцы находятъ, что только Фигаро могъ поспорить своей славой съ Ниной.

И всѣ ея заслуги въ томъ, что *она родилась чувствительной*, *elle était née sensible!* И поэтому не замедлила помѣшаться, лишь только совершилась разлука съ милымъ.

А эти исторіи про бѣдныхъ домашнихъ учителей, неотразимо влюблявшихся въ своихъ благородныхъ ученицъ, и, конечно, кон-

чавшихъ самоубійствомъ! Ихъ предсмертныя записки читались отнюдь не съ меньшимъ усердіемъ и ужъ, разумѣется, съ болѣе глубокими волненіями, чѣмъ брошюры самого Вольтера.

Вотъ, скажете вы, добрыя чуткія сердца!

Но почему же учителямъ непремѣнно приходилось стрѣляться, а не достигать счастья? Вѣдь если весь вопросъ въ чувствѣ, то реальные Сенъ-Прё могли затмить самого героя Руссо. Значитъ, необходимо было умереть, чтобы растрогать кавалеровъ и дамъ? А при жизни сколько ни страдалъ, какъ трогательно ни томился или вздыхалъ Сенъ-Прё, онъ все-таки пребывалъ на положеніи *canaille misérable* и до высокородной Юліи ему было далеко, какъ до звѣзды небесной.

Это тоже фактъ.

Вотъ теперь и разберитесь!

Людовикъ XV плачетъ надъ судьбой несчастныхъ отцовъ и дѣтей въ *драмѣ*, но непосредственно изъ театра можетъ отправиться въ *Оленій паркъ*, причинившій *въ жизни* неизмѣримо больше слезъ отцамъ и дочерямъ, чѣмъ пролито ихъ всѣми падшими ангелами всѣхъ чувствительныхъ драмъ.

И контрастъ все тотъ же, хотя и не въ такой формѣ.

Явленіе поднимается здѣсь на высоту общечеловѣческой психологіи — всѣхъ временъ и народовъ. Дама носитъ *на головѣ* головоломную аллегорію супружеской вѣрности и семейныхъ идиллій, *а въ сердцѣ?..* Объ этомъ нечего и толковать: кому же неизвѣстны *сердца* того общества, гдѣ въ наше время Гонкуры отыскали гораздо болѣе эффектныхъ натуралистическихъ мотивовъ, чѣмъ даже въ ихъ романахъ изъ современной жизни.

Вы думаете, это сплошная ложь, сознательное лицемѣріе, дипломатическое кокетство?

Нѣтъ. Было, конечно, и этого въ достаточномъ количествѣ, но вопросъ не исчерпывается фальшью и гримасами.

Было нѣчто искреннее, естественное въ чувствительной психопатіи XVIII вѣка. Мы говоримъ именно о чувствительности высшаго общества; оно-то болѣе всего и устраивало спектаклей, сохраненныхъ для насъ современными наблюдателями, и среди него впослѣдствіи вертеровская лихорадка нашла самую благодарную почву.

Въ наше время стало моднымъ словечко *вырожденіе*. Съ легкой руки многошумнаго сенсаціоннаго публициста Нордау, его принялись бросать по всѣмъ направленіямъ, и самъ стремительный авторъ въ число вырожденцевъ записалъ даже Золя и гр. Толстого! Можетъ быть, какъ разъ самые благополучные и здоровые люди подверглись вдругъ психіатрическому изслѣдованію!..

Это—нелѣпость, разсчитанная на нѣкоторый скандалъ. Но авторъ, столь начитанный въ спеціальныхъ медицинскихъ работахъ, самъ медикъ, могъ бы на свою тему разсказать много поучительнаго. Для этого слѣдуетъ только на первомъ планѣ поставить *исторію*, а не литературную критику, и прослѣдить формы общественныхъ недуговъ по совершенно достовѣрнымъ источникамъ.

Задача не особенно сложная. Вырождающееся общество всегда гибнетъ *политически*: это неизмѣнный законъ, отъ вѣковъ римской имперіи до французской революціи. Нравственное вырожденіе предшествуетъ политической катастрофѣ и историку, знающему послѣдствія, остается только выслѣдить предшествующія обстоятельства.

До сихъ поръ собрано множество данныхъ, свидѣтельствующихъ о *разложеніи* высшихъ французскихъ сословій наканунѣ революціи. Одинъ Тэнъ, совершенно впослѣдствіи забывшій собственную работу, набралъ бездну фактовъ и цитатъ. Но одно явленіе осталось почти незатронутымъ, именно чувствительность и крайне развитое въ этомъ направленіи воображеніе.

Это—прямые результаты двухвѣковой жизни французской аристократіи.

Монархія Людовика XIV переродила когда-то дѣятельное и крайне безпокойное сословіе въ разсадникъ трутней и тунеядцевъ. Потомокъ феодала и фрондёра превратился въ «смѣшного маркиза» королевской передней, до такой степени жалкаго, безсильнаго и худосочнаго, что Мольеръ могъ всю безчисленную галлерею классифицировать просто по цвѣту лентъ на кафтанахъ. Другихъ отличительныхъ признаковъ не оказывалось ни у маркиза, ни у графа, ни у виконта, ни у шевалье.

Нравственный организмъ истощался и атрофировался, лишенный всякой осмысленной дѣятельности, растрачиваемый на манекенное лицедѣйство публичнаго этикета и на циническій тоже почти публичный развратъ.

Представьте какого угодно сильнаго и умнаго человѣка, обязаннаго изо дня въ день играть одинъ и тотъ же кукольный спектакль, произносить однѣ и тѣ же фразы и, по свидѣтельству Мольера, считающаго уже большимъ подвигомъ оригинальности и остроумія особую манеру въ выговорѣ словъ: *Bonjour marquis!* *)... Въ результатѣ неминуемо получится крайняя дряблость души и ограниченность мысли. Утратится способность считаться съ своими впечатлѣніями, оказывать нравственное сопротивленіе какимъ бы то ни было воздѣйствіямъ внѣшняго міра.

Это будетъ не чуткость и не отзывчивость, даже не впечатлительность, а именно дряблая податливость, болѣзненная воспріимчивость истощеннаго организма. Дѣти и старики одинаково склонны къ слезамъ. Это не значитъ, будто они *сердечнѣе* и *глубже* относятся къ явленіямъ. Совершенно напротивъ, какъ разъ недостатокъ реагирующей духовной энергіи, рабство органическаго безсилія.

Совершенно такой же симптомъ—не дѣтства только, а старости—чувствительное воображеніе прошлаго вѣка.

Людовикъ отнюдь не притворяется, когда плачетъ въ театрѣ, но въ то же время именно подъ властью этого умѣющаго плакать государя особенно тяжело живется народу. И не то, чтобы онъ по природѣ отличался слезливостью, нѣтъ, его вся природа нѣчто

---

*) *L'Impromptu de Versailles,* Scène III.

слезливое, развинченное и разбитое. Безпрестанно встрѣчаются нервно больные люди, способные разрыдаться отъ пустѣйшаго музыкальнаго мотива, отъ двухъ-трехъ словъ. Это обыкновенно открытые паціенты врачей. Бываютъ времена и общества, когда на такихъ паціентовъ не хватило бы ни врачей, ни больницъ.

И замѣчательно, по источникамъ можно даже съ большой точностью прослѣдить начало недуга, по крайней мѣрѣ, во французскомъ обществѣ. Это семидесятые годы. Въ половинѣ столѣтія *un homme à sentiment*—чувствительный человѣкъ—считается еще *espèce rare et ridicule* — *породой рѣдкостной и смѣшной*, а въ 1777 году современникъ пишетъ: «Разумъ рѣдко бываетъ тамъ, гдѣ нѣтъ чувствительности. Тотъ, чье сердце нечувствительно, отличается обыкновенно страстями низкими, темными, своекорыстными»...

Это отнюдь не случайная декламація. Другой авторъ женскую честь отожествитъ съ чувствительностью, и слезы такимъ путемъ замѣнятъ всѣ таланты и добродѣтели. Да, въ буквальномъ смыслѣ. Даже люди вполнѣ здоровые въ иное время, вѣроятно, и не подумали бы проливать слезъ надъ Ниной изъ комической оперы, теперь наперерывъ стремятся отличиться «добродѣтелями вѣка».

Нѣтъ ничего заразительнѣе вкуса большинства и тлетворнѣе вліянія толпы. На этомъ основана вся психологія модныхъ уродствъ и повальныхъ нравственныхъ заболѣваній.

Появленіе *Вертера* какъ разъ совпало съ провозглашеніемъ «чувствительности и нѣжности» почетнѣйшими отличіями XVIII-го вѣка, а «сладостныхъ слезъ чувства» неотъемлемымъ признакомъ «геніальности» и «нравственности».

III.

Въ чемъ, въ сущности, содержаніе гётевскаго романа? Молодой человѣкъ влюбился въ чужую невѣсту, и, не встрѣтивъ *практическаго* удовлетворенія своему чувству, застрѣлился.

Такихъ драмъ совершалось и совершается безчисленное множество. Припомните одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ Гартмана: никакому Вертеру съ такой силой и краснорѣчіемъ не изобразить неограниченно-губительнаго демона, именуемаго любовной страстью!

Тема, слѣдовательно, самая заурядная. Но чѣмъ же созданъ интересъ ея?

Вотъ здѣсь-то и заключается вся оригинальность гётевскаго героя и, надо полагать, навсегда похороненная исторіей своеобразность его публики.

Гёте увѣрялъ, что онъ даже въ старости не могъ безъ сильнѣйшихъ волненій читать произведенія своей молодости. Онъ, насколько извѣстно, дѣйствительно пережилъ вертеровскую лихорадку раньше своего романа. Но для автора болѣзнь оказалась не смертельной: онъ вылѣчился отъ нея необыкновенно быстрымъ — въ четыре недѣли—созданіемъ литературной драмы, и вылѣчился

радикально! Героя онъ застрѣлилъ, а самъ направился по пути жизненныхъ опытовъ и благополучно дошелъ до «олимпійства», проще и вѣрнѣе—до того самаго благоволенія и премудрости, какими гордится чиновникъ Островскаго, нажившій домъ и капиталецъ.

Это существенная разница между поэтомъ и его дѣтищемъ,—разница, до такой степени внушительная, что мы затрудняемся вполнѣ принять заявленіе Гёте-старца: «Я написалъ эту вещь кровью собственнаго сердца»... Врядъ ли.

Зачѣмъ же тогда во второмъ изданіи эта «кровь» подверглась весьма значительнымъ преобразованіямъ? Такъ не пишутся безусловно искреннія исповѣди, подсказанныя искренними порывами сердца. Много, очевидно, было *выдумки*, чисто поэтической игры фантазіи въ крови гётевскаго сердца: и это вполнѣ естественно для подобнаго произведенія и особенно для подобнаго героя.

Смыслъ вертеровской природы очень нехитрый, даже въ наше время доступный зауряднѣйшимъ риѳмоплетамъ-неудачникамъ, поэтамъ въ силу совершенной непригодности ни къ какой практикѣ и пессимистамъ вслѣдствіе удручающаго безсилія считаться съ жизнью и людьми.

Вертеръ любитъ говорить о свободѣ и даже о геніальности, точнѣе, геніальничаніи,—на самомъ дѣлѣ имъ управляетъ страшный деспотъ — его *ощущенія*. Онъ вѣчно охваченъ ихъ «тончайшей тканью», неустанно возится съ своимъ сердцемъ, какъ «съ больнымъ ребенкомъ»: это его собственное выраженіе, и не пересчитать, какихъ только эпитетовъ онъ ни даетъ этому сокровищу! И чуткое, и замирающее, и неустойчивое...

Конечно, при такой обузѣ некогда заниматься внѣшнимъ міромъ. Вертеръ и убѣжденъ, что *весь міръ* заключенъ въ его сердцѣ, и на все остальное, кромѣ «фантазій чуткаго сердца», онъ взираетъ «съ мечтательной улыбкой».

Отсюда одинъ шагъ до самообожанія и самаго неизвинительнаго эгоизма.

Этотъ шагъ уже давно сдѣланъ Вертеромъ.

Онъ рѣшительно не признаетъ права за другими людьми—испытывать другія впечатлѣнія, обнаруживать другія настроенія, чѣмъ его собственныя.

Вертеръ, напримѣръ, размечтался и разчувствовался, между прочимъ, по поводу «струи чистѣйшей воды» и дѣвушекъ, приходящихъ за водой къ этому источнику. «Тончайшія ощущенія» заканчиваются такой рѣчью:

«О! тотъ, кто не способенъ ощущать того же, не достоинъ приближаться къ источнику даже послѣ тяжкаго пути въ жаркій лѣтній день».

Въ другой разъ онъ устраиваетъ цѣлую истерическую сцену первому встрѣчному за то, что тотъ не проявлялъ вертеровской нѣжности и геніальной веселости. Конечно, и по этому случаю у него «на глазахъ выступили слезы», но онѣ не помѣшали назойливому врывательству тонко чувствующаго юноши въ чужую душу.

Позже мы узнаемъ еще болѣе интересныя вещи.

Несмотря на трогательное обожаніе идиллическихъ сценъ, при-

роды и даже «крестьянскихъ парней», Вертеръ, въ силу все той же пестроты своего сердца, одновременно съ добродѣтелями патріархальнаго человѣка являетъ инстинкты пушкинскаго Алеко. И весьма курьезно.

Цыганъ въ поэмѣ Пушкина защищаетъ свободу чувства именно съ естественной идиллической точки зрѣнія, Алеко—ревнивецъ, какъ сынъ эгоистической культуры общества.

У Вертера все это уживается рядомъ: правъ тотъ, кто убьетъ свою невѣрную жену и ея соблазнителя! Но и этого мало.

Позже онъ, повидимому, цѣлый день обдумываетъ слѣдующія строки; только онѣ, по крайней мѣрѣ, и записаны подъ 3 сентября:

«По временамъ я не понимаю, какъ она (Лотта) *можетъ*, какъ она *смѣетъ* любить другого, когда я люблю ее такъ страстно, такъ безумно, когда я люблю во всемъ свѣтѣ только ее одну, и кромѣ нея, никто для меня не существуетъ».

И онъ впослѣдствіи пошлетъ къ мужу Лотты за пистолетами: именно у него онъ возьметъ оружіе застрѣлиться! Это тоже очень тонко, но врядъ ли по части «чуткости сердца» и «небесной фантазіи».

Все это вполнѣ откровенный эгоизмъ и самая подлинная жестокость. Но сколько всего этого, прикрытаго лицемѣріемъ и самообманомъ!

Напримѣръ, едва ли не самая психологическая, талантливая черта, дѣлающая честь автору романа. Вертеръ необыкновенно тщательно ухаживаетъ за своими *пріятными* впечатлѣніями и избѣгаетъ разочарованій и земныхъ ощущеній цѣной какого угодно заблужденія.

Онъ только что узналъ исторію любви крестьянскаго парня и, конечно, немедленно сплелъ «непрерывную ткань», даже «разгорѣлся» и «воспламенился». Интересно бы, конечно, познакомиться съ героиней. Но «небесная фантазія» подсказываетъ ему опасность. Можетъ быть, женщина-крестьянка окажется не столь трогательной и поэтической!.. «Зачѣмъ себѣ портить мною созданный прекрасный образъ», и Вертеръ бѣжитъ отъ правды и дѣйствительности во имя лжи и воображенія.

Это—касательно сердца. Остается еще геніальность, столь же важный элементъ вертеровскаго недуга и совершенно психологически-послѣдовательный.

Обожаніе собственныхъ ощущеній, вѣчная возня съ своимъ *я* всегда и вездѣ были первыми симптомами maniae grandiosae.

Ограничьте жизнь человѣка только его личными ощущеніями, вы его осудите на смертную борьбу простого самолюбія съ опасностью впасть въ ничтожество. Какъ бы запасъ ощущеній и фантастическихъ образовъ ни былъ богатъ, онъ быстро истощится. Нужны новыя краски, новыя усилія «тончайшей ткани» придать какой-нибудь интересъ и содержательность.

Отсюда мучительное стремленіе всякую мелочь разсматривать будто подъ микроскопомъ, вполнѣ пустяковинное происшествіе раздувать въ событіе и самое заурядное впечатлѣніе размалевывать въ самые кричащіе цвѣта. Это психологія рѣшительно всѣхъ меч-

тательныхъ отшельниковъ и фантастическихъ избранниковъ судьбы и генія.

Вертеръ на нашихъ же глазахъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ, ничего даже не думаетъ, если за мысли не считать замираній сердца и игры «небесной фантазіи». Но это не мѣшаетъ ему, во-первыхъ, считать себя «высокимъ и великимъ», даже «поклоняться себѣ», потому что его любитъ Лотта. А потомъ онъ прямо «обратится въ нѣкое божество», и мы, наконецъ, узнаемъ, что предъ нами вздыхалъ, фантазировалъ, рыдалъ и умилялся человѣкъ «судьбы исключительной, въ своемъ родѣ единственной» и, главное, самый великій несчастливецъ среди всего человѣческаго рода!

И не думайте, чтобы это была только «геніальная» игра словъ. Нѣтъ. У Вертера, какъ всегда, гдѣ вопросъ идетъ о спокойствіи и культѣ своей особы все серьезно до мельчайшихъ подробностей, есть и здѣсь нравственно-практическій принципъ.

Встрѣтивъ нѣкоторыя препятствія по службѣ, Вертеръ философствуетъ:

«Все на свѣтѣ сводится на одну дрянь, и человѣкъ, который въ угоду другимъ, безъ участія въ этомъ собственныхъ желаній, потребностей или страстей, гоняется за славой или за деньгами— просто дуракъ».

По формѣ это резонно, но по существу подобными соображеніями можно оправдать самое циническое тунеядство и пошлѣйшую жизнь: стоитъ только—и это съ вертеровской философіей очень не трудно—всякое общественное обязательство отожествить «съ угодой другимъ», и при всякомъ случаѣ ссылаться на отсутствіе «собственныхъ желаній» и на презрѣнность славы и денегъ.

И все-таки ничто не помѣшаетъ человѣку быть избраннымъ и геніальнымъ, и, главное, смотрѣть на міръ съ мечтательной улыбкой!

Ни въ какомъ другомъ случаѣ такъ дешево нельзя купить столь драгоцѣнныхъ благъ, и Вертеры могутъ съ полнымъ правомъ считаться изобрѣтателями своего рода философскаго камня.

Такъ ихъ немедленно и оцѣнило многочисленное человѣчество, искони падкое на соблазнительную, болѣе или менѣе правдоподобную возможность имѣть одновременно, по пословицѣ, «на грошъ аммуниціи, а на рубль амбиціи».

IV.

До сихъ поръ мы все время за предѣлами книги, вызвавшей насъ на разсужденія. Авторъ, съ наивностью первыхъ читательницъ гётевскаго романа, усиливается поддержать ореолъ героя въ первобытномъ эффектѣ и твердо стоитъ на своемъ—даже предъ уничтожающимъ, хотя и очень краткимъ отзывомъ Лессинга.

Но самъ же авторъ сообщаетъ курьезнѣйшіе факты изъ исторіи вертеровской *инфлюэнцы*: его собственный терминъ. Къ сожалѣнію, только авторъ не думаетъ вникнуть въ смыслъ своихъ сообщеній: будто всякій литературный герой, по естественному закону, долженъ вызывать смѣхотворнѣйшіе припадки фиглярства!

Одинъ изъ излюбленнѣйшихъ житейскихъ афоризмовъ—фраза, сказанная Наполеономъ послѣ разгрома въ Россіи: «отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ».

Обыкновенно, это считается безусловной истиной. На самомъ дѣлѣ слова имѣютъ крайне ограниченное право на нее. Отнюдь не отъ *великаго вообще* такъ близко до смѣшного, но отъ *такого великаго*, какое производитъ *иллюзію величія* и по существу не *велико*, а лишь *приподнято*. Такимъ именно было величіе французскаго императора, отъ начала до конца построенное на разсчитанныхъ театральныхъ эффектамъ, на внѣшнихъ военныхъ успѣхахъ, и ни на одну минуту не искавшее опоры въ величественной правдѣ и нравственной силѣ.

Такое величіе такъ же быстро и низвергается, какъ и возникаетъ, просто отъ внѣшней неудачи, отъ ошибочнаго разсчета, невѣрнаго шага. Поэтому, такую жалкую картину и представляетъ Бонапартъ въ несчастіи, сразу превратившись изъ орла въ затравленнаго зайца.

Съ истиннымъ величіемъ это немыслимо.

Шекспировскій Лиръ не менѣе, пожалуй, еще болѣе великъ въ соломенномъ вѣнкѣ и рубищѣ, чѣмъ въ коронѣ и мантіи. *Извнѣ* онъ палъ страшно низко, но намъ и на умъ не приходитъ улыбнуться. Мы всецѣло охвачены трагизмомъ положенія и неизмѣнной величавостью *натуры* героя.

Дѣлайте сколько угодно шаговъ, вы не дойдете до смѣшного, до пародіи. Подлинная нравственная сила не поддается такимъ превращеніямъ.

Напротивъ, смѣхъ и пародія—законные и вполнѣ естественные спутники для аффектированной силы, для парадирующаго величія.

Этимъ объясняется, почему, будто дождевые пузыри, во всѣхъ концахъ культурнаго міра народились Вертеры и Ренэ, лишь только появились романы.

Всякій юноша хотѣлъ такъ же любить и чувствовать, какъ Вертеръ, а молодыя дѣвицы быть любимыми, какъ Лотта. Такъ свидѣтельствуетъ современникъ, и вы думаете, это трудно?

Какія у Вертера достоинства, недоступныя, все равно, въ какомъ размѣрѣ, кому угодно? Ощущенія и фантазія—способности отчасти прирожденныя, но ихъ можно развить, можно, наконецъ, съ успѣхомъ имитировать.

Гамлету, напримѣръ, несравненно труднѣе подражать: тамъ надо мыслить, разсуждать, и притомъ на какія темы! А Вертеру достаточно возиться съ какими бы то ни было личными впечатлѣніями, а на главный параграфъ программы—влюбиться—у кого же не достанетъ ума, если только здѣсь можетъ быть вопросъ объ умѣ?

Задача для соревновательницъ Лотты еще проще: стоитъ быть доброй дѣвушкой, обладать способностью кадрилью заглушать всѣ огорченія души и, конечно,—соотвѣтствующей внѣшностью. Послѣднее обстоятельство уже само по себѣ рѣшитъ вопросъ о «Вертерѣ».

И въ результатѣ, Германію охватило, дѣйствительно, нѣчто въ родѣ инфлюэнцы въ самой серьезной формѣ.

Легче всего было—усвоить первымъ долгомъ костюмъ Вертера—синій фракъ, желтый жилетъ и желтые брюки. Его носилъ самъ Гёте, раздражая такимъ образомъ нервныхъ господъ и поддерживая сенсацію. При дворѣ веймарскаго герцога - мецената вертеровское одѣяніе превратилось въ оффиціальную форму: только поэта Виланда, по его преклонному возрасту, освободили отъ сине-желтаго убора. Въ другихъ городахъ происходило то же самое. Вертеръ создалъ своего рода революціонное возстаніе противъ парижскихъ модъ.

Дальше, вторая стадія недуга—пилигримства и разнообразныя представленія и процессіи въ подлежащихъ мѣстностяхъ и случаяхъ.

Вертеръ, какъ извѣстно, до нѣкоторой степени списокъ съ дѣйствительнаго лица, знакомаго Гёте, ветцларскаго чиновника Іерусалема. Этотъ молодой человѣкъ покончилъ самоубійствомъ изъ-за любви къ чужой женѣ. Катастрофа возбудила творчество Гёте, и онъ судьбу и личность Іерусалема слилъ съ своими опытами и чувствами.

Для публики это драгоцѣнная находка. Вертеръ существовалъ на самомъ дѣлѣ, живъ въ Ветцларѣ, тамъ умеръ и погребенъ! Ветцларъ немедленно появился въ путеводителяхъ, съ поясненіемъ на счетъ гётевскаго романа. Нашлась и «могила Вертера», нѣкая куча земли подъ буками и дубами. Счастье это, какимъ-то чудомъ, выпало на долю смѣтливаго трактирщика, и онъ вдоволь наслаждался даровыми спектаклями и, главное, гульденами. У «могилы» напримѣръ, происходили такія сцены.

Кругомъ собралась партія молодыхъ людей - пилигримовъ, въ торжественномъ молчаніи обходила могилу, потомъ требовалось вино, выпивались тосты въ честь покойнаго, возливалось вино на священную землю, потомъ артисты вынимали кинжалы, снова становились въ кружокъ и одинъ изъ нихъ произносилъ рѣчь...

Хозяинъ гостинницы умиралъ со смѣху при этихъ сценахъ и жалѣлъ только о добромъ пролитомъ винѣ. Въ дѣйствительности холмъ не былъ ничьей могилой и былъ насыпанъ только въ память Іерусалема догадливымъ хозяиномъ.

Часто къ могилѣ отправлялись многолюдныя процессіи изъ кавалеровъ, дамъ высшихъ классовъ, исполнялся спеціально написанный гимнъ и произносились рѣчи въ оправданіе самоубійства отъ любви.

Нашлись даже реликвіи, напримѣръ, вертеровскій стаканъ и вертеровскій стулъ. Пилигримы считали долгомъ осмотрѣть ихъ, конечно, за плату, и стулъ даже долгое время переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ важная статья наслѣдства.

Съ этимъ стуломъ изъ литературныхъ священныхъ предметовъ могли соперничать только табакерки, возникшія въ честь одного изъ героевъ чувствительнаго путешествія Стерна. Табакерки пріобрѣли обширное распространеніе, спеціально вы-

рабатывались, бойко шли по всей Германіи и владѣльцы ихъ считали себя членами нѣкоего особаго ордена чувствительности.

Не столь невинные результаты возымѣла вертероманія.

Нашлись охотники не только любить по образу Вертера, но даже и умереть. Современники разсказываютъ о самоубійствахъ, явно навѣянныхъ романомъ. Несчастныхъ юношей находили съ книгой въ карманѣ. Зараза оказалась чрезвычайно устойчивой. Еще въ 1833 году, въ Боннѣ, застрѣлился студентъ. Мать публично жаловалась на гётевскій романъ, какъ на прямую причину несчастья: послѣ смерти ея единственнаго сына, нашли *Вертера* съ многочисленными подчеркнутыми мѣстами... Бѣдная женщина призывала кару Господню на людей, злоупотребляющихъ своими талантами...

Естественно, книга вызвала наравнѣ съ психопатическими восторгами жестокія нападки. Въ Лейпцигѣ на нее обрушилась даже администрація: было запрещено перепечатывать и продавать злотворный романъ. Гораздо любопытнѣе рѣзкое негодованіе Лессинга.

Прежде всего онъ защищалъ память Іерусалема—юношу вдумчиваго, талантливаго, даже философски-одареннаго, вовсе не похожаго на «сентиментальнаго дурака». Лессингъ надѣялся подтвердить это подлинными произведеніями Іерусалема.

Потомъ Лессингъ разсчитывалъ даже сочинить нѣчто въ родѣ противоядія гётевскому произведенію—*Вертера лучшаго*. Но дѣло не пошло дальше начала вчернѣ.

Вообще, одному изъ энергичнѣйшихъ идейныхъ дѣятелей Германіи XVIII-го вѣка прямо ненавистна вся личность Вертера. Онъ, по его словамъ, просто презиралъ бы подобнаго субъекта въ жизни. Въ античномъ мірѣ подобнаго рабства предъ божествомъ любви не простили бы даже «дѣвчонкѣ». И романъ опасенъ именно тѣмъ, что многіе юнцы поэтическую красоту произведенія могутъ смѣшать съ нравственной.

Церковные проповѣдники и моралисты упростили вопросъ, и громили романъ, какъ проповѣдь самоубійства.

Несомнѣнно, и здѣсь есть доля правды. Предѣлы, какихъ могло достигнуть воздѣйствіе книги, зависѣли отъ нравственной устойчивости и энергіи каждаго читателя отдѣльно, и мы видѣли, факты не противорѣчили обвиненіямъ проповѣдниковъ.

Нечего и говорить, конечно, что на автора отнюдь не падала отвѣтственность за всѣхъ глупцовъ. И Лессингъ правъ, указывая на неподходящую трату поэтическихъ красотъ ради такого героя и такой темы.

Гёте, въ сущности, могъ довольно равнодушно вести своего героя къ самоубійству путемъ чувствъ и даже логическихъ доказательствъ. Самому ему суждено умереть въ чинѣ тайнаго совѣтника, и это было ясно уже съ самаго начала.

Но совершенно другой вопросъ, когда тотъ же напитокъ попадалъ отнюдь не въ «олимпійскій» организмъ и не въ идеально-уравновѣшенную душу.

Никто не будетъ настаивать, что Гёте долженъ былъ не осу-

ществлять своего замысла. Но несомнѣнно одно,—отрицательное содержаніе романа не выкупается его положительными достоинствами—не по части поэзіи, а культурности и идейности.

И замѣчательно, авторъ, повидимому, этими вопросами менѣе всего и дорожилъ.

Сначала въ романѣ ярко были подчеркнуты общественныя неудачи и разочарованія Вертера, вліяніе на его нравственное состояніе столкновеній по службѣ и обидъ, претерпѣнныхъ въ аристократическомъ свѣтѣ. Этотъ мотивъ соотвѣтствовалъ популярнѣйшимъ философскимъ тенденціямъ восемнадцатаго вѣка и сближалъ *Вертера*, напримѣръ, съ *Новой Элоизой* Руссо. Мотивъ въ гётевскомъ романѣ совершенно естественный, разъ въ герои взятъ бѣдный, по старому «худородный» юноша, но даровитый и самолюбивый. Онъ, конечно, не могъ ни забыть, ни простить обиды своей личности, и сліяніе обиды съ неудовлетвореннымъ чувствомъ любви только углубило бы драму и подняло бы ея внутренній смыслъ.

Гёте перемѣнилъ этотъ взглядъ и совпалъ съ Наполеономъ.

Бонапарту, разумѣется, менѣе всего могъ быть пріятенъ даже самый безобидный протестантъ въ общественномъ смыслѣ, но томленія влюбленнаго сердца и шалости идиллическаго воображенія онъ могъ оцѣнить безъ особенныхъ усилій своего художественнаго чувства, какъ бы оно грубо ни было.

И оцѣнилъ онъ это все въ *Египтѣ*. Отсюда одновременно онъ посылалъ письма Жозефинѣ съ цитатами изъ чувствительной беллетристики, и разыгрывалъ роль Людовика XIV, короля трехъ королевъ.

Легко понять, *какой* Вертеръ при такихъ условіяхъ требовался будущему цезарю, и онъ впослѣдствіи бесѣдовалъ на эту тему съ Гёте. Поэту, даже и съ наклонностями филистера, слѣдовало бы иначе понимать свое произведеніе и ужъ, конечно, достойнѣе относиться къ «крови собственнаго сердца».

V.

Автору нѣмецкой книги, разумѣется, неизвѣстны плоды вертеровской лихорадки въ нашемъ отечествѣ, неизвѣстны они и въ нашей исторіи литературы. А между тѣмъ они существовали, и даже не лишены интереса.

Русскіе писатели и читатели должны были понять гётевскій романъ въ самомъ непосредственномъ смыслѣ. Разныя тонкости и красоты ускользнули отъ ихъ взгляда и они извлекли только самое грубое и элементарное зерно. Тѣмъ любопытнѣе результаты! Они имѣютъ значеніе и для оцѣнки все той же культурной сущности самого образца.

Предъ нами двѣ книжки: одна — *оригинальное сочиненіе*, другая—*оригинальный анекдотъ*,—*Россійскій Вертеръ*, 1801 года, и *Вертеровы чувствованія*, 1802 года.

«Сочиненіе» написано въ три дня и «въ первомъ жару воображенія». Герой — семнадцатилѣтній молодой человѣкъ, но уже

«съ особливой системой мыслей». Система очень оригинальная; сначала можно подумать, предъ нами сатира на настоящаго Вертера, и даже сатира не безъ остроумія.

Юный герой чувствуетъ полное отвращеніе къ идиллическимъ прелестямъ въ родѣ «трудящагося пахаря» и «пчелки, сосущей цвѣточикъ». Онъ отнюдь не демократъ. Онъ презираетъ «пастуховъ нашихъ» и ему несносно видѣть столь безчувственныхъ людей. Онъ забавляется съ крестьянскими дѣвицами, но пріобрѣтаетъ еще больше гнѣва и презрѣнія къ нимъ: онѣ такъ мало похожи на Галатею и Естеллу!..

Это очень недурно для современника Карамзина, и если бы авторъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, вышелъ бы рядъ довольно правдивыхъ бытовыхъ картинъ русскаго эстетическаго барства.

Но горе въ томъ, что юноша долженъ быть *Россійскимъ Вертеромъ*: на сцену является Марія—«особа совершеннѣйшая», начинается «тайное притяженіе», «слезы суть жизненнымъ бальзамомъ въ печали». Правда, вскорѣ на сценѣ снова русскій духъ: герой увлекается картежной игрой и принялся бы даже за пьянство, «есть ли бы тѣмъ не былъ гнусенъ самому себѣ». Но новая встрѣча съ Маріей, и опять Вертеръ: «Ахъ почто я не умеръ въ то время, какъ уста наши пребывали склеенными и прерываемое дыханіе я принималъ въ себя, какъ бы щитая воздухъ онаго недостойнымъ». Герой «не предпринималъ далѣе», только щадя спокойствіе Маріи. Все-таки ему пришлось умереть и авторъ здѣсь ужъ совсѣмъ сгустилъ *couleur locale*, просто заставилъ Россійскаго Вертера повѣситься съ очень длинной стихотворной отходной!

Что въ свѣтѣ жизнь? Она претяжкое есть бремя.
Что сей прекрасный свѣтъ? Училище терпѣть.

Анекдотъ обширнѣе по объему, выдержаннѣе по тону и написанъ торжественнымъ, подчасъ раздирательнымъ языкомъ.

Надѣливъ героя всѣми талантами, авторъ спѣшитъ прибавить: «при отличныхъ его свѣдѣніяхъ, онъ имѣлъ такую наружность, которая при первомъ взорѣ дѣлаетъ надъ сердцемъ сильное впечатлѣніе». Главная причина грядущихъ бѣдствій, повидимому, «пылкое сложеніе несчастнаго» и необыкновенно-чувствительныя «внутренности».

Первая встрѣча съ «прекрасной знатной фамилии дѣвицей»: ея слова «раздались во внутренности М.», «невольный и потаенный духъ вылетаетъ изъ внутренности души его». Потомъ при второй встрѣчѣ: «неизвѣстный трепетъ во внутренности М.», въ сценѣ съ отцомъ «сильный и жестокій вздохъ потрясъ всю внутренность его».

Особенно этимъ «внутренностямъ» достается, когда М. объясняетъ свою любовь сначала—обучая дѣвицу спряженіямъ на глаголѣ *люблю*, потомъ стихами съ *Вертеромъ* и *Новой Элоизой* на груди, наконецъ, рисуя ея портретъ.

Эта единственная въ своемъ родѣ сцена заканчивается такими репликами.

Софія. Сердце мое въ ужасномъ движеніи.

М. Душа моя исторгается изъ самой себя!

Герой во всѣхъ положеніяхъ своей драмы стремится подражать Вертеру, но авторъ довольно самостоятеленъ: онъ губитъ героя изъ-за предразсудковъ общества, заставляетъ его произносить страшную рѣчь, послѣ того какъ «вся внутренность М. потряслась»,—рѣчь къ пистолету, «орудію, изобрѣтенному тартаромъ».

Прочитавши «адское начертаніе» Софьи, внушенное отцомъ, М. отказывается «влачить презрительную жизнь», и поупражнявшись еще нѣсколько часовъ въ жестокомъ краснорѣчіи—застрѣливается.

Авторъ *Сочиненія* довольно равнодушенъ къ смерти своего Вертера: онъ просто замѣчаетъ, что его герой «попамъ ничего» не завѣщалъ и потому «попы предали проклятію его имя». Авторъ *анекдота*, напротивъ, пролилъ слезы надъ могилой М. и «сіи минуты», заканчиваетъ онъ, «наисладчайшія въ моей жизни». Софья на всю жизнь остается дѣвушкой, а жестокій отецъ—добычей возмущенной совѣсти.

О болѣе реальныхъ отраженіяхъ гётевскаго романа на русской жизни мы не знаемъ, и врядъ ли они были

Чисто сентиментальные мотивы, переполняя нашу литературу, не имѣли никакого положительнаго жизненнаго значенія. А именно въ этихъ мотивахъ центръ тяжести нѣмецкаго *Вертера*. Единственно, что могло бы вызвать благодѣтельные отголоски хотя бы даже только въ литературномъ смыслѣ,—общественный источникъ вертеровскихъ страданій, былъ устраненъ или, по крайней мѣрѣ, обезцвѣченъ самимъ авторомъ. Естественно, на чужой, мало культурной почвѣ *Вертеръ* принялъ каррикатурныя, или откровенно-грубыя, или приторно-фальшивыя формы.

Такъ было въ Россіи.

Но и въ другихъ литературахъ мы не могли бы указать сколько-нибудь прогрессивныхъ вліяній романа.

И ихъ не могло быть.

О народной средѣ или даже просто о здоровомъ среднемъ обществѣ нечего и говорить: вся вертеровская природа здѣсь могла вызвать или недоумѣніе, или еще болѣе сильныя чувства. Для здравомыслящихъ бюргеровъ это было то же самое, что для французскихъ буржуа XVII-го вѣка салонный преціозный тонъ, т. е. сплошная глупость и комедіанство.

И дѣйствительно, мы знаемъ пьесу на тему вертеровой лихорадки, тожественную по содержанію съ *Смѣшными жеманницами* Мольера.

По существу, Вертеръ, какъ личность, могъ найти сочувствіе только въ выродившейся средѣ, у публики, нравственно и умственно немощной. На это именно указывали Лессингъ и Меркъ. Самый романъ слѣдуетъ считать однимъ изъ послѣднихъ дѣтищъ старой культуры, отживавшей свои дни, тунеяднаго, привиллегированнаго міра. Гёте лично пережилъ только совершенно неопасные симптомы недуга и быстро и легко перешелъ къ другимъ житейскимъ интересамъ и къ другимъ мотивамъ творчества.

Грѣхòмъ его было развить эти симптомы въ òбразахъ, силой

поэтическаго воображенія создать цѣльную художественно-реальную психологію и исторію и—соблазнить вертеровскими трогательными монологами, своего рода языкомъ сирены—многихъ «малыхъ сихъ».

Невольно припоминаются искреннія слова не менѣе геніальнаго, но несравненно менѣе олимпійскаго писателя. О если бы эта рѣчь не выходила изъ памяти всѣхъ, кто владѣетъ художественнымъ словомъ!

«Я смѣю сказать,—писалъ авторъ *Донъ-Кихота*,—если бы я какимъ-либо путемъ могъ предугадать, что мои сочиненія могутъ внушить читателямъ какое-либо преступное желаніе или дурную мысль, я скорѣе отрубилъ бы себѣ руку, написавшую ихъ, чѣмъ выпустилъ бы ихъ въ свѣтъ»...

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Théorie scientifique de la sensibilité: le plaisir et la peine*» *par Léon Dumont (Felix Alcan). (Научная исторія чувствительности).* Въ высшей степени интересное и серьезное изслѣдованіе эмоціи человѣка, ощущенія удовольствія и страданій. Первая часть книги посвящена опредѣленію чувствъ, эмоцій, чувствительности и эстетическаго чувства и критическому разбору различныхъ теорій: эпикурейской, картезіанской, позитивистской и т. д. Во второй части авторъ дѣлаетъ классификацію эмоцій и разсматриваетъ ихъ каждую въ отдѣльности. Въ послѣднихъ главахъ онъ говоритъ о заразительности эмоцій, о вліяніи эмоцій на волю и о вліяніи искусствъ. (Revue internationale).

«*Le crime et la folie*» *par H. Maudsley, professeur à l'Université de Londres (Félix Alcan). (Преступленіе и помѣшательство).* Знаменитый спеціалистъ по вопросамъ психіатріи разсматриваетъ въ своей книгѣ различныя формы помѣшательства и отношеніе къ нимъ законодательства Въ послѣдней главѣ, особенно интересной для неспеціалиста, онъ говоритъ о способахъ предохранить себя отъ помѣшательства.

(Revue internationale).

«*Les sens*» *par Bernstein, prof. à l'Université de Hall. (Чувства).* Эта книга касается такого отдѣла физіологіи, который особенно интересуетъ обыкновенныхъ читателей и который за послѣднее время всего болѣе разработанъ учеными. (Revue des Revues).

«*L'homme avant les metaux*» *par N. Joly, correspondant de l'Institut, prof. à la Faculté des sciences de Toulouse (Alcan). (Человѣкъ до металловъ).* Въ первой части книги авторъ говоритъ о древности рода человѣческаго, доисторическихъ эпохахъ и подробно разбираетъ работы Буше де-Пертъ. Во второй части, имѣющей не столь спеціальный характеръ и поэтому представляющей общій интересъ, авторъ говоритъ о первобытной цивилизаціи, о домашней жизни первобытнаго человѣка, первобытной промышленности, торговлѣ и навигаціи, искусствахъ, языкѣ, письмѣ и религіи, о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ и антропофагіи.

(Revue de deux Mondes).

«*La famille primitive, ses origines et son developpement*» *par C. N. Starcke, prof. l'Université de Copenhague (Alcan). (Первобытная семья; ея происхожденіе и развитіе).* Этотъ трудъ касается одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ соціологіи, образованія семьи. Въ первой части авторъ разсматриваетъ организацію семьи, собственности и наслѣдства у первобытныхъ или древнихъ народовъ. Во второй части онъ излагаетъ теорію первобытной семьи, ея происхожденія и эволюцію. Онъ изучаетъ послѣдовательно поліандрію и полигамію, матріархатъ и патріархатъ, право старшинства, право наслѣдства и различныя формы семьи у главныхъ расъ. Авторъ особенно интересуется происхожденіемъ и развитіемъ брака и тщательно развиваетъ систему экзогаміи и эволюціи брака. Въ заключеніе онъ развиваетъ теорію клана, племени и семьи, которая, какъ и его теорія брака, вызвала много споровъ. Во всякомъ случаѣ въ книгѣ автора заключается резюме всѣхъ главныхъ соціальныхъ вопросовъ нашего времени.

(Revue de deux Mondes).

«*L'evolution des mondes et des sociétés*» *par F. C. Dreyfus (Félix Alcan). (Эволюція міровъ и обществъ).* Авторъ дѣлаетъ попытку общаго синтеза естественныхъ явленій. Онъ выдѣлилъ въ области научныхъ явленій всѣ тѣ, которыя могутъ дать общее понятіе о происхожденіи міровъ, ихъ образованіи и концѣ и, опираясь на эти явленія, изобразилъ землю въ различныя эпохи, появленіе на ней человѣка и образованіе обществъ. По его мнѣнію, доктрина эволюціи, установленная на незыбле-

мыхъ основахъ прогрессомъ естественныхъ наукъ, объединила идею физической и соціальной вселенной и освѣтила связь, существующую между ея прошлымъ и настоящимъ, между такими эпохами, которыя до сихъ поръ считались неимѣющими между собою никакой связи. (Revue Blue).

«La vie du langage» par Whitney, professeur de philosophie comparée à Gale. Collège de Boston (Etats Unis). (Жизнь языка). Лингвисты долгое время расходились во мнѣніяхъ, слѣдуетъ ли разсматривать изученіе языка, какъ отрасль физики или исторіи. Авторъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу послѣдней и разсматриваетъ жизнь языка съ исторической и нравственной точки зрѣнія.

(Revue internationale).

«L'esprit et le corps» considérés au point de vue de leurs relations, suivi d'études sur les Erreurs, généralement repandues au sujet de l'esprit par Alex. Bain, prof. à l'Unversité Aberdeen (Ecosse) (Felix Alcan). (Духъ и тѣло съ точки зрѣнія взаимныхъ отношеній). А. Бэнъ продолжаетъ слѣдовать въ новомъ изданіи своей книги традиціямъ шотландской философіи и изучаетъ великую проблему души, преимущественно съ точки зрѣнія ея воздѣйствія на тѣло. Онъ дѣлаетъ историческій обзоръ всѣмъ теоріямъ о душѣ и о той связи, которая соединяетъ ее съ тѣломъ. Далѣе авторъ изучаетъ чувства, умъ и волю человѣка, причемъ высказываетъ очень оригинальныя и дѣльныя мысли и указываетъ на новое разрѣшеніе великой проблемы, которой онъ посвящаетъ свою книгу. (Revue internationale).

«Les illusions des sens et de l'esprit» par Iames Sully (Félix Alcan). (Иллюзія чувствъ и ума). Это изслѣдованіе касается очень широкой и важной области обмана чувствъ. Авторъ держится строго научной точки зрѣнія и потому, говоря о классификаціи и описаніи обмановъ чувствъ, онъ старается разъяснить происхожденіе этихъ иллюзій посредствомъ совершенно особыхъ физическихъ и психологическихъ условій. Отъ иллюзій въ бодрственномъ состояніи авторъ переходитъ къ иллюзіямъ во снѣ, затѣмъ къ иллюзіямъ памяти, вѣрованій, честолюбія и др. чувствъ.

(Revue internationale).

«Le cerveau et la penseé chez l'homme et chez les animaux» par Charlton Bastian, prof. à l'Université de Londres (Félix Alcan). (Мозгъ и мысль у человѣка и у животныхъ). Авторъ—одинъ изъ наиболѣе выдающихся и смѣлыхъ послѣдователей новой философской школы, разсматривающей психологію лишь какъ высшую часть физіологіи. Разсматривая различные классы животныхъ и постепенно достигая человѣка, авторъ указываетъ на усиленіе всѣхъ интеллектуальныхъ функцій по мѣрѣ восхожденія по лѣстницѣ животнаго царства. Наиболѣе интересны въ этой книгѣ главы, посвященныя обезьянамъ.

(Revue Internationale).

«Pasteur, histoire d'un esprit» par E. Duclaux, prof. à la Sorbonne (Masson et C°). (Пастеръ: исторія одного ума). Авторъ этой книги въ предисловіи говоритъ, что онъ назвалъ свое произведеніе «Исторіей одного ума» именно потому, что имѣлъ въ виду написать не только жизнь ученаго, его біографію, но и исторію его ума, его научную жизнь, представляющую удивительную стройность и гармонію. Авторъ старается прослѣдить самымъ тщательнымъ образомъ, какимъ путемъ зарождались въ умѣ Пастера идеи его великихъ открытій и даетъ полную картину эволюціи его опытовъ, такъ что книга его можетъ быть названа точною исторіей всѣхъ открытій, которыя произвели такой переворотъ въ химіи и медицинѣ и вознесли на такую высоту французскую науку.

(Journal des Débats).

«L'Acetylène» (historique, propriétés, fabrication, application) par Georges Dumont et Ernest Hubou (Edité par le Génie cèvil). (Ацетиленъ). Вопросъ объ ацетиленѣ составляетъ въ настоящее время злобу дня и поэтому, прежде чѣмъ вводить у себя освѣщеніе ацетиленомъ, не мѣшаетъ познакомиться съ этою маленькою книжкой, въ которой сообщаются всѣ свѣдѣнія, касающіяся свойствъ этого газа, его добыванія и т. д.

(Journal des Débats).

«Le Socialisme et la Congrès de Londres» étude historique, par A. Hamon Paris. Stock 1897. (Соціализмъ и лондонскій конгрессъ). Авторъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ описываетъ всѣ подробности лондонскаго конгресса и дѣлаетъ историческій обзоръ соціалистскаго движенія во всѣхъ странахъ. Книга драгоцѣнна, какъ документальное изслѣдованіе вопросовъ, мало извѣстныхъ публикѣ. (Journal des Débats).

«Aus Aller Herren Länder» von Kaethe Schirmacher. Lepzig 1897. (Впечатлѣнія изъ всѣхъ странъ). Авторъ—докторъ философіи цюрихскаго университета, г-жа Ширмахеръ, обнаруживаетъ рѣдкую культуру ума и космополитическое образованіе въ лучшемъ смыслѣ

этого слова, соединенное съ полнымъ отсутствіемъ педантизма. Передавая свои впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ ближайшаго знакомства съ характеромъ общественныхъ движеній различныхъ странъ, г-жа Ширмахеръ сообщаетъ очень много интересныхъ фактовъ, выказывая при этомъ большую наблюдательность и ширину взглядовъ.

(Journal des Débats).

«*Lois scientifiques du développement des nations dans leurs rapports avec les principes de l'hérédité et de la sélection naturelle*», *par W. Bagehot (Félix Alcan)*. (*Научные законы развитія націй и ихъ отношенія къ принципамъ наслѣдственности и естественнаго подбора*). Въ высшей степени интересная книга, изслѣдующая съ научной точки зрѣнія происхожденіе націй, борьбу и прогрессъ и образованіе народностей. Послѣдняя часть этого труда посвящена ученію явленій прогресса въ политикѣ.

(Journal des Débats).

«*La science de l'Education*» *par Alex Bain, professeur à l'Université d'Aberdeen* (*Ecosse*). (*Наука воспитанія*). Къ первой части авторъ разсматриваетъ вообще воспитательные методы, ихъ отношеніе къ физіологіи, воспитанію ума, чувствъ, памяти и воображенія. Вторая часть посвящена отдѣльнымъ методамъ въ различныхъ отрасляхъ научнаго литературнаго воспитанія. Въ третьей же части авторъ излагаетъ свой планъ современнаго воспитанія, соотвѣтствующій особеннымъ условіямъ современныхъ обществъ.

(Revue internationale).

«*Les sciences Sociales en Allemagne*, *par C. Bougle* (*Féliy Alcan*). (*Соціальныя науки въ Германіи*). Въ настоящее время соціологія уже зачислена въ ряды наукъ и во многихъ европейскихъ университетахъ учреждены каѳедры для преподаванія этой науки и издаются спеціальные журналы для выясненія и распространенія соціологическихъ вопросовъ. Въ названной книгѣ авторъ знакомитъ читателей со взглядами, господствующими въ Германіи относительно того, какъ слѣдуетъ изучать эту науку, и иллюстрируетъ германскіе соціологическіе методы обзоромъ произведеній Лазаруса, Зиммеля, Вагнера и фонъ-Игеринга. Въ этихъ писателяхъ, по словамъ автора, отражаются всѣ новѣйшія тенденціи соціологической науки въ Германіи. Всѣмъ изучающимъ соціологію и интересующимся соціальными явленіями можно рекомендовать эту книгу, какъ въ высшей степени добросовѣстное и основательное изслѣдованіе какъ соціальныхъ явленій, такъ и соціологическихъ методовъ.

(Journal des Débats).

«*The Balkans. By W. Miller*». *M. A. The of the Nations Series*. (*Fisher Unwin*) *London* (*Балканы*). Книга входитъ въ составъ библіотеки, носящей названіе «Исторія націй». Авторъ раздѣляетъ ее на четыре части и въ каждой даетъ отдѣльный историческій очеркъ четырехъ балканскихъ государствъ: Румыніи, Болгаріи, Сербіи и Черногоріи. Въ настоящее время, въ виду возобновленія восточнаго вопроса, книга представляетъ особенный интересъ. Исторія трехъ изъ этихъ четырехъ балканскихъ государствъ, представляетъ совершенно одинаковую картину: блестящій періодъ и затѣмъ глубокая тьма подъ давленіемъ турецкаго ига и, наконецъ, появленіе зари свободы. Самымъ интереснымъ изъ всѣхъ этихъ государствъ безспорно является Черногорія, исторія которой невольно привлекаетъ къ себѣ всѣ симпатіи читателя. Исторія всѣхъ четырехъ народностей написана очень живо и увлекательно и отличается большимъ безпристрастіемъ въ оцѣнкѣ событій и народнаго характера.

(Daily News).

«*Esquisse d'une philosophie de la religion d'après la psychologie et l'histoire*» *par Fishbacher Paris* (*Философія религіи согласно психологіи и исторіи*). Книга очень интересна не только по содержанію, но и по формѣ, представляя родъ экзамена совѣсти и интеллектуальной исповѣди, искренность которой производитъ глубокое впечатлѣніе на читателя. Авторъ въ самомъ началѣ заявляетъ, что всѣ усилія его интеллектуальной жизни были направлены къ тому, чтобы примирить между собою религіозныя убѣжденія, унаслѣдованныя имъ отъ предковъ, съ научною культурой, которую онъ заимствовалъ отъ своего вѣка; исходя изъ собственнаго опыта, авторъ предлагаетъ родъ положительнаго разрѣшенія великой проблемы нашей индивидуальной и соціальной жизни.

(Journal de Genève).

«*Men and Women of the Century*» *being a collection of Portraits and Sketches by Rudolf Lehmann*. (*Bell and Sons*) *London*. (*Мужчины и женщины нашего вѣка*). Очень изящно изданная книга, въ которой находятся портреты (около 80-ти) и факсимиле разныхъ болѣе или менѣе выдающихся мужчинъ и женщинъ нашего вѣка, вмѣстѣ съ обзоромъ ихъ

дѣятельности и значенія и краткими біографическими указаніями.

(Daily News).

«The Fall of the Congo Arabs» by Sidney Langford Hinde (Methuen and C°) 1897. (Паденіе арабовъ Конго). Какъ только было основано свободное государство Конго, борьба между западною цивилизаціей и восточнымъ варварствомъ сдѣлалась лишь вопросомъ времени. Авторъ книги, капитанъ Гинде, пробывшій очень долго въ центральной Африкѣ, говоритъ, что бельгійская экспедиція была заслугою передъ цивилизаціей и человѣчествомъ. Дѣйствительно, все, что онъ разсказываетъ о конгскихъ племенахъ, среди которыхъ большинство—закоренѣлыя каннибалы, заставляетъ желать, чтобы цивилизація распространялась быстрѣе въ Конго и прекратила бы возмутительные обычаи, до сихъ поръ еще остающіеся въ силѣ. Авторъ очень интересно описываетъ конгскія племена, ихъ нравы и обычаи, но подчасъ его описанія каннибальскихъ пировъ невольно приводятъ въ содроганіе. Интересно и очень живописно описаны также: африканскій лѣсъ и его обитатели-пигмеи (Батва). Во всякомъ случаѣ, книга капитана Гинде составляетъ очень цѣнный вкладъ въ современную литературу объ Африкѣ.

(Daily News).

«Le Tradeunionisme en Angleterre» par Paul de Roussiers (Armand Collin). (Синдикаты въ Англіи). Авторъ былъ командированъ въ Англію на счетъ соціальнаго музея для изслѣдованія англійскихъ рабочихъ синдикатовъ. Въ сопровожденіи своихъ четырехъ коллегъ авторъ объѣздилъ всѣ главные центры промышленности: угольные, караблестроительные, бумагопрядильные и т. п. Заключенія, къ которымъ приходитъ авторъ, весьма утѣшительны для англійскихъ синдикатовъ, имѣющихъ, по мнѣнію автора, хорошее будущее.

(Bookseller).

«The Knowledge of Life» by H. G Harald (Constable and C°). (Знаніе жизни). Авторъ дѣлаетъ попытку разрѣшить проблему жизни и хотя, конечно, онъ ея не разрѣшаетъ, но выводы, къ которымъ онъ приходитъ, довольно оригинальны и даже поучительны. Авторъ проникнутъ надеждой, что человѣчество возродится снова послѣ гибели современнаго почти уже сгнившаго общества и на развалинахъ стараго возникнетъ новое зданіе, такъ какъ ходъ прогресса не остановится и дальнѣйшимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ нравственной эволюціи будетъ уравненіе въ области воспитанія, правъ и обязанностей.

(Bookseller).

«Wanderland»; or Curiosities of Nature and Art. By Wood Smitt. Nelson and Sons. (Страна чудесъ). Интересная книга, въ которой описываются занимательныя приключенія въ различныхъ частяхъ свѣта и наблюденія надъ въ высшей степени странными и рѣдкими животными и птицами. Читатель знакомится съ оригинальными способами путешествія и охоты въ Тибетѣ, Японіи, Арменіи, Южной Африкѣ и т. п. Книга снабжена прекрасными иллюстраціями, безъ сомнѣнія, увеличивающими ея инресъ.

(Bookseller).

«The Earth and Its Story» by Angelo Heilprin (Barnelt and C°). (Земля и ея исторія). Авторъ книги—профессоръ геологіи въ академіи естественныхъ наукъ въ Филадельфіи, очевидно, имѣлъ цѣлью написать такую книгу по геологіи, которая была бы доступна не только изучающимъ эту науку, но и просто любителямъ. Этой цѣли онъ достигъ.

(Bookseller).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

---

16) **Моя библіотека. Ж. Б. Мольеръ. Мѣщанинъ въ дворянствѣ**, пер. В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика. Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

17) **Письма объ эстетическомъ воспитаніи.** Изд. 2-е журнала «Міръ Божій». 1896 г. М. Ц. 40 к.

18) **Очерки пушкинской Руси.** Изд. журн. «Міръ Божій». Спб. 1896 г.

19) **Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ.** (1851—1864 гг.). Изданіе **О. Н. Поповой,** цѣна 1 р. 25 к. (стр. X + 293).

СОДЕРЖАНІЕ: I. **Гимназія.** Поступленіе въ гимназію. Домашняя подготовка.—Попечитель Мусинъ-Пушкинъ.—Переходъ въ III гимназію.—Ея характеръ.—Директоръ Ѳ. И. Буссе.—Классическій характеръ гимназіи.—Г. И. Лапшинъ.—Учитель греческаго языка.—Постановка языковъ новыхъ и исторіи.—Русскій языкъ въ младшихъ классахъ.—В. Я. Стоюнинъ.—Послѣдній годъ пребыванія въ гимназіи (1857—1858 гг.).—Выпускъ 1858 г.—Общій выводъ о гимназическомъ образованіи. II. **Университетская наука.** Общія замѣчанія о Петербургскомъ университетѣ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ.—Характеръ преподаванія.—Характеристики профессоровъ: М. М. Стасюлевичъ, М. С. Куторга, Н. И. Костомаровъ, Н. М. Благовѣщенскій, А. В. Никитенко, И. И. Срезневскій, А. Н. Пыпинъ.—Благодарная память университету. III. **Университетскій кружокъ.** Экономическое положеніе студентовъ.—«Мыслящій пролетаріатъ».—Мое вступленіе въ кружокъ.—Характеръ кружка.—Характеристика нѣкоторыхъ изъ его членовъ.—Вліяніе на меня Бѣлинскаго, Пирогова и «Современника».—Увлеченіе театромъ и итальянской оперой.—Вліяніе на меня моего дяди. IV. **Василеостровская школа.** Неудовлетворенность нашего кружка «разговорной дѣятельностью».—Критикъ и скептикъ кружка Н. Н. Страннолюбскій.—Таврическая школа.—Возникновеніе объ учрежденіи своей школы.—Участіе К. Д. Кавелина въ осуществленіи этой мысли.—Подготовительныя собранія передъ учрежденіемъ школы.—В. И. Струбинскій и Н. М. Пальминъ.—Открытіе школы и неопредѣленный ея характеръ. V. **Ѳ. Ѳ. Резенеръ.** Появленіе его въ школѣ.—Біографическія о немъ свѣдѣнія.—Роль его на нашихъ собраніяхъ.—Оживленіе послѣднихъ,—Вступленіе въ школу А. Я. Герда.—Отношеніе Резенера къ школѣ и дѣтямъ.—Отношеніе его къ намъ, студентамъ.—Воспоминанія о Резенерѣ его бывшихъ учениковъ: покойнаго художника В. С. Шпака и инженера В. В. Оглоблина.—Закрытіе Василеостровскаго училища.—Дѣятельность Резенера въ качествѣ воспитателя въ «Колоніи малолѣтнихъ преступниковъ».—Послѣдніе годы его жизни.—Воспоминанія о Резенерѣ, какъ о воспитателѣ въ семействѣ.—Смерть. VI. **Переходный періодъ 1862—1864 гг.** Частные уроки: сенаторскіе: у А. К. Гирса и В. И. Латкина. Мои занятія для подготовки къ урокамъ и учительской дѣятельности вообще.—Увлеченіе народной литературой.—П. И. Якушкинъ и Ѳ. Г. Толль.—Двѣ мои первыя взрослыя ученицы.—Первый опытъ оффиціальной педагогической дѣятельности: паксіонъ В. В. Швидковской.—Попытки поступить на государственную службу: А. С. Вороновъ и директриса Смольнаго института Леонтьева.—Журнальная дѣятельность въ «Библіотекѣ для чтенія» П. Д. Боборыкина.—Устройство библіотеки В. К. Макалинской и приглашеніе меня учителемъ въ 1864 г. въ I-ю военную гимназію. VII. **Тридцать лѣтъ назадъ (1864 г.)**—общій очеркъ тогдашней педагогической жизни.